

Чарльз де Линт Волчья тень

Легенды Ньюфорда – 11

Вычитка – Георгий <http://oldmaglib.com/>
«Волчья тень»: Азбука-классика; СПб.; 2007
ISBN 978-5-352-02139-2
Оригинал: Charles de Lint, “The Onion Girl”
Перевод: Галина Соловьева

Аннотация

Чарльз де Линт – всемирно известный писатель, автор знаменитого цикла «Легенды Ньюфорда».

В своих произведениях де Линту удастся мастерски сочетать элементы магического реализма, мистики и триллера. Богатство языка, тонкий психологизм образов и непредсказуемость сюжетных ходов снискали этому автору любовь миллионов читателей по всему свету.

Таинственная авария ставит под угрозу жизнь известной художницы Джилли Копперкорн. Ее лучшие полотна жестоко погублены загадочным злоумышленником. Кто мог желать зла безобидной Джилли? Кто хотел сломить ее гений? Находясь на волосок от смерти, художница обнаруживает в себе способность пересекать границу реальности и в поисках ответов переносится в мир снов. Но там, где оживают прежние страхи, прошлое, словно кровожадная волчица, выходит на охоту. Оно гонится по пятам и требует расплаты, заставляя снова и снова испытывать ужас, казавшийся давно забытым. Чтобы вырваться из мира снов, нужно спастись от волчьей тени. Но что если это твоя собственная тень?

**Чарльз Де Линт
Волчья тень**

Всем, кто, несмотря ни на что, сумел сделать правильный выбор

От автора

Надеюсь, постоянные читатели моих книг простят мне повторение нескольких страниц из рассказа «В доме врага моего». У меня не хватило мужества, возвращаясь к прошлому Джилли, передавать его другими словами. Хватит с нее и того, что ей пришлось пережить в этом романе.

Особая благодарность – Холли Коул, которая если и не сама написала песню «Девочка-Луковка» («The Onion Girl»), вдохновившую меня на создание этой книги, то, безусловно, сделала ее своей в альбоме «Милое темное сердце» («Dark Dear Heart»); Фреду Иглсмиту за все те клочки с задворок жизни, которым он придает такую трогательную реальность, а также за разрешение использовать не появлявшуюся в записи песню «Это ты» («It Was You»); Джейн Б. Уинанс, которая передала мне соображения своего преподавателя по поводу сказок; Джиллиан О'Мигер, отважно поделившейся со мной собственным ужасным опытом человека, выжившего после автокатастрофы; Полу Брендану, напомнившего мне о дружбе Джилли и Натти; Эндрю и Алисе Вакс – Эндрю за постоянную поддержку и Берка, Алисе за увлекательные рассказы о животных; Хани Вакс, вдохновлявшей меня; Дэвиду Тамулевичу и Кэт Элбридж, благослови их Бог, за великолепные компакт-диски; Чарльзу Вессу, Роджеру Тернеру, Пэт Кэвин, Терри Уиндлинг, «Кунциз» и «Ред рок гёрлз» за доброту, которая помогает мне оставаться в здравом уме (или быть счастливым в своем безумии, что тоже вполне возможно); Карен Шафер, которая храбро поделилась собственным опытом, правила рукопись, и вообще за то, что она – это она в своих красных тапочках; и Мэри Энн, как всегда, за любовь, утешение, поддержку, за острый читательский глаз и за то, что заставила меня дописать те две главы.

Тем читателям, которые продолжают писать мне и расспрашивать, какая музыка меня вдохновляет, могу сообщить, что это в первую очередь Холли Коул и Фред Иглсмит, уже упомянутые выше (кстати, я охотно послушал бы песни Фреда в исполнении Холли). Кроме того, на меня произвели впечатление многие другие альбомы. За последние полтора года, пока я писал эту книгу, я слушал среди прочего: «Ни там, ни здесь» («Places In Between») Терри Хендрикс; «Обет» («Covenant») и «Выше и ниже» («Over and Under») Грега Брауна; «Трансцендентальный блюз» («Transcendental Blues») Стива Эрла; «Зеленый мир» («The Green World») Дара Уильямса; «Слишком много всего» («Too Much Plenty») Бекки Хемингуэй; «Где-то под Патерсоном» («Somewhere near Paterson») Ричарда Шиндел-ла; «Кулаки потопа» («Fists of Flood») Дженнифер Дэниэлс; «Перелом» («Broke Down») Слайда Кливза; и «Хватит» («To the Teeth») Ани Ди Франко.

Однако когда я сажусь за наброски и черновики, то чаще слушаю инструментальную музыку или песни на непонятном мне языке. Из мелодий мира и кельтской музыки я слушал: Роберта Майклза, Кевина Кроуфорда, «Луназу» (бесспорно, моя любимая из кельтских групп – спасибо, Пол, что познакомил меня с ними); Кэтрин Тикелл; Лайзу Линн; «Возвращаясь в Брайз» («Back to Breizh») Алана Стивелла; «Тонические поэмы III» («Tone Poems III») (слайдовая и резфоническая гитары и мандолина Дэвида Гризмана); Ким Анжелис; «Небольшое разочарование» («Small Awakenings») Кэтрин Бриггз; «Волынку» («Pipeworks») – чудесный компакт-диск с записями нортумбрийской волынки Джимми Янга из «Руа»; «Лос Лобос»; Лилу Дауне (у нее голос латинского ангела, если не демона); Бади Ассада... словом, сами видите, я со многими пообщался.

В последние годы я, кроме того, заново открыл для себя, какую радость доставляют записи Билла Эванса для «Риверсайд», особенно «Лунный луч» («Moonbeams») и «Как поет мое сердце!» («How My Heart Sings!»). Я слушаю «Вдали от Миссури» («Beyond the Missouri Sky») Чарли Хейдена и Пэта Мэттини; «Славный пес», «Счастливчик» («Good Dog», «Happy Man») Билла Фризелла и «The Tatum Group Masterpieces Volume 8» с Беном Уэбстером. Еще

я постоянно возвращаюсь к записям Майлза Дэвиса, Оскара Петерсона, Телониуса Монка и Лестера Янга.

Это только то, что первым приходит в голову, но, надеюсь, я сумел показать, сколько радости приносят мне эти музыканты.

Чарльз де Линт, Оттава, осень 2000

В сказках реки наполнены вином, чтобы на одно безумное мгновение напомнить нам, что в них течет вода.

Г. К. Честертон. Ортодоксия

Говорил ты, мечты сбываются, Говорил, и мои исполнятся, Говорил, надо ждать и надеяться. Это все говорил ты, ты... Так за что твои замки воздушные схоронили меня под руинами?

Фред Иглсмит. Это ты

Настоящая семья та, которую мы выбираем сами.

Эндрю Вакс

Джилли

Ньюфорт, апрель 1999-го

Однажды давным-давно...

Не знаю, что заставило меня обернуться. Должно быть, какое-то шестое чувство, от которого волосы на затылке встают дыбом. Фары. Их свет заполняет весь мир, я застыла в их лучах, как олень, застигнутый на дороге. Не могу двинуться с места. Машина пытается свернуть, но поздно.

Как-то чудно все замедляется. Кажется, времени хватит на что угодно, а ведь его совсем не осталось. Я жду, когда же вся жизнь промелькнет у меня перед глазами, но по-прежнему вижу только надвигающиеся фары.

И визг шин.

И порыв ветра.

И удар.

2

Однажды давным-давно...

Так они все начинаются, старые сказки, которые я читала в детстве. И правильно начинаются, потому что сразу понимаешь, что сейчас тебя перенесут в *другой мир*.

Так вот.

Давным-давно жила была девочка, которая согласилась бы жить где угодно, только не там, где жила. А еще больше ей хотелось найти путь в другой мир, лежащий за пределами этого: в тот дивный мир, о котором она читала в книжках. Она заглядывала в старые шкафы и не пропускала ни одной кроличьей норы. Она пробовала тереть каждую старую лампу, какая попадала ей в руки, и загадывала, загадывала желания...

Я всегда знала, что есть другой мир, где обитают духи сумерек, которых можно заметить только краешком глаза, эльфы и еще более удивительные создания, видимые

только случайно, мельком: шепотки и мелькание теней – вот они есть, а вот их нет, стоит только посмотреть в их сторону.

Правда, я не всегда умела найти их. А когда научилась, долго думала, что это просто избыток воображения просачивается из моей головы в окружающий мир.

С точки зрения того, что профессор Дейпл называет общепринятой реальностью, – имея в виду, что мир таков, как он есть, потому что все мы согласились считать его таким, – можно сказать, что я ношу в себе волшебный мир, невидимый для тех, кто живет рядом со мной. Станный и удивительный мир, в котором неправдоподобное становится не просто возможным, а вполне вероятным. И не важно, что по большей части никто, кроме меня, не способен его увидеть, хотя я, может быть, потому и начала рисовать, что хотела показать всем остальным тот чудной уголок действительности, в котором я живу.

Краешком глаза я замечаю то, чего вроде бы не должно быть, но есть, хотя бы на миг. На блошином рынке почерневший чайник оборачивается барсуком и спешит прочь, перебирая короткими лапками. Поздно ночью на подоконник детской на втором этаже, над китайской бакалейной лавочкой, напротив моей студии, опускается потерявшийся мальчик, и крошечная искорка пляшет у него над плечом, когда он заглядывает внутрь сквозь толстые стекла. Еще позже мне слышен приглушенный стук копыт по мостовой, и, выглянув в окно, я вижу страшного карлика, которого Кристи называет Долговязым, верхом на свинье Бригвин. Он спешит на ярмарку гоблинов и вертит в пальцах спутанные волосы, управляя ветром.

Да, и горгульи... Сидят на своих высоких насестах, притворяются каменными, а сами ведут долгие беседы с голубями и воронами. Я вижу, как они украдкой шевелятся и замирают, лукаво скосив глаза, стоит им заметить мой взгляд.

Но меня всегда отличало богатое воображение, и прошло много лет, прежде чем я осознала, что большинство людей не умеют видеть тех странных чудес, которые заметны мне. Я долго считала, что они видят, но не хотят признаваться.

Только беда с волшебством в том, что оно почти ни в чем не помогает. Когда дела плохи, мало проку с того, что ты замечаешь эльфов на свалке и ворон, которые умеют превращаться в девчонок и обратно. Нужного волшебства вечно не оказывается под рукой. Три желания, джинны в бутылках, семимильные сапоги, плащи-невидимки и прочее остаются в сказках, а здесь, в большом мире, нам приходится изворачиваться как умеем, своими силами.

3

Мир, когда я открываю глаза, весь размяк. Веки слипаются, в глазах словно песок, и все расплывается. Цвета тусклые, в ушах пробки. Я отдельно, а мое тело отдельно. Я это осознаю, но тело больше не хочет возвращаться ко мне. Оно расплывается, как и все остальное. И мне тоже не хочется возвращаться в свое тело, которое готово открыть для меня мир боли.

Я смутно ощущаю, что в носу у меня что-то вставлено. В руке игла капельницы. И руки-ноги тяжелые, как не знаю что.

Я понимаю, что, должно быть, я в больнице.

В больнице? С чего бы мне быть в больнице?

Я слышу тихий жалобный всхлип и понимаю, что всхлипываю я сама. Тут же перед глазами появляется огромное лицо. Черты его неясны. Постепенно лицо принимает обычные размеры, но все равно расплывается.

– С-софи?..

Не голос, а еле слышный шорох. Губы тоже меня больше не слушаются.

– Ох, Джилли, – говорит она.

От ее голоса у меня из ушей выскакивают пробки. Слух проясняется. Я должна ей что-то рассказать. Свой сон.

– Мне... как-то... чудно...

– Все будет хорошо, – говорит она.

Теперь я вспоминаю, что мне снилось. Головокружение и странные ощущения уходят или, пожалуй, отступают вдаль, словно я смотрю на них с обратного конца подзорной трубы. Я пробую сесть, но не могу даже приподнять голову. Но и это меня не тревожит.

– Я побывала там, – говорю я ей. – В Мабоне. Я наконец нашла дорогу в страну твоих снов.

Кажется, Софи готова заплакать. А ведь ей бы радоваться за меня. Мне всегда хотелось попасть туда, в ее мир-собор, где все выше, больше, ярче – величавее, чем здесь. Она во сне переносится в город Мабон и ведет там настоящую, очень увлекательную жизнь. Кристи называет это многосерийными снами, когда, засыпая, каждый раз возвращаешься на то же место, где проснулась накануне, но это не так просто. А как, никто из нас толком не понимает. Я всегда верила, что город существует на самом деле, а теперь знаю наверняка, потому что сама там побывала.

– Я тебя не нашла, – говорю я ей. – Бродила там целую вечность, но кого ни спросишь, все тебя знают, а где ты – сказать не могут.

– Я была здесь, – говорит Софи. – С тобой. В больнице.

Тут что-то непонятное.

– Я как раз думала об этом, – говорю я. – Кто заболел?

– Несчастный случай, – начинает Софи. – Какая-то машина...

Я отключаюсь. Машины мне не нравятся. С ними связано что-то плохое, только я не помню что.

– Джилли?

Я пытаюсь сосредоточиться на ее голосе, но во мне вдруг открывается огромная пустота, и меня затягивает в нее...

Вниз, вниз, вниз...

4

«Где же эта сиделка?» – думала Софи Этуаль, оглядываясь через плечо на дверь палаты Джилли. Кажется, прошло сто лет, как она нажала кнопку вызова.

Она снова повернулась к Джилли, смахнула влажную прядь со лба подруги. Джилли опять впала в беспамятство, но хоть дышала теперь нормально. Доктор говорил, что когда она выйдет из комы, то скорее всего снова потеряет сознание, но это будет больше похоже на сон. Только бы не оказалось, что она парализована.

Тот звонок три ночи назад – самый страшный из сбывшихся кошмаров. Джилли вечно бродила по городу в любое время дня и ночи, вовсе не думая об опасности. Софи всегда говорила, что рано или поздно она попадет в беду, но ей скорее представлялось нападение, а не такое: машина на улочке в Нижнем Кроуси сбила и даже не остановилась. Сколько раз Софи шутила, что за Джилли, должно быть, приглядывает ангел-хранитель. Ну если так оно и было, то ангел, верно, взял выходной или просто иссякло отпущенное Джилли везение.

Софи больно было смотреть на подругу. Джилли. Всегда живая, натянутая как струнка. Сейчас ее не узнать. Бледная, темнеет только синяк на лице, слева. Этим местом она ударилась об асфальт, когда падала. Врачам пришлось сбрить волосы над ухом, чтобы как следует очистить рану. Левая рука и правая нога в гипсе, а туловище стянуто бинтами, потому что ребра переломаны. От ноздрей тянутся трубки, подключенные к выводу централизованной подачи кислорода в стене. Другие трубки спускаются от пластикового мешка укрепленной на штативе капельницы. Провода связывают Джилли с аппаратами, которые столпились у кровати, словно зеваки, и переговариваются миганием лампочек и гудками. Тройная волна пробегает по экрану, отмечая ритм сердцебиения.

Софи здесь было не по себе. Она с Венди и другими подругами Джилли по очереди

дежурили возле нее, пока она лежала в коме, и Софи была счастлива, что хоть чем-то может помочь. Но ей приходилось помнить, как странно ведут себя рядом с ней всякие механические и электронные приборы. Электронные часики у нее на руке выкидывали цифры словно наугад, а обычные часы начинали идти в обратную сторону. Как-то она умудрилась загубить Кристи жесткий диск, просто включив компьютер. Ее телевизор, не подключенный к кабельной сети, каким-то образом принимал программы кабельного телевидения. Оно бы и неплохо, если бы он к тому же не своевольничал со сменой программ.

Джилли, впервые услышав об этом свойстве Софи, тут же объявила, что подруга должна обязательно дать ему имя. Что-нибудь необычное и не слишком мрачное.

– Только не хватало заводить с ним дружбу, – возразила тогда Софи. – Чтоб оно ко мне навек привязалось?

– Тут дело не в том, уйдет оно или останется, – объяснила Джилли. – Понимаешь, это ведь часть тебя. Так тебе будет проще говорить об этом. Знаешь, вроде нашего тайного кода.

Коды Джилли любила почти так же сильно, как тайны, и Софи после долгих разговоров на эту тему сдалась. Она выбрала имя Джинкс, звучавшее довольно приятно и в то же время напоминавшее об опасности*.¹ И вправду оказалось проще, хотя бы в кругу своих. Когда речь заходила о том, что Софи не стоит доверять какие-либо механизмы, достаточно было сказать «Джинкс».

Однако, наделив неприятность именем и личностью, Софи так и не научилась с ней справляться и в таких случаях, как сейчас, продолжала нервничать. Конечно, она не только не прикасалась, но старалась даже близко не подходить к приспособлениям, поддерживавшим жизнь подруги. Вот разве что кнопка вызова... Неужто и она зашалила? Или просто сиделка занята в другой палате отделения интенсивной терапии? Софи уже решила попробовать еще раз, когда в палату торопливо вошел медбрат.

– Простите, – сказал он. – Я задержался, потому что у другого пациента разладилась система вентиляции, а здесь, судя по монитору, все спокойно.

«Джилли порадует, когда увидит, кто за ней ухаживает», – решила Софи, впервые увидев этого парня. Дэниель был красив, как доктор из мыльной оперы: высокий, темноволосый, с легкой улыбкой и мягким взглядом. Если уж пришлось заболеть, неплохо получить в сиделки сказочного принца.

– Вы меня вызывали? – спросил он.

На Софи он не смотрел: его взгляд пробежал по экранам приборов и остановился на изуродованном синяком лице Джилли. Парень явно был озабочен, и Софи поспешила успокоить его, объяснив, что случилось.

– Она не бредила? – спросил медбрат.

Софи невольно усмехнулась. Имея дело с Джилли, трудно ответить на такой вопрос. Она все же кивнула:

– Немножко путалась, но меня узнала сразу и поняла, что находится в больнице. Только до нее, кажется, не доходит, что она пострадала.

– В таких случаях это обычное дело, – ответил Дэниель. – Бывает некоторая дезориентация, иногда даже амнезия, но, как правило, все быстро проходит. Вызову врача, чтобы тот ее посмотрел.

И он снова исчез.

Софи повернулась к подруге. Какая она сейчас хрупкая: лежит, как сломанная кукла. Ее бесхитростное лицо уже не кажется таким обмякшим, как в коме. Теперь она просто спит. Но все равно сердце разрывается, как подумаешь, что с ней сделали и сколько еще труда предстоит Джилли, чтобы снова стать собой. Они с ней как сестры. Даже роста одинакового, обе тоненькие, только Софи в груди попышнее. И волосы у нее каштановые и лежат кудряшками, а тугие колечки на голове Джилли капельку темнее. Венди сравнивала живое

¹ *Jinx* – человек или вещь, приносящие несчастье; проклятие, злые чары (англ.)

смышленное личико Джилли с лицами фей на картинах Рэкхема*,² а более мягкие черты Софи вызвали в памяти прерафаэлитские портреты. Но посторонние часто путали Джилли и Софи, а когда их поправишь, ссылались на чуть ли не фамильное сходство.

Венди, третья в их крошечном содружестве «маленьких свирепых женщин», как называла их Джилли. Светловолосая, так что ее легче было отличить, но с такой же фигурой и такая же кучерявая. По крови они не родня, но все равно сестры. Вступали в их содружество и другие, становясь близкими и любимыми, спорить нечего, но они трое были ядром, корнем, из которого вырастали и расцветали остальные связи.

Привстав с краешка кровати, Софи наклонилась и тихонько коснулась губами лба Джилли, а потом вышла из палаты, чтобы позвонить.

– О господи, наконец-то, – вздохнула Венди. – Лучший рождественский подарок на свете.

Софи рассмеялась:

– А между тем еще и лето не началось.

Радость Венди передавалась ей даже по телефонному проводу. Ничего удивительного. У нее самой точно гора с плеч свалилась, и хотелось смеяться без особых причин. Даже телефон сегодня вел себя пристойно: позволил поговорить с Венди, не предлагая взамен незнакомых людей из Японии или Германии.

– Я еду, – сказала Венди.

– Она спит, – предупредила ее Софи.

– Ну и пусть спит. Я так беспокоилась!

Это Софи понимала. Никто из них даже думать себе не позволял, что Джилли не выкарабкается, но в подсознании мысль все-таки маячила. Жить без Джилли – это и представить себе было невозможно, однако, как кто-то когда-то сказал, только в сказках все кончается хорошо, а у жизни свой распорядок, и планы людей в нем не учитываются.

– Я еще кое-кому позвоню, – сказала Софи. – А ты не могла бы прежде, чем выедешь, сообщить Кристи и, пожалуй, Сью? А я позвоню профессору и остальным.

– Не забудь о Лу.

– Не забуду.

– И об Анжеле, и...

– Венди!

– Ладно, ладно. Звоню и сразу еду.

Вешая трубку, Софи улыбалась. Скорила телефону еще один четвертак и набрала следующий номер из списка.

«Будь умницей, телефон, – думала она. – Не доставляй мне сегодня хлопот».

В кои-то веки техника ее слушалась.

Вернувшись в палату, Софи застыла в дверях, потому что за окном ей померещились два темных девчоночьих личика, прижавших носы к стеклу. Волосы у обеих топорщились, как ежовые иголки. Она поморгала, не веря своим глазам, и лица пропали.

Софи подбежала к окну, выглянула, но там, конечно, никого не оказалось. Реанимация находилась на четвертом этаже, и пожарной лестницы у этого окна не было. Подняв взгляд, Софи увидела пару ворон, скрывающихся за крышами Кроуси.

Джилли сказала бы, что у нее побывали девочки-вороны, но Софи с панталыку не собьешь. Просто-напросто необычное отражение в стекле. Да, у нее тоже бывали увлекательные сны, но она не собиралась допускать их в Мир Как Он Есть, как выражался профессор. Джилли из-за этого здорово злилась, но Софи видела в мире только те чудеса, которые люди делали друг для друга. А все-таки что-то странное ей мерещилось...

«Просто ты давно не высыпалась как следует», – сказала она себе, растирая виски.

² Рэкхем Артур (1867–1939) – крупнейший английский художник-иллюстратор

Тут вошел доктор, и дальше она думала только о том, что он ей скажет, осмотрев Джилли.

5

Однажды давным-давно...

Лес с самого начала кажется мне знакомым, но я не сразу понимаю почему. Я стою, затерявшись среди деревьев-башен, окруживших меня со всех сторон. Таких огромных и странных деревьев просто не бывает. И совсем нет подлеска, только эти исполины, такие толстенные, что и впятером не обхватишь. Сквозь кроны пробиваются лучи золотого света, и тогда я понимаю, где очутилась. Свет как в соборе. Собором я называю мир, по которому ночами странствует Софи.

Я снова в стране снов. Мир-собор.

Только не город Мабон, основанный здесь Софи, а другое такое же волшебное место. Как ему не быть волшебным, с такими-то деревьями. Должно быть, они родня тем, которые Джек Доу называл вечными. Гигантская поросль первого леса новорожденного мира. Даже не верится, что я наконец-то нашла дорогу в другой мир. Правда, я предпочла бы добраться сюда во плоти, но и во сне не многим хуже. Хорошо бы научиться загадывать место, куда я хочу попасть. Софи ведь умеет. Надо спросить, как она это делает.

Мысль о Софи напоминает мне, что я только что ее видела... или это тоже было во сне? Она и вправду казалась не похожей на себя. Прежде всего очень уж грустной. Я понимаю, что не все обязаны быть такими веселыми, как я обычно, но хоть немного порадоваться тому, что я тоже научилась переходу в этот мир, она могла бы, верно? Ведь теперь у нас будут общие приключения. И наконец-то я познакомлюсь с ее таинственным приятелем Джэком, красавчиком вороном, какого только в Мабоне и встретишь.

Иногда я ее просто не понимаю. Как может отрицать волшебство человек, в котором его полным-полно? С первого взгляда видно, что в ней – кровь эльфов, что она не менее волшебное существо, чем все, кого мы встречаем в ее мире-соборе или за его пределами.

Сквозь мое блаженство пробивается маленькая кусачая мыслишка. О нашей последней встрече. Мне вспоминается, как Софи начала говорить что-то об аварии и машинах, но мне не хочется возвращаться туда. Не хочется впускать Мир Как Он Есть в окружающее меня волшебство.

Я глубоко вдыхаю и оглядываюсь по сторонам, изгоняя мысли обо всем, кроме того, что происходит со мной сейчас. Хочется существовать во времени дзен. Ни прошлого, ни будущего. Только сейчас, только здесь.

Я думаю, что совсем одна, пока до меня не доносится запах сигаретного дыма. Медленно оборачиваюсь и вижу тонкую струйку, поднимающуюся из-за ближнего ствола. Что-то новенькое – это здорово. Скорее туда. Подхожу и вижу парня, который сидит, прислонившись к дереву и раскинув ноги. На нем джинсы, рабочие сапоги с отвернутыми голенищами и футболка с линялой неразборчивой надписью. Ого, у него еще и голова волка или койота, но я все равно его узнаю.

– Привет, Джо. Давно не виделись.

Только Джозеф Шалый Пес способен в стране снов напаялить футболку с надписью: «Не! Покупай! Китай!» Как будто здесь кому-то есть дело до бойкота товаров.

Он не то что Софи, не скрывает своего происхождения из мира снов. Забавно, что никто не обращает на это внимания. Для большинства людей он – просто городской индеец, сбежавший из резервации, живет на улице и валяет дурака. А кое-кто знает его как Костяшку, того, что сидит в парке Фитцгенри и предсказывает будущее по горсточке птичьих или крысиных костей, от которых и получил свое прозвище. Раскидывает их на оленьей шкуре и рассматривает, как они упадут. Вычитывает рассказы о том, что было, есть или может случиться.

Волчья голова тает у меня на глазах, превращаясь в знакомое лицо, скуластое, с темной бронзовой кожей. Квадратный подбородок, широко расставленные глаза, плоский нос. Длинные черные волосы заплетены в косу, украшенную бусинами и птичьими перьями. Я всегда любила его глаза. Подвижные как ртуть. Вот он – шут, а вот – мудрец. Поймать его взгляд и перенести на портрет невозможно. Я-то знаю, не раз пробовала.

В ответ на мое приветствие Джо передергивает плечами и еще разок затягивается. Я подсаживаюсь к нему.

– Ты же знаешь, как оно выходит, – отзывается он наконец. – Я то там, то здесь, а ты все занята.

– Похоже, я всегда занята. Может быть, я слишком много времени трачу, пытаюсь слишком много сделать для слишком многих.

– Не ты первая, хотя ты в этом деле преуспела больше других. Может, через этот несчастный случай духи хотели сообщить тебе, что для разнообразия неплохо бы потратить немножко времени на себя. Знаешь, вроде вручения повестки через полицейского.

– Какой еще несчастный случай?

– О чем я и говорю. Ты совершенно не обращаешь внимания на собственные дела.

Иногда его манера говорить загадками меня просто бесит.

– Это что – очередной урок? – спрашиваю я.

Джо уже пару лет занимается со мной понемножку, хочет подготовить к тому, чтобы я попадала в мир духов, как он, во плоти. Все началось с долгого разговора. Тогда Зеффи и Ниа заблудились в ином мире. Джо собирался их искать, и я попросила его взять меня с собой, а он отказался.

Он ответил:

– Для всякого опасно переходить туда в собственной шкуре, но для тебя особенно. Ты для духов как магнит, Джилли. В тебе слишком яркий свет. Я уже говорил, что могу научить тебя находить дорогу в тех местах, но мне нужно несколько лет, чтобы подготовить тебя как следует.

– Софи переходит просто так, – заспорила я.

– Это точно, – согласился он. – Только она попадает туда не в собственной шкуре. Она переходит во сне – и неудивительно, раз она светится почти так же ярко, как ты, – и для тебя, пока ты не узнаешь побольше, это тоже единственный способ.

– Но мне никогда такое не снится.

– Может, ты просто не помнишь, – ухмыльнулся он, и его глаза с сумасшедшинкой тоже усмехались. – Откуда-то ведь берется тот свет, который ты в себе носишь. Мне не часто приходилось встречать людей, которые светились бы так ярко, не познакомившись прежде с парой-тройкой духов.

– Может быть, – вздохнула я, – только мне хотелось бы самой решать, когда с ними встречаться.

– Придется тебе принимать то, что выпадает на твою долю. Многим и того не дано, а если и случается что-нибудь, то они не замечают этого или портят все объяснениями.

– Не думай, что я неблагодарная, – говорю я ему теперь. – Я очень рада, что попала сюда, и не важно, каким путем. Но хочется узнать побольше. Научиться попадать сюда снова по желанию. Как ты, по-настоящему.

– А сейчас не по-настоящему? – спрашивает он.

– Ты же знаешь, что я имею в виду. Он кивает:

– Пожалуй, знаю, – тушит сигарету о подошву и прячет бычок в карман. – Нам всегда хочется больше, чем имеем.

– Не хочу показаться жадной, – говорю я ему, – но мне не нужны две жизни, как у Софи: одна в Мире Как Он Есть, а другая здесь. Я бы чувствовала себя шизофреничкой. Не понимаю, как Софи справляется.

– Для нее одна жизнь настоящая, – объясняет Джо, – а другая – сон. Она раскладывает все пережитое там и здесь по разным ящичкам, вот и выходит аккуратненько.

Ну да, точь-в-точь Софи. Она такая же аккуратистка, как я – неряха. Как ей это удастся, я тоже не понимаю. Я даже не могу открыть тюбик с краской, не выкрасив заодно собственные пальцы, волосы и джинсы.

– Аккуратненько, – повторяю я. – Это точно не для меня.

Джо хохочет:

– Можешь не убеждать, верю и так.

Иногда у меня появляется желание его стукнуть.

– Я хочу сказать, что не сумею так разложить свою жизнь, – говорю я. – Если уж я получу доступ в мир духов, так мне захочется взять с собой этюдник и принести его обратно. И прихватить палатку, и еду, и все прочее, чтобы не пришлось питаться ягодами и кореньями, если задержусь подольше.

Когда переходишь в страну снов, как Софи, то взять с собой ничего нельзя. И обратно принести тоже. Кроме воспоминаний.

– Я слышу тебя, – произносит Джо. – Мы с тобой этим занимались, когда я тебя учил.

– Помню. Но раз уж я сюда попала, хотя бы так... Я вижу в его глазах понимание. Оно и раньше в них было, но все равно мне надо было высказать, что у меня на душе.

– Трудно быть терпеливым, – говорит он. Я киваю.

– Над этим можно еще поработать, – добавляет он. – Теперь, когда ты научилась переходить во сне, все пойдет быстрее.

– Когда начнем? – спрашиваю я.

Он жалобно смотрит на меня:

– Сперва надо разобраться с тем несчастным случаем.

Я качаю головой. Не хочу об этом говорить, что бы там ни было. Но Джо не из тех, кто позволит спрятать голову в песок.

– Перед тобой трудная дорога, – говорит он. – Может быть, нынешнее умение переходить – возмещение за тот труд, который тебе предстоит в Мире Как Он Есть. А может, удар по голове высвободил способность переходить во сне.

Я все еще качаю головой, но Джо будто не видит. Он уставился на меня неподвижным взглядом, и все шутовство с него слетело. Он совершенно серьезен.

– Я пригласил двух целителей, – продолжает он, – и даже попросил девочек-ворон за тобой присмотреть, но все они говорят одно и то же. Выздоровление зависит от тебя самой. Понимаешь, беда в том, что в тебе еще остались старые раны, и они не позволяют ускорить процесс естественного восстановления того, что нарушено извне.

– Что ты имеешь в виду?

Не собираюсь признаваться, но что-то во мне понимает, о чем он говорит. Уже одна мысль об этом сразу притягивает меня обратно в оставшийся позади мир. А я не хочу возвращаться.

Джо раздумывает о чем-то, потом говорит мне:

– Как будто что-то в тебе не желает улучшения.

– Да я и не больна вовсе!

– Ну, гриппа у тебя нет, – соглашается он, – но ты столкнулась с чем-то неприятным. И нечего притворяться, будто все в порядке. Мы оба знаем, что ты прячешь в себе старые раны. Ты многих умеешь одурачить, включив поярче свое сияние, но со мной это не проходит.

– О каких это ранах ты толкуешь?

– Если бы я знал, может, сумел бы помочь.

– Ты всю мою жизнь знаешь, – говорю я.

Он медленно кивает:

– Чего я не знаю, это как ты относишься к своей жизни.

– Что за чушь?!

Джо вздыхает:

– Я просто пытаюсь объяснить, как обстоит дело. Если не хотела знать, зачем спрашивала?

Он прав. Джо редко дает советы, не дождавшись, пока его попросят. Беда в том, что совет – это обычно такая штука, которую вовсе не хочется слышать.

Мне приходится отвести взгляд. Я смотрю на эти дивные деревья. Они уже кажутся не такими настоящими. А может быть, дело во мне. Я чувствую притяжение своего тела, и оно влечет все сильнее. Возвращаться не хочется. Теперь-то я знаю, что меня там ждет.

– Мне жаль, что так вышло, – говорит Джо. Я киваю:

– Мне тоже.

– Ты этого не заслужила.

Пожимаю плечами. По-моему, мир не замечает наших заслуг. А если замечает, то не так часто, как нам хотелось бы.

– Мы найдем способ справиться, – успокаивает меня Джо.

А если не найдем?

Но этого я вслух не говорю. Я касаюсь его руки.

– Не волнуйся за меня, Джо. Я живучая.

И тут боль дотягивается до меня в стране снов и вытаскивает обратно на больничную койку. Уходя, я слышу его голос, все тише и тише.

– Жить и выживать – это разные вещи, – говорит он.

Я знаю, что он прав. Но еще я знаю, что иногда только и остается, что постараться выжить.

6

Как в старые добрые времена, думала Венди Сент-Клер, глядя на собирающихся друзей. В больничной приемной становилось тесно, все сидячие места заняли. Здесь было столько знакомых лиц, что Венди чувствовала себя словно на открытии выставки Иззи или Софи, разве что народ выглядел слишком понуро. И Джилли не было.

Если в твоей жизни случалось событие: выступление, раздача автографов, новая выставка, концерт – всегда можно было рассчитывать на Джилли. Она обязательно придет порадоваться вместе с тобой. И точно так же она неизменно появлялась, когда мир становился слишком жестоким и нужен был друг, которому можно пожаловаться. Но сегодня Джилли лежала за четыре стены отсюда, опутанная проводами и трубками, связавшими ее жизнь с аппаратами жизнеобеспечения и мониторами, а личико рэкхемовской феи превратилось в кошмар Г. Р. Гигера*,³ и сегодня ее друзья собрались, чтобы поддержать ее чем сумеют и порадоваться негромко ее возвращению из комы.

Профессор Дейпл, Кристи, его подружка Саския и Алан сидели на кушетке у дальней стены, а рыженькая Холли пристроилась перед ними на кофейном столике и чувствовала себя как дома между пачками старых журналов. Софи, Сью, Изабель и Мэ-ран завладели второй кушеткой, стоявшей у боковой стены. Десмонд и муж Мэран, Сирина, устроились прямо на полу между ними. Касси расположилась на легком стуле из металлических трубок и пластмассы – наверно, одолжила в кафетерии, – а сама Венди устроилась в последнем оставшемся кресле вдвоем с Моной. Кресло с квадратными подушками и обивкой ужасного оливкового цвета. Они по очереди занимали: одна – сиденье, другая – ручку.

Правда, несколько лиц не хватало: Джорди с Таней были еще в Лос-Анджелесе, а муж Касси, Джо... ну, где Джо, никогда никому не было известно – но все равно сборище впечатляло. Да, такой Джилли человек, что у нее много верных друзей. Если б она умерла, на похороны собралось бы полгорода.

Венди зажала рукой рот, хоть и не произнесла последних слов вслух.

³ Гигер Ганс Рудольф (р. 1940) – швейцарский художник, представитель фантастического реализма, прославившийся своей дизайнерской работой к фильму «Чужой»

«О господи, – подумала она. – Даже думать не смей».

Мона тронула ее за руку:

– Ты в порядке?

Венди кивнула. Ее неловкую попытку объяснить, отчего она вдруг так побледнела, прервало появление в дверях Лу Фучери с Анжелой. Лу благоухал, как горящая сигарета, Анжела источала смесь кардамона и китайских благовоний.

Непривычно было видеть их вместе. Они уже почти двадцать лет как разбежались, и Венди, даже если встречала их вдвоем, никогда не могла представить их парой. После разрыва оба они даже постоянного партнера не заводили, не то чтобы подумать о новом браке, но и уладить того, что у них тогда вышло, не пытались.

«Все из-за работы, – думала Венди. – Оба постоянно имеют дело с бедами и несчастьями, так что на отношения с любимым душевных сил уже не остается». Из-за своей работы они вечно цапались: семейные ссоры по поводу соблюдения буквы закона и того, как поступать с его нарушителями.

Лу был полицейским. С того времени, когда Джилли познакомилась с обходившим трущобы полисменом, не просившим и не бравшим взятку, и, как она говорила, «ее жизнь началась заново», он вырос до лейтенанта. А происходил этот широкоплечий итальянец из старой семьи, выходцы из которой служили когда закону, а когда – семейству Чероне, стоявшему по другую сторону закона, отчего их встречи на семейных торжествах бывали, мягко говоря, натянутыми.

Анжела Марсо работала адвокатом. Она занималась бродягами и сбежавшими из дому детьми. Она держала контору на Грассо-стрит и не брезговала обойти, если не прямо нарушить, закон ради своих подопечных. Венди познакомилась с ней много лет назад, но Анжела до сих пор производила столь же поразительное впечатление, что и тогда. Лицо сердечком, обрамленное кудрявыми темными волосами, и теплые карие глаза. За ее худенькими плечами не было видно крылышек, и она предпочитала арфе и сияющим одеяниям мешковатые штаны и футболки, но уличный люд всерьез считал ее посланницей Божьей, сошедшей на землю, чтобы помочь им. И на вид она была прямо боттичеллиевский ангел, переодетый по современной моде.

Едва поздоровавшись, Анжела первым делом спросила:

– Она больше не приходила в себя?

Софи покачала головой:

– Но из комы вышла. Врач сказал, теперь она просто спит.

– После такой травмы ей необходим отдых.

– Джилли и отдых?.. – пробормотала над ухом Венди Мона. – Как-то странно слышать эти два слова вместе.

– Вы не нашли водителя машины? – обратился профессор к Лу.

Все смолкли, ожидая ответа. Лу неловко замялся, и спины Венди коснулось знобкое предчувствие.

«Не говори! – хотелось выкрикнуть ей. – Если у тебя дурные вести, лучше не говори».

Но они должны были узнать. Только так можно совладать со своими страхами. «Чтобы встать лицом к лицу с ночью, нужно узнать, что скрывается в ее тени», – сказал ей кто-то когда-то.

– Дело осложняется, – наконец выговорил Лу. – Вчера вечером диспетчер принял звонок от ее домохозяйки. – Он как-то сразу постарел и обмяк, словно ему не по силам было рассказывать о случившемся. – Кто-то разгромил студию. Не пожалел времени и сил. Картины изрезали в клочья, из шкафов и со стеллажей все вывернули и разбросали по полу. Там словно смерч прошел. Все пропахло скипидаром и растворителями. Но главное, картины...

Он покачал головой. За годы, проведенные на улицах, он всякого, конечно, навиделся, но это и его проняло. «Наверное, дело в том, что это личное, – подумала Венди. – Потому что случилось с другом».

– Кто мог так поступить с Джилли? – продолжал Лу. – Кто так ее ненавидит?

Но его последние слова утонули в гуле восклицаний, встревоженных и недоверчивых. Венди покосилась на Изабель. На лице художницы была боль. Им всем нелегко, но Изабель, у которой пять лет назад погибли чуть ли не все картины, лучше других представляла, каким ударом будет для Джилли эта потеря.

– Они ведь связаны, да? – спросила Софи. – Та машина и взлом?

Лу повернулся к ней:

– С чего ты взяла?

– По твоему лицу видно.

– Ты думаешь, кто-то сбил ее нарочно? – проговорила Мэран, высказывая вслух общую мысль.

«Нет, – думала Венди. – Такого просто не может быть. Слишком ужасно».

– Пока мы не установили имя водителя, – отозвался Лу, – ничего нельзя сказать. – Он вздохнул. – Но мне это не нравится. Сначала наезд, теперь студия. Слишком много совпадений, чтобы это было случайностью.

– Ты хочешь сказать, кто-то на самом деле хотел ее убить? – протянула Саския.

Анжела покачала головой:

– Не убить – стереть. И ее, и ее работы... как будто ее никогда и не было.

– Я не верю, – сказал профессор, снимая очки и протирая и без того чистые стекла.

Снова надев их, он уставился прямо в суровое лицо Лу.

– Нет, не может быть, – поддержала его Касси. – Ну как такое может быть?

Лу обвел всех усталым взглядом.

– Кто-нибудь знает, были ли у нее враги? – спросил он.

Молчание длилось долго.

– Это же Джилли, – сказала наконец Софи.

– Она за всю жизнь, наверно, никого не обидела, – добавила Мэран.

– Сознательно – наверняка, – согласился Лу.

Кристи кивнул с кушетки:

– И это может означать, что вам следует искать субъекта, питающего страстную ненависть к неиссякаемому веселью.

Его версия вызвала на лицах слабые улыбки, но они вскоре погасли. Другим Джилли тяжело было думать, что есть человек, ненавидящий ее настолько, чтобы причинить ей такую боль. Настолько, что готов уничтожить дело ее жизни и намеренно сбить ее машиной.

– Вы поразмыслите, – попросил Лу. – Держите глаза и уши открытыми. Если что-нибудь вспомните, что-нибудь заметите или услышите, звоните мне. В любое время дня и ночи.

7

Однажды давным-давно...

Я открываю глаза и не могу шевельнуться. И не только потому, что левая рука до плеча и правая нога чем-то прижаты. Я и правой руки не чувствую. Вся правая сторона тела онемела и парализована. Чудно как-то. Я чувствую ткань больничной рубашки и простыни, но только с левой стороны. А с правой – ничего. Удастся немножко повернуть голову и с трудом левую ногу, а рука хоть и в гипсе, но от нее по всему телу проходит болезненная дрожь.

Я вспоминаю, как в прошлый раз, когда на меня смотрела Софи, я тоже не могла шевельнуться. А теперь понимаю почему. Вспомнила машину и удар.

В комнате рядом со мной никого нет, но за стеной слышны голоса.

Я перевожу взгляд на безвольную руку – правую руку, ту, которой я рисую. Приказываю ей шевельнуться. Я ее даже не чувствую.

Сколько на свете сказок! Помнится, профессор объяснял мне, как необходимо людям пересказывать себя, чтобы преодолеть свои страхи. Мы говорили тогда о том, как связаны сказки с Миром Как Он Есть, со Здесь и Сейчас, в которых нам приходится жить. Мы были втроем: Кристи, профессор и я. Сидели в старомодной гостиной, переоборудованной профессором под кабинет. Людям, никогда не читавшим сказок, говорил профессор, труднее справляться с жизнью, чем тем, кто читал. У них нет того опыта странствий по дремучим лесам, встреч с незнакомцами, которые отвечают на доброту добротой, нет знаний, которые приобретаются в обществе Ослиной Шкуры, Кота в сапогах и Стойкого оловянного солдатика. Я говорю не о прямом нравоучении, а о более тонких уроках. О тех, что просачиваются в подсознание и создают нравственный облик и человеческую структуру. О тех, что учат побеждать и доверять. А может быть, даже любить.

Людям, не получившим этих уроков, приходится пересказывать себя во взрослой жизни.

Может быть, это со мной и происходит. Хоть в детстве я сказки читала без устали и потом всю жизнь перечитывала, но все равно, может быть, и меня надо пересказать. Потому что и в моей жизни чего-то недостает. Я и без Джо это знаю. И всегда знала.

Я Девочка-Луковка, как в той песенке, которую поет Холли Коул. И больше всего я боюсь, что, если снимать слой за слоем, от меня просто ничего не останется. И всем станет ясно, что я такое на самом деле. Сломанная Девочка. Пустышка.

Может быть, сказки наполнят меня.

Так вот.

Однажды давным-давно...

Я снова пробую шевельнуть правой рукой.

Я не представляю себе жизни, в которой не смогу рисовать и писать красками.

Однажды давным-давно...

Я попала в сказку, где девочку сбила машина, и она лежит в реанимации, ожидая смерти. Или, в самом крайнем случае, жизни, в которой не будет ничего привычного, все навсегда изменится.

Не уверена, что мне хочется знать, чем закончится эта сказка.

Однажды давным-давно...

Рэйлин

Тисон, лето 1969-го

Рози Миллер была у меня вроде как лучшая подруга, вот я и держалась за нее. То есть с ней и в беду влипнешь, но она же и выкарабкаться поможет, и ничего тут не поделаешь. Она гуляет по-настоящему и не из самых толковых в нашем свинарнике, зато у нее душа есть. По крайней мере, за меня она всегда заступалась.

Как на той вечеринке, что мы затеяли на задворках у Сазерлендов. Мы тогда еще школу не окончили и собрались всей компанией от пятнадцати до двадцати. Я всегда была маленькой, но, где надо, очень даже большой, а что до Рози, ну найдите в словаре слово «статная» и узнаете, как она выглядела.

Мальчишки за нами бегали, но я никогда не выставлялась, как она. В те времена старший братец Дэл шкуру с меня спустил бы, если бы прослышал, что я водилась не с тем, с кем надо. Он вечно твердил, что мне надо себя беречь для правильного парня, и мы оба знали, кто такой этот «правильный». Парни, с которыми я встречалась, не возражали. Я руками хорошо работала, и Рози всегда была к услугам моих ухажеров, если ее скисал, а они у нее быстро скисали.

Рози была такой с тех самых пор, как мы вступили в пубертатный возраст. «Девушке в жизни нужны три вещи, – втолковывала она мне, – мужчины, деньги и веселье. Подумай об этом, Рэйлин, – сказала она мне в тот год, когда мы могли бы поступить в колледж, если б у

нас были подходящие отметки, желание или деньги. – Без мужчин какое веселье, и без зелени повеселиться будет не на что, верно? Ну, скажем, я фигуристая, могу в любую минуту подхватить парнишку с задворок, пьяного в дым и мечтающего попрыгать под музыку. Но если хочешь красивой жизни – чтоб духи, камешки, настоящие вечерние платья, – ищи старого кобеля с толстым кошельком. Простейшая экономика, поняла?»

Но тогда мы еще встречались со старшеклассниками и ребятами, которых вышибли из школы. На богатство мы смотрели по телевизору, а в нашей части Тисона богатые не водились, так что капризничать не приходилось. Мы были «белая шваль» – коротко и ясно. Хочу сказать, мы-то не считали себя белой швалью, но от этого ничего не менялось.

Понимаете, мы жили не только не на той стороне шоссе, на какой надо, но еще и за Шатаем, за Стоксвилем – некоторые олухи до сих пор называют его Ниггертауном, – в том глухом конце Тисона, который городские жители прозвали Козлиным Раем. Наши картонные халупы запросто могли рухнуть от ветерка посильнее, если бы не сгорели раньше от случайного окурка, а вместо водопровода были колонки с ручным насосом, и удобства на заднем дворе. Телефоны у нас были, и свет тоже, когда его не отключали за неуплату, а вот канализация и водопровод кончались за три квартала от нас.

Спрашиваете: зачем же мы там жили? А с чего вы взяли, что у нас был выбор?

В общем, в ту ночь со мной был Ленни Уилсон, довольно приятный паренек, если забыть о прыщах на лбу. Он свою блондинистую шевелюру зачесывал назад, будто гордился этими прыщами, но одевался круто и забавный был. Меня так он точно смешил. Из школы его выставили, но в нашей компании если кого еще не выставили, того собирались, и хотя лет ему было к двадцати, но для взрослого он был ничего. Обходился ручками, словно это было все, что ему надо, и на большем никогда не настаивал.

Нас в тот вечер собралось восемь или девять ребят. Поставили три пикапа кругом, так что вышло славно и уютно, а посерединке горел костерок, плевался искрами – Ленни сказал, мол, козлиный фейерверк. Пива хватало, и по радио гоняли клевые песенки. Было еще рано, так что в основном народ просто танцевал, обнимался понемножку или валялся на тюфяках в кузове, любуясь на звезды.

Музыка играла громко, и потому, верно, мы не слышали, как через поле подкатил четвертый пикап, пока его выхлопная труба не задымила нам прямо в задницы. А тогда уже поздно было что-либо делать, кроме как трястись да стучать зубами.

Их в кабину трое набилось. Рассел Гендерсон, Бобби Маршалл и Юджин Вебб. Все одним миром мазаны: прилизанные черные волосики, тощие, как хорьки, и такие сволочи, каких только можно представить, а если вы вроде меня, то представить можете многое. Из парней, кто с нами был, никому и в аду не встретиться с такой крутизной. Бьюсь об заклад, даже Дэл с ними один на один толковать не взялся бы.

– Нам не хватает девчонок для вечеринки, – ухмыльнулся Рассел. Он осматривал нас, одну за другой, и его наглые глазки остановились на мне. – Видишь, Юджин, я же говорил, здесь найдется свежее мясо.

Мы с Рози, когда они подкатали, сидели в кузове, свесив ноги. К этому времени я тряслась так, что думала, штаны намочу, но Рози как ни в чем не бывало прыгнула и прислонилась к борту грузовичка, руки в карманы.

– Уверены, что не зря затеяли эту игру? – спрашивает она Рассела.

– А ты не встречай, – отвечает он. – Я еще не забыл, как мы с тобой в тот раз позабавились. Не часто встречаешь девчонок, которые трахаются во все дырки и еще добавки просят.

Рози ему улыбается.

– Болтай, болтай, – говорит.

Он тянет руку ко мне, и тут, я моргнуть не успела, она уже стоит перед ним и руку вынула из кармана, а в руке у нее нож, лезвие выскочило со щелчком. Прямо чудо, только не добрым волшебником наколдованное. Все оторопели, а больше всех – Рассел. Рози воткнула нож прямо ему в кишки и еще надавила. К тому времени как он повалился на колени, а двое

других зашевелились, ножик снова был у нее в руке и она поводила им от одного к другому, разбрызгивая красные капли.

Такой Рози я до той ночи не видала. Разговор у нее всегда был крутой, но мне и в голову не приходило, что сама она может быть еще круче своих словечек. А эти парни, пожалуй, знали. Тому, которому кишки выпустили, было уже не до драки, точно. Бобби с Юджином подхватили его под руки.

– Это еще не конец, – бросил ей Юджин, утаскивая Рассела.

– Ясно, не конец, – огрызнулась она. – Ты что думаешь, черт возьми? Я намереваюсь отправиться туда, где вы, поганцы, живете, и подпалить ваши халупы. Послушаю, как будут визжать ваши мамочки, когда их припечет. Ты ведь это имел в виду, когда сказал, что еще не конец?

Юджин выпустил руку Рассела и бросился к ней, но остановился, когда клинок перестал плясать и нацелился на него, а на клинке еще не просохла кровь Рассела.

– Кто поумнее, тот умеет вовремя остановиться, – говорит Рози, – но ты-то у нас просто большой тупой хрен, верно? Так послушай, я тебе расскажу, что сейчас будет, Юджин. Если ты сию секунду не развернешься и не уволочишь отсюда свою задницу, я приспособлю твои яйца на серьги.

Не знаю уж, что больше задело Юджина: что перед ним девчонка или что остальные все это видят. Зато точно знаю, что он струсил. Боялся Рози и ее ножа, больше боялся умереть, чем потерять лицо.

– Хрен с тобой, – сказал он. – Хрен с вами со всеми.

Он развернулся, снова подхватил Рассела под руку и помог Бобби затащить его в кабину. А Рози тем временем обошла грузовичок, в котором мы сидели, и вытащила из кабины охотничье ружье, которое держала за сиденьем. Когда Юджин и Бобби тоже забрались в кабину своего пикапа, она уже стояла с ружьем в руках, глядела на них и ждала.

Вот вам Рози. Я говорила, она не слишком умная, зато соображает быстро. Она сообразила, что у парней в машине наверняка есть обрез, и оказалась не только храбрее их, но и быстрее. Их пикап рванул с места так, что гравий из-под колес брызнул. Не хотела бы я оказаться на месте Рассела: зажимать свои кишки, пока машина, подпрыгивая и переваливаясь, мчится через поле.

– Никогда нельзя пятиться, – сказала мне Рози, забрасывая ружье в кузов. – Стоит чуть попятиться, и тебя затопчут. Это не только сегодня – всегда так, можешь мне поверить, Рэйлин.

Я ничего не сказала, только кивнула. Я это и без нее знала. Всю жизнь, кажется, только и делала, что пятилась, и никогда это не помогало. Только хуже становилось, а лучше – нисколечки. Вроде как тот, кто над тобой стоит, каждый раз выдумывает новую подлость, словно подначивает тебя ударить в ответ, а сам знает, что ты никогда не посмеешь дать сдачи.

Рози хорошенько вытерла нож и убрала клинок.

– Где это ты набралась такой храбрости? – спрашиваю я.

Рози рассмеялась:

– Черт возьми, Рэйлин, у меня же четверо братцев – на одного больше, чем у тебя. Когда мы с ними не деремся, они показывают мне, как драться с теми, кто вздумает меня обидеть. Разве Дэл и младшие ничему тебя не учили?

«Слишком многому он меня научил», – подумалось мне.

– Ничему такому, чему стоит учиться, – ответила я вслух. – Только не Дэл. Сказать по правде, и Роби, и Джимми, и я – мы все его боимся.

Рози покачала головой:

– Так не пойдет.

Покрутила в руке свой ножичек и протянула мне.

– Вот, – говорит, – пора тебе кое-чему научиться. Чтоб могла за себя постоять.

Как те парни прикатали, вечеринка, можно сказать, свернулась. Рози-то готова была

продолжать, но у остальных настроение пропало. Ленни подвез нас с Розы к дому, но высадил за полмили, потому что Розы сказала, нам еще надо поговорить. Мы посмотрели вслед Ленни, пока задние фары его машины не скрылись, а потом Розы взялась объяснять, как обращаться с моим новым ножиком-выкидушкой.

– Научись открывать его быстро, – говорила она. – Бывает, больше ничего и не понадобится. Если нож у тебя наготове прежде, чем парень успеет сообразить, что к чему, то скорей всего бить уже не придется.

Я кивала. Я понятия не имела, сумею ли порезать кого-нибудь так же ловко, как подружка, но чувствовать в руке рукоятку было приятно.

– Если придется все-таки ударить, – продолжала она, – держи клинок лезвием кверху и бей снизу верх. Хочется бить сверху, но так ты скорее всего наткнешься на ребро, только и всего. А снизу клинок проходит сквозь все мягкие ткани живота. И не забывай точить милашку, слышишь? Я достану тебе брусок и научу. Ни на кого не полагайся, только на себя.

Так мы и разговаривали: Розы поучала – такой серьезной я ее еще не видела, – а я кивала и слушала и все впитывала.

– Стрелять умеешь? – спросила она, покончив с ножами.

Я помотала головой.

– Ладно, и этому научу. Если понадобится выйти ночью одной, пистоль тебе лучшая компания. Понимаешь, все эти крутые, они не ждут, что хорошенькая девчонка сумеет постоять за себя и окажется такой же крутой, как они. И даже круче. Но если они увидят, что ты умеешь пользоваться тем, что у тебя в руках, и не побоишься это сделать, тогда никто тебя не обидит. – Она ухмыльнулась. – Если тебе самой не захочется грубой игры.

– Ты и раньше бывала с теми ребятами, – услышала я собственный голос. – С Расселом и Юджином...

– Ну да. – В темноте мне лицо ее не было видно но голос звучал так жестко, как, наверно, и у тех крутых. – Мы старые знакомые. Беда в том, что они никак не научатся понимать разницу между шуткой и болью.

Ну так вот, той ночью Дэл пришел ко мне в спальню, как делал три-четыре раза в неделю с тех пор, как сбежала моя сестричка и ему потребовалась новая девочка, а я ждала его с подарком от Розы в руках. Я понимала, что не смогу так сразу убить его – наверное, грех убивать собственного брата, что бы он с тобой ни делал, – но собиралась проучить его хорошенько.

Придя домой, я глотнула папашиного крепкого, чтоб вроде как набраться храбрости. Собственной-то в те времена во мне было маловато. Но в ту ночь я была на взводе. Старик с мамашей куда-то умотали, и не спрашивайте меня куда. Но я знала: значит, Дэл, как придет домой, прямиком шмыгнет ко мне в постель. Джимми с Роби спали в соседней комнате, только они бы и не пикнули. Я могла визжать, как кошка на вертеле, все равно они не вышли бы – так боялись Дэла, что им бы в голову не приходило мне помочь. А может, они от моего плача еще и кайф ловили, не знаю. Мы с ними об этом не говорили, да и вообще не часто разговаривали.

Я держала в голове, что сказала мне Розы перед тем, как свернуть к своему дому.

– Если ты попалась, – сказала она, – держись одной мысли: мне что жить, что умереть – все одно. Тогда к тебе не подступятся. Они все одинаковые: наглые и подлые, а внутри – трусы. Но они чувят твой страх, как такса кролика. – Она ухмыльнулась. – И бесстрашие тоже чувят. Если тебе плевать, что с тобой будет, они видят это. Так что держи голову выше, Рэйлин. Гляди им в глаза и помни, как говорили индейцы: «Сегодня хороший день для того, чтобы встретить смерть!»

Вот я и повторяла это про себя, зажав в руке красную рукоятку ножа, а в окно светила луна, и клинок блестел.

Сегодня хороший день, чтобы встретить смерть.

И чтоб мне провалиться, я чувствовала, что так оно и есть. Отчасти я еще оставалась

запуганной до бесчувствия маленькой девочкой, но появилось и новое ощущение. Я была в то же время ночной тенью, затаившейся в засаде, подстерегающей чудовище. В засаде, с большим блестящим ножом в руке – разве не здорово?

Дверь открылась без скрипа. Дэл не ленился смазывать петли. Я стояла, прижавшись к стене, и смотрела, как он идет к моей кровати.

– Эй, Рэйлин, – шепнул он. – Проснись и пой, сестричка. Я принес тебе подарочек.

Он возился с молнией, когда я подошла к нему сзади. От него пахло пивом, сигаретами и чем-то еще. Темный, звериный запах.

– В прятки играешь? – пробормотал он, протянув свободную руку, чтобы встряхнуть меня.

Только в постели меня не было. Просто скомканные старые джинсы и рубашка, свернутые так, чтобы было похоже, будто я там сплю.

– Я здесь, Дэл, – сказала я, – и сегодня у меня для тебя подарочек.

Я позволила ему обернуться. Я позволила ему увидеть отражение луны у меня в глазах и блеск лезвия. Говорю вам, я казалась сама себе большой и высокой, как те великаны, которые спускаются с настоящих гор. Мне хотелось воткнуть нож ему в брюхо, как Роза воткнула его в брюхо Расселу, но вся храбрость слетела с меня, когда я увидела его лицо. Никогда не видела его таким бешеным. Я примерзла к месту, словно из подошв моих ковбойских сапожек корни проросли.

Он был пьян, и, пожалуй, только потому я и осталась жива, хотя не сразу поняла, что это в мою пользу. Он просто поднял руку и тыльной стороной ладони ударил меня по лицу. Рассек губу и отшвырнул к окну. Я сползла на пол, а он встал надо мной и расхохотался. Я трусила настолько, что, наверно, немножко напустила в штаны, и сжала рукоятку ножа с такой силой, что костяшки пальцев стали белее лунных пятен на полу.

Дэл хохотал и покачивался. Ему всегда кружило голову удовольствие причинить кому-нибудь боль, а от пива все казалось еще забавнее.

– Посмотрела бы на себя, Рэй, – наконец выговорил он. – Ну и видок. Слушай, может, мне отобрать у тебя этот ножик да загнать его тебе в дырочку? Как тебе мысль?

Он шагнул ближе, и я уже не понимала, что делаю, знала только: надо делать что-то. Я и взмахнула ножом, который Роза наточила как бритву. Попала ему под коленку, нож вспорол джинсы и в мышцу вошел как в масло. Дэл взвыл и повалился, а я отодвинулась, чтоб он не грохнулся на меня.

– Господи! – крикнул он. – Ты меня порезала, Рэй!

Тут в голове у меня что-то щелкнуло, сдвинулось. Он потянулся ко мне, и я резанула снова, прямо ему по ладони. И мне было хорошо. Видеть кровь. Слышать, как он стонет.

– Ты хнычешь, как девчонка, – сказала я ему.

– Я...

Я нагнулась к нему, но так, чтоб он не мог до меня дотянуться.

– Это будет наш маленький секрет, ладно? – сказала я, повторяя слова, которые слышала от него, не знаю сколько раз.

– Я... я тебя вые... убью...

Что верно, то верно. Больно ему было, но он не трусил. Может, был слишком пьян и взбешен. Или слишком туп. Не знаю. Но мне было плевать.

– Очень жаль, что у тебя такие мысли, – сказала я.

Я выпрямилась и пнула его. У моих ковбойских сапожек носок жесткий, и я знала, что бью больно.

Дэл вскрикнул и попятился. Волоча ногу. Баюкая руку, на которой кровь собралась липкой пузырящейся лужицей.

– Потому что теперь мне придется тебя убить, – сказала я, – а мне этого не хочется, потому что, по-моему, это грешно. Как ты думаешь, Дэл? Грешно убивать своего брата? А если да, то я никак не могу решить, это больше или меньше грешно, чем то, что ты делал со мной, своей маленькой сестричкой?

– Ты... врача вызови...

Я покачала головой:

– Никак не могу, Дэл. Не могу я совсем одна идти по темному дому, боюсь.

Я и не знала, как это приятно – вот так стоять над кем-то и думать, что его жизнь и смерть в твоих руках. Если я и вправду изломанное существо, как говорил кто-то из тех сморчков в тюрьме, то сломалась я именно тогда. Не в те ночи, когда Дэл шмыгал вокруг меня, а вот тогда. В ту ночь, когда я научилась мучить в ответ.

Могла бы и убить его. Может, и надо было. Но, наверно, к такому я еще была не готова. Ноги у меня начинали дрожать, и я понимала, что надо выбираться оттуда, пока я сама не свалилась. Он снова попытался меня схватить, и я опять его пнула и взмахнула ножом у него перед носом. Он отполз, а я повернулась, подхватила сумку, которую собрала до его прихода, выскочила из спальни и загрохотала сапогами по лестнице, не выпуская из руки измазанный в крови нож.

Я успела выбежать со двора, а потом коленки у меня обмякли, ноги стали как студень, я упала на четвереньки, и меня вырвало прямо в канаву и пивом, и ликером, и той горькой гадостью, которая остается в тебе после выпивки. Представляю, как я выглядела, когда дотащилась до дома Розы и швырнула горсть камешков ей в окно.

– Быстро же ты научилась, черт возьми, – сказала она, выслушав мой рассказ.

Это я в первый раз убежала из дому, как до того – моя сестричка.

Но это было очень давно, лет тридцать назад, а то и больше.

Рассел выжил, и они со своими крутыми друзьями шли дальше по кривой дорожке, но нас с Розы больше не задевали. Ах да, они исколошматили Ленни и еще двоих ребят, которые были с нами тогда, и, как я слышала, позабавились с Шерри, но от меня и Розы держались подальше.

И Дэл не умер. Родителям и полиции он наврал, что наткнулся на вора, который влез в окно моей спальни. Не мог же он сказать правду. Если бы он открыл ту банку с червями, дерьма вылезло бы столько, что и он бы весь провонял, а так он остался героем. Ясное дело, Роби и Джимми его поддержали.

Когда полиция нашла меня у Розы и притащила домой, я сказала, что знать ничего не знаю. Стояла в прихожей у Розы, глаз наполовину закрыт, щека вздулась от пощечины Дэла, и твердила, что по чистой случайности выбрала эту самую ночь, чтобы сбежать из дому. Они проглотили это вранье. А что им оставалось? Не могли же они подумать, что тощая девчонка – размер лифчика не в счет – управилась со взрослым крепким парнюгой вроде Дэла.

Дэл на время оставил меня в покое. Но он на меня косился. И мамаша косилась, и Джимми, и Роби. Только старик держался, будто ничего не случилось.

Я до сих пор их всех ненавижу. Дэл – ну, о нем и говорить нечего. Папочку за то, что был тряпкой и не вступился за меня. Мамашу за то, что была на стороне Дэла и во всем обвинила меня, когда я, маленькая испуганная девочка, первый раз с плачем прибежала к ней за утешением. Джимми и Роби... они не в счет. Не думаю, чтобы я их ненавидела. Думаю, я их даже не замечала. Хочу сказать, мы все были жертвами, понимаете? Как до нас – наша сестричка. Думаю, ее я ненавижу больше всех за то, что сбежала. Если б она не смылась, Дэл занимался бы ею, а меня б не трогал. Я точно знаю. Он сам мне сколько раз говорил.

Джилли

Ньюфорд, апрель 1999-го

Мона Морган ждала Софи в переулке возле дома Джилли. Художница, рисовавшая комиксы, стояла, засунув руки в бездонные карманы зеленых штанов и задрал голову к окну студии Джилли на третьем этаже. Для Джилли это окно служило балконной дверью, а «балконом» была площадка пожарной лестницы.

– Дала бы тебе ключ вчера вечером, – сказала Софи, останавливаясь рядом с Моной, – если бы знала, что ты будешь раньше меня.

– Да я только что пришла, – отозвалась Мона, проводя ладонью по волосам. Волосы у корней короткого светлого ежика были на полдьюма некрашеными и темными. – Должно быть, отсюда они и забрались, – продолжала она, указывая на окно.

Софи кивнула:

– Лу говорил, что запер его только вчера, когда уходил.

– Как это ужасно! – сказала Мона. – Мне страшно заходить туда.

– И мне.

Мона сама предложила помочь расчистить чердачок Джилли, услышав, как обсуждали это вчера в больнице Софи и Венди. Венди тоже пришла бы, но у нее работа была по графику: подготовка рукописей и корректура в редакции газеты «В городе». Еженедельник, посвященный искусству и развлечениям, придерживался четкого расписания и не позволял свободно распоряжаться временем. Не то что в прежние времена, когда, работая официанткой, она могла запросто поменяться с кем-нибудь сменами и отработать потом. Теперь из них одна только Джилли еще работала полдня в кафе «У Кэтрин».

Софи вздохнула. Работала, да уже четыре дня не работает.

– Ты сегодня в больнице была? – спросила Мона, пока они обходили здание.

Мимо пустых витрин бывшего магазина они прошли к узкому парадному с лестницей на третий этаж, задержавшись на минуту у почтового ящика. Софи взяла почту для Джилли. Это была по большей части макулатура: реклама, каталоги, но среди них также два счета и письмо со штемпелем Лос-Анджелеса. От Джорди, увидела Софи, взглянув на обратный адрес. Наверно, отправлено еще до того, как Джилли сбила машина, думала она, взбираясь по лестнице.

– С утра первым делом зашла, – ответила она на вопрос Моны. – Хотела застать врача, пока не закончился обход.

– И что он сказал про... ну, ты знаешь...

– Паралич?

Мона кивнула.

– Почти то же самое, что вчера, – сказала Софи. – Все случаи разные. Она могла бы избавиться от него уже сегодня или через неделю, через месяц...

– Но она поправится?

– Ну конечно поправится, – солгала Софи, обманывая не столько Мону, сколько самое себя.

На самом деле она не знала, поправится ли когда-нибудь Джилли. Травмы, и особенно этот паралич, словно бы смяли и погасили в ней казавшийся негасимым дух. Оно и понятно, если подумать, через что ей пришлось пройти, но как противоестественно было видеть Джилли такой: лежит, уставившись в потолок, отвечает односложно и невнятно, потому что паралич коснулся и одной стороны рта.

– Она умеет бороться? – спросил у Софи врач сегодня утром под конец беседы.

Четыре дня назад Софи без колебаний ответила бы: «да».

– Потому что самые настойчивые, – пояснил доктор, – восстанавливаются быстрее всего. – Он грустно покачал головой. – Если они сдаются, им уже никто не поможет.

– Я не позволю ей сдаться, – сказала ему Софи. Но сказать легко, а вот что делать? Как заставить человека хотеть жить?

– Я не хочу здесь быть, – проговорила, лежа там, Джилли, сломленная и бледная. Полголовы обрито, слова невнятно cedятся уголком рта. Но ей хоть трубки из носа вынули, и дышала она теперь без помощи аппарата.

– Я знаю, что не хочешь, – ответила Софи, присев на край кровати и вытирая ей лоб мокрым полотенцем. – Мы все не хотим, чтобы ты была здесь. Но только пока у тебя нет выбора.

– Есть выбор, – возразила Джилли. – Я могу снова уснуть. Могу уйти в страну снов.

Самая длинная фраза, которую услышала от нее Софи за все утро.
– Это не выход, – сказала Софи. – Ты ведь сама понимаешь, верно?
Но Джилли только закрыла глаза.

– Софи, – окликнула ее Мона, – с тобой все в порядке?

Софи остановилась на середине лестничного марша, из глаз ее текли слезы. Она помотала головой. Мона спустилась к ней на ступеньку, обняла ее, и они долго стояли так.

– Спасибо, – наконец сказала Софи, отстранившись. – Мне полегчало.

– Мне тоже.

Софи взглянула через плечо Моны на дверь студии Джилли.

– Давай покончим с этим, – сказала она.

Все оказалось и хуже и в то же время не так плохо, как они ожидали, наслушавшись Лу. По крайней мере половина полотен уцелела, так что потеря была не такой катастрофической, как у Иззи несколько лет назад, когда все ее творения погибли при пожаре. Но обоим женщинам, глядевшим на погубленные картины, тяжело было понять психически больную личность, ответственную за этот дикий разгром. Полотна уже не восстановишь. С рам свисали лохмотья. Несколько рам было разломано в щепки. Пятьдесят или шестьдесят фантастических работ Джилли безвозвратно пропало. Были среди них и неоконченные: но больше тех, которые Джилли особенно любила и не могла решиться продать.

Химическая вонь скипидара и растворителей, ударившая в ноздри, едва они вошли, исходила от бутылей, валявшихся у подрамника и разбитых, как им показалось, уже напоследок. Воняло так, что слезились глаза, но на мебель жидкость не попала – а именно этого боялась Софи, слушая вчера беглое описание Лу.

Остальные вещи Джилли – ее одежда, книги, все-все – были расшвыряны так, словно по квартирке пронесся шквал. Только кухонный уголок более или менее уцелел. Там валялись несколько разбитых кружек и стаканов – стоявших, должно быть, в сушилке, которую Софи обнаружила лежащей под кухонным столом. Но дверцы шкафов и буфета остались плотно закрытыми, охраняя то, что содержалось внутри.

Наскоро обойдя чердачок и оценивая размер ущерба, они открыли окно, выходившее на Йор-стрит, отворили форточки на другой стороне, чтобы устроить сквозняк, и взялись за дело. Для начала подобрали осколки стекла и фарфора и вытерли лужи растворителей вокруг рабочего места Джилли.

– Хоть на пол никто не наложил, – заговорила Мона, выжимая тряпку в ведро.

Софи обернулась к ней, сгребая груды черепков, которые были когда-то кружками, и подняла бровь.

– Похоже на то, что было в прошлом году у Мики, помнишь? Те, что к ней вломились, мочились на ее одежду и все измазали калом.

Софи поморщилась:

– Господи, я и забыла.

– Такие вещи хочется поскорей забыть, – откликнулась Мона. – И это тоже. – Она обвела взглядом комнату. – Столько красивых картин...

– Не представляю, как мы ей скажем, – вздохнула Софи.

– И кто ей скажет...

Софи мрачно кивнула, встала и свалила кучу черепков в большой контейнер из-под растительного масла, который Джилли приспособила для мусора. Оглянувшись на Мону, она увидела, что та все еще разглядывает картины.

– Чудно как-то, – заговорила наконец Мона, поворачиваясь к Софи.

– Что чудно?

– Какие картины испорчены. Только все фантастические. Пейзажи и городские сценки нетронуты. – Она прошла через комнату и сложила лохмотья одной изрезанной картины так, чтобы можно было разобрать сюжет. – Видишь? Это ведь ее геммины. Духи одуванчиков.

Софи подошла к Моне, пригляделась. Картина, сложенная кое-как Моной, изображала

Бейб и Эми – пару эльфов, с которыми Джилли, по ее словам, познакомилась в Катакомбах: в кварталах за Грассо-стрит, выглядевших как город после бомбежки. Теперь Софи новыми глазами увидела картины. Тот, кто это сотворил, явно ненавидел фантазию в искусстве и уничтожил ее, оставив остальное в покое.

– И что прикажете думать? – спросила она. – Что это устроил какой-нибудь критик?

– Верится с трудом, – отозвалась Мона, – но я вообще с трудом верю, что люди на такое способны, так что откуда мне знать.

Софи вздохнула:

– Я во что угодно поверю. Стоит открыть газету, как получаешь дневную дозу мерзостей, которые люди вытворяют друг с другом.

Мона складывала погибшие картины стопкой.

– Что нам с ними делать? – спросила она.

– Господи, просто ума не приложу. Но что-то делать надо. Не хочу, чтобы Джилли, когда вернется домой, сразу их увидела.

Если вернется. Немало времени пройдет, пока Джилли сумеет осилить лесенку, ведущую к ней на чердак. А может, и никогда не сумеет. Профессор уже предложил ей на время выздоровления пожить у него, хотя можно только догадываться, как поладят между собой Джилли и Гун, его сварливый эконо. Даже в лучшие свои минуты Гун бывал невыносим.

– Может, в этом шкафу есть место? – добавила Софи.

Мона заглянула внутрь, но, едва открыв дверцу, отпрянула.

– Что... – начала Софи, но она уже видела, что Мону напугал автопортрет Джилли в натуральную величину из папье-маше, который та сделала, когда училась в художественной школе.

Мона смущенно улыбнулась:

– Совсем забыла об ее картонной сестричке.

– Там хватит места для полотен?

– Вообще-то нет. Может, в подвальную кладовку?

– Сходим посмотрим, – решила Софи. – Но сперва закончим уборку.

– Почему она так и не переехала? – спросила Мона, когда они сложили и убрали последнее платье Джилли.

Запах скипидара еще висел в воздухе, но в целом квартира проветрилась, и теперь пахло не сильнее, чем обычно, когда Джилли работала над картиной. Пол был вымыт и протерт насухо, осколки стекла сметены в мусорное ведро. Курточки и немногочисленные платья Джилли висели в шкафу, книги выстроились на полках примерно в том же порядке, в каком держала их Джилли, – то есть без всякого порядка. И безделушки Мона с Софи постарались расставить, как прежде.

– Она уже давно могла бы снять квартиру побольше, – продолжала Мона.

– Она живет здесь потому же, почему все еще работает... – Софи не принимала прошедшего времени, – у Кэтрин: она не любит перемен. При всей своей порывистости и любви к необыкновенному и странному, ей уютнее, когда все остается по-прежнему.

Мона кивнула:

– Верно. Для нее настоящим ударом было, когда Джорди перебрался в Лос-Анджелес. Ты об этом говоришь?

– Ну, Джорди – особый случай.

– Почетный член вашего маленького содружества свирепых женщин?

– И это тоже.

– Они ведь много бывали вместе? – спросила Мона. – Просто так бродили и сидели по ночам в кафе, да?

Софи кивнула:

– И она была влюблена в него.

– Ты думаешь?

– Уверена. – Софи распрямилась и взглянула на Мону, стоявшую в другом конце комнаты. – Хотя она ни за что не призналась бы, даже самой себе. Она никак не могла найти счастье с мужчиной. Мне кажется, вся беда в интимных отношениях. Они ей напоминают... ну, ты понимаешь.

Мона кивнула.

– Так что даже если бы она и призналась себе, что Джорди ей нравится как мужчина, – все равно ничего бы не сделала из боязни испортить то, что у них было.

– А теперь у него Таня.

– Угу. О том и разговор.

Софи редко спускалась в подвал здания на Йор-стрит, а Мона ни разу здесь не бывала. Темное помещение походило на пещеру, а единственная слабенькая лампочка над головой только разгоняла тени по сторонам да освещала клочья пыли, бог весть сколько лет разгуливавшие из угла в угол. Древний котел парового отопления казался динозавром в сравнении с более компактными современными установками. На крючьях, вбитых в высокий потолок, болтались стремянки, лопаты для расчистки снега, мотки проводов и разнообразные предметы неизвестного назначения, так что по подвалу приходилось пробираться, как сквозь темный лес.

Отведенные жильцам кладовки выстроились вдоль одной стены: проволочные клетки на деревянной раме, каждая – с отдельным входом-калиткой. Джилли, верная своим смутным представлениям о правилах безопасности, держала ключ на гвоздике, вколотом рядом с дверцей. Клетушка была набита ящиками и кое-какой старой мебелью. Здесь же хранилась пара скульптур из папье-маше времен художественной школы: грубовато выполненная горгулья, поднявшаяся на дыбы, и семифутовое, еще более грубое изображение чудовища Франкенштейна, которое Джилли на Хэллоуин вытаскивала наверх и выставляла у своей двери.

– А куда подевался ее старый велосипедик? – спросила Мона, вместе с Софи растаскивая ящики, чтобы освободить место у задней стены для поврежденных полотен.

– Она его выпустила на волю.

– Что сделала?!

– Это было после смерти Цинка. Помнишь, он всегда перерезал цепочки с замками, чтобы выпустить велосипеды на волю?

– Помню, – кивнула Мона.

– Ну вот, примерно год спустя Джилли просто-напросто прислонила свой велосипед к стене у пожарной лестницы в переулке – выпустила на волю.

– И он правда... ну, так и уехал сам по себе?

– Ох, господи! Конечно, его кто-то забрал. Так же, как все эти велосипеды, которые «освобождал» Цинк.

Мона остановилась с коробкой в руках, взглянула на нее:

– Ты совсем не веришь в волшебство, да? А как же твой мир снов?

Софи покачала головой:

– Так, как верите вы с Джилли, – нет. Мабон – просто сон, и ничего больше. Я сознаю, что многосерийные сны необычны, но они возможны.

– А я всего только раз столкнулась с магией.

– Знаю. Видела тот комикс. Хорошая у тебя получилась сказка.

– Но это была не сказка, – возразила Мона. – Маленький ворчливый гном действительно обернулся невидимкой и без спросу вселился в мою квартиру.

– Я в другие чудеса верю, – сказала Софи. – В те, которые люди делают друг для друга. В те, которые делаем мы своим искусством, и в то, как оно нас меняет. Миру и не нужно ничего больше.

– А если что-то большее все-таки есть?

Софи пожала плечами:

– Тогда оно проходит мимо меня.
– Не думаю. Мабон и твоя способность портить всякую механику...
– Джинкс – это чистая физиология, – объяснила ей Софи, – Просто от меня исходит такое электромагнитное поле, которое влияет на часы и всякую электронику.

– Может, и так, – сказала Мона.

Софи улыбнулась:

– Во всяком случае, сказочные существа тут ни при чем.

И они продолжили передвигать коробки.

Через несколько часов они наконец закончили. Все испорченные картины перенесли вниз и сложили в кладовке, а в квартирке воцарился такой порядок, какого не бывало здесь месяцами. Мона поставила чайник, и когда он вскипел, они валетом устроились на софе, положив ноги на валик, водруженный посередине.

– По-моему, Дэниелю нравится Джилли, – заговорила Софи.

Она смотрела на Мону поверх коленок, пристроив чашку на животе. Пальцы у нее онемели, плечи и спина ныли после работы.

– Какой такой Дэниель?

– Ну, ты же знаешь. Красавчик медбрат в реанимации. Вчера он спрашивал, есть ли у нее парень.

Мона улыбнулась:

– Открыла Америку! Джилли всем нравится.

– Не всем, – сказала Софи.

Они оглянулись вокруг, думая о разгромленной студии. Софи припомнила слова Лу о связи между сбившей Джилли машиной и погромом.

– Что делать будем? – спросила она наконец. – Как нам вычислить, кто против нее что-то затаил?

Мона медленно покачала головой:

– Может быть, стоило бы спросить Джилли.

– Если бы не пришлось тогда рассказывать ей о картинах...

– Рассказать все равно придется, – сказала Мона.

Софи отвернулась от нее и обвела глазами чердачок. Ей не хватало любимых картин. Пусть даже она не верила в реальность волшебного мира, как верили многие из ее друзей, но было какое-то волшебство в квартирке Джилли, где тебя окружали портреты невероятных созданий воображения. Она вздохнула. Для Джилли волшебство и волшебные существа – неразрывная часть ее мира, ее самой. Как она переживет потерю их портретов?

Такое и в лучшие времена могло бы ее убить, а теперь, когда она прикована к больничной койке и временно – дай Бог, чтобы временно, – не может рисовать и писать из-за паралича...

– Я хочу сказать, рано или поздно ей придется узнать, – сказала Мона.

Софи кивнула:

– Знаю. И наверно, мне и придется ей рассказать. Просто мне страшно.

– Тебе не обязательно рассказывать в одиночку» – утешила ее Мона. – Я бы пошла с тобой. Или Венди наверняка согласится.

– Или, может быть, Анжела, – задумалась Софи. – Она всегда умела сообщить дурные вести так, чтобы они не казались непоправимой катастрофой. И Джилли всегда ее слушала. – Она слабо улыбнулась Моне. – Я хочу сказать, Джилли умеет слушать, но Анжела – как Джо. Знает, как сказать Джилли и то, чего она не хочет слышать.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала Мона.

Наконец я с облегчением засыпаю и снова вижу Джо в стране снов. Все остальные ходят вокруг меня на цыпочках, словно я не человек, а хрупкая фарфоровая чашечка. Может, так оно и есть, если подумать, как легко оказалось меня сломать. Но теперь от меня только и осталось, что осколки фарфора, которые доктора собрали и скрепили бинтами в форме тела на больничной койке, так что уже нет нужды говорить приглушенно и смотреть озабоченно. Разбивать больше нечего. Мое сердце не в счет.

Я недолго радуюсь встрече с Джо. Он в образе тихого сумасшедшего: маска, которую он надевает, когда шут в нем побеждает мудреца.

– Знаешь, что бы нам помогло? – спрашивает он. – Если бы мы помнили, что все между собой в родстве: черные, белые, азиаты, краснокожие... Никакой разницы. Все родословные тянутся к одной старушке маме из Африки.

Меня сейчас не слишком заботит идея кровного родства.

– Ты куда клонишь? – спрашиваю я.

– Никуда не клоню, – отзывается он. – Стою прямо.

– Мне просто нужно передохнуть, – говорю я ему. – Потому я здесь и нахожусь. Понимаю, что все равно придется встретиться с тем, что ждет меня на больничной койке, но пока мне хочется оказаться подальше оттуда. Мне все это нужно: лес-собор, волшебство, воздух, у которого такой вкус, словно его можно пощупать и взвесить.

Джо смотрит на меня и не говорит ни слова. Кроме Джорди, он единственный человек, который умеет заставить меня почувствовать себя виноватой, ничего для этого не делая. И я прекрасно знаю, к чему он клонит. Все насчет раны, которая сидит во мне: раны, появившейся, когда я была маленькой девочкой.

– С «оказаться подальше», – наконец говорит он, – одна беда: трудно вовремя остановиться.

– Ничего подобного, ты же знаешь, – возражаю я. – Я всю жизнь старалась быть не похожей на свою семью. Любить то, что они не любили. Если они вообще что-то любили.

– Трудно приходилось? – спрашивает он.

Я киваю:

– Поначалу. Я вся состояла из углов. Тебе, как ты говоришь, это незнакомо...

Я невольно улыбаюсь. Как будто в нем мало углов. Я замечала, как прохожие, столкнувшись с ним на улице, торопятся отвести взгляд, испуганные дикими огоньками, пляшущими в его глазах.

– Теперь я действительно люблю людей, – продолжаю я, – но этому пришлось учиться. Пришлось избавиться от старых обид и старого багажа и научиться встречать каждый день надеждой и улыбкой. Искать в людях лучшее, а не худшее, потому что, когда ждешь лучшего, оно в них и поднимается тебе навстречу.

– И в тебе тоже.

Я киваю.

Джо закуривает самокрутку, которую достал из кармана джинсов, и до меня доносится сладковатый запах.

– Но от обид ты так и не избавилась, – говорит он. – Не избавилась, а просто спрятала их в себе поглубже.

Да, как и Джорди, и другие раненые души, отказавшиеся сдаться тьме.

– Какая разница? – отвечаю я.

– Ты действительно не понимаешь?

Я бы закрыла тему, но ведь это Джо. От него отговорками не отвяжешься.

– Не знаю, – говорю я. – Сделала все, что могла. Забыть не получилось.

Я глубоко вдыхаю воздух, чтобы найти в нем поддержку и пробить ком в груди. Сколько лет, а он все там же, не уходит...

– Я никак не могу их простить, Джо.

Он делает выдох, и голубой дымок тянется из его рта. Он кивает.

– Знаю, – говорит он. – Но теперь ты сломана в двух местах, и, судя по тому, что

говорили мне целители, новая рана не заживет, пока ты не разберешься со старой. – Он строго смотрит на меня. – Нам придется что-то делать, иначе у тебя не останется ничего.

– У меня есть все это, – говорю я, махнув рукой на деревья страны снов.

– А если ты *не* поправишься в Мире Как Он Есть? – спрашивает Джо. – Понимаешь, чтобы дух мог странствовать здесь, ему нужен якорь – твоё тело. Без него дух здесь не удержится.

«Он говорит, что я умираю», – соображаю я. Мысль не кажется слишком страшной – трудно по-настоящему испугаться чего-то здесь, где все полно тайны, – но все-таки по спине проходит холодок.

– И куда мы идем? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами, делает новую затяжку.

– Этого никто на самом деле не знает, – говорит он. – Даже здесь. И здесь не встретишь умерших, которые могли бы объяснить.

Мы замолкаем. Я так давно знаю Джо, что с ним даже молчать уютно, но сегодня в тишине чувствуется натянутость. Что-то нарушает покой. Это мое сломанное тело и старые раны, которые никто не умеет залечить.

– Я на какое-то время исчезну, – говорит Джо. – Есть у меня одна знакомая, может, она и сумеет помочь, но найти ее трудно, а ты же знаешь, что здесь творится со временем.

По собственному опыту не знаю, но от других я достаточно много об этом слышала. Время здесь как вода: течет то быстрее, то медленнее, чем в мире, где на больничной кровати лежит мое тело и я даже сесть не могу, не то что расхаживать, как я расхаживаю здесь.

– Со мной ничего не случится, – уверяю я Джо.

– Я попрошу пару родственничков за тобой присмотреть, – говорит он. – Составить тебе компанию на этой стороне. Может, покажут тебе места, пока меня не будет.

– Например, девочек-ворон? – спрашиваю я, не в силах скрыть жадного интереса.

– С чего ты взяла, что они мне родня?

«Да с того, что они, как и ты, оборотни-шутницы», – думаю я, но вместо ответа пожимаю плечами.

– С Мэйдой и Зией ты только скорее попадешь в беду, – говорит Джо. – Они никому не желают зла, просто такие уж уродились.

– А мне они нравятся.

Джо усмехается:

– Почему бы им не нравиться тебе? Мир с ними интереснее, это уж точно.

Он последний раз затягивается и тушит самокрутку о подошву. Окурок отправляется в карман.

– Постараюсь вернуться поскорее, – обещает он.

– Спасибо, Джо.

Я обнимаю его и думаю: забавно. Какое простое дело, легче легкого, все равно что ходить, дышать или поднять карандаш. Пока не оказывается, что ты этого больше не можешь. Там, на больничной койке, я даже напиться сама не могу.

– Не проводи здесь все время, – говорит Джо, уходя. – Обещай мне, что будешь работать как следует, когда они начнут восстановительную программу.

– Хорошо. Но сначала...

– Тебе хочется оказаться подальше. Да, я тебя слышал.

Он тычет указательным пальцем мне в лоб.

– Йа-ха-хей! – говорит он.

Потом делает шаг в сторону, и его больше нет со мной. Словно шагнул за невидимый занавес.

– Йа-ха-хей, – тихонько повторяю я.

Я закрываю глаза и делаю большой затяжной глоток здешнего волшебного воздуха, прежде чем позволить себе проснуться на больничной койке.

На следующий вечер, придя в госпиталь, Софи узнала, что Джилли перевели из реанимации в обычную палату. Они с Десмондом зашли сразу после занятий, которые вели в ньюфордской Школе искусств, и явились в больницу с папками и портфелями. Им объяснили, как найти палату Джилли, и Софи, вернувшись к лифту, нажала кнопку пятого этажа: еще два вверх. Лифт немедленно отправил их вниз, в кафе на первом этаже.

– Идиотская штукавина, – пробормотала Софи. Она снова потянулась к кнопке, но Десмонд пробормотал: «Джинкс» и перехватил ее руку.

– Дай-ка лучше мне, – сказал он, – а то мы всю ночь прокатаемся.

Софи со вздохом прислонилась к стене. Десмонд ухмыльнулся, блеснув зубами на фоне кофейно-коричневой кожи. Он, как обычно, был в мешковатых штанах, футболке и легкой хэбэшной курточке, хотя в этот день подморозило и дул резкий ветер. Но Десмонд всегда одевался так, будто все еще живет на Островах. Можно было бы счесть уступкой холоду шерстяной беретик, которым он прикрыл шевелюру, если бы Десмонд не носил его не снимая и в самые знойные летние дни. Береты он неизменно выбирал panaфриканских цветов: красно-черно-зелено-желтые, но этим все и ограничивалось. Он даже говорил без ямайского акцента, потому что ему не было семи, когда его семья эмигрировала в Ньюфорд.

Выйдя из лифта, они наткнулись в коридоре на Анжелу. Та улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз.

– Как она? – спросил Десмонд.

– Будь это другой человек, – ответила Анжела, – можно бы сказать, что она в неплохом настроении. Но для Джилли это глубокая депрессия. Не дайте сбить себя с толку улыбками и шуточками. Ей больно.

Десмонд вдохнул:

– Начинаешь задумываться насчет планов, которые Господь, как говорят, имеет в отношении каждого из нас, вам не кажется?

– Господь ничего с нами не делает, – сказала Анжела. – Ему и не к чему. Хватает того, что мы делаем друг с другом.

Она махнула рукой и вошла в лифт. Дверь с шелестом закрылась.

– Анжеле тоже больно, – заметил Десмонд.

– Всем нам больно.

Он кивнул:

– Аминь.

Новая палата была рассчитана на двоих, но вторая койка пустовала, так что Джилли пока оказалась здесь полновластной хозяйкой. Окно занимало всю боковую стену, оно начиналось на высоте пояса и поднималось до самого потолка, открывая вид на город. С такой высоты был виден даже собор Святого Павла. Дальше прямоугольные башни небоскребов горным хребтом загораживали набережную и Волчий остров.

– Вот это вид! – присвистнул Десмонд.

– Пару раз в день они запускают сюда экскурсии, – сообщила ему Джилли.

Она криво усмехнулась им – все ее улыбки теперь были кривыми, – а потом ее взгляд упал на то, что было у них в руках. Софи видела, как трудно Джилли удержать на губах улыбку.

«Надо было оставить все барахло в коридоре», – подумала она, с запозданием сообразив, что художественные принадлежности напоминают Джилли о том, чего она лишилась.

«Ты поправишься, – хотелось ей сказать. – Не успеешь оглянуться, как снова будешь рисовать и писать красками».

Только что, если не будет?

– Как сегодня занятия? – спросила Джилли.
– Да ты же знаешь, – ответил ей Десмонд. – Все как всегда. Все хотят рисовать прямо сейчас, не потратив ни минуты на учение.

– А кто ведет мои уроки?

– Мы с Иззи по очереди, – сказала Софи. – Пока не... – «найдут тебе замену», – чуть не сорвалось у нее с языка. – Пока ты не вернешься.

– Думаю, им надо найти кого-то на постоянную работу, – сказала Джилли.

Десмонд покачал головой:

– Да ведь ты скоро выйдешь.

Джилли промычала пару тактов из «Желанья и надежды» – песенки, которую Ани Ди Франко недавно записала для нового фильма «Свадьба лучшего друга». На прошлой неделе они посмотрели его на видео, но Софи большую часть проспала.

– Давайте говорите со мной! – потребовала Джилли. – Что происходит в школе? Я, кажется, год там не была.

Десмонд протянул:

– Ты ведь знаешь, как у Ханны с Дэви Финном, верно?

– Ну-ка рассказывай! Я уже всерьез собиралась ради этой парочки заделаться профессиональной свахой.

– Можешь не трудиться, – сказал Десмонд.

Софи кивнула:

– В субботу она пригласила его в гости, и он засиделся до утра.

– Плюс, – добавил Десмонд, – люди видели, как они целуются и держатся за руки в общественных местах.

– О господи, я все пропустила! – сказала Джилли. – Подробности! Я желаю сочных подробностей.

«Как здорово, что Джилли приходит в себя, – думала Софи, – пусть даже слова еще выговаривает невнятно и не может пока скакать, как обычно, по комнате. Да, непривычно видеть ее лежащей вот так. Такой тихой».

Но Десмонду вскоре пришлось уйти, и тогда Софи заметила, что веселье-то наигранное.

– Я взяла у тебя из ящика письмо от Джорди, – сказала она, откапывая конверт из-под кистей и тюбиков краски. – Захватила с собой.

– Прочитаешь мне?

– Ну конечно... – Софи замаялась. – Судя по штемпелю, оно до несчастного случая отправлено. Ты ведь знаешь, он хочет приехать, но сначала должен закончить кое-какую студийную работу. Он говорил Венди, что прилетит на выходные.

– Мне его не хватает.

Софи кивнула:

– И нам тоже.

Только не так, как Джилли...

Письмо оказалось для Джилли лучшим тонизирующим, чем все ее посетители. Джорди сухо и точно описывал жизнь в Лос-Анджелесе и беззлобно подшучивал над голливудской компанией, в которую попал из-за Таниных киношных дел. И в каждом слове безошибочно ощущалась любовь к Джилли.

К тому времени как Софи дочитала до конца, глаза Джилли сияли.

– Как ты думаешь, ему там хорошо? – спросила она.

Софи покачала головой:

– На самом деле, нет. По-моему, он старается ради Тани.

– Он не хотел уезжать, – сказала Джилли. – Это я его уговорила.

– Ну и зачем? Я-то знаю, как у тебя с ним.

Джилли натянула на губы кривую улыбку.

– Джорди, конечно, простой парень, но ему хочется, чтобы подружка была яркая. Ты

знаешь, к каким женщинам его всегда тянуло. Помнишь Сэм?

– Эффектная красотка, – согласилась Софи.

– Вот-вот. Куда уж мне за такими тянуться.

– А тебе и не надо было. Прежде всего, яркости в тебе не меньше.

– Точно. Природный дар.

Софи ее не слушала.

– А во-вторых, в тебе есть нечто гораздо большее. Вы двое были созданы друг для друга.

Джилли медленно покачала головой:

– Я так и не смогла решиться на физическую близость. Таковую, как ему хотелось. Какой он заслуживает. Ты же знаешь, как я скукоживаюсь, когда дело доходит до интима.

– Может, с Джорди получилось бы по-другому.

– Может быть, – согласилась Джилли. – Но я боялась испортить и то, что у нас было.

«А теперь он ушел, и тебе остались только письма, – подумала Софи. – Он чужой мужчина, а должен был стать твоим».

Но этого она никак не могла сказать Джилли. Да и нужды не было. По глазам было видно – она знает сама.

Пришли Венди с Кристи и его подружкой Саскией, так что Софи сложила письмо и засунула в ящик тумбочки, а потом собрала свои вещи и попрощалась. Но из больницы она не ушла, а спустилась по лестнице в кафе и заказала сэндвич с чашкой чая. Она допивала вторую чашку, когда пришла Венди, взяла себе чай и тоже под села к Софи.

– Как там в студии? – спросила она. – Сумели навести порядок?

Софи кивнула:

– Такого порядка там сроду не бывало.

– Тяжело, наверно, было видеть эти картины?

– Ты не представляешь, как тяжело. Но с ними одна странность. Погубили только картины с фантастическим сюжетом. Кто бы это ни сотворил, остальных он не тронул.

– Почему?

Софи пожала плечами:

– Почему он вообще это сделал?

– Тебе надо бы Лу сказать, – посоветовала Венди, – вдруг он сумеет что-то понять... – Она рассмеялась: – Опять я в рифму говорю.

Софи улыбнулась:

– Ты же наш придворный поэт.

– Стараюсь. Венди диджей, крутит рэп целый день...

Но шуток им хватило не надолго. В такое время трудно смеяться. Они чувствовали себя виноватыми уже потому, что веселятся, пока наверху лежит прикованная к кровати Джилли.

– Я расскажу Лу, – сказала Софи и, прихлебывая чай, взглянула на Венди поверх чашки. – Как она тебе сегодня показалась?

– Никогда не видела ее такой пришибленной. Чудно это, как подумаешь. Ведь всегда казалось, что Джилли ничем не согнешь. Наоборот; *к ней* все приходили со своими бедами.

– Вечная мамочка всей честной компании.

– Ну, так ведь и было.

Софи пожала плечами:

– Знаю. – Она сделала еще глоток и поставила чашку. – Больше всего меня беспокоит, что ей только и хочется поскорее уснуть и попасть в страну снов. Как будто, когда ей открылся вход в другой мир, здесь для нее все потеряло смысл.

– Честно говоря, – заметила Венди, – здесь ей не много радости.

Софи вздохнула:

– Тут ты права. Но беда в том, что она так увлеклась приключениями в стране снов и совсем не старается выздороветь. Все спит и спит.

– Доктор ведь сказал, что ей нужен отдых.
 – А еще он сказал, что она должна захотеть выздороветь.
 Но Венди не сдавалась:
 – Что плохого, если она отдохнет от того ужаса, который пережила здесь?
 – Страна снов не настоящая.
 – Но кажется настоящей, верно? Не ты ли всегда говорила так про свои сны? Что они – как вторая жизнь.
 – «Как» не значит «есть».
 Венди покачала головой:
 – У тебя там даже парень завелся.
 – Но это там. – Софи постучала пальцем по столу. – А мы здесь. Вот на чем она должна сейчас сосредоточиться, если хочет выздороветь. Сколько бы они ни упражняли ей парализованные мускулы, если она сама не будет прилагать усилий, ничто не поможет.
 – Что ты говоришь? – возмутилась Венди. – Будто она хочет остаться парализованной.
 – Господи, конечно нет. Просто...
 – Просто ты не можешь смотреть, как она ускользает от нас.
 Софи кивнула.
 – Что действительно печально, – сказала Венди, – так это то, что, если она захочет чего-то, нам никак ее не остановить.
 Именно это пугало Софи больше всего.
 – Я всегда этого боялась, – помолчав, добавила Венди.
 – Чего?
 – Что если она найдет дорогу в волшебную страну, то уйдет и больше не вернется.
 – Не представляю себе мира без Джилли, – сказала Софи.
 Венди вздохнула:
 – Беда в том, что я представляю. И это будет ужасный, скучный мир.
 – Нельзя ее отпустить.
 Венди только кивнула. Что толку повторять уже сказанное. Ее слова и так звенели в ушах Софи.
Если она захочет чего-то, нам никак ее не остановить.

4

Я, кажется, не могу объяснить, почему мне так необходимо уйти. У изломанного тела, которое все навешают в больнице, причин достаточно, но ведь я никогда не любила жалеть себя. Я не так устроена. Если есть проблема, я ее решаю. Если не знаю, как ее решить, значит, узнаю как.

И с той, которая мне досталась сейчас, обошлась бы так же.

Но мне всю жизнь хотелось стать девочкой, которая нашла дорогу в волшебную страну. Я залпом глотала книги Клайва Льюиса и Уильяма Данторна, Элен Вентворт, Сьюзен Купер и Алана Гарнера. Если мне удавалось достать их в библиотеке, я читала их, как только они попадали мне в руки, а потом по порядку, а потом перечитывала и перечитывала. Потому что я с детства понимала, что вход в волшебную страну – не просто бегство. Я чувствовала, что пересечь ее границу – значит не только спастись от ужаса и стыда, составлявших тогда всю мою жизнь. Я была до мозга костей проникнута сознанием, что, перейдя эту границу, я попаду домой.

Потому-то я так отчаянно желала встречи с чудом, с тайной, с красотой мира, лежащего за пределами Мира Как Он Есть. Там меня ждали безопасность, сила и знание: возможность стать тем, чем я должна быть. Я всю жизнь старалась стать такой здесь, но то, чего мне удалось добиться, казалось лишь отзвуком, подобием того, что могло бы быть в ином месте, спрятанном где-то за гранью нашего мира.

А теперь, когда дорога открылась, пусть только во сне, все, на что меня хватает, – это возвращаться в Мир Как Он Есть, к Сломанной Девочке в больнице. Даже будь я совершенно здорова, возвращаться было бы трудно. Мне выпал шанс, может быть единственный. Если для того, чтобы оказаться здесь, надо было попасть под машину и стать калеккой, – я могу это принять. Потому что я не убегаю от чего-то – я бегу к чему-то.

Я понимаю, как все волнуются. Я люблю своих друзей, и мне меньше всего хочется причинять им боль, но я просто не могу найти слов, чтобы объяснить, что это значит для меня. Думаю, никто из них, кроме, может быть, Джорди и Джо, не понимает, как необходим мне другой мир. Честно говоря, паралич и сломанные кости делают времяпрепровождение в Мире Как Он Есть не слишком приятным. Я так привыкла быть активной, сама решать собственные проблемы, что беспомощность Сломанной Девочки меня убивает. Я даже упражняться не могу самостоятельно. Единственное, что мне по силам, – двинуть одной ногой – не так уж мало, да? – а левая подвижная рука придавлена гипсом.

Сегодня утром ко мне заходил врач лечебной физкультуры вместе с красавчиком Дэниелем. Софи уверяет, что он в меня влюблен, но на самом деле он просто внимателен к своим больным.

Им срезали бюджет, так что на одного врача приходится слишком много пациентов, и он не сможет всегда заниматься мной сам. Он показал Дэниелю, как упражнять мою руку и ногу, сочетая движение с глубоким массажем мышц. Прodelывать это полагается не меньше двух раз в день. А если возможно, то чаще. Так что сегодня после обеда Дэниель пришел для второго сеанса и чуть не свел меня с ума, сгибая и поворачивая мне руку, ногу, шею и непрерывно болтая. В прежние времена и я была бы счастлива с ним поболтать. Джорди говорит, я страдаю неизлечимой общительностью. Может, мне и пришлось учиться любить людей давным-давно, когда я заново становилась человеком, но теперь усилий не требуется, потому что я их в самом деле люблю.

Но сейчас мне хочется побыть одной. Мне не нравится, когда Дэниель двигает мои руки-ноги, будто я марионетка. Мне не нравится, когда заходят друзья и вдруг становятся рядом со мной напряженными и неловкими. Осторожнее, не разбейте Шалтая-Болтая. Шалтай-Болтай по дорожке гулял, Шалтай-Болтай под машину попал. Мы его кое-как собрали, но клей держит не слишком хорошо, и от любого сквозняка кусочки снова могут рассыпаться.

Когда Дэниель наконец уходит, я опять закрываю глаза. Помнится, меня всегда удивляло, как легко Софи удается заснуть, но теперь я, кажется, понимаю. Если знаешь, что заснуть – значит перейти границу, как не научиться засыпать мгновенно?

Вот я – Сломанная Девочка на больничной кровати, а вот уже я – снова я, целая и подвижная, стою в вечном лесу. В лесу-соборе. Скажете, это просто сон? Верно. Но мне все равно, главное, я могу гулять под исполинскими деревьями, и каждый вдох – как сытное угощение, пища для моей души.

Мне хочется просто бродить, уходить все глубже в страну снов, найти место, которое – я знаю – ждет меня здесь. Мой дом. Но я обещала Джо не торопиться, чтобы прогулки здесь не отвлекали меня от главного дела – починить Сломанную Девочку. А уж потом искать дом. Я понимаю, что он прав: если я умру в Мире Как Он Есть, меня заберут и из страны снов, отправят в последнее путешествие, которое всем нам когда-нибудь предстоит. Я не знаю, что ждет нас, когда мы умираем: лучше там будет или хуже. Знаю только, что я еще не готова узнать.

Так что не будем торопиться. Сегодня я решила заняться этюдами.

До того как попасть под машину, я всегда находила время на это дело. Если некогда было работать над картиной, я брала альбом для набросков и рисовала безо всякой цели, просто ради удовольствия, чтобы почувствовать, как карандаш скользит по бумаге, подбирая тени и блики, пока не совершалось чудо, и на бумаге не появлялась узнаваемая форма. По моему, я всегда рисовала не задумываясь, еще ребенком. Так же просто, как дышала. Но теперь я знаю, что делаю. Я знаю, что моя радость объясняется самым фактом, что я могу

рисовать. Сломанной Девочке и карандаша в руках не удержать. Я раздобыла альбом и отличный угольный карандаш в Мабоне. До сих пор не разобралась, почему меня заносит то туда, то сюда, в лес. Я долго бродила по городу, искала Софи и ее парня, Джэка, и встретила много интересного народа, но их не нашла. Любопытно: те люди, с которыми я познакомилась, они в стране снов свои или вроде меня, в отпуске от собственного тела? Спросить показалось невежливым.

В последний раз я решила на время оставить поиски. Мабон оказался даже больше Ньюфорда, а Ньюфорд уже перевалил за шесть миллионов. Искать Софи, не зная города, – довольно безнадежное занятие. Как-нибудь встретимся. А пока, что говорить, мне по душе Мабон, но в лесу лучше.

В прошлый раз, когда я очутилась в Мабоне, мне попался художественный магазинчик, и там я нашла альбом и карандаш. Спросила Джейми – так, судя по табличке, звали продавца за прилавком, если только они со сменщиком не использовали одну табличку на двоих, – не знает ли он, как из Мабона попасть в лес-собор. Мое название ему понравилось. Даже в стране снов, которая вся походит на храм, тот лес – особое место.

– Иногда это возможно, – сказал он, пропуская меня за прилавок.

Мы оказались на складе, где царил кавардак, обычный для тех помещений магазинов, что скрыты от глаз покупателя. Джейми нажал ручку двери в задней стене комнатки и открыл ее, но перед нами оказался обыкновенный переулочек.

Он прикрыл дверь и обернулся ко мне:

– Извините. Забыл предупредить, что срабатывает только тогда, когда вы ждете, что за дверью окажется именно то место, куда вы хотите попасть.

Я открыла рот, чтобы спросить, как такое может быть, но передумала и просто кивнула. В волшебном мире случаются чудеса.

Я улыбнулась продавцу:

– Конечно, она ведет в лес.

Он открыл дверь, и она вела в лес. Переулочка не было, лес начинался сразу за порогом.

– Хорошо у вас получается, – похвалил меня Джейми. – Мне если и удастся, то с нескольких попыток.

Вот так я перенесла свои покупки в лес-собор. Перед тем как вернуться в Мир Как Он Есть и проснуться Сломанной Девочкой, я уложила их в полиэтиленовый мешок, который получила в магазине, и спрятала под корнями большого дерева. И нашла там, когда вернулась сегодня. Я и не пытаюсь передать величие исполинских деревьев. Выбираю натуру помельче, попроще. Пучок поганок, проросших на упавшем стволе. Мох, заполнивший трещины в коре одного из гигантов. Композицию из орехов, листьев и голубого перышка сойки, которое, признаюсь, переложил ради большего эффекта. Свет здесь поразительный. Я даже не жалею об отсутствии красок, передавая натуру в черно-белом изображении.

Я с головой ушла в работу и не сразу замечаю, что кто-то стоит у меня за спиной. Медленно оборачиваюсь и моргаю при виде странного человечка, который уже бог весть сколько времени наблюдает за мной. Отдаю ему должное: он умеет держаться тихо.

– Привет, – говорит он.

– И тебе привет.

Он примерно с меня ростом: чуть поменьше моих пяти футов, но не намного. Худой, но мускулистый. Лицо крупное и, судя по морщинкам в уголках рта, улыбчивое, широко расставленные карие глаза, большой нос картошкой, полные губы. Волосы такими же кудряшками, как у меня, только короткие и темно-рыжие, а кожа цвета корицы. Примерно так я всегда представляла себе Робина Доброго Малого – ну, знаете, проказника Пака из английского фольклора, – разве что одет он в джинсу-кожу и на руках у него татуировка: на одной – молния в круге, на другой – просто молния.

– Не хочешь меня нарисовать? – спрашивает он.

Я невольно улыбаюсь. Трудно не откликнуться на такую простодушную подначку.

– Конечно, – отвечаю я, – почему бы и нет. Ты позировать сумеешь?

Он принимает позу культуриста. Я сдерживаю смех.

– Ты не рисуешь! – говорит он, надувшись так, что голос звучит как из бочки.

– Попробуй что-нибудь чуть более естественное.

Он выпускает воздух, оседает на землю, облокотившись на толстый корень, и кажется, что он уже который час так лежит. Из него вышел бы хороший кот.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, открывая чистую страничку в альбоме.

– Тоби Чилдерс, Буас. А тебя?

– Джилли.

– Ужасно короткое имя.

Я пожимаю плечами:

– Я и сама не велика.

Джо как-то говорил мне, что, попав в страну снов, не стоит называть свое имя первому встречному – особенно полное имя. Здесь имя имеет силу. Правда, я думаю, это и к Миру Как Он Есть относится. Замечали когда-нибудь, насколько легче справиться с проблемой после того, как ее назовешь? Проблема, конечно, никуда не денется, но иметь с ней дело проще.

Тоби улыбается, словно угадал, о чем я думаю, но я просто продолжаю рисовать. Черты лица схватываются легко, а вот постановка головы мне не сразу дается. Если точно передать размер, голова кажется слишком большой.

– Ты в Большом лесу новенькая, – говорит он.

– Можно сказать.

– Хочешь быть моей подружкой?

Я смотрю в альбом.

– Не слишком.

– Жаль, – говорит он мне. – У меня, знаешь, есть пенис.

– Он у большинства мужчин есть.

– У меня не такой, как у всех.

– Многие так думают.

– Но мой может делать всякие штуки.

Я вздыхаю и решаю переменить тему. Мне он кажется довольно простодушным, но, имея дело с этим сказочным народом, никогда не знаешь наверняка. Может, он проверяет, далеко ли можно зайти, прежде чем я взорвусь. Зачем? А кто его знает? Они непостижимы от природы.

– Ты назвал себя Буас, – говорю я.

– Он и есть.

– Это имя или звание?

Он пожимает плечами:

– Пожалуй, скорее звание.

– И что такое «Буас»? Это как «герцог» или...

Он насвистывает несколько тактов из старой песенки «Герцог графства».

– ... или больше как «доктор» или «мэр»? Понимаешь, обозначение профессии.

– Ты очень хорошенькая.

Я вздыхаю:

– Случайность, вряд ли это моя заслуга.

– А все равно приятно. На мой взгляд, по крайней мере.

– Угу.

– А я не в твоём вкусе, да?

– Я тебя почти и не знаю.

– И к комплиментам относишься равнодушно.

– Предпочитаю, чтобы меня хвалили за то, что я делаю, а не за то, как выгляжу.

– Ты что, совсем в зеркало не смотришься? – спрашивает он. – Не наряжаешься, не

прихорашиваешься перед свиданием?

Я качаю головой:

– Со свиданиями у меня плоховато... так что, пойми, тут не в тебе дело. Я обычно слишком занята, чтобы заниматься своей внешностью. Люди принимают меня такой, как есть, или не принимают. Свобода выбора.

– Я тебя принимаю.

Я сдаюсь и закрываю альбом. Корень, на который он облокотился, вьется толстой лесной змеей, уходя мне за спину. Я тоже откидываюсь на него – как на мягкую спинку лесного дивана. Закрытый альбом лежит у меня на коленях, но я продолжаю рассматривать Тоби.

– Так ты из родственников Джо? – спрашиваю я.

Что-то мелькает в его глазах, но так мимолетно, что я не успеваю понять.

– Я Родственник, – произносит он.

Я пока не вижу разницы.

– И чем ты занимаешься, когда не болтаешь с незнакомыми людьми посреди леса?

– Смотря какой день недели, – объясняет он. – В гормдень гоняю на велосипеде по проселкам. В сувидень пью кофе с дружкой Гремучкой и брожу по книжным магазинам в Мабоне. На вигтли сплю допоздна, потому что ночью спать уже не придется.

Все это произносится с самым невозмутимым видом, но меня не купишь.

– Все ты сочиняешь.

– Точно, точно! – кричит он. – Все это я сочинил!

Вскочив на ноги, он швыряет в меня горсть листьев и тут же отскакивает на безопасное расстояние. Я не двигаюсь с места, только вытряхиваю листья из прически.

– Хотя дружок у меня и вправду есть, – добавляет он.

– Тот самый Гремучка, надо полагать? Он мотает головой:

– Ну нет. С Гремучкой дружить нельзя. Это все равно что завязать дружбу с луной или звездами: сплошные разочарования.

– Это почему же?

– Да потому что они такие блестящие и так высоко подвешены.

– Так Гремучка живет на небе? – спрашиваю я.

– Это не имя, а прозвище или звание, – поправляет он меня. – Вроде моего Буас.

– Которое ты так и не объяснил.

– Верно, не объяснил.

Как видно, у нас завязался один из тех разговоров, которые можно вести до бесконечности, так ничего и не сказав.

– Ну, я рада, что у тебя есть друг, – говорю я ему.

Он кивает и выжидательно смотрит на меня.

– Что еще?

– Ты разве не хочешь угадать, кто он такой?

– И пробовать не стану.

– Да, верно, я и забыл. Ты же новенькая. Никого здесь не знаешь.

– Я знаю Джо, – возражаю я. – И еще кое-кого в Мабоне. Ты незнаком с Софи? Она моя лучшая подруга там, в Мире Как Он Есть.

– Софи весь Мабон знает, – начинает он, но фраза повисает в воздухе, и он, глядя на что-то у меня за спиной, бормочет одно слово: – Джолена.

– Так зовут твоего друга? – спрашиваю я. Вместо ответа он разворачивается и улепетывает со всех ног. Все происходит так быстро, что я не успеваю опомниться, как его маленькая фигурка скрывается вдаль, среди исполинских стволов. «Что я такого сказала?» – гадаю я и тут слышу за спиной дыхание, мерное, глубокое и мощное. Так дышала бы, если б умела, большая скала. Обернувшись, я вижу женщину ростом со вставшего на дыбы медведя. Даже больше. Может быть, дело в том, что я смотрю на нее снизу вверх, но она кажется такой же огромной, как здешние деревья.

Я поспешно поднимаюсь на ноги, но картина не меняется. Она все так же возвышается надо мной, а я перед ней не больше ребенка, и силы во мне столько же. Руки и ноги у нее как стволы деревьев, и торс такой массивный, что кажется, она могла бы запросто поднять меня и посадить в карман. Вот только карманов у нее нет. Ни одного кармана не видно на платье из оленьей шкуры, которое на ней надето. Платье размером с шатер, но ей достает только до коленей.

Она похожа на индианку. Широкоскулая, темноглазая, с красновато-коричневой кожей, и волосы падают на пышную грудь двумя длинными черными косами, украшенными бусинками и яркими перышками – по-моему, иволги, сойки и кардинала. Она босиком и, кажется, не стоит, а, скорее, вырастает из земли, как вырастают деревья.

Не могу разобраться, с каким выражением она на меня смотрит. Рассердилась, обнаружив меня здесь, в лесу? Может быть, она местная, а я вторглась в ее владения? Тоби явно предпочел не задерживаться и не выяснять это. А может, он и так знает. Жаль, что не потрудился предупредить меня. Тут мне вспоминается последнее слово, сказанное им прежде, чем он бросился наутек.

– Это... вас так зовут? – спрашиваю я. – Джолена?

Она медленно склоняет голову:

– Люди зовут меня так. Анимандег просил присмотреть за тобой.

Я знаю только одного человека, который мог просить кого-то присмотреть за мной.

– Вы имеете в виду Джо? – спрашиваю я.

И с огромным облегчением вижу, как она снова величественно кивает. Остается непонятным, почему Тоби от нее сбежал, но, по крайней мере, теперь я уверена, что она меня не съест.

– Вы назвали имя... – начинаю я.

– Анимандег?

– Да. Это на языке кикаха «шалый пес»?

Я помню, что так Джо зовут в резервации. Она пожимает плечами:

– Точнее будет перевести «ворон-пес», но все вороны – сумасброды, так что смысл передан довольно точно.

Ворон-пес... И в самом деле имеет смысл, ведь когда Джо пребывает в своем мифе, он носит на плечах голову то ворона, то волка или койота. Правда, мне и Шалый Пес всегда казалось подходящим именем, потому что для Джо дурачиться так же естественно, как быть мудрецом.

– Так вы, наверно, тоже родственница Джо? – говорю я.

Она посылает мне внимательный взгляд.

– Кто еще претендует на родство с Анимандегом?

– Да тот паренек, что убежал, когда вы подошли. Назвался Тоби Чилдерсом, Буасом.

– И он утверждал, что он наш родственник?

Для нее это явно очень важно, так что я мысленно повторяю про себя ту часть разговора с Тоби.

– Вообще-то нет, – признаюсь я. – Он просто сказал, что он Родственник – точно так же, как сказал, что он – Буас.

При этих словах она заметно расслабляется, делает шаг вперед, и, клянусь, от ее шагов дрожит земля. Я невольно задумываюсь, как же это я не услышала ее приближения. Она садится, и земля снова вздрагивает, откуда-то из глубины доносится глухой рокот. Двигается она медленно и плавно, как вода. Большая женщина, но в своем теле ей уютно, она умеет с ним обращаться.

Я тоже сажусь и подбираю упавший альбом. У Джолены такое красивое лицо, что его сразу хочется зарисовать, но у меня не хватает нахальства спросить разрешения. Она заговаривает не сразу, и я снова начинаю нервничать, а это странно, потому что обычно мне молчать с людьми так же легко, как говорить с ними. Но сейчас все идет не так, и я ищу, о чем бы поговорить.

– А что значит «Буас»? – решаюсь я. – Не похоже на язык кикаха.

– Слово галльское, – говорит она, – и означает «тот, кто живет в лесу».

– Галльское? То есть французское?

Снова величественный кивок, и она добавляет:

– Ты выглядишь удивленной.

– Просто я думала, эти места... не знаю... Мир духов туземных племен? Джо иногда называет его *манидо-аки*, вот я и подумала, что он принадлежит кикаха.

Теперь меня награждают улыбкой.

– Это одно из имен. Но в то же время здесь – дом сердца всех духов, не одного клана или народа.

Это все равно как если бы христиане объявили небеса своей собственностью.

– Честно говоря, они так и сделали.

Она смеется:

– Верно, так и сделали, надо же. Так же, как ведут войны во имя Миротворца – сколько глупостей они творят! Шалый Ворон говорит, беда в том, что они записали свои предания. Вся история оказалась взаперти, даже ее ошибки и предания больше не дышат.

Теперь я запуталась.

– Шалый Ворон – это Джо?

Она улыбается:

– Не думаю. Но Ворон – обычное имя среди наших братьев. Старый Ворон, Шалый Ворон, Ворон-Пес, девочки-вороны. А оттого, что они вмешиваются в чужие истории и носят чужие лица, все только больше запутывается. Кажется, хуже них один только Коди.

– А Коди?..

– Койот. Пес с тысячью лиц.

– Некоторые из этих историй мне знакомы, – говорю я ей.

Она смеется:

– Их все знают.

Кажется, она не прочь отвечать на вопросы, и я продолжаю спрашивать:

– А кого вы называете Родственниками или братьями?

– А, тут тоже путаница. Все равно что просить Медведя назвать тебе одно название меда, когда у него сотни сотен названий: по одному на каждый цветок, который посетила пчела, и еще для всех смесей пыльцы в улье.

– У меня то же самое, когда речь заходит о красках, – подхватываю я.

– Верно, ты же художница. Хороший способ рассказывать истории: каждый, глядя на твою картину, может найти собственный путь в сказку.

– Вы хотели рассказать мне о Родственниках.

– Ах да. Говоря о Родственниках, мы обычно имеем в виду самих себя. Народ, понимаешь? Тех, кто был первым в сотворенном Вороном мире. Но иногда мы подразумеваем любого, в ком есть капелька старой крови. Или тех, кто может принимать облик, похожий на наш. Так, бурый медведь, увидев старого гризли, который чешет зад о сосну, зовет его братом. Хотя они не в прямом родстве, понимаешь?

– Кажется, да. – Я снова вспоминаю Тоби. – А, вот тот паренек, которого вы спугнули, когда он назвал себя Родственником, что он имел в виду?

– Не могу сказать, – отвечает Джолен. – Я ведь с ним не говорила. Но он не станет претендовать на кровное родство, если не ищет себе беды.

– А почему он мог бы попасть в беду?

– Представь себе, что кто-то, не друг тебе, называет себя другом, чтобы получить преимущество. Чтобы ему верили на основании чужой репутации, а не его собственной.

«Я и в самом деле слишком быстро ему доверилась, – думаю я, – при всех его разговорах о пенисах и подружках и тому подобном».

– А кого можно считать твоим родичем? – спрашиваю я. – То есть если вопрос не кажется грубым.

Она смеется:

– Спросить-то можно, а вот ответить я не сумею. Просто я есть я уже очень долго. Альберта уверяет, что я вышла прямо из земли, потому что на мне всегда столько грязи.

– Альберта, – повторяю я. – Она – жещцина-олениха, да?

– И откуда бы тебе ее знать?

Теперь я соображаю, от кого уже слышала прежде все эти имена: Джолена и Медведь, Альберта и Шалый Ворон...

– Был один сказочник по имени Джек Доу, – говорю я. – Он жил в автобусе за Катакомбами. Он уже несколько лет как исчез, и в автобусе теперь обитает рыжая девица Кэти Бин, но пока Джек был там, он частенько рассказывал мне чудесные истории про звериный народ, о котором вы сейчас говорили. Как они пришли сюда первыми и до сих пор здесь: часть нашей жизни. В его историях пару раз встречалась Альберта. И кое-какие из других имен, которые вы называли. И вы тоже – то есть там была женщина по имени Джолена. Он говорил, она может становиться то крошечной, как минутка, то большой, как гора, смотря по тому... ну, я сама не знаю почему.

– Ах, Джек, – говорит Джолена, и мне кажется, она повторяет его имя с грустью. – Да, пожалуй, это он обо мне. Я иногда большая, а иногда маленькая.

– Мне не хватает Джека. Сколько раз гадала, куда он ушел.

– Нам всем его не хватает, – вздыхает Джолена.

– Но с ним все в порядке, вы не знаете?

– Он ушел в Благодать, – говорит она.

– Это что?

– Из нее мы все вышли и в нее уходим, когда кончается наш срок.

Первый раз слышу, чтобы об этом так говорили. Благодать... Волна грусти заливают меня, принося понимание, что Джек умер. Не важно, что с ним, может быть, все прекрасно – все равно он ушел. Крошечное утешение только в том, что я еще, может быть, повстречаю его, когда наступит моя очередь умирать.

Потому что в одном я теперь уверена, после того как побывала в этом лесу, в Мабоне. У нас есть дух. У нас есть души. Что-то, что продолжает жить, когда умирает тело.

– А я – Родственница? – слышу я собственный голос.

Она долго, неторопливо изучает меня.

– Ну... В тебе есть какой-то свет, из-за которого любой из Родственников тебя сразу заметит, но откуда он, я не скажу. Если бы ты здесь была всем телом, а не только духом, то приманила бы к себе всевозможных существ: Родичей, духов, добрых созданий и таких, которые слишком голодны, чтобы тебе захотелось утолить их голод.

– И Джо то же говорит.

– Но ты даже в сновидении светишься. Оттого мне так легко было тебя найти.

– А все-таки я не родственница.

– Я этого не говорила. Говорила, что не могу сказать. Обычно мы чуем друг друга или узнаем каким-то внутренним чувством, но, когда я на тебя смотрю, меня слепит яркий свет и я мало что могу разобрать.

Какое-то время мы молча сидим рядом, и я больше не чувствую потребности заполнить молчание словами. Недолгое время, проведенное с ней за разговором, сделало нас знакомыми, и я успокоилась.

– Так что же ты здесь делаешь? – помолчав, спрашивает Джолена. – Анимандег... Джо говорил, что ты лечишься, но, по мне, ты не похожа на больную.

– Лечение нужно моему телу там, в Мире Как Он Есть. Мне нужен отдых от того, что случилось со мной там.

– Поэтому ты норовишь попасть в беду здесь.

– Наверное. Хотя мне хотелось... – Голос у меня садится.

– Чего тебе хотелось? – переспрашивает она. Голос у нее мягкий, утешительный, как теплый дождь, как материнская ласка, которой я никогда не знала. То ли от этого, то ли

воздух здесь такой, но я ни с того ни с сего рассказываю ей вещи, о которых говорила только с Джо и с Джорди: о тихой гавани, которая, я знаю, ждет меня где-то в другом мире.

– Ты можешь найти такое место, – медленно, задумчиво кивает она. – Но не здесь, не в этом лесу. Здесь сказка только начинается.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она улыбается:

– Как по-твоему, что это за лес?

– Не знаю. Я только чувствую, что, пока дышу его воздухом, мне не надо ни еды, ни питья.

– Может, и так. Но это не все. Я слышала, его называют Неметон – старое слово из старого языка, означающее священное место или рощу, – но чаще его зовут просто Большой лес. Это лес опасностей. Темный лес, через который тебе придется пройти. Я говорю, сказка начинается здесь, но куда она тебя уведет, ты узнаешь только после того, как, переставляя ногу за ногу, дойдешь до конца. Это лес дорог и воспоминаний, и, чтобы пройти его из конца в конец, тебе понадобятся отвага и упорство.

– Как в сказках...

Она кивает и говорит:

– И если ты готова к такому пути, тебе пора идти.

– А Джо сказал, я должна сначала исцелить свое тело. Но это не так-то просто.

– Джо должен был сказать так. Наверное, он даже прав. Но я бы на его месте... – Холмы ее плеч поднимаются и опадают, и она улыбается. – Ну, я всегда была слишком порывистой.

Глядя на ее тяжелые формы, поверить этому трудновато. Но тут мне вспоминаются те истории Джо, где действовала иная Джолена: маленькая и еще более отчаянная, чем девочки-вороны. И что-то от той Джолены светится у нее в глазах. Веселая сумасшедшинка. Такие же глаза, как у Джо, – полушута-полушамана.

– Так ты думаешь, мне пора идти? – спрашиваю я. – Начать путешествие прямо сейчас?

Она пожимает плечами:

– Сказать, когда пора, может только твое сердце. Здесь не годится правило «скорее выйдешь, скорее придешь».

– Потому что главное не прийти, а идти?

Она одобрительно улыбается мне:

– Именно так.

– Думаю, я лучше дождусь, пока Джо разрешит. Он еще не разу не давал мне плохих советов. – Я усмехаюсь. – Что, конечно, не значит, что мне *нравились* его советы.

– Я же сказала, – повторяет Джолена, – пускайся в путь, когда почувствуешь, что время пришло. Но не забудь: то, что Джо чувствует, чувствует он – не ты.

Она снова поднимается на ноги: словно гора встает. Будто одно из исполинских деревьев разминает корни и собирается на прогулку.

– Мне надо двигаться, – говорит она.

Я тоже встаю.

– Спасибо, что заглянули сюда.

– Для друзей Джо у меня всегда найдется время. Она протягивает руку и ерошит мне волосы, и я опять чувствую себя маленькой девочкой. Последняя улыбка, и она проделывает тот же фокус с исчезновением, что и Джо: шагает за невидимый занавес, и нет ее. У меня под ногами замирает дрожь земли. Так вот почему она застала нас с Тоби врасплох. Этому фокусу я тоже не прочь научиться, только сначала надо починить Сломанную Девочку.

Я знаю, что пора возвращаться, но сначала, не жалея времени, пытаюсь сделать несколько набросков лица Джолены по свежей памяти.

Свет здесь, по-моему, ничуть не меняется, так что трудно сказать, долго ли я рисовала. Боюсь, слишком долго, потому что прежде, чем завернуть альбом в пакет и пристроить в ту же норку под корнями, я извела полдюжины листов. Отряхиваю руки и позволяю себе

вернуться.

Проснувшись Сломанной Девочкой, я не сразу осознаю, что снова привязана к постели. Как всегда. Труднее всего смириться с параличом. И с немотой тела. Правая половина его – просто мясо на костях, и я его не чувствую, не имею к нему отношения. Подвижность, свобода остаются в стране снов. Я это знаю, но каждый раз, возвращаясь, переживаю короткий приступ паники. Потом приходит понимание, и все цвета мира сливаются в сплошной серый. Так видит мир Сломанная Девочка. В оттенках серого.

Я вспоминаю своих лесных знакомых. Смешного маленького Тоби в кожаной куртке и наколках. Безмятежную ясность Джолены, столь же необъятную, как ее тело.

– Да, чудно, – говорю я себе.

– Что чудно?

Умудряюсь с грехом пополам повернуть голову и вижу в кресле для посетителей Венди. У нее на коленях открыт дневник, в руке авторучка.

– Последние приключения в стране снов, – поясняю я.

Она надевает на ручку колпачок и закладывает его страницу в дневнике.

– Расскажешь?

Я улыбаюсь. И в этом мире есть волшебство, напоминаю я себе. Разве я не видела девочек-эльфов, живущих в брошенной машине в Катакомбах и зовущих себя геминами? Разве не побывала в подземном царстве маленьких гоблинов, которые называют себя скукинами и живут у нас под ногами? Разве не познакомилась с девчонками, умеющими оборачиваться воронами, – или наоборот?

И мои друзья тоже... В жилах Софи – кровь эльфов. Девушка, с которой когда-то встречался Джорди, сбежала от него в прошлое, а Сирина и Мэран Келле-ди из прошлого пришли к нам. У Сю живет собачка Фритци, которая как-то под Рождество решила с ней поболтать. На счету у Кристи с профессором волшебных приключений больше, чем пальцев на руках и ногах. А Венди... Венди однажды зимой вырастила из желудя Волшебное Дерево Сказок и подкармливала его сказками. Весной ей пришлось из горшка пересадить его в парк, и теперь там растет большой раскидистый дуб. Но она по-прежнему скармливает ему свои истории.

– Ладно, как раз для твоего дерева, – говорю я и рассказываю ей о Тоби и Джолене.

5

Слушая рассказ подруги, Венди следила за ее лицом. У Джилли за целый день воодушевление в голосе и на лице появляется только в те минуты, когда она делится своими приключениями в стране снов. Но Венди, хотя не меньше Софи боялась лишиться подруги, не видела ничего плохого в том, что Джилли проводит там время. Как-никак, страна снов дарит ей счастье в то время, как остальная жизнь стала унылой и жалкой.

Венди тревожило другое. Слушая о последних встречах Джилли в мире фантазии, погрузившись в чудо, она все же успевала дивиться, какое же у ее подруг живое воображение. Потому что, правду сказать, сама Венди не так уж твердо верила в страну снов. Когда раньше они с Джилли слушали рассказы Софи, все было по-другому. Восторг и беспредельная вера Джилли гасили всякие сомнения. Она безоговорочно верила в сказку и не задумывалась, существует ли страна снов независимо от Мира Как Он Есть или только в воображении Софи. Но когда рассказывала сама Джилли и некому было, сидя рядом с Венди, кивать и улыбаться и хлопать в ладоши, все было сложнее. Маленькое кусачее «как будто» заметно портило удовольствие.

Правда, немного позже она догадалась, что сегодня неловкое чувство вызвано не сомнениями, верить или нет, а тем, что она старалась отогнать мысли о болезни Джилли и беде с ее студией. Нелегко было, слушая рассказы о крутом эльфе с наколками на руках и об огромной матушке, воплощавшей дух земли, вспоминать, что все волшебные картины

Джилли погибли. Уничтожены. И может быть, тем самым человеком, из-за которого она попала в больницу.

– А я какому животному родня? – спросила Джилли, и Венди виновато вскинулась. Откуда такой странный вопросик?.. Она не сразу увидела связь.

– Ты хочешь сказать, в зверином народе Джека?

– Я не утверждаю, что сама из них, – добавила Джилли, – но если бы была, как ты думаешь, кем?

«Вот это больше похоже на прежнюю Джилли», – подумалось Венди.

– Пожалуй, обезьянкой, – сказала она, – или кошкой. А может, вороной – неспроста же они тебе по душе. Скажем, черной кошкотарышкой с вороньими крылышками. А я кто, потвоему?

– Ты? Наверняка птица-муха.

– Колибри? Птица-муха?

– Не удивляйся. Джо говорит, они считаются первыми создателями духов-зверей, а ты ведь прирожденная поэтесса и рассказчица, это раз. И еще они очень могущественные и красивые и разносят счастье – точно как ты.

«Как странно видят тебя другие люди», – думала Венди. Сама себе она казалась совсем не такой.

– Пусть будет так, – сказала она. – Хотя я бы скорее выбрала мышку или крота. Что-нибудь маленькое, неприязнательное, и чтоб жить в уютной норке. – Она улыбнулась новой мысли. – Или я могла бы стать мышкой с крылышками колибри и летать вместе с кошкотарышкой, если бы ты пообещала меня не есть.

– Ну разве что погоняла бы иногда, шутки ради.

Венди улыбнулась:

– Только пока я не скажу «чур-чура», и чтоб тогда уж сразу переставала.

– Ох, вот бы нарисовать такую парочку, – начала Джилли, – чтоб порхали в воздухе как... как... – Голос ее сорвался, и она опустила взгляд на свою руку.

– Ты снова сможешь рисовать, – сказала Венди.

– А если не смогу?

Венди подумала о пропавших картинах, которые Мона и Софи снесли в подвал. В любом случае их гибель – большая беда, но если Джилли не будет иметь возможности рисовать, воскресить своих волшебных знакомых на новых полотнах... Об этом даже думать было невыносимо.

– Обязательно сможешь, – сказала Венди. – Ты просто не имеешь права не поправиться.

– Может, у меня не будет выбора. Венди покачала головой:

– Не смей так говорить. Это не ты. Где тот отчаянный и уверенный в себе мушкетер, который никогда не сдается?

– Превратился в Сломанную Девочку, – сказала Джилли, – которая, если ей удастся когда-нибудь отсюда выбраться, станет Девочкой-банкротом. Не представляю, как мне за все расплатиться.

– Страховка все покроет, – успокоила она Джилли.

Та озадаченно взглянула на нее:

– У меня нет страховки.

– А вот и есть. Профессор застраховал тебя, еще когда ты училась в университете, и с тех пор платил взносы.

– Но...

– Ты об этом не знала, потому что никогда не болела.

– Просто не верится, как он добр ко мне, – сказала Джилли. – Почему все ко мне так добры?

– Как аукнется, так и откликнется, – объяснила ей Венди. – Я ни разу не видела человека, который делал бы для других столько, сколько ты.

Но при этих словах перед ее глазами снова встали изрезанные картины и в груди заняло. Нет, не всегда эта поговорка справедлива – ведь не могла Джилли причинить кому-то столько зла, чтоб за него так отомстить.

– Ты меня в краску вогнала, – сказала Джилли и тут же озабоченно уставилась на подругу. – Что с тобой?

– Ничего.

– Нет, что-то случилось. Ты от меня скрываешь.

– Не мне об этом говорить... – начала Венди.

Но кому же, если не ей? Никто не хочет рассказывать... еще бы хотеть! Добавить такой ужас ко всему, что и так свалилось на Джилли... Но рано или поздно кто-то должен сказать.

Венди поднялась с кресла и пересела на край кровати, взяла левую руку подруги, погладила кончики пальцев, торчавшие из гипса.

– Что-то очень плохое, да? – спросила Джилли.

Венди кивнула:

– Ты уж соберись с силами.

– О господи! Паралич? Это навсегда?

– Нет, совсем другое, – решила Венди. – Беда с твоими картинами. Когда ты легла в больницу, кто-то вломился в студию...

6

Не знаю, почему мне не так тяжело, как могло бы быть. Разве что дело в том, что я так остро ощущаю себя в разводе с Миром Как Он Есть, и какие бы ужасные вещи ни случались в нем, они случаются не со мной – со Сломанной Девочкой.

– Ты точно ничего? В порядке? – натягивая плащ, засовывая дневник в свой рюкзачок, Венди повторяет этот вопрос чуть ли не в сотый раз.

– Какой уж там порядок, – слабо улыбаюсь я ей. – Ты только посмотри на меня. Лежу здесь, как туша.

– Я про картины.

– Понимаю, – говорю я.

Почему-то потеря фантастических картин кажется естественной после потери руки, которой я держала кисть. По правде сказать, сразу вслед за потрясением от ужасной новости, которую принесла мне Венди, я чувствую и некоторое облегчение. Исчезла еще одна нить, привязывавшая меня к Миру Как Он Есть. Но говорить ей этого нельзя – она только больше расстроится.

– Все идет по плану, составленному давным-давно, – говорю я. – Какие-то частности могут нас не устраивать, и путешествие не всегда приятное, но мы справимся. Быть живым – проклятие и благословение.

Какой маленькой и несчастной кажется сейчас Венди! Рюкзачок волочится по полу, словно она забыла о нем, зажав лямку в одной руке.

– Господи, какая ты фаталистка! – говорит она.

– Знаю. И это не я, – добавляю я, угадывая ее мысль.

– Ну и верно ведь не ты.

Я сочувственно смотрю на нее и утешаю:

– Бывало хуже.

– Не могу себе представить, – отзывается она и исчезает в пасти коридора.

– Очень рада, что ты не можешь представить, – говорю я в пустоту палаты. – И не надо человеку такого представлять. А все-таки худшее случается иногда и нас не спрашивает.

Я смотрю в потолок.

Бывает, я пытаюсь пересчитать пятнышки на потолке. Если смогу, не сбившись, сосчитать все на одной плитке, то, умножив их на число плиток в комнате, узнаю, сколько их

в моей палате. Может быть, даже удастся сообразить, сколько их на всем этаже. Или во всей больнице.

Надо же чем-то заниматься, лежа в постели. Если не это, так вспоминаешь и вспоминаешь, пока воспоминания не заходят слишком далеко в прошлое, в темные времена, до того, как моя жизнь началась заново.

Но сегодня вечером пятнышкам не под силу меня отвлечь. Я начинаю вспоминать, когда впервые стала рисовать. Не те жалкие наброски, которыми пыталась торговать по дешевке, когда жила на улице, а раньше, в детстве.

Порой мне кажется, рисовать детям хочется так же сильно, как говорить. Не знаю, что их привлекает, — мои воспоминания так далеко не заходят, по крайней мере отчетливые. Помню, как рисовала, но что толкнуло меня взять в руки карандаши, не знаю. Может быть, просто тот факт, что они были цветные. Цветные карандаши, кружочки акварельных красок, такие яркие, что устоять невозможно. Но ведь простой карандаш и оберточная бумага доставляли мне не меньше радости. Так что, возможно, дело было в том, что мне надо было увидеть мир и перенести кусочек его на бумагу. Помнится, я рисовала даже прутиком в пыли на заднем дворе.

Детишки-счастливчики рождаются в семьях, где их первую мазню расхваливают и хранят как драгоценность, приклеивают магнитиком к дверце холодильника или вставляют в рамочку и вешают на стену. Они живут с людьми, которые их любят, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Я не относилась к счастливчикам.

Я не напрашиваюсь на жалость. Просто так уж оно было.

Сегодня воспоминания переносят меня в тот день, когда мне было, наверное, лет пять-шесть. Пожалуй, шесть, потому что я уже ходила в школу или в детский сад. Был мой любимый урок: рисование гуашью на больших листах газетной бумаги. Помню, учительница в тот день была такая добрая. Нам разрешили изобразить то, что нам нравится, и ребяташки рядом со мной рисовали кто своих домашних любимцев, кто семью, кто еще что-то. Я рисовала то старое дерево, что росло в поле у нас за домом. Если мне удавалось выбраться из дому, я убегала за забор, ложилась на траву под тем деревом и глядела вверх, воображая играющих в его ветвях эльфов.

Проходя по рядам, учительница остановилась и с минуту смотрела, как я работаю. Глядя на ту картину сквозь дымку лет, я уже не помню подробностей своей работы, но, видно, было в ней что-то, что привлекло ее внимание.

— Ты такая талантливая, — сказала она. — Не удивлюсь, если ты, когда вырастешь, станешь художницей.

— Мне нравится урок рисования, — сказала я.

— А здесь у тебя что? — спросила она, указывая на комочки желтой краски, сбившиеся вокруг нарисованного ствола.

— Эльфы, — объяснила я, — но они такие маленькие, что приходится рисовать их точками.

Она взъерошила мне волосы:

— Никогда не расставайся с чудесами, — и отошла к другим ребятам.

Я очень бережно скатала тот лист и понесла домой, чуть не лопааясь от гордости. Добравшись до дверей, я, не подумав, ворвалась с криком «Мама!» прямо на кухню. Только оказавшись на кухне, я поняла свою ошибку. Едва перевалило за полдень, но она была уже пьяна. Она наорала на меня за то, что я врываюсь в дом, за то, что кричу, а потом поинтересовалась, что это я притащила. Я хотела спрятать свиток, но он был слишком большой. Мама развернула его на кухонном столе.

— Этому тебя учат в школе?! — возмутилась она. — Картиночки рисовать, вместо того чтобы вбить тебе в голову что-нибудь полезное и вытряхнуть оттуда хоть малость тумана?

И она разорвала картину. Разорвала, бросила клочки на пол и отлупила меня, чтоб я не ревела.

– А теперь, милочка, – приказала она, – отнеси этот хлам туда, где ему место, и больше не таскай домой такой дряни.

Это воспоминание так и не перестало причинять боль. И дело не в том, что это было со мной, хотя каждый раз, как это вспоминается, мне хочется обнять ту маленькую девочку, которой я была, прижать к груди, поцеловать в макушку, как меня никогда не целовали, и сказать, что это пройдет. Надо только немного продержаться, и хотя сначала будет становиться все хуже, потом все будет хорошо. Все, что ей видится, перейдет на бумагу и холсты.

Но больно мне потому, что я думаю обо всех других ребятишках, которым так же плохо или даже хуже. С которыми такое происходит до сих пор, прямо сейчас, в эту минуту. Дети – самые прекрасные сокровища, которые нам достаются в этом мире, но слишком большой процент населения неизменно рассматривает их как обузу и неудобство, если не как свою собственность или игрушку.

А потом люди удивляются, что я предпочитаю нашему миру страну снов.

Я вздыхаю. Все это меня угнетает. Лучше просто уснуть и перебраться в другой мир. Вовсе это не передышка. Просто бегство – коротко и ясно. Теперь, зная дорогу, я могла бы просто собрать вещи и уйти туда навсегда. А мир пусть обходится без меня.

Но, наверное, я просто не так устроена. Я давным-давно перестала убегать от неприятностей, что бы там ни говорил Джо. Я знаю, что прежде, чем совершить что-то всерьез в стране снов, должна разобраться с проблемами здесь. Беда в том, что я не знаю, что я могу с ними сделать, кроме как просто склеить Сломанную Девочку. Мне казалось, я давно примирилась со своим детством. Того, что со мной было, уже не изменить. И я всю жизнь делала все, что в моих силах, чтобы такого не случилось с другими детишками.

Но, как видно, этого мало.

Я пробую пошевелить парализованной рукой. Ногой. Пытаюсь просто ощутить, что они есть. Хоть что-нибудь. Если прежде всего мне придется залечить внутреннюю рану, похоже, так я и останусь здесь на всю жизнь.

Роскошно. Теперь мне еще тоскливее.

Задумываюсь, удастся ли мне просто заснуть, не переходя границу, – ведь после каждого перехода искушение остаться там становится сильнее. Придется спросить Софи, когда она завтра придет, как это делается.

Пока я даже не пытаюсь. Закрываю глаза, но вместо сна являются картины. Они проплывают перед глазами: все полотна, про которые Венди сказала, что их испоганили. Мои геммины и гоблины из подземки, эльфы со свалки и горгульи, слетевшие с крыш.

Я открываю глаза, но от слез потолок как в тумане.

И тут мне представляются картины, которых я еще не нарисовала. Для начала Тоби и Джолена. И милая сценка: мы с Венди порхаем в небесах.

Мне не дано дара Изабель. Я не умею давать жизнь образам своих картин. Ее же искусство призывает духов, способных двигаться и общаться с людьми в Мире Как Он Есть и существующих, пока целы их портреты. Она своими красками словно открывает двери между мирами. Но и от моих работ что-то рождается. Не то чтобы живые духи, как от ее картин, но что-то. Как минимум они напоминают людям, что во всем есть душа, даже в заброшенном доме или в разбитой машине. Или заставляют вспомнить, как видят мир дети, а это тоже не так уж мало. Миру не помешает, если будет немножко больше распахнутых от удивления детских глаз.

Я живу и дышу искусством. Не могу представить себя без него. Что для других людей – дневник, хранящий события их жизни, то для меня – этюдник, альбомы с набросками. Перелистывая их, не увидишь историй, как в комиксах Моны. Две ее серии: «Я живу птицей» и «Отважная девчонка», из номера в номер печатающиеся в «Городе», – буквально комментарий к каждому дню ее жизни.

Но наброски в моем альбоме остаются со мной. Глядя на страницу, я в точности вспоминаю, где была тогда, что думала, что чувствовала, что творилось в моей жизни. Я еще

в университете завела привычку хранить наброски, и до самой больницы не было дня, чтобы я не сделала зарисовки, хотя бы беглой.

Теперь этому конец. Все ушло. Искусство больше не будет моей дорогой. Оно останется чужим занятием, чужим путем, а мне придется только смотреть вслед идущим да любоваться тем, что они приносят с собой из путешествий.

Вот я и совсем расплакалась. И не могу остановиться. Даже высморкаться не могу. Начинаю задыхаться от соплей, но сиделку позвать стыдно. Кое-как поворачиваю голову и выкашливаю слизь на подушку. Она стекает мне на шею, на плечо. Но это не помогает. Я все равно задыхаюсь.

В конце концов я плюю на гордость и нажимаю кнопку вызова.

Я просто не могу перестать плакать.

Джо шалый пес

В стране духов не существует карт. Сдается мне, когда Великий Дух задумал создать *манидо-аки*, ему просто не пришло в голову, что нам понадобится отыскивать там те или иные определенные места. Он сотворил для нас лоскутное одеяло земель духов и снов и еще *манидо-тевин* – дом духа всего того, что живет или жило в Мире Как Он Есть: животных, растений, камней, рек, холмов, зданий. У всего существующего свой *манидо-тевин*. Кое-кто называет их *абинас-оди* – дом сердца: твой собственный клочок одеяла, знакомый, как биение пульса, единственное место, которое навсегда принадлежит тебе.

Но чем глубже заходишь, тем более дикой и непредсказуемой делается земля. Зайди достаточно далеко – и ты на чужой планете, а все известные тебе законы природы переворачиваются с ног на голову.

В таких местах, как любимый Софи Мабон, минуты тикают почти с той же скоростью, что и в Мире Как Он Есть. Между этими лоскутками протянулась паутина троп, и время на них тоже общее для обоих миров. Но, постаравшись, ты найдешь другие, тайные дороги, где время застыло неподвижно или сворачивается, так что, пока ты шагаешь по ним, времени не проходит вовсе. И места такие же есть: крошечные участки или целые земли. Большой лес – эхо первого леса, в котором так много времени проводит Джилли, – тоже такой. Но сойди с этой тропы, покинь пределы земель без времени – и кто знает, что ты найдешь?

Чаще всего – текущие земли, где время течет быстрее, чем в Мире Как Он Есть. Ты можешь пробыть там целый год, а в мире, который ты оставил, пролетит всего несколько минут. Но есть и дороги с медленно текущим временем. Проведешь на них ночь – и вернешься, как Рип Ван Винкль, сто лет спустя. Не лучшая мысль для того, кто оставил в Мире Как Он Есть то, что ему дорого.

Народ вроде меня чувствует такие места. Я держусь подальше от уголков с медленно текущим временем, потому что в оставшемся за спиной мире меня ждут. Если приходится бродить в глуши, я стараюсь не покидать текущих земель. Моя кровь позволяет не жалеть времени. Я не бессмертен, но из долгоживущих. Это в крови, но еще и побочный эффект долгих странствий в тех местах. Видимо, виновато особое свойство воздуха.

Но как бы ни замедлялось или ни ускорялось время в стране снов, в Мире Как Он Есть оно идет своим чередом. Поэтому, оставив Джилли в Большом лесу, я брожу по тайным дорогам, обходя местность по спирали. И надеюсь, что бродить мне придется недолго. Вряд ли я сразу наткнулся на женщину, которую ищу, но, если повезет, получу знак, который приведет меня к ней.

Мне не везет.

Не хочу бахвалиться, но что умею, то умею: отыскивать дорогу в *манидо-аки*, находить людей, места, вещи. Природное свойство и долгий опыт к тому же. Но дело это требует терпения и времени, а у Джилли времени осталось не много. Она в последние дни в таком настроении, что способна перерезать нить, думая, что навсегда уходит в страну снов, а на самом деле завершая свой жизненный срок ради того, что ждет ее в будущем.

Поэтому, потратив пару дней впустую, я возвращаюсь в Мир Как Он Есть. Мне нужна путеводная нить. Я читаю знаки на костях, но не могу раскидывать их для себя; ни один предсказатель не способен ясно увидеть собственное будущее. Мне нужен помощник, который прочитает для меня знаки.

Я выхожу из спальни нашей квартирки, и Касси улыбается мне. Была пора, не такая уж далекая, когда мы просто занимали брошенное жилье. Мы кочевали, проводя половину времени в этом мире, а другую половину – в *манидо-аки*. Все наше имущество умещалось в рюкзаках. В стране снов ставили палатку; возвращаясь в город, подыскивали себе пустующий дом.

Но в последнее время в Касси пробудился инстинкт гнездования. Ей захотелось завести ребятишек. Соорудить хижину в горах, с бутылочным деревом у порога, чтобы отпугивать ведьм и приветствовать добрых духов, как у той старухи, которая подарила ей карты. Я позабочусь о том, чтобы все это у нее было, так же, как забочусь о том, чтобы она проводила в стране снов побольше времени, растягивая отпущенные ей в этом мире годы. А пока мы обходимся полуподвальной квартиркой в Верхнем Фоксвилле, и в ней уже скопилось столько вещей, что они не уместятся в кузове грузовичка. Кстати, машины у нас нет.

– Привет, незнакомец, – говорит она, подходя, чтобы обнять меня. – Я соскучилась.

– И я тоже.

Как же не соскучиться. В ее объятиях – покой и любовь, каких не найдешь больше нигде – ни в этом мире, ни в том. А ведь я, пока ее не встретил, никогда не верил в духовных двойников.

На вид ей до сих пор не дашь больше тридцати пяти: темноглазая красавица с кофейного цвета кожей и африканскими косичками, украшенными бусинками. Она поклонница нежных тонов: сегодня нарядилась в лиловые рейтузы и отливающую розовым футболку. А кроссовки ярко-желтые. Такая уж у меня Касси – не любит выделяться в толпе.

– Ну как, удалось тебе разыскать свою бабушку? – спрашивает она.

Нокомис мне не бабушка. Просто Народ ее так называет. Но не стоит поправлять Касси.

– Пока нет, – говорю я, – так что мне понадобится твоя помощь.

– Принесу карты, – говорит она.

На вид в ней ничего особенного, в этой колоде, подаренной чернокожей старушкой из хижины под бутылочным деревом. У Касси есть другая – затейливая колода Таро, которую она держит для обычного гадания: например, когда мы подрабатываем уличными гадалщиками. Но эти особенные. Потрепанные карты с синим цветочным орнаментом на рубашке, стянутые резинкой. Лицевая сторона у всех абсолютно чистая, белая.

Мы садимся по разные стороны кофейного столика, и Касси стягивает с колоды резинку. Она разворачивает карты веером и протягивает мне рубашками вверх. Что делать, мне известно. Я позволяю своему вопросу наполнить меня. Настраиваюсь на него и на духов, заполняющих комнату: своего, духа Касси и того, что перетекает от нее ко мне. Потом вытягиваю три карты, одну за другой.

Белый прямоугольник первой карты начинает мерцать, и на нем проступает картинка: пес, больше похожий на койота, с бурой шкурой, покрытой рыжими и желтоватыми пятнышками. Голова у него воронья, и он рысцой бежит через заросли, будто по следу добычи.

– Пожалуй, я? – говорю я.

– А место узнаешь? – спрашивает Касси.

Я качаю головой:

– Похоже на *манидо-аки*.

– Прошлое или настоящее?

– Какая разница? – хмыкаю я. – Я бывал там раньше, буду и впредь. Мне нужно указание места, куда направиться.

Касси кивает, и мы рассматриваем следующую карту. Картинка показывает стаю волков, терзающих добычу, – кажется, ляжку белого коня. Нам виден только круп мертвого животного. Рядом вороны и черные вороны ждут своей очереди.

Я поднимаю глаза на Касси:

– Что-нибудь понимаешь?

– Родичи? – гадают она. – Может быть, они направят тебя?

– А конь?

Она качает головой:

– Может, он ничего особенного не означает: просто те, кто тебе нужен, только что настигли добычу. Ты же знаешь, как скрупулезно карты воспроизводят картины.

– Пожалуй...

Мне не нравится эта карта, но чем – я не знаю. Может быть, во мне просто говорит собака. Собаки и лошади были спутниками человека, и от этого между нами тоже возникло родство. Вряд ли хорошо питаться родственниками.

Я еще минуту рассматриваю вторую карту, а потом беру третью. На ней полная луна отражается в темной воде стоячего озера, застывшего на горной вершине среди красных скал. Разглядывая изображение, я вижу, как внизу на склонах течет время, сменяются времена года. Такое можно увидеть только в одном месте.

– Текучие земли, – говорю я.

– А отражение луны?

– Никто не привязан к земле больше Нокомис, но ей всегда нравился лунный образ. Наверно, это от ее близости с Дедушкой Громом.

Касси выпрямляется и через столик смотрит на меня.

– Хоть что-то помогло? – спрашивает она.

– Отчасти. Я так и думал, что она в глубине диких земель. Карты только подтвердили это.

– Ты же знаешь карты, – вздыхает Касси. – Они требуют, чтобы ты помог сам себе не меньше, чем они тебе помогают. – Она тасует колоду, замешав в нее и три мои карты. – Можно попробовать еще раз.

– Нет, – возражаю я. – Я получил самый ясный ответ, на какой мог надеяться. Похоже, меня ждет трудное путешествие. Текучие земли тянутся чуть ли не до бесконечности.

Касси стягивает колоду резинкой и кладет на стол. Я люблю ее ловкими, проворными пальцами.

– Может занять порядочно времени, – предупреждаю я. – Ты точно не хочешь пойти со мной?

Она мотает головой:

– Я помогаю Лауре в хосписе. У них все еще не хватает рук.

– Я думал, к вам поступили новые волонтеры.

– Верно, но они слишком слабы, чтобы всерьез работать, а остальные, похоже, боятся заразиться, работая с раковыми больными.

– Идиоты.

– Мм. Тебе собрать еды?

Я смотрю, как она сидит с другой стороны столика. Не знаю, на сколько мне придется уйти, но даже минута покажется слишком долгой.

– Пожалуй, я останусь до завтра, – говорю я.

Улыбка медленно проступает у нее на губах и заливает все лицо. Она не говорит ни слова. Просто берет меня за руку и ведет в спальню.

Наутро я готовлю жареный хлеб с бобами и наливаю две большие кружки кофе к тому времени, когда Касси выползает из спальни. Она протирает сонные глаза и одобительно смотрит на кофе.

– Вот за что я тебя терплю, – бормочет она.

- А я думал, за то, что я непревзойденный танцор.
- Ты и вправду хорошо танцуешь.
- Йа-ха-хей! – напеваю я и, пританцовывая, ставлю перед ней тарелку с завтраком.

Вместо ночной рубашки на ней просторная длинная футболка, такая яркая, что у меня слезятся глаза. Я моргаю, и под веками у меня вместо звезд узор из стеклянных бусинок. Касси с удовольствием потягивает кофе и смотрит на меня поверх края чашки.

- Джилли с тобой не говорила о своих картинах? – спрашивает она.
- Почти нет. Я знаю, ее сводит с ума, что пока ей даже карандаша в руке не удержать.
- Кто-то вломился к ней в студию и уничтожил все фантастические картины.

Мое беспокойство за Джилли возрастает на пару делений. Чего-то в этом роде только и не хватало, чтобы навсегда увести ее страну снов.

- Как она это пережила? – спрашиваю я.
- Пока ей никто не сказал.
- Вот и хорошо.

– Может, хорошо, а может, не очень, – возражает Касси. – По-моему, ей лучше бы узнать. Будет больно, но все равно всегда гораздо лучше знать правду. И может быть, она тверже решит выздороветь.

- Или уйдет еще глубже в *манидо-аки*.
- Она сильнее, чем ты думаешь.

Я медленно киваю:

- Надеюсь, ты права.

– Но с ее студией еще одна странность, – продолжает Касси. – Я вчера взяла у Софи ключ и зашла туда вечером. Понимаешь, хотела проверить, не удастся ли мне заметить какой-нибудь след вандала.

Касси не просто хорошая гадалка. Когда она говорит о следах, она имеет в виду след духа, который для большинства людей невидим. Никто из моей родни не чувствует людей и места так, как их чувствует Касси.

- И что ты нашла? – спрашиваю я.

Касси медлит с ответом. Я знаю: мысленно она возвращается в студию, подыскивает точные слова, объясняющие, что она там ощутила.

- Ты ведь знаешь, как светится Джилли, – говорит она наконец.

– Иногда ярче звезды, – говорю я, – хотя я так и не понял, откуда этот свет. Должно быть, сияние большой души. Большой и сильной.

Касси кивает:

– В том, кто разгромил ее студию, не меньше силы, но вместо света в ней – я почти уверена, что это была женщина, – так вот, вместо света в ней горит тьма. Но самое странное, что след, оставленный ею, мог бы принадлежать Джилли.

- Только не светлой, а темной...

- Если я понятно выражаюсь.

- Так что ты хочешь сказать? – спрашиваю я, хотя уже понял, к чему она клонит.

Касси отвечает не сразу, вертит перед собой на столе кружку.

- Похоже, будто Джилли сама погубила свои картины, – наконец говорит она.

- Только вот она тогда была в больнице, верно? Я имею в виду, по времени это...

– Нет, Лу говорит, когда это случилось, она еще была в коме. – Касси отрывает взгляд от стола и смотрит на меня. – Не мог ее дух вернуться из страны снов и сделать это? Понимаешь, так, что она сама не знает?..

– Когда речь идет о *манидо-аки*, – говорю я, – возможно все. Ее неспроста называли Изменчивой страной. Только это нелепо. С какой стати ей такое делать?

– Не знаю, – отзывается Касси. – Но только чем скорее ты найдешь эту свою бабушку, тем лучше.

Мне не нравится оставлять все это за спиной, не разобравшись. Потому что, если послушать Касси, это чересчур походит на темного двойника: отброшенный кусочек

личности, который, случается, обретает свободу. Слишком много преданий рассказывают в нашем народе о темных двойниках и о бедах, которые они могут натворить. Их словно наполняет черный ветер, и они способны на все. А чаще всего они обращаются против человека, который их когда-то отбросил.

Но я понимаю, что Касси права. Сейчас мне некогда об этом думать. Лучшее, что я могу сделать, – найти Нокомис и попросить ее помочь.

Мы заканчиваем завтрак. Я забираю остатки поджаренных хлебцев, полный кисет табаку и пару пачек папиросной бумаги из шкафа. Еще один долгий теплый поцелуй с Касси, и я ухожу.

После перехода я сразу размеренной рысцой направляюсь в текущие земли. Я не слишком ловко меняю шкуру и, может быть, в зверином облике мог бы двигаться быстрее, но и в своем человеческом теле меня хватит на много миль. Такой рысцой я, если надо, могу бежать не один день. Правда, голову предпочитаю собачью. У нее лучше нюх, да и зрение со слухом тоже.

Сколько раз я проходил текучими землями, а никак к ним не привыкну. Каждый шаг – новое время года. Со снежного наста, наполнив грудь морозным воздухом, попадаешь прямо в жаркое влажное лето. И вокруг все тоже меняется. Луг в мгновение ока оборачивается пустыней. Сворачиваешь вверх по сухому руслу и оказываешься в сосновом лесу. Еще через полмили скачешь по скалам, как горный козел, и из-под ног сползают и осыпаются камешки. Доберешься до вершины, а там тебя ждет двойник Большого леса.

Так проходит полдня, а потом мой путь пересекает след, уводящий в колючие заросли вроде тех, что в резервации к северу от Ньюфорда. В подсознание стучится воспоминание о чем-то знакомом, но, только выйдя на поляну, я понимаю, в чем дело.

Картинка со второй карты. При моем появлении вороны взлетают в воздух, а вот стая волков только отступает от туши, садится и встречает меня спокойными оценивающими взглядами. Теперь их добыча видна мне целиком. Они загнали не лошадь – единорога.

Сперва я принял волков за родственников, но мертвый единорог доказывает, что я ошибся. Народ не охотится на таких созданий, как бы мы ни были голодны. И мы никогда не убиваем ради забавы, как эти. Они не едят мясо, просто рвут тело клыками. Главное для них – загнать и убить.

Теперь я понимаю, кто они такие. Люди, перешедшие границу во сне. Перешли и отправились на охоту. И я вижу, что среди них нет самца-вожака. Ими верховодит волчица.

Бывает, человек даже не помнит, что он делает во сне. Но это не мешает ему переходить границу. Почти все спящие за ночь несколько раз попадают в *манидо-аки* и обратно, но они не распоряжаются собой и не умеют выбирать, кем им быть и что делать. Для них это все равно что сон. Но время от времени попадают и такие, как эта волчица: они обретают постоянный облик и могут собрать стаю. Вероятно, ей просто нравится причинять боль. В Мире Как Он Есть она этим заниматься не смеет, зато берет свое здесь. Созывает к себе других спящих и вместе с ними загоняет создания тайны ради их крови.

Они думают, что видят сон, но это не оправдание. Это не дает им права так поступать. Потому что для единорогов и других существ, на которых они охотятся, этот мир настоящий. Они здесь умирают.

Но я отдаю волчице должное: она не труслива. Она отходит от трупа единорога и на прямых лапах идет ко мне. Ее морда измазана кровью, а в глазах – вызов. Остальные волки полукругом выстраиваются за ее спиной.

Я не знаю, что у нее на уме, и просто качаю головой.

Бедная страна снов! Мало того, что эти дряни убили создание древней тайны, считая его обычным зверем, так они еще насакивают на меня. Это же надо быть слепым, тупым или совсем уж отпетым! Правда, голова у меня собачья, но одет-то я по-человечески и хожу не на четырех ногах. Завалить меня – уже не браконьерство, а убийство.

Только я им не дитя тайны, по невинности своей готовое бежать, пока хватает дыхания.

Они еще не знают, с кем связались, а я как раз достаточно разозлился, чтобы всерьез их покалечить. Проучить, как следует, а потом закрыть двери у них в головах, через которые они проходят в этот мир.

Впрочем, напасть они не успевают, потому что на поляне показывается новое лицо, и лицо это мне знакомо.

Это Джек Вертопрах. Высокий и тощий, в джинсах, ковбойских сапогах и курточке из оленьей кожи. На плечи, как и я, напялил собачью голову, а поверх еще – широкую плоскую шляпу цвета воронова крыла, с кожаной лентой, расшитой бирюзой и серебром. Пара длинных черных кос свисает ему на грудь и подпрыгивает при ходьбе.

У нас с Вертопрахом немало общего. Если достаточно высоко забраться по фамильному дереву, обнаружится, что мы родня по собачьей линии. Иногда мне бывает не по себе при мысли, как часто мои предки роднились с псовыми – учитывая, что по другой линии мы наполовину врановые. Но так или иначе, мы с Джеком – сколько-то-юрродные братья и временами развлекаемся вместе.

Стая застывает на месте. Волчица-вожак с появлением второго противника заметно присмирела.

– О Иисусе, – бормочет Джек при виде мертвого единорога. – Зачем вы это сделали?

Похоже, что волчица прежде не сталкивалась ни с кем из Народа, – во всяком случае, мешанина обличий, которую устроили мы с Джеком, сбивает ее с толку.

– Лучше исчезни, – советует ей Джек в ответ на глухое рычание. – Не то я сдеру с тебя шкуру и подотру ею задницу.

Он показывает зубы, и стая бросается наутек. Мы остаемся вдвоем и вслушиваемся, пробуем на вкус ветер. Нет, зайти сзади не решились.

Я думаю о той волчице. Чем-то она меня зацепила, что-то вертится в памяти. А потом исчезает, когда Джек заговаривает со мной.

– Привет, Шалый Пес, – говорит он. – Или тебе больше нравится Костяшка?

Продолжая болтать, он подходит к труп. Нагибается, закрывает зверю глаза, гладит окровавленный бок. Заглянув к нему в глаза, волки дважды подумали бы, прежде чем снова выйти на охоту в стране снов.

– Ты же сам знаешь, – отзываюсь я, – люди придумывают нам имена, но мы и без имен знаем, кто мы такие.

Я достаю кисет, сворачиваю пару самокруток и протягиваю одну ему. Он отходит от мертвого и выуживает из кармана затейливую зажигалку «Зиппо».

– У Коди в карты выиграл, – объясняет он, перехватив мой взгляд, и ухмыляется: – Ты же знаешь Коди. У него все карты на лбу написаны.

Он подносит мне огонь и закуривает сам.

– Давненько не виделись, – добавляет он, выпустив струйку голубого дыма. – Помоему, ты не забирался так далеко в *манидо-аки* с тех самых пор, как мы с кукурузными сестричками охотились на водяных.

– Занят был.

– Все открываешь людям двери?

– Одним открываю, другим закрываю. Кому что нужно.

Джек качает головой:

– Ну никак не пойму всех этих идей насчет призвания. Верно, это в тебе воронья кровь говорит.

– Наверняка, – улыбаюсь я. – Ты куда направлялся?

– В заведение Харли-парохода. Положил глаз на девчонку-пуму, которая у него за стойкой работает.

– Смотри, ты ей на один зуб.

– Еще чего! Ри от меня без ума. А у тебя как с ней?

– По мне, лучше оставаться друзьями, – сообщаю ему я. Он хохочет, но тут я добавляю: – Я искал Но-комис. Ты ее не встречал? Думаю, она сейчас с бизонами, но где – не знаю.

Я описываю ему картинку третьей карты – отражение луны в озере на горной вершине. В последнее время Нокомис держалась равнин: кочевала по затерянному следу с духами бизонов, убитых европейцами. Может, она и сейчас с ними. Она всегда там, где печаль и боль, – несет в ладонях исцеление и утешение – в глазах.

– Нынче она не оборачивается Белой Бизонихой, – возражает Джек. – В последний раз я ее видел Матушкой Жабой, но дело было довольно давно.

Некоторые духи так часто меняют облик, что уследить за ними невозможно.

– А с тех пор ты о ней не слыхал? – спрашиваю я.

Джек качает головой:

– Тебе бы Джолену спросить.

– Уже спрашивал.

– Тогда прямо и не знаю. А зачем она тебе?

– Нужно благословение для друга.

– Каждый находит благословение в себе, – возражает Джек, – и Нокомис тебе то же скажет.

– Знаю. Но тут все очень сложно. Понимаешь, внутри у нее тоже разлом – старая рана, – и пока ее не залечим, снаружи ничего не исправить.

– А что с ней такое?

– Плохая семья. Яд проник глубоко – из тех, что добираются до самой сердцевины.

Насмешка в глазах Джека сменяется сочувствием.

– Такое бывает неизлечимо, – говорит он.

– А то я не знаю, – вздыхаю я.

– А если пытаешься помочь, иногда сам попадаешь в беду.

– Она того стоит.

– Твоя женщина? – спрашивает Джек.

Я качаю головой:

– Моя сестра. Теперь уже сестра.

– Я подниму шум, – обещает Вертопрах. – Постараюсь, чтобы Старуха узнала, что ты ее ищешь.

– Буду благодарен.

– А пока, – добавляет он, – ты мог бы завернуть в *манидо-тевин* Коди. У него там есть столовая гора с прудом на вершине, к тому же он с ней много водился.

Я вспоминаю третью карту Касси и киваю.

– Как нынче у Коди отношения с воронами?

Я уже говорил: между псовыми и врановыми – старое соперничество. Его истоки теряются в далеком прошлом. Кое-кто из псовых вроде Джека Вертопраха предпочитает просто не вспоминать о моей вороньей родне, но Коди принадлежит к старой школе. У него с Вороном кровная вражда от начала времен. Я прежде пару раз на него нарывался, так что теперь предпочитаю не попадаться ему на дороге.

Джек хохочет:

– Ты еще не слыхал? Коди завел себе подружку-сороку.

– Трудно поверить...

– Клянусь, чистая правда!

Мы выкуриваем еще по одной и начинаем копать могилу убитому единорогу. Разгребаем грязь лапами, пока не получается достаточно большая яма, потом возвращаемся в человеческий облик и перетаскиваем труп.

– Какие дряни! – говорит Джек.

Я киваю. Единорогам нельзя покидать страну снов. В их рогах столько волшебства, что, даже если они сумеют сменить тело на человеческое, рог на лбу у них останется. А с ним трудновато устроиться в Мире Как Он Есть.

Но и в стране снов они редки. Я, например, до сих пор видел только одного. Давно, еще маленьким, до того, как первый раз вышел в Мир Как Он Есть. Один из моих дядей взял

меня тогда на ночную прогулку. Мы плыли высоко в небе на вороньих крыльях, и он вдруг пошел вниз по длинной плавной кривой, которая привела нас на верхнюю ветку старой сосны. Не знаю точно, где это было, но догадываюсь, что нас занесло в самую глушь.

– Смотри, – сказал он.

И я увидел. Высоко, на гранитном утесе. Рог серебром светился в лунном свете. Зверь поднял голову и запел песню луне. Голос был слаще меда, но внутри у меня все задрожало, будто отзываясь на дальний гром. *Лнимики*. Дедушка Гром.

– Скажешь несколько слов? – предлагает Джек. Я опускаю глаза к телу, прослеживаю взглядом изгиб рога.

– Доброго пути, – говорю я.

Джек, склонив голову, добавляет: «Аминь», и мы засыпаем могилу землей. Получается маленький округлый холмик. Джек чертит на земле знаки – предупреждение хищникам держаться подальше.

– У тебя есть знакомые единороги? – спрашивает Джек.

Я качаю головой.

– И у меня нет. Расскажу народу, который собирается у Харли. Надо надеяться, кто-нибудь донесет весть до его родичей. И запах этой волчицы я передам всякому, кто попросит. Пусть на себе попробует, каково это, когда за тобой охотятся.

Я киваю. Все правильно, но мне не становится легче. Это все равно что распространять тень вместо того, чтобы зажигать свет в этих существах.

– Слушай, Джек, – спрашиваю я, – что ты знаешь о темных двойниках?

Он пожимает плечами:

– То же, что и все. А что? Ты столкнулся с таким?

– Еще не знаю. Просто стараюсь кое-что вспомнить. Тот, кто отбрасывает тень... он знал бы о своем двойнике?

– Вроде бы нет, – говорит он, – но я не специалист.

– А кто специалист, не знаешь?

Он раздумывает недолго.

– Джек Доу, – говорит он, – только он...

– Умер. Да, знаю.

– Найдешь Старуху, можешь у нее спросить, – советует он. – Мало есть такого, чего она не знает.

– Но что знает, не всегда говорит. Помнится, она мне как-то сказала: «Не ищи чужих историй. Проживи свою».

– Так-то оно так... только не уверен, что мне это нравится. – Джек отводит взгляд, разглядывает заросли. – Я одно точно знаю о темных двойниках. Они сбиваются с пути, если тот, кто отбросил тень, ненавидит что-то в себе.

Я киваю. Когда тебя кто-то ненавидит, нужно иметь большое сердце, чтобы не ответить ненавистью. Я знаю, в жизни Джилли было много такого, что она ненавидит. И не сомневаюсь, у нее-то сердце большое. Но если у нее появилась тень – темный двойник, – то как насчет его сердца?

– Ты думаешь, та волчица, которую мы спугнули, может оказаться тенью? – спрашивает Джек.

Мне это и в голову не приходило.

– Сомнительно, – отзываюсь я, лишь бы что-то сказать. Сейчас мне не до спящих тварей вроде нее.

Джек кивает и касается пальцами полей шляпы.

– Ну, удачи тебе.

– И тебе удачи с твоей пумой, – желаю я. Он хохочет:

– Черт побери, Джо, при моей внешности и обаянии и без удачи можно обойтись!

– Не говоря уж о скромности.

– Само собой.

Я провожаю его взглядом и поворачиваюсь к могиле. Наклоняюсь, опускаю ладонь на свежую землю. Закрываю глаза и слышу песню, подслушанную давным-давно вместе с дядей. Ее отголоски звучат в моей памяти, и тут я снова вижу рог. Под веками проплывают блестящие белые бока, белая грива, хвост и рог, поднимающийся к луне витками белого пламени.

Присев на корточки, я сворачиваю и закуриваю сигарету. Затягиваюсь и предлагаю затянуться Дедушке Грому, прежде чем опустить дымящийся окурочок на могильный холмик рядом с оставленным Джеком значком.

Я сижу, глядя на поднимающийся к небу дымок, пока сигарета не догорает. Потом встаю и ухожу вглубь текущих земель.

Рэйлин

Тисон, осень 1971 г.

После того случая с ножиком и Дэлом все пошло по-другому. Как тогда, когда мамаша решила, что ей надоело каждый раз забирать сестричку на поруки из колонии, отправляя ее в новый круг по приютам. Мамаша попросту отказалась от нее, а нам запретила о ней говорить. Даже имени упоминать не полагалось. Я была еще довольно маленькая, но двух-трех взбучек мне хватило, чтобы научиться держать язык за зубами. А потом это стало не так уж трудно, потому что Дэл завел привычку гостить по ночам в моей спальне, и я стала ненавидеть сестричку так же, как остальных.

Я считала, что она просто взяла и бросила меня, и Дэл, видимо, считал так же, только его небось первым делом бесило, что он остался без любимой игрушки, которая всегда под рукой. Джимми и Роби со мной никогда много не говорили, а после того, как Дэл ввел в обычай полуночные визиты, – и по давню. Старик, надо думать, первые несколько месяцев и не замечал, что творится: он на нас, ребяташек, никогда внимания не обращал. Просто плюнул на всю компанию, когда двое старших – то есть Дэл и сестричка – записались в малолетние преступники, а Джимми с Роби тоже не склонны были идти по прямой дорожке.

А мамаша что? Да она, черт возьми, все равно спивалась, а нас, девочек, терпеть не могла – из принципа, надо полагать, потому что я ей ничего плохого не делала.

Помнится, все было иначе, пока сестричку не забрали. Черт, я же ее тогда обожала. Она нам была вместо мамы – прямо как в кино, знаете? Не в мыльных операх, а в детских сказочках, где мама обо всех заботится больше, чем о самой себе. Такая у меня была сестричка – для меня уж точно. Мы с ней прятались вдвоем в поле за домом, и она рассказывала мне сказки, которые сама придумывала или брала из книжки. Откуда мне было знать, что у них там с Дэлом.

Теперь прямо смешно. Помню, я еще ревновала, потому что они вроде были такими близкими, и никак я не могла понять, отчего она его так не любит, – это-то я замечала. Она виду не показывала, но я-то знала.

– Почему тебе не нравится Дэл? – спрашивала я.

– Очень даже нравится, – отвечала она, но глаза у нее загорались при одном его имени.

– Чего я, не вижу, как ты на него зыркаешь?

– *Разве* я не вижу, как ты на него *смотришь*, – поправляла она.

Надо думать, я и говорю, как говорю, из-за того, что она всегда меня поправляла. Как она сбежала и меня бросила, так я все, чему она учила, стала делать наоборот. Когда поняла, что она ко мне не вернется, так взяла все ее книжечки, свалила под тем старым деревом и подпалила. Трава на поле загорелась, и огонь подошел к самому дому и его бы тоже спалил, если б ветер не переменялся. Пожарные, сами понимаете, не почесались приехать.

Я прилично читаю и пишу, если надо, только зачем? В школе я на уроках рисования сидела сложа руки. Потому что ей это дело больше всего нравилось: книжки да рисование. И говорить я назло ей стала тогда, как полагается «белой швали». Хотя потом другие причины

появились. Смекнула, как выгодно выглядеть невеждой, даже если на самом деле кое-что сечешь. Люди только услышат, как я разговариваю, думают, мол, тупа как бревно. А мне того и надо. Тем проще ими вертеть.

Пожалуй, если по справедливости, у нее тогда особого выбора не было. И думаю, она пробовала меня предупредить насчет Дэла. Говорила: «Ты с ним поосторожнее», а я отправилась спрашивать мамашу, почему она так говорит, и заработала нам обоим порку. Когда речь шла о Дэле, у мамы в глазу появлялось слепое пятно в милю шириной. Поэтому я поумнела и больше с ней об этом не заговаривала.

Но сестричка, она же могла бы за мной вернуться? Могла бы забрать меня из этой чертовой дыры, а вот не забрала. Даже не вспомнила про меня. Когда она сбежала насовсем – а я знала об этом; там, где мы росли, все обо всех знали, – то даже не подумала о том, чтобы прихватить меня с собой.

Думаю, лучше было бы, если б она умерла. Мне бы все равно было одиноко, но я хоть знала бы, что она не виновата. А так это была просто подлость с ее стороны, и я ни черта хорошего в ней больше не вижу. Ни тогда не видела, ни теперь.

В общем, после того, как я прошлась ножичком Дэлу по коленке, все опять переменялось. Дэл по ночам больше ко мне не лазил. Месяц прохромал: разыгрывал храброго солдата – мол, защитил сестру и дом и всякое такое. Джимми с Роби приметили, что он меня остерегается, и тоже поняли свое место. Та парочка была – один глупее другого, но чутье у них было собачье. Знали, когда притихнуть, а когда можно нагнать по примеру брата. Старик вообще ничего не видел, а вот мамаша – она все поняла. Только я теперь на нее плевать хотела, как и на всех прочих.

Она в тот год проходу не давала ни мне, ни Розе, да только я не повторила ошибки сестрички. И потом, что толку сбегать из дому, если копы все равно притащат тебя обратно? И школу я не прогуливала, хотя и сидела там бревно бревном, от первого до последнего звонка. Я вела себя смиренненько, что в школе, что на улице, – по крайней мере, ни разу не попала, а это, считай, то же самое. Меня вовсе не тянуло оказаться в колонии с оравой подзаборных шлюх, где тебе, того и гляди, загонят куда надо палку от швабры, и в приюты или приемные семьи меня тоже не тянуло. Мне нужна была свобода, так что я разыгрывала дурочку и жила по-умному.

Как в тот раз, когда Роза вздумала проучить мистера Хэвена. Он у нас алгебру вел. И не за то, что он нас доводил, хотя и это было. Просто она дозналась, что он совратил ее двоюродную сестренку, Шерри. Велел ей ходить к нему на дом для дополнительных занятий и загонял ей дважды в неделю. Втолковал ей – мол, если наябедничает, так ее заберут от родителей и запрут в тюрьму до седых волос, потому как закон, мол, запрещает маленьким девочкам соблазнять учителей.

Ясно, ясно. Шерри милашка, но не семи пядей во лбу, если попала на такую туфту. У нее личико было как у ангелочка, тело взрослой женщины, а мозгов, как у белки. Сдается, это у Миллеров семейное – недаром она родня Розе. Беда в том, что она развилась-то рано, как и я, а моей хватки у нее не было. Не ее вина. Ей никакая Роза не подарила ножичек. Понятно, детишкам и не надо бы такому учиться, да только вокруг полно подонков, высматривающих маленьких девочек, которые не могут себя защитить.

В том, что делал с ней Хэвен, была та же подлость, как в случае с Дэлом и со мной. Есть люди, которым положено о тебе заботиться – родня, учителя, – и они не должны злоупотреблять твоим доверием. Да только все равно это случается. Случается, как ни крути, и ничего тут не поделаешь, разве что заставить подонков платить, если сумеешь.

В общем, вышло так, что Хэвен не пользовался резинками, и Шерри в четырнадцать лет оказалась беременна, и ее старик чуть ее насмерть не прибил, потому что она не хотела сказать, кто это ее зарядил. Хэвен ее так запугал, что она слово боялась вымолвить. Тюрьма ее пугала больше, чем отцовский ремень. Если ее начинали выпрашивать, она просто редела, и все дела.

Ну, рано или поздно всякий разговорится, вот и Шерри не удержалась, когда Роза

зашла ее навестить, и они остались вдвоем в этом кошмарном старом домине, где они жили.

– Дай слово, что никому не скажешь, – говорит она.

– Даю. – Это Рози соврала, потому что мне-то она рассказала, верно?

Так вот и вышло, что мы с Рози на следующий день сидели за столиком в пышечной. Видела я и раньше, как Рози злится, но не так. Обычно она орет да ругается, а в этот раз была совсем тихая. Вся злость засела у нее в глазах, и они прямо горели и сверкали. Будь я Хэвеном, я бы забеспокоилась.

– Скажу, что он меня изнасиловал, – говорит Рози. – Шерри сама рот не посмеет открыть, так я совру, что он это со мной выделявал.

Спасибо хоть, не собирается вломиться к нему в дом с бейсбольными битами и переломать ему ноги или, скажем, брюхо вспороть, как тогда Расселу Гендерсону, но и это не многим лучше.

– Так нельзя делать, – говорю я ей.

Не поймите меня неправильно, я бы сама этого подонка на куски изрезала, только ее способ мне не нравился. Правильный способ – это когда ты получишь, чего хочешь, а никто и не узнает, что ты к этому делу причастна.

– Черта с два нельзя, – отвечает Рози. – Вот увидишь.

Но я качаю головой:

– Я не говорю, что надо так ему спустить. Только не обязательно все делать открыто.

Мы с ней старые подруги, но за последний год Рози меня по-новому зауважала, потому что я умею, если уж ввязалась во что-то, выпутаться так, что мы с ней чистенькие.

– Так что ты предлагаешь? – спрашивает она.

– Не гони лошадей, – говорю я, – дай подумать минутку.

В любом деле фокус в том, чтобы держаться самого простого пути, но мне, хоть убей, хочется иногда показать себя, пусть даже знать об этом будем только мы с Рози.

В те времена в Козлином Раю к северу от Тисона бутлегерами заправляла мафия. Семейка Морган жила в местечке под названием Гнилой Ручей чуть дальше по шоссе. Временами их видели в городе: всегда стайей, с подлыми мордами и все такое. Было время, они там в зарослях держали винокурни сотнями, а потом стали выращивать коноплю, и никто их не трогал.

Жесткие наркотики они оставили местному филиалу «Чертова Дракона». Те, надо полагать, были не лучше этих, но ребята были веселые. Морганы держались сами по себе, а «Чертовы Драконы» на своих мотоциклах под настроение готовы были с кем угодно закорешиться и выпить за компанию. Клуб у них был в Шатае, и там можно было получить и героин, и крэк, и все другое на ваш вкус – были бы только денежки. Хотя ссориться и с ними не стоило, а бедный старичок Хэвен, видно, этого урока не усвоил.

Поначалу было даже забавно. Самый опасный момент – когда мы выкрали у «Драконов» пакет с наркотой. Мы-то знали, что они держат товар в багажнике старого седана. На нем они его и по клиентам развозили. Вот мы как-то ночью их и выследили. Рози без спросу позаимствовала грузовичок «форд» у своих братишек, и на глаза «Драконам» мы не совались, издалека смотрели, как парочка из их компании развозит товар. Останавливаются у дверей, потом один открывает багажник, прихватывает что-то – и в дом, а второй ждет в машине.

Два часа мы за ними катались, и я уже решила, что дело не пройдет, но тут они затормозили у «Синдерса» – это стрип-клуб на Дивижн-стрит, – разгрузились и зашли оба. То ли это у них была последняя остановка, то ли второму парню надоело в машине сидеть – нам без разницы. Главное, машину они оставили, и тут мне наконец выпал случай заглянуть в этот их багажник.

Рози стерегла у двери и готова была задержать их или устроить шум, если б они выскочили раньше, чем надо. Ей бы хватило просто приспустить свой топик без лямочек – мимо такого ни один парень не пройдет. Холодноовато, правда, было, но, пока они

пересчитывали бы на ней мурашки, я бы успела смыться.

Замок мне не мешал – я как раз тем летом выучилась с ними обращаться. Просто ради интереса, ну и вроде хобби. Любопытно было мне знать, что такое люди запирают под замок.

– Божья задница! – вырвалось у меня, когда я откинула крышку.

– Что? Что там? – зашипела с крыльца Роза.

Я только головой покачала. Десятка два пластиковых пакетов лежали рядками – каждый с мою ладонь, и все битком набиты порошком. Я сцапала полдюжины, захлопнула крышку, и мы смотались. Ясное дело, Роза должна была попробовать снадобье, просто чтоб убедиться, что там такое. Я-то наркотой не балуюсь. И не пью ничего, кроме пива, да и его понемножку, чтобы не опьянеть. Не нравится мне это чувство, когда сам себе не хозяин. Потому что, по полной правде, – я это точно знала, сестричка моя навсегда заставила запомнить – полагаться можно только на себя. Ясно, у меня была Роза, она меня любила, и я ее тоже, но если дойдет до крайности, я не знаю, куда она повернет. То есть тогда не знала.

В общем, наркоту мы получили и «Драконов» на уши поставили. Догадались, к чему я веду?

Следующая остановка была у дома Хэвена, но это уже пришлось отложить на другую ночь. Наутро мы, как примерные школьницы, отправились на уроки. После алгебры Роза подошла к учителю задать вопрос и наклонилась так низко, что у него чуть гляделки из глазниц не выскочили. А я тем временем прошла мимо и сунула пакетик в карман пиджака, что у него на спинке стула висел. Ясно, он мог его найти раньше времени – и, не исключено, сообразил бы, что с ним делать, – но попробовать стоило. Вообще-то люди не так уж часто шарят у себя по карманам.

В ту же ночь мы пробрались к нему на задний двор, да только он, как назло, не выходил. В четверг то же самое. Но уж в пятницу даже такая дрянь, которая крадет младенцев из колыбелек, должна же выйти поразвлечься? Он и укатил, расфуфырившись, будто на свиданку. То-то я повеселилась, увидев на нем тот самый пиджак, в который подложила подарочек.

Я вошла в заднюю дверь. Там была летняя кухня, которую он занял под кладовку и даже дверь не запирает. Дверь оттуда в дом была на замке, но с такой дешевкой долго возиться не пришлось. Никаких отмычек у меня не было, но вы не поверите, на что способны две прочные проволоочки.

Дальше я отправилась напрямик в сортир и прицепила три пакетика за бачком. Последний сунула ему в тумбочку у кровати, положив рядом симпатичное зеркальце и нарезанные соломинки, которыми пользовалась накануне для этого дела Роза. Она, ясное дело, была довольнехонька.

Теперь оставалось только дожидаться, когда он заявится домой. Потом Роза из первой телефонной будки звякнула «Драконам» в клуб. Надо было, чтобы говорила Роза, потому как она лучше меня умела подделывать мужской голос. Она вернулась, и мы еще подождали, пока подкатили мотоциклисты. Когда они заколошматили в дверь, мы пошли к телефону вызывать полицию.

Либо банда его доконает, либо копы. Нам было без разницы. Потом уже до нас дошел слух, что копы заявили, когда «Драконы» его обрабатывали. Байкеры из дома – фараоны в дом. Хотела бы я поглядеть, как Хэвен переменится в лице, когда спасители откопали пакетики, на которые мы их навели.

Просто ради того, чтоб уж все было чисто и гладко, я распустила слух – потихоньку, сами понимаете, чтоб на меня никто и не подумал, – будто с Шерри баловался Бобби Маршалл. Мысль у меня была – запутать дело как следует, и из этого видно, какими дураками бывают люди. Слух дошел и до Бобби, но он только подмигивал да ухмылялся, будто так оно и есть. И было это, пожалуй, забавно, пока папаша Шерри не встретил его у пышечной и не прихлопнул из дробовика, из которого стрелял белок.

Может, мне и стало бы стыдно, если бы Бобби был пай-мальчиком. С Шерри он был ни при чем, зато за ним хватало других подлостей. Жаль только, я не знала, что задумал старик,

не то вместо Бобби подставила бы своего Дэла.

– Рэйлин, – сказала мне Рози, – в твоей хорошенькой головке живут злые мыслишки.

– Злые? – Я притворилась, будто обижена.

– Да это я тебя хвалю!

На том все и кончилось. Хэвена отпустили за недоказанностью, но работу он потерял и уехал из города. «Драконы» свой порошок не вернули. Я слыхала, они выследили Хэвена, но что с ним сделали, точно не знаю. Хотя воображение у меня неплохое. Папаша Шерри отправился за решетку, Бобби устроили роскошные похороны. Шерри родила девчушку, и они с матерью растили ее вдвоем в том огромном домине. А мы с Рози? Ну, мы шли дальше по кривой дорожке.

Осень перешла в зиму, а за ней и весна не запоздала. И вот нам обеим по семнадцать, школа окончена, и перед нами широкий мир. Тем летом семьдесят второго мы сняли на двоих комнатку на Джефферсон-стрит, на самом краю Стоксвиля, – поднялись на пару ступенек вверх от Козлиного Рая и считали, что все устроилось, пока не пришло время вносить квартирную плату. Ни меня, ни Рози особенно не тянуло работать, но и веселиться без наличных не получалось. Мы упросили хозяйку подождать пару дней и сели вдвоем пораскинуть мозгами. Ну не совсем так: Рози села на крылечке попить пивка, а шевелить мозгами предоставила мне.

Можно найти работу, но кому охота работать? Беда в том, что для всего остального нужен стартовый капитал. Торговать наркотой? Сперва надо обзавестись товаром, а тот пакетик у Рози давно разошелся. Была бы пушка, можно было бы взять кассу в баре или на заправке, только мне не хотелось подставлять задницу. Хотя заполучить пистолет было бы неплохо. Но и он стоит денег, а они даром не даются.

– За наши задницы можно взять хорошие деньги, – предлагает Рози.

Я качаю головой:

– Кое-что я вычеркиваю сразу.

– Например?

– Например, панель. И стриптиз. И ночные клубы.

– Если на то пошло, – говорит она, – я бы могла этим заняться. Я своего тела не стыжусь.

– И я не стыжусь. Не в том дело.

Она только смеется. С тех пор как я отвадила Дэла, я стала разборчива на этот счет. Мне нужен подходящий парень, и только под настроение. Рози-то все равно с кем и когда.

– Может, лучше нам перебраться на запад? – говорит она. – Устроились бы в Лос-Анджелесе. Там всегда тепло. – Еще глоток пива, и она улыбается мне. – Станем мы с тобой кинозвездами...

– Порнофильмы я тоже вычеркиваю, – говорю я ей.

– Как же ты собираешься развлекаться? – удивляется она.

Я ее не слушаю.

– Куда бы ни ехать, деньги все равно нужны. И прежде всего надо заплатить за неделю.

– Так что мы возвращаемся к продаже собственных задниц, – говорит она.

Я решительно мотаю головой. Тут меня не собьешь.

– В шлюхи ни ты, ни я не пойдем, – твердо заявляю я.

Зато она навела меня на мысль. В этом ремесле можно получать денежки, не отдавая товар. Красивая идея! Клиент платит ведь не за то, что получает, а за то, что надеется получить. А если ты сумела его надуть, что ему остается делать? Он заплатил тебе за услуги, стало быть, сам нарушил закон и не станет звать на помощь копов. Надо только позаботиться о том, чтоб из тебя не сделали отбивную.

– Иди, приведи себя в соблазнительный вид, – велю я Рози. – Только смотри, надо выглядеть дамой, а не дешевкой. Мы с тобой выезжаем в город.

Надо сказать, у нас в центре, в Тилере, не то чтобы вихрь светской жизни, но прилично и немало отелей. Приезжие сидят в барах и добираются даже до Шатая в поисках приключений. Они по большей части женаты, а мне как раз женатые больше всего подходили.

Рози здорово поработала над своим личиком. Она вполне могла бы стать визажисткой и даже всерьез об этом подумывала, пока не узнала, что пришлось бы еще долго учиться для того, чтобы потом целыми днями мучиться, пытаясь привести какую-нибудь старую швабру в мало-мальски пристойный вид. Но для своих она качественно работала. Так нас разукрасила, что я, глядя в зеркало, ни ее, ни себя не узнавала. Вполне сошли бы за парочку моделей, разве что я ростом была маловата. И не скажу, что мы выглядели старухами, но и статьей за связь с малолетками никого бы не напугали.

Мы выбрали бар, уютно приткнувшийся на краю центральных кварталов, и взяли выпивку. Рози рвалась заказать крепкого, и не один стакан, но я убедила ее держаться имбирного эля и сама его пила. Думала, ждать придется долго, но мы плюнуть не успели, как пара пожилых мужчин поинтересовалась, можно ли им присесть за наш столик, а там мы быстренько разошлись по их комнатам. Насчет цены я сомневалась, так что предоставила ему самому назначить, и мы сошлись на сотенной за ночь без грубых шалостей.

Все оказалось проще, чем вы думаете. Он был уже пьян, когда подошел ко мне, а в его номере я первым делом открыла бар под телевизором и смешала нам по коктейлю. Он так был занят моими грудками, что и не заметил, как я влила ему в бокал три маленьких таких бутылочки водки, а сверху закрасила апельсиновым соком. Себе я налила чистый сок, только он-то этого не знал.

– Фью! – говорю я, залпом проглотив сок. Будто бы крепкое мне в голову ударило.

Потом я встаю, пошатываясь, будто стены кружатся у меня перед глазами, и начинаю раздеваться. Он сидит себе с улыбочкой до ушей, любителю представлением и незаметно заглатывает собственный коктейль. Я прячу улыбку: якобы не вижу, как он закашлялся – аж слезы на глазах. Я спускаю верх платья, так что он болтается ниже пояса. Лифчик тоже долой. Думаю, не смешать ли ему еще порцию, но, подходя к бару, вижу, что глаза у него остекленели.

– Да что с тобой, милоч? – спрашиваю я.

Подталкиваю его в бок этак игриво, и он запрокидывается на кровать. Выключился, как лампочка. Я с минуту разглядываю его, присев на кровать, провожу рукой по груди, только ему уже все равно.

Теперь можно не дергаться. Я одеваюсь, потом прохожу по комнате, собираю его одежду и запихиваю в чемодан. Перекатывать его по кровати не так-то легко, но я все же раздеваю его и эту одежду – тоже в чемодан. Даже халат, который предоставляет отель вместе с банными полотенцами, прихватываю. В бумажнике у него триста долларов – они отправляются ко мне в сумочку вместе с кредитной карточкой. Потом я беру чемодан и выхожу из номера. Понимаете, его шмотки мне ни к чему, просто я хочу малость осложнить ему жизнь, если он прочухается раньше времени. Дотаскиваю чемодан до лифта и спускаюсь в вестибюль. Я думала, это окажется потруднее – пройти у всех на глазах с его чемоданом. Как бы они не забрали в голову, будто я из их клиентов и намылилась слинять, не расплатившись. Но никто на меня и не смотрит, а я выхожу через боковую дверь и переулком добираюсь до Барахолки. Бросаю чемодан на обочине и напрямик на станцию. Мы с Рози договорились там встретиться.

Подождав немного, начинаю беспокоиться. Мне приходится ждать больше часа, и я уже начинаю думать самое плохое, когда она подкатывает преспокойненько и улыбается себе.

– Где тебя черти носят? – спрашиваю я.

Она смотрит недоуменно:

– С Бью.

– С каким еще Бью?

– С парнем, который пригласил меня в свой номер.
Мне и в голову не пришло спросить, как зовут моего.
– Ты забрала его шмотки? – спрашиваю.
– Ясно, забрала. Бросила все у Барахолки, как ты велела.
– Так чего ж ты так долго? – спрашиваю. – Договорились же – провернули дело и уходим.
– Ну, слушай, Рэйлин, – говорит она, – должна же я была за его денежки доставить ему хоть малость удовольствия.
– Ты что, не подпоила его?
– Да он и так был здорово пьян, – говорит она, – и я решила, лучше его затрахать. Позабавилась на славу, а он еще спал, когда я уходила.
Мне остается только головой покачать.
– Сколько получила? – спрашиваю ее.
– Сто тридцать и какую-то мелочь. Карточку тоже взяла, только что мы будем с ней делать? Я, черт возьми, не слишком похожа на торговца плетеными туфлями из Айовы, так что мне по ней деньги не выдадут.
– Выменяем на нее пушку, – говорю я ей.
В Шатае есть местечки, где купить можно что угодно за что угодно.
Рози восхищенно глазееет на меня.
– Вот за что я тебя люблю, Рэйлин, – говорит она. – Обо всем-то ты подумаешь!

Тилер, ранняя весна 1973-го

Первые пару раз я малость дергалась. Не то чтобы в самом деле боялась. Черт возьми, револьвер тридцать восьмого калибра я за кредитки раздобыла в ломбарде на Дивижн-стрит. Я знала, что там не станут расспрашивать, как они мне достались. Кредитки были такие свеженькие, что Толстый Джек расщедрился и добавил коробку патронов в придачу. Пушечка была не первый класс и не новая, зато отлично уместилась у меня в сумочке – на случай, если что пойдет не так. И ни к чему нам запоминаться кому-нибудь на всю жизнь, так что надо будет при первой возможности купить нам парики и все такое, но пока с этим пришлось подождать. Наличные, которые мы раздобыли в первый день, пошли за квартиру, на еду и ящик пива. Но к концу зимы, когда снег стоял и холмы за городом зазеленели, мы уже так наострились, что запросто перебрались из той комнатухи в квартирку поближе к центру, но не слишком близко. Не стоит жить там, где работаешь. Дело было под конец января.

Уходя на работу, мы покидали дом в обычном виде: я в джинсах и футболке, а Рози в джинсах и пиджачке поверх топики. Добирались до центра и шли в отель «Девари» на Черч-стрит – каждая с мешочком в руках. «Девари» мы выбрали потому, что в нем туалеты были с двумя дверями – на обе стороны здания. Входили мы с одной стороны, напяливали парики и рабочую одежду и выходили с другой как две леди. Не какие-нибудь дешевки, не думайте. Мы одевались стильно.

Пакетики с одеждой мы оставляли в камере хранения на вокзале и приступали к работе.

Я осторожничала по части мест, где мы ловили своих лохов. В один бар никогда не заходила чаще раза в месяц. И работали мы всего раз или два в неделю – в зависимости от того, много ли в городе проводилось конференций. Одежда и парики менялись у нас так же регулярно, как и погода, так что выглядели мы каждый раз по-новому. Зарабатывали иногда прилично, иногда приходилось только гадать, чем ребята собирались с нами расплачиваться, но, в общем, хватало. Позаботились даже откладывать проценты на дорожные расходы. Я предоставила это дело Рози, и без денег мы никогда не сидели.

Поднабравшись опыта, мы уже работали не просто по принципу «хватай-беги». Отрепетировали разные спектакли и меняли декорации. Теперь Рози уводила парня в номер, а в разгар веселья врывается я с «Поляроидом», и мы начинали торговаться, сколько он

может заплатить, чтоб жена ничего не узнала. А то снимала Розы, а потом – вот сюрприз! – я предъявляла поддельную метрику, по которой мне четырнадцать, и парню светит статья, если он не предложит приличного откупа. Пушечка заботилась, чтоб никто из наших ковбоев не отбился от рук. По большей части они покорно глотали горькую пилюлю, но если что, мне сумочку открыть недолго.

Потом я узнала, что такая игра называется «динамо» или «охота на барсуков», только обычно мужчина разыгрывает роль сутенера, или мужа, или копа из полиции нравов – как заранее уговорились. Но мы посторонних брать в игру не хотели, обходились вдвоем. Отлично работали, и чем дальше, тем чище.

Ясное дело, все хорошее когда-нибудь кончается. Тилер просто стал маловат для нас. Население не больше трехсот тысяч, да и то вряд ли. Наши клиенты не обращались в полицию, а местных мы старались не зацеплять, но, видно, в конце концов разошелся слух, что кто-то собирает незаконный урожай, а в участок долю не приносит. Наверно, надо было нам поспрашивать, кому платить. И пожалуй, заметить, что подходит время выборов, а снижение уровня преступности отлично выглядит в предвыборных листовках.

От срока нас спасло чистое везение.

И началось оно с того, что я одна оказалась в баре в тот апрельский вечер, а я умею соображать на ходу.

– Угостить тебя? – спросил этот тип, остановившись у моего столика.

Думаю, я сразу почуяла – что-то не так, только не знала что. Потом я смекнула, что дело было в его голосе: он скрывал «козлиный» выговор, точь-в-точь как я в тех барах. А может, просто он был слишком смазлив для недотепы, которому приходится платить за ночь с женщиной. Не то чтобы совсем уж красавчик, но и не так плох.

– Смотря по тому, – говорю я ему, – что ты рассчитываешь получить взамен.

Он плечиком пожимает:

– Да просто поговорить хочется.

– Тогда бокал белого вина, – говорю я, потому что терпеть его не могу и способна часами сидеть над бокалом. – Спасибо.

Гляжу, как он идет к бару и берет нам по бокалу белого, потом возвращается к столику и принимается болтать, а потом наклоняется ко мне и посматривает как-то странно. Вроде что-то ему забавным кажется.

– Что такое? – говорю я.

– Да вот, сидим мы с тобой вдвоем, и каждый дожидается, когда же другой заговорит о деле.

– О каком таком деле?

Тут он откидывается назад, руки за голову заложил.

– Ты наживка и охотишься на барсуков: поджидаешь какого-нибудь простака, который всего-то и хочет, что женской ласки.

Он не дает мне времени разыграть святую невинность.

– Знаю, о чем ты думаешь, – говорит дальше. – Мол, без доказательств мы ничего не можем. Так скажу тебе одну вещь, девонька. Я могу наговорить все, что вздумается. Скажу судье, что ты предлагала залезть под стол и отсосать прямо здесь, и как ты думаешь, кому из нас он поверит?

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Это точно. Забавно. А кое-кто из твоих знакомых по-другому разговаривает.

Тут я чувствую, что все пошло к чертям. Они взяли Розы, и обеим нам светит срок. Пальцы у меня начинают подергиваться. Или вытащить свою выкидушку и выпотрошить его, не сходя с места. Хочется вытянуть из сумочки пушку и пальнуть легавому в лицо. Раз уж все равно срок, так пусть хоть будет за дело. Но тут коп дает маху.

– Да, он нам все выложил, – продолжает он. – Когда, сколько взяли и где.

– Сукин сын, – говорю я.

Он ухмыляется:

– Котам верить нельзя. И когда вы, девочки, это поймете? Он первым делом вас заложит.

– Стало быть, я сгорела? – говорю я.

Еще одна ухмылка.

– Пока не совсем.

– Предлагаешь выход? – спрашиваю я. Подпускаю в голос надежды и испуга. Не слишком, а в самый раз. Проще, чем выудить леща.

– Ну, – мурлычет он, – пожалуй, нам стоит взять номер и потолковать. Готова заключить сделку?

– Лишь бы спалить того сукина сына.

– Того, что у тебя на него есть, мне будет маловато, – говорит коп. – Мне понадобятся все его связи. Кто у него скупает бумаги и кредитные карточки. А потом, если ты будешь со мной умницей, я позабочусь, чтобы ты в дерьме не перепачкалась.

– Слушай, я буду такой умницей, что ты меня на всю жизнь запомнишь. – К надежде и страху я добавляю жадности. – Все, чего ни пожелаешь.

– Ну так пошли, – торопит он.

Ох, как же мне хочется его изуечить. И дело даже не в том, что мы сгорели. Какая игра, такие правила, и ничего тут не поделаешь. Нет, меня бесит, что он такой же деловой, как мы, но только нам светит срок, а он отсидится за своим значком.

Но на лицо я этих мыслей не выпускаю. Послушно тащусь за ним от бара к лифту. Он, похоже, и не заметил, что сумочку я оставила висеть на спинке стула. Роза сидит в вестибюле, читает какой-то яркий журнальчик – бьюсь об заклад, эти картинки для нее то же, что для меня бутерброд. Пальцами я подаю ей знак: «большие неприятности» – и добавляю: «коп». Руки я не поднимаю, так что он ничего не видит.

– И как мне тебя называть? – спрашиваю я, когда мы входим в лифт.

– Мистер Сэр, – острит он.

Я готова рассмеяться, но тут вижу, что он не шутит. Вот, значит, какие дела...

– Мне нравится, – говорю я, продолжая разыгрывать рохлю.

Он бросает на меня презрительный взгляд:

– Брешешь. Тебе сейчас что ни скажи, все понравится, лишь бы сорваться с крючка.

Я смотрю на него пустым взглядом, будто такая тупица, что не смекну, о чем он говорит. Он качает головой. То ли купился на мою игру, то ли ему все равно. Прежде чем дверь лифта закрывается, я снова смотрю на Розу. Она сидит туристка туристкой: брючный костюм, рядом на диванчике – ридикюль и дешевая камера.

Повезло, что мы с копом в лифте вдвоем. Роза заметит, на каком этаже мы вышли, заберет из бара мою сумочку и быстренько нас догонит. Надеюсь только, что в номере нас не поджидают парни из его отдела. Сдается мне, групповуха вполне в его вкусе.

Лифт останавливается на пятнадцатом, и мы выходим.

– Все боишься? – спрашивает он, подталкивая меня по коридору.

Я опускаю голову, будто не смею ему в глаза взглянуть.

– Правильно делаешь, – говорит он.

Дело дрянь. Наверняка его дружки нас поджидают.

В номере пусто, но мне быстренько объясняют, чего надо было бояться. Только мы входим, он с ходу берет и лупит меня ладонью по щеке. Я этого не ждала и отлетаю, спотыкаясь об угол кровати.

– На колени, – говорит он и расстегивает молнию. Перед дверью я, прежде чем войти, обронила смятую салфетку из бара. Надеюсь, Роза этого хватит.

Теперь коп достает свое достоинство. Хватает меня за голову и прижимает лицом между ног. Хорошо, хоть парик не съехал: Роза знает, как их закрепить – плотно и ровно.

– Кусаться и не думай, – предупреждает он.

И в голову не приходило. Я делаю, что ему надо, и все жду, когда дверь откроется. Мы с самого начала обзавелись общим ключом для всех больших отелей, так что войдет Роза

спокойно. Только бы никто не подобрал мою метку, хотя, кроме уборщицы, мятая салфетка никому не нужна, а та давно закончила работу.

Как открывается дверь, я слышу раньше его, потому что жду этого звука. Теперь мое дело его отвлечь, и я кусаю изо всех сил. Срабатывает.

– О черт! – вопит он и лупит меня уже кулаком. Я разжимаю зубы и даю ему отшвырнуть меня. Мы оба слышим, как щелкает взведенный курок. Я шмыгаю подальше от его рук, но он уже оборачивается и смотрит в дуло тридцать восьмого калибра. Просто удивительно, как быстро у него обвисло все, что торчало.

– Ну что, пристрелить? – спрашивает Роза.

Но коп еще думает, что он хозяин положения.

– Детка, – говорит он, будто заносчивый старый простяга-коп, а такой он и есть, – ты здорово влипла. Ну-ка положи эту штуку и...

– Застрели его, – говорю я.

И Роза стреляет. Господи, как громко!

И грязно. Роза обязательно надо выпендриться, так что она целит в голову, и теперь весь номер заляпан кровью, мозгами и прочим дерьмом. Но на меня ничего не попало. И в номере я ничего не трогала, кроме его сучка, так что следов мы не оставляем. Я лезу к нему в верхний карман за бумажником, а нахожу там толстый пакет. На конверте столбик имен: Джексон, Мэйси, Браун и другие, незнакомые. Почти все перечеркнуты. А набит конверт бумажками, большей частью сотенными.

– Небось у него сегодня была получка, – говорит Роза.

Я киваю, поднимаюсь, и мы выходим, вытерев по дороге дверную ручку. Роза кладет пистолет обратно мне в сумочку и держит ее в руках, пока мы идем к лестнице, не спеша, но и не задерживаясь. Свою сумочку она повесила на плечо.

– Ты как считаешь, сколько у нас времени? – спрашивает Роза, пока мы спускаемся.

– Убей, не знаю, – отвечаю я.

Я мучаюсь с блондинистым париком, с трудом стягиваю его и запикиваю в сумочку. Провожу пятерней по примятым волосам, чтобы немножко растрепать. Роза отдает мне свой пиджачок, и я застегиваю его, прикрываю декольте. Ничего особенного, но пиджачок и натуральные волосы собьют с толку тех, кто может поджидать меня внизу. Надеюсь, если там кто и ждал, он слишком старался заглянуть мне под лифчик, чтобы запомнить лицо.

– Испугалась? – спрашивает Роза.

Я мотаю головой. Я на взводе, чувствую себя так, будто во мне десять футов росту и все сплошная сталь. Готова разобраться со всяким, кто попадется на дороге, по одному или всей кучей разом. И не важно, что на скуле у меня проступает синяк, который продержится не меньше двух недель.

– Ты понимаешь, что нам надо убираться из города? – спрашивает Роза.

– А зачем? Никто не знает, что мы там были. Нас с ним ничего не связывает.

– Это же был коп, – говорит Роза.

– Продажный коп.

– Ну и что? Ты же знаешь, как бывает, когда кого-то из них зацепят. Город наизнанку вывернут.

– А я тебе говорю, ни за что не найдут.

Мы спокойно выходим на улицу и направляемся в «Девари». Переодеваемся в обычную одежду.

– Тут чуть меньше четырех тысяч, – говорю я Розе, пока она мажет губы перед зеркалом.

– Не звизди!

– Богом клянусь!

Роза промокает губы салфеткой. У «Девари» все шикарно: салфетки, крем для рук, все такое.

– Не знала, что продажные копы столько зашибают, – говорит она.

Я вспоминаю, как он лежал, когда мы выходили из номера.

– Думаю, у этого дела есть и обратная сторона, – говорю я.

Рози целую минуту пялится на меня, а потом мы обе начинаем хохотать. Если б кто зашел и увидел, принял бы нас за двух обычных девчонок из Козлиного Рая, надравшихся в большом городе. Да так оно и есть, только мы не пили.

Чем больше я хохочу, тем сильнее болит челюсть. Здорово саданул. Все лицо сбоку потемнело.

– Ну и видок у тебя, – хихикает Рози.

Я ухмыляюсь в ответ:

– У меня? Ты бы на него посмотрела. И мы снова хохочем.

Именно в ту ночь мне впервые и приснились волки. Не та туфта «Нью Эйдж», которая вошла в моду чуть позже, – знаете, духи-проводники в зверином облике, индейские тотемы и прочая чушь. Никаких таких советов, как правильно жить, мне в тех снах не давали. Просто мне снилось, что я волчица. Рыскала в каких-то зарослях, и ничего мне больше не надо было, никакого груза за плечами. Жизнь проста, что есть, то есть. Охотишься, спишь, снова охотишься.

Наутро я рассказала свой сон Рози, но она только головой покачала да засмеялась.

– А то я не знаю, кем ты иной раз бываешь, – говорит она мне.

Странное дело, сон мне понравился. Забавно, что я в нем знала, кто я есть. То есть знала, что я – Рэйлин Картер, лежу в постели и вижу сон и в то же время я еще и волчица. И притом никаких сложностей. Все сложности, в которых я путалась в жизни, пропали. А проснувшись, я чувствую себя чистой и свежей.

Только в тех снах я и бываю свежей и сильной. Настоящей.

Рози несколько дней нервничала, и зря. Ясно, смерть копа попала в газеты и все такое, только зацепиться им было не за что, сразу видно. Подробностей приводилось столько, что хватило бы на толстую книжку, если б у кого было настроение ее писать. Как я заметила, никто не упомянул, что у него из штанов кое-что болталось, но это, может, потому что «Тилерский стандарт» – газета для семейного чтения. Если послушать официальные заявления, получался этакий герой-полицейский, погибший в схватке с наркодельцами. Черт его знает, может, они и сами в это поверили.

То есть когда они провели баллистическую экспертизу, оказалось, из этого пистолета уже убивали в Куперстауне, и в резервации, и еще кое-где, и все по делам, связанным с наркотой. Толстый Джек мне клялся, что пушка чистая, но когда лошадь уже свели со двора, поздно смотреть ей в зубы. Так или иначе, от пистолета пришлось избавиться: вытереть дочиста и закопать в лесу, подальше от дороги. Там же мы сожгли парики и платья, в которых были тогда.

Для нас мало что изменилось, разве что мы засели дома и строили планы. Я прикинула, что нам нужен городок побольше. Рози рвалась в Лос-Анджелес, где нас, она думала, ждет карьера кинозвезд, только я твердо решила сначала обзавестись капиталом где-нибудь поближе. Не собиралась я оказаться в Лос-Анджелесе одной из толпы побирушек, которые только и ждут, кто их угостит. Правда, послушать Рози, она неплохо провела бы время в компании киношников.

– Ты только представь себе, Рэйлин, – говорила она. – Подумай только: постельная сцена! Ну, разве не сладко звучит?

Пожалуй, мы обе были со странностями, каждая на свой лад.

Мы выждали несколько месяцев, чтобы новость остыла. Держались тихо и проедали грязные денежки того копа. Но жизнь продолжалась.

Той весной много всякого случилось. В марте помер папаша, но я на похороны не пошла. Он меня и при жизни никогда особо не замечал, так и после смерти я ему не нужна.

Джимми и Роби связались с дурной компанией. Начали приторговывать крэком, а потом Джимми подрался с парнем из «Драконов» прямо здесь, в Шатае, и получил за свои старания могилку на кладбище – и двух недель не прошло, как папашу закопали. Роби выпал случай показать себя, и он бежал, как испуганный кролик, пока тот байкер забивал его братца до смерти.

Хоронить его я опять же не ходила.

Не знаю, куда подевался Роби к тому времени, как мы с Розы собрались уехать из городка. Кто-то мне говорил, будто он работает на Морганов в Гнилом Ручье, да только я не поверила. На что им такой недотепа? Мне больше верилось, что он кончил в доме для голубых, играя на чужих флейтах и расплачиваясь за привычку, которую завел, пока они с Джимми по мелочи торговали крэком.

А скорее всего он тоже помер, но я и на его похороны не пошла бы, если б о них знала.

А вот посмотреть на Дэла сходила бы, просто чтоб убедиться, что сукин сын и вправду сдох, только у него не хватило порядочности умереть. Он отправился за решетку: пьяный в дым сбил машиной маленькую девочку. Приговор вынесли в апреле, в ту же неделю, когда мы пристрелили копа. Дали ему много, потому что он удрал, оставив ее умирать в придорожной канаве. Говорили, мол, она бы выкарабкалась, если б ее вовремя доставили в больницу.

Сладко мне было, уезжая с Розы, думать, что он в тюрьме: сидит за решеткой, а я свободна и делаю, что хочу. Я надеялась, там ему покажут, каково быть кому-то ночной подружкой.

Мамаша, по слухам, перебралась из дома на трейлерную стоянку, поближе к тюрьме, и там, надо думать, отравляла жизнь соседям все время, когда не ходила на свидания к Дэлу.

Перед тем как уехать, я не забыла смотаться туда, где выросла, – думаю, это было в мае. Мы просто постояли там немножко и посмотрели на дом. После того как мамаша выехала, никто его не снял, и удивляться не приходится. Странно было, как он еще не развалился.

– О чем ты думаешь? – спросила Розы.

Я пожала плечами:

– Ни о чем особенном.

Но я думала о своей сестричке, что она со мной сделала, оставив одну. Я думала о Дэле и о том, как я еще посчитаюсь с ним и с мамашей. Но это потом.

Мы вернулись домой и легли спать. Проснувшись утром, собрали все свои вещи – не так уж много – и отправились на автобусную станцию в центре Тилера. Вот так пара девчонок из Козлиного Рая оказалась в Ньюфорде.

Ньюфорд, конец лета 1975-го

Можно вытащить женщину из помойки, но помойку из женщины не вытащишь. Так говорит Розы. Черт, у нее на каждый случай по поговорке, и каждая объясняет и оправдывает тот факт, что мы продолжаем заниматься тем, чем занимаемся.

Может, она и права, но разыгрываем мы все по первому классу. Ну, я, положим, прирожденная мошенница, но вот Розы, пожалуй, и вправду могла бы стать актрисой. И не только в порнухе, имейте в виду, хотя я не сомневаюсь, что она бы и в порнороликах блистала, дай ей только возможность. У нее на мужиков страшный зуд.

Тратить деньги легко и просто, заработать потруднее, но мы попробовали и то и другое, и торговать своими задницами не пришлось. В большом городе можно промышлять каждый день, и притом не приходится показываться в одном и том же баре так часто, чтоб вас могли запомнить.

И никому нет дела до других, так что работать нам проще простого.

Но через некоторое время у нас начинается зуд в пятках. Я разыгрываю большое представление для того вдовца, что живет на нашей улице. Трачу на него несколько месяцев.

Держусь недотрогой и чистюлей. Ему – сколько там – восемьдесят пять, но до сих пор делает стойку, как молодой кобель. Стоит мне нагнуться за чем-нибудь, так чтоб он мог заглянуть под блузку, или потянуться к верхней полке в своей коротенькой юбочке. Я его никогда не трогаю, и он меня тоже, но если я о чем его прошу – он даст.

– Мне придется уехать, – говорю я ему как-то раз. – Я оставалась только ради вас, но дела идут не слишком хорошо, так что...

– Чего тебе не хватает? – спрашивает он.

Я смеюсь.

– Тридцати тысяч долларов, – говорю, – а таких денег ни у вас, ни у меня нет.

– Зачем они тебе, Сьюзи?

Я для него Сьюзи. Сьюзи Дэвис.

Я рассказываю ему, что останусь без дома, потому что уже три месяца не выплачивала по закладной. И контора, где я работала, переезжает на другой конец города, так что без машины мне не добраться до работы. И что мать в больнице, и страховки нет, и кроме меня платить за лечение некому. Я чуть ли не краснею, выкладывая ему список бед и несчастий, но он все слушает, кивает и принимает всерьез.

– Я могу дать тебе эти деньги, – говорит он.

– О ради бога! – отзываюсь я. – Откуда?

Но я и так знаю. У него в десять раз больше в ценных бумагах, вкладах и прочем. Пока он спал, я просматривала его почту и читала всякие уведомления.

– Об этом не беспокойся, – успокаивает он. Улыбка у меня – как мед прямо из улья.

– Вы очень добры, – говорю, – но я никак не могу взять у вас таких денег.

С ним я разговариваю, как городская девушка, которая могла бы сделать карьеру, дай ей хоть полшанса.

– Зачем мне деньги? – спрашивает он. – Я не сегодня завтра умру.

– Не смейте даже в шутку так говорить! – восклицаю я, присев рядом с ним на ручку кресла.

Юбочка у меня и без того короткая, а тут задирается так, что он прямо прикипел взглядом.

– Мне ничего не надо, только бы знать, что вы живы и здоровы, – говорю я.

– А мне хочется это сделать. – Он наконец поднимает взгляд к моему лицу.

Но я только головой качаю.

– Тогда считайте это займом.

Семьи у него нет. Друзей у него нет. Он нанимает женщину, чтоб убирала у него в доме. Кто-то еще приходит готовить еду, если не готовлю я. Он весь день смотрит телевизор, прерываясь только, чтобы поиграть со своей коллекцией марок. Бедный старый пердун. Единственная подруга – Сьюзи Дэвис, да и той даже не существует.

Я позволяю себя уговорить.

В следующий раз, когда я к нему захожу, он дает мне деньги. Наличными. Я ему сказала, что банковского счета у меня нет, потому что все выгребли под закладную и банк аннулировал мои кредитные карточки.

Я еще пытаюсь отказываться, но он вкладывает деньги мне в руку. Уговаривает.

Будь на моем месте Роза, она бы сейчас подарила ему поцелуй. Настоящий французский поцелуй. Присела бы к нему на колени и порадовала бы напоследок. Но я только обнимаю его. Говорю, что просто не могу поверить, какой он добрый и верный друг. Потом я выхожу в дверь, и больше он меня не увидит.

Мы с Розой покупаем билеты до Лос-Анджелеса, и вот мы летим на запад, навстречу славе и судьбе, очертя голову, как у нас говорится. Девчонки из Козлиного Рая штурмуют Голливуд. Мы ворвались туда летом семьдесят пятого, и, скажу я вам, это было времечко!

Только такое счастье долгим не бывает. Оказалось, все, что мы натворили прежде, было мелочью. Нам не пришлось долго жить в Лос-Анджелесе, чтоб об этом догадаться. Там все жители делятся на мошенников и их клиентов. На несколько лет нас хватило, но скоро

все наши испытанные схемы себя исчерпали, а деньги утекали как вода.

Ну наконец сбылась мечта Розы, и она попала на экран. Знаете на какой. Только для домашнего просмотра. Такие фильмы смотрят, держа одной рукой пульт, а другую запуская себе в штаны.

Я для этого не гожусь.

– Ты не беспокойся, Рэйлин, – утешает меня Роза. – Ты долго нас кормила, а теперь моя очередь. И не думай, мне это нравится.

Все, за что я ни возьмусь, идет насмарку. Похоже, в Тилере и Ньюфорде я истратила всю отпущенную мне удачу. А может, я и не была готова играть против больших шишек. Может, никогда и не научусь.

В конце концов я попадаю под суд за приставания на улице – меня взяли слишком рано, так что до ограбления или вымогательства не дошло, – и получаю шесть месяцев. Это в восемьдесят первом. Как раз когда Роза начинает свою карьеру.

Меня выпускают, но я уже ни на чем не могу сосредоточиться. Просто сижу в задрюпанной квартирке, которую мы сняли в Вествуд Вилидж и смотрю по телику всякую туфту и бесплатные копии роликов с Розы. Похоже, она наслаждается жизнью – черт возьми, она только и твердит, как она чертовски счастлива, – но все равно у меня сердце разрывается, когда я их кручу.

И только ночью все хорошо. Поздно, поздно ночью. Когда я вижу сны. Когда я волчица. Когда я веду свою стаю.

Интервью

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ДЖИЛЛИ КОППЕРКОРН,
ВЗЯТОГО ТОРРЕЙ ДАНБАР-БЕРНС ДЛЯ «КРОУСИ АРТС РЕВЬЮ»
В СТУДИИ МИСС КОППЕРКОРН НА ЙОР-СТРИТ в среду, 17 апреля 1991 года

– Меня всегда удивляло, почему мы не видим ваших работ на обложках изданий фэнтези?

– Я однажды попробовала заняться этим, но очень давно. Мой друг, Алан Грант, устроил мне контракт с издательством, выпускавшим книги в бумажных обложках, и я отнеслась к этой первой работе очень ответственно. Прочитала рукопись от начала до конца, написала кучу заметок, а потом уже пошла на встречу с художественным редактором, и тут реальность закатила мне настоящую оплеуху. Мои идеи ей понравились, но она сказала, что все это не пойдет, объяснила, как, по ее мнению, все должно выглядеть, и спросила: «Вы сумеете это сделать?» Я прямо у нее в кабинете, за разговором, сделала несколько набросков, и она сказала: «Вот-вот, то что надо!»

Так что я вернулась к себе в студию, которую тогда снимала вместе с Изабель, сделала иллюстрацию, отправила по почте и больше никогда не искала такой работы.

– Потому что она не соответствует вашим представлениям о ценности искусства?

– Вовсе нет. Просто наброски, которые я принесла в редакцию, очень точно отражали мысль, которую автор хотел донести до читателя. Это была моя реакция на его книгу, отклик – как если бы мы с ним вели разговор, – а мне кажется, так всегда и бывает с настоящим искусством. Оно вызывает на разговор. Оно задает вопросы, а иногда и отвечает на них, но тогда неизбежно возникают новые вопросы.

Но для того чтобы продать книгу, все это не нужно. Наверное, у меня просто голова не так устроена. И мне совсем не хочется только передавать чужие идеи. Художественный редактор точно знала, что нужно для хорошей продажи. А вот мои мозги тут оказались вроде квадратного колышка в круглой дырке.

– Однако знамениты вы прежде всего своими фантастическими полотнами.

– Я рисую только то, что существует.

– Буквально?

- Ну, я рисую то, что вижу. Только фантастических существ трудно заметить, верно?
- Но...
- Да, я понимаю, что вы хотите сказать. Но это не поза. Мало кому понравится, когда на него навешивают ярлык, но в каком-то смысле мне по душе звание «художницы волшебного мира».
- *«На вид мисс Копперкорн напоминает одно из тех очаровательных и причудливых созданий, которых она так любит изображать. Она вполне могла бы служить моделью для собственных картин».*
- Вы хорошо подготовились. Откуда это?
- *Еженедельник «В городе», обзорное, посвященное вашей первой персональной выставке в галерее «Зеленый Человек». По-моему, там вас впервые назвали «художницей волшебной страны». Но, возвращаясь к тому, что вы сказали минуту назад...*
- Что я рисую только то, что существует?
- Именно так. Что вы имеете в виду? Не хотите же вы всерьез сказать, что город населен крошечными эльфами и тому подобными созданиями?
- А что тут невероятного?
- *Вы меня разыгрываете... не так ли?*
- Может, и так. (Смеется.) Но не совсем. Мне не хочется втягивать вас в эзотерические споры, но что вы думаете о квантовом феномене?
- Честно говоря, совсем ничего не думаю.
- Идея заключается в том, что некоторые явления происходят только тогда, когда их воспринимает сознание наблюдателя.
- *Разговор наш склоняется, кажется, к представлению об «общепризнанной реальности», о котором вы уже упоминали прежде. Идея, что мир таков, как есть, потому что все согласилось считать его таким.*
- Как говорит мой друг-профессор, «Мир Как Он Есть».
- Да, это где-то рядом. Феи и эльфы – таинственные существа, в каких бы курточках они ни появлялись, всегда попадают в трещины реальности, как она представляется большинству. Нужна определенная невинность сердца, чтобы остаться открытым для других миров, для существ, которые забредают к нам из земель, лежащих за границами изведанного. И под невинностью я понимаю не столько наивность, сколько отсутствие цинизма.
- *И вы всю жизнь в это верили?*
- Это не вопрос веры. Скорее что-то, к чему я пришла лишь со временем и начала ценить.
- *Значит, ребенком вы не высматривали эльфов в потайных уголках сада?*
- Я никогда не была ребенком. Или, может быть, лучше сказать, для того, чтобы стать ребенком, мне пришлось повзрослеть.
- *Вы никогда не говорите о своих родных.*
- Что вы хотите сказать? Я только о них и говорю. Софи, Венди, братья Риделл, Сью, Изабель, Мона...
- *Вы говорите об избранной вами семье, если я точно выражаюсь?*
- От этого они мне не менее родные.
- *Конечно нет. Но я имела в виду семью, в которой вы родились и выросли.*
- Такой семьи у меня никогда не было.
- *У вас было трудное детство?*
- То, что со мной было, я не могу считать детством. Детство началось, когда я выросла.
- *Похоже, у многих творчески одаренных людей – музыкантов, писателей, не только художников – было не слишком счастливое детство. У вас есть какие-нибудь соображения, почему это так?*
- За других говорить не могу, но, может быть, дело в том, что мы слишком часто оказываемся отверженными. Понимаете, не умеем приспособливаться.
- *Вам не приходило в голову коснуться этих проблем в своем творчестве?*

– Забавный вопрос. Обычно я рисую потому, что мне хочется возвратить миру красоту. Я не большая поклонница искусства протеста, хотя признаю за ним право на существование. Но вот недавно мы с подругами начали готовить выставку, которая коснется как раз этих вещей.

Джилли

Ньюфорт, май 1991-го

Прошлое пробирается в настоящее, как бродячий кот в переулок, оставляя за собой кляксы следов-воспоминаний: там пожелтевшая фотография с измятыми уголками, здесь воронье гнездо из старых газет – заголовки накладываются друг на друга, образуя странные фразы. В наших воспоминаниях нет порядка, колесо времени в наших головах выписывает зигзаги. В темных чердаках нашей памяти смешиваются, иной раз буквально, все времена.

Я совсем запуталась. Столько разных ролей я перепробовала, и некоторые из них мне вовсе не нравятся. Вряд ли они могли понравиться кому-то еще. Жертва, наркоманка, шлюха, врунья, воровка. Но без них я не стала бы такой, какая я сегодня. Ничего особенного, но мне по душе, какая я есть, даже с пропавшим детством и всем прочим. Неужели надо было перебивать всеми этими личностями, чтобы стать такой? Может, они до сих пор живут во мне – прячутся в темных закоулках сознания, поджидая, пока я не споткнусь и не упаду, снова выпустив их в жизнь?

Я приказываю себе не вспоминать, но это тоже неправильно. Забвение делает их сильнее.

2

Утреннее солнце ворвалось в окно чердачка, играя на лице гостьи. Девочка спала на продавленной кровати, запутавшись в простынях тощими руками и ногами, и только на животе у нее простыня лежала гладко, обрисовывая округлившийся живот. Во сне ее черты смягчились, волосы облаком лежали на подушке вокруг головы. Мягкое утреннее освещение придавало ей сходство с мадонной боттичеллиевской чистоты, но стоит ей проснуться, как этот ореол растает в дневном свете.

Ей было пятнадцать лет. На восьмом месяце беременности.

Джилли забралась с ногами на подоконник, пристроив альбом для рисунков на коленях. Она набрасывала сценку угольным карандашом и растирала линии подушечкой среднего пальца, чтобы смягчить их. Бродячий кот, забравшись по пожарной лестнице до уровня ее окна, жалобно мяукнул.

Этот черно-белый оборванец являлся каждое утро. Не вставая, Джилли вытащила из-под ног корбочку от маргарина, наполненную подсыхшими объедками, и поставила на площадку перед попрошайкой. Кот довольно захрумкал, набросившись на завтрак, а Джилли вернулась к своему наброску.

– Меня зовут Энни, – сказала ей гостья вчера вечером, остановив ее на Йор-стрит в нескольких кварталах к югу от дома. – У вас не найдется немного мелочи? Мне очень нужно как следует поесть. Это даже не для меня, а...

Джилли оглядела ее, заметила слипшиеся волосы, драную одежонку, нездоровый цвет кожи, болезненную худобу тела, не способного, казалось, обеспечить всем необходимым и саму девочку, не то что вскормить ребенка, которого она носила.

– Ты совсем одна? – спросила Джилли.

Девочка кивнула.

Джилли обняла ее за плечи и увела к себе на чердак. Отправила принять душ, пока она приготовит поесть, дала чистый халат и старалась при этом не выглядеть покровительницей.

У девочки и так осталось не много собственного достоинства, а Джилли знала, что вернуть это чувство почти так же трудно, как вернуть невинность. Ей ли не знать.

3

«Украденное детство», Софи Этуаль. Гравюра на меди. Студия «Пять поющих койотов», Ньюфолд, 1988 г.

Ребенок в лохмотьях стоит перед запущенным фермерским домом. В одной руке у девочки кукла – палочка с шариком на одном конце и юбочкой на другом. Лицо растерянное, будто она не знает, что делать с игрушкой. За сеткой, которой затянут вход, виден темный силуэт мужчины, наблюдающего за ребенком.

Думаю, мне было года три, когда старший брат начал ко мне приставать. Ему, получается, было около одиннадцати. Он трогал меня рукой между ног, пока родители уходили выпить или опохмелялись на кухне. Я пыталась отбиваться, но на самом деле даже не понимала, что он делает что-то дурное, – даже когда он начал вставлять свою письку в меня.

Мне было восемь, когда мать застала его за насилием. Знаете, что она сделала? Вышла и подождала, пока он закончит, и мы оба оденемся. Подождала, пока он уйдет из комнаты, а потом вернулась и заорала на меня:

– Маленькая распутница! Надо же, заниматься этим с собственным братом!

Как будто я была виновата. Как будто я *просила*, чтобы он меня насиловал. Как будто в три года, когда все это началось, я могла понять, что он делает.

Думаю, другие мои братья все знали с самого начала, но молчали, не желая нарушить свой идиотский мужской «кодекс чести». Младшая сестричка тогда только родилась и еще совсем ничего не понимала. Папа, когда узнал, исколошматил брата до синяков, но от этого, пожалуй, стало только хуже.

Он не перестал меня лапать, а если не приходил ко мне в спальню, так поглядывал на меня искоса, словно подначивал: «А ну попробуй что-нибудь сделать». Мать и младшие братья замолкали, когда я входила в комнату, и разглядывали меня, как мерзкую букашку. Мать только тогда и заговаривала со мной, когда ей что-нибудь было от меня надо, а в таких случаях просто отдавала приказ. Если я не бросалась со всех ног его исполнять, получала порку.

Думаю, папа сначала хотел как-то помочь мне, но в конечном счете оказался не лучше матери. Я по глазам видела, что и он винит во всем меня. Он держался на расстоянии, никогда не подпускал меня к себе, не давал почувствовать, что я нормальная.

Это он заставил меня пойти к психиатру. Мне пришлось пойти и сидеть у него в кабинете, совсем одной – маленькая девочка в большом кожаном кресле. Психиатр склонялся ко мне через стол: сплошные улыбочки и липкое понимание – и старался меня разговорить, но я ничего ему не сказала. Я ему не верила. Я уже научилась не верить мужчинам. И женщинам тоже не верила – спасибо матери. Та послала меня на исповедь, как будто тот же Бог, который позволял брату насиловать меня, теперь должен был все уладить, стоило только признаться, что это я его первая соблазнила.

Разве ребенку можно так жить?

4

Простите меня, Отец, я согрешила. Я позволила брату...

Джилли отложила портрет, когда ее гостя зашевелилась. Она свесила ноги с подоконника, так что пятки постукивали по стене, а носки чуть касались пола, и смахнула со лба непокорную прядь волос, оставив на виске угольную полоску.

Маленькая, тоненькая, с личиком феи и шапкой курчавых черных волос, она выглядела не многим старше лежащей на кровати девочки. Джинсы и мягкие тапочки, темная футболка и просторный оранжевый халат только добавляли ей молодости и хрупкости. Но ей было далеко за тридцать, детство осталось позади: она годилась Энни в матери.

– Что вы делаете? – спросила Энни, сев на кровати и закутавшись в простыню.

– Набросала твой портрет, пока ты спала. Надеюсь, ты не против?

– Можно посмотреть?

Джилли передала ей листок и смотрела, как Энни разглядывает набросок. У нее за спиной к черно-белому бродяге присоединились еще двое. Один – старый разбойник с рваным ухом и ребрами, торчащими даже через свалывшуюся шерсть. Другой принадлежал соседу снизу: этот совершал свой утренний обход.

– Я у вас получилась лучше, чем на самом деле, – сказала наконец Энни.

Джилли покачала головой:

– Я рисовала то, что было.

– Ну да!

Джилли не стала тратить слов на возражения. Разговорам о самооценке конца не будет.

– Вы этим на жизнь зарабатываете? – спросила Энни.

– В основном. Еще прирабатываю официанткой.

– Все лучше, чем шлюхой, да?

Она вызывающе взглянула на Джилли, ожидая реакции.

Джилли просто пожала плечами.

– Расскажи, – сказала она.

Энни долго молчала, с непонятным выражением разглядывая свой портрет, а потом снова подняла взгляд на Джилли.

– Я про вас слышала, – сказала она, – на улице. Похоже, вас все знают. Говорят... – Голос у нее сорвался.

Джилли улыбнулась:

– Что говорят?

– Ну, всякое. – Она передернула плечами. – Да вы знаете. Что вы тоже когда-то бродяжничали, что вы вроде комитета социальной помощи, состоящего из одного человека, только нотаций не читаете. И что вы... – Она замялась, на мгновение отвела взгляд. – Знаете, колдунья.

Джилли рассмеялась:

– Колдунья?

Это для нее была новость.

Энни махнула рукой в сторону стены напротив окна. К ней был прислонен неровный ряд холстов. Выше, как попало, рама к раме, ради экономии места, были развешаны другие. Незаконченная серия «Городские существа» – реалистичные городские сценки и персонажи, среди которых мелькали странные маленькие пришельцы из страны, никогда не существовавшей. Домовые и эльфы, феи и гоблины.

– Говорят, вы верите, что все это на самом деле есть, – добавила Энни.

– А ты как думаешь?

Взгляд Энни выражал: «отвяжись», но Джилли только улыбнулась.

– Как насчет завтрака? – предложила она, чтобы сменить тему.

– Слушайте, – заговорила Энни, – спасибо вам большое, что приютили меня и накормили, только я не хочу вас обедать.

– Один завтрак меня не разорит.

Джилли старалась не показать, что видит, как гордость борется в Энни с заботой о малыше.

– Ну, если вам точно не трудно... – запинаясь проговорила она.

– Было бы трудно, я бы не предлагала, – заверила ее Джилли.

Она спрыгнула с подоконника и прошла в отгороженный кухонный угол. Сама она редко завтракала, но двадцать минут спустя обе сидели за столом, на котором стояли яичница с ветчиной, тосты, кофе для Джилли и травный чай для Энни.

– У тебя на сегодня какие планы? – спросила Джилли, когда они позавтракали.

– А что? – Энни немедленно насторожилась.

– Думала, может, ты согласишься зайти к одной моей подружке.

– Она социальный работник, да?

Таким тоном говорят о тараканах и крысах. Джилли покачала головой:

– Скорее адвокат-консультант. Ее зовут Анжела Марсо. Контора у нее на Грассо. Она работает сама по себе, никаких связей с полицией.

– Я о ней слыхала. Ангел с Грассо-стрит.

– Если не хочешь, не ходи, – сказала Джилли, – но она наверняка будет рада с тобой познакомиться.

– Как же, как же!

Джилли пожала плечами. Но когда она принялась убирать со стола, Энни ее остановила:

– Пожалуйста, позвольте мне.

Джилли подобрала набросок и уселась на подоконник, оставив Энни убирать и мыть посуду. Она как раз добавляла последние штрихи к начатому утром портрету, когда Энни снова уселась на продавленную кровать.

– Та картина на мольберте... – начала она. – Вы сейчас ее рисуете?

Джилли кивнула:

– Совсем не такая, как остальные у вас.

– Я вхожу в группу художников, которые называют себя «Пять поющих койотов», – пояснила Джилли. – Настоящая хозяйка студии – Софи Этуаль, еще одна моя подруга, но мы все время от времени там работаем. Нас пять, все женщины, и мы готовим выставку в «Зеленом Человеке» на тему «преступления против детей». Она откроется через месяц.

– И эта картина тоже там будет? – спросила Энни.

– Да, я для той выставки готовлю три картины.

– А эта как называется?

– «Я больше не умею смеяться».

Энни положила ладонь на свой большой живот.

– Я тоже, – сказала она.

6

«Я больше не умею смеяться», Джилли Копперкорн, масло, аппликация, Студия «Йорк-стрит», Нью-Йорк, 1991 г.

Модель изображена в натуральную величину; она стоит, опираясь на стену городского дома в классической позе проститутки, ожидающей клиента. Она на высоких каблуках, в мини-юбке, в топике и в коротком пиджачке. Сумочка на тонком ремешке свисает с плеча на бедро. Руки в карманах пиджака. Усталое лицо и отсутствующий взгляд наркоманки сводит на нет все попытки выглядеть соблазнительно.

Под ногами у нее настоящий презерватив, гипсом наклеенный на холст.

Модели тринадцать лет.

Мне было десять лет, когда я начала убегать из дому. В то лето, когда мне исполнилось

одиннадцать, я сумела добраться до Ньюфорда и несколько месяцев прожила на улице. Я подбирала булочки с помойки за «Макдоналдсом» и другими забегалками на Уильямсон-стрит – еда как еда. Просто пересохла, потому что ее передержали на витрине.

Те шесть месяцев я целыми ночами бродила по улицам. Боялась спать, когда темно, потому что была еще маленькой и кто знает, что могло со мной случиться. Так я могла хотя бы спрятаться, если увижу что-нибудь страшное. Днем я спала, где удавалось приткнуться: в парках, на задних сиденьях брошенных машин – там, где, мне казалось, меня не поймают. Я старалась содержать себя в чистоте – мылась в туалетах при столовых и на заправке на Йор-стрит – там заправщик меня привечал. В дни получки он угощал меня обедом, который покупал у лоточника за углом.

Примерно в то время я снова начала рисовать и поначалу пыталась загнать свои картинки туристам в гавани, но они были не так уж хороши, да и рисовала я карандашом на простых листках либо даже на линованной тетрадной бумаге – не те произведения искусства, которые хорошо смотрятся в рамочке, если вы понимаете, о чем я говорю. Попрошайничеством и мелким воровством в магазинах удавалось заработать гораздо больше.

Попалась я в конце концов на том, что пыталась вынести магнитофон из «Стереотоваров Крайгера» – это там, где теперь «Цыганские напевы». Крайгер потом переехал к самым Катакомбам. Я всегда казалась младше своего возраста, так что убедить копов, будто я совершеннолетняя, не сумела. По мне, лучше было попасть в тюрьму, чем обратно к родителям, но не вышло. Родители заявили о моей пропаже – бог весть зачем. Уж точно они по мне не скучали.

Несколько раз я сбегала, и меня возвращали домой, но в конце концов они от меня отказались. Мать отказалась, а папа не спорил, так что, видно, и ему я тоже больше была не нужна. Я было решила, что это здорово, но только пока не начала сменять дома приемных родителей, в промежутках проводя время в приютах для бездомных девочек. Та же тюрьма, только название старомодное.

Надо полагать, бывают и хорошие приемные родители, только мне такие не попадались. Тем, что брали меня, только и нужны были пособия, а со мной они обращались как с собачьим дерьмом, пока к ним не заходила наблюдающая за мной социальная работница. Тогда я с матраса в подвале перебиралась на время в комнату кого-нибудь из родных детей. В первый раз я попробовала рассказать проверяющей, как живу, но она мне не поверила, а когда ушла, приемные родители задали мне трепку. Больше я этой ошибки не повторяла.

Мне было четырнадцать, и я жила в четвертой или пятой по счету приемной семье, когда меня снова попытались изнасиловать. На этот раз я не далась. Саданула старого развратника по яйцам и мигом сбежала назад в Ньюфорд.

Теперь я стала старше и умнее. Девочки в приюте объяснили мне, как продержаться, кому можно верить, а кому только и надо забраться тебе под юбку. Понимаете, я никогда не собиралась стать шлюхой. Не знаю уж, как я рассчитывала прожить в большом городе, – наверное, просто не думала об этом. Кончилось тем, что я связалась с тем парнем – Робертом Карсоном. Ему было пятнадцать.

Мы с ним познакомились на задворках гостиницы для участников конференций на набережной – там летом все ребятишки толклись, – а в конце концов сняли на двоих комнатку на Грассо-стрит, рядом со школой. Я никакого удовольствия не получала от физической близости, но мы так накачивались наркотиками – кислотой, МДА, кокаином, героином, чем попало, – что мне уже было все равно.

Настал день, когда у нас кончились деньги, за квартиру не плачено, есть нечего, и оба мы в таком виде, что даже попрошайничать не в состоянии, и тогда у Роби появилась грандиозная идея, что я могла бы продать свою задницу. Ну, я была под кайфом, но уж не настолько. Но он быстро раздобыл у кого-то дозу, и я опомниться не успела, как уже сижу в машине с каким-то незнакомым парнем, и он требует минета, а я плачу и ничего не

соображаю после дозы и делаю, что он хочет. Потом оказываюсь на улице, где он меня высадил, с сорока долларами в руках, и Роби смеется и говорит, как ловко мы все провернули, а мне остается только корчиться на мостовой, и меня выворачивает наизнанку, но от этого вкуса во рту так и не удается избавиться.

Ну, на взгляд Роби, я страшно чудная – легкие же денежки, говорит он. Для него, может, и легкие. Мы страшно ругаемся, и тут он бьет меня. Говорит, если я не пойду на панель и не стану приносить домой денег, хуже будет – еще и порежет. Такое уж мое счастье, наверно. Мало ли парней, так я связалась с таким, который вдруг открыл в себе призвание сутенера. Три года спустя у него было уже пять девочек, но мне он милостиво позволил откупиться – две штуки, которые удалось заныкать из того, что я ему приносила, – и я свободна.

Только какая там свобода, если я сижу на игле, работать не могу, документов нет, да и не умею ничего, кроме как немного рисовать, когда руки не дрожат от ломки, а дрожат они почти все время. Я стала работать на двух толкачей в парке Фитцгенри, они расплачивались со мной дозами, и как-то ночью меня так заломало, что я свалилась прямо на ступеньках ломбарда на Перри-стрит.

Не ела я – сколько там – дня три. Доза нужна так, что в глазах туман. Я бог весть сколько не мылась, так что от меня разит, а уж от одежды, что на мне, – и говорить нечего. Мне крышка, и я это знаю, и тут слышу шаги по улице и догадываюсь, что это местный коп с обычным обходом.

Пробую уползти глубже в тень, но подворотня совсем мелкая, а коп подходит ближе и останавливается, загораживая тусклый свет уличного фонаря, и я понимаю, что вляпалась. Только теперь уж я не гожусь для приюта или приемной семьи. Думаю, не предложить ли ему минет – на взгляд копов, шлюхи хуже мусора, но от бесплатного удовольствия и они не отказываются, – но тут этот поворачивает голову, свет падает на его лицо, и что-то в этом лице говорит мне, что он человек семейный и налево не ходит. Простяга, честный коп, может, первую неделю служит и еще полон желания помогать всем и каждому – теперь уж мне точно крышка. При моем-то везении он, пожалуй, окажется одним из тех, кто верит, будто социальная служба и впрямь пытается кому-то помочь, а не просто втирает очки своими бумажными играми.

Кажется, я больше не могу.

Жалею, что у меня нет с собой ножичка: той выкидушки, которой Роб махал у меня перед носом, когда считал, что я мало принесла. Мне хочется кого-то зарезать. Себя или этого копа – все одно. Только бы это кончилось.

Он приседает так, чтобы заглянуть мне в лицо, а я лежу, притулившись головой к двери, и говорит:

– Очень плохо?

Я гляжу на него, будто на инопланетянина. Очень плохо? Да разве бывает хуже?

– Со мной... все в порядке, – говорю я.

Он кивает, словно мы о погоде разговариваем.

– Как тебя зовут?

– Джилли, – отвечаю я.

– Джилли, а дальше?

– Э-э...

Я думаю о родителях, которые отвернулись от меня. Думаю про приюты и приемные семьи. Смотрю ему за плечо, а там на стене напротив два плакатика. Один с рекламой лосьона для загара – знаете, тот, где собака стягивает с малыша штанишки? Наверняка какой-нибудь извращенец придумал. На другом веселый зеленый великан продает кукурузу. Я беру по слову с каждого и отвечаю копу:

– Джилли Копперкорн*.⁴

⁴ Coppercorn – слиты три английских слова: cop – полицейский, коп; per (от pervert – извращенец); corn –

– Ты встать-то можешь, Джилли?

Я думаю: «Могла бы стоять, с чего бы я здесь лежала?» Но все же пробую. Он мне помогает подняться, поддерживает, когда меня шатает.

– Ну, я арестована? – спрашиваю я.

– А ты совершила преступление?

Не знаю, откуда берется смешок, только он сам собой вырывается у меня изо рта. Веселья в нем ни крошки.

– Ясное дело, – говорю я. – Я родилась.

Он замечает мою сумку, которая осталась валяться на земле. Прислонив меня к стене, подбирает, и из нее вываливается пачка рисунков. Запихивая их обратно, он рассматривает листки.

– Твоя работа?

Мне бы огрызнуться, спросить, какое его дело, но во мне уже ничего не осталось. Только на то и хватает, чтобы устоять на ногах. Вот я и говорю ему:

– Да, моя.

– Хорошо рисуешь.

Еще бы! Я ж на самом деле знаменитая до дури художница, а тут просто материал для картин собираю.

– Тебе есть куда пойти? – спрашивает он.

Хоп! Может, я в нем ошиблась? Может, он подумывает отвести меня домой, отмыть хорошенько и использовать?

– Джилли? – спрашивает он, не дождавшись ответа.

Ясное дело, хочется ответить мне. Все подворотни города к моим услугам. Меня всюду ждут не дождутся. Мир принимает меня как долбаную принцессу. Но я только головой трясусь.

– Я отведу тебя к одной своей знакомой, – говорит он.

– Я арестована? – снова спрашиваю я.

Он качает головой. Я думаю, где я теперь и куда мне деваться, и только плечами пожимаю. Если это не арест, то куда бы он меня ни повел – все лучше, чем сейчас. Как знать, может, его приятельница одолжит мне дозу, чтоб ночь продержаться.

– Ладно, – говорю я, – куда угодно.

– Идем, – говорит он.

Он придерживает меня за плечи и направляет вдоль по улице. Вот так я знакомлюсь с Лу Фучери и его подружкой, Ангелом с Грассо-стрит.

7

Джилли сидела на ступеньках конторы Анжелы, разглядывая прохожих. Этюдник лежал у нее на коленях закрытым. Она развлекалась одной из своих любимых игр: придумывала сказки про незнакомцев. Молодая женщина с детской коляской – принцесса в изгнании, которая притворяется няней в далекой стране за океаном, пока на родине, в каком-нибудь романтическом европейском княжестве, ей не вернут законные права. Чернокожий старик, опирающийся на трость, – знаменитый физик, наблюдающий за проявлениями своей теории хаоса в уличном движении на Грассо-стрит. Девочка-испанка на скейте – на самом деле русалка, променявшая волны океана на асфальтовую пустыню и верную любовь.

Услышав, как за спиной открывается дверь, Джилли не обернулась. По ступенькам прошуршали легкие тапочки, дверь захлопнулась, а рядом с ней присела Энни.

– Ну как? – спросила Джилли.

– Чудно было.

– По-хорошему чудно или по-плохому? – уточнила Джилли, не услышав продолжения. – Или просто неуютно?

– Наверно, по-хорошему. Она прокрутила запись, которую вы сделали для ее книги. Сказала, вы знаете и разрешили.

Джилли кивнула.

– Просто не верится, что это вы. То есть голос я узнала и все такое, но звучит совсем по-другому.

– Я была совсем девчонкой, – сказала Джилли. – Никчемной уличной девчонкой.

– А теперь смотрите, как...

– Ничего особенного, – вдруг застеснялась Джилли, приглаживая волосы рукой. – Анжела рассказала тебе о программе поддержки?

Энни кивнула:

– Немножко. Сказала, вы расскажете подробнее.

– Анжела занимается тем, что налаживает связь между ребятами, которым нужна помощь, и людьми, которые хотят помогать. Каждый раз по-другому, потому что каждый случай – особый. Я очень долго даже не знала, кто мой спонсор: он просто передавал деньги через Анжелу. Я только за нее и держалась, если хочешь знать. Не упомяну, сколько раз я вваливалась к ней и рыдала всю ночь у нее на плече.

– Как у вас получилось... ну, знаете, смыть это все? – смущенно спросила Энни.

– Первым делом прошла курс детоксикации. Когда меня выписали, спонсор оплатил мне комнату и стол в «Челси армз». В это время я ускоренным курсом прошла школьную программу. Я сказала Анжеле, что хочу поступить в колледж, поэтому она взялась поручительствовать за ссуду на обучение и достала мне учебники, книги и прочее. К тому времени я уже работала. Помогала по несколько часов в магазине и на почте, а потом стала подрабатывать официанткой, только этих заработков все равно не хватило бы на полный курс.

– А когда вы узнали, кто ваш спонсор?

– На выпускном вечере. Он пришел на праздник.

– Странно было с ним познакомиться, да?

Джилли рассмеялась:

– И да и нет. Оказалось, мы давно с ним знакомы: он читал у нас курс истории искусства. Мы даже подружились, и он разрешал мне использовать солярий в своем доме под студию. Анжела с Лу показали ему несколько кошмариков, которые я рисовала еще на улице. Потому-то он и взялся меня поддерживать: решил, что я очень одаренная. Это он мне позже сказал. Но он не хотел, чтобы я знала, что он за меня платит: боялся, что это повлияет на наши отношения в университете Батлера. – Она покачала головой. – По его словам, он *знал*, что я туда попаду, с первой минуты, как только Лу с Анжелой показали ему мои работы.

– Прямо как в сказке, да? – сказала Энни.

– Пожалуй. Никогда так об этом не думала.

– И что, правда получается?

– Если ты по-настоящему захочешь, – ответила Джилли. – Я не говорю, будто это легко. Будут и взлеты и срывы – поначалу больше срывов.

– И многим ребятам удастся выбраться?

– Статистика тут ни при чем, – сказала Джилли. – У каждого получается по-своему. Но Анжела уже очень долго этим занимается. Будь уверена, она сделает для тебя все, что сможет. За свои старания она часто расплачивается неприятностями. Родители требуют, чтобы она призналась, куда девала их детей. Социальные службы недовольны, что она посягает на их полномочия. Пару раз она попадала в тюрьму за невыполнение распоряжений суда, потому что отказывалась сказать, где находится ребенок.

– Это при том, что у нее дружок – коп?

– То давние дела, – объяснила Джилли. – У них не сложилось. Они по-прежнему

друзья, но... Анжеле ужасно плохо пришлось в детстве. Такое меняет человека, как бы он потом ни научился справляться с жизнью. Анжела чудесно ладит с людьми, особенно с ребятами, но близкие отношения с мужчиной поддерживает с трудом. По большому счету она просто не может заставить себя им поверить. Как друзьям – пожалуйста, но только не в любви.

– Она про вас говорила что-то в этом роде, – призналась Энни. – Сказала, вас переполняет любовь, но только не романтическая и не сексуальная, а, скорее, вообще доброта ко всему и всем.

– Да-а... знаешь, кажется, и я, и Анжела говорим лишнее.

Энни помолчала пару секунд и выговорила:

– Она еще сказала, вы хотите быть моим спонсором.

Джилли кивнула:

– Хотела бы.

– Не понимаю.

– Что тут понимать?

– Ну, я не такая, как вы или как ваш друг-профессор. Я, понимаете, совсем не одаренная. Я в жизни не сумею сделать ничего красивого, хоть убей. Я ни на что не гожусь.

Джилли покачала головой:

– Совсем не о том речь. Красота – это не то, что ты видишь по телевизору, или на рекламе в журнале, или даже в картинных галереях. Это гораздо глубже – и в то же время проще. Видеть добро, оставить мир чуточку лучше, чем он был до твоего прихода. Принимать душу мира вокруг тебя и передавать ее другим. Скульпторы, поэты, художники, музыканты всегда служили проводниками красоты. Но точно так же красоту может создавать садовник, крестьянин, слесарь, медсестра. Тут главное – намерение, которое ты вкладываешь в свой труд, твоя гордость за него, каким бы он ни был.

– И все-таки... мне нечего отдать.

Слова Энни прозвучали тем более мучительно, что в них не было жалости к себе. Энни просто сообщала то, что ей представлялось фактом.

– Рождение ребенка – тоже создание красоты, – сказала Джилли.

– Я даже не знаю, хочу ли я ребенка... Я сама не знаю, чего хочу. Не знаю, кто я такая.

Она обернулась к Джилли. В ее глазах отражались долгие годы боли и растерянности – много больше лет, чем она прожила на свете. «Когда она начала испытывать эту боль? – задумалась Джилли. – Кто причинил ее чудесной малышке, какой она, должно быть, была? Брат, отец, дядя, друг семьи?»

Джилли хотелось обнять девочку, но она слишком хорошо знала, что прикосновение может показаться той посягательством на личное пространство, в котором так отчаянно нуждаются жертвы насилия.

– Мне нужна помощь, – тихо сказала Энни. – Я знаю. Но я не хочу благотворительности.

– Ты не думай, что спонсорская программа Анжелы – благотворительность, – возразила Джилли. – Анжела делает только то, что нам всем всегда нужно делать – заботиться друг о друге.

Энни вздохнула, но не ответила. Джилли не стала нажимать. Они еще долго сидели на ступеньке среди шумного мира Грассо-стрит.

– Что самое трудное? – спросила Энни. – Я имею в виду, когда первый раз уходишь с улицы?

– Поверить, что ты нормальная.

1990 г.

Скульптура три фута высотой, плоский прямоугольный брусок, установленный на торец. С одной стороны из дерева выступают детское лицо, верхняя часть туловища и руки, как будто ребенок выбирается из пеленок.

На лице выражение ужаса.

Энни снова уснула. Отдых ей нужен не меньше, чем регулярное питание и чувство безопасности. Я выбираюсь с плеером на площадку пожарной лестницы и прокручиваю ту запись, которую дала ей сегодня прослушать Анжела. Мне тоже трудно узнать ту девочку, но я знаю – это я.

Забавно, как я говорю об Анжеле, Анжела – обо мне, и обе мы знаем, чего другой не хватает, а себе помочь не можем. Мне нравится видеть своих друзей парами. Нравится, когда они влюбляются друг в друга. Но со мной все иначе.

Только кого я обманываю? И мне того же хочется, но я просто задыхаюсь, когда ко мне приближается мужчина. Не могу пропустить их за последний барьер, не могу даже объяснить им, в чем дело.

Софи считает, что я требую от них инстинктивного понимания. Хочу, чтобы они были любящими и понимающими, но не хочу открываться им. Однако, если я жду, что они будут следовать заповедям, записанным у меня в голове, говорит она, надо хоть впустить их туда.

Я знаю, она права, но ничего не могу с собой поделать.

Какой-то пес пробирается в переулочек вдоль стены. Тощий, как борзая, но на самом деле просто бездомная дворняжка. На спине у него кровь, и я понимаю, что кто-то его побил.

Я спускаюсь вниз с мисочкой кошачьей еды, но он не подходит, как бы ласково я его ни манила. Я знаю, он чувствует еду, но страх в нем сильнее голода. В конце концов я просто оставляю мисочку и лезу назад по пожарной лестнице. Он дожидается, пока я снова устроюсь у себя под окном, и только тогда подходит к еде. Проглатывает все в один присест и отскакивает, словно сделал что-то дурное. Должно быть, я похожа на него, когда встречаюсь с мужчиной, который мне нравится. Мне с ним хорошо, пока он не полюбит меня, не захочет обнять и поцеловать, а тогда я убегаю, словно сделала что-то дурное.

9

Энни проснулась, когда Джилли занялась обедом. Она помогла нарезать овощи для рагу, а потом перебралась за длинный рабочий стол, который тянулся вдоль стены рядом с подрамником Джилли. Она нашла там среди развала бумаг, журналов, набросков и старых кистей каталог выставки «Пяти поющих койотов» и присела с ним у кухонного стола. Пока Джилли заканчивала приготовление обеда, Энни листала брошюрку.

– Вы правда думаете, это что-то изменит? – спросила она, добравшись до конца.

– Смотря по тому, насколько больших перемен ты ждешь, – отозвалась Джилли. – Софи собирается организовать параллельно с выставкой серию лекций и еще пару дискуссионных вечеров в галерее, чтобы посетители выставки получили возможность поговорить с нами о своем восприятии выставки, поделиться чувствами, которые она у них вызвала, может, даже собственными переживаниями, если покажется уместным.

– Да, а как же дети, о которых тут речь? – спросила Энни.

Джилли повернулась к ней от плиты. Энни вовсе не походила на молодую мать в сиянии беременности. Она выглядела просто обиженным и растерянным ребенком с раздутым животом, и атмосфера вокруг нее была насыщена беспокойством, как на работах Ральфа Стедмена.

– На наш взгляд, – сказала Джилли, – если хоть одного ребенка избавят от того ада, через который мы все прошли, выставка была организована не зря.

– Ну да, только ведь на вашу выставку придут те, кто и так все понимает. Вы

проповедуете перед обращенными.

– Может, и так. Но будет и освещение в прессе: в газетах наверняка, а то и минутка в новостях. Если удастся до кого-то дотянуться, кому-то открыть глаза, – так это через прессу.

– Да, наверно...

Энни захлопнула брошюру и взглянула на четыре фотографии на обложке.

– А почему нет Софи? – удивилась она.

– Рядом с ней ни одна камера не хочет работать, – объяснила Джилли. – Прямо, – она улыбнулась, – колдовство.

В ответ у Энни дрогнули уголки губ.

– Расскажите мне, знаете, про это... – она глянула на полотна с городскими сказочными существами, – про волшебство. Про всякие чудеса.

Джилли уменьшила огонь под рагу, оставила его тушиться и достала этюдник с набросками к картинам, развешанным по стенам. Городские пейзажи были едва намечены – только грубые контуры, – зато фантастические персонажи прорисованы в мельчайших деталях.

Они вместе листали альбом, и Джилли рассказывала, где делала зарисовку, что видела или, вернее, подглядела и пыталась перенести на бумагу.

– Вы правда видели их... – маленький волшебный народец? – спросила Энни.

В голосе у нее сквозило недоверие, но Джилли чувствовала, как хочется ей поверить.

– Не всех, – сказала Джилли. – Некоторых я просто вообразила, но другие реальны. Например, вот эти. – Она открыла набросок, где над брошенной в Катакомбах машиной кружились призрачные фигурки с прерафаэлитскими личиками над лохмотьями одежек.

– Но это же совсем люди – обычного роста и крылышек за спиной нет?

Джилли пожала плечами:

– Все верно, только это были не люди.

– А их только волшебники видят?

Джилли покачала головой:

– Просто нужно присматриваться. Если не присмотреться, их не заметишь или увидишь что-то другое – не то, что на самом деле, а что ожидаешь увидеть. Голоса их превращаются в шум ветра, бодах – как вот у этого малыша... – Она перелистнула страницу, открыв крошечного человечка ростом с кошку, перебегающего через улицу. – Он притворяется старой газетой, подхваченной струей воздуха от проехавшего автобуса.

– Присматриваться... – с сомнением произнесла Энни.

Джилли кивнула:

– Так же, как надо всматриваться друг в друга, чтобы не пропустить чего-то важного в людях рядом с тобой.

Энни перевернула следующую страницу, но на набросок не взглянула. Она изучала тонкое личико Джилли.

– Вы правда-правда верите в волшебство, да? – спросила она.

– Правда-правда верю, – подтвердила Джилли. – Но я не просто принимаю его на веру. Для меня искусство – тоже волшебство. Я сообщаю другим о душах, которые вижу: душах людей, мест, тайны.

– А если человек не художник? Где тогда волшебство?

– Жизнь тоже волшебство. У Клары Хемилл в одной песенке есть слова, в которых для меня все сказано: «В чем нет волшебства, в том нет и смысла». Без магии – можешь называть ее чудом, тайной, мудростью природы – все теряет глубину. Все становится плоским. Иначе говоря, что ты видишь, то и получаешь. Я искренне верю, что во всем есть скрытый смысл, будь то картина Моне в музее или старый бродяга, заснувший в переулке.

– Не знаю, – сказала Энни. – Я понимаю, что вы говорите насчет людей и вещей, а вот остальное – это больше походит на то, что видишь, когда накачаешься наркотиками.

Джилли покачала головой:

– Я употребляла наркотики, и я видела этих существ. Это разные вещи.

Она встала, чтобы помешать рагу. Когда вернулась, Энни сидела, закрыв альбом и положив ладонь на живот.

– Ты чувствуешь маленького? – спросила Джилли.

Энни кивнула.

– Подумала, чем бы тебе хотелось заняться?

– Не знаю... Даже не знаю, хочу ли я оставить ребенка.

– Тебе решать, – сказала Джилли. – Мы в любом случае тебя поддержим и найдем тебе жилье. Если решишь рожать и захочешь работать, поможем найти няню. Захочешь сидеть дома с ребенком, тоже что-нибудь придумаем. На то и программа поддержки. Мы не решаем за человека, что ему делать, а помогаем стать таким, какой он от природы.

– Значит, от природы я не такая уж хорошая, – сказала Энни.

– Ты так не думай. Это неправда. Энни дернула плечом:

– Наверно, я боюсь, что буду обращаться с ребенком как моя мама со мной. Понимаете, так все и началось. Она меня вечно колотила, что бы я ни сделала, и я боюсь, что в конце концов стану такой же для своего малыша.

– Ты только мучаешь себя этими мыслями, – сказала Джилли.

– Но ведь так *может* случиться, да? Господи, я... Знаете, я уже два года как от нее сбежала, но по-прежнему все время чувствую, что она стоит у меня за спиной или поджидает за углом. Кажется, мне от нее никуда не деться. Когда жила дома, это было все равно что жить в доме врага. Но я вот сбежала, а ничего не изменилось. У меня все то же чувство, только теперь для меня все – враги.

Джилли протянула руку и накрыла ладонью ее ладонь.

– Не все, – сказала она, – поверь, не все.

– Трудно...

– Я знаю.

10

«На свалке», Мег Маллалли. Ретушированная фотография. Катакомбы, Ньюфорд, 1991 г.

Двое детей сидят на ступенях одного из заброшенных домов в Катакомбах. Волосы у них свалялись, лица чумазые, одежда грязная и не по росту. Они похожи на ирландских бродячих ремесленников начала XX века. Вокруг них всякий хлам: рваные мусорные мешки, выплеснувшие свое содержимое на асфальт, разбитые бутылки, полусгнившие матрасы на мостовой, мятые консервные банки, подмокшие газеты, использованные презервативы. Детям семь и тринадцать лет, мальчик и девочка. У них нет ни дома, ни семьи. Только они двое.

Следующий месяц прошел ужасно быстро. Энни осталась у меня – так ей захотелось. Мы с Анжелой нашли ей однокомнатную квартиру на Ландис-аве-160

Джилли ню, и она собиралась туда переехать, когда родится ребенок. Совсем рядом с моим чердачком: ее заднее окно видно из моего. Но пока она решила пожить со мной.

Она действительно чудесная девчонка. Без артистической жилки, но очень толковая. Могла бы стать, кем захочет, если бы только научилась управляться со всем тем, что взвалили на ее плечи родители.

Она немножко стесняется Анжелы и кое-кого из моих друзей – то ли они для нее слишком взрослые, то ли еще что, – но со мной и с Софи отлично ладит. Может, потому, что стоит оставить нас с Софи в одной комнате больше чем на две минуты, как мы начинаем хихикать и ведем себя, будто мы вдвое младше, чем на самом деле, так что получается – всего на несколько лет старше Энни.

– Вы с ней как сестры, – сказала мне как-то Энни, когда мы возвращались из студии

Софи. – У нее волосы светлее, она немножко фигуристее и *уж точно* гораздо опрятнее тебя, но я, когда вижу вас вдвоем, всегда чувствую, что вы – семья. Такая, какой полагается быть семье.

– Даже при том, что в Софи – кровь эльфов? – спросила я.

Она решила, я шучу.

– Если в ней и есть что-то волшебное, – сказала она, – то в тебе не меньше. Потому-то вы и кажетесь родными друг другу.

– Я просто смотрю на мир внимательно, – сказала я ей, – только и всего.

– Вот-вот...

Малышка зашевелилась точно по расписанию – в половине четвертого утра в воскресенье. Я бы, пожалуй, запаниковала, если бы Энни не паниковала за двоих. Так что я просто позвонила Анжеле и стала помогать Энни одеваться. К тому времени как подъехала Анжела, схватки уже начались вовсю. Но все обошлось прекрасно. Джиллиан София Мэкл появилась на свет два часа сорок пять минут спустя в ньюфордской городской больнице. Шесть фунтов пять унций краснолицего чуда. Без осложнений. Осложнения начались позже.

11

В последнюю неделю перед выставкой все сбились с ног. Сто одно дело, о которых никто не подумал, и все надо было успеть в последний момент. И в довершение всех несчастий один холст у Джилли остался незаконченным до вечера пятницы, и она никак не могла выбросить его из головы.

Он был на подрамнике, еще без названия, покрытый одноцветной грунтовкой, с грубо намеченными контурами. Цвета никак не давались ей. Джилли знала, чего хочет, но стоило подойти к холсту, в голове становилось пусто. Будто забыла все, чему ее учили. Ночью внутренняя сущность картины возникала перед ней, как призрак, но улетучивалась с рассветом, забывалась, как мимолетный сон. Ее изгонял проснувшийся внешний мир. Стук в дверь. Телефонный звонок.

Выставка открывалась ровно через семь дней.

Малышке Энни исполнилось почти две недели. Это был счастливый спокойный младенец из тех, которые никогда не плачут, а только курлычут что-то про себя. Сама Энни была на грани нервного срыва.

– Я боюсь, – сказала она Джилли, зайдя в тот вечер к ней на чердачок. – Слишком все хорошо. Я этого не заслужила.

Они сидели за кухонным столом, пристроив малышку на кровати между двумя подушками. Энни не сиделось на месте. Она взяла карандаш и принялась черкать что-то на листках бумаги.

– Не говори так, – сказала Джилли. – И даже не думай.

– Но это же правда. Погляди на меня. Я не такая, как вы с Софи. Не такая, как Ангел. Что я могу дать своему ребенку? Что она увидит, глядя на меня?

– Добрую любящую маму.

Энни покачала головой:

– Я вовсе не такая. У меня в голове все смешалось. Каждый день с утра до вечера я будто сквозь паутину продираюсь.

– Давай запишем тебя к врачу?

– Давай, к мозгоправу, – уныло кивнула Энни и сердито взглянула на свои каракули. – Ты погляди, какое дерьмо!

Не дав Джилли взглянуть, она смела листки со стола, и они разлетелись по всей студии.

– О господи! – вскрикнула Энни, глядя на порхающие бумажки. – Извини, я не хотела!

Она вскочила, опередив Джилли, и собрала все в мусорное ведро под плитой. Долго

стояла, держа их в руках и по одному сбрасывая в мусор.

– Энни?

Она повернулась навстречу подошедшей Джилли. Сияние материнства, оживлявшее ее лицо в последний месяц перед родами, погасло. Она снова была бледна, понура и казалась такой потерянной, что Джилли только и смогла обнять ее и молча прижать к себе.

– Прости, – выдохнула Энни ей в волосы, – не знаю, что со мной творится. Просто... я знаю, мне бы радоваться, а я все боюсь и ничего не понимаю. – Она кулачками потерла глаза. – Господи, послушал бы меня кто! Только и делаю, что жалуюсь на жизнь.

– Честно говоря, есть на что пожаловаться, – сказала Джилли.

– Да, но если вспомнить, что было, пока я тебя не встретила, я, можно сказать, в рай попала.

– Не хочешь переночевать сегодня у меня? – предложила Джилли.

Энни высвободилась из ее объятий.

– Если можно... если ты не против...

– Совершенно не против.

– Спасибо.

Энни оглянулась на кровать. Ее взгляд упал на настенные часы.

– Опаздываешь на работу, – сказала она.

– Ничего страшного. Думаю, я сегодня возьму отгул.

Энни покачала головой:

– Нет, иди. Ты же сама говорила, что в пятницу работы выше головы.

Джилли до сих пор работала по вечерам в кафе Кэтрин на Баттерсфилд-роуд. Она легко представляла себе, что скажет Венди, услышав, что она приболела. Во всем городе не найдется кому ее подменить, и, значит, Венди придется обслуживать все столики в одиночку.

– Ты уверена? – спросила Джилли.

– Со мной все в порядке, – сказала Энни. – Честно.

Она подошла к кровати, взяла малышку, нежно побаюкала ее на руках.

– Только посмотри, – тихонько шепнула она, скорее сама себе. – Трудно поверить, что такая красота родилась от меня. – Не дав Джилли заговорить, она повернулась к ней. – Это тоже волшебство, да?

– Может быть, самое большое из доступных нам чудес, – отозвалась Джилли.

12

«И это называется любовь?» Клодия Федер. Масло. Студия «Старый рынок», Ньюфорт, 1990 г.

Толстый мужчина сидит на кровати в дешевом гостиничном номере. Он снимает рубашку. В приоткрытую дверь туалета видна тоненькая девочка в лифчике и трусиках, сидящая на унитазе со шприцем в руках.

На вид ей около четырнадцати лет.

«Я просто смотрю вокруг внимательно», – говорила я ей. Должно быть, потому-то, закончив смену и вернувшись на чердачок, я не застала Энни. Такая я внимательная. Малышка лежала на кровати между двумя подушками, а на кухонном столе я увидела записку:

«Не знаю, что со мной не так. Мне все время хочется кого-то ударить. Я смотрю на маленькую Джилли, вспоминаю свою мать и боюсь. Позаботься о ней за меня. Научи ее волшебству. Пожалуйста, не сердись».

Не знаю, сколько я просидела, глядя на эти печальные, жалобные слова. Слезы лились у меня из глаз.

Нельзя было уходить на работу. Нельзя было оставлять ее одну. Она в самом деле

думала, что малышка неизбежно повторит ее собственное детство. Сколько раз она мне это говорила, а я просто не замечала, да?

Наконец я бросилась к телефону. Позвонила Анжеле. Позвонила Софи. Позвонила Лу Фучери. Обзвонила всех, кого могла вспомнить, кто мог помочь ее найти. Анжела сидела со мной на чердачке, когда зазвонил телефон. Я взяла трубку.

И я услышала, что сказал Лу:

– Не больше пятнадцати минут назад патрульный доставил ее в больницу. Накачалась бог знает чем. Он говорит, настоящее самоубийство. Мне очень жаль, Джилли, но я уже не застал ее в живых.

Я ничего не сказала. Просто передала трубку Анжеле, пошла и села на кровать. Взяла на руки маленькую Джиллиан и еще немножко поплакала.

Я вовсе не шутила тогда, говоря о Софи. В ней на самом деле течет кровь эльфов. Не могу объяснить это, и мы редко об этом говорим, но я просто знаю, что это так, а она отрицает. Все же она пообещала мне благословить малышку Энни, как благословляли детей феи в старых сказках.

– Я наделила ее даром счастливой жизни, – сказала она мне потом. – Мне и не снилось, что в этой жизни не будет Энни.

Но в сказках так оно и бывает, правда? Что-то всегда идет не так, а то бы и рассказывать было не о чем. Приходится быть сильным, чтобы заслужить счастливую и долгую жизнь.

У Энни хватило сил, чтобы оставить свою малышку, потому что она думала, что сможет только изуродовать ей жизнь. Но сил, чтобы помочь самой себе, ей не хватило. Такое ужасное наследство оставили ей родители.

Я так и не успела закончить к выставке последнюю картину, но у меня нашлось чем ее заменить. Несколько небрежных штрихов, сделанных Энни, говорили мне больше, чем все мои работы, вместе взятые.

Я собиралась вынести мусор, когда заметила смятые листки, исчерченные каракулями, которые нацарапала Энни в последний вечер. Совсем как детские рисунки.

Я вставила один листок в рамку и повесила на выставке.

– У нас теперь пять койотов и один призрак койота, – только и сказала Софи, увидев, что я сделала.

13

«В доме врага моего», Энни Майкл. Карандаш. Студия «Йор-стрит». Ньюфорт, 1991 г. Небрежные наброски карандашом. Домик – обычный квадрат с треугольной крышей, и в нем три фигурки, начерченные по принципу «точка, точка, запятая». Две из них снабжены треугольниками «юбочек», чтобы обозначить их пол. Две более крупные фигурки избивают меньшую кривыми палками или ремнями.

Маленькая фигурка пытается уползти.

14

В книге отзывов кто-то записал: «Никогда не прощу тех, кто в ответе за все, что с нами сделали. И пробовать не стану».

– И я тоже, – сказала Джилли, прочитав запись. – Помоги мне, Господи, я тоже.

Лос-Анджелес, зима 1998-го

В этом городе легко быть никем. Восемь с лишним миллионов – вдвое больше, чем в Ньюфорде. Даже думать, черт возьми, не хочется, во сколько раз это больше Тисона. Зато точно знаю: если хочешь затеряться, лучше места не сыскать. Исчезнешь – никто и не вспомнит.

Теперь, оглядываясь назад, понимаю, что, отсидев срок и выйдя из тюрьмы, я боролась с глубокой депрессией. Да кого я обманываю! Ничего я не боролась. Года три, а то и больше, провалялась на диване, куда ложилась, если вставала с постели. Вы бы не поверили, что человек может просмотреть столько «мыла», ток-шоу и викторин, не говоря уж о тех роликах Розы, сколько просмотрела я за эти годы.

Сама не знаю, зачем я крутила те видео с Розы. Мне от них плакать хотелось, только я и плакать-то не могла. Глаза жгло, и в груди становилась так тесно – вот сейчас задохнусь. А слезы не шли. Я ни разу не плакала с тех пор, как сестричка меня бросила, и я тогда поклялась, что больше никогда плакать не буду. В те годы депрессии я пробовала отказаться от старой клятвы, потому что мне чудилось, что, если заплакать, станет легче, да только кто-то внутри меня, видно, принял ту клятву всерьез и не собирался отступаться, что бы я сама ни думала. Так что плакать я не могла и не могла заставить себя поднять задницу с дивана, а когда заставляла, так не знала, куда деваться. В ток-шоу только и болтали про психотерапию и всякие таблетки, но, чтобы купить антидепрессанты, нужна монета, а представить, как я сижу и выкладываю кому-то свои беды за свои же денежки, я просто не могла. Когда Розы уходила на работу, у меня для этого дела были четыре стены квартиры. На нее я свои беды тоже не сваливала.

Когда все пошло наперекосяк? Будь я проклята, если знаю. Пошло, и все тут. Карма, так сказать, если вам нравятся красивые слова из иностранных религий. Дома в Тисоне это называлось расплатой. Вроде как кто-то там, наверху, позаботился, чтоб я получила свое за всех, кого ограбила и обидела. Забавно, что этот «кто-то» не замечал, как меня обижают, когда я была еще маленькой девочкой.

Я уж и не могу вспомнить, но было время, когда я была невинна. Дети ведь не рождаются плохими, правда?

Теперь-то, наверно, без разницы. Что родилась плохой, что выросла плохой: кому какое дело, как это вышло? Все равно ничего не осталось. Нет у меня ни твердости, ни умения – ничего, что могло бы кому-нибудь пригодиться, в первую очередь мне самой.

Иногда мне вспоминается та ночь, когда я бросилась с ножом на Дэла. Больше я никогда ничего такого не делала. И нужды не было. А может, я просто не попадала больше в такую беду, где пришлось бы. Случалось, грозила кое-кому ножом, а то и пистолетом, но чтоб применять – этого не было.

Бывает, думая о той ночи, я знаю наверняка: та темнота, что во мне тогда поднялась, – она никуда не делась. Я знаю, что могу сделать такое же, и даже хуже, если припрет. Никто, кроме Розы, не знает, что я способна на насилие, и я эту темную тайну унесу с собой в могилу. Но вот когда на меня накатила депрессия...

Черт побери, я была счастлива, когда удавалось размазать по стенке таракана.

Розы за меня ужасно беспокоилась, и мне от этого только хуже становилось. Но я ничего не могла поделать. Раскисла как тряпка. Притом я не толстела. Наоборот, еще постройнела, только грудь обвисла, как у старухи, – наверно, потому, что мяса на костях уже не было.

Когда мы впервые добрались до Лос-Анджелеса, я думала: много народу – это в нашу пользу. Можно прокрутить свое динамо где вздумается и запросто раствориться в толпе. Но тут было не то что в Тисоне или даже в Ньюфорде. Здесь все друг друга локтями отпихивают, и, если не знаешь никого и ничего, на крупную дичь не выйдешь. Что толку ободрать парня, у которого денег не многим больше, чем у тебя? А дошло до того, что мы и

этим занимались.

Когда меня засадили на шесть месяцев, за дело взялась Роза. Добралась-таки до своих постельных сцен и, должно быть, неплохо выступала, потому что нам долго не приходилось прирабатывать на стороне.

Думаю, больше всего ей в этом производстве фильмов для взрослых нравились презентации. Ее сажали за столик, и она просто сидела там, улыбалась да подписывала своим фанатам афишки или обложки кассет, которые они приносили. Не знаю, где побывали их ручонки и чем занимались, но догадаться нетрудно.

И фотки с ней они тоже хотели. Это уж была моя работа: стоять у нее за спиной со старым «Полароидом» и щелкать их вместе. Мы делали это бесплатно – только ради рекламы, но потом у меня зашевелилась мыслишка, что и на этом можно делать деньги. Мне не нравилось, что мы живем только на доходы с ее задницы, – пусть даже самой Розы работа была по душе.

Точнее, ей просто нравилось быть на виду. Черт, когда заканчивались съемки нового ролика, она блаженствовала, как такса, поймавшая крысу. По-моему, это оттого, что тут она бывала ближе всего к исполнению своей великой мечты – стать кинозвездой. Ближе уже не подобраться – мы обе понимали.

Она все ко мне приставала, чтобы и я снялась. Даже не надо ничего делать с мужиками, уверяла она, мы с ней и вдвоем справимся. Но это мне было совсем ни к чему. Я хочу сказать, мы пару раз с ней крутили, но только когда были пьяны или со скуки, когда мужиков под рукой не оказывалось.

Не подумайте ничего такого. Я не ханжа. До отсидки у меня бывали парни – стоило только захотеть. Просто я ни с кем не связывалась всерьез. Никаких сложностей. И я этим занималась для удовольствия, а не ради заработка. Не могу объяснить, в чем тут дело. Все из-за того, наверно, что Дэл всегда сам решал, что делать, и когда, и как, и плевать ему было на то, что я чувствую.

В общем, эта моя депрессия затянулась на пару лет, и в конце концов я поняла, что надо что-то делать, а не то можно с тем же успехом забраться в ванну, перерезать себе, к черту, вены и покончить с этим. Для динамо я уже не годилась, а собой торговать не собиралась ни в кино, ни на панели, так что я взяла и нашла себе работу.

Вы бы посмотрели на лицо Розы, когда я ей рассказала.

– Что-что ты делаешь?! – спрашивает она.

– Работаю в типографии.

– Да что ты понимаешь в типографском деле?

– Как знать, – говорю я ей. – Там всю работу делают такие здоровенные старые машины. Мне только и остается скормливать им бумагу да собирать отпечатанные копии.

– И тебе нравится? – спрашивает она.

– Не знаю... надо же чем-то заниматься.

А на самом-то деле мне понравилось. Та лавочка работала двадцать четыре часа, и мне досталась ночная смена: с двенадцати ночи до восьми утра, со среды до воскресенья. Я надевала мешковатые штаны и тапочки без каблучков, носила свободную футболку или свитерок и лицо не мазала. И волосы не укладывала, а просто связывала в пучок на затылке. Выглядела этакой серой мышкой, маленькой и тихой. Никто на меня внимания не обращал. Черт побери, в Городе Ангелов, где на каждый квадратный дюйм по красоте, меня не замечали, и мне это нравилось.

Так прошло лет, наверно, семь, когда к нам поступил парень по имени Гектор Ривера, и стал он работать вместе со мной в ночную смену. Он был вроде меня, только мужского пола: такой же маленький и серый, в мешковатой одежде и все такое, но соображал как черт, особенно в компьютерах. Мне нравилось его слушать, когда он рассказывал обо всех этих программах, которые писал, и о том, как в будущем во всех устройствах будет по маленькому компьютеру, которые станут отдавать им приказы. В тостерах, стиральных машинах, телевизорах – что ни возьми. А потом придет время, когда в головы

новорожденных будут засовывать крошечные чипы, как только те высунутся на свет.

Я слыхала, как кое-кто обзывает Гектора испашкой и вроде того, и это меня заедало, но что я могла поделать. Меня едва хватало, чтоб самой на ногах удержаться, где уж тут заступаться за других.

Но мы поладили, он и я. Он тоже вырос в грязной канаве, только тут, поблизости, в латинском квартале. Я его спрашивала, где он так наострился в компьютерах, и он рассказал, как там было у них в школе. Как он прятался в компьютерном классе от старшеклассников, а потом и от своих, которые хотели втянуть его в банду. Он там столько времени провел, что к выпускному уже знал о компах все, что только можно знать.

В типографии в его обязанности входило работать с компьютером: составлять клиентам информационные бюллетени и резюме, и, похоже, работенка была – золотой дождь. Но если у него было время – а времени, скажу я вам, у нас бывало хоть завались, особенно на рабочей неделе, – он еще работал на себя. У него был такой маленький компьютер – не больше книжки в твердой обложке, когда его закроешь. Приходя в типографию, он первым делом подключал эту машинку и каждую свободную минуту стучал на ней. У него там все было: все файлы и программы, над которыми он работал.

Поначалу мне это казалось чем-то вроде колдовства, но он мне кое-что показал, и у меня тоже стало получаться, хотя я еще долго ковырялась с клавишами, как слепая курица: выискивала и клевала их по очереди двумя пальцами. Но потом научилась, и машинная логика мне пришлась по душе: они делают, что им скажешь, и ничего больше. Конечно, эти машинки и умные, и быстрые, и все такое, но в то же время они тупее фонарных столбов, потому что стоит пропустить одну запятую или букву, и твоя программа не заработает. Не то что люди. Но с людьми никогда не знаешь, чего ждать в следующую минуту. Машины не станут помыкать тобой, как Дэл, и не раскиснут в кашу, как я раскисла. Они просто делают, что им велено. А когда я научилась выходить в Интернет, тут уж для меня целый новый мир открылся и кое-что от прежней уверенности Рэйлин Картер ко мне вернулось.

Примерно через год после того, как мы начали работать вместе, Гектор помог мне сделать для Розы веб-сайт. Мы, можете поверить, обгоняли время. На несколько лет опередили остальной мир. Но Гектор говорил, что порнография всегда служила двигателем прогресса. Если бы не порнуха, не было бы видака в каждом доме. То же самое и с Интернетом будет.

Когда мы начинали, сайт у Розы был довольно примитивным по сравнению с тем, что вы можете увидеть теперь. Посмотреть особо не на что: просто кадры-приманки, но и их хватало. Мы распечатывали их на цветном принтере, на глянцева бумаге, и высылали тем олухам, которые готовы были выложить пять или десять зеленых за кусочек Розы. Могли получить и с подписью, если хотели, хотя за Розы расписывались обычно я или Гектор. Мы пробовали выпускать и футболки с картинками, но они не расходились. По большей части нашим клиентам требовалось что-то такое, что можно держать в руке, пока другая занята. Мы и ролики собирались продавать, да только те склизкие фирмочки, на которые Розы работала, слишком уж задирали цены. Мы подумывали отснять собственный ролик – с компьютерными эффектами, монтажом и всякой такой туфтой, – но тут жизнь взяла и лягнула меня прямо в лицо.

После того как сбежала моя сестричка, я дала слово никогда никого близко к себе не подпускать – кроме Розы, конечно, но мы с ней вроде как срослись: то есть, я хочу сказать, Розы была со мной с того времени, когда мы с ней ростом были не выше колена, и мне казалось, она всегда здесь будет. А больше я впускать в свою жизнь никого не собиралась.

И ошиблась по обоим пунктам.

Не знаю, как это вышло с Гектором. Он вовсе не походил на тех ковбоев, к которым меня обычно тянуло, а я в те дни вообще вряд ли могла кому понравиться. Помню, я думала, что надо бы мне малость расфуфыриться – понравиться ему настолько, чтоб он научил меня всему с компьютерами. По моему разумению, у компьютерного маньяка наверняка никого не

могло быть, и он должен был проявить благодарность за небольшой флирт. Только мне уже не хотелось возвращаться к мини-юбкам и декольте. Не спрашивайте почему. Я по-прежнему чувствовала себя «белой швалью», и не больше того – то есть внутри, – но выглядеть так больше не могла. Не знаю, сумела бы я сыграть эту роль или нет.

Но играть и не пришлось.

Гектору я понравилась как была, надо же! И самая настоящая чертовщина была в том, что и он мне понравился. Нет, еще большей чертовщиной было, что я с ним оказалась застенчивой недотрогой. Не нарочно так держалась, имейте в виду. Просто так выходило. Но мы с ним ладили. Все больше разговаривали – вот уж чем я в жизни с мужчинами не занималась.

Думаю, мы переговорили обо всех глупостях, какие могут прийти в голову, но больше всего о компьютерах. Он был по уши влюблен в свои машинки, и мне они тоже нравились, так что я была не против. Он мне всякое показывал на своем компе, и в систему научил входить, так что я теперь понимала, как он пишет программы. Черт побери, до того дошло, что я и сама кое-что придумала.

По большей части мелкие усовершенствования, такие, от которых старая программа работает чуть быстрее или чуть глаже. Мы занимались такими штуками по ночам, когда только полному идиоту взбредет в голову что-то там распечатывать в нашей конторе. Спустя какое-то время мы научились обниматься. Целовались и все такое целыми часами. Не припомню среди своих знакомых парня, с которым у нас не доходило бы до секса через час, от силы два после знакомства. А с Гектором мы только через полтора года до этого добрались – прямо за прилавком и даже дверь не подумали запереть.

В тот первый раз он кончил чуть ли не раньше, чем я ему штаны расстегнула, но скоро научился, как сделать, чтоб и мне было хорошо. Клянусь, я и не знала, что так бывает. Так... пожалуй, тут подошло бы слово «нежно». Нам досталось восемь месяцев – лучшее время в моей жизни, и мне следовало бы знать, что кончится все плохо, однако это застало меня врасплох.

Нет, мне и в голову не приходило, что из этого выйдет, что он меня так оставит.

Дело было в ночь на воскресенье, и стрелка часов подползала к четырем утра. Я и вышла-то на три-четыре минуты. Ровно настолько, чтоб забежать за угол купить нам кофе. Ровно настолько, чтоб какой-то накачавшийся наркоман успел ворваться в копировальную с пистолетом в кулаке.

Когда я столкнулась с ним в дверях, я еще ничего не знала. Он налетел на меня и выбил кофе из рук. Пенопластовые чашечки разлетелись, упав на асфальт, и я уже начала орать на него, когда увидела пачку денег у него в руке и пистолет в другой. Он собирался шарахнуть меня своим пистолетом. Я это точно знала, никаких сомнений. Все сразу замедлилось и ускорилось, и вот я тону в какой-то черной патоке и в то же время скольжу вниз по крутому склону. Я вижу, как поднимается рука с пистолетом, как он нацеливается на меня, и уже готова метнуться в сторону, когда слышится крик Гектора.

– Нет! – вопит он и прыгает через прилавок, точно борзая через пенек.

Пистолет в руке наркомана отворачивает от моей головы. Теперь он нацелен в Гектора. И он стреляет.

Пуля бьет Гектора прямо в грудь, и он отлетает обратно на прилавок. Кажется, летит целую вечность. Наркоман успевает пробежать полквартиры, а я все смотрю на Гектора. Смотрю, как он падает. Ударяется о прилавок, соскальзывает в сторону. На его лице такое изумление, что в другое время я бы рассмеялась. Он исчезает за прилавком, и там, где он ударился, остается только размазанное красное пятно.

Я врываюсь в контору. Я оглохла. Барабанные перепонки чуть не лопнули от выстрела, прозвучавшего над самым ухом. Я протискиваюсь за прилавок, только уже поздно. Гектора уже нет, и все, что мне осталось, – это обмякшее окровавленное тело, похожее на него, но на ощупь ничего общего. Ничего живого, это уж точно.

Я еще держу его голову на коленях, когда появляются копы.

На эти похороны я тоже не пошла.

На работе не знают, что и думать, когда я на следующий вечер прихожу в свою смену. Ну а что мне еще остается? Ничего плохого я не делаю. И я вовсе не собираюсь остаться без работы потому, что Гектор меня бросил. Кроме того, теперь, когда его нет, некому работать с компьютером. Кроме меня, понятно.

Слушайте, я знаю, что рассуждаю, будто какая-нибудь психопатка, но я не дура. Какой-то наркоман застрелил моего дружка. Признаю. Но зачем Гектор вот так взял и умер? Как он мог оставить меня одну, совсем одну, только с Рози?

Вся его доброта только подготавливала меня к глубокому черному обрыву.

А тут и Рози меня оставила.

Не знаю, сколько сотен фильмов отсняли с Рози, но очень много. Не то чтобы всюду в главной роли. Сперва ей доставались эпизодические, а потом стали давать то, что называется инжени. Роли невинной девчонки-деревенщины, которая попала в сети разврата. То-то я забавлялась, зная, какая она на самом деле. Если бы термин «секс-бомба» в то время еще не употребляли, кто-нибудь придумал бы его ради нее.

Но, по правде сказать, она меня удивила. Она здорово играла, так что, если б ей малость повезло, пожалуй, могла бы стать настоящей актрисой. Хотя трудно сказать, если посмотреть, как ее тогда соблазнила известность порнозвезды. Думаю, в конечном счете для счастья ей хватало роли большой рыбы в маленьком пруду.

Только вот со временем ее стали все реже приглашать. А если давали роль, так роль мамыши – один раз даже бабушки, – и в таких сценах, где в кадре полно народу и ее лицо просто мелькает среди дюжины других. Так все и шло под уклон.

Сама виновата, черт побери. Слишком бурно жила, и все эти наркотики с выпивкой в конце концов подпортили ей внешность. Лицо стало жесткое, и, честное слово, она выглядела вдвое старше своего настоящего возраста. Она еще могла бы играть, только порноиндустрия ничем не лучше остального мира. Им нужны молоденькие милашки. Хорошенькие и такого сложения, которого только хирург может добиться. Особенно в этом проклятом городе.

А если выглядишь как Рози, работы тебе не видать.

У нее еще оставались верные до смерти поклонники, только, повидав одного-двух, скажу вам, гордиться было нечем. Видала я, как собаки притаскивали домойдохлых сурков и белок, так те были пригляднее.

Даже веб-сайт заглох, и мне пришлось его закрыть. Может, она и могла бы зарабатывать по-старому, если б начала сниматься с животными или с детьми или еще как, только этого я ей не позволила бы. И надо отдать Рози должное, она сама подвела черту.

Но я знала, что ей плохо. Не хватало секса, а больше того не хватало внимания. Она всегда была из тех девчонок, которые готовы потерять штанишки на вечеринке, лишь бы повеселить компанию, но только у молоденькой девчонки такое, может, и выходит остроумно и сексуально, а у тощей изношенной женщины, какой стала бедняга Рози, получается совсем не так мило.

Настал день, когда ей предложили работу заводилы: знаете, такой девчонки, которая заводит актера перед работой с женщиной в кадре. Думаю, продюсер ее просто пожалел – хотел по доброте дать ей хоть какой-то заработок, – только Рози смотрела на это по-другому. Она бросилась с ножом на женщину в кадре и сильно ее порезала и еще кое-кого зацепила, пока ее сумели скрутить, а потом подъехали копы и забрали ее.

Это было в девяносто пятом, и после суда ей дали шесть лет.

Приличного адвоката мы оплатить не смогли, так что пришлось обходиться тем, которого назначил суд. Но и его, по правде сказать, винить не приходится. Понимаете, у нас не хватило заплатить залог, чтобы взять ее на поруки, и до самого суда она сидела в камере. Тут были и хорошие и плохие стороны. Тюрьма не хуже центра детоксикации подлечила ее

от наркотиков и выпивки, но зато на суде она оказалась такой измученной и постаревшей, что я диву давалась, как ей не дали больше только за ее вид – в Лос-Анджелесе-то.

Я думала, хуже времени, чем то, пока я отсиживала свой срок, не бывает, но годы, когда за решеткой сидела Роза, показали, как я ошибалась. Забавно: тут я стала лучше понимать свою мамашу, которая перебралась поближе к тюрьме, когда посадили Дэла, потому что и я сделала то же самое. Пешком на работу мне теперь было не добраться. Получалось около часа на автобусе. Говорят, в Лос-Анджелесе никто не ходит пешком. Ну может, и так, только из нас многие не могут позволить себе машину – даже старый драндулет, который приходится склеивать скотчем, чтоб не развалился. Да вы знаете, кто эти «мы». Черные и мексиканцы, иммигранты и «белая шваль» вроде меня. Приятель, если у тебя есть машина, ты уже богач. Нечем платить за квартиру? Подумаешь, можно жить в машине!

Но я была не против долгих поездок. У меня был Гекторов ноутбук – он остался в конторе после его смерти, и никто не обратил внимания, что я его вроде как прикарманила. Честно сказать, думаю, он и сам его так же заполучил: «нашел» где-нибудь. Я возила его с собой туда-обратно в автобусе, сидела, раскрыв его на коленях, и делала свои программы или влезала в Интернет и все такое. Время незаметно пролетало.

Бывало, какой-нибудь подонок пробовал меня ограбить – ясное дело. Чего еще ждать, если едешь в общественном транспорте с компьютером на коленях? Этим тварям хватило бы на недельную дозу. Но когда ко мне привязалась первая банда, при мне оказалась выкидушка, и они по глазам видели, что мне плевать, скольких я успею прихватить с собой. А потом я стала возить с собой пистолет. Несколько раз помахала кой у кого перед носом, а потом разошлись слухи, и больше ко мне не приставали.

Я по-прежнему работала в той копировальной лавочке, но друзей больше не заводила, и народ предпочитал не оставаться со мной в ночную смену. Может, боялись из-за того, что случилось с Гектором, но, думаю, скорее меня просто недолюбливали. Я больше не старалась вписаться в компанию. На кой черт? Видали, что из этого вышло в прошлый раз?

Так что я часто оставалась одна, но мне так даже лучше было. Занималась программированием больше от скуки, но потихоньку появились клиенты, и ручеек пяти- и десятидолларовых чеков позволил даже прикупить новое обеспечение. Я постепенно повышала свой уровень, и заработки тоже росли.

Раз в неделю я навещала Розу – только ради этого и жила.

И еще ради снов.

Все то время, пока мы встречались с Гектором, у меня тех волчьих снов не бывало. И даже когда он меня бросил, не было ничего такого, что я помнила бы по утрам. А вот когда забрали Розу, сны вернулись.

Я говорю «сны», но они казались не просто снами. Это было похоже на то, будто живешь, только в другом месте. Я бегала по лесам и полям, и все чувства были острыми и сильными, и незнакомое тело волчицы – как старый друг. Когда ты животное, ты видишь по-другому, слышишь по-другому и, черт побери! – нос у тебя действует совсем по-другому. В каждом запахе целая история.

И еще охота: погоня и убийства. Должно быть, он утолял мой голод, тот кусок тьмы, который во мне поселился с той ночи, когда я порезала братца Дэла и стала свободной. Не могла же я никого убивать в обычной жизни – хотя пару раз в копировальную заходили такие типы, что стоило бы, – вот я и убивала там, в волчьих снах.

Сперва я толком не умела охотиться. Во-первых, я мешала волчьей натуре – она-то свое дело знала, но у меня были собственные представления, пока волчица не поставила меня на место. И все равно я не могла загнать крупную дичь. Для такого нужна стая. А все эти чертовы полевки, сурки и прочая мелочь тоже легко не давались. Хотя я научилась ловить их со временем, и мне нравилось, как хрустят на зубах их косточки, но этого было мало. Я понимала, что мне нужно настоящее мясо.

А значит, нужна была стая. Черт возьми, не только ради охоты. Мне еще было одиноко. Не то чтобы хотелось с кем-то подружиться, поговорить, гулять вместе и тому подобное, а просто знать, что я не одна такая на свете.

Не знаю, откуда они взялись, но я звала, и они пришли: пять или шесть волчиц, готовых к охоте. Сперва я не понимала: то ли они такие же, как я, видят себя во сне волками, то ли местные, которые отозвались на мой зов.

Ясно, что у вас на уме. Где это я подхватила идею, будто сны могут перенести тебя в какое-то другое место, где все так же реально, как здесь вокруг нас? Мне об этом собственное тело поведало, и можно было подумать, что у меня просто разыгралось воображение, но скажу вам одно: я знала, что это по-настоящему. Просто где-то в другом месте. А окончательно я это поняла, когда сообразила, что у одной волчицы глаза Розы.

Так что насчет других не скажу, а что касается Розы, то я догадывалась, откуда она взялась. Мне ее так не хватало, что я, наверно, перетянула ее из ее собственных снов в свои. В то место, которое иногда кажется более настоящим, чем мир, где мой дружок мертв, лучшая подруга в тюрьме, а сама я просто никто и звать никак. Беда в том, что я не знала, знает ли Розы, а спросить не решалась. Не то чтобы я боялась выставить себя перед ней душой. Она меня видала и глупее. Боялась я, что она на меня посмотрит и не поймет, о чем я говорю. И окажется, что все эти ночи, которые мы провели вместе в нездешних лесах, были просто моей выдумкой.

Но месяцев, может, через шесть после того, как ее забрали, я как-то пришла ее навестить. Я точна как часы: не пропускаю ни единого разрешенного свидания. Тяжело смотреть на нее через окошко с грязным исцарапанным стеклом и говорить через проклятые микрофоны, но что еще остается? А вовсе с ней не говорить, так что она и знать не будет, что кто-то тут ее еще любит, – лучше?

– Помнишь, ты рассказывала мне свои сны? – спросила она, когда мы покончили с «как дела?» и прочим. – Насчет волков и тому подобное?

Странное чувство охватило меня. Не то чтобы неприятное, а вроде чесотки где-то глубоко в животе.

– Ясное дело, – говорю я ей.

– Ну так мне тоже такие снятся.

Я долго молчу. Просто гляжу на нее сквозь стекло. На какое-то мгновение я вижу в ее лице волчицу, а потом она исчезает, будто и не было.

– Знаю, – говорю я. – Они настоящие, те сны. Не спрашивай, как и почему – все равно не отвечу. Но по ночам, пока мы с тобой спим, мы в то же время каким-то образом бегаем по тем лесам.

Теперь ее очередь молча разглядывать меня.

– Ты меня не дурачишь? – спрашивает она.

– Я тебе когда-нибудь врал?

– Пару раз кое о чем промолчала.

– Ну а в этот раз не молчу, – говорю я.

Она откидывается на спинку стула, и задорная улыбочка из тех времен, когда мы вместе росли и узнавали о жизни много лишнего, чтоб мне провалиться, она снова у нее на губах. Я уж не помню, сколько я не видела этой усмешки, и я ухмыляюсь в ответ, но сердце у меня ужасно болит. Этот призрак прежней Розы напоминает мне, сколько еще лет они собираются продержат ее под замком.

– Ну и чертовщина, – говорит она. – Прошлой ночью мы как раз загнали... – Она не договаривает, ждет, и в глазах у нее вопрос.

– Что-то вроде оленя, – подхватываю я, – только шкура черная, как вороново крыло.

Она кивает с довольным видом.

– Зато кровь была сладкая:

Я не могу удержаться от смеха.

– Проверяешь? – спрашиваю.

– А ты как думала, черт возьми? – отзывается она. – Или это не самая сумасшедшая чертовщина, какую нам с тобой доводилось слышать? Ясное дело, я тебя проверяю. И себя проверяю, если на то пошло.

– Все по-настоящему, – повторяю я.

– Начинаю врубаться, – говорит она. – Но тогда кто эти остальные из нашей стаи?

Я пожимаю плечами:

– Откуда мне знать. Либо они тамошние, либо такие же, как мы: неудачницы, которые ищут побольше того, что им выпало, потому как-то, что им выпало, не стоит и медяка.

– Да, в общем, и не важно, – заключает она.

– Точно. Главное, мы с тобой вместе.

Мы бы еще говорили, но тут подходит вертухай, говорит, мол, свидание окончено. Я прощаюсь и прикладываю ладонь к грязному стеклу. Роза прижимает свою с другой стороны, так что мы вроде какжимаем друг другу руки. Потом она позволяет увести себя в камеру, а я отправляюсь домой.

Во сне лучше. Мы не особенно замечаем остальных волчиц, что бегают в стае, но друг к другу так и льнем: толкаемся плечами, покусываем друг друга, затеваем шутливые потасовки – делаем все, чего нельзя сделать сквозь стекло комнаты свиданий.

Когда я захожу в другой раз, она спрашивает:

– У тебя не бывает чувства, что в том месте есть не только леса, по которым мы бегаем?

– Ты это о чем?

– Может, там найдется на кого еще поохотиться, – говорит она. – Знаешь, когда мы гнали того оленя, мне попался такой запах, что от одного вдоха все внутри свернулось и задрожало.

– Ага, – отвечаю я, – знаю, о чем ты говоришь. Что-то старое и... особенное.

Я не говорю «волшебное», потому что это слово подводит слишком близко к воспоминаниям о сестричке, но на уме у меня именно оно.

– Так в следующий раз, как попадется тот след... – говорит Роза.

– Попробуем, – соглашаюсь я.

Не в ту же ночь и не в следующую, даже не в ближайшие недели. Но в конце концов я снова чую тот запах, и мы оставляем полузагнанного оленя и бежим по новому следу. Мы идем по нему долго, уходим в места, где не бывали прежде. Я не говорю, что мы все знаем про страну снов: нет, мы далеко не все видели. Но эти места совсем другие. Это сразу чувствуется – предостерегающие мурашки по загривку, как дома, когда переступаешь невидимую границу Стоксвиля, и вдруг ты – единственное белое лицо на улицах. И никто тебе не угрожает в открытую, но куда ни повернись – со всех сторон надвигается беда.

Вот и здесь так же, только то, что тут надвигается, – не обязательно беда. Скорее то чувство, которое заставляет притихнуть, когдаходишь под своды огромного собора. Не важно, верующий ты или нет – все равно на тебя давит ощущение какого-то невидимого присутствия. Здесь такое исходит от деревьев. Они здесь толще и старше, и лес гуще и темнее. Наши дремучие леса – просто жалкое подобие его. А воздух будто сдобрен порцией виски, дымный и чужой, и свет приглушенный, как бывает перед закатом. Но я чувствую, что здесь всегда так.

Мы так и не догнали ту дичь. Даже не увидели, за кем гнались. Но нам ясно, что мы на что-то это наткнулись, так что в следующую ночь и каждую ночь после этого мы отправляемся напрямик в те сумеречные леса и ловим дразнящий нас запах. Иногда ничего не находим. Бывает, след такой старый, что не стоит труда идти по нему. Но случается, мы подхватываем свежий запах и мчимся по горячему следу. Когда мы его теряем, это не потому, что дичь сдвоила следы или еще как нас перехитрила. След просто тает, будто зверюга взяла и перенеслась куда-то в другое место.

Не то чтобы мы вовсе забросили обычную охоту. Загоняем и оленей, и прочих, но

никогда не забываем – по крайней мере, мы с Розы – о том диком запахе и ждем, что однажды догоним добычу и завалим наконец.

– Почему мы там всегда волчицы? – спрашивает меня Розы в одно из следующих свиданий. – Считается ведь, что во сне можно стать кем угодно, разве нет?

Я пожимаю плечами:

– Выбирать не приходится. Как вышло, так вышло.

– Если б у меня был выбор, – говорит она, – я бы осталась как есть. Человеком.

– В таком виде охотиться труднее.

– Зато у нас могли бы быть ружья.

– Пожалуй, – признаю я.

Но мне не кажется, будто так было бы лучше. Не то чтоб я жалела зверье, за которым мы там гоняемся, думала о честной игре или еще чем-то таком. Но бежать по следу и наконец свалить зверя, вонзиться зубами и когтями – вот что дает мне чувство жизни. Просто взять ружье и кого-нибудь подстрелить – совсем не то удовольствие.

– Так ты полагаешь, те олени – тоже люди, которые видят себя во сне? – спрашивает Розы.

– Не задумывалась об этом, – говорю я ей. – Может, и так.

Она кивает:

– Вот я и думаю: если там умираешь, на самом деле тоже умрешь? Знаешь, не проснешься утром или еще что?

– Мне все равно, – отвечаю я. – По мне, лучше рискнуть, чем не видеть тех снов.

Она снова медленно кивает, словно так глубоко ушла в свои мысли, что меня и не замечает.

– Я вот спрашиваю себя, не следовало бы нам жалеть их? – говорит она. – Ну, тех оленей. Если они такие же люди...

– А ты жалеешь?

– Да нет... во всяком случае, не тогда, когда мы их заваливаем. Но вот сейчас мне это пришло в голову, и я не знаю. Хочу сказать, если они по-настоящему умирают, может, мы нехорошо поступаем?

Я пожимаю плечами:

– Надо было им выбрать себе тело покрепче.

– Мы ведь не выбирали. С чего ты взяла, что они могли?

– Так ты к чему ведешь? Что нам, перестать охотиться?

Она мотает головой:

– Да нет, я просто задумалась. Здесь пропасть времени остается, чтобы думать.

– Тюрьма сделала из тебя философа, – кидаю я в надежде заставить ее улыбнуться.

Ничего не выходит. У нее все тот же вид: малость виноватый и еще не знаю какой. Пожалуй, грустный и бесстрашный.

– Тюрьма много чего может из тебя сделать, – говорит она наконец.

Я вспоминаю свои шесть месяцев, смотрю на нее, отсиживающую шесть лет, и не нахожу что сказать.

А однажды ночью мы успеваем заметить мелькнувший белый круп, и след такой свежий, что в носу становится горячо. Этого мы гоним много часов и постепенно догоняем. Он уводит нас так далеко, что местность снова меняется, лес раздается, и земля под ногами начинает подниматься, из нее проступают валуны и гранитные уступы, будто кости древнего чудовища. Мы еще раз видим его: что-то вроде лошади стоит на утесе, глядя на нас сверху вниз, – а потом он снова исчезает.

Одна волчица издает резкий пронзительный лай, и мы кружим у подножия утеса. Уже не первый месяц мы гоняемся за этой тварью, а нынче воздух здесь густой от надежды. На четвертом или пятом кругу – я уже сбилась со счета – мы снова ловим запах и летим вверх

по склону – стая призрачных волчиц, гонимых ветром. Чуть дальше вверх открывается устье расщелины между двумя скалами. Запах теперь так и кружит нам головы, наполняя их огнем и кровью, и мы врываемся в каньон. Поворот, другой, и вот он перед нами, в тупике перед утесом, слишком крутым даже для горного козла, и теперь ему никуда не деться. Он не растворяется в воздухе. И это не козел, да и не лошадь. Зверь из книги сказок. В лунном свете он белее простыни, и из середины лба у него поднимается длинный витой рог.

Стая рассыпается полукругом, медлит, упиваясь предвкушением минуты.

Не знаю, как с другими, а меня этот рог будто к месту пригвоздил. Долгое мгновение я не способна шевельнуться, ничего не соображаю, ничего не могу.

В этот миг единорог хватается за последний шанс прорваться мимо нас, но слишком поздно. Мы все набрасываемся на него.

Мы теряем одну из стаи – волчица гибнет под его копытами. Потом длинный рог вспарывает брюхо другой. Это вам не олень, но нам даже в голову не приходит отступить. И вот наши зубы смыкаются у него на шее. Мы рвем ему глотку. Первый вкус крови, и все кончено.

Вы не представляете, что это за кровь. Она обжигает и вместе с тем наполняет таким чувством, словно вы в каком-то соборе и Господь заглянул туда в гости, или просто не знаю... Роза, когда я в следующий раз навещаю ее в тюрьме, говорит, это как лучшая доза, какую она пробовала, да к тому же тебя не ломает, когда действие кончается. Насчет этого не знаю, но одно могу сказать: попробуешь раз, и всю жизнь будет хотеться еще. Мы заваливаем зверюгу и рвем ее, как собаки кролика, – просто разрываем на куски. Мы катаемся по телу, купаемся в крови, жуем горячее мясо с боков и с горла. Нас наполняет жар, как из сердца звезды, мы становимся огромными, как горы. Одним скачком мы можем покрыть сотню миль. Когда горячка наконец спадает, мы поглядываем друг на друга, ухмыляемся, и в наших глазах смех. Мы даже не вспоминаем о двух волчицах, потерянных в схватке. На уме у всех только одно: «Где бы добыть еще такого?»

Тем временем в настоящем мире, где Роза в тюрьме, а Гектор мертв, я стараюсь быть нормальной. По крайней мере, такой, как была раньше. И годы ползут мимо меня. Я хожу на работу и в тюрьму в дни посещений. Я езжу на автобусе. Сажу в своей квартире. Я продолжаю составлять вспомогательные программы, выхожу на новые уровни, на новые идеи.

В какой-то момент мне приходит в голову обеспечить себя за счет доменных имен, но слишком многие меня опередили, и ко времени, когда я пытаюсь зарегистрироваться, все стоящее – то есть все, за что могут прилично заплатить, – уже расхватили. Я пытаюсь счастья в нескольких создающихся компаниях, но у меня нет необходимого капитала, а на что-нибудь вроде Netscape или Winamp мне не хватает везения.

По большей части я просто провожу день, дожидаясь ночной охоты.

Теперь мы все время ищем единорогов, но одно дело искать, а совсем другое – находить. Я потеряла счет тем, которых мы завалили, но примечаю, что их все труднее выследить и еще труднее – убить. Новые волчицы неизменно занимают места тех, кого мы потеряли, но нам с Розой мало дела до стаи, пока мы вместе. Пару раз и нам достается. Роза чуть не получает свое, когда рог прошивает ей грудь. Дуракам, как известно, везет, и по чистой случайности рог не задевает ни одного органа, так что она остается жива. Но ей нужно много времени, чтобы залечить рану, и мы пока осторожничаем. В другой раз копыто задевает меня по голове, отбрасывает в сторону, и я выключаюсь, как лампочка. Роза уверена, что я умерла, но к тому времени стая заваливает зверюгу, и она волоком тащит меня к телу, отгоняет других сук и лакает кровь прямо из горла единорога, переливая ее мне в глотку, хотя в моей нет такой здоровой дыры.

Я быстренько прихожу в себя, будто ничего не было, и мы вместе катаемся по его трупам, окрашивая свои серые шкуры в красный цвет.

Да, в стране снов у нас жизнь что надо. А в другом мире ничего особенного не

происходит, кроме Разве того четверга, когда я в одну из одиноких ночных смен натыкаюсь на статью о своей сестричке. Кто-то принес журнал, чтобы скопировать какую-то другую статью, а я стала листать, увидела глядящее на меня лицо и чуть не разорвала чертов журнальчик в клочья.

Словно у меня в голове переключилось что-то. Вот я стою в копировальной, листаю журнал и обдумываю новую программу, а вот глаза заливают красный туман, какой накатывает на меня во сне, перед тем как стая настигает зверя, которого гнала всю ночь. Окажись она в ту минуту передо мной, я бы зубами перегрызла ей глотку.

Но ее здесь нет, и это, пожалуй, к лучшему, не то я оказалась бы в одной камере с Рози. Я перевожу дыхание, заставляю себя успокоиться. Рассматриваю фото. Она стала старше и сменила имя, но я ее узнаю. Кровь Картеров говорит о себе. Черт возьми, будто в зеркало смотришься.

Статейка короткая, и в общем-то даже не о ней. Это про каких-то художников новой волны в Ньюфорде и как их работы связаны с произведениями более известных мастеров вроде моей сестрички. Там есть еще фотографии каких-то других художников, но я вижу только ее и эти чертовы картинки с эльфами на стене у нее за спиной.

Не могу объяснить, что со мной случилось, – никому, кроме меня, этого не понять.

Будто черная дыра, что во мне, наполнилась вдруг еще большей чернотой.

Наверно, со мной происходит что-то вроде того, что наши проповедники в Тисоне называли прозрением. Я вдруг понимаю, что всей своей дерьмовой жизнью обязана ей. Дорога, которая привела меня сюда, которая превратила мою жизнь в то, чем она стала, которая довела Рози до тюрьмы, а Гектора до смерти, началась в тот день, когда она ушла из моей жизни, бросила меня. Оставила маленькую девочку в аду, где никому не было до нее дела.

Не знаю, сколько я так простояла, пока не заметила, что клиент пялится на меня, будто я отрастила лишнюю пару титок или еще что. Я открыла нужную статью, сделала ему копию, а прежде чем вернуть журнал, скопировала и ту статейку, для себя.

Он ушел, обсчитав меня, и я сперва даже не заметила, а когда заметила, мне было плевать. Но из-за всего этого я задумалась. О чем именно, не могу сказать. Но, должно быть, о том, что есть все-таки в мире справедливость. Не то чтобы кто-то за тебя расплатился, – нет, не подумайте, не такая уж я дура. Так в жизни не бывает. Но можно все-таки расплатиться за себя самой. Ухватить ту силу, которая наполняет меня в мире снов, загнать ее в бутылку и перенести с собой сюда.

А уж тогда берегись!

Под самый конец зимы, в феврале 1999-го, Рози наконец выпустили из тюрьмы. Небо в тот день было такое асфальтово-серое, что мне пришли на ум зимы в Тисоне, только было гораздо теплее. Мне иногда вроде как не хватает тех холодов, смены времен года и прочего. Тогда хоть чувствуешь, как время идет, понимаешь, где находишься. Здесь плюс пятнадцать градусов и солнце, снега нет и сливы да акации в цвету. Такая зима не по мне.

Рози могла бы выйти раньше, только она не хотела, чтоб ее брали на поруки. Не хотела быть к кому-то привязанной. Просто отсидела свой срок, выплатила долг перед обществом. На мой взгляд, теперь пришла пора обществу заплатить ей долги, только я еще не смекнула, как их получить.

Я сняла со счета чуть ли не все деньги, которые накопила за время, пока Рози сидела, купила нам подержанный «кадиллак» и покрасила его в розовый цвет. Нетрудно угадать, кто оценил мой жест, когда я подкатила на нем к воротам тюрьмы. Она стояла, глядя на длинную, сияющую, как розовый леденец, машину и не могла перестать ухмыляться.

– Рэйлин Картер, – говорит она, – какого черта вы оказались в таком экипаже? Надеюсь, вы его не украли?

– Нет, мэм, – ухмыляюсь я в ответ. – Нам его Гектор купил.

В некотором роде это правда. Все эти пяти- и десятидолларовые чеки с годами

складываются в приличные деньги, ежели их не тратить, а прятать подальше. Розы открывает рот, будто собирается что-то сказать: насчет Гектора небось, что он, мол, уже сколь-то лет как мертв, но только плечами передергивает и забрасывает свою сумку на заднее сиденье, в компанию к двум чемоданам и моему ноутбуку. Багажник забит другим барахлом, которое стоило сохранить. Не так уж много его было. Остальное я просто бросила.

Розы забирается на пассажирское сиденье, закуривает сигарету.

– И куда мы теперь? – спрашивает она.

– Домой, – говорю я.

– Давно пора.

Когда я выворачиваю со стоянки, она показывает тюремной стене кукиш. На шоссе, как всегда, пробки, но нам плевать. У меня еще несколько тысяч осталось после покупки и покраски «кадиллака», так что мы можем разъезжать стильно. Нам все равно – быстро ехать или медленно, потому что мы теперь вместе, как и должно быть, и мы едем домой.

Джилли

Ньюфорт, май 1999-го

В конце апреля меня перевели в реабилитацию. Это здание к западу от главного корпуса, поменьше и более старое. Вид из него не такой живописный, как из прежней палаты, зато окно на первом этаже и выходит в скверик. Клумбы тюльпанов, зеленые газоны и расцветающие деревья творят с душой настоящие чудеса. Когда у меня нет процедур, я прошу посадить меня в кресло-каталку и подвезти к окну, смотрю в садик и мысленно пишу красками. Я здесь уже пару недель; держу слово, данное Джо, и делаю все, что велят, – восстанавливаю силы, упражняюсь и стараюсь не терять надежды. Только это трудно. Улучшение, если это можно назвать улучшением, такое крошечное, что о нем и говорить не стоит.

Головные боли продолжаются – как и паралич, это тоже следствие сотрясения мозга, – но обритые волосы на голове начали отрастать. Теперь рядом с косматыми зарослями прежних волос лежит поле короткой темной щетины. Синяки и отек на лице совсем прошли. Рука и нога еще в гипсе, но с руки его на той неделе снимут, потому что кости срослись.

В детстве я обеими руками действовала одинаково хорошо. Писать и рисовать мне было удобнее левой, а мячик я бросала правой и вилку или ложку держала ею же. В школе меня заставили все делать правой рукой, и я не сопротивлялась: хотелось походить на других, к тому же мне это было нетрудно. А теперь жалею. Если бы я не разучилась пользоваться левой рукой, то уже через неделю могла бы рисовать. Наверно, придется учиться заново.

Правая сторона все еще парализована, но я уже чувствую свое лицо. Онемение меня ужасно мучило. Ощущение как после наркоза у дантиста, только оно никак не хотело проходить. А теперь мышцы начинают слушаться, так что вид у меня больше не скособоченный. И тело начинает ощущаться, а в пальцах на руках и на ногах иногда бегают колющие мурашки, но шевелить ими я еще не могу. Считается, что это хороший признак, – я о мурашках, – но на самом деле это неприятно и болезненно. Зато я свободно двигаю левой ногой – может, придется учиться держать карандаш между пальцами ноги, – а сломанные ребра болят, только когда я смеюсь или когда меня пересаживают с кровати на каталку. Так что Сломанная Девочка склеивается, но ужасно медленно.

Мне приходит в голову, что надо бы отказаться от чердачка, но страшно даже подумать – ведь я прожила там целую вечность. Сняла его еще тогда, когда Кроуси был страшным захолустьем и за квартиру брали сущие пустяки. Теперь район превращается в элитный, квартал за кварталом, здание за зданием. Студентам туда уже ходу нет.

Но ведь мне еще много месяцев на свой чердак не вернуться, если вообще когда-нибудь вернусь. Нет смысла оставлять его за собой, разве что ради хранения вещей, но для кладовки

получается дороговато. Я пока ни с кем об этом не говорила – не хочется взваливать на друзей еще и возню с упаковкой и перевозкой.

Оказывается, я скучаю по Дэниелю, медбрату из реанимации. Он мучил меня гимнастикой, и я помню, как говорила, что его добродушная болтовня сводит меня с ума, но со мной и прежде такое бывало. Здесь сестры очень милые, но это совсем не то. Когда меня переводили, он подарил мне брошку – сказал, что она досталась ему от матери. «Мне что, носить ее?» – усмехнулся он, когда я выразила мнение, что ее нельзя отдавать. Это просто бижутерия – знаете, такая миниатюра с английской деревушкой в рамке из искусственного жемчуга и латунной оправе, но мне она нравится. Я приколола ее к подушке.

Может, Софи и не ошиблась, и я действительно ему нравилась. Однако... он ни разу не заглянул ко мне с тех пор, как меня перевели в реабилитацию.

Но мне просто не верится, какой парад визитеров прошел передо мной с тех пор, как я попала в больницу. Даже не представляла, что у меня столько знакомых. Кристи вечно шутил, что если я кого не знаю в Ньюфорде, так это потому, что человек только вчера приехал, и в последние недели я начала подозревать, что это правда. После того как меня выпустили из интенсивной терапии, у меня в палате столько цветов, что не поймешь, где кончается кровать и начинается сад. Я люблю цветы, но это уж чересчур, и я просила Дэниеля передавать часть букетов в соседние палаты, чтобы поделиться своим богатством. Надеюсь, никто на меня не обиделся – я имею в виду тех, кто приносил цветы. Про соседей я точно знаю, что они радовались.

Карточки я храню. Оклеила ими все стены в палате, а перебравшись в реабилитацию, захватила с собой. Их столько, что мне даже бывает стыдно.

В такое время приходится полагаться на друзей, а мои поддерживают меня сверх всяких ожиданий – особенно Софи, и Венди, и Анжела. Но ведь если бы кто-нибудь из них попал в больницу, я бы и сама прописалась у них в палате, так что насчет их удивляться не приходится.

Речь о других – о людях, которых я вовсе не ждала. Мои сменщицы из кафе «У Кэтрин». Волонтеры, с которыми мы встречались на раздаче бесплатной еды и в столовых, участники программы Анжелы и люди из Дома престарелых святого Винсента. Преподаватели и студенты из Школы искусств и ребятишки из Мемориального общества искусств, которое два года назад основала Изабель в память о своей подруге-писательнице Катарине Малли. Я работаю там – или работала – раз в неделю или чаще, вела с уличными ребятишками беседы об искусстве.

Оказывается, я и правда много где трудилась добровольно. Иногда я задумываюсь: в самом деле мне хочется помочь, или же я пытаюсь расплатиться за то, что мне помогали, или искупить то, что делала, пока не встретилась с Лу и Анжелой? Не то чтобы я была тогда такой уж плохой, просто ни о ком не думала и не заботилась. Иногда не сделать что-то так же дурно, а то и хуже, чем что-то сделать.

В общем, все эти люди заходят ко мне, а также другие, начиная с парней из районной пожарной охраны и кончая моим адвокатом, и еще какие-то визитеры, которых я, наверно, больше никогда и не увижу. Приемные родители маленькой Джиллиан принесли ее показать – как это великодушно, что они позволили нам с Софи остаться ее крестными. Заглянула Кэти Бин, рыжеволосая сказочница, занявшая автобус Джека Доу на краю Катакомб, и привела с собой сестренку Керри. Заскочили Зеффи с Максом, сыграли несколько новых песен – у них получился отличный дуэт. И Эми, которая прежде играла с Джорди, тоже заходила, только она не захватила с собой свою ирландскую волынку, да, может, это и к лучшему. Правда, она звучит не так громко, как шотландская, но все же такая музыка – на любителя, а я не уверена, что все пациенты здесь разделяют мои вкусы.

Побывали у меня даже ньюмены Изабель – духи, переселенные благодаря картинам Изабель в Мир Как Он Есть из мест, еще более дальних и таинственных, чем страна снов. Пэддиджек и Козетта, Розалинда, Джон Свитграсс и самая странная пара: молодая Изабель и умершая Кэти – призраки прошлого, оставшиеся такими, какими запомнились мне в те годы.

Эти гости добрались ко мне с фермы Изабель на острове Рен поздно ночью, когда могли не бояться, что кто-то их заметит, и проскользнули в палату, чтобы предложить свою дружбу и утешение. Иногда рядом с ними я чувствую себя как во сне, будто моя палата или все здание реабилитации перенеслось в страну снов, потому что где еще могут существовать такие удивительные создания? Хотя выглядят они как мы с вами – кроме Пэддиджека, понятно, – у этого тощего пугала, тело, похоже, слеplено не из мяса и костей, а из сучков да листьев. Но при всем при том он отличный парень, и кажется, будто душа у него, как и у его соплеменников, такая большая, что не помещается в теле. Их чувствуешь еще до того, как они входят в комнату, – какое-то дуновение воздуха, волнение, от которого сердце бьется быстрее и улыбка возникает на лице, хотя они еще не сказали ни слова.

Когда они уходят, я каждый раз задумываюсь об Изабель и о том, как ей приходится осторожничать со своими картинами. Потому что изображенные на них существа в буквальном смысле обретают жизнь. Это ведь такая ответственность, и неудивительно, что она в последнее время предпочитает абстрактные полотна.

Иногда заходят Мэйзи Флуд с приемным братишкой Томми. Маленького терьера Рекси они прячут в сумке. Этот песик совершенно не переносит долгой разлуки с Мэйзи. Я люблю Томми. Он отстаёт в развитии – Мэйзи нашла его в Катакомбах и взяла к себе, как и всю свору собак, являющихся полноправными членами их семьи, – но он один из самых добрых парней, каких я знаю. Он каждый раз приносит с собой человечков, которых Мэйзи вырезает для него из журналов и наклеивает на картон, раскладывает их на кровати и рассказывает мне их истории.

Еще все время присылают письма и открытки. Надеюсь, люди понимают, что я просто не могу на них ответить. Пришла даже открытка из Ирландии, от Нетти Ньюлин, со смешной картинкой, где она со своим Алли похищают меня из больничной палаты, как из темницы. Стоит мне закрыть глаза, так и вижу ее лукавую усмешку, с какой она выкидывает новую шалость и с невинным видом лепечет: «Да ты не сердись, это я просто проказничаю».

Думаю, самый радостный и самый трудный для меня момент был, когда из Лос-Анджелеса прилетел на выходные Джорди. Это было еще до того, как меня сюда перевели.

Дело не в том, что он что-нибудь такое сказал или сделал. Чудесно было повидать его, но и больно тоже. Раньше не так было. Я давно смирилась с тем, что наша дружба – просто дружба, и ничего больше, но, потеряв одну из двух самых важных для меня вещей – способность рисовать, – тяжело и его тоже потерять. Сломанная Девочка – жадина, и ей очень хочется отбить его у Тани. Он не провел со мной и пяти минут, и я его не удерживала – прекрасно понимала, что ему нужно уходить и как можно скорее вернуться к ней, пока я не сказала или не сделала какой-нибудь глупости. Это только осложнило бы всем жизнь и было бы нечестно. Я не говорю, что он бросил бы Таню ради меня, – Джорди не так устроен. Он человек верный и надежный, да к тому же и вправду ее любит. А если бы Тани и не было, что я теперь могу ему предложить? Сломанная Девочка ни на что не годна, даже если забыть обо всех моих давних сложностях с интимом. Ну конечно, я не удержалась, спросила, как у них с Таней. Это ведь я и послала его к ней в Лос-Анджелес, но вовсе не потому, что мне этого хотелось, и меня все равно мучит любопытство, при котором мне наполовину хочется, чтобы у них все было хорошо, потому что они мои друзья, а другая половина мне не повинуется и зачарованно ждет беды.

– Ну и как вы там, ребята? – спрашиваю я, едва он поздоровался.

– С Таней все прекрасно, – говорит он, – но вот к этому городу я никак не привыкну.

– Что в нем плохого? Кинозвезды и солнце двенадцать месяцев в году.

– Солнце – это по мне, – улыбается он, – а вот без прочего я вполне мог бы обойтись. Особенно без всех этих типов, которым мне полагается угождать, чтобы не испортить Тане карьеру.

Он описывает пару самых неприятных разновидностей кинодеятелей, с которыми ему в последнее время пришлось столкнуться, и мне хочется сказать: «Так бросай это все. Возвращайся сюда. Возвращайся и будь со мной».

– А с музыкой все в порядке? – вместо этого спрашиваю я.

Он все это время много занимался студийной работой, сделал записи для нескольких альбомов.

– Пожалуй. Но там тоже все не так, как здесь. Все расписано, и в голове непрерывно тикают часы – напоминают, что время – деньги, так что надо с первого раза все сделать правильно. Мне действительно не хватает концертов на перекрестке, но Тане повредит, если какая-нибудь газетенка поймает меня за этим занятием и сфотографирует.

Джорди – единственный из моих знакомых музыкантов, кто на самом деле любит играть на улице.

– На улице поневоле работаешь честно, – говорит он. – Если людям нравится твоя игра, они останавливаются и слушают; может, бросят несколько монет. Если не нравится, просто проходят мимо. Где еще увидишь такой искренний отклик на свою музыку?

Тут нет прямой аналогии с живописью, но я понимаю, о чем он говорит. По той же причине я не теряю связи с улицей. Конечно, там не всегда и не все так уж мило. Бывает, сердце разрывается. Но зато остаешься по-человечески честным. Как только мы забываем, что те, кто живет на улице, – люди, мы начинаем терять человечность. Мир так уж устроен, что теперь любой может проснуться поутру и обнаружить, что все потерял. Посмотрите, как вышло со мной. Если бы не доброта профессора, который платил за меня по страховке, я бы вышла отсюда нищей, потому что все, что у меня есть, ушло бы на покрытие счетов за лечение. Никто ведь не ждет, что его собьет машина, и не готовится заранее к тысяче других катастроф, которые подстерегают нас на каждом шагу.

– Ты должен оставаться самим собой, – говорю я Джорди, говорю как друг, а не ради того, чтобы подтолкнуть его к разрыву с Таней.

– Знаю, – отзывается он, – но я ведь обещал добиться там чего-нибудь, а если обману, то как раз и не останусь собой, верно?

– Пожалуй, так.

Он невесело улыбается:

– По крайней мере, музыка у меня осталась. Мы и прежде вели такие разговоры, засиживаясь допоздна в гостях друг у друга или в каком-нибудь кафе, когда настроение не то чтобы меланхоличное, но задумываешься, что у тебя за душой и что ты делаешь со своей жизнью. Тогда и всплывают всяческие «если бы». Например, что бы с тобой было, потеряй ты одно из пяти чувств или останься без Руки, без ноги? Бессмысленные, по правде сказать, разговоры, но они вскрывали, как важна для него музыка, а для меня живопись. Ни он, ни я не могли представить жизни без искусства, так что он хорошо понимал, каково мне теперь.

Я имею в виду, без рисования. Надеюсь, в сердце мне он заглянуть не мог. Да Джорди ведь всегда плохо соображал, как к нему относится та или иная женщина. Так что тут я могла не беспокоиться. Я хочу сказать, моя тайна осталась при мне.

Была минута, когда мы не знали, что сказать, и просто сидели, радуясь друг ругу. Вот еще чего мне не хватало после его переезда. Возможности просто быть с ним рядом. Но тут я заметила, что он меня изучает.

– Что такое? – спрашиваю. – Сиделка забыла стереть завтрак со щек?

Он качает головой:

– Нет. Просто ты какая-то другая.

– Да что ты говоришь? Естественно – не могу ни встать с кровати, ни рисовать, ни даже нос почесать!

– Не то, – говорит он. Сразу видно, что мы настоящие друзья, потому что в нем не заметно той неловкости, которая охватывает других, когда они осознают, до чего я беспомощна. – В чем-то другом.

Я догадываюсь, что ошибалась, и не так уж он ненаблюдателен. Я знаю, что он уловил. Что меня тянет к нему. Мне хочется, чтобы он забрался ко мне на кровать и обнимал меня, пока все не станет хорошо. Как же ему этого не почувствовать? Но я и не думаю признаваться. Вместо этого рассказываю ему о стране снов.

Было время, когда такие разговоры доводили его до бешенства. Когда мы впервые познакомились – на почтамте, где прирабатывали, разнося рождественские поздравления, – я нарочно рассказывала ему всякие невероятные истории, чтобы его завести. В те времена он был мистер Прагматик. Чудесный паренек, но подавай ему только то, что можно увидеть глазами и потрогать руками, а иначе – спасибо, не надо. Думаю, все началось с того, что его брат Кристи с головой ушел в исследование невероятного и странного, а они в те времена ладили далеко не так хорошо, как теперь.

И полет моей фантазии слишком уж напоминал ему Кристи.

Но за прошедшие годы он и сам пережил пару странных происшествий, так что теперь слушает меня с интересом и, смею сказать, с доверием. Я описываю Большой лес, и Мабон, и народ, с которым там встречалась.

– С тобой и должно было случиться что-нибудь такое, чтобы провести тебя через границу, – говорит он. – Ты уж точно не ходишь легкими путями.

– Ох, Джорди, – отвечаю я ему, – неужто ты до сих пор не убедился, что ни к чему важному легкими путями не придешь?

Он кивает, но глаза опять становятся печальными, как тогда, когда он рассказывал про свою жизнь в Лос-Анджелесе.

– Вот уж что правда, то правда, – соглашается он.

Я отсылаю его домой к Тане в тот же понедельник. Может, музыкальное общество в Лос-Анджелесе и не вполне оправдывает его ожидания, зато у них с Таней может получиться что-то настоящее, и мы оба понимаем, что нельзя ему этого упустить.

Я утешаюсь, уходя в страну снов каждый раз, когда не приходится опять подвергаться процедурам.

2

У Софи выдался плохой день. Ее Джинкс две недели сидел тихо, а тут что-то разбушевался. Когда она проснулась, телевизор показывал английскую викторину и упорно держался той же программы, сколько она ни пыталась его выключить. Еще больше ее раздражали непрерывные звонки с требованием оплаты разговора из Гонконга, Мельбурна и Боготы – южноамериканской, а не той, что в Нью-Джерси. И дверной звонок звонил каждые пятнадцать минут. Она давно перестала подходить к двери, так что Венди, которая заглянула ближе к вечеру, целую вечность колотила кулаком в дверь, пока Софи наконец ее впустила.

Венди озабоченно оглядела ее и спросила:

– Джинкс?

Софи устало кивнула и провела ее в гостиную, где на экране продолжалась трансляция бильярдного матча с комментариями на уэльском.

– Я, в общем, так и поняла, – сказала Венди, усаживаясь в кресло. – Пробовала дозвониться тебе с работы, но у тебя телефон не работает.

– Я его отключила.

– Телефонные распродажи?

– На сей раз другое – звонки со всего света, и оплатить предлагают мне.

Венди усмехнулась:

– Ты не согласилась?

– Я же не Джилли!..

Обе рассмеялись. Джилли с удовольствием поболтала бы со всяким, кто позвонил, и незнание языка ей не мешало бы.

– Кстати, о Джилли, – заметила Венди. – Изабель заходила на Йор-стрит и клянется, что видела ее на другой стороне улицы. Джилли нырнула в магазин. Изабель говорит, она была так уверена, что это Джилли, что перебежала через дорогу и сама вошла туда же, но там вообще не было покупателей, а спросить продавца, не заходила ли сейчас женщина,

которая выскользнула через заднюю дверь, она постеснялась.

– Но ведь Джилли в реабилитации, – сказала Софи.

– Понятно, в реабилитации. Изабель видела кого-то, *похожего* на нее. Но тебе не кажется, что это странно?

Софи кивнула. Ведь она и сама видала двойника Джилли – всего пару дней назад, недалеко от ее чердачка. Она рано освободилась, побродила по магазинам и зашла к Джилли забрать почту, выставить на пожарную лестницу миску с кошачьей едой для бродяг, которых подкармливала Джилли, и убедиться, что все в порядке. Она проделывала это каждый день с тех пор, как узнала о взломе. И за два дома от нужного ей здания она увидела невозможное: Джилли вышла из своего парадного и пошла по улице, удаляясь от нее.

Софи так опешила, что выронила мешок с покупками. Взгляд метнулся к упавшему мешку, проследил за ниточкой горошин, скатывающихся в канаву, а когда она подняла глаза, женщина, которую она приняла за Джилли, уже исчезла. Это происшествие необъяснимо потрясло ее: будто кусочек мира снов прорвался в Мир Как Он Есть. Тогда ее пробрала дрожь, и тот же озноб она чувствовала сейчас.

– В чем дело? – спросила Венди.

С минуту Софи не могла сосредоточиться на словах подруги и отозвалась только невнятным:

– Мм?

– Ты вся побледнела, – сказала Венди.

Софи опомнилась, перевела дыхание и слабо улыбнулась.

– У меня такое же было два дня назад, – объяснила она. – Когда я заходила в студию.

– И ты мне не сказала! – воскликнула Венди, выслушав ее рассказ.

– Мы с тобой с тех пор не виделись, да я вроде бы и забыла...

Что само по себе было странно.

– Знаешь, это как-то неприятно, – заметила Венди. – Помнишь, что говорила Касси, когда побывала на чердачке после разгрома?

Софи кивнула. Касси была у них за экстрасенса. Она зашла в студию, чтобы попытаться отыскать психический след взломщика, уничтожившего волшебные картины Джилли. И она сказала, что нашла следы, если таким следам можно придавать значение, но только все они указывали на Джилли. Правда, не на ту Джилли, какую они знали. Касси говорила что-то о некой тени Джилли, которая ворвалась к ней и изуродовала картины.

– Я много думала об этом, – сказала Венди. – Может быть, потому она на вид так легко и перенесла потерю своих картин?

Софи недоуменно уставилась на нее.

– Понимаешь, – продолжала Венди, – как будто ее дух, пока она лежала в коме, вернулся на чердачок и погубил все эти картины.

– Венди!

– Случаются и более странные вещи.

Софи вздохнула. Да, если говорить о Джилли, то, пожалуй что, и случаются. Но вот ей самой не так-то легко принять мысль о стране снов, врывающейся в Мир Как Он Есть, хотя к Джилли все странности и невероятности прицепляются, как репейник к джинсам, когда идешь осенним полем.

– Она слишком любила эти картины, чтобы их уничтожить, – сказала Софи.

– Но если это ее темная сторона...

– У каждого из нас есть своя темная сторона, но она не расхаживает сама по себе. Тем более когда мы лежим в коме и прикованы к больничной постели.

– Пожалуй, – согласилась Венди. – Но меня беспокоит ее равнодушие...

Софи пожала плечами:

– Может, еще по-настоящему не дошло. Честно говоря, ей есть о чем подумать и кроме картин.

Но она видела, что Венди не собирается отступить.

– Не знаю, – сказала Венди. – Разумеется, я не хотела бы, чтобы она погрузилась в депрессию, – видит бог, у нее и так достаточно бед, – но ведь она потеряла труд всей жизни. Те самые работы, которые по-настоящему ценила, даже на выставки отдавала с пометками «не продается».

Софи попыталась представить, как она перенесла бы такую потерю. Представить было трудно. Может быть, так же, как Изабель после пожара в студии, – от всего отключилась бы. И особенно от своей работы. Изабель тогда сказала, что ей больно даже войти в студию или галерею, тем более подумать о том, чтобы снова начать писать.

– Пожалуй, Джилли действительно реагирует странно.

– Более чем странно, – подхватила Венди. – Такая негибкая жизнерадостность начинает пугать.

– Но Джилли ведь всегда была такой.

Венди кивнула:

– Знаешь, что меня больше всего пугает? Что она, может быть, видит в этом знак. Как будто судьба дает ей понять, что можно уйти навсегда в сказочную страну, потому что нити, которые удерживали ее здесь, одна за другой рвутся.

– Не может она уйти туда навсегда, – сказала Софи.

– Да? А почему?

– Потому что такой страны нет. Это просто сны и фантазии.

– А если она позволит себе уйти в кому и заснуть навсегда?

Софи покачала головой:

– Ничего подобного. Она изо всех сил работает: упражняет мышцы, тренируется. Видно же, что она твердо решила поправиться.

– И все-таки мне беспокойно, – сказала Венди. – С ней что-то происходит, а нам она не говорит.

– О чем не говорит?

– Например, о своих посещениях страны снов. Две недели назад она ни о чем другом и думать не хотела. А теперь не вспоминает о них, а если спросишь, пожмет плечами и просит рассказать, что творится на свете.

Софи медленно кивнула. Верно. Джилли так радовалась, что научилась видеть сны о мире духов. А «радоваться» означало для нее бесконечно рассказывать и обсуждать. А теперь она об этом почти не заговаривает. Софи решила, это из-за того, что сама она отказывалась видеть в снах что-то большее, чем сон, и Джилли, чтобы избежать постоянных споров, предпочла закрыть эту тему.

– Что же нам делать? – спросила она. Вопрос был скорее риторический, но Венди склонилась к ней:

– Надо ее стеречь.

– Мне кажется...

– И может, ты сумеешь присмотреть за ней в стране снов?

– Не сумею, – ответила Софи.

– Почему?

– Не знаю. Попадая в Мабон, я натываюсь на людей, которые с ней встречались, но нас с ней словно разделяет какой-то занавес. – Она улыбнулась. – Наверное, дело в том, что мы с ней видим разные сны.

– Но ведь страна снов... – начала Венди.

– Я не знаю, что это такое, – перебила ее Софи. – Может, место, где наше коллективное бессознательное собирается и превращается в общее переживание, а может, что-то другое. Но я не вижу, каким образом оно может влиять на реальный мир, разве что через наше искусство и еще через увлекательные рассказы, которыми мы делимся друг с другом.

– Но ты же встречаешь в Мабоне людей из Мира Как Он Есть?

Софи неохотно кивнула:

– Только не думаю, что это что-то доказывает. Знаю одно: во сне я не могу найти

Джилли.

– Но надо же как-то убедиться, что у нее все в порядке! Я хочу сказать, с головой.

Софи невольно улыбнулась:

– Звучит двусмысленно.

Венди тоже улыбнулась, но тут же возразила:

– Я серьезно.

– Понимаю, – заверила ее Софи. – Попробую сегодня вечером еще раз с ней поговорить.

Венди потребовала подробного рассказа о таинственных двойниках, которые попались на глаза ей с Изабель, и Софи охотно удовлетворила ее любопытство, хотя не так уж много подробностей смогла добавить к прежнему рассказу.

– Но знаешь, что самое странное? – в заключение спросила она. – Иной раз примешь незнакомца за своего знакомого, но когда увидишь в другой раз или присмотришься, сходство такое поверхностное, что удивляешься, как можно было так ошибиться?

Венди кивнула.

– Так вот, с женщиной, которую я видела у парадной, было совсем не так. Конечно, я не успела ее хорошенько разглядеть, но ни на минуту не усомнилась, что вижу Джилли, а если не ее, так, значит, у нее есть сестра-близняшка.

Именно это больше всего встревожило ее. Отсутствие каких-либо сомнений в том, что она видит Джилли, хотя и знает, что такое невозможно. Она даже готова была рассказать все Джилли, но, войдя в палату, увидев ее с гипсом на руке и ноге, увидев парализованную руку, бессильно лежавшую на простыне, сочла свою мысль настолько бредовой, что не сказала ни слова. И все же с тех самых пор нерешенный вопрос точил ее. У Софи был верный глаз. Правда, Джинкс, заглядывая в гости, устраивал кавардак в электронных и механических системах вокруг нее, но что она видела, то видела, и беглого взгляда ей обычно хватало, чтобы достаточно точно описать встречного.

Может, надо все-таки обсудить это сегодня с Джилли.

3

Однажды давным-давно...

У каждого леса свое лицо. И я не о тех очевидных чертах, которые отличают английскую рощицу от центральноамериканских дождевых лесов или сосновый бор западного побережья от зарослей гигантского цереуса на юго-западе. Даже не о тех более тонких различиях, из-за которых сосняк в резервации к северу от Ньюфорда ничуть не похож на кедровник с березняком на холмах вокруг нашего Тилера, хотя между ними меньше двухсот миль.

Нет, даже если в разных лесах растут деревья и кустарники одной породы – например, лиственницы или хемлока, – в каждом из них свои запахи, свои звуки, свои шорохи и разговоры. Голос, который ты слышишь, вступая под лесные своды, не спутаешь с голосом никакого другого леса.

Неудивительно, что и Большой лес не похож на другие. Поразительно то, как в нем сходятся все леса всех времен. И дело не в высоте деревьев, не уступающих небоскрегам Кроуси. Входя под сень Большого леса, узнаешь в ропоте его листьев голоса, какие слышала во всех лесах, где случалось бродить.

Должно быть, это и имел в виду Джо, когда сказал, что Большой лес – отражение первого леса, когда-то покрывавшего мир, созданный Вороном. Попав в него, легко представить, что перенесся к началу времен.

Последнее время я в основном держусь Большого леса и не ухожу далеко от того места, где оказалась впервые и встретила Джо. Здесь, как и в больнице, у меня много посетителей, но эти приходят не ради того, чтоб сказать «привет» Сломанной Девочке, старательно отводя

взгляд от бинтов и тела под простыней. Это просто прохожие, которые кивают на ходу или заглядывают мне через плечо в альбом, радуясь возможности перекинуться с кем-то парой слов и передохнуть по дороге. Почти всех я вижу в первый и последний раз, но есть и постоянные гости. По большей части друзья Джо или его дальние родственники вроде Джолены или того парня, который назвался Нанабозхо и вполне мог оказаться братом-близнецом Джо: та же собачья голова на человеческих плечах. Разве что шкура серая, как у волка, а не каштановая, как у Джо, да глаза разные: правый карий, а левый – голубоватая сталь.

Нанабозхо, как Тоби, все хотел, чтобы я нарисовала его портрет. Я не возражала. Что-то восхитительно странное было в волчьих чертах под тенью широкополой шляпы, в сочетании человеческой фигуры со звериной мордой, обрамленной длинными темными косами.

Я все жду, не появятся ли девочки-вороны, но из всех врановых мне встречаются только кузен и кузина Джека Доу, темноволосые погодки с широкими лицами кикаха. Они представляются мне как Кан-дис и Мэтт. Один другого тощее, но хорошенькие, чем никогда не мог похвастать Джек. Хотя они разговорчивы и дружелюбны не меньше Джека, но чудесных сказок не рассказывают, а просто сплетничают. Должно быть, его дар сказочника вместе со старым школьным автобусом унаследовала рыжеволосая Кэти Бин.

Раз я вижу глядящую на меня издали женщину с головой белой бизонихи на плечах. Весь лес затихает, даже вечный ропот листвы Большого леса превращается в еле слышный шелест. Мне очень хочется с ней заговорить, но горло пересохло, и я едва дышу – где уж там встать и подойти к ней.

Затишье продолжается даже после того, как она исчезла, а потом Большой лес словно переводит дыхание. Опять трещат белки, бранится вдалеке сойка, хлопают над головой крылья пролетающего ворона, а хриплое карканье раздаётся, когда он уже скрылся из виду.

Когда снова появляется Нанабозхо, я спрашиваю его, но он только улыбается:

– Обычные шутки таинственной матушки-земли Нокомис.

– Ну, на меня они произвели впечатление.

– На всех производят. И ничего удивительного, если подумать.

Я вопросительно поднимаю брови.

– Ну, – поясняет он, – может, Ворон и создал мир, но заботится о нем с тех пор одна Нокомис.

– Ты хочешь сказать, она на самом деле?..

Нанабозхо ухмыляется, в его серо-голубых глазах стоит смех.

– Точно тебе говорю. Знаешь, кто-то ведь должен этим заниматься, а кто еще возьмется за такую работу?

– Мне кажется, мы все должны ей помогать. Я бы непременно постаралась.

Он снова становится серьезным.

– В следующий раз, как ее увидишь, обязательно скажи об этом. Ей не помешает лишняя пара рук.

Есть и другие, кто не подходит близко, но те просто стесняются. Женщины-оленихи робко показываются из-за деревьев, мгновенно скрываются, стоит на них взглянуть, и тихонько возвращаются, когда думают, что я не вижу. Несколько раз я видела маленького быстрого человека-зайца: уши у него падают на плечи, как длинные косы. Он застенчиво улыбается мне издали, но держится на расстоянии. Совсем недавно мне попалась на глаза группа лесных человечков – точь-в-точь как на иллюстрациях Элен Вентворт. Я с детства запомнила ее картинки в моей любимой книге сказок, а теперь точно знаю, что рисовала она с натуры. Трудно понять, почему эти существа не рассыпаются на отдельные веточки и сучки, – разве что их скрепляют клочки мха и ниточки лиан. Правда, я их плохо разглядела. Они перекликаются тонкими птичьими голосами, машут и улыбаются мне, но близко не подпускают. А жаль. Я бы хотела сделать подробный портрет, а не те беглые эскизы, которые успела набросать, прежде чем они скрылись с глаз.

И еще Тоби. Когда Джолена его спугнула, он несколько дней не появлялся, но как-то вечером, когда я присела порисовать после долгого дня утомительных процедур, он возник будто из-под земли.

– Привет! – кричит Тоби.

Я шарахаюсь от неожиданности.

– Ты откуда взялся?

Он коварно усмехается:

– Может, прямо из этого дерева.

Я улыбаюсь, а он плюхается рядом со мной и утыкается подбородком мне в локоть, чтобы заглянуть в альбом. Сегодня я опять рисую мухоморы и уже извела полдюжины страниц. В следующий раз в Мабоне надо обзавестись пастельными или обычными цветными карандашами или хоть красным мелком.

– Я и не знала, что ты в дереве живешь, – говорю я.

Он облокачивается о корень и пожимает плечами:

– Ты еще многого обо мне не знаешь.

– Верно, – признаю я.

Я оборачиваюсь, чтобы рассмотреть поближе его веселую озорную рожицу, на которой таинственным шепотком вдруг проскальзывает умудренное знание.

– В сущности, – добавляю я, – я совсем ничего о тебе не знаю.

– Спрашивай о чем угодно, – великодушно позволяет он, как древний король, обещающий исполнить любое желание.

– Ладно. Что у тебя такое с Джолой? Куда ты заторопился, когда она подошла?

Вид у него странный, и сдается мне, отвечать ему не хочется.

– Забудь, – говорю я. – Кажется, я сую нос куда не надо. Любопытство не доведет меня до добра. Это один из моих талантов – любопытство то есть, – и не самый приятный.

– Не в том дело, – отвечает он.

Ничего не могу с собой поделать.

– Тогда в чем? – Вопрос вырывается у меня помимо воли.

Он все мнется. Отводит глаза, чтобы не встретиться со мной взглядом, и я понимаю, что опять без спросу лезу к нему в душу. Пробую снова отступить, пока ему не стало совсем неловко. Я знаю, что такие секреты, которые никому нельзя доверить.

– Забудь, – повторяю я, – не надо говорить о том, о чем не хочется.

– Дело в том, что я не настоящий, – вдруг выпаливает он.

И, обернувшись ко мне, шарит взглядом по моему лицу, ожидая реакции. Думаю, он находит в нем только недоумение, потому что никаких других чувств я не испытываю.

– Как это «не настоящий»?

Он пожимает плечами:

– Ты не поймешь.

– А ты меня испытай.

– Ты настоящая. Где-то там... – он неопределенно машет рукой, но я понимаю, что он имеет в виду, – у тебя есть тело, которое спит, пока ты здесь болтаешься. Ты настоящая. У тебя есть жизнь. Дух.

– На мой взгляд, духа тебе не занимать, – вставляю я.

Ни следа улыбки.

– Меня кто-то придумал, – говорит он.

– Кто?

– Не знаю. Одинокий ребенок, писатель, художник – кто-то. Потом он вырос или дописал сказку, закончил картину и отпустил меня. Забыл обо мне – и вот я здесь. Не настоящий. У меня нет ничего своего, нет своего дома, и никто не знает, долго ли мне жить, пока совсем не истаю.

– Ты хочешь сказать, что ты чей-то воображаемый друг?

– Не знаю, – повторяет он. – Не помню.

Его слова напоминают мне о нуменах Изабель – тех духах, которых она призвала откуда-то своими картинами. Картины открылись, как двери, и впустили их в наш мир, и теперь они могут жить здесь вечно, неизменными, пока целы эти картины.

– Я о них слыхал, – говорит он, когда я рассказываю ему про нуменов, – но, по-моему, это другое.

– А почему все-таки ты сбежал от Джолены? – спрашиваю я.

– Потому что она из Народа и слишком настоящая, – объясняет он.

– Опять непонятно.

– Ты ведь знаешь про звериный народ, который первым пришел в мир?

– Конечно. Как девочки-вороны. Или Люций.

Он кивает:

– Когда такой, как я, оказывается рядом с ними, сама сила их присутствия делает меня менее настоящим. Стоит мне провести побольше времени в компании кого-нибудь из Народа, и я полностью сойду на нет.

– Правда?

Он опять кивает.

– Я все равно истаю, но рядом с ними это произойдет очень быстро.

– А они знают? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

– Какое им дело до таких, как я?

Я не могу представить, чтобы Джолена или Люций, и тем более Джо, были так бессердечны, и говорю ему об этом.

– Твой друг Джо – опять же другое дело, – отзывается Тоби.

– Я думала, он тоже из Народа.

Тоби кивает:

– Во втором поколении. Я слышал, отец у него из ворон, а мать – из псовых. В родстве с кланом Красной Собаки, которая первой встретила духов маиса и тыквы и привела их к людям.

«Ворона и собака, – думаю я. – Тогда понятно, почему в стране снов он принимает такой облик». Я пытаюсь представить себе, как умудрились его родители... Вот, скажем, птица, а вот собака...

– Но как же... – начинаю я.

Он наконец хохочет, впервые за весь разговор.

– Они его произвели на свет, когда были в человеческом облике, – толкует он мне, все еще ухмыляясь.

– Ну конечно!

– Но это редкость, – продолжает он. – Я хочу сказать, чтобы двое из таких разных кланов завели ребенка.

– А я думала, чуть ли не в каждом третьем из живущих сейчас в мире людей и животных – смешанная кровь.

Он кивает:

– Но его родители были чистой крови, а это другое дело. Кланы Народа довольно замкнуты. Они сходятся с людьми и – когда в зверином облике – со звериными родичами, но очень редко с другими кланами.

– Так ты не истаешь рядом с Джо? – спрашиваю я.

– Скорее всего, истаю.

– Если бы он знал, то не стал бы подвергать тебя опасности.

Тоби снова пожимает плечами. У него это здорово получается: так холодно и независимо.

– Мы просто убегаем, едва их увидим, – говорит он.

Я замечаю это «мы».

– А таких, как ты, много?

– Больше, чем домов сердца в мире духов. Любой может творить нас сотнями. Только и нужно, что воображение. Но чтобы мы продолжали существовать, нужна вера, а она у людей реже встречается.

«Опять же как с нуменами Изабель», – думаю я. Хотя и не совсем. Ее нумены, раз созданные, живут вечно.

– А люди, которые вас создают, знают? – спрашиваю я.

– Читали же они сказки...

Я понимаю, о чем он говорит. Все эти старинные предания о том, что волшебный народ исчез, потому что мы перестали в него верить.

– Но откуда им знать, что эти сказки говорят правду?

– В том-то и штука, – говорит он. – Мы все равно зависим от их веры. И почти все мы живем недолго – исчезаем, едва успев появиться. Очень грустно.

– Еще бы! – говорю я. – Но все-таки мне непонятно, почему эта... скажем, гиперреальность звериного народа уничтожает вас. Как такое может получиться?

– По-моему, это как с верой в волшебную страну.

– Я думала, мы и есть в волшебной стране.

Он кивает:

– Только на самом деле это место может быть чем угодно – смотря как ты его назовешь. Волшебная страна, манидо-аки, мир духов... Люди видят то, что ожидают увидеть. Есть и такие места, которые *становятся* тем, что ты от них ожидаешь.

Я понимающе киваю:

– Джо что-то такое рассказывал.

– Но есть другая волшебная страна, – продолжает он, – где живут такие, как я. Она существует, пока люди в нее верят. Когда вера уходит, уходим и мы.

– Как в легендах о старых богах, – вслух размышляю я. – Снова старые сказки. Когда ребенок говорит, что не верит в фей, кто-то из них умирает...

Он кивает.

При всей моей уверенности, что сказки и предания основаны на реальных, но позабытых вещах, то, о чем он говорил, я никогда не воспринимала всерьез.

– Но это же ужасно, – отвечаю я ему.

– Такая нам досталась жизнь, – отзывается он. – Другой нет, так что приходится принимать, что имеем.

– Не верю, – говорю я ему.

– Верь или не верь – так уж оно есть.

Но я мотаю головой. Тут меня не переубедишь.

– Происхождение ничего не значит, – говорю я. – Что существует, то существует. Если уж у дерева, у камня, у дома есть душа, так и у тебя есть.

Теперь уже он мотает головой.

– Может, если бы ты в себя поверил, это помогло бы? – высказываю я предположение.

Смеется:

– Может, ты и права.

– Я точно права. Иначе было бы нечестно.

– Слабый довод. Мы не в справедливом мире живем.

– Может быть, и нет, – признаю я, – но тем больше причин постараться сделать его таким, верно?

– Ты хорошо споришь.

– Для меня это не предмет спора, – заявляю я и повторяю: – Я в это верю.

Мы замолкаем. Тоби теперь держится спокойнее, словно этот разговор устранил что-то препятствовавшее нашей дружбе. А может, сказывается его непостоянная натура. Не умеет он слишком долго оставаться в одном настроении, думать об одном предмете. Меня саму в том же винули, но я не огорчалась. Бывают и более серьезные недостатки.

Я перебираю в уме, что сейчас узнала. Много становится понятным, очень многое, но

зато в голове возникают новые вопросы, целыми сотнями. Я останавливаюсь на самом простом из них.

– И как вас называют? – спрашиваю я. – Тебя и других, так сказать, эфемерных существ.

– Мы – Эдар. Создания Мидона, срединного мира.

– Не поняла...

– Ты знаешь, что *гезан* живет между всеми вещами?

– Гезан?

– Волшебство.

Я киваю. Это мне и Софи, и Джо объясняли. Волшебство лежит между днем и ночью, между синим и желтым, между любыми двумя вещами.

– Мидон – праматерь всего, что между, – объясняет Тоби. – Она – полумир или междумирье, которое минует каждый, проходя из твоего мира в этот. Иногда она – как кисея, иногда шире великих равнин Нидиана. Говорят, весь гезан проникает в ваш мир, и в этот тоже, из Мидон. Ты тоже прошла сквозь срединную страну, раз сидишь здесь и говоришь со мной.

– Ты про сон говоришь? Я думала, все это, – обвожу рукой лес, – мой сон.

Он улыбается:

– Нет, сон только перенес тебя сюда. Мир духов так же реален, как твой, только он в другом месте. А двери между ними создает срединная страна, но ее границы изменчивы и она малодоступна – разве только по пути из мира в мир. Между срединной землей и мирами, которые она соединяет, такая же разница, как между Народом и Эдар. Только у нее есть предназначение, и у Народа тоже, а мы просто выдумки, живущие по прихоти воображения до тех пор, пока кто-то в нас верит.

Эти слова словно произносит другой голос: не тот простодушный веселый паренек, с которым я недавно познакомилась, а существо с тем же веселым личиком, но обладающее мудростью старика – знаниями, приносящими не понимание, не интеллектуальную радость, а только отстраненную печаль. Проступил наружу тот шепоток мудрости, который я временами замечала в его глазах.

– Кто ты на самом деле? – слышу я собственный голос.

– Лицо под древесной корой, – отвечает он, – дитя, которое покинула Зеленая Женщина, чтобы следовать за призраком Грайн Эун, солнечной птицы. – Он поднимает руку с вытатуированной молнией. – Это ее талисман, – добавляет он, – полученный от Дедушки Грома. А это, – он поднимает другую руку, где молния заключена в круг, – счастье, ушедшее в землю, какой она была, пока Ворон не поднял из тьмы круглый панцирь черепахи – мир. Хотя кое-кто говорит, что это Луна – сердце Нокомис, а счастье – извивающаяся змея, а не молния.

Его темные карие глаза долго изучают меня, а потом он спрашивает:

– А ты кто на самом деле?

– Я же сразу сказала: художница. Здесь чужая. Просто гостя, ничего больше.

– А свет в тебе так ярко горит, потому что?..

Я качаю головой:

– Об этом я совсем ничего не знаю.

Он с серьезным видом кивает. Потом словно кто-то проводит рукой по его лицу, снова преображая его. Он ухмыляется и смотрит вверх.

– Не хочешь забраться на дерево? – спрашивает он. – Ветки у самой макушки сочатся волшебством. Соберем каждый по пучку и станем волшебниками.

Я собираюсь высказаться по поводу его сменяющихся лиц, но тут же решаю, что не мне здесь указывать, как ему себя вести. Тем более что обо мне он тоже знает далеко не все. Ему ничего не известно о Сломанной Девочке. Раз уж я сама ношу маску, то и другим должна позволить сменять свои, сколько им вздумается. Зато мне полезно вспомнить, что все не обязательно такое, каким кажется, – ни здесь, ни в том мире, где на кровати спит

Сломанная Девочка и видит во сне, будто снова рисует, ходит и живет нормальной жизнью.

– Давай, давай, – торопит Тоби.

Он уже вскочил на ноги и поглаживает кору.

Я нерешительно разглядываю необъятный ствол. Кора на нем грубая, и зацепок для рук и ног сколько угодно, но до нижних веток чуть ли не миля, и у меня явно не хватит храбрости карабкаться на такую высоту.

– Что-то не хочется, – говорю я ему.

– Да это легко. Знаешь, как здорово будет!

Он по-беличьему взбегает на два-три ярда от земли, оборачивается и выжидательно смотрит на меня.

– Только не сегодня, – говорю я. – Мне уже пора.

Не дав ему возразить, я позволяю себе проснуться.

Но при следующей встрече он продолжает уговаривать меня, и в конце концов я укладываю альбом в мешок, подвешиваю его за ручки к поясу так, чтобы он висел позади меня, и лезу за ним на дерево. Не так страшно, как я думала. По правде сказать, хоть я и карабкаюсь прямо вверх, цепляясь пальцами за трещины и неровности коры, мне вовсе не кажется, что я двигаюсь перпендикулярно земле. Скорее словно поднимаюсь по пологому склону. Я заранее решила, что если сорвусь, то проснусь прежде, чем долечу до земли, так что беспокоиться не о чем.

Но я не срываюсь. Даже и не думаю. Просто лезу вслед за Тоби все вверх и вверх. Этакая парочка Джеков на бобовом стебле, тем более что, когда мы добираемся до первой ветки, нам открывается совершенно другой мир. Страна снов – удивительное место, что и говорить, но удивительнее всего она здесь, наверху. Подумать только, сколько раз я разглядывала, задрав голову, кроны деревьев и даже не подозревала, что в них творится.

Ветки здесь широкие, как двухрядное шоссе, и чуть уплощенные с верхней стороны, так что мы можем идти по ним бок о бок все выше и выше, перебираясь на следующий ярус по сеткам лиан, толстыми канатами свисающих между ветвями. По мере того как мы поднимаемся, сумерки уступают место насыщенному желтому сиянию, и мы то и дело натываемся на настоящие травяные полянки, выросшие на широкой ветке, с разноцветьем лесных цветов и прудиками чистой воды, из которых можно напиться. В других прудах вода застоялась и позеленела от водорослей. Из зеленой тины выглядывают лягушки – видны только бугорки глаз и треугольные макушки.

Здесь и вправду целый новый мир, притом гораздо более веселый, чем торжественный соборный лес внизу. И жизни в нем больше. Множество певчих птиц – овсянки, королики, пеночки, горлинки, кардиналы – порхают среди мелких отростков ветвей, и рядом с ними – всевозможные ящерицы, жучки и бабочки. На коре мы находим ночных мотыльков. Крылышки у них в две мои ладони и на ощупь мягкие как бархат. Рыжие и черные белки верещат, ссорятся друг с другом и бранят всякого, кто проходит мимо. Толстенькие кролики жуют кашку. Я замечаю у одного из них маленькие рожки, как у мифического техасского кроленя, но зверек мгновенно скрывается в траве.

– Чему улыбаешься? – спрашивает Тоби.

Улыбаюсь? Еще бы! На лице у меня счастливая улыбка от уха до уха.

– Ничего не могу с собой поделаться, – оправдываюсь я. – Всю жизнь читала о людях, которым удалось пробраться в волшебную страну, полную чудес, а теперь я сама здесь... – Машу рукой, указывая на ветвь-дорогу, по которой мы прогуливаемся. – Теперь я сама в сказочной стране, и мне это нравится. Хорошо бы никогда...

Но я тут же прикусываю язык.

– Что – никогда? – переспрашивает Тоби.

«Никогда не возвращаться в разбитое тело», – думаю я. Но говорю только:

– Не просыпаться.

– А тебе обязательно надо просыпаться? Почему?

– Наверно, по той же причине, по которой ты – Эдар. Там моя настоящая жизнь, и, пока я не разберусь со всем, что осталось там, мне нельзя спокойно жить здесь.

– Я ненавижу правила, а ты? – спрашивает Тоби.

– Правила?

– Знаешь, то, что заставляет нас жить так, а не иначе.

Я вспоминаю сбившую меня машину и тело, оставленное на тротуаре, как разбитая чашка. И другие, старые раны, шрамами пересекающие мою память, о которых никто, кроме меня, даже не знает.

– Наверное, я тоже, – говорю я.

Он озабоченно разглядывает меня, потом пожимает плечами.

– Пошли, – говорит он, – надо забраться повыше.

Я влюблена в этот древесный мир. Широкие ветви нависают концами одна над другой, так что к вершине можно подниматься, будто по горному серпантину. Но Тоби предпочитает сокращать путь за счет свисающих ближе к стволу лестниц-лиан, так что я теперь чувствую себя не столько Джеком на бобовом стебле, сколько обезьянкой в джунглях.

До вершины мы так и не добираемся, зато попадаем на площадку, образованную развилкой ветвей. На ней чувствуешь себя как на плоту, и плавное покачивание огромного ствола напоминает переливы речной волны. В просветах листвы открывается невероятно огромный мир. Становится ясно, что выбранное нами дерево – великан даже среди исполинов Большого леса, потому что их макушки у нас под ногами и мы смотрим поверх них – на запад, насколько я понимаю. В далекой дали лес кончается, и гряды холмов поднимаются к горному хребту. На ближнем холме я различаю какое-то строение. То ли крепость, то ли замок – на таком расстоянии не разберешь.

Я поднимаю голову и вижу, что дереву конца не видно. Неудивительно, что верхние ветки его считаются волшебными. Если до них добраться, то это будет все равно что сказка о путешествии в вечность. Строение на холме снова притягивает мой взгляд.

– Что там такое? – спрашиваю я.

– «Гостиница Забытых Звездами». Там собираются те, с кем неласково обошлась судьба. Не слишком радостное место.

– Так это гостиница? А кажется такой большой... Тоби смеется:

– Большая гостиница. – Он тянет меня за рукав. – Ты ведь не собираешься останавливаться? Мы же хотели набрать волшебства.

Мой взгляд снова скользит вверх по стволу и теряется в лабиринте ветвей.

– Далеко еще до верхушки? – спрашиваю я.

– Не знаю, я же никогда сюда не поднимался. – Он снова смеется. – Я что, похож на волшебника?

– Но там, наверху, точно есть волшебные ветки?

– Целые охапки, – заверяет он.

– Почему же ты раньше не поднимался до вершины?

– Никто не соглашался так далеко со мной пойти, – говорит он. – Путешествие долгое, а времени теперь у всех не хватает.

– И сколько оно продлится? – спрашиваю я.

– Трудный вопрос...

Я настаиваю:

– Часы, дни, недели, месяцы?

– Все зависит от того, кто ты такой и насколько тебе нужно туда попасть, – так я слышал.

– Как это надо понимать?

– Ну, наверно, можно по-разному. Но чем больше ты хочешь на вершину, чем тебе нужнее, тем труднее туда добраться.

Я вздыхаю. Видно, в стране снов воздух такой, что все ее жители говорят загадками. Взять хотя бы Джо. Попробуйте-ка добиться от него прямого ответа.

– Ты можешь хоть что-нибудь внятно объяснить? – спрашиваю я.
Он виновато косится на меня.
– Мне так нужно волшебство, – объясняет он, – что мне одному туда ни за что не подняться. А будь у меня в руках такая волшебная веточка, я бы уже не боялся исчезнуть.
– И все-таки я не понимаю...
– Ну посмотри на себя, – говорит он. – Ты сюда просто так залетела, верно? Тебе все равно, что есть волшебство, что нет. Вот я и подумал, что с тобой мы просто... доберемся побыстрее.
– Потому что я не так отчаянно нуждаюсь в чуде?
Он кивает.
Я вспоминаю, как всю жизнь ловила след и запах волшебства и во что сейчас превратилась моя жизнь – жизнь Сломанной Девочки, спасти которую может только чудо...
– Ты не представляешь, как мне нужна хоть капелька волшебства, – говорю я ему.
Он плюхается на ветку.
– Тогда мы обречены. Нам ни за что его не добыть.
– Это еще не конец света, – утешаю его я.
– Похоже, это конец моей жизни.
– Я всегда буду в тебя верить.
– Этого может оказаться мало, – говорит он.
Он встает и решительно лезет вниз по крысиному гнезду из веток и лиан, которое мы одолели, выбираясь на площадку. Он очень ловко умеет уходить от сложностей, но меня это начинает раздражать.
– Ты только поэтому и прилепился ко мне? – ору я ему вслед. – В надежде обзавестись волшебной палочкой?
Он задирает ко мне лицо – на нем и следа не осталось от озорной мины Пака – сплошное уныние.
– Я думала, я тебе нравлюсь, – говорю я.
– Нравишься. Просто... ты не поймешь.
Он отводит взгляд и спускается дальше так быстро, что вскоре исчезает из виду. Я некоторое время смотрю ему вслед, а потом снова поднимаю голову, скользя взглядом все выше и выше. Вершина дерева где-то очень далеко, и в одиночку я туда не полезу. Но и вниз лезть не собираюсь. Теперь, когда я здесь побывала, я сумею вернуться на эту площадку, когда захочу. Если захочу.
Но пока что хватит с меня гигантских деревьев и волшебных стран, и я позволяю себе проснуться. В палате реабилитации.

4

В конце концов Венди решила сама зайти к Касси и попросить ее помочь им что-нибудь выяснить о таинственном двойнике Джилли. Софи она решила не брать, потому что та отказывалась всерьез обсуждать страну снов и толкового разговора не получилось бы. А больше позвать с собой было некого. Джилли ни с кем, кроме нее и Софи, о стране снов не говорила. Как видно, предпочитала держать это в секрете, а Венди казалось нечестным выдавать ее секрет всем и каждому.

Касси с Джо жили в северном конце Верхнего Фоксвилля. Не слишком роскошное жилье – квартирka в полуподвале старого обветшалого дома, но Венди она представлялась все же ступенькой вверх от жизни в захваченных нелегально пустовавших квартирах. Сюрпризы начались, когда она вошла в дом. Само здание казалось мрачной развалиной, и парадное не взяло бы приза в конкурсе на лучшее жилищное хозяйство, зато квартирka сияла яркими цветами и была залита неизвестно как проникавшим в нее светом. Казалось, светила сама мебель. А может быть, она просто отражала сияние, исходившее от Касси, –

сияние, в котором словно собралось все хорошее и доброе, что только есть в мире.

«Я знаю много хороших людей, – рассуждала Венди, проходя вслед за Касси в комнату, – и почти со всеми познакомилась через Джилли».

– Не могу вспомнить, – сказала Касси, – ты кофе пьешь или чай?

– По правде сказать, – призналась Венди, – я бы не отказалась от пива, если у тебя найдется.

Касси одобрительно улыбнулась:

– Наш человек! Устраивайся поудобнее, я сейчас.

Венди бродила по комнате, разглядывая странное сочетание деталей обстановки. Невообразимым образом произведения индейского и африканского искусства и ремесла превосходно уживались с самым дешевым китчем. Пузырьки с лосьонами в форме фигурок из «Звездных войн» и диснеевских персонажей делили полку с резными идолами из Африки и резервации. Сверкающий позолотой бюст Элвиса, стоявший на соседней полке, был обвит чудесным шарфом с африканским рисунком. Глиняные свистульки, дудочки-казу и пластмассовая гавайская гитара без струн соседствовали на кедровом комод с кожаными африканскими барабанами, деревянной флейтой апачей и водяным барабанчиком кикаха. Индейские священные связки из лосиной и оленьей кожи висели на стене рядом со старым плакатом, рекламировавшим одно из шоу местной телекомпании. По другую сторону от плаката помещалась африканская маска из какого-то темного дерева. Кровать была покрыта изумительным одеялом навахо, а на нем лежала подушечка, украшенная физиономией Барта Симпсона.

В этой комнате были очарование и своеобразная гармония лавки старьевщика, по ней можно было часами бродить, забыв обо всем, но жить здесь Венди не смогла бы.

Когда вернулась Касси с пивом, она стояла перед маленькой картинкой, нарисованной пару лет назад Джилли. Это был портрет Касси и Джо. Они, держась за руки, сидели под Деревом сказок в парке Фитцгенри. Дерево она узнала, потому что Джилли, рисуя его, всегда добавляла множество цветных ленточек, так искусно вплетававшихся в листву, что казались не фантазией художницы, а естественными отростками. Ленточки должны были представлять сказки и истории, которыми кормилось дерево, объяснила Джилли в ответ на вопрос Венди.

– Я люблю эту картину, – заметила Касси, протянув Венди бутылку. Крышечки с бутылок она сорвала одну о другую. – Джо здесь совсем... как Джо.

– Мне нравится, как она передала вашу привязанность.

Касси улыбнулась:

– И это тоже.

Она взмахом руки предложила Венди устроиться на тахте и сама присела на другой конец, переложив Барта Симпсона на колени.

– Я здесь никогда не бывала, – сказала Венди, – но теперь понимаю, почему вы с Джилли так хорошо ладите. У вас обоих эклектический вкус.

– Вообще-то нас Джо познакомил. Но ты права. Мы сразу поладили и с тех пор ни разу не ссорились. – Касси улыбнулась. – Я не многим женщинам позволила бы столько времени проводить со своим мужчиной, но ей доверяю безраздельно. И Джо, конечно, тоже.

– Один из ее талантов. – Венди перефразировала любимое выражение Джилли.

Касси заулыбалась еще шире:

– Правда любопытно, как она связала нас всех, хотя, казалось бы, у нас не так уж много общего. Я не столько о тебе и Софи говорю, сколько о таких, как Сью, совсем из иного общества, или, скажем... – она засмеялась, – о пожарной команде Кроуси.

Венди рассмеялась вместе с ней:

– Понимаю... Ты не поверишь, они в полном составе пришли ее навестить!

– Что касается Джилли, я могу поверить чему угодно.

– Ей самой тоже легко веришь, – согласилась Венди.

Касси кивнула, и Венди сочла, что можно переходить к главному.

– Только меня беспокоит ее новая роль, – сказала она.

– Ты о чем?

– Ну, знаешь, послушной пациентки, которая выполняет все назначения врача, чтобы поскорее поправиться.

– Что-то я тебя не пойму, – покачала головой Касси.

– Знаешь, я из-за этого и пришла, – отозвалась Венди и принялась рассказывать, как заподозрила, что Джилли готовится навсегда исчезнуть в стране снов. Закончила она таинственным двойником, которого Изабель и Софи повстречали поблизости от студии-чердачка. – Может, ты ее след и учуяла тогда, верно? – сказала Венди. – Полное подобие Джилли, только плохая.

Касси помедлила с ответом.

– Я почувствовала, что личность, уничтожившая картины, обладала той же энергетикой, – сказала она наконец. – Это не значит, что они и внешне похожи.

– Только энергия была не светлая, а темная, да?

Касси кивнула.

– Но ведь та личность могла выглядеть как Джилли, правда?

– Пожалуй... – неохотно признала Касси. – Но если тебя послушать, получается этаким заговор из дурацкого кино, где – подумать только! – негодяй оказывается темной ипостасью героя.

– Джилли сказала бы тебе, – возразила Венди, – что даже у дурного фильма в основе лежит некая правда.

Касси покачала головой:

– Не знаю. Тут бы Джо разбираться...

– А где Джо?

– Гоняется за ветром в поле, разыскивает Гею.

– Гею?.. – повторила Венди, полагая, что ослышалась.

Касси дернула плечом:

– Так ее звали греки – Матерь мира. Или, если точнее, Полногрудая. Джо называет ее Нокомис.

– Но... как же он ее ищет? Это же все равно что, ну, искать Бога, нет? Если браться за такое дело, лучше для начала поступить в семинарию.

– Джо ищет ее в стране снов, – объяснила Касси. Ответ был настолько неожиданным, что Венди надолго онемела. Она допускала – по крайней мере, могла иногда допустить, – что существует другой мир, где можно встретиться с эльфами и звериным народом и разными волшебными существами. Место, где Софи, а теперь и Джилли переживали потрясающие приключения. Ей легче было говорить о стране снов, куда попадают в сновидениях, чем о мире духов – некоем параллельном измерении, куда можно просто перебраться из этого, – но и его она кое-как могла принять – по крайней мере, теоретически. А вот это уж слишком.

– Там можно встретиться с Богом?!

– С богами – во множественном числе, – поправила Касси. – По-видимому. Мне не случилось, но Джо знаком с Нокомис.

– Но она просто так себя называет, да? Не встречался же он с настоящей...

Венди не могла подобрать слова. Богиня? Мать-природа? Мать-земля?

– Джо необыкновенный парень, – сказала Касси, – так что я бы не удивилась. Он не такой, как ты или я. Его корни уходят гораздо глубже наших. Да и не только корни – он сам. Он старше, чем выглядит, знаешь ли.

– Насколько старше?

– Не знаю. Никогда не спрашивала.

Венди перевела дыхание. Посмотрела на свои руки и, обнаружив в них бутылку, глотнула янтарного напитка. Вкуса она не ощущала.

– Ладно, – сказала она, поставив бутылку на кофейный столик между глиняной черепашкой и стаканчиком, украшенным наклейкой «Баффи – истребительница вампиров». – Я знаю, что мир чуднее, чем мы думаем, просто мне время от времени нужно об этом

напоминать. Так что я готова поверить.

Касси покачала головой:

– Я не просила тебя верить или не верить.

– Знаю. Просто у меня такое чувство, понимаешь? Очень уж поразительные вещи ты говоришь. Но если в стране снов можно встретиться с настоящим божеством, то почему у Джилли не может быть злого двойника?

Касси усмехнулась:

– Если дерево может питаться сказками, это значит, что Элвис еще жив?

– Ну, в общем-то нет.

– И Нокомис не божество, – продолжала Касси. – То есть я под божеством понимаю что-то другое. Она старейшее существо, это да. Может быть, ровесница мира или даже старше.

– И как бы ты такое назвала?

– Я же сказала – старейшая. Они не такие, как мы, обладают силами, которых нет у нас, и, несомненно, живут дольше, но, мне кажется, существа, подобные Нокомис, воплощают *наше* представление о богах, а не свое собственное. У меня нет названия для жизненной силы, которая, как мне представляется, создала ткань мира и все в нем сущее, но не думаю, что это Нокомис. Или даже привычный нам Бог. Мне кажется, мы все в этом участвуем. Скорее я бы назвала это Колесом мира, как говорит Джо.

– Но ведь и Джо верит во что-то, что называет Благодатью, – вставила Венди. – Мне Джилли однажды рассказывала.

Касси кивнула:

– Только, насколько я понимаю, Благодать – это состояние, как и Красота в понимании кикахи, и она есть в каждом из нас, если мы не отрицаем и не отталкиваем ее.

– Все-таки, по-моему, стоит выяснить насчет злых двойников, – настаивала Венди. – Сначала эта машина, которая сбила человека и даже не остановилась, потом разгром в студии... Что она дальше сотворит?

– Она?

– Злая половина.

Касси долго молчала. Потом встала и сняла со спинки стула свою куртку. Залезла в карман и вытащила колоду карт, перетянутых резинкой.

– Посмотрим, что скажут карты, – предложила она, опустившись на колени перед кофейным столиком и расчищая на нем место. – Прямого ответа они не дадут. – Она сняла резинку и аккуратной стопкой сложила колоду на столе, а резинку натянула на запястье, рядом с цветными пластмассовыми браслетами. – Но могут подсказать, в какую сторону смотреть.

Колода на вид казалась самой обыкновенной, но Венди уже видела ее в действии и не судила по наружности.

– Тебе переворачивать карты, – сказала Касси.

Венди удивленно взглянула на нее:

– Мне? Почему мне?

– Я не люблю сама ими пользоваться.

– Почему?

– Ну, прежде всего, потому, что слишком легко попасть в зависимость и начать обращаться к ним за каждой мелочью. Ты не согласишься, как быстро к этому привыкаешь. А во-вторых, я на них настроена, так что они могут вместо ответа на твой вопрос показать то, что больше всего интересует меня.

– Во всем есть свои недостатки, да?

– Я не считаю это недостатком, – сказала Касси. – Скорее, ритуалом. Правильным порядком вещей. Мир всегда выглядит чуточку светлее, если мы делаем что-то друг для друга, а не для себя. Не могу объяснить лучше.

– Ладно, – сказала Венди, – давай буду я.

Она стасовала колоду, снова положила ее на столик и перевернула верхнюю карту. Невольный вздох сорвался с ее губ, когда на белой поверхности медленно проступило изображение. Никогда она к такому не привыкнет.

Они с Касси вместе склонились над картинкой. Поначалу смутно обрисовалась маленькая темная спальня. За окном виднелось ночное небо, и звездный свет освещал скудную обстановку. Они различили двоих на кровати и, когда глаза приспособились к темноте на картинке, поняли, чем они заняты.

Мальчик-подросток насиловал девочку помладше, совсем ребенка.

Изображение было настолько отчетливым, что Венди невольно отвела глаза.

– Ты их узнала? – спросила Касси.

Венди с трудом сглотнула:

– Кажется, да. Ты что-нибудь знаешь о детстве Джилли?

– Мы с ней говорили об этом, – сказала Касси, – и о жизни на улице, после того как она сбежала из дому, тоже. – Она еще ниже склонилась над картой. – Трудно сказать, но волосы совсем как у Джилли.

– Я уверена, это она и есть.

Картинка болезненно напомнила им, как начиналась жизнь Джилли.

– Не могу представить, каково ребенку пройти через такое, – сказала Венди.

Касси кивнула:

– Переверни вторую карту.

Венди не хотелось этого делать, но она сделала. Потом ей не хотелось смотреть, но она посмотрела. Она пришла, чтобы что-то узнать, выяснить, не может ли она помочь, так что глупо было теперь отворачиваться, как бы ей ни хотелось проскочить внутрь картинки, отшвырнуть этого кошмарного братца, подхватить маленькую Джилли, обнять ее и прижать к себе, загораживая от всех бед мира.

Следующая картинка оказалась невинной и озадачила обеих. Она изображала розовый «кадиллак», припаркованный на незнакомой улице.

– Может, это та машина, что сбила Джилли? – спросила Венди.

Касси покачала головой:

– Лу говорит, эксперты определили, что та была темно-синей. Они пытаются по частицам краски установить производителя. Беда в том, что это дело у них не числится в первоочередных. Но Лу нажимает.

– Тогда что может означать машина?

– Не знаю. Может, последняя карта прояснит.

– А больше трех нельзя?

– Это ведь не обычная гадальная колода, – пояснила Касси.

Венди невольно улыбнулась:

– Да уж!

– Понимаешь, я руководствуюсь интуицией, а она подсказывает, что три – правильное число. Так было с самого начала. – Взгляд Касси затуманился, словно от мучительного воспоминания, а потом она снова спокойно взглянула на Венди. – Джо вечно требует четыре карты, чтобы получить вести с четырех сторон мира, как он говорит, но наследие кикаха – не мое наследие.

– А что говорит твоя интуиция о розовом «кадиллаке»?

– Ничего. А твоя?

– То же самое.

– Тогда открывай последнюю карту, – сказала Касси.

Венди сдвинула с колоды следующую карту, перевернула ее, внутренне собравшись и готовя себя к чему угодно, однако последняя картинка говорила ей не больше, чем розовый автомобиль. На ней оказалась пара волков, очень похожих друг на друга в своем волчьем облике. Над ними были лица двух разных женщин. Одна – видимо, Джилли. Другая напоминала дешевую копию Фарах Фосетт – телеактрисы семидесятых годов. Главным

образом прической.

– Они что, из волчьего народа? – спросила Венди.

Касси подняла взгляд от карты.

– В них – души волков. Это я вижу. – Она села на пятки и вздохнула – Не много же мы узнали. Так же и у Джо вышло, перед тем как он ушел в манидо-аки.

– Куда ушел?

– В мир духов.

– Может, карты пытаются нам сказать, что темная Джилли... – она передернула плечами, – кто-то из звериного народа?

– И у нее есть подруга.

– Подруга с вышедшей из моды прической.

Касси наконец улыбнулась. Оставив карты на столе – три в ряд рядом с колодой, она вернулась на свой конец дивана.

– Можно мне их взять? – спросила Венди.

– Бери, конечно. Они не изменятся, пока не вернутся в колоду.

Венди не прикоснулась к первой карте, но взяла в руки две последние.

– Интересно, что сказала бы о них Джилли, – задумчиво произнесла она. – Может, ей бы они что-то подсказали?

– Первую карту...

– О, первую я не стала бы ей показывать. Только не хватало ей напоминать о том времени. А вот этих женщин она могла бы узнать. – Венди подняла карту с волчицами. – Или объяснить, что означает розовый «кадиллак». Ты не знаешь, который час? Я вечно забываю надеть часы.

Касси взглянула на свои:

– Почти девять.

– То есть время посещений кончается, – сказала Венди. – Пока мы туда доберемся, точно кончится. Но пробраться все равно можно. Ты же знаешь, как Джилли любит всякие загадки. Будет о чем подумать ночью. – Она вопросительно поглядела на Касси: – Картинки до тех пор продержатся?

– Должны бы...

– Так я возьму эти две, – сказала Венди, зажимая в руке обе карты. – А на ту больше никогда в жизни не посмотрю.

Она перевернула третью карту и засунула ее в колоду.

– Не надо... – предупредила Касси, но было уже поздно. Изображения на картах в руке Венди быстро таяли.

Венди вздохнула:

– Ну вот, я все испортила. Эти картинки были у нас единственными подсказками, а теперь их нет.

– Ты не виновата, – утешила Касси. – Откуда тебе было знать?

Венди с благодарностью кивнула, хотя, по правде сказать, что еще она могла услышать? Все равно это она, Венди, все испортила.

– Можно описать Джилли, что мы видели, – добавила Касси.

Венди понуро кивнула. Конечно можно. Только это совсем не то. Словами никогда не дашь такого точного представления. И Джилли, увидев карты, могла от неожиданности кое о чем проговориться, а рассказом такого не добьешься.

– Попробую завтра, когда зайду ее навестить, – сказала она.

– Я думала, ты сейчас к ней собралась.

Венди вздохнула:

– Карт нет, так что спешить уже некуда.

Чем чудеснее становится моя жизнь в стране снов, тем скучнее она в Мире Как Он Есть. Мне вспоминается Змей Ауроборос, поедая свой собственный хвост. Прodelываешь все эти упражнения и процедуры, а в конце концов оказываешься на том же месте. Если меня что убьет, так это бесконечные повторения.

Я всегда была, что называется, не слишком организованной личностью. Разбрасывалась – и это еще мягко сказано. Не то чтобы на меня нельзя было положиться. Если уж я за что бралась, так отдавала этому все свое внимание, будь то картина, посетитель в ресторане, старик, которого навещала в Сент-Винсенте, или просто болтовня с друзьями. Но я всегда хваталась за все сразу, перескакивала от одного к другому. А здесь день ото дня все то же самое.

Они говорят, что есть улучшение, и, может, оно и так – мимика почти восстановилась, и плечо снова обрело чувствительность, – но ходить я пока не стала и рисовать тоже. Даже поесть или дойти до туалета сама не могу. И это только физическая сторона дела. Есть и другое, о чем я никому не говорю. Не знаю уж почему. Может, потому, что это пугает меня еще больше, чем перспектива никогда не взять в руки кисть или карандаш, не встать на ноги, не суметь о себе позаботиться. Это что-то внутри меня, под кожей, в голове. Этого нельзя увидеть. Провалы в памяти, и хуже того – голова у меня не работает, как раньше.

Я уже говорила, что в детстве одинаково хорошо владела обеими руками, но это из меня очень рано выбили. Началось в школе, но мать занялась моим перевоспитанием с каким-то мстительным упорством. Мы с младшей сестренкой обе были такими, а все мальчишки – правшами. И это, наверное, тоже восстанавливало ее против нас, только не спрашивайте меня почему. Я никогда не видела причин и не находила объяснений ее ненависти к нам, особенно ко мне. Я уговариваю себя, что сестренке стало легче, когда я сбежала, только кого я обманываю? Никак нельзя было оставлять ее там, но что я тогда понимала? Мне самой-то было лет десять, когда я начала убежать, а потом, на улице, мне уже было не до того, чтобы о других думать, – дай бог самой выжить.

А тогда, раньше – ну, по большей части все было в порядке. Пока мы не выбивались из ряда, пока делали, что велят. Но стоило нам сделать что-нибудь левой рукой: отрезать ветчины, взять ножницы, кинуть мячик – и порки не миновать.

Порка. Трепка. Взбучка.

Забавно... Сколько лет я не произносила этих слов. Но стоит их вспомнить – уже взрослой, – и в памяти встает Козлиный Рай, и возвращаются все слова, которые я пыталась выбросить из своего словаря. Я не стыдилась бедности. Я стыдилась невежества, которое меня окружало. Невежества, которое гордилось собой и всякого, пытавшегося учиться или вести себя по-другому, объявляло выскочкой.

Я к тому веду, что есть теория, по которой левши больше склонны к искусству, а правши – к аналитическому мышлению. А я, хоть и казалась правшой, на самом деле свободно пользовалась обеими руками, особенно в детстве. И с мышлением у меня было так же. Были спонтанность, интуиция, помогавшая создавать хорошие картины, но и с логическим мышлением было неплохо. С математикой, с логическими задачами.

А теперь это ушло. Числа больше не держатся у меня в голове.

Понимаю: кажется, не так уж это страшно, но попробуйте представить, что вы всю жизнь что-то умели и вдруг разучились. Это и к телу относится, но с головой особенно страшно. По-моему, это оттого, что мы уверены, будто всегда остаемся внутренне тем же человеком, что бы ни случилось с нашим телом. Может, с вами происходит что-то обычное вроде старения. Может, вам уже сорок, а в голове вечные пятнадцать. Человек таков, каков он внутри. Но когда он внутри начинает меняться...

Сегодня я не сумела бы сосчитать сдачу с самого простого счета, не говоря уж о чаевых. Раньше я могла рассуждать последовательно, пройти всю дорогу из пункта А в пункт Б, а теперь мой мозг сразу выдает заключение, и я понятия не имею, логическое оно или нет. Я просто чувствую, что так правильно. Это было бы хорошо для рисования – если

бы я, скажем, могла удержать в пальцах карандаш, – но не так удобно в обыденной жизни. И еще эти провалы в памяти. Самый большой – черная дыра, которая зияет на месте полутора недель перед несчастным случаем. Ничего не могу вспомнить из того времени. До того – сколько угодно. И само столкновение. Но в промежутке – ничего.

Несчастный случай. Господи, до сих пор не могу о нем думать, и не потому, что не желаю признавать происшедшего. Просто... больно вспоминать. Все во мне сжимается; воспоминание такое яркое, будто это прямо сейчас происходит. Совсем не блекнет. Если на то пошло, даже становится ярче. С каждым разом действует все сильнее.

Слепящий свет, приковавший меня к месту. Мгновение, когда я понимаю, что железное чудовище сейчас сомнет меня.

Врывающийся в уши рев – пласты грохота, которые наваливаются друг на друга и смешиваются в оглушительную какофонию.

И хуже всего – удар. Влажный удар, когда машина врезалась в мое тело. Треск костей за миг до того, как меня подбросило в воздух. И боль, такая боль, какой и вообразить нельзя, если вы сами через это не прошли.

В момент удара у меня перед глазами не промелькнула вся жизнь. Наоборот, мозг словно замкнуло накоротко. Все воспоминания, составлявшие меня, будто рассыпались, как на скринсейвере в компьютере Кристи, где картинка разлетается на угловатые кусочки, только у меня получились сотни тысяч картинок из моей жизни, перемешанные как попало.

А потом был миг, когда все это исчезло. Когда я стояла над собой и видела свое неестественно распластанное тело и лужу крови, натекающей под ним. А может, и не стояла. Может, я выдумала это воспоминание, чтобы освободиться от боли. Потому что, подняв глаза от Сломанной Девочки, которой стала, я увидела Цинка, уличного мальчонку, который жил одно время в пустующей квартире вместе с моими знакомыми – Люцием и Урсулой, уличными артистами. И Цинк стоял посреди улицы, разглядывая меня, хотя я прекрасно знала, что он умер в 1989 году. И он говорил со мной, только я не понимала слов, хотя видела, как двигаются его губы, и по губам угадывала свое имя.

Я чувствовала, что он зовет меня к себе. Что он ждет меня. Но я не могла. Я *хотела* с ним пойти, но только время в тот миг вдруг застыло и приковало меня к месту.

Потом он покачал головой и стал отходить. Я смотрела, как он дошел до угла. В том квартале фонари не горели, но поперечная улица освещалась ярко. Один раз Цинк обернулся: маленький темный силуэт на фоне сияния. Потом снова отвернулся и шагнул в свет. И вот что самое странное: когда он шагнул в свет, из всех переулков с обеих сторон квартала выкатились велосипеды – выкатились из темноты, крившейся в переулках, и провожали его, тоже исчезая в этом свете.

Я смотрела им вслед с чувством огромной потери. Это чувство разрасталось во мне, а потом я оглянулась и рухнула обратно в свое тело...

Следующее отчетливое воспоминание о Мире Как Он Есть – в противоположность стране снов, где я бродила, пока лежала в коме, – я просыпаюсь в палате реанимации и надо мной склоняется лицо Софи.

Все это не так уж странно, учитывая полученную мной травму, а вот другие, маленькие провалы пугают меня сильнее. Понимаете, мало того, что мой разум должен проложить в мозгу новые каналы связи, так еще приходится обходить эти маленькие черные дыры.

Я не сразу обратила на них внимание. В те первые дни я незаметно переходила от забытья к бодрствованию. Была такой слабой, что могла заснуть посреди разговора с посетителем. Где уж тут что-то заметить.

Но теперь, в реабилитации, я лучше осознаю, что происходит. Понятно, я все еще разбита, и приходится учиться жить с болью и беспомощностью. Это надолго, так что надо привыкать. Но теперь я уже не забываюсь каждые несколько секунд, так что черные дыры, терявшиеся в неразберихе снов и обмороков, стали заметнее.

Они не похожи на те ящички, в которые я научилась запихивать плохие воспоминания времен детства и уличной жизни. Ящички скрывают воспоминания, но я всегда знаю, что в

них лежит. И я могу их открыть, если захочу. Если нападёт припадок мазохизма. Или если это будет нужно, чтобы помочь кому-то. А эти дыры – просто дыры. Там ничего нет, ничего не прячется, нечего открывать. Из моей памяти вырезаны кусочки, и мне их не вернуть.

Я никому в этом не признаюсь и не могу объяснить почему. Разве только из-за того, что мое беспомощное тело постоянно ворочают и осматривают, и мне не хочется, чтобы лезли еще и в голову. Меня уже столько осматривали в больнице: нейрохирург, просто хирург, физиотерапевт, специалист по трудотерапии, по респираторной терапии, по рекреационной терапии... И у каждого свои рецепты и методики.

И здесь почти то же самое: сиделки, сестры, терапевты, консультанты, психологи, священник, интересующийся, не скучно ли мне... Непрерывно кто-то меня осматривает, переворачивает среди ночи, дает таблетки, спрашивает, как дела.

Не подумайте, что я не благодарна за помощь. Мне хочется отсюда выйти, а самой не справиться. Просто давайте сначала наладим тело, а потом уж займемся головой. Думаю, я проживу и без логики, и без математики, и, может быть, даже с черными дырами в голове, лишь бы врачи не копались в содержимом моих мозгов так же дотошно, как разбираются с телом.

Но Джо сказал, что прежде всего надо навести порядок у меня внутри, а потом уже браться за починку Сломанной Девочки, так что я теперь в полной растерянности. И без того было трудно решить, как справиться с детскими травмами тридцатилетней давности. Если, заперев их в коробочки, я ничего не добьюсь, то уж не знаю, что и делать. А теперь еще это...

Остается, пожалуй, только надеяться, что Джо найдет способ меня вытащить.

Джо

Манидо-аки, 1999

Потребовалось время, чтобы разыскать *манидо-тевин* Кода – ту красную скалистую гору, где живет его сердце. Тут мало растительности: только нижние каньоны и северные склоны поросли горным можжевельником и кедровником, а южные – елями и гибкими желтыми соснами. Пожалуй, эта высокая одинокая вершина могла бы кое-что рассказать о пустоте в жизни Коди, вернее, о пустоте, царившей там до тех пор, пока ее не заполнила, если верить Джеку Вертопраху, сестричка-ворона.

Я попытался вообразить, как это могло случиться: как-никак, Коди есть Коди – сплошные желчь и уксус, – а потом решил, что это не важно. Главное, что они со своей дамой из врановых – друзья и любовники и живут не только друг с другом, но и друг для друга. Понятия не имею, как им это удастся, но что удастся – знаю. Потому что они здесь не живут. По правде сказать, я никого не вижу. Ни птиц, ни даже грифа-индейки. Глядя с опушки леса на голую вершину, я угадываю, что Коди давно здесь не было. Все выглядит заброшенным. Оно и понятно: долгое одиночество Коди утонуло в его новообретенном счастье, и ему теперь ни к чему прятаться здесь. Пустынные склоны больше не отражают состояния его сердца.

Я задумываюсь, обзаведется ли Коди новым *манидо-тевин* или старый понемногу изменится, приспособившись к переменам в его жизни. Никаких твердых и жестких правил тут нет. Таков уж наш мир духов. Твердых и жестких законов здесь не бывает. Стоит вам решить, будто вы уже все поняли и разобрались, как оно действует, тут же оно и изменится. Потому-то некоторые и называют эти края Изменчивой страной.

Я покидаю опушку и начинаю подниматься по склону, огибая сосны и заросли сухой травы. Пересекаю осыпь и вхожу в устье каньона. Склон здесь круче, но, покрутившись немного, я натываюсь на серпантин, который выводит меня к вершине.

Она не такая плоская, как казалось снизу. Куда ни глянь – груды каменных обломков, иные величиной с легковой автомобиль. Растет здесь и несколько сосенок с колючими

шишками: корявых, прижавшихся к земле, что есть мочи вцепившихся в скудную почву в расщелинах скалы. В Неваде и Калифорнии я видел деревья этой породы, которым было по четыре тысячи лет, но мягкое пение здешних говорит мне, что они еще старше.

Я выхожу на дальний край вершины, и у меня захватывает дух. Насколько видит глаз, протянулись каньоны, если только «каньоны» – подходящее для них слово. Скорее они напоминают огромный амфитеатр, врезанный в отвесный склон плато, чей дальний конец теряется в тенях заката. Ветер и вода, замерзающая и тающая в трещинах камня, создали волшебный мир разбросанных здесь и там шпилей и башен, и мне вспоминаются красные скалы в штате Юта – их там называют «шаманами» или «гоблинами».

Я стою над обрывом, упиваясь видом, пока не уходит солнце, а потом поворачиваю назад. Я ищу ключ и нахожу его за порослью корявых сосен. Когда спускаются сумерки и в прудике отражается луна, я узнаю картинку с карты Касси, однако Нокомис нигде не видно. А все-таки кто-то недавно ночевал здесь. Я бы сказал, что следы оставил Коди, пока его не подцепила девушка, если бы они не были совсем свежими. Постель – наломанные в лесу ветви можжевельника и сосен – и кострище. Под выступом скалы сложена небольшая поленница дров.

Из этих дров я складываю костерок и достаю из рюкзака жестяной чайник. Набираю ключевой воды и ставлю чайник на камни, которыми обложил костер. Когда вода начинает бурлить, подсыпаю молотого кофе, перемешиваю прутиком и оставляю хорошенько настояться. Ручку придерживаю рукавом, пока она не остывает на ночном воздухе. Здесь становится прохладно, не то чтобы по-настоящему холодно, но одеяло для ночлега пригодится – и говорить нечего.

Забавно – есть мне совсем не хочется. Я весь день провел в движении и должен бы нагулять аппетит, но сейчас мне ничего не нужно, кроме кофе и сигареты. И окружившей меня тишины. После долгой спешки, в которой я пребывал с начала своих поисков, мне нужна передышка – время обдумать, что делать дальше. Наверное, напрасно я надеялся найти здесь Нокомис, но в том-то и беда с картами Касси. Может, лучше ими совсем не пользоваться. Стоит истолковать определенным образом то или иное изображение, как забываешь о других возможностях.

Не то чтобы я винил Касси или ее карты. Мог бы и не просить ее раскинуть их для меня. Но состояние Джилли меня очень тревожит, и я совершаю те же ошибки, что и всякий, кто ищет скорого решения задачи. Только в жизни так не выходит – ни здесь, в *манидо-аки*, ни во внешнем мире. Я давным-давно это знаю, но постоянно забываю об этом, как и о том, что если осложнение возможно, оно обязательно возникнет.

Чем, вероятно, и объясняется появление гостя.

Давно стемнело, и я берусь за вторую чашку, когда слышу шаги. Мелкие камешки скрипят под сапогами. Сперва я решаю, что вернулся Коди, и надеюсь только, что он в самом деле проникся симпатией к врановым, но беспокоюсь я напрасно. Первым делом я узнаю сияние души своего посетителя, а потом уж различаю долговязую фигуру и лицо. Всего-навсего Джек Вертопрах. Он улыбается мне, подходя к костру, и лунный свет отражается в его глазах, а пальцами он касается широких полей шляпы.

– Ты что, гоняешься за мной? – спрашиваю я.

– Если бы и гонялся, – отвечает он, – ты не слишком старался скрыть свой след.

Запасной кружки у меня нет, так что я протягиваю ему свою – еще почти полную. Джек улыбается и с удовольствием делает глоток.

– Ты всегда умел варить кофе, – говорит он. – А подымить ничего нет?

Никто из моих знакомых не курит столько, сколько Джек, но с собой курево он никогда не таскает.

– Что стряслось? – спрашиваю я, протягивая ему кисет. – Твоя пума нашла себе кого получше?

– Лучше не бывает, – уверяет Джек.

Самоуверенность у нас, псовых, в генах. Мы неизменно верим, что все в мире выйдет

по-нашему, как бы нас ни прижало. Взгляните на Коди, и поймете, что я имею в виду. Он король оправданий. Вы не поверите, с каким треском проваливались дела из-за него, а все он не виноват. У меня, с моей половиной вороньей крови, дело должно было бы обстоять вдвое хуже – если вам кажется, что псы слишком самоуверенны, проведите часок с кем-нибудь из моих чернокрылых родичей, – но у меня еще есть Касси, которая не дает мне зарываться.

Джек прикуривает выигранной у Кода зажигалкой «Зиппо» и возвращает мне кисет.

– Так что же ты ее оставил? – спрашиваю я.

– Да я до нее и не добрался.

Я поднимаю бровь.

– Как разобрался, что у нас творится, – поясняет он, – сразу понял, что на ухаживания времени не остается, как бы хороша ни была девчонка. – В его голосе улыбка, но у Джека такой уж голос – в нем всегда улыбка, что бы ни случилось.

– А что творится? – спрашиваю я.

– Тот единорог, которого мы похоронили, – он ведь был не первый. Судя по тому, что я слышал у Харли, он уже двенадцатый, если не тринадцатый.

Я киваю, показывая, что слушаю.

– Ты знаешь, что это значит, – говорит Джек.

– Они повадились убивать...

– Вот именно.

Он смотрит в ночь, выдувает в темноту клуб дыма.

– И думаю, благодаря этому их кровь волшебна, – прибавляет он, помолчав. – Такие сновидцы искали бы разнообразия, если бы убийство единорога не давало им особых преимуществ.

– Или просто они предпочитают трудную охоту, – говорю я.

Мы оба слышали, что единорога загнать сложнее, чем любую другую дичь. Да еще этот их фокус с исчезновением, когда они ступают на тропу духа. Я и сам неплохо отыскиваю эти тропы, но это умение дается не сразу, и даже когда наостришься это делать, приходится почаще тренироваться, чтоб не потерять хватки. Большинству просто не хватает времени.

Но Джек качает головой:

– Нет, не так все просто. Ты же знаешь этих сновидцев. Дай им лишь попробовать зелья, и они черпают в нем только силу, а о духе и не вспомнят. Кровь единорога дает им силу. Силу и бесстрашие.

Я вспоминаю глаза волчицы и киваю. Она только потому не бросилась на нас, что видела впервые. Хватило ума сначала изучить незнакомцев.

– Вот такие у нас дела, – говорит Джек.

Я выжидаю, но он молчит, и тогда я спрашиваю:

– А мы тут при чем?

– Не ты ли вечно призывал быть ответственным? – удивляется он.

– И что ты предлагаешь? – возражаю я. – Стеречь единорогов и защищать их?

– Нет, просто убить тех волчиц.

– Убить...

Один из моих недостатков – по крайней мере, с точки зрения прочих псовых – в том, что я всегда предпочитаю избегать столь кардинальных решений. Я умею быть жестким, если приходится, только, на мой взгляд, насилие никогда ничего не решает. Убив кого-то, ты, может быть, и справишься с одной проблемой, но будешь тащить на себе груз убийства до конца твоих дней. Еще несколько убийств, и в тебе не остается места для роста души. Жизнь становится тяжким бременем, и ты кое-как ползешь по ней.

– Они порочат имя псов, Джо.

Но дело не в том. Я по глазам его вижу: похороненный нами единорог оставил шрам на сердце Джека. Я понимаю, что он чувствует, и отвечаю ему медленным кивком. Стоит вспомнить тот раз, когда я видел живого...

– Да, – говорю я рассеянно, – надо нам их остановить.

– Что-то я тебя не понимаю, – говорит Джек. – Ты же у нас поборник справедливости. Как увидишь зло, тут же бросаешься его искоренять. А теперь...

– Мысли у меня не тем заняты.

– Все думаешь о своей сестре?

Я киваю:

– Из головы не идет с тех пор, как ее сбила машина. И никто не может ей помочь, кроме разве что Нокомис.

– И то вряд ли, – вставляет новый голос. Первая мысль – вернулся Коди. Но тут Джек его окликает по имени, и я узнаю Нанабозхо, остановившегося на краю освещенного круга. Он койот, как и Коди, так что перепутать нетрудно, только Бо пониже ростом и глаза у него разные: один карий, другой – цвета голубоватой стали. Меня сбило с толку то, как он появился, незаметно для нас с Джеком, но я быстро соображаю, что этот *манидо-тевин* будит эхо в сердцах многих койотов.

Так оно и бывает с домами сердец. Вы всегда можете оказаться в своем доме, где бы ни были. Как пальцами щелкнуть. Наверно, потому и следы такие свежие, что Бо здесь ночевал.

– Что ты такое говоришь? – удивляется Джек.

Бо подходит и садится у костра.

– Я виделся с Джоленой, – объясняет он, – и она сказала, что Джо просил присмотреть за его подружкой.

– За Джилли, – вставляю я.

Он кивает:

– Славная девочка. Я захожу составить ей компанию, когда бываю в том углу Большого леса. Она мне и сказала, что Старуха уже навещала ее.

– Они говорили?

– Не словами, – отвечает мне Бо, – и Джилли ничего не поняла. Зато я понял. Она была Белой Бизонихой, Джо, а тебе известно, что это значит. Она вернулась на тропу бизонов, и никто из нас в ближайшее время ее не увидит.

– Но...

– Ты замечаешь, что происходит с внешним миром? – перебивает Бо. – Там все идет к чертям, разве не видно? И ты надеешься, что она станет беспокоиться об одной раненой девочке, когда ее мучит боль целого мира? Вернее даже, агония. Мир уминает, Джо, и уже не так медленно, как верно. Лавина стронулась, и ее не остановить. Думается, Старуха посмотрела на твою Джилли и решила, что там нет ничего такого, с чем девочка сама не смогла бы справиться.

Этого я и боялся. Нокомис все дальше и дальше уходит от забот отдельного человека, и причины тому ясно описал Бо. Когда целый мир в беде, собьешься с ног, разбираясь с каждым по отдельности.

Пожалуй, отыскать ее мне не по силам, да и взялся я за это, приходится признать, скорее для того, чтобы не пришлось заставлять Джилли делать то, что должно быть сделано. Самой отыскать в себе больное место и самой разобраться с тем, что ждет ее. Друзья могут стоять рядом, держать ее за руку, предлагать поддержку, но никто не сделает этого за нее.

– Чем она так важна-то? – спрашивает Бо.

– Она – друг, – отвечаю я. Это должно бы все объяснить, и объясняет, только...

– Понятно, – говорит Бо, – но там еще что-то происходит. В ней такой свет, какого я никогда раньше не видал.

– Не знаю, – отзываюсь я. – Но это что-то значит. Она не зря пришла в мир.

– Никто не приходит зря, – говорит Джек, и в кои-то веки в его голосе не слышно улыбки.

Я киваю:

– Просто мне этот свет говорит, что она может изменить что-то для стольких людей, скольких ни тебе, ни мне не коснуться.

– Ты бы сам на нее посмотрел, – говорит Бо Джеку, – тогда бы понял.

Джек переводит взгляд с него на меня. Я пытаюсь объяснить:

– Она как... как...

Мне не найти слов. Я отвожу взгляд от огня и в тот миг, пока не включилось ночное зрение, вижу одну только тьму. Потом одна за другой появляются звезды. Луна такая большая и яркая, что цвет у нее почти белый.

– Она как те единороги, – наконец говорю я Джеку. – В ней огонь, рядом с которым хорошо даже просто стоять. Он согревает душу.

Мы молчим. Бо наливает себе моего кофе, берет моего табачку из кисета и свертывает для всех по самокрутке, а Джек дает нам прикурить от своей «Зиппо».

– Это не Кода ли зажигалочка? – спрашивает Бо.

Джек кивает:

– Выиграл в карты... – Он задумчиво косится на Бо. – Кстати, о Коди: разве это не его *манидо-тевин*?

– Был, – отзывается Бо. – Теперь он в другом месте – сплошное сияние солнца и цветы. Представь себе пустыню, где все кактусы вечно в цвету, а под ногами ковер золотистых маков и розовых кошачьих лапок.

Я улыбаюсь:

– Так он в самом деле влюблен?

Бо кивает.

– А как насчет тебя? – любопытствует Джек.

– Насчет меня? – повторяет Бо.

У него такой вид, что сразу ясно: он ушел в себя, оглядывается в далекое прошлое, которое, может быть, и не хочется вспоминать, но невольно вспоминаешь, задеваешь снова и снова, как незажившую ранку. Каждый раз сковыриваешь струп и не даешь ей затянуться.

Бо вздыхает:

– Мне сейчас как раз и нужно такое одинокое место. Я, надо полагать, в чем-то похож на Старуху. Чем больше выхожу во внешний мир, тем мне больнее. Только здесь и отдыхаю.

Джек поворачивается ко мне:

– Видишь, о чем я говорю? Вот почему мы должны остановить тех волчиц. Мало, что ли, того, что они творят с собой и своим миром? Может, там мы и не можем им помешать, но здесь сумеем.

– Закреть для них двери сна, – задумываюсь я – так, чтобы они никогда не смогли вернуться.

Что я умею, так это открывать и закрывать двери духа. Должно быть, сказывается воронья кровь.

Джек качает головой. Следовало ожидать. Он ведь уже сказал, что считает нужным сделать.

– Нет, – говорит он. – С такими, как они, этого недостаточно. Надо с ними покончить.

– Бешеную собаку, – добавляет Бо, – нельзя оставлять в живых.

Я снова вспоминаю убитого единорога, темное пламя в глазах волков, терзающих труп, упивающихся горячей кровью.

– Наверно, ты прав, – неохотно признаю я. – Та волчица, что водит стаю, сильна. Закрой перед ней двери, и она найдет другие. – Мой взгляд упирается в лицо Джеку. – Но как нам их найти? *Манидо-аки* – огромный древний мир. В нем можно искать их до конца наших дней.

Джек снова качает головой.

– Нам их искать не придется, – говорит он. – Они сами нас найдут. Я видел по их глазам, когда мы отогнали их от добычи: прежде они не ведали о нашем существовании, но теперь, бьюсь об заклад, станут искать нас, чтобы попробовать, сладкая ли у нас кровь.

Человеческое лицо Бо, отхлебывавшего кофе из моей кружки, сменяется хищной усмешкой койота.

– И тогда мы с ними покончим, – говорит он. Я все думаю о тех волчицах. Было в них

что-то беспокоящее, что-то знакомое, но я никак не соображу что. Знаю только, что старый трюизм снова подтверждается: если осложнение возможно, оно возникнет.

Все же я медленно склоняю голову, соглашаясь.

– Тогда мы с ними покончим, – повторяю я. Надеюсь только, что мы не повторяем вечную ошибку Коди, который делает то, что ему кажется правильным, а на самом деле только заваривает кашу еще круче и солонее.

Джилли

Ньюфорт, май 1999-го

Софи сама не знала, почему, стоило зайти разговору о стране снов, на нее нападало желание все отрицать. Ведь в глубине души она не сомневалась в ее существовании. Просто говорить об этом вслух было невозможно.

Иногда она задумывалась, не кроется ли тут обычный эгоизм: стремление сохранить что-то особенное только для себя. Самой остаться *особенной*. Хотя она знала – ничего особенного в ней нет. Страна снов открыта и для других – и для многих в большей степени, чем для нее. Стоило вспомнить хотя бы Джо, переходящего из мира в мир с такой же легкостью, с какой другие переходят улицу.

Но ее преследовало ощущение, что, признав открыто реальность своих снов, она рискует потерять их.

Ужасно трудно было с этим примириться. Она считала себя человеком щедрым, особенно с Венди и Джилли, и искренне полагала, что готова поделиться с ними чем угодно, тем более разделить радость жизни в Мабоне. Но едва заходил разговор о том, существует ли тот, другой мир, как что-то в ней замыкалось и с губ само собой срывалось отрицание.

Рациональная половина мозга Венди охотно соглашалась с этими отрицаниями: разумеется, мир – то, что мы видим, не больше и не меньше, а все прочее – сны да иллюзии. Но Софи видела, как бесилась иной раз Джилли. Может, даже обижалась, хотя ни разу не сказала об этом. Впрочем, Джилли редко говорила о том, что ее в самом деле заботило, будь то старые обиды или новые, так что ее молчание ничего не значило.

«Отличный пример тому – несчастный случай, уложивший ее в больницу, а также гибель сказочных картин», – размышляла Софи, входя в отделение реабилитации и приближаясь к палате Джилли. Часы посещения заканчивались, и в здание уже прокралась ночная тишина. Шаги гулко отдавались по мраморному полу, а из двери соседа Джилли, практикующего буддиста, тянуло ароматом восточных благовоний. Войдя в палату, Софи увидела, что подруга спит или, по крайней мере, лежит с закрытыми глазами. Она задержалась в дверях, вспомнив то странное ощущение опрокинувшегося мира, которое посетило ее при виде Джилли, выходящей из парадного собственного дома. Конечно, этого не могло быть. То была не Джилли.

– Ты входить собираешься?

Софи моргнула, встретив взгляд подруги. Чуть кривоватая улыбка тронула губы Джилли. Паралич лицевого нерва почти прошел, и говорила Джилли теперь так же внятно, как прежде. Если бы и остальное было так же хорошо!

– Я думала, ты спишь, – отозвалась Софи.

Джилли качнула головой:

– Просто отдыхала. День был беспокойный.

Софи вошла и присела на край кровати. Зная расписание процедур и упражнений, она не сочла последнее заявление Джилли преувеличением.

– Я боялась застать у тебя толпу гостей, – сказала она.

– Понемножку рассосалась, – ответила Джилли, – и я даже отчасти рада. Хочу сказать, приятно, что о тебе заботятся и все такое, только вот это сломанное тело, что лежит на кровати, очень мешает нормальному общению с людьми.

– Смотрят на тебя и стараются не видеть...
– Вот именно. Притом люди, от которых уж никак не ожидала. Например, Изабель. Каждый раз как упрется взглядом мне в лицо, так и не отводит его.

– Наверное, некоторым просто неловко.
– Наверное... Но довольно о трудностях и испытаниях, выпавших на долю прикованной к кровати героини. Ты зачем вернулась?

Софи уже побывала у нее утром.

– Хотела кое-что с тобой обсудить, – сказала она.

Джилли нарочито тяжело вздохнула:

– О-хо-хо!

– Ничего серьезного, – начала Софи и тут же поправилась: – Ну, разве что немножко.

– Я тут ни при чем! Меня там и не было. Я даже не знаю того типа, который заявляет, что это моя работа!

Софи не удержалась от смеха:

– Ты ведь еще даже не знаешь, о чем я хотела поговорить.

– Понятно. Но оправдаться на всякий случай не помешает.

– Не в чем тебе оправдываться.

– Какое облегчение!

Софи покачала головой и испытующе взглянула на подругу. Приятно было видеть, как Джилли дурачится по-старому. За несколько недель Софи успела соскучиться по ее шуточкам. Еще приятнее, что веселье казалось ненаигранным. Все как в старые времена, разве только Джилли следовало бы скакать по комнате или сидеть, перекинув ноги через ручку кресла и болтать пятками с непринужденностью ленивой кошечки.

– Я про страну снов, – заговорила Софи. – Ты последнее время мало о ней рассказываешь.

– Ах, про страну снов... – протянула Джилли.

В ее глазах промелькнула настороженность, и Софи стало неуютно от мысли, что между ними впервые появились секреты.

– Чудесное место, – продолжала Джилли, – хотя его, конечно, не существует.

Неприятное чувство в груди переросло в ощущение, что острый нож подбирается прямо к сердцу.

– Вероятно, я этого заслуживаю, – сказала Софи.

Джилли недоуменно сдвинула брови, потом улыбнулась:

– А, понимаю. Ты думаешь, я это говорю в отместку за твое вечное неверие?

– А разве нет?

– Ну, может, немножко.

Взгляд Джилли сместился за плечо Софи, словно она разглядывала что-то сквозь стену палаты.

– Странное дело, – продолжала она, – чем больше времени я там провожу, тем меньше мне хочется об этом рассказывать. Тем более рассуждать о том, как сны связаны с Миром Как Он Есть и сколько в них правды.

– Потому что кажется, если об этом заговоришь, можешь их лишиться?

Джилли не скрыла удивления:

– Что-то в этом роде. Как ты... – Она сбилась и тут же ухмыльнулась. – У тебя такое же чувство, да? Вот почему ты всегда так говорила – или, вернее, не говорила...

Софи нехотя кивнула. Даже легкий кивок казался слишком большим откровением. Она ощутила привычную тяжесть в груди, но под ней – другое, незнакомое чувство. Словно она подошла к двери запертой комнаты и вдруг оказалось, что дверь открывается от легкого прикосновения и за ней лежит свобода. Софи перевела дыхание, успокаивая себя.

– Я не могу объяснить, – сказала она Джилли.

– Думаю, и не надо объяснять, – ответила та. – По крайней мере, мне, потому что я и так понимаю.

– Как ты думаешь, почему это так?

Джилли медленно покачала головой, и Софи невольно засмотрелась, радуясь, что к Джилли возвращается хоть небольшая свобода движения.

– Кто знает, – сказала Джилли, – может, та страна сама так защищает себя. Пожалуй, если бы слишком многие поверили в страну снов и поняли, как можно ее преобразовать, в мире снов воцарился бы невообразимый хаос.

– Зачастую там и так хаос.

Джилли улыбнулась:

– Так говорит Джо, когда он в настроении учительствовать. А может, есть и другая причина, почему мы не хотим верить в страну снов. Может быть, это защитный механизм нашего собственного мозга. Знаешь, все старые сказки говорят, что из волшебной страны возвращаешься либо поэтом, либо безумцем. Думаю, наш мозг просто боится сойти с ума.

– Разве что левое полушарие.

– Понятное дело.

– Тогда, значит, Венди там уже побывала, – заключила Софи.

– Может, и побывала – сны ведь не всегда запоминаются. Джо говорит, там каждый бывает, когда спит и видит сны, но большинство считает это просто забавами мозга, развлекающего спящее сознание.

– Очень похоже на Джо.

Джилли улыбнулась:

– Цитирую близко к тексту.

Софи вздохнула:

– Все равно это не объясняет, почему нам так трудно признать подлинным то, что пережито там. Просто взять и сказать, что страна снов... – Она поймала себя на том, что ей все еще трудно выговорить это, и сделала над собой усилие: – Ну, ты знаешь. Существует. И почему мы не можем найти там друг друга.

– А ты как думаешь почему? – спросила Джилли. – Только не говори, мол, потому, что мы видим разные сны, а то я тебя стукну. Когда смогу, конечно.

У Софи сердце разрывалось от боли за подругу. Она и представить не могла, как умудряется переносить такое непоседа Джилли.

– Я правда не знаю, – сказала она, играя уголком простыни, а потом подняла взгляд к лицу Джилли. – От меня, знаешь ли, ждут, что я там за тобой присмотрю.

– Венди?

Софи кивнула:

– Наша поэтесса за тебя беспокоится. Боится, как бы ты не ушла в страну снов навсегда.

Джилли смотрела мимо нее, в окно. Взгляд стал далеким и отстраненным.

– Ушла бы, если б могла, – тихо проговорила она.

– Что?

– Не во сне... – Джилли снова смотрела в лицо подруге. – А как уходит Джо. Пересекая границу в собственном теле – во плоти. Если бы я могла по-настоящему уйти, то не знаю, вернулась бы назад.

– Но... почему? Разве ты здесь несчастна? Или ради волшебства?

Джилли вечно твердила, как ей хочется приобщиться к волшебству. Жить внутри сказки, а не смотреть на нее снаружи. Знать, что происходит с волшебными созданиями, когда сказка кончается, – если она когда-нибудь кончается. И *каково* быть частью того мира.

– И то и другое понемножку, – ответила Джилли. – Хотя нет. Это не совсем правда, потому что я в общем-то совсем не несчастна. То есть не была несчастной до того, как сюда попала. Последнее время даже улыбка кажется чем-то вроде подвига.

Софи понимающе кивнула:

– Просто у меня всегда было такое чувство, будто там, на той стороне, меня что-то ждет. Не в Мире Как Он Есть, а в стране снов. Что в волшебной стране для меня есть место,

и однажды я окажусь там, если заслужу, или дождусь, или добьюсь. Или... – она слабо улыбнулась, – там мой дом, настоящий дом. Иногда мне так хочется туда, что даже больно становится.

Софи долго смотрела на нее.

– Я... я и не знала, – заговорила она наконец. – Ты никогда ничего такого не говорила.

– А как такое скажешь? – усмехнулась Джилли. – Как можно объяснить это, чтобы тебя не приняли за сумасбродку? – Заметив взгляд Софи, она поправилась: – То есть еще большую сумасбродку, чем меня и без того считают.

– Не думала, что для тебя это важно.

– Пусть не важно. Не слишком важно. Но мысль о доме, который ждет меня где-то в волшебной стране, так дорога мне, что я просто не перенесу, если над ней станут смеяться.

– Я не смеюсь...

– Нет, – согласилась Джилли, – и даже не притворяешься больше, что такого не может быть.

Софи снова почувствовала себя виноватой, но она знала Джилли и понимала, что в ее словах нет упрека.

– Кстати, – продолжала Джилли, – я хотела обменяться с тобой впечатлениями.

Софи догадывалась, о чем пойдет речь, и уже почувствовала знакомую тяжесть в груди и сердцебиение, но твердо решила на сей раз не замыкаться, несмотря ни на что, открыться целиком. Как ни странно, от одного этого решения ей сразу стало легче.

– О чем? – спросила она.

– Ну вот, ты, засыпая, думаешь о переходе, или все получается само собой?

– Я просто закрываю глаза, – сказала Софи, – и я там: обычно на том месте, где была прошлой ночью, когда проснулась. А вот если хочется попасть куда-то еще, надо сосредоточиться, засыпая. А у тебя как?

– Примерно то же самое, хотя наладилось не сразу. Поначалу меня забрасывало куда попало – чаще в Мабон и в Большой лес. Но я хотела спросить – ты можешь заснуть и не переходить туда?

Софи покачала головой:

– По-моему, это от меня не зависит. Выбирать я могу только место, куда хочу попасть, да и то не всегда получается.

– А если бы ты могла прекратить это? Никогда больше не попадать туда? Ты бы перестала?

Софи задумалась о странной второй жизни в стране снов, прежде всего о человеке, который существовал только там, в Мабоне...

– Нет, – сказала она. – Конечно, нет.

– А ты хотела бы выбирать, когда уходить, а когда остаться?... Ты не устаешь вечно бодрствовать?

«Ив самом деле, – подумала Софи, – иногда кажется, будто так и есть. Никогда не спишь. Здесь закроешь глаза, а миг спустя уже открываешь их на той стороне».

– Это не совсем так, – сказала она. – А ты устаешь?

Джилли помотала головой:

– Но ведь я и раньше не много спала.

И верно. До несчастного случая Софи иногда казалось, будто подруга вовсе никогда не спит.

– Пожалуй, я просто не могу понять, – сказала Джилли, – как мы обходимся без сна. Считается, что сон необходим для здоровья.

– И сновидения, – добавила Софи. – Мы ведь и снов не видим, раз то, что с нами происходит во сне, так же реально, как здесь. – Она усмехнулась. – А может, мы, наоборот, суперздоровы, раз наши сны такие реальные?

– О да! – Взгляд Джилли скользнул по укрытому простыней бессильному телу.

– Я не о том.

– Понимаю.

– Я как-то думала обратиться в клинику сна, – призналась Софи, – предложить им записать мозговые волны или чем они там занимаются, пока я... нахожусь в стране снов.

– Помню, ты говорила. Но ведь так и не пошла?

Софи покачала головой:

– Я струсилa. А если они обнаружат, что со мной что-то не так? Или все мне объяснят, и я, поняв физиологию, узнав, как это получается, потеряю эту способность?

– Ты боялась из-за Джэка.

– Я понимаю, прискорбно, когда любовь у тебя только в стране снов, но это лучше, чем вовсе без любви.

– Я тоже чуть не закрутила там любовь, – сказала Джилли. – Точнее, могла бы до вчерашнего дня.

Она поведала о своем последнем приключении с Тоби в поисках волшебных веточек.

– Имей в виду, для меня он ничего не значит в том смысле, – добавила она под конец.

Софи ничего не ответила, и обе замолчали. Софи понятия не имела, куда увели Джилли ее размышления, но сама она думала о последних словах подруги о том, что Тоби Чилдерс на самом деле для нее ничего не значит. По большому счету для Джилли никто ничего не значил *в том смысле*, кроме Джорди, да и то Софи часто приходило в голову, что чувство Джилли к нему оказалось таким прочным только потому, что было невостребованным. А настоящей близости у Джилли ни с кем не получалось, и она давно уже не пыталась ее найти. Наследство старых ран, полученных в детстве и на улице.

Софи задумалась, намного ли лучше обстоит дело у нее самой. В реальном мире любовь у нее не складывалась, хотя подобных препятствий вроде бы не было. Жизнь без матери, бросившей ребенка, – совсем не то, что непрерывное сексуальное насилие в первые пятнадцать лет жизни.

– Так о чем ты хотела поговорить? – напомнила Джилли.

Софи, глубоко ушедшая в размышления, заморгала от неожиданности.

– Как ты собираешься присматривать за мной в стране снов? – добавила Джилли.

– Отчасти... – начала Софи и тут же умолкла, сообразив, что не знает, что сказать. Тема двойника была уж слишком фантастической, даже при общей фантастичности их беседы.

– И тут она умолкла, – продекламировала Джилли, – и все гадали, к чему обратились ее мысли.

Софи улыбнулась:

– Просто не знаю, как объяснить, чтобы ты не сочла меня совсем уже рехнувшейся.

– Вот видишь! Там становятся если не поэтами, так безумцами! Хватит с тебя страны снов, милая.

– Страна снов ни при чем, – возразила Софи. – Дело в том, что происходит здесь и сейчас, в Мире Как Он Есть.

– Ну рассказывай же!

Если бы не паралич, подумала Софи, Джилли сейчас склонилась бы к ней с азартным блеском в глазах. Глаза, впрочем, и так блестели.

– Мы видели твоего двойника, – сказала Софи. – То есть видела Изабель и видела я. Каждая по разу.

Она стала рассказывать, причем, взяв себя в руки, отказалась от попытки объяснить происшедшее с точки зрения здравого смысла. «Больше никаких тайн между нами, – поклялась она самой себе. – Никаких отрицаний».

– Вы уверены в этом? – спросила Джилли.

– За Изабель не отвечаю – хотя она явно уверена, но я знаю, что видела. Пусть мельком, но ты же меня знаешь.

– Как же, как же, ничто не ускользнет от взгляда нашей Софи.

– Но я также знаю, что тебя там быть не могло, если только... ты ведь не научилась возвращаться из страны снов в том теле, в котором там пребываешь?

– Не думаю, что такое возможно, – ответила Джилли. – То есть тогда я оказалась бы здесь в двух экземплярах, верно? И уж точно *я. не помню*, чтоб заходила на Йор-стрит.

– Чудно.

Джилли чуть наклонила голову:

– И немного страшновато.

Они опять замолчали. Теперь первой заговорила Софи.

– По-моему, я знаю, как нам встретиться в стране снов, – сказала она.

– И как?

– Заснуть вместе. В одной постели, держась за руки.

Глаза Джилли снова загорелись азартом.

– Я играю, – сказала она.

Софи рассмеялась:

– Чтобы ты да отказалась от игры!

– Верно. Один из множества моих талантов. Даже будучи Сломанной Девочкой, я всегда готова участвовать в любой кутерьме.

– Может и не сработать, – предупредила Софи.

– Да брось. Что нам терять?

– Совершенно нечего.

И она улеглась на кровать рядом с Джилли. Они лежали плечом к плечу, и, взяв руку Джилли в свою, Софи ощутила слабое пожатие.

– А ты сможешь заснуть? – спросила Софи. – Я имею в виду, вот так?

– Последнее время у меня это лучше всего получается, – отозвалась Джилли.

Софи хотела поспорить, но передумала и просто закрыла глаза. Она вслушивалась в дыхание Джилли и старалась дышать в такт. Спустя мгновение комната вокруг нее растаяла.

2

Однажды давным-давно...

Наверно, я все-таки не ожидала, что у нас получится. После стольких недель тщетных поисков Софи попытка заснуть вместе казалась – как бы это сказать – слишком очевидным решением. Однако же получилось. Я засыпаю в палате реабилитации, а открываю глаза в стране снов, лежа рядом с Софи на мягком мху. Мы все еще держимся за руки. Поворачиваемся друг к другу лицом, улыбаемся до ушей. Я хохочу, целую ее в нос, вскакиваю на ноги и приплясываю вокруг нее.

– Получилось! – распеваю я. – Полу-лу-полу-лу-получи лося!

Пытаюсь отбить чечетку, но тапочки тонут во мху, и стука не слышно. Ну и пусть. Все равно я не умею танцевать степ. Так что я просто кружусь, как кружилась маленькой девочкой, пока в моей жизни еще не было ничего ужасного, широко раскинув руки и запрокинув голову.

И тут до меня доходит, что Софи так и лежит на земле. И, взглянув на нее, я вижу, что она плачет. Я падаю на колени рядом с ней.

– Что с тобой, Соф? Нам бы полагалось радоваться.

– Просто... ты снова – ты...

Я не сразу понимаю, о чем она говорит. Она садится и трогает пальцами мою щеку. И тогда я догадываюсь. Я так привыкла становиться собой в стране снов, что больше не задумываюсь об этом. Но для Софи, которая последнее время имела дело только со Сломанной Девочкой, это потрясение.

– Ты посмотри на себя, – говорит она. – Точно такая, как в университете, когда мы познакомились.

Я улыбаюсь:

– Когда мы были задаваками-студентками и всё знали.

– Ты никогда не была задавакой.

– Да и ты тоже.

Помнится, Джо как-то говорил мне, что когда с니шься себе в стране снов, то становишься такой, какой себя представляешь, какой себя видишь, – и не обязательно такой, какой ты выглядишь в Море Как Он Есть. Но до сих пор я об этом не задумывалась. Неудивительно, что Тоби за мной ухлестывал, пока я его не разочаровала: он ведь считал меня беззаботной двадцатилетней девчонкой. Да я такая и есть, когда попадаю сюда.

Многие говорят, что в душе чувствуют себя подростками, – сколько бы лет им ни было и какую бы взрослую и ответственную жизнь они ни вели. Но мои подростковые годы заперты в ящичке для дурных воспоминаний вместе с детством, так что ничего удивительного, если я представляю себя вечной студенткой. Тогда я впервые почувствовала, что могу быть кем-то. С собой. Действовать, а не сопротивляться или подчиняться.

Софи тоже выглядит моложе – еще моложе меня. Ей лет восемнадцать, самое большее девятнадцать.

– Ты хоть раз здесь смотрелась в зеркало? – спрашиваю я.

Она улыбается и кивает. Глаза все еще блестят. «Забудь о Сломанной Девочке, – хочется сказать мне. – Пока мы здесь, она ничего не значит». Но говорить теперь незачем. Она уже справилась сама. Наверно, ей нетрудно переключиться на меня такую, с какой она знакома много лет, а не несколько недель, как со Сломанной Девочкой. Хотя она никогда не отводит взгляда, навещая меня.

– Здорово, да? – говорит она. – Если бы загнать этот восторг в бутылку и прихватить с собой, мы бы озолотились.

– Не представляю, как я выгляжу, – вздыхаю я, проводя рукой по волосам. Еще в первый раз попав сюда, я заметила, что здесь у меня длинные волосы, а не щетина, отрастающая на голове Сломанной Девочки. Но потом я не думала об этом.

– Хорошо бы зеркало, – говорю я.

– Замечательно выглядишь, – уверяет меня Софи.

Я вытягиваю вперед руку с растопыренными пальцами. Много недель я не держала в руках кисти, но вся рука в пятнышках краски.

– И в волосах тоже, – сообщает Софи, – как всегда. Должно быть, просто, – она ехидно усмехается, – один из твоих талантов.

– Зато дешевле, чем лак для ногтей!

– И намного колоритнее.

Я смеюсь вместе с ней.

– Обязательно надо захватить сюда и Венди, – говорю я.

Софи кивает:

– Где бы это «здесь» ни было.

Мы встаем и оглядываемся вокруг. Совершенно незнакомое место. Немного напоминает Большой лес, но кажется старше, хотя деревья и не такие громадные. И подлеска больше, а света меньше – сумерки переходят в ночь; воздух пропитан тайной лесных дебрей. Здесь так тихо, что мне слышно наше дыхание, и я начинаю раскаиваться, что поначалу подняла столько шума. Джо не устает повторять, что в стране снов много опасных мест. На первый взгляд это место не кажется особенно опасным. Будто находишься в одном из дальних и древних уголков тайны, где все наполнено звуками. И все же в воздухе висит угроза, и мои танцы с песнями могли привлечь внимание не слишком приятных существ.

– Ты не знаешь, где это мы? – спрашиваю я у Софи.

Она качает головой – не совсем тот ответ, на какой я надеялась.

– Не припомню такого места, – добавляет она. – Наверно, нам прежде, чем заснуть, надо было решить, куда хотим попасть.

Я сама не понимаю, почему мне вдруг стало беспокойно. Сколько раз переходила границу – ничего подобного не испытывала. Но здесь явно что-то не так.

– Может, мы на дальней окраине Большого леса, – говорю я. – Здесь все такое,

знаешь... волшебное. Древнее.

– Немножко похоже на сказочный мир, где я впервые встретила с Джэком, – говорит Софи.

Ее замечание меня не успокаивает. Кроме Джэка, в сказочном мире полным-полно злых духов, дремучих лесов и чудовищ, не говоря уж о непредсказуемой матушке Погоде с ее подружкой – избушкой Бабы-яги, гуляющей на курьих ножках. Если верить рассказам Софи, матушка Погода с равным успехом может тебе помочь или превратить в жабу. По настроению.

– Но ты ведь не думаешь, что мы попали в сказку? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отзывается Софи, – но ты не слишком беспокойся. Вспомни, сколько раз ты мне повторяла, как тебе хочется побывать в сказке. А сказочный мир сплошь из сказок и состоит.

Я не сразу соображаю, что она дразнится.

Теперь мне вспоминаются рассуждения профессора о том, как сказки помогают людям преодолеть свои страхи. К которым, надо полагать, относятся и те ящички дурных воспоминаний, которые я храню у себя в голове, как на полутемном чердаке. Может быть, не так уж плохо очутиться в сказочном мире. Может, мне только и нужно пересказать себя, и не в чужой сказке, а в своей собственной.

– Ты вдруг стала такая серьезная, – говорит Софи. – Ты же понимаешь, что я шучу, да? На самом деле я понятия не имею, где мы.

Я киваю:

– Я как раз думала, что сейчас для меня сказочный мир – не самое плохое место.

Она вопросительно смотрит на меня.

– Помнишь, – объясняю я, – как Джо говорил, что мне сначала надо разобраться со старыми ранами и только тогда я смогу залечить новые?

Софи схватывает на лету:

– Ты про теорию профессора – насчет использования сказок как основы построения морали, способа решения проблем и прочего?

– Можешь предложить более подходящее место для воплощения его теории в жизнь?

– Да что ты? – возражает Софи. – Он же рассуждает метафорически. А подразумевает просто, что чтение сказок помогает выстроить сюжет своей жизни и справиться с собственными проблемами. Ключевое слово здесь «чтение». Он не имел в виду, что нужно буквально попасть в сказку.

– А я все понимаю буквально, – говорю я.

– Буквоедка ты наша.

Мы еще долго могли бы так препираться, если бы одновременно не услышали это. Не знаю, что именно мы услышали, но разом умолкли и затаили дыхание. Вот опять... Кто-то бежит через заросли, и звук шагов то приближается, то замирает. Мне представляется довольно крупный зверек, продирающийся сквозь кусты, перебегающий моховые полянки, где топот лап глохнет в мягком ковре, и снова вламывающийся в путаницу ветвей.

Вдруг совершенно неожиданно перед нами появляется рыжий зверек. Мы успеваем заметить человеческое лицо – вытянутую и заостренную, но явно человеческую мордочку – на лисьем теле, а потом пришелец снова скрывается, и шум его бегства затихает так же быстро, как возник.

Софи трогает меня за локоть. Я оглядываюсь, и мы без слов понимаем друг друга: кто-то гонится за человеком-лисом, а мы оказались между охотником и жертвой.

Первое, что приходит мне в голову, – броситься к ближайшему дереву, вскарабкаться побыстрее и повыше, но Софи уже указывает в чащу деревьев.

Волки.

Их поджарые серые тела еле видны в сумерках леса, но они приближаются длинными прыжками, совершенно беззвучно, хотя каждый в четыре раза больше маленького человека-лиса, которого они преследуют. Я уже насчитала четыре... нет, пять... нет, шесть серых

теней. Они замечают нас позже, чем мы их. Должно быть, ветер дует от них к нам, а мы стоим так тихо, что они видят нас только в последний момент.

Они растягиваются полукругом шагов за двадцать от нас. Поздно лезть на дерево. Мне что-то не хочется поворачиваться к ним спиной в поисках подходящего ствола. Они стянут нас на землю прежде, чем мы доберемся до нижних ветвей, хотя ветки здесь и начинаются гораздо ближе к земле, чем у гигантов Большого леса.

– Может, они не нападут, – одними губами шепчет Софи.

Я киваю, хотя не верю в это, да и она не верит. В этих волках есть что-то особенно кровожадное, и мне не нужно вспоминать ужас на мордочке человека-лисы, чтобы понять: они шутить не станут.

Одна из волчиц отрывается от стаи и, ошетилившись, на прямых лапах приближается к нам. Вожак, думаю я, глядя, как остальные уступают ей дорогу. Мне кажется странным, что вожак – волчица, но когда они подходят ближе, я вижу, что вся стая состоит из самок. Смотрю в глаза волчице, и меня поражает горящая в них дикая ярость. И еще страшнее становится оттого, что в звериных глазах видится человеческий разум. Кто-то, одетый в волчью шкуру, ненавидит меня. Не просто как члена рода человеческого, а именно меня, и я ни черта не понимаю.

– Я... я слышала, волки не нападают на людей, – шепчет мне в ухо Софи, и чувствуется, как у нее перехватило дыхание. Я слышу в ее дрожащем голосе тот же страх, который заполняет и меня. – Разве не об этом нам твердят всякие «зеленые»?

Мне приходится прокашляться, прежде чем заговорить; я не могу оторвать взгляда от волчицы.

– Это не обычные волки, – говорю я.

– Конечно. Это волки страны снов.

– Нет, – говорю я, – ты посмотри на них. У них человеческие глаза.

– Ты думаешь, они из звериного народа – как в сказках Джека? И что это нам дает?

Я почти не слышу ее. Меня заворожила предводительница стаи. В этой волчице что-то знакомое и в то же время пугающее.

– Вот мы и попались, – шепчет Софи.

Я смотрю на нее и тут же опять перевожу взгляд на волчицу.

– А вот и не попались. Ты в своих приключениях в стране снов вечно забываешь самое главное.

– И что же?..

– Мы всегда можем проснуться!

И когда стая подтягивается ближе, вслед за первой волчицей, мы просыпаемся. По крайней мере, Софи.

3

Софи проснулась как от толчка. Сердце в груди бешено колотилось. Долгое страшное мгновение потребовалось ей, чтобы понять: волков больше нет, волки остались в стране снов, а они в безопасности, на кровати Джилли в реабилитации.

– Я и вправду вечно забываю, что можно проснуться, – сказала она, поворачиваясь к подруге.

И осеклась. Джилли лежала рядом с закрытыми глазами. Спала.

– Джилли, – позвала она, заставив срывающийся голос звучать твердо и не слишком громко, чтобы не встревожить медсестру на посту в коридоре.

Она подsunула руку под ближнее к ней плечо – то, что не было парализовано, – и слегка встряхнула.

– Джилли, – повторила она, – проснись! Ответа не было.

Я хотела уйти вместе с Софи, но что-то меня удержало. Волчица... Надо было понять...
 – Ты меня знаешь, да? – спрашиваю я серого зверя с человеческим разумом в глазах. – Знаешь и не слишком любишь.

Волчица не отвечает, да в этом и нет нужды. Ненавидящий взгляд говорит за нее.

«Потрясающе, – думаю я. – В Мире Как Он Есть кто-то ненавидит меня настолько, что погубил все мои волшебные картины, и может быть, тот же человек сбил меня машиной. Может, несчастный случай был вовсе не случаем. А теперь здесь обнаруживается некто в волчьем теле и тоже ненавидит меня».

Пожалуй, мне следовало бы бояться больше, но мной овладело какое-то фатальное безразличие к опасности. Мне просто *надо* понять, кто эти волки и что они имеют против меня. Почему разум в этих глазах кажется таким знакомым. Я *должна* знать.

Но тут волчица бросается на меня, и инстинкт самосохранения наконец берет свое. Я просыпаюсь, и снова в реабилитации, в теле Сломанной Девочки, а Софи склоняется надо мной, тормозит.

– Почему ты не вернулась вместе со мной? – спрашивает она. – Ты же меня до смерти напугала.

Я чуть наклоняю голову – самое большее, на что способна в Мире Как Он Есть.

– Джилли? – окликает Софи.

Я прислушиваюсь.

– Что там было? Что тебя задержало?

– Та волчица, – медленно выговариваю я, – она мне знакома.

Софи смотрит на меня непонимающе.

– Она напоминает мне сестру, – поясняю я. Когда мои губы произносят эти слова, я вдруг понимаю, что сказала правду, хотя до сих пор не осознавала ее. Как будто некая глубинная часть подсознания вытолкнула из меня слова, а мозг только теперь постигает их смысл.

– Сестру? Но ты же с ней не виделась...

Софи смущенно замолкает. Не так уж много людей знают обо мне все. Что я сделала, в чем виновата. Но Софи знает. Думаю, она знает все мои секреты – даже те, о которых я ей не рассказывала. Как-никак, кровь эльфов, пусть даже она и не признает ее. По крайней мере, до нынешней ночи не признавала. Не знаю, как будет дальше, раз уж она решила больше не прятаться от правды.

– Сама не могу понять, – говорю я, – что ей делать в стране снов в теле волчицы?

– А почему ты вообще о ней подумала? – спрашивает Софи.

– Не знаю. Я, собственно, и не думала, но, как видно, что-то во мне подумало за меня. Наверное, где-то внутри я все время о ней думаю.

– Ты сама была ребенком, – говорит Софи. – Ну что ты могла сделать?

– Может быть, и не могла...

Все верно. Я была ребенком. А потом были годы на улице – целая жизнь, спрессованная в несколько коротких лет. И пока я не прошла через всю эту боль и муку, пока не выбралась на другую сторону, я даже подумать не могла о том, что оставила в старом домике на окраине Тисона.

– Зато я вполне могу понять, – говорю я, – что она ненавидела меня все эти годы.

Софи молча смотрит на меня. Видно, как трудно ей смириться с мыслью, что кто-то может меня ненавидеть. Хорошо, когда у тебя есть такая верная подруга. Но она представить себе не может, насколько плохо было в доме, где я провела детство, и ей не понять, почему то, что я оставила там сестру, было самым ужасным поступком в моей жизни.

– Ты знаешь, – добавляю я, – она выглядела точь-в-точь как я в том же возрасте.

– Ты имеешь в виду?..

Я киваю:

– Моя сестра.

Я вижу, как Софи медленно усваивает эту мысль. Не знаю, откуда взялась эта волчица в стране снов, зато это прекрасно объясняет все, происходящее здесь, в Мире Как Он Есть. Сбивший меня автомобиль. Уничтоженные картины. И даже появление двойника.

– Надо сказать Лу... – начинает Софи, но я уже качаю головой.

– На моей совести и так достаточно, – говорю я, – не хочу добавлять ей еще боли.

– Ты ничего плохого ей не сделала.

Я молчу. Все эти рассуждения я уже слышала. От Анжелы, от Венди и Софи, от Джорди. Все звучит очень логично и разумно, но не отменяет того, что я сделала. Ничто не отменяет – и не отменит.

Интервью

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ДЖИЛЛИ КОППЕРКОРН,
ВЗЯТОГО ТОРРЕЙН ДАНБАР-БЕРНС
ДЛЯ «КРОУСИ АРТС-РЕВЬЮ»

В СТУДИИ МИСС КОППЕРКОРН НА ЙОР-СТРИТ в среду, 17 апреля 1991 года

– *Вы о чем-нибудь сожалеете? Изменили бы что-то в своей жизни, будь у вас такая возможность?*

– Пожалуй, нет. Тем, что мы есть, делает нас жизненный опыт, а меня вполне устраивает то, что из меня получилось. Мне жаль, если я кого-то обидела, но я никогда не причиняла зла намеренно – что, конечно, не оправдание, потому что мы все равно в ответе за все, что сделали, даже по недомыслию, – но, по крайней мере, у меня никогда не было намерения кому-то вредить.

– *Можете привести пример?*

– С десяти лет я убегала из дому, потому что жизнь там была не просто невыносимой, но и опасной.

– *Так о чем же тут сожалеть?*

– Я оставила там маленькую сестренку. После побега я несколько лет просто барахталась в грязи. А когда жизнь снова выровнялась, я вернулась, чтобы посмотреть, как ей живется, но они переехали, дом стоял пустой, и негде было узнать новый адрес.

Все эти годы я пыталась выяснить, что с ней случилось, но не сумела. *(Долгая пауза.)* А может, я недостаточно старалась.

Джилли

Ничего нет хуже, как оставить что-то недоделанным. Не важно, сколько лет прошло, – незаконченные дела возвращаются снова и снова, грызут нас и точат, как зубная боль, и на них, как на дрожжах, в наших умах бродит горькое ядовитое зелье: вина и стыд. Они отравляют удовольствие и порождают неудовлетворенность, которая в нашем сознании оторвана от настоящего источника, так что мы виним что-то другое и нагромождаем новые проблемы поверх старых. И в конце концов у нас в головах вырастает куча хлама, в глубине которой – тлеющий уголь, невидимый, но оттого не менее опасный. В любую минуту может полыхнуть пламя, и пожар уничтожит безопасный маленький мирок, в котором мы пытались жить все это время.

И все хорошее в нас останется благими намерениями...

Шоссе к северу от Ньюфорда, июнь 1973-го

Денег у нас так мало, что и говорить не о чем, а старая колымага, которую мы

позаимствовали у Кристи, с виду не способна и одной улицы преодолеть, однако мы добрались сюда – мы с Джорди, и направляемся к Тисону, словно парочка голубков в медовый месяц, хотя мы вовсе не парочка и в конце пути нас ждет что угодно, только не удовольствия.

В этой поездке мы еще продолжаем знакомиться друг с другом. Встретились всего пару месяцев назад – два временных разносчика писем, нанятых почтой, чтобы помочь управиться с потоком рождественских поздравлений. Теперь так не делается. Теперь профсоюзы набрали силу и не допускают случайных приработков. Члены профсоюзов получают за сверхурочные полуторные оклады, а студентам и уличным артистам приходится искать другие способы пополнить свой скудный зимний бюджет.

Я, собственно, не знаю, как удалось Анжеле достать для меня эту работу. Даже в те времена наверняка существовала какая-то система проверок, а я ведь живу под вымышленным именем. Хотя теперь Джилли Копперкорн – мое настоящее имя. Имеются документы, которые я могу предъявить, хотя понятия не имею, как Анжела их раздобыла. Но у меня есть и метрика, и номер социального страхования. Меня даже внесли в списки избирателей.

– Не спрашивай, – сказала мне Анжела, передавая набитый документами конверт.

Заглянув внутрь, я ее поняла. И не стала спрашивать.

Наверное, это одна из причин того, что они с Лу разбежались. Кристально честный коп не мог спокойно видеть, как она творит новые личности из ребятишек вроде меня. Ему не понять было, как трудно им все время ждать, что их, того и гляди, выследит их прежняя семья. Он бы все делал по закону. Если тебя преследуют – обратиться в полицию. Для того полиция и существует.

Только этот путь добавляет лишней боли. Лучше стать невидимкой. Совсем исчезнуть и возникнуть новым человеком, не знакомым никому из твоего прошлого. Строго говоря, закон нарушается. Но спросите любого из Детей Тайны, спросите избитую мужем и скрывающуюся жену, и все скажут вам одно: лучше вот так нарушить закон, чем снова терпеть боль. Кто знает, каково будет в следующий раз? Сумеешь ли ты его пережить? Слишком многим не удается.

Так или иначе, в конце ноября я на почте. Сегодня мой первый рабочий день, и я стою в дверях кафетерия с бутербродами в пакетике, потому что денег перекусить в кафе у меня нет. Обвожу взглядом всех этих людей – добрых, солидных, честных тружеников по большей части, – и все мои усилия стать одной из них и начать новую жизнь обращаются в ничто.

Я снова чувствую себя сбежавшей из дому несовершеннолетней шлюхой-наркоманкой. Вот они смотрят на меня и видят насквозь, сразу понимают, кто я есть на самом деле. Анжела предупреждала меня, что самое трудное, когда уходишь с улицы, – снова почувствовать себя нормальной. Некоторым это так никогда и не удается.

Я неплохо справлялась до сих пор. Закончила школу по образовательной программе для взрослых и уже полкурса отучилась в университете Батлера на художественном отделении. Я уже не уличная девчонка, снимаю угол в меблированных комнатах и плачу за него сама, а не полагаюсь на помощь добрых людей. Найденный Анжелой спонсор оплачивает мое обучение, книги и художественные принадлежности. На остальное я зарабатываю официанткой, натурщицей и временными работенками вроде этой.

Я коплю деньги, чтобы снять мансарду в старых домах на Ли– или Йор-стрит. Будет сразу и студия и квартира – два в одном. Мой собственный дом. Собственное пространство. Не придется больше ждать очереди в ванную и делить кастрюльки. Или, спустившись утром на кухню, обнаруживать, что кто-то успел слопать продукты, на которые ты накануне наскребла денег. Не придется красться ночью по коридору, сняв туфли и затаив дыхание, чтобы не разбудить других жильцов, потому что иначе грозит скандал с хозяйкой. У меня будет место, где можно вытянуться и дышать свободно, оставлять незаконченную работу на мольберте и по три дня не мыть посуду, если нет настроения. Где можно включать музыку на

любую громкость, принимать друзей и устраивать сборища в какое угодно время дня и ночи.

О том же мечтают сотни студентов по всей стране. Это нормально. И я тоже могу быть нормальной. Если бы только прошлое не набрасывалось исподтишка – нежданно-негаданно. И обычно как раз в такие минуты, когда я стою в дверях помещения, полного незнакомых людей. Видели бы вы мой первый день в университете! Если бы Софи не обнаружила меня сидящей на полу у дверей аудитории и не подбодрила по-дружески, я бы никогда не решилась переступить порог.

И странное дело, это всегда застает меня врасплох. Каждый раз случается неожиданно. Страх, что кто-то из незнакомых мужчин окажется прежним клиентом. Что кто-то из женщин бросал четвертак в мою грязную горсть, когда я попрошайничала на тротуаре. Что они видели меня притулившейся в подъезде, трясущейся от ломки, или шатающейся по улице после гремучей смеси спиртного и таблеток.

И вот я поворачиваюсь и налетаю на единственного человека, которому здесь так же неуютно, как и мне. На Джорди.

Позвольте описать вам Джорди Риделла в то время: сплошные руки-ноги, высокий и тощий, с длинными-длинными каштановыми волосами, добрыми карими глазами и раной внутри, так же глубоко запрятанной от мира, как моя, хотя в то время я ничегошеньки о ней не знала. А может, и знала: может, я узнала родственную душу за внешней неприглаженностью, такой же, как у меня, только узнавание происходит на клеточном, бессознательном уровне. На нем синие расклешенные джинсы с обтреканными краями, хлопковая индейская рубаша без ворота и шерстяная безрукавка, а на армейских ботинках – белые следы, оставленные уличной слякотью.

Понятно, я и сама не модная картинка. Я всегда была жердь жердью, хоть и малого роста, и мешковатая одежда – мой стиль. Сегодня на мне трикотажные брючки с завязками у щиколоток, а под ними, для тепла, колготки. Шерстяная водолазка и бесформенный свитер, достающий почти до коленей. И черные матерчатые тапочки, хотя на улицу я надеваю сапоги, и теперь они стоят в моем шкафчике под коричневым шерстяным пальто.

Мы напоминаем мешочников – не хватает только огромных сумок.

У меня свои причины уродовать фигуру. Что касается Джорди – ну, это ведь начало семидесятых, так что он одет более или менее в духе времени. Когда говорят «шестидесятые», обычно имеют в виду годы с 1966-го по 1974-й. В начале шестидесятых были битники, но в остальном народ одевался и причесывался гладенько.

Одно надо сказать: как бы небрежно мы ни одевались, одежда на нас чистая, и сами мы чистые. Я столько лет прожила с серой кожей и в хрустящей от грязи одежде, что обещала себе никогда больше так не жить. Теперь, если мне нечем заплатить за прачечную, стираю прямо в общей ванне и вешаю белье сушиться на спинках стульев и на чем попало. Понятно, без краски на руках, да и на волосах тоже, мне не обойтись, но, по крайней мере, это чистая краска.

Так вот, я налетаю на него, и мы размахиваем руками, пытаюсь сохранить равновесие, но оба слишком вежливы, чтобы ухватиться за другого. Нам удается удержаться на ногах, хотя мой бутерброд в оберточной бумаге все-таки летит на пол. Неизменно галантный Джорди поднимает его и протягивает мне.

– Спасибо, – говорю я.

И ловлю себя на том, что разглядываю его. Теперь, когда я учусь на художницу и начала рисовать и писать красками по-настоящему, я все рассматриваю с точки зрения художественной выразительности: как падает свет, как передать характер через линии и тени. У Джорди лицо скорее сильное, чем красивое, но, на мой вкус, это лучше, чем миловидность церковного певчего. И еще я вижу в его лице застенчивость. Позже, познакомившись с его братом Кристи, я понимаю, что это фамильная черта, или, по крайней мере, общая у этих двоих братьев, хотя у Кристи она проявляется скорее в дистанции, которую он устанавливает между собой и всеми остальными.

Но сочетание застенчивости и доброго сердца Джорди притягивает к нему людей.

Бьюсь об заклад, потому он и делает такие хорошие сборы на улице. Люди чувствуют это в музыке, останавливаются послушать и видят это в его глазах. Его футляр для скрипки редко пустует.

Ничего этого я пока не знаю. Знаю только, что с ним надежно. Меня притягивает доброта, которую я чувствую сразу. И как-то само собой получается, что я спрашиваю, как его зовут, а потом мы вместе идем пить кофе.

В конце концов мы становимся почти неразлучны – в обеденный перерыв само собой, но и после работы тоже. Он становится почетным членом нашего с Венди и Софи женского коллектива – «сыном полка», как за глаза называет его Венди.

Наверное, люди считают нас парочкой, но на самом деле ничего такого. Мы никогда не целуемся и даже за руки не держимся. Мы просто всюду бываем вместе и говорим без конца – обо всех и обо всем. Теперь я понимаю, что он просто стеснялся сделать первый шаг, – у обоих Риделлов с этим делом трудности, вернее, были трудности тогда. Но мне это вполне подходит, потому что мне нужен не любовник, а друг.

Для меня это внове. Я хочу сказать, проводить время с парнем, который мне в самом деле нравится. С ним мне спокойно, никто ни на кого не давит, и не надо волноваться, не зайдет ли дело слишком далеко, не будет ли сложностей или еще чего. Так все развивается до того самого дня, когда мы одалживаем у Кристи колымагу, некогда называвшуюся «шевроле», и отправляемся в Тисон.

Джорди знает о моем прошлом – как и я о его – в общих чертах, без подробностей. Конечно, у нас все было по-разному, но его детство тоже никак не назовешь счастливым. Единственное, что он получил от семьи, – это старая чешская скрипка его отца и та напряженная близость с братом, которой оба они так дорожат.

Скрипка принадлежала их деду, а отец, как только заметил, что Джорди ею интересуется, тут же запер ее в ящик с инструментами в подвале – просто из вредности. Джорди учился играть на скрипке, купленной за шестьдесят пять долларов, которые заработал беготней по поручениям соседей. Навсегда уходя из дому, он взломал ящик с инструментами и прихватил с собой дедову скрипку. Тогда ему было пятнадцать, и до встречи со мной он много лет прожил на улице. Теперь у него квартирка на Ли-стрит, но он по-прежнему больше времени тратит на игру для прохожих, чем на какую-либо иную работу.

Что до их отношений с братом Кристи, тут какие-то непонятные мне сложности. Они любят друг друга, это каждому видно, но притом вечно друг к другу цепляются. Джорди больше всего бесит, что брат сбегает в сказки, точно так же, как он сам – в музыку. Кристи коллекционирует необычные и непонятные происшествия, о которых слышит на улице, и вплетает их в свои истории – иногда анекдотические, а иногда содержащие также черты фольклора и народной сказки. Теперь он занимается этим не ради денег, хотя местная газетка в Кроуси время от времени печатает его рассказы, и тогда он с гордостью показывает всем и каждому очередной выпуск.

Я, естественно, в восторге от его историй, и сам он мне тоже нравится. Наши странные взгляды на мир во многом совпадают. Зато Джорди это раздражает до чертиков. Не то, что Кристи пишет свои рассказы, а то, что он в них верит. Целиком и полностью.

Я, конечно, тоже верю, хотя пока это скорее надежда на веру. Только через шесть лет я найду в Старом городе каменный барабан и наверняка узнаю, что магия существует. Но мне нравится дразнить Джорди разговорами о волшебстве, духах и эльфах, которые таятся там, где их можно заметить только уголком глаза. Почему-то на меня он не так злится, как на брата. Может быть, потому, что я не цепляюсь к другим вещам.

Вот на какой стадии наши отношения, когда он заезжает за мной в то утро, и старик «шеви» кашляет, отплеываясь синим дымом выхлопов, пока мы выводим его с парковки. До Тисона полдня езды по шоссе, но нам придется держаться окольных дорог, потому что «шеви», не разгоняющийся и до сорока миль, с выбитой фарой и без заднего бампера, просто напрашивается на то, чтоб его задержал первый попавшийся полицейский. На проселках спокойнее, если, конечно, нам удастся выбраться из города.

Удастся.

Вскоре мы пыхтим по проселку в тучах пыли, громыхая задним крылом, ощущая всем телом каждый ухаб и клацая зубами на отрезках дороги, напоминающих стиральную доску. Два часа такой езды – и наш старичок, одолев подъем, хрипит, кашляет и помирает. Тишина приносит некоторое облегчение. Джорди вылезает наружу, откидывает капот, и мы с ним тупо палимся на покрытый слоем пыли, залитый маслом мотор.

– Ты что-нибудь понимаешь в моторах? – спрашиваю я.

Джорди качает головой:

– Ничего. А ты?

– Я даже водить не умею.

Кристи, когда мы просили одолжить машину, предупреждал, что она может развалиться на ходу.

– Если сдохнет под вами, – сказал он, – снимите номера, а остальное бросайте.

Но это слишком уж дико. К тому же мы потерпели крушение практически в пустыне. Последняя ферма осталась далеко позади, а перед нами – горы Кикаха, причем та их часть, что занята резервацией. Никакого жилья, если не считать Тисона и ферм вокруг него, но это далеко на востоке. А дорога, на которой мы стоим, ведет прямо на север.

Джорди пытается подергать проводки, прочищает контакты аккумулятора, протирает крышку распределителя – все впустую.

– Похоже, придется пешком, – говорит он.

Я подмигиваю ему:

– Хорошо, что вещей не много.

Мы собирались по меньшей мере одну ночь провести в Тисоне, так что каждый прихватил рюкзачок со сменой одежды и туалетными мелочами. В моем еще блокнот для набросков, карандаши и краски. У Джорди с собой скрипка. Но есть нечего, кроме пакетика чипсов и пары плиток шоколада. Из питья – полбутылки апельсинового сока.

Джорди, одолжив у меня перочинный ножик, откручивает винты, на которых держатся номера, и снимает их. Таблички отправляются к нему в рюкзак – и мы готовы. Можно двигать. Еще раз заглядываем в машину и в багажник. Там обнаруживается драное одеяльце, которое я сворачиваю и сую под мышку. Джорди хлопает машину по капоту, и мы шагаем вперед, держась обочины.

– Даже приятно, – замечаю я. – Чудесный день.

Так оно и есть. Небо синее, июньское солнце сияет. Время, когда весна уже кончилась, а лето еще полностью не расцвело, – свежая зелень пробивается сквозь бурую прошлогоднюю траву и бурьян, а стайки одуванчиков и других полевых цветов добавляют цветowych пятен. Воздух на вкус, после городского, – чистый кислород, и все пахнет свежестью, как в сладкое воскресное утро, перефразируя строчку из репертуара группы Джорди. Тепло, но не жарко, и даже мошкара не надоедает. Ее сезон, по счастью, как раз закончился, а для лосиных мух еще слишком рано. Конечно, если мы проболтаемся до вечера, комарья будет более чем достаточно.

Но, оказывается, комары не самое неприятное, что нас ожидает.

К тому времени, когда покинутый бедолага «шеви» остается за двумя холмами позади и совсем скрывается из виду, наша решительная ходьба замедляется и нависает угроза привала. В такой чудный денек ужасно хочется побездельничать. Лечь бы на спину на травку у дороги и смотреть в синеву. Можно порисовать немножко, а Джорди сыграет что-нибудь. Неплохо бы изобразить Джорди играющим на скрипке.

Я предлагаю заняться этим, когда доберемся до следующего гребня. Джорди пожимает плечами. Думается, он рассудил, что вся поездка – моя затея, так что мне и устанавливать распорядок. Он же просто водитель. Был им, пока было что водить.

Я смотрю вперед. Дорога перед нами ныряет в ложину, а дальше снова начинается карабкаться вверх. Лес здесь ближе, и поле поросло деревцами – передовым отрядом

наступающей с каждым годом чащи. Я догадываюсь, что мы миновали старые пастбища и пересекли границу резервации. Несколько лет назад индейцы открыли кампанию против фермеров, пасущих скот на их землях, и теперь на южных границах резервации повсюду видишь зарастающие поля.

– Как ты думаешь, еще далеко? – спрашивает Джорди.

– Докуда? – отзываюсь я. – До Тисона?

Он улыбается:

– Понятное дело. Хотя меня больше интересует ресторан, где можно перехватить что-нибудь. А потом хорошо бы найти мотель. Мы не так снаряжены, чтобы ночевать под открытым небом.

Я знаю, что он вырос в сельской местности, но сейчас рассуждает как горожанин, и я говорю ему об этом.

– Да понимаю я, что, если надо будет, перетерпим, – начинает он, – но я предпочитаю спать в постели, а не на травке и есть в ресторане, а не выкапывать съедобные корни и... – Он обрывает фразу.

Я оглядываюсь, не понимая, что его отвлекло, и замечаю клубы пыли на следующем холме. Прищурившись, различаю в пыли красный грузовичок-пикап. Джорди тоже присматривается.

– Слушай, может, они нас подкинут, – говорит он. – Правда, едут не в ту сторону, но если будут возвращаться той же дорогой, можно...

Но я уже схватила его за руку и тащу к кювету. Несколько шагов он проходит не сопротивляясь, но потом останавливается.

– Джилли... – начинает он, но я перебиваю его:

– Идем! – Я дергаю его за руку. – Не надо, чтоб нас видели на дороге, пока мы не разберемся, кто это.

Я не знаю, успели нас заметить из пикапа или нет, знаю только, что не хочу подпускать их близко. Джорди не бывал в этих местах, но я-то здесь выросла. И слышала достаточно. Парням вроде моего старшего братца нет лучшей забавы, чем кататься по краю резервации, высматривая одинокого индейца. А если не попадется индеец, можно поиздеваться и над парочкой хиппи.

Конечно, не исключено, что в том пикапе едет старый фермер или индеец, свернувший на проселок, чтобы сократить дорогу. Но с тем же успехом он может оказаться набит «белой швалью», которой вздумается позабавиться с нами на свой манер. Волосатика вроде Джорди просто поколотят. Меня... меня, пожалуй, бить не будут. Во всяком случае, не сразу. В первую очередь у них на уме будет другое.

Я могу и ошибаться. Бывало, ошибалась. Но я не так доверчива, как кажется моим знакомым. Правда, я вижу в людях лучшее, но это не значит, что жду от всех только хорошего.

– Надо уходить, – настаиваю я и тяну его за руку с такой силой, что он вынужден сделать несколько шагов, чтобы не упасть.

Я слышу, как мотор пикапа набирает обороты. Может, просто на подъеме, но скорее они заметили нас.

– Бежим! – кричу я Джорди.

Я скатываюсь в канаву и вылетаю на другую сторону. Перебрасываю рюкзачок через изгородь и протискиваюсь между рядами колючей проволоки. Джорди еще мгновение медлит в недоумении, но, почувствовав, что я не шучу, подчиняется. Я перенимаю у него скрипку и приподнимаю проволоку, помогая ему пролезть.

– Теперь не охотничий сезон, – говорю я, – так что крупнокалиберных охотничьих винтовок у них с собой не должно быть. Но и от пульки двадцать второго калибра можно умереть.

Джорди ошарашенно смотрит на меня:

– Да брось!

– Потом поговорим, ладно?

– Но...

Я не слушаю его, бегу через поле, огибая кусты. Оглянувшись через плечо, вижу, что он бежит за мной. И еще вижу, как грузовичок резко тормозит. Колеса взметают тучу пыли, но сквозь пыль я различаю жесткое молодое лицо водителя, глядящее на нас в боковое стекло. Приходится отвести взгляд, чтобы не споткнуться, но я то и дело оглядываюсь. Джорди быстро нагоняет меня. Еще раз оглянувшись, я вижу человека, стоящего перед капотом пикапа, и блеск металла.

– Начинай вилять на бегу, – кричу я Джорди.

– Что?

Но он уже слышит треск выстрела. Что-то со свистом пролетает мимо нас, далеко справа. Теперь и Джорди понял, что это всерьез. Он едва не обгоняет меня.

– Не... жди... меня... – выговариваю я между вдохами.

Роняю одеяло, но не останавливаюсь, чтобы подобрать. Еще выстрел, снова мимо. На этот раз левее.

Не думаю, чтобы они в самом деле пытались нас подстрелить. Просто шуточки, пугают парочку хиппи. И все-таки мне действительно страшно. Может, они не целятся, но это не значит, что не попадут. И не значит, что они не вздумают тоже перебраться через колючую изгородь, чтобы малость поохотиться. А если нас догонят...

Мои друзья упрекают меня за то, что я слишком бесстрашная, – из-за моих ночных прогулок и потому, что я не пасую перед наглецами, – но они ошибаются. В таких случаях мне страшно не меньше, чем всякому другому. Разница только в том, что я больше не позволяю страху парализовать меня. Я уже побывала на дне, спасибо моему братцу, спасибо моему дружку-сутенеру Робу, спасибо клиентам с их жестокими и грязными забавами и уличным подонкам – всем любителям испробовать силу на том, кто послабее.

Теперь я умею не отступать перед ними, встречать лицом к лицу, потому что... ну что они мне сделают, чего еще не сделали? Убить могут, но смерти я не боюсь. В моей жизни были времена, когда смерть казалась светлым обетованием.

Да, теперь я не отступаю перед ними, ни перед кем, потому что это было бы началом долгого спуска на дно, а я никогда туда не вернусь. Приступы паники мешают мне общаться только с нормальными людьми, и причина их – стыд за то, кем и чем я когда-то была. С этим мне не совладать, как бы я ни старалась.

Думаю, больше всего меня пугает мысль, что все могло сложиться иначе. Если бы Лу не наткнулся на меня. Если бы Анжела не уговорила меня принять участие в ее программе. Если бы профессор не стал моим спонсором. Если бы Венди не вытащила меня из толпы первокурсников и не помогла пройти регистрацию. Если бы Софи не пришла мне на помощь в первый день.

Я сама выбрала, кем хочу стать, но я бы не справилась без помощи таких людей, как они.

Когда Лу меня нашел, я уже даже забыла, что существует выбор. Но мне повезло. Мне помогли выбраться из темноты. И я решила не возвращаться туда. Это мой выбор. Он привел к другим выборам в моей жизни. Не пятиться. Помогать всем, кому сумею. Отыскивать красоту в самых невероятных местах и показывать ее миру. Вот почему я рисую то, что рисую. Вот почему работаю добровольцем, сколько могу. Вот почему ищу в людях хорошее.

Я не пытаюсь выставить себя в лучшем свете. Просто объясняю, почему могу показаться бесстрашной. Почему стараюсь помогать людям. Я сказала, что сделала выбор, но, говоря по правде, тут у меня выбора не было. Поступать иначе или быть иной означало бы превратиться в такую же дрянь и чудовище, как те, кто втапывал меня в грязь и не давал подняться. Каждый прожитый мною день, каждая моя улыбка, оказанная кому-то помощь, доброе слово, картина – все это вырвано мною у них. Ни одного из этих дней они не получают.

Но иногда надо стоять насмерть, а иногда – бежать со всех ног. Здесь, посреди безлюдья, нет ни единого шанса справиться с бандой подонков, скорее всего пьяных,

наверняка вооруженных и готовых на любую подлость.

Здесь, среди холмов, все по-другому. Полицейские не стоят на каждом углу. Не к кому обратиться. Все зависит от твоей репутации. Кто ты есть, с кем знаком. Если ты из определенной семьи, части города, компании – никто не станет к тебе цепляться. Но если у тебя нет связей, ты – законная добыча.

Пока дозовешься полицию – а звать ее тебе придется самому, если ты будешь еще в состоянии добраться до телефона, – все будет уже кончено, так или иначе.

Я не говорю, что здесь все такие. Далеко не все. Но если попадешься *таким* в пустынном месте...

Мы уже почти у самого леса. Среди деревьев я сумею сбить их со следа, если им придет в голову за нами гоняться. Но в лесу другие трудности. Здесь легко заблудиться – легче, чем вы думаете.

Они продолжают стрелять. Я различаю выстрелы разных стволов, но не могу определить, два их или три. Некоторые пули пролетают ближе, чем мне хотелось бы. Шутка. Любая пуля, выпущенная в вашу сторону, пролетает слишком близко.

Но мы уже за деревьями. Пуля ударяет в ствол сосны слева от меня, как раз между мной и Джорди. Рикошетит, осыпав нас чешуйками коры. Щепка ударяет меня по затылку, и на мгновение я думаю, что это пуля. Когда осознаю свою ошибку, ноги у меня уже подкосились, и я растягиваюсь на земле, ударившись в падении о дерево. Джорди тут же разворачивается, подбегает ко мне и наклоняется. Никогда не видела его таким бледным. Он смотрит на меня, на поле, снова на меня...

– Как ты? – спрашивает он. – Куда тебе попало?

У меня ссадина на плече от столкновения с шершавым стволом, и дух из меня вышибло, но в целом я в порядке.

– Ты их... видишь? – спрашиваю я, когда удается сделать вдох, и сажусь.

Он снова выглядывает из-за деревьев, начинает качать головой и тут же замирает. Я прослеживаю его взгляд и вижу их – еще на поле и довольно далеко, но это только пока. Они, кажется, спорят. Мы слышим голоса, но слов не разобрать. Я хватаюсь за ближайший куст и пробую подняться. Джорди подхватывает меня под руку.

– Если они решат идти дальше, – говорю я, – придется прятаться.

Он кивает:

– Откуда ты знала, что они будут стрелять?

– Я знала, что могут, – поясняю я. – Только и всего. Решила, что лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Он качает головой:

– Слышал все эти истории про озверевших навозных жуков, но такое...

– Не говори так, – останавливаю его я. – Эти – просто говнюки. Большинство местных... ну, им не понравятся твои длинные волосы, но они оставят свои чувства при себе.

– Я только...

– Понимаю. Но обзывать их навозными жуками – все равно что говорить «синие воротнички». Как будто есть что-то дурное в том, что люди целыми днями трудятся на земле или не носят белой рубашечки с галстуком, потому что работают в гараже или на фабрике. Меня такое бесит.

– Но ты же сама мне говорила, что росла «белой швалью»...

Я улыбаюсь:

– Когда говоришь о себе – другое дело. Кроме того, мы и были «белой швалью».

Он хочет ответить на улыбку, но тут мы замечаем на поле какое-то движение. Видимо, тот, кто предлагал вернуться к машине, проиграл спор.

– Идем! – Я хватаю Джорди за руку. – Надо забраться поглубже. Только держись рядом. Если уж заблудимся, так хоть вместе.

Он жалобно смотрит на меня, но я только пожимаю плечами и перехожу на рысь, стараясь по возможности оставлять поменьше следов. Ну знаете, не ломать веток, не сбивать

поганки и не мять траву. Я не слишком представляю, что делать. Девочкой я проводила в лесу много времени, но никогда не была Дэниэлом Буном⁵ или индейцем-разведчиком, и прятаться мне было ни к чему. Остается надеяться, что и эти парни не следопыты.

На наше счастье, к тому времени, когда они добираются до опушки, нас уже скрывает небольшой пригорок. За его гребнем нам попадается звериная тропа, и меня осеняет.

– Умеешь лазить по деревьям? – спрашиваю я у Джорди.

Он обиженно косится на меня:

– Спрашиваешь! Я же вырос в деревне. Не в такой глуши, как у вас здесь, но деревьев хватало.

– Вот и отлично. Лезем.

Я выбираю сосну у самого гребня. Здесь светлее, чем в низине, и поэтому нижние ветки у нее гуще и мощнее. Забраться повыше – и снизу нас разглядит только тот, кто будет специально высматривать. Я рассчитываю, что тем парням не придет в голову задирать головы.

– А скрипка? – спохватывается Джорди. – Не могу же я бросить скрипку!

– Подвесь за ручку к поясу, – советую я.

Он кивает и продевает ремень в петлю футляра, уже направляясь к выбранному мной дереву. Скрипка колотит его сзади по ногам. Я вынимаю из рюкзака блокнот и запикиваю сзади за пояс. У меня тоже руки должны быть свободны. Плоская коробочка с красками вполне помещается в кармане. Рюкзак я бросаю на тропку, спускающуюся с противоположной стороны пригорка. Он катится под уклон, и я, прежде чем подтянуться на первом суку, убеждаюсь, что его легко заметить.

Может, Джорди и неплохо лазит, но я скоро обгоняю его, показав на ходу язык. Не знаю, в чем дело, но сердце у меня больше не сжимает. Мне уже почти не страшно. Наверное, это потому, что мы теперь что-то делаем, а не просто удираем, как загнанные олени. Мы уже довольно высоко, и я с трудом различаю землю между ветвей, когда слышу, что они подходят. Оба мы замираем. Я прижимаюсь к стволу и морщусь, сообразив, что вляпалась волосами в натек смолы. Отодвигаю лицо, но волосы прилипли. Замечательно. Теперь сто лет не отчистишь. Хорошо бы, это оказалось самой большой из наших бед.

Снова накатывает страх – от прилива адреналина трудно дышать. Я опускаю взгляд на Джорди, который устроился веткой ниже. Он поднимает голову, и я вижу отражение своего страха в его глазах.

– Бога ради, Рой, – ворчит один из парней.

«И точно, парни, почти мальчишки», – соображаю я, разглядев их вблизи. Девятнадцать, самое большее двадцать лет. Засаленные волосы, футболки – отребье с трейлерных стоянок. Мне ли не знать – я с такими росла.

– Ты что, через горы за ними потащишься? – продолжает тот же голос.

– Еще чего, – отзывается Рой, отхаркавшись и сплюнув под ноги. – Так, поразвлекись малость.

– Эй, гляньте-ка, – вступает третий. – Что это там на звериной тропе?

Я слышу, как они спускаются по склону, и едва не падаю с дерева, услышав выстрелы. Сердце дает перебой, прежде чем до меня доходит, что парни расстреливают не нас, а мой рюкзачок. Израсходовав патроны, вся троица начинает хохотать.

– Ну, этот мешок больше нам не страшен, – говорит один.

– Может, там что-нибудь стоящее?

– Если и было, так остались одни дырки. А потом, кому нужно возиться с их тряпьем. Еще вшей наберешься.

– Долбанные хиппары. Парня от девки не отличишь.

– Запросто отличишь. У девки титьки под рубахой болтаются.

⁵ Бун Дэниэл (1735–1850) – легендарный американский первопроходец, участник Войны за независимость

- Ну, мне так лень задницу волочить за этими мальчонками.
- А может, это девки были?
- Ну нет. Девки не дают стрекача, как эта парочка. Сразу валятся и начинают нюнить.
- Да уж, улепетывали как зайцы. Так и рванули через поле.
- Спорим, они намочили штаны?

Снова хохот. Ну и юмор. Точь-в-точь как мои братцы. Просто удивительно, как они умудряются дожить до совершеннолетия с такими куцыми мозгами.

Голоса их становятся громче, когда они поднимаются обратно на гребень. Останавливаются закурить, и табачный дымок поднимается к нам между ветками.

- Как по-твоему, чего их сюда принесло?
- Бес их знает. И кому до них дело?
- Спорим, они возвращались назад к природе?
- Или пощупать друг друга под кустом решили.
- Посмотрел бы я, как они пощупают дуло моей винтовочки.
- Лучше уж твой винтарь щупать, чем тебя.
- Чтоб тебя, Томпсон.
- И тебя туда же.

Голоса затихают – они возвращаются к опушке. Джорди поднимает взгляд на меня, но я мотаю головой.

- Еще рано, – выговариваю я одними губами.

Предпочитаю, чтобы они ушли подальше, потому что, спускаясь, мы наверняка нашумим. И мы выжидаем, отсиживая мягкие места на жестких насестах, пока до нас не доносится кашляющий звук заведенного мотора.

Тогда мы начинаем спускаться, разминая затекшие руки и ноги.

На земле нас пошатывает – больше от пережитого возбуждения, чем от онемевших конечностей.

– Я и впрямь чуть не намочил штаны, – признается Джорди, – когда они открыли стрельбу.

- И я тоже.

Я уже тверже стою на ногах и подхожу к своему рюкзачку. Но спасти там нечего. О смене одежды и туалетных мелочах можно забыть. Мне удастся извлечь целую зубную щетку и трусики – в дырках от пуль, но носить можно.

– А теперь что? – спрашивает Джорди. Выдирая из волос остатки смолы, я разглядываю звериную тропу. Пальцы после этого тоже слипаются. Вытираю их о джинсы.

- Не хочется мне возвращаться на дорогу, – говорю я, – по крайней мере, не сразу.
- Думаешь, станут нас поджидать?

Я качаю головой:

– Просто этот проселок длинный, и они могут довольно долго мотаться по нему туда-сюда. Думаю, лучше срезать напрямик. Как у тебя с чувством направления?

– Не так хорошо, как у Кристи. Его можно куда угодно закинуть, и он выберется, будто у него компас в голове.

– И у меня тоже неплохо, – говорю я ему. – Сейчас мы к юго-западу от Тисона, так что надо просто заметить, где солнце, и держать курс в. нужную сторону.

Джорди смотрит на меня с сомнением.

- Или ты предпочитаешь новую встречу с Роем, Томпсоном и кто там у них третий?
- Ну, если ты так ставишь вопрос...

Эта прогулка по лесу оказалась бы куда приятнее, если бы не была вынужденной благодаря этой шайке. Хотя я и знаю, что они давно убрались, а все же невольно вздрагиваю, стоит завершать белке или сойке выбрать нас с верхушки сосны. Джорди все еще не верится, что подобное вообще могло случиться, и он без остановки обсуждает «эту троицу бандитов... Так вот взяли и начали стрелять. Может, они и шутили, но ведь так можно и

убить...».

«Как будто их это волнует», – думаю я, кивая на его слова. Хотя я и выросла с такими же, мне все равно не понять, что творится в их темных мозгах.

К тому времени, как нам попадается ручей, мы прикончили сок и съели одну из плиток шоколада. Я споласкиваю бутылку и набираю в нее воды.

– Ты уверена, что это можно пить? – беспокоится Джорди.

– Не уверена, но что делать-то? А вообще она течет с гор. Разве что белочка в нее покакала.

Я делаю большой глоток и притворяюсь, будто меня тошнит. Джорди испуганно бросается ко мне, потом видит, что я ухмыляюсь, и с размаху хлопает по спине. Он допивает воду, и мы снова наполняем бутылочку из-под сока.

Часов у нас нет, но по высоте солнца я прикидываю, что уже больше шести. Скоро начнет темнеть. Я молча шагаю дальше по тропинке, но идти всю ночь не намерена. В этих холмах и при дневном свете закружить недолго, а в темноте наверняка заплутаешься.

Как только небо начинает предзакатно бледнеть, вылетают комары. Меня они не беспокоят, зато Джорди сводят с ума.

– Перестань их размазывать, – говорю я. – Только приманиваешь новых.

– Если я оставлю их в покое, они у меня всю кровь высосут до последней капли, – огрызается он, прихлопывая кровососа на виске. С отвращением рассматривает кровавое пятно на пальце. – Почему это тебя не кусают?

– Один из моих талантов. Моя кровь – яд для мелких и крупных кровопийц.

– Как же, как же!

– На самом деле, – уточняю я, – это не совсем правда. Мой талант состоит в том, чтобы, собираясь в места, где много комарья, всегда прихватывать с собой кого-нибудь повкуснее себя.

Нам везет: как раз когда сумерки переходят в ночь, а Джорди уже изнемог от кусачих тварей и я всерьез начинаю искать местечко для ночлега, мы выходим на гребень, где кто-то устроил охотничий лагерь. Всего-навсего хижина в одну комнату, бревенчатые стены и односкатная жестяная крыша, нависающая над поленницей, но для нас и это чудо. Тем более что на окнах ставни и дверь закрывается плотно. Комаров мы оставляем снаружи.

Джорди опять сомневается:

– А если хозяин появится?

Я понимаю, что ему в первую очередь приходят в голову мысли о подонках вроде тех, что загнали нас в лес.

– Сезон сейчас не охотничий, – успокаиваю его я. – Да ты сам посмотри. Здесь никого, кроме мышей, сто лет не бывало.

Мы выметаем мышиный помет, находим в обитом жестью ящике одеяла и разводим огонь в железной печурке. На подоконнике горит свеча, и в хижине становится по-настоящему уютно. Джорди обнаруживает банку фасоли, тушенку и суп в картонной упаковке. На ужин у нас фасоль и овощной суп. Пару долларов мы оставляем на полке в уплату за съеденное. Утром надо набрать хворосту, чтобы пополнить ящик у поленницы. Простейшая вежливость.

Пожалуй, в ту ночь нас могло бы одолеть романтическое настроение, но вместо этого мы принимаемся обмениваться боевым опытом жизни в семье более подробно, чем когда-либо прежде, описывая, как каждый оказался на улице и чем там приходилось заниматься, чтобы выжить. Такие рассказы для романтических порывов – все равно что холодная вода. Я хочу сказать, не бывает близости больше, чем тогда, когда мы сидим на одной кровати, прислонив голову к одному изголовью, и разговариваем, и, само собой, та ночь скрепила нашу дружбу на всю жизнь, только вот после того, как мы разобрали стены внутри себя, которыми отгораживались от всего мира, у нас уже не осталось сил думать об отношениях между девочками и мальчиками.

По правде сказать, мне еще много лет надо прожить, прежде чем я смогу решиться на

физическую близость с мужчиной, а поддерживать такие отношения я так и не научилась до сих пор. И наверное, Джорди это чувствует. А может, я просто не в его вкусе. За прошедшие годы я не раз убеждалась, что если он кем и увлекается, так это всегда высокие яркие девицы. Хотя один раз разговор касается моей внешности – не помню уж, как он зашел, – Джорди качает головой, услышав мое мнение о себе.

– Не понимаю, с чего ты это взяла, – говорит он. – Ты же красивая.

– Как же, как же! Такой красотой можно детей пугать.

– Ты еще скажешь, что тебе ни один парень этого раньше не говорил...

– Еще бы! – огрызаюсь я. – С первого слова. Им всем только одно нужно.

Джорди вздыхает.

– Со многими, может, и так, – говорит он, – но не со всеми. Некоторых интересует не только упаковка.

– Ну, мне такие не попадались.

Я не смотрю на него, да в свете единственной свечи, горящей на высоком подоконнике, не много и разглядишь. Но годы спустя, вспоминая его лицо в ту минуту, я все гадаю, не обида ли была в его глазах. Думаю, не хотел ли он сказать больше, чем было сказано. Софи как-то уверяла меня, что он только потому гоняется за девушками, так на меня не похожими, что не может получить меня.

– Как же! – сказала я ей.

– Он, конечно, сам не понимает, – не сдавалась она. – Это подсознательное. Но я-то вижу.

– Ну да, не даром же в тебе кровь эльфов!

Она надулась:

– Нет. Просто у меня есть глаза, чтобы видеть, и я вас обоих прекрасно знаю.

Но тогда я ее не послушала, а теперь я – Сломанная Девочка, а у него новая жизнь с Таней, так что уже поздно.

Утром мы завтракаем остатками фасоли, зачерпывая ее последними чипсинами. Слишком поздно соображаем, что на обед ничего не оставили. Консервы нам открыть нечем, а прихватывать консервный нож из хижины – нечестно. У моего ножичка лезвие тонковато для такой работы, а у Джорди и вовсе ножа нет, но мы все же забираем банку тушенки и еще одну с фасолью в расчете на то, что, хорошенько проголодавшись, придумаем, как открыть.

Оставляем еще денег за съеденные припасы и собираем перед выходом порядочную грудку хвороста. В поисках растопки натываемся позади хижины на ручеек, умываемся и споласкиваем пыльные банки. Мне удастся выдрать из волос почти всю смолу, хотя горячая вода с шампунем не помешала бы. И вот мы снова топаем по лесу.

Сегодня небо хмурое и похолодало, но для пешей прогулки это даже приятнее – только вот под деревьями полно комарья. Должно быть, видя сумрачное небо, они перепутали время и решили, что пора ужинать. Впрочем, их все-таки поменьше, чем вчера, и на быстром ходу они не слишком досаждают. Однако Джорди отмахивается без передышки. Хорошо, что на вчерашней сосне комаров не оказалось, а то бы он, пожалуй, свалился с нее.

От охотничьего лагеря ведет более протоптанная тропа, и примерно через час высокие сосны сменяются кедром, осинами, березами и каким-то незнакомым кустарником. Затем нам попадает площадка, где хозяева лагеря, видимо, оставляли машину, и отсюда ведет уже наезженная дорожка, а между колеями – ровная травянистая полоска.

Мы шагаем по ней минут двадцать и выходим к воротцам, перегораживающим выезд на гравийную дорогу. Джорди радостно ухмыляется.

– Вот и не заблудились, – говорит он мне.

– В лесу – точно.

– Ну, я в восхищении. Случись мне искать дорогу, мы бы и сейчас ходили кругами. Кроме шуток, думаю, у тебя в головке компас.

Я изображаю реверанс.

– Всего лишь один из моих талантов, добрый господин.

Я перелезаю через ворота и принимаю у Джорди скрипку. Он перебирается ко мне, и мы оглядываем дорогу в обе стороны. Небо совсем нахмурилось, где солнце – не различишь, но я чувствую, что меня тянет вправо. У меня в самом деле есть способность находить дорогу даже в незнакомых местах.

– Нам туда, – говорю я.

Джорди усмехается:

– Именно это я и хотел сказать.

– Не сомневаюсь! – хмыкаю я, возвращая ему скрипку. – Ты есть хочешь?

– Немножко.

– Достаточно, чтобы попытаться взломать жестянку?

– Пока нет.

Я направляюсь по дороге, держась левой обочины.

– Только если услышим машину... – начинаю я.

– Перепрыгну через обочину и скроюсь в лесу, не успеешь ты пропеть «Черт священника унес».

Я смеюсь:

– Долго придется ждать, пока я вспомню слова. Через час начинает моросить дождь, но нам он ни о чем. Мы и прежде были друзьями, а теперь, сломав барьеры, чувствуем, что эта близость останется навсегда. Вернемся в Ньюфорд – уговорю Софи с Венди повысить Джорди в чине: от сына полка до почетного члена общества.

Джорди вытаскивает из рюкзака жакет и куртку и предлагает мне на выбор. Я выбираю жакет, а он натягивает куртку. Волосы у нас слиплись и висят влажными прядями, на лицах – слой туманной измороси, но мы бодро шагаем дальше, пока с очередной вершины не видим под собой окраины Тисона. В сотне ярдов впереди гравийная дорога смыкается с асфальтированной, но нам она уже не нужна. Теперь я точно знаю, где мы. Прямо под нами – Козлиный Рай, задворки Тисона, отданные во владение «белой швали». Я здесь выросла. Я знаю все дорожки через лес и поля.

– У тебя все хорошо? – спрашивает Джорди.

Я оборачиваюсь к нему, потом оглядываюсь назад на дорогу. Мне трудно описать нахлынувшую на меня мешанину чувств, но ни к одному из них не подходит слово «хорошо».

– Не очень, – признаюсь я. Раньше ни за что не призналась бы. – Но раз уж мы забрались так далеко, можем дойти до конца.

Он ничего не говорит – просто опускает руку мне на плечо и легонько пожимает. Я отвечаю ему бледной улыбкой, и мы начинаем спускаться.

Тисон, июнь

Я сама не знаю, чего ждала. Наверное, что все будет таким, как прежде. Но, конечно, ничего не осталось таким же, да и не могло остаться.

Первый намек я получаю, когда мы выходим на поле за нашим домом, и я вижу, что моего старого дерева больше нет. Все, что осталось от дряхлого доброго чудища, – обгорелый почерневший пенек, да и тот прогнил и захвачен поганками и муравьями. Я вспоминаю, как еще совсем маленькой выбиралась из дому, если мне нужна была передышка – хоть днем, хоть ночью, – и просто валялась под ним, разглядывая его крону.

Все его жильцы были моими знакомыми. Мотыльки, спящие весь день, почти сливаясь с корой, и цепочка муравьев, марширующих вверх и вниз по стволу. Рыжие белки и бурундуки – вечные соперники. Старая ворона, каждый вечер залетавшая погостить, и сойки, сердито вопившие при моем приближении. Зяблики и воробьи перепархивали с ветки на ветку, а иногда с нижней ветви на меня поглядывал енот.

Я следила за их приключениями, как иные следят за судьбами героев мыльных опер, и

сочиняла истории, объяснявшие, почему они делают то, что делают. А ночью я видела сквозь его листву звезды и внушала себе, что это эльфы или хотя бы огоньки духов.

В незапамятные времена какой-то фермер расчистил это поле под пастбище. Но это дерево он пощадил. Может, оно уже тогда было большим, десятки лет прожило бок о бок со своими лесными братьями и сестрами. Потом у него была другая жизнь – хозяина пастбища. Оно давало тень коровам и позволяло им чесать бока о свою шершавую кору. Коров не стало, фермеру, должно быть, пришлось отдать свою землю за долги банку, и лес снова стал наступать на расчищенную лужайку – так обстояли дела, когда никому не нужная маленькая девочка приходила искать утешения под его сенью. Не знаю, сумела бы я пережить свое детство, если бы не дружба этого дерева.

Теперь ничего не осталось. Ни дерева, ни девочки.

Наверное, я простояла там целую вечность, уставившись на почернелый обрубок. Джорди откашливается, и я моргаю, словно просыпаясь.

– У тебя все хорошо? – спрашивает он. Кажется, этот вопрос становится лозунгом дня.

– Я с ним дружила, – говорю я ему, указывая на пень. – Может, единственный друг моего детства.

Что-то мелькает в его глазах – не пойму что. Возможно, сочувствие к той малышке. Или собственные невеселые воспоминания. Скорее и то и другое. Он молча кивает.

Дождик прекратился, но небо не проясняется. Я отрываю взгляд от пня, и в груди у меня что-то сжимается при виде задней стены нашего дома. Вот она несколько не изменилась, разве что еще чуточку потемнела и облупилась. Я вижу свое окно – на нем так и нет занавески. Подходя ближе, я начинаю понимать: дело не в том, что новые жильцы так же бедны, как были мы. Просто дом заброшен. Лужайка на заднем дворе совсем заросла, если этот бурьян можно еще назвать лужайкой, и все вокруг в запустении.

Мы проходим уличную уборную. Дверь ее висит на одной петле.

– Вы и вправду этим пользовались? – не верит Джорди.

Я киваю:

– Внутреннего водопровода у нас не было – только колонка с ручным насосом на кухне. Конечно, уборная в те времена была покрепче.

Но не намного.

Я осознаю, что, в сущности, дом и двор мало переменились. Здесь всегда было не прибрано и неуютно: ржавый корпус легковушки у передней двери, горы хлам, вроде старых холодильников и прочего металлолома – на заднем дворе. А внутри дешевая мебель, от которой прежние хозяева желали избавиться. Часть – подарена на бедность, часть – подобрана на свалке.

Мои родители редко считали необходимым навести хоть какое-то подобие порядка, а если считали, наводили его руками детей. Обычно это рассматривалось как наказание – особенно для мальчиков. Я прибиралась в доме и на дворе, потому что не могла жить в грязи, которая накапливалась без моей уборки. А скорее всего это был способ забыть об ужасах существования – отвлечься от них за яростными взмахами веника или за тщательной прополкой лужайки.

Единственная перемена, какую я ощущаю здесь: дом больше не таит угрозы. Грустное ощущение, правда?

– Как я могла оставить ее здесь? – еле слышно бормочу я.

Джорди берет меня за руку, но я почти не чувствую прикосновения. Меня переполняет отчаянная жалость к сестренке. Я бросила ее в этом доме ужаса. Сама сбежала, спаслась и даже не подумала, что станет с ней, оставшейся без единственной защитницы. Я такое же чудовище, как старший брат Дэл!

Где она теперь?

Здесь мне не найти ответа. Не понимаю, на что я рассчитывала? Дом явно пустует много месяцев, а может, и лет. Наверное, сразу после моего побега они снялись с места и переехали куда-то. Здесь уж точно больше никто не живет. Но мы идем дальше,

пробираемся по лужайке, спотыкаясь об обломки ржавого железа, и подходим к заднему крыльцу, до коленей промочив штанины в высокой траве. Ставни все открыты и висят на одной петле, задняя дверь сорвана.

– Ты хочешь зайти? – спрашивает Джорди.

Я мотаю головой, не доверяя своему голосу. Понимаю, что дом пуст, и не чувствую угрозы, исходившей от него днем и ночью, когда я была маленькой, но все равно он внушает мне ужас. Сама не знаю, чего я боюсь. Призраков, должно быть. Не мертвецов, а призраков прошлого. Призраков моих родных, меня самой. Мне снова восемь лет, я возвращаюсь домой и боюсь, что застану там старшего брата, и никого больше.

То, что мне уже не восемь лет, ничего не значит. И ничего не значит, что дом пуст. Умом я все это сознаю, но не сердцем.

Не заглядывая внутрь, я обхожу вокруг дома. Когда-то, до нас, хозяева любили его. Я это знаю, потому что девочкой находила во дворе фрагменты цветочных клумб и сада. Я ухаживала за ними как могла, а теперь от них вовсе ничего не осталось. Хилые листики тюльпанов торчат из травы, а над ними – серые прутья цветочных стеблей, которые никто не срезал в мае, когда они отцвели. Еще прозябают несколько самых стойких многолетников, но и они явно проигрывают сражение с бурьяном. Ирисы и лилии, пара кустиков лаванды. И еще розовый куст, посаженный у самого крыльца. Он уже в моем детстве одичал и цвел мелкими цветами, а теперь непроходимой колючей стеной закрывает крыльцо и стену дома. Заросли, преграждающие вход в царство спящей красавицы. Еще немного – и они поглотят дом целиком.

Я перевожу взгляд на дом Маргарет Суини, стоящий по другую сторону Старой фермерской дороги. Маргарет Суини всегда ненавидела наше семейство. Думаю, за то, что мы были самыми яркими представителями «белой швали», заполонившей дома, принадлежавшие когда-то фермерам. И ее владения были первоначально крестьянской усадьбой, хотя теперь домик так же обветшал, как все халупы в Козлином Раю. Только при всей его ветхости с первого взгляда видно, что о нем кто-то любовно заботится. Чистенький дворик, подстриженный газон, клумбы прополоты и полны ярких цветов. Домик давно не крашен, нуждается в ремонте, зато окна вымыты до блеска, а за прозрачными стеклами виднеются кружевные занавесочки. И никакого железного лома у крыльца.

Нетрудно понять ее враждебность, когда видишь, сколько трудов она вкладывает в свой дом. Наверное, я всегда это понимала.

Ее муж умер, работая в поле. Она билась, в одиночку поднимая семью, но землю пришлось продать, чтобы сохранить хотя бы дом. Дети, подрастая, тут же разъезжались. Каково было ей потерять и семью и хозяйство и смотреть, как все это захватывает трейлерное отребье и им подобные?

Мне не хочется с ней разговаривать. Не хочется смотреть ей в глаза, когда она поймет, кто я такая. От этого прошлое подступит еще ближе. Больше всего я боюсь сейчас почувствовать, что я не изменилась, что я навсегда останусь девчонкой, совращенной собственным братом, которую никто не любил, кроме маленькой сестренки, да и ту она бросила.

Тем не менее придется обратиться к ней. В других домах с нами вовсе не станут разговаривать, а то и вздумают позабавиться на тот же лад, что парни из грузовичка.

– Спрошу миссис Суини, не знает ли она, куда они все подевались, – говорю я Джорди. – Она живет как раз напротив.

– Судя по голосу, ты не слишком счастлива с ней побеседовать.

В ту минуту я даже не знаю, что значит «счастлива». Мне кажется, что в последний раз я была счастлива, когда в последний раз укололась, но я знаю, что это неправда. Наркотик не дает счастья – просто временное забвение. Оно кажется счастьем только потому, что боль внутри ненадолго отступает.

– Она всегда нас всех недолюбливала, – говорю я.

– И у нас были такие соседи.

– У вас, наверное, были просто злыдни. А миссис Суини – удивительная женщина. Дурными соседями были мы.

– Имя у нее ирландское, – размышляет Джорди. – Может, смягчится, если сыграть ей пару песенок?

Я пытаюсь вспомнить, замечала ли когда-нибудь, что доставляло миссис Суини удовольствие.

– Я тебе кивну, если решу, что можно, – говорю я ему.

Мы перебираемся через грязную улицу, и я чувствую, как с плеч у меня спадает груз и дышать становится легче. Предстоящая встреча с миссис Суини меня по-прежнему не радует, но, несмотря на это, я испытываю облегчение оттого, что старый дом остался позади. Поднявшись на крыльцо, я снова начинаю трусить, но Джорди на полшага обгоняет меня и звонит в звонок. За дверью слышатся шаги, и я перестаю дышать. Но миссис Суини уже открывает дверь – выглядит старше, чем мне помнится, но она ведь и в самом деле старше. Больше десяти лет прошло с тех пор, как я сбежала из последнего приюта, а здесь не бывала еще дольше.

У нее сильное крестьянское лицо – что называется, характерное. Кожа туго обтягивает скулы, седые волосы собраны в свободный узел, темные глаза, обращенные на нас, не скрывают подозрительности. Ее предки поколениями возделывали эти каменистые склоны, ее сердце выдержало все удары и горести и продолжает биться.

До сих пор я никогда об этом не думала, но, может быть, мысль о ней поддерживала меня, хотя бы подсознательно, когда я выкарабкивалась на свет после своих темных лет. Она, какая бы тьма ни окружала ее, никогда не сдавалась.

Старуха выходит на крыльцо и безмолвно, строго разглядывает нас. Все заготовленные слова замирают у меня на губах. Джорди косится на меня и ослепительно улыбается хозяйке.

– Простите, что потревожили вас, мэм, – произносит он, – мы просто подумали, не сможете ли вы рассказать нам что-нибудь о семье, жившей через дорогу.

– С какой стати? – спрашивает она. – Вы им родственники?

Джорди молчит, и я наконец выдавливаю из себя слова.

– Я родственница, – говорю я.

И зарабатываю новый пронзительный взгляд. Она долгое мгновение изучает меня и наконец кивает. Взгляд у нее чуть смягчается.

– Куперовская кровь в тебе сказывается, – говорит она. – Ты, должно быть, старшая девочка – Джиллиан Мэй.

Я киваю.

– Помнится, ты, по крайней мере, старалась держать дом в чистоте, покуда у тебя не хватило ума сбежать.

Я удивлена. В ее голосе, кажется, проскальзывает уважение ко мне.

– Так что заставило тебя вернуться в этот несчастный дом? – добавляет она.

– Я ищу младшую сестру.

– Не скоро же ты спохватилась...

При этих словах я готова сломаться, но, проглотив комок в горле, говорю:

– Знаю, но я сама жила кое-как и... просто в последнее время я ее часто вспоминаю.

Она минуту обдумывает мои слова, потом переводит взгляд на Джорди.

– Твой парень?

Мог бы им быть, думаю я, только прошлой ночью между нами возникла другая близость, и, по-моему, одно исключает другое. А может, и нет, но говорить об этом еще рано.

– Мой друг, – отвечаю я и представляю ей Джорди. – Так что с моей сестрой?..

– Вы, похоже, устали, – говорит она. – Оба. Заходите, выпейте чаю со льдом, и побеседуем.

Откинув сетку на двери, она приглашает нас в дом.

Для женщины, которая так отгородилась от никудышных соседей, как это сделала миссис Суини, она поразительно много знает о нашей семейной жизни. Сидя в кухне со стаканами чая со льдом и бутербродами с сыром, которые она нам приготовила, мы выслушиваем всю печальную историю моей семьи – вплоть до того времени, когда оставил дом последний из ее членов.

Странное дело, покидая свой дом, мы ожидаем, что, пока нас нет, вся жизнь в нем останавливается. Не то чтобы мы так думали всерьез, но эта идея сидит где-то в подсознании. По крайней мере, в моем. Но для тех, кого ты оставил позади, жизнь продолжается так же, как и для тебя, и только когда ты вернешься, тебя ошарашивает: все переменялось.

Уже пустой дом кое-что рассказал мне о переменах, но до конца я осознала их, только услышав рассказ миссис Суини. Я слушала ее, все глубже погружаясь в какое-то бесчувствие.

Рассказ об аресте братьев – оказывается, Дэл был не единственным гнилым яблочком в нашей семье. Просто он был самым горьким плодом в нашем заглушем садике.

Рэйлин оставила дом, только она, в отличие от меня, дотерпела до окончания школы. Никто не знал, куда она подевалась, – знали только, что уехала с Розы Миллер.

– Я слышала, они снимали комнату в Стоксвиле, – отвечает миссис Суини на мои расспросы, – но не долго. Эти девочки всегда рвались наверх. Позже они переехали в приличную часть Тисона, но чем зарабатывали на жизнь – представления не имею. Возможно, последовали твоему примеру и перебрались подальше. Ничуть не удивлюсь, если они в конце концов объявятся на одном из побережий – в Нью-Йорке или в Голливуде. У них всегда были этикие звезды в глазах – по крайней мере, у Розы Миллер. Чего хотела или о чем думала твоя сестра, трудно сказать.

– И вы не знаете, где она?

Миссис Суини качает головой:

– В последний раз я ее видела примерно месяц назад – она просто постояла на дороге со своей Розы, поглядела на старый дом. Будто прощалась.

Отец умер. От удара. В марте, всего три месяца назад.

И Джимми умер: застрелили в драке через неделю после смерти отца. Никто не знает, куда подевался Роби.

Дэл попал в тюрьму – ничего удивительного, – и мать переехала поближе к тюремному зданию и к нему.

– Он еще в тюрьме? – спрашиваю я миссис Суини.

Та кивает.

– Какое-то время он тебя не побеспокоит, – говорит она.

Я смотрю на нее и гадаю, сколько же ей было известно о том, что происходит в доме через дорогу. А если она знала, почему ничего не предпринимала? Неужели так трудно было сделать анонимный звонок в полицию? Но я знаю, что несправедлива. В таком крошечном поселке анонимности не существует, тем более когда твой аппарат на одном проводе с другими, как у всех здесь. А ей приходилось думать о безопасности собственной семьи. Она должна была знать, что мой братец способен сжечь ее дом со всеми обитателями.

– За что его посадили? – спрашиваю я.

– Вождение в пьяном виде. Он как-то вечером задавил насмерть девочку на шоссе и уехал, не обернувшись. Оставил ее умирать в канаве, как старого опоссума или лисицу. Его бы и не нашли, если б не Батч Стайлз – помнишь такого?

Я киваю. Батч Стайлз – ветеран войны, – вернувшись домой, привез с собой корейку и жил с ней в лесу.

– Ну вот, он гулял с собакой и все видел. Говорил потом, что едва не всадил пулю в голову твоему братцу, да только надо было прежде заняться девочкой. Помочь бедняжке он не сумел, зато позаботился, чтобы твой брат получил по справедливости.

– Он мне не брат, – говорю я.

Миссис Суини долго всматривается в мое лицо. Я скашиваю взгляд на Джорди, пытаюсь угадать, что он обо всем этом думает, но тот смотрит в ответ невозмутимо и сочувственно. Тут мне вспоминается, что его старший брат – Пэдди, а не Кристи – тоже кончил за решеткой. Несчастье может прицепиться к семье как зараза, от которой никак не избавиться.

– Ты знаешь, – говорит вдруг миссис Суини, – у меня осталась родня в Виргинии и Теннесси.

Я киваю, чтобы показать, что слушаю, хотя не понимаю еще, к чему она клонит.

– В тех местах живет много Картеров, – продолжает она.

– Не понимаю...

– Я просто хотела сказать, что в каждой семье есть паршивая овца. Большинство Картеров, которых я знаю, – хорошие, достойные люди.

– Я больше не Картер.

Она качает головой:

– Можно сменить имя, но прошлого не изменишь, Джиллиан Мэй Картер. Но тебе следует знать, что твоя ветвь семьи просто согнулась не в ту сторону. Не твоя вина, но теперь, мне думается, ты могла бы выправить ее как надо.

Я не думаю, что такое можно выправить, но молчу. Мне не хочется заводить спор. То, что сделал со мной Дэл, не исправишь словами и добрыми намерениями. И у меня в сердце не осталось тепла для остальных родственников, стоявших в стороне, хотя все они знали, каково мне приходится. Кроме Рэйлин, которая ничего не знала. Чудесная малышка Рэйлин...

– Не мне учить тебя, как жить, – говорит миссис Суини. – Просто я хочу, чтобы ты об этом поразмыслила.

– Поразмыслию, – говорю я и думаю, что вру. Хотя, пожалуй, я тогда сказала правду. Она дала мне много материала для размышлений. Только мысли мои приняли не то направление, как ей бы хотелось. Мы допиваем чай, благодарим миссис Суини и прощаемся. Выходя, видим, что небо немного посветлело. Дождя уже нет, но облаков все еще больше, чем чистого неба.

Джорди поворачивается ко мне.

– Нелегко такое услышать, – замечает он.

Я киваю:

– Особенно эти разговоры о прощении и спасении доброго имени семьи.

– Многого хочет от тебя, – говорит он, и по его тону мне не удается угадать, соглашается он со мной или с миссис Суини или просто выражает сочувствие.

– По-моему, это совершенно невозможно, – говорю я.

– Тебе не обязательно думать об этом сегодня, – бросает Джорди. – Да и вообще не обязательно, если ты не хочешь.

Я благодарно улыбаюсь ему: значит, он на моей стороне, и мне уже не так одиноко. Наверное, в ту минуту я впервые ощутила преданность Риделлов. Они делят людей на друзей и врагов без колебаний, зато уж их друзья всегда могут на них положиться.

– Далеко до автобусной остановки? – спрашивает он.

– Не знаю, многое ли здесь переменилось, – отвечаю я, – но в старые времена на автобус приходилось идти пешком в Стоксвилль. До нас автобусные маршруты не дотягивали.

Он перекладывает скрипку из руки в руку.

– Тогда лучше отправляться сразу, – говорит он.

Когда мы добираемся до Стоксвиля, меня снова одолевает уныние. Все стало незнакомым, и в то же время ничего не изменилось. Лачуги и хижины из картонных коробок с жестяными крышами и стенами, обшитыми толем или смоленой бумагой, уступили место приличным домикам с садами и ухоженными газонами. Улицу ближе к городу

заасфальтировали и даже проложили наконец по сторонам тротуары; дальше начинаются двух- и трехэтажные жилые дома и здания предприятий, а за ними – Шатай: изнанка Тисона, с ее барами и забегаловками, ломбардами, танцплощадками и стрип-клубами.

Довольно долго мы – единственные белые на улице. Почти до Дивижн-стрит, где, собственно, и начинается Шатай. Впрочем, никто не обращает на нас внимания, если не считать собак, увязавшихся за нами с самой окраины Стоксвила. Джорди поглядывает на них с беспокойством – после вчерашнего ему здесь все внушает опасения, – но меня собаки не путают. Какой бы злобной ни была псина, я всегда сумею с ней подружиться. Здешние, правда, не дают себя погладить, но я заговариваю с ними, и они больше не ворчат, а вскоре разбегаются, сворачивая по одной в переулки и дворы.

Я никогда не бывала в этой части города, по крайней мере одна, вот так, пешком. Направляясь в Тилер, мы здесь часто проезжали, но приводить сюда ребенка не полагалось. Тогда я не понимала почему, но теперь, повзрослев, побывав в шкуре наркоманки и шлюхи, с первого взгляда вижу множество тому причин. Несколько кварталов подряд все прохожие делятся на грязных наркоманов, потрепанных проституток и крутых парней, щеголяющих татуировками, как мужчины в центре города щеголяют дорогим одеколоном. Про себя я невольно повторяю благодарственные молитвы тому, кто – или что – помогло мне встретиться с Лу и заставило его увести меня с улицы.

Здесь у всех одинаково дикий вид – у белых, черных, индейцев. В этой части города существует только одно различие между людьми: у одних есть деньги, у других – нет. Мы – чужаки, и с первого взгляда видно, что взять с нас нечего, но я все-таки жалею про себя, что мы не остались на первой автобусной остановке, а решили пройти до автостанции. Нет, к нам никто не пристаёт, но угроза висит в воздухе, смешиваясь с царящими здесь отчаянием и безнадежностью.

Я всем сердцем желаю нам стать невидимками, не привлекать внимания, и некоторое время это срабатывает. Но потом какой-то парень отлепляется от стены бара, которую он подпирал вместе с компанией приятелей, и направляется к нам. Сердце у меня обрывается. Первое впечатление: в ширину он не меньше, чем в высоту. Футболка чуть не лопается от выпирающих мускулов, руки сплошь покрыты наколками. Темные непроницаемые глаза, прилизанные черные волосы и джинсы в жирных пятнах.

– Рэй, крошка, – говорит он, – а болтали, ты слиняла из города. – Но тут его взгляд опускается на мою грудь, возвращается к лицу. – Ты не Рэйлин!

– Я... я ее сестра, – выговариваю я, догадываясь, что Рэйлин природа одарила пощедрее, чем меня.

– Да ты чё? Я и не знал, что у нее сеструха есть.

– Джиллиан Мэй, – говорю я, но руки не протягиваю.

Он косится на Джорди, потом снова переводит взгляд на меня. Выдергивает пачку сигарет, заткнутую за рукав футболки на плече, и вытряхивает одну сигарету. Мы с Джорди дружно отказываемся от предложенного угощения.

– Говоришь, она уехала из города? – спрашиваю я.

Он кивает, закуривая сигарету. Я замечаю у него на тыльной стороне руки тюремные наколки: примитивные, самодельные – не то что на предплечьях, – те явно сделаны профессионалом. На правой – логотип фирмы «Харлей», на левой – голая женщина. Выше локтя есть еще, но они скрываются под рукавами, и мне их не разобрать.

– Сама она мне не говорила, – отвечает парень, – но слухок ходил. Они, мол, с Розы собрались поискать, где покруче.

– А куда уехали, не знаешь?

Он чуть прищуривается.

– Мы же родня, – напоминаю я. – Я с ней не виделась много лет, вот и решила найти ее.

– Где была-то? – спрашивает он.

После мгновенной заминки я вхожу в роль.

– Холсворт, – говорю я. В Холсворте расположена ближайшая к Ньюфорду женская

тюрьма. – Всего пара недель, как вышла. Заловила неправильного копа.

На Джорди я даже не гляжу, но рассчитываю, что он догадается подыграть мне.

– Правильных копов не бывает, – говорит наш новый знакомый.

– Теперь-то я это знаю!

Он хохочет:

– Еще бы не знать. Про Дэла слыхала?

– Дэл мне брат, – говорю я, – но в любимчиках не числится.

– Да уж, поганный тип, без вопросов. Мы с ним раз-другой перекинулись словом. Так не делают, как он с той малышкой, – оставил подыхать в канаве.

– Для Дэла ничего удивительного.

– Да уж, этот что ни выкинет, никто не удивится.

Я киваю:

– Стало быть, не знаешь, где теперь Рэйлин?

Затянувшись, он качает головой:

– Отправилась искать форта.

– Но она была в порядке? – спрашиваю я. – Выглядела хорошо?

Он хохочет:

– Выглядела твоя сеструха всегда что надо. Правда, она держит свое при себе. Не то что Розы. Вот та веселая девка...

Он сбивается, чуточку смутившись направлением, которое принял разговор, а я даже не могу вспомнить, кто такая эта Розы. Семья Миллеров, помнится, жила чуть дальше по Старой фермерской, но у них, кажется, были одни мальчики.

– Ты за сестренку не волнуйся, – говорит он. – Она о себе позаботится.

– Ну, если увидишь ее...

– Скажу, что ты заглядывала.

Я киваю:

– Спасибо.

– Тебе, может, надо чего? – спрашивает он. – Я-то знаю, каково выйти на волю, когда ты никому не нужен.

– Со мной все в порядке, – говорю я и отхожу, но тут же останавливаюсь и спрашиваю: – Как тебя зовут?

– Фрэнки, – отвечает он. – Фрэнки Беннет.

– Спасибо, что поболтал со мной, Фрэнки, – говорю я.

Потом беру Джорди за руку, и мы идем дальше.

– Удачи тебе, Джиллиан Мэй! – кричит мне вслед Фрэнки.

И мне снова становится спокойно. Я оборачиваюсь, улыбаюсь ему и машу рукой, но мы не останавливаемся.

– И как это все понимать? – спрашивает Джорди, когда Фрэнки уже не может нас слышать.

Я пожимаю плечами. Мы переходим шоссе, отделяющее Шатай от настоящего Тисона, и тот мир остается за спиной. Бары, наркоманы, шлюхи... За ними – Стоксвилль. Еще дальше – Козлиный Рай, где я росла. Или, вернее сказать, существовала несколько лет. Думаю, по-настоящему я начала взрослеть только после того, как Лу меня подобрал.

– Я просто хотела, чтоб он считал меня за свою, – объясняю я Джорди. – Видно же, что парень отсидел срок. Вот я и решила, что он будет дружелюбнее, если решит, что я тоже сидела.

– Но Холсворт?..

– Малость преувеличила. Приют не многим лучше тюрьмы.

– Но в тюрьме-то ты не бывала?

– Зато побывала в других местах, где лучше бы не бывать.

– Ты не одобряешь тюрем? Знаешь, если виноват, должен платить и все такое?

Наверно, он сейчас думает про своего брата Пэдди.

– Не в том дело, – говорю я, – просто в тюрьмах много людей, которые не заслуживают этого, а на свободе слишком много таких, кого надо запереть и ключи потерять. Как-то это неправильно.

Джорди кивает:

– Хотя Пэдди не ангел, это уж точно.

– Думаешь, тюрьма его исправит?

– Хорошо бы, – говорит Джорди, – да что-то не верится.

Я ничем не могу облегчить боль, которую вижу в его глазах, и просто пожимаю ему руку.

– Давай найдем автостанцию, – говорю я.

Он кивает:

– Похоже, мы только время зря потратили.

Я думаю, какого друга нашла в нем, и мотаю головой.

– Вовсе не зря, – говорю я ему. – Совсем даже не зря.

Рэйлин

Тисон, апрель 1999-го

Пожалуй, мы с Розы малость пообтесались со времен голоногого детства в Тисоне. Язычки у нас по-прежнему не сахар, и спуску никому не дадим, но, можно сказать, мы чуток помягчили. Кой-чего в жизни повидали, скажете, нет? И вот в апреле 99-го мы вернулись домой, как пара фальшивых медяков к хозяину.

Думается мне, рано или поздно всякий возвращается обратно, вот незадача. Как ни беги со всех ног, как ни удирай подальше, а все равно приползешь назад, потому что остальному миру ты и вовсе не нужен.

Правда, мы с Розы не столько приползли назад, сколько просто устроили себе передышку, притормозили, вспомнили старые времена. Задерживаться ни она, ни я не собирались. Приехали в городок в конце марта, сняли комнату в мотеле «Тихий приют», что на Дивижн-стрит, и просто так бродили, вспоминали. По большей части проводили время в Шатае, в тех трех кварталах, забитых стрип-клубами, барами и прочими кабаками, где по сей день развлекается народ с обеих сторон шоссе. Там, куда ни повернись, мы натыкались на воспоминания.

Зашли в старый дом, где жили тогда.

Пробовали отыскать бары и бильярдные, где сживали в свободное время, но они все позакрывались либо их переименовали.

Постояли на углу, где Джимми забили до смерти «Чертовы Драконы». Мне там припомнилась вся наша незадачливая семейка. Дэл с мамашей, Роби, моя сестричка.

Надо полагать, она так и живет-поживает в Нью-форде, не зная горя. Если верить той статейке, что попалась мне в Лос-Анджелесе, она тут хорошо устроилась, а от добра добра не ищут. Но вот остальные...

Как-то вечером я оставляю Розы в номере – курить и смотреть мыльные оперы – она на них подседа в тюрьме. Я-то теперь не часто смотрю телевизор, а если и включаю, так не больно замечаю, что происходит на экране. Просто врубаю для шума, а сама ухожу в себя, думаю: больше про волчиц да про тот мир, где мы рыскаем, – где он и как у нас получается пробираться туда на охоту.

Я сажусь в автобус на Дивижн-стрит и еду по длинной изгибающейся улице, которая тянется в пригороды Тисона, – долгая поездка с остановками на каждом углу напоминает мне времена, когда я моталась навещать Розы в тюрьме. Схожу я в насквозь знакомом месте у отеля «Девари», хотя сегодня переодеться мне ни к чему, никаких афер я проворачивать

не собираюсь. Я даже ничего не ищу. Просто мне надо немножко побыть одной. Никак не привыкну к тому, как все меняется. «Девари» стал роскошным отелем, весь сверкает и расфуфырился, как панельная девка перед вечерней прогулкой в расчете впечатлить местный люд. Да и старые здания вокруг приобрели новые фасады, а где и вовсе снесены под корень; на их месте выросли высотки с шикарными офисами и торговыми пассажами, а вокруг столько бутиков и галерей, что глаза разбегаются. Чем больше я там брожу, тем яснее понимаю, что Тисон уже не захолустный городишко. Под конец двадцатого века на него напала страсть к развитию, впрочем, она одолела чуть не каждый город в стране. Интересно, соседние городишки, Хазард и Куперстаун, тоже превратились в туристские аттракционы, а добыча ископаемых и торговля древесиной, на которых они выросли, начисто забыты?

Хотя это не моя забота.

Я покупаю себе пакетик кислого мармелада и жую на ходу. Гуляю часок и начинаю чувствовать себя как в одном из десятка городов, мимо которых мы с Розы прокатали по дороге из Лос-Анджелеса. И понемногу понимаю: дело не в том, что все меняется, а в том, что все становится одинаковым.

Натыкаюсь на распродажу радиотоваров и захожу купить провод подлиннее для своего ноутбука. В нашем номере нет особой розетки для выхода в Интернет, так что мне приходится все время переносить компьютер с кофейного столика, за которым я работаю, к кровати, чтобы дотянуть провод до телефонной розетки.

Я прекрасно обошлась бы без посторонней помощи, но стоит мне войти в дверь, навстречу бросается продавец-консультант. Я открываю рот, чтобы сказать, мол, он мне не нужен, но этот тип уже скалится, как старая гончая, взявшая след.

– Рэйлин Картер, – говорит он. – Сколько лет, сколько зим!

Обращение по имени застает меня врасплох, и рука сама тянется к карману, где лежит нож-выкидушка, полученный давным-давно в подарок от Розы. Я привыкла быть невидимкой. Если человек знает мое имя, это, как правило, означает неприятности.

– Ты нисколько не переменилась с последнего класса, – заявляет продавец. – Как поживаешь?

Теперь я его вспоминаю и сразу расслабляюсь. Это же Бенмонт Луни! Ну и натерпелся же он в школе из-за своей фамилии*.⁶ Бен тоже переменился, как и весь Тисон, только не к лучшему. Он всегда был круглолицым коротышкой, а одежда на нем вечно болталась. С тех пор он подрос, но костюм все равно висит как на вешалке. А физиономия еще круглее, и хотя прыщи пропали, но заодно куда-то подевалась и большая часть шевелюры.

– Привет, Бен, – говорю я с фальшивой улыбкой. – Как дела?

– Неплохо, неплохо. Я теперь управляющий в этой лавочке.

Хватает невнятного «угу», чтобы он пустился рассказывать мне про свою женушку и ребяташек, да как он живет теперь в Маунтвью – новом пригороде, и какой это «большой шаг от Старой фермерской, где мы росли».

Смешно слушать, как кусок нашего Козлиного Рая называют официальным именем. Сколько лет его не слыхала, хотя вообще-то ничего удивительного, раз я общалась все эти годы только с Розы.

Я даю Луни немного поболтать, а потом незаметно перевожу разговор на наше семейство, поскольку этому парню наверняка известно все, что меня интересует. Это я без подковырки говорю. Просто есть люди, которые всегда в курсе чужих дел, и Луни точно один из них. Еще мальчишкой таким был. Помнится, Розы не раз собиралась его поколотить, чтоб поменьше болтал. А мне было все равно, но сейчас я рада навести его на тему неудачливого клана Картеров.

– Ты, наверно, слышала, что Дэла посадили, – говорит он.

Я киваю:

⁶ *Looney* – сумасшедший, душевнобольной (англ.)

- Что заработал, то и получил. Но это было давно – еще при мне.
- Да, верно... Так он отсидел семь лет, а как вышел, связался с Морганями.
- С какой стати?

Дэл, помнится мне, всегда предпочитал место на самой верхушке тотемного столба, так что я и впрямь не понимаю, что его потянуло к Морганям, у которых он выше мальчика на побегушках не поднялся бы.

– Да, понимаешь, – объясняет мне Луни, – он вроде бы влюбился в их девушку, так что, думаю, ради нее они его и взяли.

- А я думала, они с чужаками не рождаются.

Он ухмыляется знакомой улыбочкой лунатика – как посмотришь, подумаешь, что у него и впрямь не хватает винтиков. Хотя на самом деле он далеко не дурак – я еще по школе помню, – но с этой улыбочкой, да и фамилией в придачу, место классного придурка ему было обеспечено.

– Глядя на них, этому легко поверить, – говорит он, – но у меня есть сведения, что твой брат не первый взял жену из клана Морганов.

- Чего ж тогда они выглядят все как близнецы?
- Видимо, сильные гены.

Видите, о чем я говорю. То есть, может, Луни с виду и дурак дураком, но в голове у него кое-что имеется.

- Мапочка небось была не слишком довольна, – говорю я.

У него на лице возникает такое выражение, с каким готовятся сообщить дурные вести.

– Не хочу тебя огорчать, Рэйлин, – отвечает он, – но вашей мамы уже нет в живых. Как же это, тебе никто не сообщил?

«А то с чего бы я тебя выпрашивала?» – думаю я. Но вслух говорю ему только, что в последние годы ни с кем не поддерживала связи.

- Ну, прости, что обрушил на тебя плохое известие, – говорит он.

«Что же в нем плохого? – рассуждаю я. – Одним Картером меньше – еще одна забота с плеч долой».

– Что с ней случилось? – спрашиваю я его. Надеюсь, она умирала тяжело. Как заслужила.

– Тут есть какая-то ирония, – говорит он. – Она столько лет выступала за отмену суровых наказаний за вождение в нетрезвом виде, а погибла знаешь как? – столкнулась лоб в лоб с Дьюи Макери, который так накачался виски, что в ту ночь к нему можно было подключить шланг и открывать бар.

«Очень похоже на мамашу, – думаю я. – Раз Дэла посадили за вождение в пьяном виде, так она будет выступать в защиту пьяных за рулем, и плевать ей на всех невинных бедолаг, которые гибнут из-за них на дорогах. Она никогда никого в расчет не принимала, кроме своей драгоценной особы и своего любимчика».

- Зато похороны были многолюдными.

- Народ, видно, хотел убедиться, что она и вправду померла, – говорю я.

Он ошарашенно смотрит на меня, но чуть погода кивает:

– Может, ты и права. Ее многие недолюбливали. Добра от нее не видели, а пьяной ее вообще трудно было переносить.

- А Роби, – спрашиваю я, – тоже умер?

– Вскоре после Джимми, но тебя, пожалуй, к тому времени в городе уже не было. Его нашли в Сосновом ручье – передозировка наркотика.

Стало быть, все Картеры перемерли. Надо думать, мир стал чуточку меньше вонять.

- А что с Дэлом? – с надеждой спрашиваю я.

- Ты не слыхала, что случилось с Морганями? Я думал, все газеты писали.

- Я особо не слежу за новостями, – говорю я. – Хороших все равно не услышишь.

– Ну, эта новость точно была плохой. Официальная версия гласила, что они не ладили с бандой цветных и их всех вырезали подчистую.

– Не может быть!

Он кивает, радуясь, что нашел свежего слушателя.

– Чистая правда. Поймали только одного из убийц и казнили его году в восемьдесят третьем или четвертом.

– Ты сказал «официальная версия», а как насчет неофициальной?

– Говорили, он в одиночку со всеми управился. Но такого не может быть. В тот день перебили сорок или пятьдесят Морганов, а ты же помнишь, какая это была погань. Из тех, что убьют человека за косой взгляд. С ними лучше было не связываться.

Я киваю. Многим пришлось в этом убедиться на своей шкуре.

– А кто говорил, что с ними управился один человек?

– В резервации ходили такие разговоры. Мол, он был вроде шамана или дух, призрак какой-то. Да это просто байки. Ты же знаешь, как люди любят поболтать.

Я думаю о нас с Розы и нашей стае из страны снов. Мне-то не понаслышке известно, что мир не обязательно таков, каким видится глазу. Но просвещать Луни на этот счет я не собираюсь.

– Так Дэла прикончили с ними за компанию? – спрашиваю я.

– Нет, но потеря родных совсем сломила его.

Нас он потерял много лет назад, думаю я, но Луни не о нас говорит.

– Он еще держится? – спрашиваю я.

Луни кивает:

– Живет на пособие в трейлерном парке. В том, что в конце Индейской дороги.

«Значит, мне туда не надо», – отмечаю я про себя, но какое-то любопытство во мне шевелится. Штука в том, что мне до сих пор не по себе при мысли о нем. Может, из него и вырос обыкновенный неудачник, но в голове у меня по-прежнему здоровенный парень, который держал меня в страхе все детские годы. Хорошо бы залучить его в страну снов и посмотреть, как ему понравится иметь дело с волчьей стаей.

– А ты как? – спрашивает Луни. – Чем занималась? С Розы не видишься?

– Да мы с ней вместе, – заявляю я. – Перебрались во Флориду и все это время работали там секретаршами. А в этом году решили провести отпуск в родных местах. Оглядеться, посмотреть, как все изменилось...

– А где во Флориде?

Нос у него длинный, но я не собираюсь пополнять его багаж сплетен. Так и вижу, как он выкладывает при первой встрече со старыми приятелями: «Ни за что не догадаетесь, с кем я давеча столкнулся...»

– Сказать по правде, Бен, – говорю я, – я сейчас тороплюсь. Может, ты пока продашь мне удлинитель для провода, а поболтаем в другой раз. Как насчет того, чтобы собрать старую компанию и повеселиться?

Предложение ему по вкусу, но когда он, выбив мне чек, начинает расспрашивать, где мы остановились, я просто беру визитку из пачки, лежащей у кассы, и обещаю позвонить.

Он улыбается, и я улыбаюсь, и оба мы понимаем, что больше не увидимся, разве что вот так – случайно.

Розы повстречалась со своей семейкой вскоре после нашего приезда. Она их не искала, и, думается, правильно делала, потому что когда она столкнулась на улице со своим братцем Элмером, тот даже не поздоровался. С ходу закатил ей оплеуху и заявил, чтобы она не смела звонить матери и в доме ее больше не примут.

– Всегда знал, что ты плохо кончишь, – прошипел он, – но даже мне не приходило в голову, чтоб ты докатилась до участия в таких фильмах!

Розы снималась в порнофильмах, конечно, под псевдонимом, но такое имя, как Розы Сахарок, мало что скрывает, тем более что дома все отлично знают тебя в лицо. Кстати, если подумать, странно, как это всезнайка Луни ничего об этом не сказал. Может, он просто слишком хорошо воспитан.

Но в семейке Розы все баптисты и нос дерут кверху, а слово «вежливость» к ним не относится. Конечно, вы можете удивиться, каким образом столь высоконравственные граждане вообще познакомились с порнографическими фильмами. Но я выросла среди католиков и знаю, как слабо вера связана с моралью, – мои родичи первый тому пример.

Когда Элмер так с ней обошелся, я думала, Розы его ножом пырнет или хоть врежет ему хорошенько, но она ничего такого не сделала. Должно быть, тюрьма ее кое-чему научила – хотя бы дала понять, когда драться, а когда отойти в сторонку.

Я ее потом спрашиваю, не обидно ли ей, что так вышло.

– Мы с тобой семья, – говорит она, – а другой нам не надо.

Про себя я это давно знаю, а ей всегда удивлялась, как это она так держится и умеет постоять за себя, ни о ком больше не думая. Мне всегда казалось, она хорошо ладит со своими предками и братцами, и с ее слов так и получалось.

– Ничего подобного, – говорит она мне. – Правда, они меня учили, как за себя постоять, только вовсе не из любви ко мне. Просто считали, что я должна быть их достойна. Ничего такого, как Дэл с тобой, они не вытворяли, но при их тупости я не удивлюсь, если просто не додумались. Видит бог, сказала бы, что у них собачья мораль, да не хочу обижать собак. Что до мамочки с папочкой – они, правда, не напивались, как твоя старушка, но в остальном ее не посрамили бы.

– Как-то это неправильно: расти вот так, как мы...

Розы хохочет:

– Когда же ты поймешь, Рэй? Миру плевать, что правильно, что неправильно. Мир таков, как он есть, и нам с тобой надо выбить из него все, что сумеем.

– Похоже, нам надо что-то решать, – говорит Розы.

Мы сидим в «Жемчужинке» – это забегаловка в Шатае – утром в будний день, пьем паршивый кофе и курим, то есть Розы курит. «Жемчужинка» не особенно переменилась. Как была чуть почище свинарника, так и осталась. Знакомых не видно, а в остальном – все то же самое. Официантка, которая шлепает перед нами подносик с кофе, вполне может быть дочерью той старой швабры, которая прислуживала здесь пятнадцать лет назад. У бара сидит пьянчужка, потягивает утреннюю выпивку. Пара шлюшек в задней кабинке пересчитывают деньги. В кабинке рядом с нами какой-то парень пристраивается с соломинкой к кучкам кокаина, разложенным по столу рядками.

– Либо играть чистенько, – продолжает Розы, затушив сигарету, – либо работать без хитростей, не боясь запачкаться.

Я молча смотрю на нее. Она развалилась на диванчике напротив меня, расслабилась, улыбается. Черные велосипедки у нее старомодные, а вот розовый топик без лямочек из моды никогда не выходит – по крайней мере, в тех местах, где мы бываем. Розы до сих пор всегда выбирает одежду под стать своему имени. Когда впервые начала так одеваться, то объясняла мне, что у нее это будет вроде торговой марки. Как будто кого-то занимали ее наряды. Но я потому и устроила ей розовый экипаж к выходу на свободу.

– Ты что-то уже наметила? – спрашиваю я.

Розы пожимает плечами и встряхивает своими светлыми кудряшками. Позаимствовала прическу у Фарах Фосетт, когда ее программа была еще в зените славы, и с тех пор ее и держится. «Не стоит менять то, что работает», – сказала она мне, когда я как-то предложила сменить стиль. Я-то своим волосам даю полную свободу. Правда, в последние годы отрастила подлиннее и связываю иногда в хвостик на затылке. Розы теперь выглядит намного лучше: почти как в те далекие времена, когда входила в моду как порнозвезда. Кожа мягкая, где надо – твердо, и морщины с лица сошли. И я тоже неплохо выгляжу, хотя перед зеркалом провожу гораздо меньше времени. Но бывает, взглянешь на себя, выходя из душа, и только диву даешься. Нигде не провисает, складок нет, и морщин тоже. У меня седина в волосах появлялась, так и она исчезла.

Как-то раз я заговорила об этом с Розы. Она поглядела на меня, скинула с себя все и

встала перед большим зеркалом.

– Чтоб мне провалиться, – говорит, – я и не замечала. – Оборачивается и смотрит на меня. – Что ж это делается, Рэй?

Я, когда впервые заметила, тоже чуть с ума не сошла. Но с тех пор придумала объяснение и выдаю его ей:

– Кровь единорогов.

– Но мы же их во сне убиваем.

– Я ведь говорила, – напоминаю я, – мы видим этот лес во сне, но где-то он существует по-настоящему.

Рози кивает и снова оборачивается к зеркалу, гладит себя по животу, приподнимает груди...

Сейчас она обращается ко мне с диванчика:

– Мне бы хотелось побольше хрустящей зелени, но вот зарабатывать что-то не тянет.

Я улыбаюсь: тоже мне, новость.

– Только не здесь, в Тисоне, – предупреждаю я.

– Ну. Я думала о Ньюфорде.

– Как ты думаешь, нас там кто-нибудь вспомнит? – спрашиваю я.

Много лет прошло, как мы крутили динамо в Ньюфорде.

– Мы забываемы, – ухмыляется Рози. – Этот крест нам с тобой предстоит нести до старости. Зато Ньюфорд – большой город.

Я киваю. Пока мы болтали, я просматривала газету, и одна заметка зацепила меня намертво. Бывают такие минуты, когда становится разом холодно и жарко. Хочется разорвать газету в клочки и расшвырять по всему залу. Схватить кого-нибудь за волосы и колотить мордой о стену, пока от лица ничего не останется. Но я заставляю себя дышать. Успокоиться.

Чутьочку придя в себя, взглядываю на Рози, но та ничего не заметила.

– Ты в судьбу веришь? – спрашиваю я, удивляясь, как спокойно звучит мой голос.

Она равнодушно передергивает плечами: как хочешь, так и понимай. Я разворачиваю «Тисон тайме» на заметке о ньюфордской художнице, сбитой машиной, и показываю ей. Рози рассматривает фотографию женщины, о которой идет речь в статье.

– Твоя сестра? – спрашивает она.

– Черт побери, второй такой нет.

– Она сменила имя.

– Ага, – соглашаюсь я. – Она много чего попыталась сменить, но в конечном счете была и останется отребьем из Козлиного Рая. Какими нас вырастили, такими мы и останемся, что там ни делай.

Потому я, честно говоря, и плыву по течению. Что толку бороться с самой собой или с тем, как смотрит на тебя мир? Дайте мне миллион долларов, а все равно для всех я останусь просто какой-то Картер с другой стороны шоссе.

– Она здорово похожа на тебя, – замечает Рози. – То есть ей бы побольше в груди, и вас можно принять за сестер.

Я вздыхаю:

– Мы и есть сестры.

– Я хотела сказать, за близняшек.

– Пожалуй, и впрямь есть сходство. Странное дело. Услышав, что Дэл живет в трейлрном парке, я если что и ощутила, так разве малость любопытства, и еще старые страхи царапнули. Помрет он завтра – да хоть сию минуту, – мне все равно. Не то что эта моя сестрица: стоит мне о ней вспомнить, и я прихожу в ярость.

Должно быть, это потому, что Дэл всегда был дрянью, и что бы он со мной ни выделывал, я принимала как должное. Но она меня предала, и такое оставляет занозу покрупнее, чем я могла представить, а я многое могу представить. Такие обиды не прощаются.

– Думаю, может, нанести ей визит, – говорю я.
Рози странно смотрит на меня:
– Ты ведь не станешь делать глупостей, а? Потому что, могу сказать по личному опыту, за решетку лучше не попадать.
– Верно, лучше не попадать.
Рози еще некоторое время изучает меня и кивает.
– Пожалуй, если кто и умеет выкрутиться, так это ты, – говорит она. – Ты всегда была слишком умна, чтобы погореть.
– Я не собираюсь делать ей ничего плохого, – говорю я. – Пока не собираюсь. К тому же почитай, что здесь говорится. Она в какой-то там коме.
Рози кивает:
– Верно. Пора нам найти что-нибудь новенькое. Тисон мне все равно надоел.

Ньюфорт, апрель

Вот так и выходит, что мы оставляем розовый «кадиллак» в конце Йор-стрит и пешочком добираемся до дому, где снимает квартиру моя сестрица, – такую мансарду-студию напротив китайской лавочки. В том же доме еще три квартиры и какие-то магазинчики на первом этаже, но сейчас они закрыты, окна заклеены бумагой, и неясно, чем там торгуют. На дверях углового кафе объявление «Скоро открываемся!», а рядом что-то под названием «Шепот» – с такой вывеской можно продавать что угодно. На ее парадном два звонка с наклейками-именами. Ее звонок – второй.

Я заранее позвонила в больницу, но сестрица так и валяется в коме – уже третий день. Сворачивая в переулок мимо ее дома, я пытаюсь определиться, хочу ли, чтобы она очнулась, или лучше пусть так и остается до самой смерти. Мне хочется сказать ей в лицо, что я о ней думаю, но еще одни похороны, на которые я не пойду, – тоже неплохой вариант.

– Ее квартира на третьем этаже. – Рози показывает на окно. – Пожарная лестница ведет прямо к ней.

Я киваю:

– Вот, надень-ка.

Натягиваю пару хирургических перчаток, купленных утром в аптеке, а вторую подаю ей. Рози делает круглые глаза:

– Это еще зачем?

– Ни к чему нам оставлять отпечатки, тем более что на нас обеих заведены досье.

– Я думала, мы ничего делать не собираемся.

– Взлом-то мы совершаем, нет?

– Это верно...

Видно, что она меня не понимает, и я не уверена, что понимаю сама. Кажется, мне просто нужно побывать в доме, где она прожила все эти годы, понять, ради чего такого важного она могла оставить меня на растерзание Дэлу.

Мы лезем по пожарной лесенке среди бела дня, но меня это не волнует. Отсюда видна только задняя стена здания напротив, и в квартирах на улицу, может, и живут порядочные люди, но в этих – наверняка всякий сброд. Никто не обратит внимания на пару теток, лезущих по пожарной лестнице. Все-таки прежде, чем разбить окно, я оглядываюсь по сторонам. Мы замираем, вслушиваясь в тишину, наступившую после дребезга осколков об асфальт. Но никто не высовывается посмотреть, что случилось, так что мы выламываем последние осколки и забираемся внутрь.

И тут я понимаю, зачем пришла.

Всё эти проклятые картины. Все эти ее эльфы, которых она притащила из лесов вокруг нашего дома и поселила здесь, в городе.

– Ну и распустих, – говорит Рози, оглядывая комнату.

Наверно, Рози права. Вся комната завалена кистями и коробками красок, бутылочками

и шмотками, но я их почти не замечаю и Розы почти не слышу. Я смотрю в темную дыру внутри себя, вспоминаю все эти сказочки, которыми она меня кормила и которые для нее, может, и исполнились, да только меня-то она оставила точно не в сказке. Какой мог быть для меня счастливый конец, когда Дэл ночь за ночью входил в спальню ко мне, к маленькой девочке?

– Рэй? – окликает меня Розы.

Мне не до разговоров. Глаза затягивает красной пеленой, от которой все вокруг кажется покрытым кровью. Я достаю из кармана тот ножик и подхожу к самой большой картине, пристроенной на полке перед полудюжиной других. Лезвие наточено как бритва – я не забыла урока Розы, – и первую картинку нож разрезает, будто он горячий, а вместо полотна – масло. Улыбающийся эльф, глядящий прямо на меня, распадается надвое, а потом я превращаю всю эту чертовщину в лохмотья и перехожу к следующей. Много времени проходит, много холстов приходится вспороть, много изломать рам и расшвырять бутылок, пока я снова не начинаю нормально дышать. Тогда я вижу, что Розы сидит на продавленной кушетке и смотрит на меня. В воздухе стоит резкая вонь – должно быть, в одной из бутылочек, которые я расколотила, был скипидар.

– Ты как, закончила? – спрашивает Розы.

Я медленно киваю.

– Полегчало?

Я делаю долгий медленный вдох. Гляжу на окружающий меня разгром, медленно складываю нож и опускаю обратно в карман.

– Немного, – говорю я ей.

– Тогда давай сматываться.

На эту ночь мы снимаем номер в мотеле «Уютный ночлег» на Четырнадцатой автостраде и, едва заснув, приступаем к охоте, дикой и яростной. Мы полны злобы и ненависти, готовы драться с кем угодно, однако ни единого подходящего следа нам не попадается. Я просыпаюсь на рассвете и плююсь в потолок гостиничной спальни в растерянности и обиде. Единственное утешение – представить, как моя сестрица возвращается в свою квартирку и видит, что все ее мечты разлетелись в клочья, в точности как мои, когда она меня бросила.

После этого со мной творится что-то странное: будто я вместо того, чтобы облегчить душу, разбередила больное место. Я превращаюсь в какого-то шпика с навязчивой идеей. Малость денег у нас еще осталось, но я вижу, как дергается Розы из-за того, что я ни на чем не могу сосредоточиться. Чуть ли не каждый день возвращаюсь к той квартирке, по большей части даже не переодеваясь, а иногда напяливаю парик и подмазываю лицо, как мы делали, когда охотились на барсуков, так что меня там никто не узнает. Ее подружки привели дом в порядок, но я так же легко попадаю внутрь. Первый раз пришлось подняться по лестнице и поработать проволочками, вспомнить старые навыки, хотя замок у нее на двери открыть проще простого. Порывшись в ее барахле, я нахожу в ящике связку ключей и пробую их один за другим, пока не нахожу подходящий. Теперь мне не приходится разыгрывать взломщика. Дважды я успеваю услышать за дверью шаги и ныряю под кровать, пережидая, пока кто-то забирает письма и медленно обходит квартиру. По походке слышно, что это женщина. Во второй раз она присаживается на диванчик, и я слышу ее плач.

И в больнице я тоже побывала, а потом и в реабилитации. Каждый раз в новом виде. Прохожу мимо ее палаты, иногда приостанавливаюсь и заглядываю внутрь. Не знаю, о чем я думаю, чего хочу. Знаю только, что между нами кое-что не кончено.

А потом в стране снов нам встречается такое, что прежде не встречалось, и все меняется. Мы загнали одного из тех единорогов – впервые за много ночей – и едва лизнули крови, как нас спугнули.

Мы с Розы просыпаемся одновременно на широченной гостиничной кровати, которую делим на двоих.

– Что-то невероятное! – выпаливает Роза. – Ну вот кто это был?

Я сама еще не очухалась. Тела у них человечески, а головы как у волков или койотов, толком не разобрала. Пара парней-псов, одетых в обыкновенные джинсы и прочее.

– Какие-то... люди-звери, – говорю я, и тут до меня доходит. Как они были одеты, как говорили... – Ты ничего необычного в них не заметила? – спрашиваю я у Розы.

Она смотрит на меня как на полную дурочку.

– Ну да... ты про то, что у них собачьи головы на человеческих телах?

– Нет, – говорю я, – про то, что на одном была футболочка с надписью: «Не! Покупай! Китай!» С какой стати им в стране снов бойкотировать какие-то товары?

– Ты о чем?

– И они знали, что мы не настоящие волки.

– Это ясно и без твоих хитроумных мозгов, – соглашается Роза, – но вот к чему ты ведешь...

– Они пришли из нашего мира, – втолковываю я ей, хлопая ладонью по простыне. – Точь-в-точь как мы с тобой, только мне почудилось, что они там целиком. Похоже, им, чтобы туда попасть, не надо прежде заснуть и увидеть сон.

Роза задумчиво закуривает сигарету и медленно кивает:

– Ты думаешь?

– Даже не сомневаюсь.

– Но если б здесь разгуливали ребята с собачьими головами, о них бы в газетах писали – если они отсюда, я хочу сказать.

– Здесь они иначе выглядят, – объясняю я, мечтая, чтоб Роза хоть раз в жизни воспользовалась мозгами, полученными от Бога. – Ручаюсь, они свободно могут выбирать, в какое тело им нарядиться.

– Они меня перепугали до колик, – говорит Роза.

Я ее понимаю. Потому я и сама отступила. В этих полупсах чувствуется серьезная сила. Я хоть и не долго их видела, а успела почуять, что им только пару слов сказать, и нас нет.

– Понимаешь, что это значит? – спрашиваю я.

– Больше нам не развлекаться? Я качаю головой:

– Ничего подобного.

– Тогда что?

– Что мы и сами можем туда попасть. По-настоящему. Ты только подумай: если такому научиться, можно в этом мире больше ни о чем не беспокоиться: мы сумеем в любую минуту смыться туда, как та парочка.

– Откуда ты знаешь, что они это могут? – сомневается Роза.

Но я знаю. Откуда знаю, объяснить не могу, но твердо уверена. А если они научились, так и мы найдем способ – надо только постараться.

– А зачем это нам? – спрашивает Роза.

– Ну, прежде всего, тогда нам больше никогда не придется работать.

– А то мы работали!

– Я работала.

Роза кивает:

– Я забыла, сколько лет ты прослужила в той типографии.

– А если это дело выгорит, работать нам больше не придется и рисковать своими задницами, прокручивая грязные делишки, – тоже.

Роза откидывается на спинку кровати.

– Как это у тебя получается?

– Скажем, нам понадобились деньжата, – объясняю я. – Просто выходим из страны снов напрямик в банковское хранилище, загребаем сколько надо – и обратно, откуда пришли. – Я ухмыляюсь. – А если нас и поймают, то черта с два удержат. Сунут в камеру, а мы тут же исчезнем обратно в страну снов. Вот так! – Я щелкаю пальцами.

В неоновом свете вывески за окном я вижу, как на лице Розы брезжит понимание и она

ухмыляется, как в старые добрые времена.

– Как будем учиться этому? – спрашивает она.

– Пока не знаю. Дай подумать.

Утром у меня уже готова идея.

– Помнишь ту старуху, что жила в верховьях Медного ручья? – спрашиваю я Рози. – У нее еще бутылочное дерево росло перед домом?

Рози поворачивается ко мне от туалетного зеркальца, перед которым накладывала косметику. По ее лицу видно, что она опять ничего не понимает.

– Как по-твоему, она еще живет там? – продолжаю я. – В те времена мне казалось, ей не меньше тысячи лет от роду.

Мы тогда еще школьницами были и удирали в лес, устраивали там маленькие пикники. В тот день нас было только трое: я, Рози и Ролли Легран – парень, которого Рози выбрала себе на ту неделю. Мы курили сигареты, пили пиво и, оставив «дастер» Ролли, добрались до хлипкого мостика, по которому Старое шоссе пересекало Медный ручей. Тут мы и наткнулись на старую бревенчатую избушку с бутылочным деревом перед крыльцом, а на крыльце сидела старуха.

Кожа у нее была темная, но не разобрать, то ли от природы, то ли просто солнце сожгло ее дочерна, пока она сидела на этом своем крыльечке день за днем и год за годом. Волосы были черные – ни единой седой волосинки – и свисали на плечи двумя косами, а платье из цветной бумази; она курила трубочку и пялилась на нас своими глазищами, такими темными, словно там сплошной зрачок.

Помнится, поднялся ветер, и бутылки на ее дереве зазвенели, ударяясь друг о друга со странным гулким стуком. Я слышала, они должны отгонять злых духов. А потом ветер утих, и бутылки замолкли. И мы тоже замерли, стоим, смотрим на нее, а она на нас. И вдруг она подняла руку, и снова ветер зазвенел бутылками. Не знаю, как насчет духов, а нас в тот день будто этим ветром сдуло.

– С такими, как мисс Люсинда, лучше не связываться, – говорит Рози.

Так ее все называли. По-моему, фамилии никто не знал, а может, ее и не было. Наверно, в каждом городишке имеется такая старуха, которую все считают ведьмой. Разница в том, что мисс Люсинда, насколько я понимаю, ведьмой и была.

– Знаешь ведь, что о ней говорили, – продолжает Рози. – Просто так женщину колдуньей не назовут.

– А нам именно колдунья и нужна.

– Рэй! У Орри Прескотта нога усохла из-за того, что он попробовал стянуть бутылку у нее с дерева.

Эту байку я тоже слышала, но не слишком-то верю. Орри Прескотт был из Морганов, родился, как и все они, от кровосмесительного брака, и думаю, хоть и не знаю наверное, что нога у него сохла с рождения. К нам в школу он перешел после начальной и тогда уже ходил на костылях. Видели бы вы его плечи! Да и весь он был сложен, как регбист, только одна нога была скукожена и не слушалась.

Но это не значит, что мисс Люсинда навела на него порчу.

– Мы же не собираемся ничего красть, – успокаиваю я Рози. – Положись на меня.

– А если она не захочет с нами говорить?

– Вежливо попрощаемся и пойдем своей дорогой.

– Не знаю, не знаю... – говорит Рози.

– Может, ты меня просто подвезешь и посидишь в машине у моста? А я пешком пройду до хижины и обратно.

Мы еще немножко спорим, но в конце концов отправляемся в Тисон вместе. День чудесный, небо над нами ясное и синее, но не так жарко, чтоб хотелось откинуть верх «кадиллака». У самого Тисона мы сворачиваем на боковую дорогу и выезжаем на Старое шоссе.

Ничего здесь не изменилось: разве что лес стал гуще и придвинулся ближе к дороге. Мы оставляем свой розовый автомобиль у мостика и по тропинке идем к избушке. Роза нервничает, а меня охватывает какое-то жадное предвкушение, какого я не знала много лет, и я дивлюсь самой себе, потому что не так уж расположена к магии, колдовству и всему такому прочему.

По правде сказать, я даже не уверена, что старуха еще жива. Как-никак, столько лет прошло. Но мы выходим из-за деревьев, и она тут как тут, на крылечке, словно все тридцать лет так и просидела не сходя с места. И бутылочное дерево стоит. Правда, выросло, и бутылок на нем еще больше. Мы останавливаемся поодаль, но так, чтобы можно было перекликаться. Роза глаз не сводит с дерева: ждет, что поднимется ветер и бутылки зазвонят. А я машу рукой старухе.

– Как поживаете, мэм? – кричу я. – Нельзя ли с вами словечком перекинуться?

Пара бутылок на дереве звякает друг о друга, хотя ветра я не чувствую. Зато чувствую, что Роза готова задать стрекача, и хватаю ее за руку.

– Не разрешите ли подняться к вам на крылечко? – кричу я. – Мы вам кое-что принесли.

Долгое молчание, и я уже начинаю задумываться, не померла ли старуха да и осталась сидеть тут в ожидании могильщика. Но потом я примечаю ее глаза, темные, сверкающие и живые.

– Что у вас? – ворчит она.

Странный у нее голос: хриплый и скрипучий, словно заржавел от долгого бездействия. Но я далека от того, чтобы принять ее за впавшую в маразм старушеницу, – чего нет, того нет.

– Виски и табачок, – отвечаю я.

На темном лице возникает трещина улыбки, в ней сверкают белые зубы.

– Подходите, девоньки, – говорит она, – посидите со мной малость.

Я не из застенчивых – говорю: «Спасибо, мэм» – и напрямик шагаю к крыльцу, но Роза мнется позади. Мисс Люсинда ухмыляется еще шире.

– Не бойся, девонька, – обращается она к Розе, – не обижу.

Роза поспешно кивает:

– Да, мэм.

– Ты бы прошла в дом. Там на плите тарелочка с печеньем да чайник. Принеси нам.

На крыльце только один стул. Я оставляю его для Розы, а сама присаживаюсь на перила и болтаю ногами.

– Славное у вас тут местечко, – говорю.

– Да, тихое.

– Ни на каких картах не отыщешь.

Она смеется:

– Да кому я нужна?

Роза выносит из дома тарелку печенья и чай.

– Не стесняйтесь, девоньки, – говорит мисс Люсинда.

Роза ставит поднос на крыльцо, а я спрыгиваю с перил и наливаю старухе чаю, добавив добрую порцию виски из фляжки, которую прихватила с собой. Фляжку и мешочек трубочного табака оставляю у ножки ее стула и подаю ей кружку. Узор с нее почти стерся, и фарфор потрескался, но посудина еще крепкая.

– Мне нравятся заботливые девочки, – замечает мисс Люсинда.

– Меня зовут Рэйлин, – представляюсь я, – а это моя лучшая подруга Роза.

– Приятно познакомиться.

– И нам, – говорю я.

Роза выдавливает из себя робкую улыбку.

Я наливаю себе горячего черного чая и беру одно печенье. Оно так и тает во рту. Я не пробовала таких домашних печений с тех пор, как сбежала моя сестричка и готовка в доме

Картеров стала делом случая, — управлялись, кто как может. И тут мне приходит в голову: как это печенье и чай оказались готовы ровно к нашему приходу?

— Вы ждали гостей? — спрашиваю я.

— Я всегда кого-нибудь жду, — говорит мисс Люсинда. — Доживешь до моих лет — научишься быть готовой к чему угодно. Прежде всего, я не слишком люблю неожиданности.

Я думаю о том, как мы явились ни с того ни с сего, со своим виски и табаком. По мне, так это неожиданность. Но вслух я говорю только:

— Я и сама их не слишком люблю. Взять хоть прошлую ночь...

И начинаю рассказывать о стране снов, как мы там становимся волчицами и что за странные парни повстречались нам. Насчет единорогов умалчиваю.

Мисс Люсинда знай сидит себе, покуривает трубочку да прихлебывает чаек с виски. Но она меня слушает и, похоже, верит. Как бы спокойненько и равнодушно она ни держалась, но я-то вижу. И вижу, что ей любопытно, зачем мы пришли. Но об этом я пока молчу. Просто заканчиваю рассказ и снова хвалю ее печенье.

— Вас послушать, — говорит она, — любой бы решил, что имеет дело с парочкой сумасшедших. Или наркоманок.

Рози украдкой косится на нее со своего места, где сидит, смоля сигарету за сигаретой. Окурки она тушит о крышку пачки и складывает аккуратной кучкой у ножки стула. Когда мисс Люсинда оборачивается к ней, Рози мгновенно отводит взгляд и умоляюще смотрит на меня.

— Пожалуй, любой бы решил, — соглашаюсь я и, выждав время на один глубокий вздох, продолжаю: — Если бы сам кой-чего не знал о таких делах.

Мисс Люсинда снова глядит только на меня:

— Ты не из застенчивых, да, девонька?

— Нет, мэм. Что касается некоторых вещей, то нет.

— Так что привело вас ко мне в гости? Не думаю, чтоб вы просто решили одарить старушку по доброте душевной, хоть и благодарна за табачок и виски.

Я пожимаю плечами:

— Просто я никогда не видела таких парней с собачьими головами, вот и задумалась, кто бы мог мне про них растолковать.

— А с чего взяла, будто я смогу?

Кажется, настал момент, когда надо действовать напрямик.

— А что, не можете? — спрашиваю я. — Потому что, если, скажем, можете, я буду вам обязана. Очень обязана.

Она опускает руку к бутылке виски:

— Думаешь, эти подарочки покрывают долг?

— Нет, мэм, не думаю. Я принесла их из вежливости, и только.

— Хороший ответ.

— Чем же, мэм?

Она улыбается:

— Знаешь, в старых сказках говорится, что духи не любят, когда их подкупают. Но дар, принесенный по доброй воле, совсем другое дело. Он их кое к чему обязывает.

Пока она говорит, на меня нападает странное головокружение: что-то проползает по позвоночнику прямо в голову, и, чтобы сохранить равновесие, мне приходится ухватиться за деревянный столбик, поддерживающий навес над крыльцом. Я смотрю на мисс Люсинду, но на одно мгновение мне видится вместо старушечьего лица морда какого-то животного, вроде бы мускусной крысы или выдры, не разберу. Слышу, как рядом ахает Рози, но морда уже исчезла, и мисс Люсинда сидит себе как ни в чем не бывало и рассматривает меня своими темными глазами.

— Давайте-ка, я вам кое-что расскажу о тех, с кем вам, может, придется встретиться в этой вашей стране снов, — говорит она.

Головокружение прошло, словно никогда и не было, но я на всякий случай держусь за

столбик.

– Вижу, что обе вы не любите учиться, – начинает старуха, – во всяком случае, не по книгам, да только того, что я вам расскажу, ни в каких книгах не сыщешь. Нам достался старый мир, девоньки, и сотворен он был не в семь дней, как твердят ваши знатоки Библии. Откуда я знаю? Да оттуда и знаю, что наш Народ в мире был с самого начала, и кое-кто из нас до сих пор по нему разгуливает. А если верить всему, что говорят, то кое-кто еще раньше того таился в темноте и ждал, пока мир начнется и станет интересным. Ну вот, в те дни никто из Народа – так они себя называют: просто Народ, – да, никто не был заключен в том обличье, в каком родился, – это про тех, кто вообще рождался. Кое-кто, говорят, просто всегда был. Был здесь с самого начала и, пожалуй, останется и тогда, когда погасят свет и все разойдутся по домам. Но я толковала про обличья – какими вы выглядите, когда мир вас видит. В те дни все вроде как еще не застыло. Ворона становилась маленькой чернявой девчонкой, потом снова выпускала перышки и улетала прочь. Или, скажем, выдра скатится в воду по скользкому глинистому откосу, а из воды выходит уже человеком. Все рассказы сходятся в том, что все тогда было чудесным и волшебным, мягче резины, и меняло вид, приспособляясь к окружающему миру, не говоря уж о мире, который внутри. Беда в том, что со временем люди начали давать всему имена. Пересчитывать да определять. А как только что-то определишь – скажем, назовешь волка волком, – так он уже навсегда заперт в этом облике. Застывает, как пудинг, и, чтобы изменить его, надо все основательно перемешать. Понимаете меня пока что?

Обе мы киваем, хотя я, надо думать, понимаю малость больше, чем Роза. Ей никогда не давались отвлеченные рассуждения.

– Словом, – продолжает мисс Люсинда, – время шло, и все потихоньку принимало такой облик, с которым все согласилось. Только Народ не попался на эту удочку, а всё потому, что они наполовину живут в другом мире. Одной ногой стоят в том, который вы, девоньки, называете страной снов. Да и другие его так зовут. А вообще, какие только имена не дают! Мир духов, иной мир... В резервации индейцы говорят про него «манидо-аки». Всякому случается там побывать – во сне, – но мало кто умеет, проснувшись, вспомнить, что видел. А если и вспомнят, так не знают, что все там такое же настоящее, как в этом мире, в котором мы, девоньки, теперь сидим. Но вот те, кто зовет себя Народом, о котором я вам тут толковала, они ходят в обоих мирах и потому могут менять обличье. В их жилах старая кровь, и отсюда их способность переходить туда-обратно наяву, а в воздухе страны снов есть что-то такое, что позволяет им иметь не один вид.

– Так эти собакоголовые из них были? – спрашиваю я.

Мисс Люсинда пожимает плечами:

– Может, из них. А если не из Народа, так в близком родстве с ним. Чем больше в твоих жилах старой крови, тем меньше ты связан правилами, запрещающими то или это. Так что те парни могут быть из первого Народа или близкая им родня. Если и так, они почуднее всего, с чем сталкиваешься в обычный день.

– Значит, этому не научишься? – говорю я.

– Умом – нет, – кивает мисс Люсинда, – но тело развить такую способность может.

Я склоняюсь с перил поближе к ней.

– И у нас тоже? – спрашиваю. – Мы тоже сумеем перейти границу в своем облике, а не просто присниться себе волчицами?

– В скрытом виде эта способность в каждом есть, – говорит мисс Люсинда. – Записана в тех штучках, которые вы зовете словом «ДНК», в участках генетического кода, от которых с виду никакого толку нет. Не скажу, чтобы у всех была кровь звериного народа, но волшебства во всяком довольно, и оно только и ждет, чтоб его разбудили.

Я слушаю ее и соображаю, что она разыгрывает тупую деревенщину, так же как я сама. Старушка из лесной избушки, которая толкует про ДНК и генетические коды, получила образование где угодно, только не в наших горах. Я бросаю Роза многозначительный взгляд, но она просто слушает разинув рот.

– Почему вы здесь живете? – спрашиваю я мисс Люсинду.

Мне бы выпросить побольше об этом фокусе с переменной обличья, но она меня отвлекла, выказав вдруг такую ученость.

Она только улыбается в ответ:

– Слушай, девонька, поживи-ка с мое, так научишься ценить простую жизнь больше всего прочего.

– Ну да, – в первый раз вмешивается в разговор Розы, – вечно слышишь одно и то же. Думаю, людям так легче выносить свое невежество и нищету.

Я бросаю подружке злобный взгляд.

– Вы ее не слушайте, – говорю мисс Люсинде, – она не о вас говорит.

– Да я понимаю, – отзывается мисс Люсинда. – Знаю, какво хотеть того, чего вроде бы никак не получить.

– Вот кстати, – вставляю я, – нельзя ли как-нибудь научиться этому фокусу, о котором вы говорили?

Мисс Люсинда долго молчит, и я начинаю опасаться, что Розы своим вмешательством умудрилась-таки ее разозлить. Что она с нами больше и говорить не станет, да еще как бы и у нас ноги не отсохли. Ее взгляд устремлен за деревья, а из трубочки тянется кверху тонкая струйка дыма. Но наконец она снова переводит взгляд на меня.

– Есть два способа пробудить эти дремлющие ДНК, – говорит она. – Первый – это изловить кого-нибудь из Народа или их близких родичей и напиться их крови.

Мне вспоминаются все эти фильмы, которые я смотрела в открытых кинотеатрах и на ночных сеансах.

– Не отсюда ли легенды о вампирах? – спрашиваю.

– Может, и отсюда. Напиться крови – очень действенное средство, да только Народ его не всегда одобряет – сама понимаешь. И не обманывай себя: они всегда узнают, если кто слопал одного из них.

– Вы сказали, есть и другое средство?

Мисс Люсинда кивает:

– Сварить зелье и выпить его. Времени уйдет больше, зато не заведешь себе врагов.

Я еще только собираюсь спросить ее про состав зелья, а она уже начинает нараспев декламировать рецепт, один за другим перечисляя ингредиенты и каждый раз подчеркивая, что добыть их надо самому.

Толченая головня, собранная на поле, сжатом в осеннее полнолуние.

Жабья кожа, прокопченная на дыму от горящего гикори, высушенная и размолотая.

Кукурузная пыльца, собранная на лист красного дуба метелкой из размочаленного прутика сикомора.

Яд гремучей змеи, взятый в новолуние.

Почка алоэ, разрубленная на четыре части, из которых каждая высушена на солнце в определенный день недели.

Настойка из сосновых шишек, вываренных до образования тягучего желе.

Печеные собачьи кости, размолотые.

Измельченный свежесорванный пурпурный выюнок.

Изрубленное на мелкие кусочки перо из хвоста совы.

И напоследок щепотку с шляпки того мексиканского гриба, из которого вы готовите свой псилоцибин.

– Трудновато все это раздобыть, – говорю я.

– Но возможно.

– Да, пожалуй, возможно. Хотя человеку пришлось бы обшарить рай и ад, чтобы все это собрать.

– Обшарит, если ему очень надо, – отзывается она.

Потом объясняет, что все собранное следует смешать со стаканом кукурузного виски и оставить настояться в течение четырех дней. Затем слить в сосуд с ягодами рябины и

кроваво-красной смолой, собранной на внутренней стороне коры мускатного дерева, и закопать сосуд в неосвященную могилу на тринадцать ночей, начиная с ночи новолуния.

– А потом, – ухмыляется она, – выпей до дна и жди перемен.

– И как это называется? «Коктейль для самоубийц»?

Мисс Люсинда снова скалится:

– Люблю девочек с юмором.

– Догадываюсь, что будет больно, – говорю я.

– О, много чего будет, – отвечает мисс Люсинда. – Боль – это еще не все. Это заставит твое тело изменить представление о том, кто ты есть. Будет тебе и лихорадка, и озноб. Будешь видеть то, чего нет, а то, что есть, на время оденется в новую кожу. Но если пройдешь до конца, думаю, сочтешь, что дело того стоило.

– Значит, пройти не всем удастся? – спрашиваю я.

Она качает головой:

– Не всем хватает отваги. – Она бросает взгляд на Розу. – Понятно, испытать все придется только одной из вас. Потом она сможет поделиться своей кровью с подружкой.

– Вы же говорили, этот ваш Народ такого не одобряет?

– О, они умеют отличить дар от кражи.

Мы еще немного сидим молча: мисс Люсинда с Розой покуривают, а я размышляю.

– Зачем мы к вам пришли, я знаю, – говорю я, прощаясь, – но зачем вы нам помогаете? Насколько я понимаю, вы сами из Народа или из близких родственников. Мы могли бы напиться и вашей крови, как вы сами нас научили.

– Могли бы? – Ее голос меняется, теперь он низкий и угрожающий, и темные глаза наливаются тьмой.

Я слышу стеклянный перезвон и понимаю, что ветер снова встряхивает бутылочное дерево.

– Конечно, мы бы не стали, – поспешно добавляю я, – просто я удивилась...

Ее взгляд упирается в меня, и в нем по-прежнему стоит тьма.

– Приходят время от времени люди, – говорит она, – о чем-нибудь просят. Кому зелье, кому наговор. Была как-то девчушка, которой позарез понадобилось летать как птица. Но по большей части, оттого что я им помогу, мир не станет интереснее. Даже наоборот, пожалуй. Но ты, девонька, – она сверлит меня взглядом, – с тобой другое дело.

– Почему «другое»?

– В тебе свет, – объясняет она, – темный свет такой силы, что уму больно долго смотреть на него. Этот свет говорит, что ты могла бы заново расшевелить мир, если кто подтолкнет тебя в нужную сторону.

Она поднимает руку, не дав ни мне, ни Розе вставить слово.

– Помню, помню, что я говорила, – продолжает она. – Как я люблю простую жизнь и все такое. Но есть два вида сложностей: одни мы сами на себя навлекаем, и они совсем не так уж забавны, а другие нам приносят мир. От таких чувствуешь себя отчаянным и живым, когда пытаешься сложить из них целое.

– Коль у вас такое настроение, – предлагаю я, – почему бы вам не уделить мне глоточек своей крови и не посмотреть, каким интересным я сделаю для вас мир?

Она качает головой:

– Не думай, что мне это не приходило в голову. Беда в том, что не все бы одобрили дела, которые ты можешь натворить. Не хочу, чтоб они потом обернулись против меня – раз я сама все затеяла, понимаешь? Родственники не особенно любят, когда кто-то замешивает кашу вроде той, какую ты меня просишь заварить, а кому это нужно, чтобы столько могущественного Народа разом обернулось против него? Я-то знаю, видала, как оно бывает.

Она опять затягивается дымком, и я понимаю, что больше нам здесь делать нечего.

– Ну, очень вам обязаны за помощь, – говорю я, спрыгивая с перил.

– Я бы тебе посоветовала быть осторожнее, – говорит нам вслед мисс Люсинда, – да только, если ты послушаешься, все веселье пойдет насмарку.

Ясно, она над нами смеется, но отвечать не стоит. Не знаю, кто она такая, но проклятые бутылки снова дребезжат над нашими головами, а ветра ни черта не чувствуется. Так что я поднимаю на прощание руку и улыбаюсь ей.

– Похоже, нам облегчили работу, – говорю я, пробираясь по тропке обратно к машине.

– Ты что, поверила этой старой перечнице?

– Ты же видела, как она изменилась – на один миг. На нас смотрела морда какого-то зверя. Не говори, что не видела.

– Не знаю, что я там видела, – отзывается Роза, – только мне от всего этого неуютно.

– Не об уюте речь, – говорю я ей, – а о силе и о том, чтобы стать еще сильнее.

Но Роза только плечами пожимает.

Знаю я, что она думает. У нас нет причин верить старухе. Она ничего нам не должна. Но я чувствую: она не соврала. Она и вправду надеется, что мы с Розой натворим дел.

Я вспоминаю парней-псов, отогнавших нас от добычи, и знаю, что больше подобного не допущу. Но сперва мне нужна сила. Надо стать сильнее их, черт меня побери.

Этой ночью на охоте мы осторожничаем. Мне вовсе не хочется снова налететь на собакоголовых, пока мы не готовы к встрече.

Мы с Розой поговорили насчет зелья, прописанного мисс Люсиндой, но его приготовление – это изрядный труд, а мы с ней всегда предпочитали способы полегче и погрязнее. Так что, перебравшись через границу, мы ищем совсем особенный след – смесь запахов зверя и человека. Так пахло от тех парней-псов, только мы надеемся вспугнуть дичь помельче. И не такую свирепую.

В ту ночь дело не задалось, и то же самое можно сказать про всю следующую неделю, но возиться со сбором ингредиентов для старухиной микстуры я пока не собираюсь. Целыми днями околачиваюсь у дома, где прежде жила сестрица, и, видно, теряю осторожность, потому что ее подружки пару раз меня примечают. Одна даже тащится за мной в магазинчик, но сбить ее со следа легче легкого.

По вечерам, перед охотой, я захожу поглядеть и на саму сестричку. Однажды даже стою над ней, спящей, и думаю, что бы она делала, если б я вытащила у нее из-под головы подушку да прижала к лицу. Нажать посильнее и держать, пока обломки, что от нее остались, вовсе не перестанут шевелиться.

Но я этого не делаю.

Разок я заезжаю в Тисон и ставлю машину у трейл-ерного парка на Индейской дороге. Просто хочется повидать братца Дэла, вспомнить детство, так сказать. В парке не видно ни одной живой души, кроме пары облезлых тощих собак и еще более облезлых тощих ребятишек. Но в конце концов мне удастся посмотреть на это пугало. Он выползает, шаркая, из своего трейлера и тащится к почтовому ящику, даже не оглянувшись на блестящий розовый «кадиллак», припаркованный на обочине.

Годы его не слишком щадили, что правда, то правда. Щеки обвисли, брюхо выросло, и вид у него вовсе не устрашающий, а просто жалкий. Пока он ползет за своей почтой, я вижу маленький сладкий сон – вот я подхожу к нему, щелкаю своей выкидушкой и смотрю ему в глаза. Увижу в них что-то от прежнего Дэла или один только страх?

Этого я так и не узнаю. Даю ему вернуться в трейлер и сижу еще немножко, совсем ни о чем не думая. Потом завожу мотор и еду обратно в Ньюфорд.

И наконец приходит ночь, когда мы ловим нужный запах – получеловека-полулисицы, – и я понимаю, что игра пошла всерьез.

Мы заранее решили, что этой добычей не станем делиться со стаей. Нам так и неизвестно, кто они такие, и в любом случае, попробовав крови человека-лисы, мы обойдемся без них. А пока они помогут нам загнать жертву.

Как я понимаю, в этом мире снов весь смак в том и состоит, что там полно неожиданностей, но от того, на что мы наскочили нынче, я на пару секунд теряю

способность соображать. Мы уже дышим в спину добыче, мы уже так близко, что я почти чувствую вкус его крови на языке. Вылетая на прогалину, я знаю, что всего несколько секунд отделяют нас от цели, и кого же мы там видим, как не мою сестрицу с одной из ее подружек?

Ветер дует от нас к ним, так что мы ничего такого не ждем и думать не думаем. Просто останавливаемся на бегу, и стая привычно растягивается полукругом за моей спиной, ожидая моего решения. А я ничего не могу придумать, только пялюсь на них. Потом чую их страх и понимаю, что они наши. Еще не знаю, что мы с ними сделаем, но ясно, сделаем, что захотим. Я на прямых лапах иду вперед. Глаза заливают красная волна ярости. Думаю: «Вот сейчас, наконец». Стая стягивается вокруг, следуя за мной по пятам. И тут ее подружка берет и исчезает. А мы с сестрицей встречаемся взглядами и замираем.

– Ты меня знаешь, да? – вдруг спрашивает она. – Знаешь и не слишком любишь.

А что тут удивительного, сестричка моя?

Я бросаюсь на нее, но тут она следует примеру своей подружки и просто испаряется, а я врезаюсь в ствол у нее за спиной. Не удержавшись на ногах, падаю в какие-то колючки, сразу вскакиваю и рычу на стаю, подошедшую слишком близко. Мочусь на место, где стояла моя сестрица, и на прямых лапах отхожу в сторону, огрызнувшись через плечо на ближайшую волчицу. Она быстренько принимает позу подчинения, могу вас уверить.

Я гляжу на Розу, а она на меня. Обе мы понимаем, что лиса уже не догонишь. Ушел. Я киваю Розе, и мы просыпаемся на гостиничной кровати.

– Это она была! – говорит Роза. – Черт меня побери, если это не твоя сестра.

Я еще не в состоянии разговаривать. Не просто увиделась с сестрой – увиделась с ней по ту сторону! В стране снов. В *моей* стране снов!

– Как она вообще туда попала? – наконец выговариваю я. Сажусь и гляжу на Розу. – Какого черта она там делает, расхаживая в собственном теле, будто с ним ничего и не случилось?

– Да, головоломка... Я качаю головой.

– Нет, – говорю я, и собственный голос еще царапает мне глотку. – Это ошибка. Она совершила большую ошибку, потому что теперь-то я до нее доберусь. Я с ней делиться не собираюсь. Слышишь, Роза? Ни за что!

– Ты обдумай все хорошенько, – предостерегает Роза. – За решетку больше попадать не стоит.

Черт возьми, мы и так под смертным приговором. Прикончишь ее и не только срок получишь. Сделают тебе укольчик, и окажешься там же, где и она.

– Я этого так не оставлю. – Я прожигаю Розу взглядом. – Вся моя жизнь, все, что в ней было плохого, – ее работа. Не собираюсь я ей еще и страну снов отдавать.

– Я же не говорю, чтобы ты что-то там оставила. Просто пошевели своими замечательными мозгами и придумай, как с ней поаккуратнее разобраться.

– Не могу я сейчас думать.

– Ладно, – кивает Роза. – Ты в бешенстве, тебе больно. Нормально. Тогда я за тебя подумаю.

Я так и вытаращилась на нее.

– Первым делом, – говорит она, – не терять следа. Выследить одного из этих козлов и напиться крови. А уж тогда...

– Тогда уж ему будет больно.

Роза ухмыляется:

– Да черт побери, Рэй, тогда мы с ним что захотим, то и сделаем. Вроде так оно должно сработать?

Я все смотрю на нее через красную дымку, но она уже начинает таять.

– Да, – говорю я, и голос все еще звучит хрипло, – так оно и должно работать, так и должно.

Джилли

Ньюфорт, май

Венди в самом деле собиралась подождать до завтра, а тогда уж вместе с Касси зайти к Джилли. Она понимала, что благоразумнее подождать. Конечно, любительница приключений Джилли порадует, увидев подругу, пробирающуюся к ней тайком после окончания приемных часов. Но ведь они так выматывают ее процедурами, что она скорее всего уже спит. Беда в том, что после гадания на картах Венди сама чувствовала себя как во сне. Вспоминала пропавшие изображения и торопилась поделиться впечатлениями с Джилли, пока и память о них не стерлась так же бесповоротно.

Хорошо было бы, если б она была художницей и могла просто воспроизвести увиденное, но ее художественные способности не шли дальше «человечков из палочек», так что приходилось обойтись записью. Значит, надо идти домой и все записать, а завтра она прочтет Джилли свои записки, и Касси будет там же, сможет подсказать, если она что-то упустит.

Итак, домой.

Она подождала на автобусной остановке и села в подошедший автобус. Только устроившись на сиденье, она сообразила, что не задумываясь вошла в автобус, который довезет ее не к дому, а к зданию реабилитации. Венди откинулась на мягкую спинку и отдалась на волю судьбы.

Так ничего и не записала, и Касси, которая могла бы помочь, не будет, но, надо полагать, воспоминания продержатся еще час-другой. Она проберется в палату, разбудит Джилли, если придется, и расскажет, что они узнали. Однако, добравшись до реабилитации и на цыпочках миновав сестринский пост, она застала в палате Софи, сидевшую у Джилли на кровати и приглушенным голосом яростно спорившую с ней.

– Что случилось? – с порога спросила Венди.

– Откуда я знаю, – отозвалась Софи. – Джилли так и набросилась на меня – хуже Джинкса.

– Да, – сказала Венди, – я ничего не понимаю. – Войдя в палату, она села в ногах кровати. – Может быть, просветите меня?

– По-моему, нирваны полагается достигать собственными усилиями, – произнесла Джилли.

Софи кинула на нее взгляд, подразумевающий: «Пора наконец стать серьезной, Джилли!»

Та вздохнула.

– Ну, ладно, ладно. Но это не значит, что я с тобой соглашаюсь, – добавила она, обращаясь к Софи.

– В чем не соглашаешься? – спросила Венди, прежде чем спор успел заново начаться.

Перебивая друг друга, они рассказали ей, как провели вечер, как вместе сумели попасть в страну снов, как стая гналась за человеком-лисом и одна из волчиц напомнила Джилли младшую сестру.

– О боже, боже, – вздохнула Венди. – Теперь все складывается.

Два непонимающих лица обратились к ней.

– Я только что от Касси, – объяснила Венди. – Она мне гадала. Вернее, гадала она на Джилли, насчет всех этих таинственных происшествий.

Она описала картины, показанные картами.

– Первая, очевидно, относится к твоему... к твоему детству, – сказала она.

– Не обязательно, – возразила Джилли. – Кто знает, что случилось с Рэйлин, когда я ушла из дому.

На минуту все замолчали, думая о другом ребенке, испытавшем, может быть, те же муки, что и Джилли.

– Ладно, – сказала Венди, – тогда те волки, над которыми были лица... Одно было

похоже на твое, Джилли, но это ведь могла быть твоя сестра, а не какой-то... мм...

– Злой двойник? Темная половина души?

– Я этого не говорила.

– А вы с сестрой были похожи? – спросила Софи.

Джилли чуть заметно кивнула:

– Когда мы росли, она всегда была точь-в-точь как я на фотографиях, сделанных в том же возрасте. Не удивлюсь, если это сходство сохранилось и сейчас. Даже тот парень, который попался нам с Джорджи в Тисоне в семьдесят третьем, принял меня за нее.

– Так, – подытожила Софи. – Если это твоя сестра, а все больше похоже, что это так, значит, она тоже умеет проникать в страну снов. С целой стаей подружек.

– На карте была только одна, – заметила Венди.

– А в стране снов – не то шесть, не то семь. – Софи медленно покачала головой. – И они охотились за тем маленьким лисом. Ничего хорошего.

– Да уж, – заметила Венди, – если она сбила Джилли машиной и потом изуродовала все ее картины, милой особой ее не назовешь.

– Вы не понимаете, – остановила их Джилли. – Рэйлин была самой доброй девчуркой, какую можно представить. Она никогда бы такого не сделала. Мы ведь не знаем, она ли это была.

– Я ее видела на улице у твоего дома, – сказала Софи, – и Изабель тоже. То есть мы видели женщину в точности такую же, как ты, Джилли. Кто же это, как не она? И если не она погубила картины, так что она делала у твоего дома?

«Но если она уничтожила картины, – подумалось Венди, – так зачем ей болтаться поблизости?» Это соображение она оставила при себе, не желая прерывать ход рассуждений Софи.

– А если она не хочет тебе ничего дурного, – продолжала та, – так почему не зашла повидаться с тобой?

– Не знаю.

– А как насчет третьей карты? – спросила Венди. – С розовым «кадиллаком»?

– Ни малейшего представления, – сказала Джилли.

Софи уже хотела кивнуть, но вдруг вскинула руку.

– Пойдите, – сказала она. – Помнится, тем утром, когда я видела двойника, на улице стояла розовая машина – за квартал от твоего дома. Длинный розовый автомобиль с откидным верхом. Я даже начала тогда напевать про себя ту песенку Фреда Иглсмита.

Все заулыбались, радуясь поводу отвлечься от напряженного разговора.

Им всем припомнилось выступление группы Иглсмита в «Твоем втором доме». Дело было в январе, и все они плясали как безумные под звуки гавайской гитары и электронного кантри-рока, а грубоватый голос Фреда выводил строки, едва слышные из-за оркестра. Они попали под его очарование с первой песни и не сразу осознали, что «гавайская гитара» – на самом деле мандолина, переданная через электронную приставку. Особый блеск музыке придавала бешеная перкуссия ударника – парня, которого звали Хэнк Стиральная Доска. Он и играл на стиральной доске, а еще у него был стальной шлем пожарного с прикрепленными к нему цимбалами и рожки, пристроенные прямо на стиральной доске. После концерта они купили себе по диску с разными записями и с тех пор то и дело обменивались ими между собой.

– «Пребольшущая машина...» – тихонько напела Джилли.

Софи кивнула:

– Может, это ее и была. Твоей сестры, я хочу сказать.

– Понятно...

Все снова помолчали.

– Так о чем вы тут спорили, пока я не пришла? – спросила Венди.

– Софи хочет, чтобы я рассказала Лу о сестре. А я не хочу втягивать полицию. Не хочу, чтоб она из-за меня попала в беду.

– Но, Джилли... – начала Софи.

– Особенно не хочу в том случае, если ей пришлось пройти через то же, что и мне. Из-за того, что я ее бросила. – Джилли покачала головой. – Да кого я обманываю? Конечно, так оно и было. Неудивительно, что она сломалась.

– Ты тоже через это прошла, – сказала Софи. – Но ты-то не сломалась.

– О, ради бога. Сколько себя помню, у меня в голове всегда было полно дряни.

– Но ты же не стала из-за этого вредить людям, – возразила Софи.

– Мне просто повезло, – сказала Джилли. – Мне помогли. Как в сказке. А ей – нет.

– Этого мы не знаем. Мы же ничего о ней не знаем!

Но Джилли ее не слушала.

– Вы знаете, что после аварии – пока я еще была в коме – Джо приглашал волшебных целителей помочь мне?

И Венди, и Софи кивнули.

– И все они сказали, что ничего не могут сделать, пока я не разберусь со старыми ранами. Проблема не в том, что я сама пережила, а в том, как я обошлась с Рэйлин. Такое нельзя забыть. И простить.

Софи хотела что-то сказать, но передумала и, склонив голову, взяла Джилли за руку и пожала ее.

Венди вздохнула. Из них троих только ей не приходилось залечивать ужасные раны, оставленные детством. В ее мире все было как надо. Ее не совращал старший брат, не покидала мать – не было ничего такого, что случалось с двумя из каждых трех ее знакомых женщин.

– Я согласна с Софи, – заговорила она, неохотно возвращаясь к теме, которую кто-то же должен был закончить. – По-моему, надо сказать Лу. И Джо тоже.

Но Джилли уже качала головой.

– А Джо зачем? – спросила Софи.

– Ну а кто еще из наших знакомых столько знает о стране снов? – отозвалась Венди.

Софи улыбнулась:

– Кроме меня, ты хочешь сказать?

– Он по-другому знает. Он ведь не только во сне там бывает, верно? Он сможет понять, как это сестра Джилли превращается там в волчицу.

– Если это была она, – вставила Джилли.

– Правильно. Может, он и в этом разберется.

Джилли мотнула головой:

– Я уже и так ей навредила.

– А если она не только тебе вредит? – спросила Венди. – Может быть, с точки зрения какой-нибудь вселенской кармы ты и заслуживаешь наказания за то, что сбежала от сестры, хотя лично я в это не верю. Господи, да ты сама-то была ребенком. И сколько тебе досталось за эти годы!

– Это оправдание?

– Нет, – сказала ей Венди. – Просто факт. Но что, если она делает зло и другим? Ни в чем не виноватым? Их-то за что наказывать?

– Да... да, наверно...

– Так что мы должны рассказать.

– Господи, ничего я не знаю, – сказала Джилли. – Нельзя ли оставить это на завтра? Сейчас я просто ничего не соображаю.

Венди незаметно переглянулась с Софи.

– Конечно можно, – сказала она.

Джилли пристально взглянула на нее:

– Пообещай, что не станешь ничего делать, пока мы завтра не поговорим. – Она перевела взгляд на Софи, – И ты тоже.

– Я не скажу Лу, – сказала Венди, – но Джо, по-моему, нужно известить как можно

скорее.

Чуть помолчав, Джилли коротко кивнула.

– Конечно, – сказала она, – ему скажем. Хотя не представляю, где ты станешь его искать. Он ушел вглубь страны снов.

Венди кивнула:

– Касси мне говорила. Но я передам ей и... – поспешно добавила она, – предупрежу, чтобы больше она никому ни слова.

Все было сказано, и Софи с Венди собрались уходить.

– Ничего, что ты остаешься тут одна? – спросила Софи.

– Не хуже, чем всегда.

У Венди дрогнуло сердце – так безнадежно прозвучали эти слова. Попрощавшись и выйдя в коридор, она остановила Софи:

– Ты бы не могла тоже его поискать?

Софи покачала головой:

– Не представляю даже, как за это взяться. Но постараюсь известить, кого смогу, в Мабоне, когда попаду туда нынче ночью.

– Надо помочь ей пройти через это, – сказала Венди. – Через все это.

Софи угрюмо кивнула, продела свою руку под локоть Венди, и они вместе вышли на улицу, склонив головы и опираясь друг на друга в поисках силы и утешения.

2

После ухода Венди и Софи я долго боюсь заснуть. Мне никак не верится, что сестра пыталась меня убить – сбить машиной в Мире Как Он Есть или загрызть, обернувшись волчицей в стране снов. Знаю, люди меняются, но чтобы настолько? Не могла добрая малышка, которую я оставила, сбежав из дому, вырасти в какого-то чудовищного оборотня-убийцу. Слишком велика перемена – она не укладывается у меня в голове.

Но кто бы ни обладал разумом, скрытым за глазами той волчицы, он меня ненавидит. В это я верю без труда. И эта мысль не дает мне уснуть. Понимаете, я знаю, что всегда могу, если встречу с ней снова, проснуться и сбежать от нее, но что, если она последует за мной и сюда? Бывает такое? Джо приходит в страну снов и уходит из нее, когда захочет. Может, и она в прошлый раз просто растерялась и не успела меня догнать? Или не хотела торопиться? Может, она и так знает, где искать меня, беспомощную Сломанную Девочку, этакий прикованный к постели вариант Красной Шапочки, и выжидает, выбирая подходящую минуту, чтобы явиться и покончить со мной?

Зря я об этом задумалась – теперь вздрагиваю от каждого шороха, потому что мне мерещится в нем цокот волчьих когтей по каменному полу. Спрятаться мне негде. Не то что с кровати не встать – даже одеяло на голову натянуть не сумею. А ведь там не одна волчица будет – ко мне из коридора ворвется целая стая.

Мне даже обидно: я ведь всегда любила волков, а теперь из-за нее начинаю бояться. Конечно, они хищники и все такое, но я же знаю, они не нападают на человека, если их не вынудили.

Чем же я ее до такого довела?

Мне снова приходят на ум доводы Софи: круг замкнулся, я снова не желаю признавать, что это могла быть моя маленькая сестренка Рэйлин, но спор с собой утомляет меня еще больше, чем перепалка с Софи, веки наливаются свинцом, а сердце стучит вдвое быстрее, чем положено, из-за того, что может поджидать меня по ту сторону сна.

Просто диво, что я все-таки засыпаю. И, заснув, попадаю в «когда-то давным-давно» своих снов...

Я чувствую, как меня уносит, и стараюсь сосредоточиться на последнем месте, где

была с Тоби, – высоко на ветке самого большого из соборных деревьев, – там я недостижима ни для одного волка, будь он оборотень или кто еще. Хотя бы теоретически.

Если только она не сумеет добраться до ветки прямо отсюда тем же путем, что и я.

Но для этого надо, чтобы она бывала там раньше, возражает рассудочная половина сознания. Так уж тут все устроено: попасть можно куда угодно – люди и попадают, во сне, а потом почти ничего не могут припомнить, но если хочешь оказаться в определенном месте, сначала надо там побывать. А велики ли шансы, что она уже бывала на том дереве?

Но если она – оборотень, что мешает ей принять человеческий облик и залезть на дерево не хуже меня? Или обернуться птицей, если на то пошло.

Я засыпаю, так и не дав рассудку себя утешить, и, видимо, это меня подводит: я оказываюсь не на безопасной ветке высоко над землей, а на вершине холма. За спиной у меня странное здание, а внизу от подножия до самого горизонта простирается лес. Я не сразу понимаю, что смотрю на Большой лес, потому что ни разу не видела его со стороны.

Отрываю взгляд от горизонта и оглядываю ближайшие окрестности. Вокруг скопления скал и расщелины, в которых можно спрятать дюжину волчьих стай. Но никакого движения в них не заметно, и я переключаю внимание на дом. Отсюда мне не так уж много видно. Только окна в каменной стене – три окна на три этажа, – а стекла в них такие темные, что внутрь не заглянешь. Камень для стен явно брали прямо из-под ног, и здесь еще много осталось – валуны и булыжники рассыпаны от вершины холма до самого леса по всему склону. Крыша соломенная, а единственное отверстие в стене – большая арка, которая, похоже, ведет в мощный булыжником внутренний двор. Странное дело, в арке не хватает замкового камня.

Я последний раз окидываю взглядом склон и лес и направляюсь к дому. Через несколько минут я уже во дворе. Он довольно велик – пожалуй, размером с бейсбольную площадку. Прямо напротив арки, через которую я вошла, – другая, а по обе стороны от нее в стене большие деревянные двери. Вдоль стен тянутся деревянные лавки, а посреди двора колодец. Выше в стенах множество окон, все с такими же темными стеклами. Под нижними окнами ящики с травами и цветами.

Я подхожу к колодцу и заглядываю вниз. Дна не видать. Воздух во дворе чистый до прозрачности, но я слышу запахи пива и еды: какие-то пряности и благоухание свежеспеченного хлеба. Из четырех дверей открыты только две, причем за одной мне видны денники и груды сена. Надо думать, там конюшня. За другой – деревянные столики, окруженные стульями. Подняв взгляд к притолоке, я читаю вывеску:

ГОСТИНИЦА ЗАБЫТЫХ ЗВЕЗДАМИ

Теперь я догадываюсь, куда меня занесло. Этот самый замок я видела тогда с Тоби с ветки исполинского соборного дерева.

Не видно ни души, но кто-то же готовит и печет хлеб, а может, и пиво варит. Думаю, не окликнуть ли хозяев, но боюсь привлечь к себе недоброе внимание. Мне так и мерещатся волки, затаившиеся в тени или глядящие на меня из-за темных стекол.

Я подхожу к двери под вывеской, переступаю порог, моргаю. Глаза еще не приспособились к полумраку. По левую руку от меня тянется длинная деревянная стойка. Совсем как в вестернах: во всю длину стойки – зеркало, а перед ним на полке – бутылки да стаканы. Когда глаза привыкают, я различаю, что жидкости в бутылках – всех цветов радуги. Чудно! Не могу представить себе бирюзового вина. И синего виски тоже.

Дальше у стены камин, но огонь в нем не горит. По обе стороны камина два ряда кабинок для обедающих, и такие же тянутся вдоль правой стены. Стены украшены картинами и гобеленами – на них пейзажи и портреты, исполненные в старинной манере. На каждом столике, в каждой кабинке – по паре толстеньких белых свечей, тоже незажженных. За столиками никого, как и за стойкой.

Я откашливаюсь:

– Э... здесь есть кто-нибудь?

Нет ответа, но слышен шорох: ткань трется о ткань, будто кто-то шевельнулся. И тут я замечаю какого-то человека в кабинке справа от камина. Выжидаю, не заговорит ли он или она, и, не дождавшись, начинаю потихоньку приближаться сама, виляя между столиками, готовая обратиться в бегство при малейших признаках опасности.

Человек молча смотрит, как я подхожу. На столе перед ним стакан с синей жидкостью, на доске вокруг стакана – влажные синие круги. Мужчина красив грубоватой, резкой красотой. Венди сказала бы – красавчик негодяй. Такого иногда можно увидеть на улице у дансинга: стоит особняком не потому, что не с кем танцевать, а из романтической любви к одиночеству. Обязательно с мотоциклом и с сигареткой в зубах, а в заднем кармане, может статься, отыщется томик Рембо. Или хотя бы кого-нибудь из битников. Темные волосы, откиннутые назад со лба, чисто выбрит, синеглаз, а ради таких ресниц иная женщина и убить может. Худощав и одет во все черное. Руки спокойно лежат на столе по сторонам стакана – тонкие и изящные, но не слабые.

– Гм... здравствуйте, – начинаю я, – простите, что побеспокоила...

Он продолжает смотреть на меня, ничем не показывая, понятны ли ему мои слова.

– Вы говорите по-английски? – заново подступаюсь я.

Подняв стакан, он делает глоток и опять опускает на стол, добавляя к прежним еще один синий круг.

– Ну и ну, – наконец подает он голос, – вы посмотрите, кто к нам пришел. Мамочка Зануда собственной персоной. Ошиблась адресом, дорогуша. Здесь всем своих бед хватает по горло, так что лишнего не надо.

У него такой голос, от которого по спине словно кошачьей лапкой проводят. Низкий и звучный. Очень обаятельный, несмотря на все гадости, какие он произносит. Я совершенно не намерена увлекаться этим типом, но чувствую, как меня к нему тянет, и это меня раздражает.

– Мы что, знакомы? – спрашиваю я.

– Какая разница!

– Надеюсь, у вас хотя бы есть причины грубить? Или просто проявляется врожденная злобность?

Голубые глаза еще минуту изучают меня, после чего он отвечает:

– Я приберегаю свою злобу для тех, кто ее заслуживает, хотя кое-кто думает иначе.

Очаровательно! Сама непосредственность. Этот мистер не похож на свирепого волка, готового вцепиться в глотку, но и к клубу моих поклонников он явно не принадлежит. Я не привыкла вызывать неприязнь с первого взгляда у людей и животных, и это новое ощущение оставляет неприятный осадок. Конечно, я не совершенство и не считаю, будто все должны меня любить. Но и врагов я никогда не умела заводить, а если обижала кого-то, пусть даже ненароком, обязательно извинялась и старалась как можно скорее загладить вину. Всегда.

Кроме того единственного раза, когда убежала из дому...

Эта мысль подсказывает другую. Может, парень злится на нее и нас опять перепутали?

– Вы знакомы с моей сестрой? – спрашиваю я.

– Помогите нам небо! Так вас еще и две?

– Послушайте, – настаиваю я, – в чем дело? Насколько мне известно, я вас впервые вижу, и вы ничего обо мне не знаете.

– Тебе бы хотелось так думать, да?

– Я думаю, что вы либо меня с кем-то спутали, либо просто дурно воспитаны.

– Меня здесь зовут Гремучкой, – говорит он. – Ну как, в памяти ничего не звякнуло?

Действительно, имя звучит знакомо, только пока ни с чем не связывается. Должно быть, провалилось в одну из малых черных дыр у меня в памяти. Но вдруг я вспоминаю:

– Вы друг Тоби!

Хотя что там говорил Тоби?

«С Гремучкой дружить нельзя. Это все равно что завязать дружбу с луной или

звездами: сплошные разочарования. Потому что они такие блестящие и так высоко подвешены».

– Нет, не друг, – поправляюсь я, не дав ему высказать очередную гадость. – Тоби говорил, вы не из тех, с кем можно дружить.

Поднимается и опускается бровь, голубые глаза насмешливо блестят.

– Так и сказал? – спрашивает он.

В голосе легчайший намек на угрозу, и я снова начинаю нервничать. Стараюсь не оглядываться, но куда же они все подевались? Хоть хозяин гостиницы должен же где-то быть?

– Я дружу с Джо, – говорю я, заслоняясь его именем, как талисманом, в надежде, что для него оно что-то значит, как и для тех Родственников, что встречались мне в Большом лесу. – Ну, знаете, – добавляю я, помедлив, чтобы припомнить имя, которым называла его Джолена, – с Анимандегом.

– Но сейчас Джо здесь нет, верно?

Я не позволяю себе выказать страх, разве что руки немножко дрожат, но его взгляд прикован к моему лицу, так что рук он, надо думать, не видит.

– Да. Ну, приятно было поболтать, – говорю я ему и начинаю пятиться, но тут он небрежным взмахом руки указывает на скамью напротив себя.

– Но куда же вы? – говорит он. – Не уходите, прошу вас, присядьте. Поделитесь со мной своею мудростью.

– Я вас не понимаю.

– Неужто? Весь Большой лес только о тебе и говорит: девочка-сновидица, в которой горит ярчайший духовный свет. Все убеждены, что твое появление предвещает великие перемены.

Он улыбается, но только глазами. Не нужно уметь читать мысли, чтобы почувствовать серьезную ненависть, которая так и рвется наружу. Мне хочется оказаться подальше, пока он не перешел от слов к делу.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – повторяю я. – Я ничего не знаю.

– Однако так щедро раздаешь советы и перлы премудрости! О, и помощь тоже. Ты ведь и помочь всегда готова, верно? Если тебе это ничего не стоит.

Я осторожно отступаю. Не знаю, за кого он меня принимает – за сестру или за кого-то совсем незнакомого, – но мне не нравится, к чему идет дело. Вовсе не нравится.

– Как, уже уходишь?

Угроза прорывается так явственно, что я замираю на месте.

– Я...

Я толком не знаю, что сказать. Но он не успевает отпустить новую колкость, потому что у меня за спиной раздается голос:

– Лих! Ты ведь не станешь распугивать моих гостей, а?

Я бы обернулась, да боюсь повернуться спиной к этому мистеру Непосредственности.

Гремучка с кислой миной смотрит мне через плечо – ему испортили развлечение. Залпом допивает свой странный синий напиток и встает, высокий и угрожающий.

– Мы с тобой еще встретимся, – сулит он, проскальзывая мимо меня.

Я поворачиваюсь ему вслед и даже подхожу к дверям, чтобы увидеть, как он шагает через двор. Свернув налево, он исчезает за аркой, противоположной той, в которую прошла я. Когда он вступает под тень свода, видна вспышка янтарного света, и его нет как не бывало. Я застываю с открытым ртом. Я-то дивилась, что это за гостиница в самой глуши, и даже ни одной дороги к ней не ведет. Но если из нее можно так запросто телепортироваться, так поставь ее хоть на луне, она не растеряет постоянных обитателей.

Убедившись, что Гремучка не собирается возвращаться, я оборачиваюсь к своему избавителю. Он стоит над покинутым Гремучкой столиком, вытирая тряпкой синие круги. Поднимает голову, когда я подхожу.

– Прошу прощения, – говорит он. – Лиходей не лучшая компания, когда на него

находит.

Догадываюсь, что он и есть хозяин гостиницы. На вид он напоминает жизнерадостного пройдоху или каменщика – крупный, почти квадратный, мужчина в белой майке в обтяжку, обрисовывающей все мускулы и представляющей на обозрение мощные руки, сверху донизу покрытые татуировками. Сплошные звери: ящерица, волк, рысь, орел, дракон... Длинные каштановые волосы связаны на затылке в хвостик, борода клинышком. Но в отличие от Гремучки – вернее сказать, Лиходея, поскольку здешнему хозяину лучше знать, – он так и лучится доброжелательством.

– Мне он сказал, его зовут Гремучка, – говорю я.

– Это скорее не имя, а описание – как если меня назвать трактирщиком. А зовут меня Уильям, кстати сказать. Уильям Кемпер.

Кажется, и Тоби говорил про Гремучку что-то такое. *«Это не имя, а звание»*.

Я называю Уильяму свое имя и прохожу за ним к стойке, где он моет стакан Гремучки в раковине из нержавеющей стали и начинает его протирать. Современная мойка и водопровод меня удивляют, но сейчас на уме более важные вопросы.

– Так что такое этот Гремучка? – спрашиваю я.

Уильям с ухмылкой пожимает плечами:

– Кто его знает. Появился откуда-то довольно давно и сказал только, что зовут его Лиходей Гренн, Гремучая Змея. Кажется, долго дивился, что никто его не узнает.

– А он... опасен?

– Всякий бывает опасен, если доведешь. Впрочем... – Он кивает. – Пожалуй, Лиходей всегда довольно опасен. Заносчивость так и прет из него, и ему явно случалось подраться. Из-за чего он к вам прицепился?

– Сама не знаю.

Он, кажется, думает, что знает меня, и то, что он знает, ему *очень* не нравится.

– Вы писательница?

Я качаю головой.

– Тогда совсем не понимаю. Выпьете что-нибудь?

– А что у вас можно заказать?

– Все, что обычно пьете, дома то есть.

– Пиво. Или кофе.

– Есть и то, и другое.

– Тогда, пожалуй, кофе.

– Сливки? Сахар?

Услышав, что я предпочитаю черный без сахара, он снимает с полки одну из бутылок, и из нее в толстостенную фарфоровую кружку льется дымящийся ароматный кофе. Он ставит кружку передо мной и усмехается моему обалделому виду.

– Ну что вы? – говорит он. – Это ведь сон. Здесь все по-другому.

Я улыбаюсь:

– Просто еще не привыкла. Пока что только и повидала, что пару кварталов Мабона да Большой лес.

Он кивает:

– А потом впали в уныние и очутились здесь?

– А что, все ваши гости – люди, впавшие в депрессию?

– Да нет, всякие бывают. Видели бы вы, что здесь творится в полнолуние. Но название вроде «Забытых Звездами» привлекает, конечно, прежде всего несчастных и невезучих. По первому разу многие ради названия сюда и навешиваются.

– Не то чтобы я так уж унывала, – говорю я, – по крайней мере, когда я здесь. Хотя в Мире Как Он Есть я не очень-то счастлива.

Он молча кивает – универсальный отклик барменов на все случаи жизни. Продолжу я рассказ или буду молча пялиться в свою чашку – ему все равно. Я пробую кофе.

– Замечательно! – хвалю я и добавляю: – А почему вы спросили, не писательница ли я?

– Из-за Лиха. Он их не любит.

– За что?

– Ну... – Уильям с минуту глядит мимо меня, в пространство. – Ребят вроде него я называю ничейными, – говорит он, вернувшись взглядом к моему лицу, и вскидывает руку, останавливая вертящийся у меня на языке вопрос – Понимаете, они в стране снов не свои, и не в ворота сна прошли, как, скажем, вы. Их кто-то выдумал, и жизнь у них ограничена книжной полкой, да и длится только до тех пор, пока в них кто-то верит.

– Эдар, – говорю я, вспоминая разговор с Тоби. – Они пришли из междумирья.

Он с любопытством глядит на меня:

– Вот-вот. Где вы о них слышали?

Я рассказываю ему о Тоби.

– Знаю я его – тот, что зовет себя Буас, да? Думается, эти двое из одной истории. Видел я и других оттуда же, но они теперь почти растворились.

– Так это правда? Они в самом деле истаивают, когда в них перестают верить?

– О да... К слову о несправедливости жизни.

– Все равно не понимаю, из-за чего на меня взелся ваш Лиходей.

– А это он так старается остаться в памяти, – поясняет Уильям. – Доведет человека до белого каления, так уж тот его не забудет.

Я качаю головой. Чувствую, что дело не только в этом, но не знаю, как объяснить.

– Понятно, я могу и ошибаться, – признает Уильям.

– Я не спорю, – говорю я, – просто, по-моему, тут было что-то личное.

– Я бы не слишком беспокоился на вашем месте. Поверьте, он то и дело творит всякие пакости. Сколько раз уж я грозился его выставить, но... – он пожимает плечами, – наверно, мне его жалко.

– Кажется, у вас хватает свободного времени, – замечаю я, чтобы сменить тему.

– Ну, по большей части мои посетители – ничейный народ, а нынче утром заглянула компания Родичей и вроде как распугала всех. Вы ведь слышали, как на них действует присутствие чистокровок?

Я киваю:

– Думаете, и это правда?

– А какая разница? Ничейные этому верят, вот и разбежались. Хотя да, скорее всего, правда.

– Я думала, знают ли об этом Родственники?

– Трудно сказать, – тянет Уильям. – Вообще-то сомневаюсь. Они больше между собой общаются, а ничейные стараются держаться от них подальше – так кто бы им рассказал?

«Ты бы мог рассказать», – думаю я. Но сегодня мне не хочется больше никого раздражать. Спрошу лучше Джо, когда в следующий раз с ним увижусь.

– А оборотни здесь не бывают? – спрашиваю я.

– Вы хотите сказать, кроме Родственников?

– Ну да...

Не могу поверить, чтобы возненавидевшая меня волчица была из Народа.

– Вообще-то нет, – говорит Уильям. – Сновидцы вроде вас обычно какой облик приняли, пересекая границу, такого и держатся. И с ничейными то же самое – если только тот, кто их выдумал, не дал им способности менять шкуру. Но если они не превращаются у меня на глазах, так откуда мне знать?

– Так что люди-волки к вам не заглядывают?

Он улыбается:

– Псовые частенько бывают – чистой крови то есть.

– А кроме них?

– Вы кого-то ищете?

«Того, кто меня ненавидит», – думаю я, но качаю головой:

– Нет, просто любопытствую.

Он опирается локтями на стойку, наклоняется поближе ко мне.

– Может, и не мое это дело, – шепчет он, – но в последнее время на сей счет лучше не любопытствовать попусту. Объявилась тут банда сновидцев, которые пересекают границу в волчьих шкурах, так они охотятся на единорогов и пьют кровь.

Я чувствую, как округлились у меня глаза и кровь прихлынула к щекам.

– Да-да, – продолжает Уильям. – Сами понимаете, все всполошились. Я слышал, кое-кто из Родственников взялся их выследить, и, если вас примут за одну из их компании, неприятностей не оберешься.

– Я... я не из их компании, – говорю я. – Но, по-моему, я их видела. Они сегодня вечером напали на нас с подружкой.

– А вы проснулись и удрали у них из-под носа?

Я киваю.

– Местные так не могут. Им некуда проснуться, и стоя до них добирается. Никто не знает, сколько времени это тянется, но уже довольно давно. Особенно бесятся псовые, потому что, видите ли, эти сновидцы рядятся в их шкуры.

У меня начинает сосать под ложечкой. Что, если Софи права? Если стаю водит моя сестра?

– Мне... наверное, пора, – говорю я. – Сколько я вам должна?

– За счет заведения, – отвечает Уильям и ловит мой взгляд. – Ну и светитесь же вы изнутри.

Я вздыхаю:

– Надо полагать. По крайней мере, я от всех только об этом и слышу.

Он еще минуту удерживает мой взгляд, а потом резко распрямляется.

– Поглядывайте, кто у вас за спиной, – советует он. – Такое сияние, оно вроде маяка.

– Жаль, что оно ни на что не годно, кроме как объявлять: «Привет, вот она я, световая реклама!»

– Польза-то от него есть, – заверяет меня Уильям, – только такими вещами сразу пользоваться не научишься.

«Разница невелика», – думаю я и встаю с табурета.

– Спасибо за кофе и беседу.

– Берегите себя.

Я слабо улыбаюсь:

– И за совет.

– Слушайте, я только хотел...

Я накрываю ладонью его руку, лежащую на стойке.

– И не думала иронизировать, – говорю я ему, – очень благодарна, правда.

Пожимаю ему руку и выхожу из зала. Останавливаюсь во дворе и оглядываюсь по сторонам. Меня не покидает ощущение, что за мной следят. Может, это какой-нибудь Эдар, истаявший до невидимости. Быстро пробегаю по булыжной мостовой к той арке, в какую вошла.

От открывшегося передо мной вида захватывает дух, и я долго стою, озирая бесконечные просторы Большого леса. Если вспомнить, какой высоты там каждое отдельное дерево, огромный лес, раскинувшийся внизу, предстает и вовсе необозримым. Я гляжу на него еще минуту, а потом позволяю себе проснуться.

3

Софи хорошо знала, что не она создала страну снов. По всей видимости, тот, другой мир существовал вечно, а то и дольше и был известен под самыми разными названиями с тех пор, как появились те, кто умел давать имена.

А вот Мабон, город, раскинувшийся в его снах, был ее собственным.

Хотя теперь уже, может быть, нет. Теперь он не принадлежал ей целиком. Зато начинался он с нее.

Это не было похоже на создание картины. Она не натягивала холст, не накладывала грунтовку и крупные первые мазки, не прорабатывала детали. Да и замысла никакого не было.

Была маленькая девочка, которая после школы просиживала одна в квартире, где жила с отцом с тех давних пор, как мать бросила их. Софи ее почти не помнила. Тогда они были бедны, и денег на краски и книги не хватало, вот она, дожидаясь отца с работы, и развлекалась тем, что рисовала карандашом на старых пакетах и читала книги, стопку которых раз в неделю приносила из библиотеки. Она прибирала дом, готовила обед и делала домашнее задание, но все равно времени на чтение и рисунки оставалось вдоволь. Даже слишком много. Ко вторнику она обычно успевала прочитать пять книг, взятых в субботу утром в библиотеке. И тогда начинала грезить наяву.

Первым появился мистер Честный Малый с его удивительной лавкой, в которой имелись все не написанные еще книги, а в дальних комнатах была устроена художественная галерея, где хранились несозданные шедевры великих художников.

Там, в кожаном кресле, она прочла «Стоика» Эмили Бронте, «Перегрину» Авраама Дэвидсона, пятую песнь байроновского «Чайльд Гарольда» и «Элидор» Алана Гарнера.

Она в одиночестве созерцала полотна, которые написали бы Ватто и Дали, если бы прожили немного дольше. Живопись Уотерхауза и Кольера, гравюры Сарджента, пастели Дега – не виданные никем в Мире Как Он Есть. А она видела их, и не только их, в той маленькой галерее за книжной лавкой.

Лавка с ее богатствами привиделась ей с такой отчетливостью, что время, проведенное в грезах, ничем не отличалось для нее от жизни наяву. А вокруг лавки постепенно возникал город. Сначала появилась улочка, видная из окна, за ней – дом напротив, потом кварталы жилых домов по сторонам улочки. Город рос и ширился, она уже не властвовала над ним безраздельно, его существование питалось и другими мечтателями, поселившимися в нем и дополнившими его собственными представлениями и идеями. Кроме мечтателей в город стекались Эдар из междумирья, существование которых зависело от того, верили ли в них.

Софи ничего этого не замечала. Она выросла, поступила в университет, сама стала художницей и забыла про город, про странную лавчонку, даже про мистера Честного Малого не вспоминала, пока восемь лет йазад сон не вернул ее в знакомые места. Помимо ее воли – сказывалась «кровь эльфов», как сказала бы Джилли. Город без нее обветшал, вылинял и расплзался по швам. Его обитатели призраками слонялись по опустевшим улицам и прозябали в покинутых домах.

Но возвращение Софи возродило город.

Оборотной стороной этого дела был Джинкс, вновь объявившийся примерно тогда же. Стоило ей начать «исполнять сны», как говорила Джилли, и все электронные и механические устройства выходили из повиновения и пускались развлекаться на собственный лад – точь-в-точь как бывало с ней в детстве. Софи и не вспоминала об этих детских бедах, пока Джинкс не вернулся.

Впрочем, Джинкс принадлежал Миру Как Он Есть и не преследовал ее в стране снов. Был ли он связан с ее мечтами или с кровью эльфов, но стоило ей шагнуть через границу, и перед ней возникали только те проблемы, которые она создавала сама. Приятно было для разнообразия носить часы, на которые можно положиться, работать с художественными программами на послушном компьютере, включить видеоролик и увидеть именно то, что написано на упаковке, а не первое, что втемяшится в электронную башку ее телевизору.

Джилли, надо сказать, особенно бесилась по этому поводу: как можно, попав в страну снов, где тебе предоставлены такие возможности, проводить время в городе, не слишком отличающемся от Ньюфорда, и заниматься самыми обыкновенными делами!

Софи не раз случалось отбиваться от подруги, негодующей на то, что она растрчивает свой дар, целыми вечерами бездельничая на пару с дружкой Джэком. «Наверное, – говорила

она, – у меня просто бедное воображение».

– Да ты же вся насквозь волшебная: крови эльфов в тебе через край.

– Да ну?

– Ты могла бы вести сказочную жизнь!

– Я так и представляю себе сказочную жизнь: развлекаться на пару с Джэком и не опасаться нападения взбесившегося тостера или телефона.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю!

– Наверное, знаю, – соглашалась Софи, – но я не могу измениться.

При этом Джилли обычно бессильно качала головой, демонстративно вздыхала и принималась перебирать наброски и рисунки, которые Софи делала по памяти, возвращаясь из Мабона.

Особенно ее очаровал Джэк – как своим родством с воронами, так и тем, что все приключения, которые Софи случалось все же пережить в стране снов, происходили обычно в его компании. До сего дня ни одна из них так и не знала, был ли он уроженцем страны снов, сновидцем, как Софи, или одним из Эдар, которого извлек из междумирья сочинитель некой истории. Софи не спрашивала, и Джэк тоже молчал, а то, что в лавочке Честного Малого обнаружилась сказка, довольно точно описывавшая историю его семьи, – «Семь воронов» братьев Гримм с иллюстрациями Эрнста Шепарда, разумеется недоступная в Мире Как Он Есть, – еще не означало, что он Эдар.

Но каково бы ни было его происхождение, о стране снов он знал куда больше Софи. Он чувствовал себя в ней уверенно, как местный уроженец или, по крайней мере, старожил. Такое знание входит в плоть и кровь, а не приобретается урывками, как добывала свои сведения Софи.

В тот вечер, встретившись с ним в своей квартирке и первым делом рассказав ему о последних событиях, из-за которых ей казалось, что с их встречи прошлой ночью прошло бог знает сколько времени, она спросила, не сумеет ли он помочь разыскать Джо. Потому что если кто и мог дать совет, так это он.

– Я ни с кем из псовых не знаком, – ответил Джэк, – а спрашивать надо у них.

– У тех, которые из первого звериного народа, так? – спросила Софи. Она никогда не уделяла таким вопросам столько внимания, как Джилли. – Кто может обернуться волком или собакой?

Джэк кивнул:

– Или лисом, или койотом. Говорят, Народ легко умеет найти любого из своего клана – много быстрее, чем кого-нибудь из чужого.

Софи было известно, что Джо в родстве с псовыми. Была в нем и воронья кровь, но не того сорта, что текла в жилах Джэка. Джэк умел сменить облик только в сказочном мире, где они впервые повстречались: эта способность не была у него врожденной, как у Народа.

– Значит, надо найти кого-то из псовых, – сказала она.

– Легко сказать! Никто из Родственников не держит конторы на Главной улице, куда можно было бы позвонить и записаться на прием. Может оказаться, что отыскать родичей Джо не легче, чем его самого, по крайней мере не так быстро, чтобы успеть помочь твоей подружке Джилли.

– Но должен же кто-то из тех, кого мы знаем, быть с ними знаком, – сказала Софи. – Например, Керри.

– Керри?

– Да ты ее знаешь. У нее лавочка на той же улице, что и у Честного Малого...

Она осеклась. Джилли досадовала напрасно. Сколько бы ни отпиралась Софи, ей случалось участвовать в приключениях – хоть и невольно. Чаще всего она нарывалась на них в мире сказок – в той части страны снов, где волшебство проявлялось явственнее, чем в Мабоне. Где водились и гоблины, и домовые, и колдуньи вроде матушки Погоды. Где она познакомилась с Джэком – сперва вороном, потом красавцем парнем, ставшим ее любовником. Но однажды она очутилась в иной стороне – пустынной части мира снов,

напоминавшей юго-запад Америки, и долгое время, стоило ей уснуть, те места притягивали ее, не давая попасть в Мабон.

– Что такое? – напомнил о себе Джэк.

– Я знакома с одним койотом, – сказала она. – В тот раз, как я вышла в заднюю дверь магазинчика Честного Малого...

– И пропала на целую вечность!

Она перегнулась через стол, чтобы чмокнуть его в щеку.

– Мне тоже так показалось, и очень мило, что ты так говоришь.

– Ты попала в ловушку того мира.

Софи кивнула:

– Но больше не попадусь. Я уже знаю выход.

– Койотам нельзя доверять.

– То же самое я слышала о воронах.

Джэк вздохнул:

– Даже если ты туда попадешь, как ты собираешься его отыскать?

– Надо надеяться, моя пресловутая волшебная кровь не подведет.

Джэк послал ей долгий взгляд. В его фиалковых глазах стояло изумление. Наконец он склонился к ней.

– Где моя Софи? – спросил он. – Что ты с ней сделала?

Софи не сразу сообразила, о чем он говорит, но затем поняла.

– Знаю, это кажется странным, – сказала она, – но я, похоже, готова поверить, что все это правда. Или хотя бы, что во мне в самом деле есть что-то, заставляющее механизмы сходить с ума и помогающее сделать все это, – она широким жестом охватила не только их квартирку, но и весь город, – настоящим.

Джэк задумчиво покачал головой:

– С чего такая перемена?

– Сама не знаю. Наверно, из-за разговора с Джилли. Ты шокирован?

– Нет. Честно говоря, я счастлив.

Софи с любопытством взглянула на него.

– Почему? – спросила она. – Это разве что-то меняет в наших отношениях?

– Только в том смысле, что тебе будет легче с собой.

Софи с минуту обдумывала его слова и пришла к выводу, что, может, он и прав. В ней все время шла подспудная война: то, во что она верила, боролось с тем, что считала выдумкой. А из-за беды с Джилли, встречи с волками и всех прочрх дел у нее не было времени задуматься. Теперь же, когда выпала тихая минута, она ощутила, что борьба в ней прекратилась. Странное это было чувство, надо признать. Будто привычная тесная футболка вдруг стала слишком свободной.

– Может статься, – продолжал Джэк, – что, вернувшись домой, ты обнаружишь исчезновение Джинкса.

– Ты думаешь, все беды с механикой только оттого, что я не признаю, будто во мне есть что-то вроде эльфийской крови?

– Возможно. В стране снов у тебя все в порядке, и здесь ты гораздо спокойнее миришься с чудесами и волшебством. Неверие прорывается, только когда ты уходишь отсюда. Когда возвращаешься домой.

Софи долго глядела на него.

– В тебя я всегда верила, – сказала она. – Ты ведь знаешь, верно?

Он кивнул.

– Не знаю отчего, – добавила она, – но тут у меня никогда не было сомнений.

Она протянула руку через стол, он накрыл ее своей, и они посидели немного, глядя друг на друга и улыбаясь.

– Я пойду с тобой, – сказал он погодя.

– Я рада.

«Галерея и магазин» мистера Честного Малого располагалась всего в нескольких кварталах от их дома, так что добираться туда пришлось недолго. Лавка уже закрылась, но, заглянув в окно, они увидели хозяина, который устроился за конторкой, с трудом втиснув свою долговязую фигуру Дон Кихота в узкое пространство между кипами журналов, томов и томиков, окружавших его рабочее место. Изучая раскрытую на конторке книгу, он рассеянно посасывал незажженную трубочку.

Услышав стук в окно, мистер Честный Малый встрепенулся так резко, что едва не выронил трубку. Обернувшись, он нацепил на нос очки и широко улыбнулся, узнав поздних гостей. Он осторожно извлек из-за стола свои длинные конечности и направился к двери, чтобы отпереть ее.

– Заходите, заходите, – повторял он. – Чем обязан неожиданному удовольствию?

– Нам нужна ваша задняя дверь, – объяснила Софи.

Хозяин ответил ей недоуменным взглядом.

– Вы знаете, – сказала она, – та, что иногда открывается в пустыню.

Только теперь на его лице забрезжило понимание. Софи подивилась такой замедленной реакции, потому что в прошлый раз, когда она исчезла за этой дверью, Джэк едва не свел хозяина с ума, требуя объяснить, что с ней случилось.

– Как вы понимаете, она открывается не только в пустыню, – предостерег мистер Честный Малый.

Софи кивнула:

– Знаю. Как правило, она просто ведет в переулок...

Она замолчала, увидев, что хозяин качает головой.

– С этой дверью, – сказал он, – как и с другими такими же, сложность в том, что они могут открыться в любое место и в любое время.

Софи вздохнула:

– Один из тех случаев, когда «необходимо тщательно сосредоточиться на том, что делаешь»?

– Вот именно, – кивнул хозяин. – Если нет чего-то влекущего вас в определенное место...

– Как в тот раз звук флейты?

– ... то вам необходимо очень точно представить, куда вы хотите попасть.

– Представим, – заверила его Софи. – Верно, Джэк?

– Попробуем, – согласился он.

– Я хочу сказать: кровь воронов и кровь эльфов – они не подведут, верно?

Мистер Честный Малый поправил очки и поглядел на нее сквозь круглые стекла.

– Похоже на то, что вы не столько меня, сколько себя уговариваете, – заметил он.

«И почему это все видят меня насквозь?» – задумалась Софи. Вслух же она призналась:

– Может, и себя...

Хозяин задумчиво кивнул.

– Хотя это и не мое дело, – заговорил он, – но не скажете ли, зачем вам так понадобился доступ в пустынный мир?

– Секрета нет, – сказала Софи, – но просто рассказ займет много времени.

– Поставлю чай, – отозвался хозяин лавки. Пока он возился с чайником, Софи с Джэком вернулись в переднюю комнату и расчистили себе место, передвинув часть сложенных стопками новых поступлений.

Софи заулыбалась, пробежав взглядом заглавие верхней книги: «Внутреннее устройство сельскохозяйственных машин» Марты Стюарт. Да, в Мире Как Он Есть эта книга в ближайшее время не появится. Другую кипу венчала «Лиса-пастушка путешествует автостопом» Ким Антье. Эту Софи отложила в сторону, чтобы попросить хозяина оставить ей экземпляр.

Когда Софи закончила рассказ, Джэк налил всем еще по чашке чаю из темного

керамического чайника, который Софи запомнила с первого своего визита в эту лавку. Рыжий, как апельсин, кот Доджер, улучив минуту, вспрыгнул к ней на колени и принялся тыкаться лбом в ладонь, требуя, чтобы ему почесали шейку.

– Так вам, значит, сам Джозеф нужен, – заключил мистер Честный Малый, – а не тот койот или еще кто из псовых.

Софи отметила про себя, что не стоит так уж удивляться, если хозяин, оказывается, знаком с Джо. Джо в этом отношении был вроде Джилли, только если у Джилли в знакомых числился каждый третий житель Ньюфорда, то круг друзей и знакомых Джо охватывал большую часть страны снов.

– Вы не можете как-то с ним связаться? – с надеждой спросила она.

– Лично я – нет, – ответил он и, не дав Софи времени разочарованно вздохнуть, добавил: – Но проще всего послать ему весточку через фирму «Скороход и Шмыг».

Софи переглянулась с Джэком.

– «Скороход и Шмыг»? – повторила она. Хозяин остановился, не донеся ложку сахара до чашки, и поглядел на нее поверх очков.

– Курьеры, – пояснил он и назвал адрес, всего в нескольких шагах от его лавки. Потом высыпал сахар в чай и потянулся за молочником. – С прошлого года, как они открылись, в городе их то и дело расхваливают. Странно, неужели вы не слышали?

Софи с Джэком дружно покачали головами.

– Они гарантируют доставку ответа из любой точки страны снов в течение двух дней, – продолжал хозяин, – и обещают в случае опоздания полное возмещение расходов.

При той путанице участков быстрого и замедленного времени, которая охватывала страну снов во всех направлениях, подобная скорость доставки, да еще с гарантией, была достойна изумления.

– Как они умудряются делать это? – спросила Софи.

Хозяин пожал плечами:

– Понятия не имею. А как умудряются феи в своей «Лесной пекарне» выпекать булочки из опилок?

– А они выпекают?

– С помощью магии, – пояснил букинист.

Он размешал сахар, еще раз поправил очки и сделал глоток. Удовлетворенно улыбнувшись, отставил чашку и принялся возиться с трубкой.

– Все всегда сводится к магии, – продолжал он. – Как она работает, нам неизвестно, но мне всегда представлялось, что тайна тут – первое необходимое условие.

– А «Скороход и Шмыг» в это время еще работают? – спросил Джэк.

– Круглосуточная служба, – сообщил мистер Честный Малый. – Меня даже удивляет, как это вы до сих пор ни разу к ним не обращались. Мне чрезвычайно удобно доставлять через них срочные заказы. – Он покосился на опустевшую чашку и вздохнул. – Напрасно я вспомнил про «Лесную пекарню». Сразу аппетит разыгрался. Захотелось сладенького, а последний ореховый кекс я с утра доел.

Софи встряхнулась и встала, ссадив с коленей Доджера и не обращая внимания на недовольный вид изгнанного с теплого местечка кота.

– У нас дома есть сладкие булочки, – сказала она. – Можем вам занести после того, как отправим сообщение.

– С изюмом? – с надеждой спросил Честный Малый.

– Сплошной изюм, – заверила его Софи.

Если Касси и удивилась, второй раз за вечер увидев у себя Венди, то ничем не выдала удивления. Просто улыбнулась и молча провела ее в комнату. Гостиную освещала

единственная толстая свеча, а в воздухе пахло кедровой смолой.

– Чем тебя угостить? – спросила Касси.

Венди покачала головой:

– Не хочу доставлять тебе хлопот.

– Чай уже готов.

– Чай – это чудесно.

Касси была в шелковой пижаме, такой ослепительно розовой, что Венди мгновенно забыла, как ей хочется спать, и не сразу вспомнила, зачем она вообще сюда пришла.

С той же улыбкой Касси усадила гостью на диванчик и вышла за второй чашкой травяного чая. Обе чашки отражали свет свечи сине-зеленой глазурью, и Венди почудилось, что она глядит сквозь морскую воду на какой-то драгоценный камень.

– Приятный аромат, – сказала она, когда Касси налила ей чай.

– Я думала о Джо, – объяснила Касси. – Когда пахнет кедрами, мне всегда кажется, что он где-то рядом.

Венди собиралась спросить почему, но тут же сама припомнила, что вокруг Джо всегда стоял легкий аромат кедровой смолы, а не табака, как можно было ожидать, учитывая, сколько он курит. А вот сигаретами от него никогда не пахло.

– Я вообще-то из-за Джо и пришла, – сказала она.

– Получила от него восточку? – спросила Касси с такой надеждой, что Венди стало жаль ее разочаровывать.

– Нет, – ответила она. – Мне самой надо ему кое-что сообщить, и я надеялась, что ты знаешь как.

– Увы, – покачала головой Касси, – когда он в другом мире, с ним не связаться. А зачем он тебе понадобился?

– Понимаешь, я проезжала мимо реабилитации, – начала Венди, – а Софи была у Джилли, и они спорили...

Она ввела Касси в курс последних событий.

– Тогда становится понятно, чье присутствие я ощутила на чердачке у Джилли, – заметила Касси, дослушав до конца. – Джилли, но не Джилли. Такая же сила, но много, много темнее.

Венди вспомнилось шутливое предположение, сделанное Джилли.

– Злой двойник, – сказала она.

– Это Джилли сказала?

– Шутя. А вообще-то она грудью встала на защиту сестры, которой не видела... сколько же? Лет двадцать? Не верит, что та могла настолько перемениться. Хотя люди очень меняются. Мне случалось видеть, как такое происходит за одну ночь.

– Мне тоже, – кивнула Касси, – при соответствующих обстоятельствах.

– А про обстоятельства, в которых жила эта ее сестра, мы ничего не знаем.

– Наверно, Джилли просто не хочет верить, – размышляла Касси. – Не так-то легко заподозрить в чем-то плохом родного человека.

Венди покачала головой:

– Не знаю, не знаю... Сколько мы с Джилли знакомы, она все повторяет, что у нее нет родни по крови. Только те, кого она выбрала.

– Это чувство мне тоже знакомо, – сказала Касси.

– Да, я, кажется, единственная в нашем дружеском кругу, кто радуется семейным сборищам. Но мне ведь повезло – у нас в семье все ладят между собой.

Венди допила чай и с удовольствием протянула чашку Касси, предложившей добавки. Она сама не понимала, отчего чай кажется ей таким утешительным напитком. Все они любили чай, правда, Джилли предпочитала искать утешения в кофе, а Софи – в стакане красного бордо.

– А Лу Джилли рассказала? – спросила Касси.

Венди покачала головой:

– Не желает втягивать полицию.
– Лу не такой, как другие копы. Он друг.
– А все равно коп и такой приверженец строгой законности, что ни малейшего отклонения не потерпит. Ему что: арестует сестру Джилли, посадит в тюрьму, а там пусть суд разбирается.

Касси кивнула:

– Да, очень похоже на Лу. Жаль, что Джо нет. Такие дела больше по его части.
– А карты не могут подсказать, где он сейчас?
– Они скажут то, что и так известно: он в мире духов. А насколько удалился вглубь страны – гадайте сами. Я и не представляю, где его искать.

Венди с любопытством уставилась на нее:

– А ты тоже можешь перейти границу?

Касси кивнула:

– Хотя я чаще хожу вместе с Джо. Напрочь теряю там чувство направления и, если меня оставить без присмотра, ни за что не найду дороги назад.

– Но переходишь ты на самом деле. Не во сне, как Софи с Джилли?

– Я жалею, что не могу переходить во сне, – заметила Касси. – Тогда хоть могла бы проснуться, если заплутаю.

Венди вздохнула и откинулась на мягкую спинку дивана.

– Что с тобой? – забеспокоилась Касси.

– Ничего. Просто устала.

Касси молча смотрела на нее.

– У меня какое-то глупое чувство, – добавила Венди.

– В отношении чего?

– Не знаю... Этот духовный мир. Все эти странствия в сновидениях. Я в общем-то не задумывалась, когда Софи... и даже Джилли – уходили туда. Что есть, то есть. А сегодня... меня немножко встряхнуло, когда оказалось, что они теперь будут бродить по стране снов вдвоем, без меня. Мы всегда все делали вместе. Ну, не все, но ты понимаешь, о чем я.

Касси кивнула:

– Все важное.

– Точно. А страну снов я никогда не смогу с ними разделить, и мне страшно подумать... ну, понимаешь, что я буду все больше и больше от них отдаляться. – Она тряхнула головой. – Я же сказала: глупое чувство. Я ведь давно знаю, что Софи это умеет, а Джилли всегда хотелось научиться, так что мне бы за нее радоваться, да? Я и радуюсь. А все-таки мне кажется, будто меня не взяли в игру, и мне чуточку обидно.

– Это не глупо, – сказала Касси.

– Пускай не глупо. От этого не легче. И противно чувствовать себя завистницей.

– Обязательно скажи им, что у тебя на душе, – сказала Касси.

– И что изменится?

– Не знаю. И ты не узнаешь, пока им неизвестно, каково тебе сейчас.

– Я не хочу, чтобы они оставались из-за меня, – сказала Венди.

– А пойти вместе с ними хочешь?

Венди кивнула:

– Только ничего не выйдет, потому что во мне нет такого яркого сияния, как в Джилли и Софи. – Она вдруг наклонилась вперед и впиалась взглядом в лицо Касси. – Ведь нет, правда?

– Насколько я могу видеть, нет.

Венди снова обмякла.

– Значит, безнадежно.

– Ничего подобного, – возразила Касси. – Во мне тоже нет никакого света. И я не в родстве с Народом, как Джо. А границу перехожу.

– А меня можешь научить?

Касси кивнула:

- Могу взять тебя с собой, но научишься ли ты переходить сама, зависит только от тебя.
- Значит, все-таки надо иметь в себе что-то особенное...
- Не совсем так. Но тебе в самом деле придется научиться особым образом видеть мир: смотреть на него вскользь и замечать места, где граница тоньше и позволяет проскочить на ту сторону. Так мы и делаем, – пояснила она, предупредив вопрос Венди, – те, у кого в крови нет никакой магии.
- А сейчас можно попробовать?

Касси рассмеялась:

- Вряд ли. Мы обе устали, и у нас еще остались кое-какие дела.
- Помочь Джилли, – озвучила Венди. – И найти Джо.

Касси кивнула:

- И было бы неплохо, если бы именно Джо показал тебе, как надо переходить.
- Ты же сказала, что можешь сама.
- Могу и покажу, если понадобится. Но Джо лучше сумел бы присмотреть за тобой на другой стороне. И подготовить тебя.
- К чему подготовить?
- Мир духов – очень странное место, – пояснила Касси. – Время там идет по-своему, и проще простого затеряться в других временах. Знаешь, как в старых сказках: с той стороны возвращаешься безумцем или поэтом.
- По-моему, там речь шла о волшебном царстве?
- Другое название для той же страны снов.
- А я и так уже поэт, – сказала Венди.

Касси усмехнулась:

- Что верно, то верно. – Допив чай, она встала. – Думаю, тебе лучше переночевать у меня. Постелю тебе на диване.
- Опять тебе со мной хлопоты.
- Никаких хлопот. Мне даже веселее будет.
- А как насчет того, чтобы связаться с Джо?

Касси пожала плечами:

- Я же сказала: представления не имею. Попробую обычный способ, которым зову его вернуться из страны снов: буду что есть силы думать о нем, засыпая.
- И помогает?
- Вроде бы да. В прошлом он всегда после этого появлялся через день-другой.
- Не знаю, есть ли у нас день-другой.
- Давай будем беспокоиться об этом утром, когда немножко выспимся. А сейчас я достану белье и подушку.

Венди отнесла чашки и чайничек на кухню. Когда Касси вернулась, они вместе сняли с дивана валики и постелили постель.

- Попробую и я о нем думать, – сказала Венди.

Касси улыбнулась:

- Будем надеяться, что он не заткнул уши.

5

Проснувшись на следующее утро, я все еще не знаю, что делать. По дороге на работу заходит Венди и рассказывает, что Касси послала Джо весточку, но скоро ли он получит ее в глубине страны снов, никому не ведомо. Она не задерживается у меня.

- На этой неделе мне больше нельзя опаздывать, – говорит она убегая.

Только после ее ухода я вспоминаю, что в ней было что-то необычное: какая-то

неуловимая замкнутость, словно говорит издалека. Теперь слишком поздно. Мне не выбраться из кровати, чтобы догнать ее и расспросить, в чем дело. Думаю, не обидела ли ее чем-нибудь ненароком, но ничего не могу вспомнить. Если и было что-нибудь, то, верно, кануло в одну из черных дыр.

Следующей появляется Софи и рассказывает о новой курьерской службе, которая завелась в Мабоне. Ее рассказ вызывает у меня улыбку. Мне нравится воображать, как крошечные эльфы в форме курьеров-мотоциклистов шныряют по стране снов в поисках адресатов. Но Софи снова уговаривает меня не дожидаться Джо и рассказать обо всем Лу, пока не случилось чего-нибудь похуже.

– Те волчицы готовы были нас убить, – говорит она.

– Мы же не знаем, моя ли сестра их водит, – говорю я, но без большой убежденности. Я почти уверена, что это была она, и Софи не обманешь. – А кроме того, что мы расскажем Лу? «Знаешь, нам снился один и тот же сон, и там на нас напали волки... Как же мы спаслись? А проснувшись!»

– А если они проберутся на эту сторону? – спрашивает Софи и попадает прямо в больное место.

Как раз этого я и боюсь.

– Может, они не сумеют, – говорю я, но убедить не удастся даже себя, не то что Софи.

– Кто-то разнес твою студию, – напоминает она. – Не во сне, а здесь и сейчас.

– Но ты же говорила, картины вспарывали ножом. Очень острым ножом. А не волчьим зубом и когтем.

Софи кивает:

– Ну а если она к тебе явится с тем ножом? Отсюда ты не сбежишь, проснувшись.

Я знаю. Сломанная Девочка ни на что не способна.

– Ладно, – говорю я. Медленно. Неохотно. – Только не говори ему, что это наверняка она, Просто, что может быть.

– Про сны ему все равно рассказывать нельзя, – соглашается Софи. – Но я могу порассуждать о том, как она возненавидела тебя за тот давний побег.

– Как же было не возненавидеть?

Софи вздыхает:

– Может, ты и права. Зато если мы ошиблись... то есть, если Лу сумеет ее найти, а это не она, ты хоть получишь возможность с ней поговорить.

– Тут-то она и полюбит меня от всей души в благодарность за то, что я напустила на нее полицию!

– Да, будет непросто, – соглашается Софи.

– Просто ничего не бывает.

– По крайней мере, ты сможешь объяснить.

Я вспоминаю взгляд волчьих глаз.

– С чего ты взяла, что она станет меня слушать? – спрашиваю я.

И Софи нечего ответить.

Она уходит, а я не хочу больше об этом думать. Начинаются процедуры, упражнения, и я стараюсь сосредоточиться на них, чтобы выбить из головы мысли о сестре, волчицах и вообще о стране снов. К обеду ко мне заходит Анжела и заменяет сиделку, которая меня кормит. Анжела ничего не знает о жутковатых чудесах, которые прокрались в мою жизнь, – и говорить с ней на такие темы не стоит. Анжела слишком занята делами этого мира, так что у нее не остается времени даже задуматься, что происходит на его окраинах. Зато с ней легко придерживаться безопасных тем.

Но она тоже уходит, а я остаюсь отдыхать и думать. Гляжу в потолок и вижу тех волчиц. Поворачиваю голову к стене, а оттуда смотрит на меня сестра, и в ее глазах обвинение. Закрываю глаза и тут же встряхиваюсь, почувствовав приближение дремоты. Наконец появляется санитар, чтобы отвезти меня на очередную процедуру, и на несколько минут я могу забыться.

Странное дело. Забываю то, чего не хочу забывать, а то, что хочу забыть, остается со мной, обволакивает меня слоями, как луковицу, так что я порой задыхаюсь под ними. А потом появляется совершенно неожиданный посетитель, и моя жизнь обрастает новым слоем сложностей.

– Смотрите-ка, кто пришел! – восклицаю я, когда в палату входит Дэниель.

Я только что закончила серию интенсивных упражнений, и мышцы все еще натужно ноют – те мышцы, которые я ощущаю. Целую минуту я не могу разобрать, что в нем такого необычного, но наконец замечаю: он не в больничной униформе. Линялые джинсы, старая гавайка и сандалеты вместо бледно-зеленого халата и тапочек на мягкой подошве, в которых я видела его до сих пор.

Он улыбается, заметив подаренную им брошку у меня на подушке, и в комнате чуточку светлеет.

– Как дела, Джилли? – спрашивает он.

– Лучше, – сообщаю я и, не дав ему перейти к привычным расспросам о ходе лечения, добавляю: – И хуже тоже.

Он переставляет стул поближе к изголовью, и мы немножко болтаем о старых пациентах, лежавших в одно время со мной, и тому подобных делах.

– Может, тебе это покажется неприличным, – вдруг говорит он, – потому что ты лежала в моем отделении и все такое, но я хотел спросить, не согласилась бы ты как-нибудь погулять со мной?

Надо же! Похоже, Софи была права насчет его. Хотя он такой красивый и славный, что тут наверняка что-то не так.

Он сидит, ждет ответа, а я не знаю, что сказать.

– Почему ты стал медбратом? – спрашиваю я. Он словно не слышит, долго тянет с ответом.

– Извини, – говорю я. – Сую нос не в свое дело, да? А ты ведь просто пригласил меня прогуляться.

– Да нет, все в порядке, – говорит он. – Просто ты застала меня врасплох, а я давно уже об этом не задумывался. – Он медлит еще несколько мгновений, прежде чем продолжить: – Мой папа умирал от рака – я еще мальчишкой был. Каждый день заходил к нему в больницу после школы, и, понимаешь, почему-то мне запомнилось, как сиделки и санитары заботились обо всех этих умирающих людях. Когда папа умер, я уже знал, чего хочу, – заботиться о других. Помогать, когда люди попадают в это страшное место и ничего не могут сделать сами, потому что собственное тело им изменяет.

– А почему не стал врачом?

– Никого не хочу обидеть, но врач – это не то. Понятно, они делают операции, назначают лечение и все такое, но на передовой двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю не они, а мы. Когда какого-нибудь несчастного малыша выворачивает наизнанку, не врач перестилает постель, уговаривает его, что стыдиться нечего, помогает почувствовать себя нормальным. Это мы уговариваем его, что он ничего дурного не натворил, просто болезнь завладела его телом, а он тут ни при чем. Мы всегда с ними, со всеми больными, все время.

Я смотрю на него, и в голове одна-единственная мысль: «Ничего себе! Настолько хорошо, что даже не верится!»

– Ты не гей? – спрашиваю я.

Он хмурится:

– Почему? Оттого что стал медбратом?

Я качаю головой:

– Нет. Я знаю, что нельзя обобщать, но до сих пор все одинокие умные красавчики, какие мне попадались, оказывались геями.

– По-твоему, я умный красавчик?

– Вообще-то да. У вас что, зеркала в сестринской нет?

Он краснеет, но я вижу, что ему приятно. Откашливается.

– Так как же насчет свидания?

– Ты на меня посмотри, – говорю я. – Я не на жалость напрашиваюсь, так что не надо лекций о бодрости духа, но давай смотреть правде в глаза. В ближайшее время мне по городу не гулять.

– Я имел в виду что-нибудь, что тебе по силам, – смущается он. – Можно посмотреть кино в холле или поужинать в кафетерии... что-то в этом роде.

Под моим взглядом он окончательно сбивается и с трудом выговаривает:

– Так как?

– Я думала, таких, как ты, уже не делают, – говорю я.

Мне видно, что из-под воротничка на его лицо накатывает новая волна краски, но он не обращает на это внимания и спокойно ухмыляется.

– Но было бы неплохо, – говорит он, – верно?

Я киваю, хотя в последнее время уже ни в чем не уверена.

Как раз сейчас его интерес ко мне очень осложняет дело. Речь даже не о Сломанной Девочке – поскольку его это, кажется, не смущает. Но что будет, когда он столкнется с Девочкой-Луковкой, которая прячется внутри? Когда разберется, что творится у меня в голове? Провалы в памяти, сложности с интимной близостью и – вершина всего – странствия в страну снов! С виду он славный, нормальный парень. Умный красавчик, я не соврала. Доброе сердце, заботится о людях. Чего еще желать девице?

Но сколько времени ему понадобится, чтобы броситься наутек, заглянув на минутку ко мне в голову? О таких вещах мы с ним ни разу не заговаривали.

Так к чему оттягивать неизбежное? Покончим с ним сразу.

– Ты в волшебство веришь? – спрашиваю я.

Он улыбается во весь рот:

– Ты хочешь спросить, знаю ли я, что ты в него веришь?

Я хлопаю глазами:

– М-да. И это тоже.

– Я тебе признаюсь, – говорит он. – Я уже знал, кто ты такая, еще до того, как ты попала в мою палату.

– Знал?

Он кивает:

– У меня даже одна твоя картина есть – «Желтый мальчик» – та, где эльф-одуванчик облокотился на ржавое автомобильное крыло.

– Так это ты ее купил? Альбина потеряла копию чека, и мы не знали, к кому она попала!

– Альбина?

– Альбина Спрех. Хозяйка галереи «Зеленый Человек», где была наша выставка.

– А, да, теперь вспоминаю. Я просто не знал, как ее зовут.

Мы смотрим друг на друга, и он снова откашливается.

– Так вот, к вопросу о том, верю ли я в волшебство, эльфов и тому подобное... скажем так: я в них не верю.

– Звучит слишком сложно?

– Но ты ведь меня поняла.

Я киваю. Сама через такое прошла: хотелось поверить – так отчаянно хотелось – и не верилось, пока дальний мир не выложил передо мной наглядные доказательства своего существования. Я умела воображать волшебных существ, но прошло много времени, прежде чем научилась их видеть.

– Мне представляется, – продолжает он, – что в мире есть больше того, что мы умеем видеть. По крайней мере, должно быть. Но беда в том, что я никогда такого не испытывал. Наверное, слишком поглощен миром, который все согласились считать настоящим.

– Я не соглашалась.

Он кивает:

– Знаю. Потому-то меня сразу привлекли твои работы. Я читал твоё интервью – давным-давно, в «Кроуси ревью», – ты как будто для меня говорила. Та идея, что целый мир существует на окраине нашего сознания, на окраине мира, в который нас учили верить...

– А ты когда-нибудь пробовал отыскать магию?

Он улыбается:

– Все время ищу. Но у меня такое чувство, что на нее или случайно наткнешься, или она сама тебя найдет.

– Хорошо сказано, – соглашаюсь я.

– Только это значит, что надо все время оставаться для нее открытым, а это нелегко. Твои картины помогают.

– Правда?

– Еще как! – говорит он с воодушевлением, от которого у меня теплеет на сердце. – Когда я смотрю на твои картины, мне снова все кажется возможным.

И тут меня пронзает сожаление. Впервые с тех пор, как мне рассказали, что случилось с моей студией. Нет больше тех картин и никогда не будет. Я и не думала, что они так много значат для кого-то, кроме меня. То есть, если черные дыры не расширятся и не поглотят их, я их никогда не забуду. Но то, что он мне сейчас сказал, – ведь эта одна из двух причин, ради которых я их писала.

– Я что-то не то сказал? – спохватывается Дэниель.

Я качаю головой, но не могу справиться со слезами, переполняющими глаза.

– Сказал, – настаивает он, – я же вижу. Слишком много я болтаю, вот что. Ты, наверное, теперь считаешь меня каким-нибудь чокнутым фанатом...

Я пробую левой рукой достать салфетку, но мне не дотянуться. Рука еще не действует как следует. Дэниель тут же превращается в заботливую сиделку, достает мне салфетку, вытирает глаза, всем видом внушая при этом, будто ничего такого тут нет, обычное дело, я бы и сама могла, просто ему приятно обо мне позаботиться. Не знаю уж, как ему это удастся, – у других не получилось бы, ручаюсь.

– Нет, – говорю я, справившись наконец с голосом. – Совсем не то. Просто я вдруг вспомнила пропавшие картины, вот и все.

– Какие картины?

Я осознаю, я ему не говорила. Мои друзья знают, но мы с ними об этом молчим, а остальным я вовсе не рассказывала. А теперь рассказываю, и лицо у него делается до того несчастное, что мне хочется его утешить, но Сломанная Девочка только и способна, что лежать и разговаривать.

– Все в порядке, – говорю я ему. – То есть, конечно, не в порядке, но я справлюсь. Придется справиться.

– Кто способен на такое? – говорит он. «Сестра, если ненавидит тебя достаточно сильно», – думаю я, но не хочу касаться этой темы.

– Кто знает? – отзываюсь я.

– А полиция что-нибудь обнаружила?

Я качаю головой:

– Никаких следов.

Забавно. Он умудрялся словно не замечать моего состояния, а тут его в самом деле пробрало, и держится он неловко. Сломанную Девочку он не жалел, а вот из-за картин чувствует что-то очень похожее на жалость, понимая, что мне, может быть, никогда не написать новых, – и теперь не знает, как со мной держаться.

– Я согласна на свидание, – говорю я ему, потому что мне хочется сменить тему и познакомиться с ним получше тоже хочется. Никаких надежд – какие уж надежды у Сломанной Девочки, – но и совсем отказаться не могу. Хочется исследовать все имеющиеся у нас потенциальные возможности, хотя я заранее знаю, чем все закончится. И почему я не встретила его месяц назад? – Когда у тебя ближайший свободный вечер? – спрашиваю я. – У

меня-то в последнее время расписание довольно свободное. Могу сходить в кино.

Я шучу, и он принимает шутку. Справляется с потрясением из-за потерянных картин и улыбается мне. Вот и молодец. Что мне сейчас совершенно ни к чему, так это новая порция жалости.

– Как насчет завтрашнего вечера? – спрашивает он.

– Отлично.

– Что ты предпочитаешь посмотреть?

– Что-нибудь легкое и глупое, – говорю я.

После его ухода я лежу и смотрю в потолок. Но на сей раз я не пересчитываю пятнышки на потолочных плитках. Оказывается, я с нетерпением жду завтрашнего вечера и чувствую себя странно, потому что уже много дней ничего не ждала. Жаль, что мне нельзя поднять трубку и позвонить Софи или Венди, но даже неспособность дотянуться до телефона не портит мне настроения.

Зато это удастся Лу.

– Рэйлин Картер, – говорит он, расспросив, как я себя чувствую, и устроившись на стуле, недавно покинутом Дэниелем. – Оказывается, твоя сестра числится в картотеке.

– И большой на нее спрос? – спрашиваю я.

– Ха-ха. Я навел справки и нашел досье, заведенное после судимости в Лос-Анджелесе. Признала себя виновной в домогательстве и получила шесть месяцев. В восемьдесят первом. С тех пор за ней ничего не числится, во всяком случае на бумаге.

– Как это понимать?

– У меня в лос-анджелесской полиции есть приятель – помнишь Бобби Канзаса? Мы еще прозвали его Оз.

Я киваю. Он много лет патрулировал Нижний Кроуси.

– Молодой, рыжий...

– Уже не такой молодой, – говорит Лу, – и волос осталось не так уж много, но тот самый.

– А как он попал в Лос-Анджелес? Я думала, его перевели куда-то на окраину.

– Правильно думала. Но он перебрался на запад. Надеялся пробиться на экран... – Лу качает головой. – А теперь снова коп, и единственное, что связывает его с кинобизнесом, – это дежурство на презентациях в свободное от службы время.

– Интересно, не сталкивались ли они с Джорди?

Лу с минуту рассматривает меня, потом отмечает последнее замечание как не имеющее отношения к делу и продолжает:

– Так вот, я попросил Оза копнуть чуть глубже. Он обнаружил ту же судимость, которую мне выдал компьютер, и заодно кое-что еще. Оказывается, она всплывала в связи с процессом некой порноактрисы по имени Розы Миллер, которая в девяносто пятом порезала несколько человек на съемках. В невменяемом состоянии.

– Порнография? – повторяю я, и сердце у меня сжимается.

Лу кивает:

– Твоя сестра сама не снималась, но эта Миллер ее лучшая подруга, и она, несомненно, присутствовала в павильоне. Миллер получила срок – отсидела шесть лет с обычной скидкой за хорошее поведение, – но твоя сестра осталась чистенькой. Во всяком случае, не попадалась. Еще раньше, в девяносто четвертом, она мелькает как свидетельница по делу о стрельбе в копировальном ателье. Она еще работала там, когда посадили Миллер, а в качестве дополнительного заработка составляла компьютерные программы и продавала их через Интернет. Ничего особенного, обычные вспомогательные программки.

Лу переворачивает страничку стянутого пружинкой блокнота. Потом поднимает голову и упирается в меня взглядом сурового полицейского.

– Вот фотография из ее досье. Восемьдесят первый год, – говорит он, протягивая мне карточку. – Очень напоминает тебя в том же возрасте.

Я киваю. Прямо как близнецы.

– Странно, – замечает Лу, – как это у вас оказались разные фамилии.

– Я свою изменила, – отвечаю я и, видя, как он щурится, добавляю: – Законным образом.

– Анжела позаботилась?

– Нельзя ли оставить далекое прошлое в покое? – говорю я. – Пожалуйста. Я хочу сказать, какое оно имеет отношение к тому, что происходит сейчас?

Ему, конечно, есть что сказать на сей счет, однако он неохотно кивает. Знаю, что его точит: все та же старая история – Анжела пренебрегает теми самыми законами, которые ему полагается защищать. Поэтому они и разбежались, и не думаю, чтоб он до конца простил ее. И себя – за то, что разрешил ей уйти. Учитывая полную несовместимость этой парочки, странно видеть, что они столько лет не могут успокоиться.

– А нет ли у нее машины? – спрашиваю я.

Лу кивает и заглядывает в блокнот.

– Шестидесят восьмой «кадиллак» с откидным верхом, калифорнийский номер.

– Там не сказано, какого он цвета?

Он бросает на меня пристальный взгляд:

– Розового.

«Та самая машина, которую Софи видела у моего дома, – думаю я. – Та, которую, по словам Венди, выдали карты Касси. Значит, действительно, за всем этим – моя сестра». Лу улавливает что-то в моем взгляде, но истолковывает неправильно.

– Ты помнишь что-нибудь о том, как тебя сбили? – спрашивает он. – Судя по показаниям свидетелей и данным экспертизы, тебя сбила синяя «тойота камри».

Я качаю головой:

– Все, что помнила, уже рассказала.

Он настойчиво изучает мое лицо и постукивает пальцем по страничке блокнота.

– Ты что-то скрываешь, – утверждает он.

– Ничего существенного, – уверяю я его. – Сны и предчувствия.

Он чувствует, что я не обманываю, а поскольку от таких разговоров ему становится неуютно, то он не настаивает на подробностях.

– Ты ведь понимаешь, что я хочу тебе помочь, Джилли?

– Конечно понимаю, – говорю я.

– Если бы ты могла мне еще что-то рассказать об этой своей сестре...

– Лу! Я ее тридцать лет не видела.

– Но Софи говорит, она могла затаить на тебя зло.

– Я ничего не знаю наверное, – отвечаю я. – Я оставила ее в адской дыре, в которой сама росла, так что все может быть. Даже вполне вероятно. Но по-моему, мы хватаемся за самое легкое объяснение. То есть, если это она, зачем ей было ждать тридцать лет?

– Время вытворяет с людьми странные вещи, – говорит Лу. – Некоторым позволяет забыть. А в других только растрavляет старые раны и обиды.

Я не спрашиваю, откуда ему знать. Я видела их с Анжелой в одной комнате.

– Мы пока не сумели узнать адрес твоей сестры, – продолжает он, помолчав. – Зашли в тупик. В феврале этого года она выехала из квартиры в Лос-Анджелесе, как раз когда Миллер вышла из тюрьмы, и, насколько известно Озу, никто о ней с тех пор не слышал. – Немного выждав, он спрашивает: – Ты думаешь, они добрались сюда?

– Сюда или в Тисон, – отвечаю я и нехотя выдаю ему последние сведения: – Софи говорит, на моей улице не так давно ей попадался розовый «кадиллак».

Лу выдерживает долгую паузу. Потом наконец кивает.

– Подам машину в розыск, – говорит он и встает.

– Лу?

Он останавливается в дверях и вопросительно смотрит на меня.

«Не будь к ней жесток», – хочется сказать мне. Судя по тому немногому, что я от него

услышала, ее жизнь после того, как она выбралась из домашнего ада, стала еще хуже. Я не хочу причинять ей новую боль.

Но если это она, если она виновата... нельзя позволять ей вредить другим.

Всего этого я не умею ему сказать.

– Спасибо, – только и говорю я.

Он кивает и уходит.

А я снова гляжу в потолок. Прямо девочка-раскидайчик. Вверх-вниз... Приходит Дэниель – все чудесно, я преисполнена надежд. Является Лу...

Я вспоминаю слова Джо, сказанные, как теперь кажется, уже много лет назад: надо разобраться со старой раной, и только тогда кто-то сможет помочь мне залечить новые. Вот напустить полицию на младшую сестренку – утяжелит это груз на моих плечах или облегчит?

Хочется скрыться от всего этого, но даже в мире-соборе возникли сложности. Мерзкий Гремучка, сестра в роли злобной волчицы и сбежавший от меня в отчаянии Тоби – вряд ли страна снов принесет мне большое облегчение.

«Да и заслуживаю ли я облегчения?» – спрашиваю я себя. Сейчас можно подумать на свободе: рядом нет Софи и Венди, уговаривающих меня, будто случившееся с Рэйлин – не моя вина.

«Мне нужно чудо, – думаю я. – Или те волшебные пруттики, которые так стремился заполнить Тоби...»

Я снова слышу его голос, рассказывающий мне о магии, воплощенной в тех веточках: *«Чем они тебе нужнее, тем труднее до них добраться».*

Но трудно – не значит невозможно. Это просто значит, что придется потрудиться. Чего я никогда не позволяла себе, так это отступать, когда становится тяжело.

И я закрываю глаза и представляю себе исполинское дерево, ту ветку, на которой прервала свое восхождение, и, уже в дремоте, гадаю, куда меня занесет.

Но сейчас это не так уж важно. Куда бы меня ни забросило, главное, в стране снов я могу двигаться и сама позаботиться о себе.

Оставив Сломанную Девочку за спиной, словно ее никогда и не было.

Если бы все остальное в моей жизни было так же просто наладить.

6

Вернувшись с позднего обеда, Венди обнаружила на автоответчике сообщение от Анжелы.

«Привет, Венди, – начиналось оно, – Джилли просила тебе позвонить. Она спрашивает, не беспокоит ли тебя что-нибудь и не она ли случайно тому причиной. Она была бы рада, если бы ты после работы смогла к ней зайти поговорить».

После паузы Анжела продолжала: «Тебя и вправду что-то беспокоит? Ты знаешь, что я всегда готова выслушать. И говорю это как твоя подруга, а не как социальный работник. – Новая пауза. – А с Джилли поговори, если получится».

Как часто случается, голос Анжелы, записанный аппаратом, звучал иначе, чем в обычной жизни. Сохранял теплоту, но фразы становились резаными и слышался намек на неудобство, которое испытывает человек, обращаясь к машине, а не к живому собеседнику. Впрочем, смысл сообщения от этого не менялся. Джилли почувствовала, что между ними что-то встало.

Что ж, как она могла не почувствовать, когда они, все трое, так близки?

Венди, вздохнув, стерла запись. Она помнила совет Касси обсудить все с Софи и Джилли, но что толку?

– Разговорами тут не поможешь, – сказала она, обращаясь к молчащему телефону.

Единственный способ – встретиться с ними в стране Никогда, где летают пропавшие мальчишки, а ее тезка ждет их домой.

«Только я бы не стала сидеть дома, – думала Венди. – Еще чего! Я бы отправилась на поиски приключений. Пусть мальчишки для разнообразия приберут дом и приготовят ужин. А я вручу Питеру Пэну метелку для пыли, брошу на пол передник и – только меня и видели».

И не оглянется даже!

Она поморгала и обвела глазами свой кабинет.

«Не то ли чувствовала и Джилли? – задумалась она. – Непередаваемое чувство полной свободы, нахлынувшее на нее на один волшебный миг, не оно ли манило Джилли в сказочную страну снов?»

Она придвинула к себе пачку невычитанных гранок и, кусая синий карандаш, постаралась сосредоточиться на работе, но мысли все возвращались к пережитому чувству. На одно мгновение сердце ее охватило все и всех, вырвавшись из телесной оболочки. Может быть, так ощущается богоявление, хотя после него Венди только сочувствовала Джилли и поняла, почему, дай ей хоть полшанса, та навсегда скроется в стране снов.

«Если там вот так себя чувствуешь, – думала Венди, – то ничего удивительного, что можно все время туда стремиться и не думать о возвращении».

Она попробовала последовать наставлениям Кас-си – поглядеть на мир вскользь и высмотреть в нем истончившуюся границу, – но добилась только того, что стала пропускать опечатки, и страницу пришлось перечитывать заново.

Джо

Манидо-аки

В эти каньоны среди красных скал утро приходит так же, как во всякое другое место. Сегодня оно выплыло из-за горизонта большим желтым солнечным шаром. Первый луч касается моих век – и готово. Я уже не сплю. Еще немножко лежу, вспоминая чувство, оставшееся после сна, и гадая, на самом ли деле я нужен Касси, или она просто по мне соскучилась. Потом я встаю.

Оставляю Джека Вертопраха и Бо спать у костра, а сам отхожу за скалу и, глядя, как солнечные блики играют на красных капюшонах каменных монахов, облегчаюсь. Уже собираюсь уходить, когда над ухом кто-то хихикает.

Оглянувшись, вижу крошечное существо, словно спрыгнувшее с одного из холстов Джилли: городская фея, но вполне освоившаяся в здешних глухих местах. Сидит себе на камешке: ростом не больше фута, отлично сложена, личико сердечком и встопорщенные розовые волосенки. Фиалковые глазки в тон лиловой блузке, которую она выпустила поверх короткой черной юбочки. На ногах черные туфельки на платформе несусветной высоты.

– Что смешного? – ворчу я, застегивая молнию.

– Ты такой большущий, – отзывается она.

Вот о чем никогда не пишут в книгах сказок: мы – самая озабоченная в этом отношении компания, какую вы когда-либо видели. Что псовые вроде Вертопраха и Рейнарда всегда на изготовку, что эльфы-панки, – все только и думают о постельных танцах. В стране снов эти позывы дают нам силу. По-моему, это какое-то свойство воздуха. Сам я выбрал одну женщину и держусь ее, а не шныряю по всем постелям, как иные из моих родичей, но зато, возвращаясь из манидо-аки, первым делом хватаю в охапку свою единственную любовь и мчусь с ней в спальню.

– При твоём росте, – говорю я малявке, – все большим покажется.

Она знай больше хихикает.

– И как же тебя зовут? – спрашиваю я.

– Нори.

– Видно, ты не местная, – замечаю я.

– По чему это видно?

– По твоему наряду, – объясняю я. – Вырядилась как на танцульки в клуб.

Она расцветает:

– Ох, как я люблю танцевать!

Ничего удивительного. Танцы здесь почти так же популярны, как секс.

– Но увы, – добавляет она, – я здесь по делу.

– И какому же?

Она вскакивает со своего камешка, встает навытяжку, скромно сложив перед собой ручки. Когда она начинает выкладывать послание, я догадываюсь, что она из дерринимблов. Эти духи умеют мгновенно разыскать кого угодно и где угодно. Удобное свойство. Я сам им немного обладаю, хотя далеко не в той степени, что они. Кажется, у них это как-то связано со способностью проникать в междумирье – пространство между манидо-аки и Миром Как Он Есть. Впрочем, я никогда ими всерьез не интересовался.

Помнится, до меня доходил слух, будто кто-то в Мабоне додумался использовать их как курьеров и почтальонов, но я не поверил. Решил, что такие ненадежные существа ни на что серьезное не пригодны. Эта крошка – первая, кого я вижу за работой, но ее манера без конца хихикать не заставляет меня переменить мнение о дерринимблах. Однако она докладывает мне послание Софи, словно передо мной не розовый панк, а Софи собственной персоной.

Закончив, она стоит все так же навытяжку, выжидательно глядя на меня. Я задумываюсь, не ждет ли она чаевых, а если ждет, то что у дерринимблов считается подходящими чаевыми. И если на то пошло, какой валютой с ними вообще расплачиваются?

– Я должен вручить тебе ответ? – спрашиваю я.

Она качает головкой:

– Нет, только поцелуй в подтверждение, что послание доставлено.

– Поцелуй?..

– Необходимо телесное соприкосновение.

Я наклоняюсь пониже и кончиком указательного пальца касаюсь ее лба. Она показывает мне язык, корчит рожицу, шагает в сторону и пропадает.

Возвращаясь в лагерь, я качаю головой. Бо все еще спит, раскинувшись поверх драного одеяла, которое вчера вытащил из-за кучи хвороста, а Джек уже проснулся и ворошит угли костра, собираясь вскипятить воду для кофе. Я замечаю, что он уже позаимствовал мой табачок и курит. Поднимает голову и улыбается мне.

– С каких это пор ты болтаешь сам с собой? – спрашивает он.

– Чертовщина какая-то, – объясняю я. – Слышал, что кто-то в Мабоне нанимает дерринимблов курьерами?

Он кивает:

– Слышал. Только ничего не выйдет. С дерринимблами то есть. У них ничего в памяти не держится – мигом забудут, кому должны оставить сообщение.

– Мне только что доставили, – говорю я ему. – Миленькая такая курьерша, взбравшаяся на скалу, чтобы виднее было, как я облегчаюсь.

– Миленькая? – заинтересованно спрашивает Джо.

– Весьма – если тебе по вкусу девушки в фут ростом.

Джо смеется:

– А нет ли у нее сестрички побольше? Я хочу сказать – ростом, а не по возрасту.

Видите, что я имею в виду? Одно на уме.

– Насчет сестры не говорила, – отвечаю я, – зато доставила мне сообщение от Софи. Может, сама того не зная, Софи дала нам намек, где искать.

Джо тут же забывает про свое либидо. Тычет Бо ногой в бок и окликает:

– Слушай-ка!

Бо, как все псовые, переходит от сна к бодрствованию в мгновение ока. Он садится и

переводит взгляд с Джека на меня.

– Джо получил весточку, – говорит ему Джек. – С дерринимблом.

– Чушь, – ворчит Бо и тянется к моему кисету, который Джек оставил валяться на одеяле. – У них на такие дела мозгов не хватит. Единственное, что они способны разносить, моя мамочка назвала бы уличными болезнями.

– Ну а мне она принесла сообщение, – говорю я. Бо хмыкает, то ли в знак согласия, то ли недоверия.

– Ну, давай, – торопит меня Джек.

Глядя, как Бо свертывает себе самокрутку, я пересказываю послание Софи. Эта парочка так на меня надела, что я скоро останусь без курева. Бо прикуривает от зажигалки, выигранной Джеком у Коди.

– Стало быть, стаю водит ее маленькая сестричка, – говорит он, отложив зажигалку.

– *Возможно*, сестричка, – подчеркиваю я. Софи – устами Нори – очень настойчиво обращала на это внимание.

– Это нам на руку...

Я киваю.

– Так они считают, она теперь в Ньюфорде? – спрашивает Джек.

– Или в Тисоне.

– Ты помнишь ее запах?

– Запах волчицы помню, – говорю я, – но за пределами страны снов, когда она становится человеком, могу и не узнать. Зависит от того, насколько хорошо она его скрывает.

Сменив облик, ты, само собой, меняешь и свой личный запах. А вот о том, чтобы скрыть клановую принадлежность, приходится заботиться сознательно. Псовые, врановые, медведи – мы обычно узнаем друг друга в любом обличье.

Джек кивает:

– Тогда предлагаю разделиться, чтобы искать и там, и там.

– На меня не рассчитывайте, – говорит Бо и на мой вопросительный взгляд отвечает: – На той стороне я теряю человеческий вид. А на четырех лапах трудновато свободно расхаживать по городу.

– Еще бы, особенно если это лапы койота, – усмехается Джек и спрашивает: – Тебя кто-то проклял?

Бо вздыхает, выпуская с воздухом струйку дыма:

– Было дело, году в тысяча восемьсот восьмидесятом или около того. Если мне попадется этот тип...

– Тогда ты держи оборону по эту сторону, – предлагаю я, не давая Бо увести разговор в сторону.

Джек прикусывает язык и, не расспрашивая больше о проклятии, возвращается к делу.

– Ты хорошо знаешь Тисон? – спрашивает он меня.

– Проезжал через него пару раз, не больше.

– У меня то же самое с Ньюфордом, так что я беру его, а ты бери Тисон.

Правильная мысль. В хорошо знакомом месте перестаешь замечать вещи, которые бросаются в глаза чужаку, или невольно решаешь, что не стоит проверять тот или иной переулок, тупик, потому что не мог тот, кого ты ищешь, туда сунуться. И сплошь и рядом именно там-то он и оказывается.

– Наше дело наблюдать, – предупреждаю я обоих. – Никаких боевиков. Кто ее найдет, сообщает остальным, и только.

– Если она сама на нас не бросится, – уточняет Джек.

Я киваю:

– Это само собой.

Мы с Вертопрахом оставляем Бо у костра и расходимся в разные стороны. Я весь день

провожу, неторопливо разгуливая по городу, от самого центра Тисона, через Шатай до Стоксвиля. Добираюсь даже до тех новых предместий, что, как сорняки, разрастаются на юг от города. Чтобы не терять времени, из одной части города в другую проникаю через междумирье. Для таких вещей междумирье очень удобно – и для повседневной слежки тоже. Оттуда тебе все прекрасно видно, а вот тебя мало кто способен разглядеть. Для большинства людей ты просто не существуешь.

Мне попадаются следы псовых, но, пройдя по ним, я обнаруживаю, что эти родичи очень дальние и вряд ли могут высмотреть меня в междумирье. Дважды натыкаюсь и на чистокровок – насколько чистой может быть кровь за пределами манидо-аки, – однако те занимаются своими делами и, насколько я могу судить, никак не связаны с сестрой Джилли. Своего запаха они не скрывают, но мне он незнаком.

Людей мне расспрашивать нельзя, но в городе полно собак, особенно в Стоксвиле и на окраине Шатай, где они бегают на свободе. Внятыми их объяснения не назовешь, однако пара старых дворняжек отсылают меня в сторону Шатай, и я возвращаюсь туда. Ни сестра Джилли, ни ее подруга мне не попадаются, зато я натыкаюсь на дворик, где на коротких цепях привязаны дюжина питбулей. Нетрудно догадаться, что кто-то разводит их для собачьих боев.

Все они вскидывают головы, едва я вхожу во двор, но смекают, что цепи не позволят им до меня дотянуться, а кроме того, их, вероятно, побоями отучили лаять при виде чего-то непонятного. Я заглядываю в заднюю дверь халупы, ожидая, что появится хозяин. Но там никого нет, и, признаюсь, я разочарован. С удовольствием объяснил бы ему, что я о нем думаю. Подавив искушение выследить этого типа и использовать его голову вместо барабана, возвращаюсь к собакам.

– Хотите отсюда выбраться? – спрашиваю я их.

Все уставились на меня тупыми жесткими взглядами, и только одна медового окраса блондиночка медленно кивает.

Увидев, как я к ним подхожу, всякий бы решил, что парень свихнулся и решил покончить с собой. Но я не беспокоюсь. В ней сразу чувствуется настоящая кровь, и она понимает, что я хочу им помочь. С цепью мне не справиться, да и нужды нет. Я опускаюсь перед ней на колени и расстегиваю ошейник. В благодарность она тычется мне лбом в плечо. Я и не думаю потрепать ее по голове. Это не домашняя зверушка. Кроме того, мы родственники. У вас ведь нет привычки гладить по голове своих взрослых родственников?

Ее сосед рычит при моем приближении. Медовая блондинка обгоняет меня и одним коротким словом заставляет его уgomониться. Он дрожит – от ярости, не от страха, – когда я беру за его ошейник, но укусить не пытается и не движется, пока ошейник не падает в пыль.

Одного за другим я освобождаю остальных, а медовая блондиночка до самого конца сопровождает меня.

– Вам нелегко придется, – предупреждаю я их.

Они смотрят на меня ничего не выражающими глазами.

Я задумываюсь. Оставить их бороться за существование здесь? Долго ли они продержатся? Даже в этой части города никто не допустит, чтобы стая злобных собак бегала на свободе. Тем более что им может прийти в голову отплатить кое-кому за то, как с ними обращались.

Поэтому я показываю им выход в страну снов: провожу к переулку в нескольких кварталах оттуда, где граница настолько прозрачная, что для того, кто знает путь, протиснуться нетрудно. Медовая блондинка подгоняет свою стаю. Оставшись последней, она чуть задерживается, подходит ко мне и тычется лбом мне в бедро, как человек мог бы хлопнуть друга по плечу. Я касаюсь пальцем лба, и, клянусь вам, она ухмыляется, протискиваясь на ту сторону вслед за другими.

И вот их нет, а я снова принимаюсь за поиски.

Ближе к вечеру я отлавливаю Джека. Нахожу его на северной стороне Ньюфорда, там, где старое Четырнадцатое шоссе огибает мотель «Спи в уюте». Он сидит прямо на границе между междумирьем и тем, что Джилли любит называть Миром Как Он Есть, разглядывая стоянку перед мотелем.

– Как дела? – спрашивает Джек, когда я присаживаюсь рядом с ним.

– Ничего стоящего.

Я протягиваю ему кисет, но Джек качает головой. Я удивленно думаю, не заболел ли парень, однако он уже предлагает мне пачку фабричных сигарет из собственного кармана. Случай, когда у него при себе свое курево, можно пересчитать по пальцам, так что я беру одну, просто чтобы отметить невероятное событие.

– А у тебя как? – спрашиваю я, прикурив от его зажигалки.

– Сам не знаю, что нашел, – отзывается Джек. – Чуешь?

Я меняю голову на собачью и втягиваю ноздрями воздух. Сначала ничего не чувствую. Потом ветер меняется, и я понимаю, что удерживает его у этого мотеля.

– А вблизи смотрел?

– Обошел кругом, но логова не вынюхал.

Я убираю собачью голову, и мы, выйдя из междумирья, неторопливо обходим мотель с самым спокойным и непринужденным видом, словно имеем полное право здесь находиться. Никто не обращает на нас внимания.

Запах псовых здесь очень силен, но я понимаю Джека. Мне тоже не запеленговать его источника. Просто весь мотель пропах волками.

– Знаешь, как говорится: мол, в воздухе пахнет дождем? – спрашивает Джек.

Я киваю. Мы ведь на самом деле чувствуем не дождь, а изменившийся запах растений или самой земли, ожидающей влаги.

– Вот и здесь то же самое, – говорит Джек. – Мы не самих волчиц чуем, а реакцию окружающего мира на их присутствие.

– Но логово у них здесь, – говорю я.

– Точно. Или было совсем недавно.

Я снова оглядываю стоянку.

– Розового «кадиллака», о котором говорила Софи, не видно.

Джек машет рукой в сторону ларьков и закусочных, выстроившихся вдоль шоссе. В свое время, вспоминаю я, «Спи в уюте» был загородным мотелем. А теперь он чуть ли не в центре города.

– Может, она осторожничает, – предполагает Джек, – и ставит машину подальше?

– Хочешь поискать?

Он мотает головой:

– Думаю, пора вызывать Бо и соображать, как быть дальше.

– Не можем же мы каждого в этом мотеле проверять, – говорю я.

– Прежде всего нужен Бо. Потом вместе подумаем.

Перейдя шоссе, мы подходим к большому рекламному щиту перед галантерейным магазинчиком. По крайней мере, в этом мире он выглядит как щит. В междумирье на его месте сплошные заросли. Я смотрю по сторонам и, убедившись, что никто не обращает на нас внимания, вместе с Джеком перехожу обратно.

– Не думаешь, что кому-то из нас стоит остаться и посторожить? – спрашиваю я его.

Джек пожимает плечами:

– Зачем? Теперь мы оба запомнили этот запах и сможем найти его снова. Или пройти по нему до конца следа.

Я в последний раз оглядываюсь на мотель, и мы шагаем к вершине Коди над каньоном из красных скал, где ночевали накануне. Я вспоминаю Касси и надеюсь, что на этот раз ухожу ненадолго. Может, прошлой ночью она звала меня только для того, чтобы передать новости, уже известные мне от Софи.

А вот я по ней соскучился.

Рэйлин

Ньюфорд, май

Я весь день провозилась, настраивая новую программу синхронизации, чтобы выкинуть из головы проклятую сестрицу. Всегда считала, что лучший способ решения задачи – думать о любой чертовщине, лишь бы не о том, чем в данный момент занят. Должно быть, моему подсознанию удобнее работать, пока сознание не смотрит в его сторону. Тут бы что угодно подошло, но программирование лучше всего помогает понять, что насущная проблема есть всего лишь одна из мировых проблем, а не целый мир, черт его подери.

Последнее время я работаю в Linux'e. Мне нравится, что там все исходные коды в открытом доступе. В Linux'e чувствуешь себя членом большой дружной семьи, а мне это ощущение нравится, хоть я и знаю, что каждый только и смотрит, где бы срубить капусту, да и я не исключение.

Рози обдумывает план действий, то есть сидит в трусиках и лифчике, смотрит телек и курит без остановки. Ровно в одиннадцать открывает себе первую банку пива.

– Что ты там делаешь со своей машинкой? – спрашивает она во время рекламной паузы.

– Думаю, – сообщаю я.

Она хохочет:

– Плохо дело, если твоим мозгам понадобился такой помощник.

Не стоит и пытаться ей объяснить. Я просто улыбаюсь в ответ и продолжаю свое.

Эта программка всерьез начинает меня доставать. Нынче в моде крошки компьютеры Palm, которые умещаются на ладони, но не каждый пожелает синхронизировать их данные через Windows в обычных персоналках. Вот я и пытаюсь наладить что-нибудь, что бы работало и с другими программами вроде Eudora для тех, кто не пользуется Outlook'oM. Долго уже бьюсь, и все не получается приличной бета-версии. Тысячный раз проверяю код, и на экране все прекрасно читается, а стоит загнать в симулятор программы Palm, как на выходе после синхронизации вылезает какой-то винегрет.

Я вздыхаю.

Утро прошло, а я ни с программой не разобралась, ни решения по поводу сестрицы не приняла. В конце концов я выключаю ноутбук и закрываю крышку.

– Закончила работу? – спрашивает Рози.

– Хочу прогуляться, – говорю я. – Пойдешь?

– А куда?

– Еще сама не знаю.

Она смотрит на экран, где незнакомый мне актер расхваливает свой последний фильм незнакомой красотке. Наверное, местная программа. Мне вспоминается время, когда я целыми днями только и могла, что пялиться на экран, однако не похоже, чтобы Рози была в депрессии. Или депрессия у нее проявляется только в увлечении телевизором да пивом? Но она этим и без того постоянно занимается.

– Не, – тянет она, – лучше посмотрю. И я оставляю ее перед телевизором.

Я намерена просто покататься безо всякой цели, хотя мне следовало бы знать, что бесцельной деятельности не существует. Что-то в нас всегда знает, куда мы направляемся, даже если не умеет объяснить зачем. Думаю, потому я и не удивляюсь, обнаружив, что сижу в машине на обочине Индейской дороги и смотрю на маленький прицеп своего брата. Незаконченные дела застревают у тебя в голове и потихоньку грызут тебя.

Помнится, вчера вечером, перед тем как заснуть, Рози повернулась ко мне и спросила:

– Как это выходит, что ты готова убить сестру, а не брата? Это ведь он уродовал тебе в детстве жизнь?

– Она знала, что делает, – сказала я. – Должна была понимать. А Дэл... да, он плохой,

ясное дело, и притом тупой как фонарный столб. По-моему, он не ведал, что творит.

– И от этого то, чем он занимался, становится хорошим?

– Нет, конечно. Просто... – Как мне ей объяснить, если я сама не понимаю?

– И вообще, кто сказал, что я готова убить сестру?

– По-моему, ты сама.

Я качаю головой:

– Я хочу только припугнуть ее. Чтоб она знала, что сделала и каково мне было. И я не собираюсь делить с ней страну снов.

Сидя в машине и глядя на трейлерный парк, я обдумываю вчерашний разговор. Вроде бы в моем отношении к сестричке ничего не изменилось. А вот насчет Дэла не знаю. Конечно, о том, что он мне нравится, и речи нет. Может, я даже побаиваюсь его чуток – где-то в темном уголке меня теперешней еще живет прежняя малышка. Помри он сейчас – плакать не буду. Но вот Джиллиан Мэй мне хочется причинить боль, а к Дэлу ничего не чувствую, кроме, может, какой-то жалости.

Наверно, все было бы по-другому, если б я считала, что он до сих пор играет в те же игры. Если бы здесь, в трейлерном парке, была какая-нибудь малышка, с которой он выделывал то же, что когда-то со мной. Пожалуй, для того я и приехала. Удостовериться. Хотя нет, я чувствую, что не для того. И ни на чем я его не поймаю, сидя вот так и разглядывая его трейлер. Тем более розовый «кадиллак» в таком окружении незаметным никак не назовешь.

Помнится, смотрела я раз ток-шоу, где все толковали о прощении: мол, нужно простить тех, кто причинил тебе боль, чтобы жить дальше своей жизнью, – но и это не из моего репертуара.

Так и не поняв, зачем я здесь, решаю, что с тем же успехом можно вернуться в мотель. И тут смотрю в зеркальце заднего вида и вижу, что по дороге шагает ко мне девчонка. Лет четырнадцати с виду, но я могу и ошибиться на пару лет в любую сторону. Напоминает нас с Розы в ее годы: слишком много косметики на лице и похожа на проститутку в своем топики и юбчонке из кожаменителя, такой короткой, что могла бы и вовсе не надевать. И еще туфли на платформе. Приблизившись к «кадиллаку», она бросает на него восхищенный взгляд.

– Эй, привет! – окликаю я.

Она останавливается, но молчит как рыба.

– Живешь в этом парке? – спрашиваю.

– До конца месяца, – отвечает она. – Мамаша не внесла плату, так что скоро придется опять уволаскивать задницы.

– Я здешняя, – говорю я ей.

Она снова восхищается «кадиллаком», обводя взглядом его силуэт.

– А по вам не скажешь, – говорит она.

– Ну, по виду судить не стоит.

– В здешних местах стоит.

– Пожалуй, – соглашаюсь я. – Хочешь прокатиться?

Она задумывается лишь на мгновение и тут же залезает на пассажирское сиденье. Наверно, считает, раз я женщина, бояться ей нечего. Не стоит ее переубеждать, хотя чистейшее зло, с каким мне приходилось сталкиваться, бывало, выглядело вполне по-женски. Взять хоть мою мамочку.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, пока она устраивается на сиденье.

Она гладит рукой белую кожу обивки. Я знаю, что творится у нее в голове: сон наяву – вот когда-нибудь и у нее будет такая тачка, и никто уж никогда ее в этих местах не увидит.

– Лиззи, – говорит она. – А вас?

Отвечая, я завожу «кадиллак», и мы отъезжаем.

– Это ваша машина? – спрашивает Лиззи.

Я киваю:

– Куда тебя свозить?

– Куда угодно, лишь бы подальше. Хоть в Нью-форд, хоть в Чикаго. Нью-Йорк, Лос-Анджелес... согласна на все.

Я готова рассмеяться, но она говорит серьезно – так же серьезно, как говорили бы мы с Розы, если бы нам тогда кто-нибудь предложил прокатиться в такой тачке.

– А если что-нибудь поскромнее? – спрашиваю я.

Она ухмыляется, откидываясь на спинку кресла:

– Везите куда хотите, мне все хорошо.

И мы едем молча, радуясь ветру в волосах и ровному шуму колес «кади» по асфальту.

– Что вы делали в этом парке? – спрашивает она через некоторое время.

– Знаешь тот одинарный прицепчик: белый с синим, с поломанным навесом над окном?

Она кивает.

– Мне показалось, я знакома с хозяином.

– Он ваш друг?

– Вряд ли.

– Это хорошо. Я подумала, может, вы его прежняя подружка. Он как увидит вас в такой тачке, постарается угнать ее прямо у вас из-под задницы, лишь бы выпивки купить.

– Он такой страшный?

Она хмыкает:

– Разве это для тех, кто боится крыс. Просто никчемный неудачник. Вечно ноет, как ему прежде хорошо жилось и что те времена прошли. Мы его Бутылкой прозвали, потому что без бутылки его редко увидишь.

– Он к тебе не пристаёт?

– Насчет поразвлечься?

– Можно сказать и так.

Лиззи качает головой:

– Он бы, может, и рад, да куда ему. Попробовал бы, я б ему кое-что оторвала.

– А ты не из трусливых, да?

– Может, у него и была жена из Морганов, но их всех перебили, и теперь никто ему ничего спускать не собирается, тем более я. Говорят, был он в молодости крутой и вытворял всякое, а теперь посмотреть на него: жирный старый пьянчуга, у которого ничего не осталось, кроме воспоминаний да тюремных наколок.

Она оборачивается и смотрит на меня:

– Он вас когда-то обидел?

– С чего ты взяла?

Пожимает плечами:

– Не знаю... Просто у вас в глазах вроде как сидит какая-то старая невеселая история.

Я смеюсь:

– А в твоих сидит мудрая старуха. Когда это ты наострилась так разбираться в людях?

– В наших местах приходится учиться быстро, – говорит она. – Ошибешься – и, если повезет, останешься жива, чтоб всю жизнь потом жалеть.

– Тебя кто-то обидел? – спрашиваю я.

– Мы все друг друга обижаем, – отзывается она, – так уж устроен мир.

– Наверно, так и есть.

Я опять вижу в ней себя. И странное дело, мне хочется помочь ей выбраться, пока она не дошла до такого же, как мы с Розы. Но сейчас мне некогда ею заниматься.

– Мне надо ехать, – говорю я. – Тебя отвезти обратно или посадить где-нибудь здесь?

– Возьмите меня с собой, – просит она.

Я несколько секунд смотрю на нее, прежде чем перевести взгляд опять на дорогу.

– Этого не могу, – отвечаю я.

– Почему?

– Ну, прежде всего, сама понимаешь, мне ни к чему, чтоб копы накрутили мне хвост за похищение несовершеннолетней.

– Меня никто и не хватится.

Я бросаю на нее еще один взгляд.

– Чем, по-твоему, я занимаюсь? – спрашиваю.

– Не знаю. Все лучше, чем я живу.

Грустно, что она, пожалуй, права.

– Вот что я тебе скажу, – говорю я. – Мне надо закончить одно дело. Вот когда сделаю, заеду снова в ваш парк, и тогда мы еще поговорим.

– Да, как же...

Я притираю «кадиллак» к обочине, чтобы можно было смотреть только на нее.

– Слушай, – говорю я, – мы ни хрена друг о друге не знаем, так что я не собираюсь просить тебя мне верить или еще что, а если б и попросила, ты бы скорее всего не поверила. Но если я говорю, что собираюсь вернуться, значит, собираюсь. Хочешь – верь, хочешь – нет, мне все равно, но одно я точно знаю: в этот раз ты со мной не поедешь.

– А зачем вам возвращаться? – спрашивает она.

– Затем, что я побывала в твоей шкуре и, если б тогда кто-то предложил мне помочь оттуда выбраться, решила бы, будто померла и попала в рай. Так что, скажем, ради маленькой девочки, которой никто так и не предложил того, что я тебе предлагаю.

Не знаю, почему я все это говорю... нет, вру, знаю. Потому что это правда. Не могу объяснить, с какой стати мне вздумалось помочь девчонке, но мне в самом деле хочется сделать для нее все, что в моих силах. Может, чтобы доказать, что я не такая, как моя сестричка. Только что я скажу Розе?

– Ладно, – говорит Лиззи. – Я буду вас ждать.

– Я тебя не подведу.

– Ну, насчет этого присяжные еще совещаются.

Ни мне, ни ей не приходит в голову, о чем поговорить на обратном пути. Я высаживаю ее у трейлеров и, пока она не отошла от машины, придерживаю за локоть.

– Если я за тобой не вернусь, – говорю я, – значит, умерла или попала за решетку.

Она кивает, но не верит мне ни на минуту. Не знаю, почему мне так важно, чтобы она поверила.

– А если вернетесь, то что? – спрашивает она.

– Тогда и поговорим. О том, чего тебе хочется. И как я могу помочь этого добиться.

Она долго смотрит на меня.

– Чего-то я тут не понимаю, – говорит она. – Похоже, вам важнее, чтоб я поверила, будто вы вернетесь, чем мне. С чего бы это?

– Я знаю, каково ждать кого-то, а он так за тобой и не приедет. Здесь такого не будет.

– Знаете что? – спрашивает она. – Может, я вам и верю.

Это только слова. Но я по глазам вижу: она говорит, что думает. Она наклоняется через сиденье, быстро целует меня – как дочка маму в том выдуманном телевизионном мире, где в семьях и вправду любят друг друга, – и выскакивает из машины. Машет мне рукой и шаркает по пыльной площадке между трейлерами. Я смотрю ей вслед и думаю: она выглядит по-другому. Разворот плеч, походка – все лучится надеждой.

Не помню, чтоб я когда-нибудь чувствовала себя такой счастливой. Не понимаю как, но маленькой Лиззи удалось сделать это. Я позволяю взгляду скользнуть к бело-синему трейлеру.

– Хрен с тобой, Дэл Картер, – говорю я. – Чего бы ты ни заслуживал, получишь это не от меня.

Потому что ради него я не собираюсь рисковать свободой. Только не теперь, когда мне, кажется, есть о ком позаботиться. Не так, как мы с Розой заботились друг о друге все эти годы, потому что Лиззи еще может выплыть.

– Помнишь тех парней с собачьими головами? – встречает меня в мотеле Роза. – У одного из них на футболочке еще было что-то насчет того, чтобы не покупать тайскую

продукцию?

Я едва успела войти и не понимаю, к чему она о них вспомнила.

– Он еще отогнал нас от добычи, – добавляет она. – В том лесу, где мы во сне охотимся.

Я сбрасываю туфли и забираюсь на диван.

– Ясно, – говорю. – И что с ним?

– Он болтался сегодня на стоянке, – говорит Роза, – вместе с приятелем, то есть мне кажется, это был тот приятель. Собачьих голов на них не было, а футболочку я заметила, потому что ты тогда о ней заговорила. Погуляли они этак по стоянке, а потом перешли шоссе – и нет их.

– Что-что?

Она повторяет все сначала, более подробно, и я начинаю беспокоиться. С какой это стати они нас отслеживают?

– Где они исчезли? – спрашиваю.

Роза вылезает из кресла, и я вместе с ней подхожу к окну.

– Как раз вон там, – говорит она. – Под рекламным щитом у старой галантереи.

Из окна там не заметно ничего особенного. Под рекламой – какие-то чахлые кустики. Наверно, украшали газон, пока кто-то о них заботился, а теперь задыхаются в сорняках и завалах мусора. Асфальт потрескался, лавчонка закрыта, и перед ней пара брошенных ржавых легковушек.

– Так прямо взяли и исчезли? – повторяю я. – Не нырнули за щит, к примеру?

Роза мотает головой.

– Стояли в натуральную величину, и – раз! – их нет. – Она щелкает пальцами. – Вот так!

Надо посмотреть вблизи. Я снова сую ноги в туфли и выхожу на стоянку. Роза тащится за мной.

– Что ты рассчитываешь найти? – спрашивает она, когда мы, перебравшись через шоссе, останавливаемся перед галантереей.

– Хотела бы я знать.

Я обхожу рекламный щит, продираюсь сквозь заросли сорняков, сама не зная, чего ищу. Почему-то я уверена, что узнаю, как только увижу. Но на вид здесь все самое обыкновенное. Меня трясет от злости: знаю же, что-то есть – так близко, что чувствую его вкус, как острый перец на языке, – и ничего не вижу. Пинаю пивную банку, и она со звоном откатывается по асфальту. Роза закуривает.

Я поворачиваюсь к ней, чтобы попросить поточнее указать, где исчезли собакоголовые, и тут уголком глаза, вскользь, что-то вижу. Описать это невозможно – просто воздух вроде как становится тоньше, как бывает иногда на шоссе в жаркий день, когда над асфальтом стоит зыбкое марево. Стоит мне взглянуть туда прямо – все пропадает, и я снова отворачиваю голову, медленно скашиваю глаза... Вот оно опять, в самом уголке глаза.

Меня туда тянет, прямо ведет что-то во мне, обычно скрытое глубоко и надежно. Похоже, сидящая во мне волчица узнает это марево и хочет в него. Я оглядываюсь на Розу, но та ничего не замечает. Курит себе сигаретку и скучаяще пялится на мотель.

Я выбрасываю ее из головы. Все выбрасываю из головы и подхожу к тому мерцанию медленно, украдкой, не глядя на него прямо; двигаюсь этак по-вороньи, бочком. Вступаю в него, и воздух становится другим. Одновременно густым и прозрачным. Я вроде как проталкиваюсь в него и чувствую, будто на паутину наткнулась. На мгновение все плывет в глазах, и я чуть не шлепаюсь прямо на задницу.

Прихожу в себя, и глаза у меня лезут на лоб, а губы разъезжаются в ухмылке, потому что мир мотеля и шоссе пропал. Нет, не пропал. Я вижу его как в окно. Стою в густом кустарнике и вижу, как мимо по шоссе проезжают машины. А за шоссе и мотель, но все это уже в другом мире.

Оборачиваюсь и вижу высокую траву под корявыми деревьями, а в сотне ярдов от меня какое-то свечение – как раз там, где полагалось бы стоять галантерейной лавочке. «Страна

снов», – говорю я себе и знаю, что не ошиблась. Узнаю вкус и запах. А то место, где я сейчас стою, – это вроде перевалочной станции – ни тому, ни другому миру не принадлежит.

Стоит мне все это обдумать, как в голове у меня что-то сдвигается. Это другой способ видеть мир, приходит мне в голову, и я уверена: шагнув обратно в мир, из которого только что вышла, я в любой момент сумею теперь вернуться сюда.

И тут я замечаю Рози. Она обалдело вертит головой, пытаясь сообразить, куда я подевалась. Поворачивается на месте. Я дожидаясь, пока она окажется ко мне спиной, пропускаю проезжающую машину, выхожу и хлопаю ее по плечу.

– Срам Господень! – вскрикивает она. – Я чуть в штаны не напустила! – И вид у нее становится окончательно обалделый. – Ты откуда выскочила?

– Я нашла дорогу в тот мир, – говорю ей, а сама думаю: «Нет, не дорогу. Дороги». Такие проходы есть повсюду, и теперь я умею их видеть. Не спрашивайте как. Видимо, после первого раза какая-то дверца в голове отперлась, и теперь я замечаю такие же мерцания со всех сторон, куда ни повернись.

Пытаюсь показать их Рози, но она ничего не видит. Не знаю уж, в чем тут дело. В конце концов я беру ее за руку и протаскиваю насквозь. У нее голова кружится сильнее, чем у меня в первый раз, и, по-моему, ее все это пугает. А у меня такое чувство, словно мне вручили ключи от всего мира, и, пожалуй, так оно и есть.

Мы идем обратно на стоянку, но Рози по-прежнему не видит зыбких мест, хотя вокруг их полным-полно. Я упражняюсь, исчезая в них и выскакивая обратно, пока не догадываюсь, что стоит кому-то засмотреться в нашу сторону – а Рози стоит в облегающих штанишках и полурасстегнутой блузке, так что на нее только гей не засмотрится, – и парень непременно задумается, что тут творится.

Тогда мы возвращаемся в номер. Даже здесь обнаруживается такое же мерцающее местечко: прямо в стене, смежной с соседним номером. Я проскакиваю через него туда-обратно и хохочу во все горло. Прихватываю с собой Рози, и мы оказываемся в стране снов – ее сразу узнаешь. Признаться, в первый раз мне чуточку не по себе, но стоит оглянуться и увидеть за спиной это мерцание, все страхи как рукой снимает. А вот Рози далеко не так счастлива. Когда мы оказываемся в том местечке промеж миров, ей все хочется свернуться в комок. Правда, в стране снов она приходит в себя.

Мы опять в своем номере, и Рози тут же присаживается в кресло, чтобы перекурить это дело, а я продолжаю забавляться с мерцанием.

– У меня мурашки по коже, на тебя глядя, – говорит Рози.

– Чего это?

– Будто ты проходишь сквозь стену и исчезаешь.

– Так оно и есть.

– Все равно жутко.

Она так и не видит мерцания, хоть я и брала ее с собой. Чтобы пройти сквозь него, ей приходится держать меня за руку.

Наконец забава мне приедается, и я снова забираюсь с ногами на диван.

– Та чертова старуха все нам наврала, – говорит Рози.

– Не думаю. Просто не все сказала. Она нам описала два способа перебраться через границу, а о том, что есть и другие, промолчала.

– Как по-твоему, почему это?

Пожимаю плечами:

– Как знать. Мне показалось, мисс Люсинда из тех старушек, которым по душе чужие неприятности. Воспользуйся мы одним из ее способов, и были бы неприятности либо у нас, либо у тех парней. В любом случае она бы повеселилась.

– Не знаю, – тянет Рози, – мне и третий не внушает доверия.

– Кто тебя просит доверять? – говорю я. – Малость подозрительности никогда не помешает. Но чему я научилась, тому научилась.

– А почему у меня не получается? То есть ты-то можешь меня провести, но почему я

сама ни фи́га не вижу? В последний раз думала, мы сейчас о стену шмякнемся. И на той стороне мне все время блевать охота.

– Пройдет, когда мы целиком переберемся на ту сторону.

– Надо думать... Но мне не очень-то хочется оказываться там в таком виде. Что такое пара девчонок? Как ты собираешься защищаться, если что?

– У нас есть ножи, – напоминаю я, – и заряженный пистоль.

Его мы первым делом выкопали, добравшись до Тисона.

– Я бы не отказалась от тяжелой артиллерии, – говорит Роза. – Скажем, пару винтовок и «узи».

Я качаю головой. Она не первый раз заводит эти разговоры. Но по мне, доставать хотя бы один пистолет законным путем слишком хлопотно, а наличные на нелегальный ствол тратить жалко. Притом с нашими судимостями лучше не обзаводиться арсеналом.

– Ну, подумаем, – говорю я ей. Роза качает головой:

– Сколько можно думать...

– Теперь я знаю, как разобраться с сестричкой, – продолжаю я, словно она ничего и не говорила.

– Это как же?

– Что она сделала, когда мы в прошлый раз с ней столкнулись?

– Пропала, как те парни-псы.

Я качаю головой:

– Да нет, она проснулась.

Наверняка так. Если б она перебралась туда моим новым способом, то далеко бы не ушла. Лежала бы беспомощной калекой.

– И?.. – говорит Роза.

– Ну представь, что она вдруг не сможет проснуться. Скажем, кто-то подсунет ей снотворного – не смертельную дозу, а просто чтобы спала покрепче. Куда она от нас денется, если просыпаться ей будет некуда?

– Черт, – говорит Роза, – если на то пошло, ты можешь просто прихватить ее, пока она там валяется, и уволочь в страну снов, при условии, конечно, что в ее палате найдутся эти твои мерцания.

– Сдается мне, они всюду найдутся, если знать, как искать.

– Но потом уж раздобудем денег и бросаем все это дерьмо, договорились?

Я вспоминаю обещание, данное Лиззи, но пока о нем рано заводить разговор.

– Что захотим, то и сделаем, – говорю я Розе. – Все, что угодно!

Она ухмыляется, как встарь:

– Вот теперь ты дело говоришь.

Мы не знаем, как обернется дело, так что подготовились ко всему. Я беру свой рюкзачок, заворачиваю пистолет с запасной обоймой в какие-то тряпки и запикиваю поглубже. Переодеваюсь в джинсы и кроссовки.

– У тебя подходящая обувь найдется? – спрашиваю у Розы.

– Розовые кеды.

– Сойдет.

Следующая остановка – в аптеке, где мы запасаемся снотворными таблетками для моей сестрички. В продуктовом я покупаю воду в бутылках, мюсли и шоколадки для Розы. Она рвется заглянуть в винный магазин и купить чего-нибудь покрепче, но я не пускаю, и она только мрачно швыряет к себе в корзинку блок сигарет. И в магазинах, и по дороге я высматриваю те мерцания. Оказывается, труднее всего найти место, где их нет, так что предложение Розы начинает казаться разумным. Я с удовольствием представляю себе, как моя сестричка будет лежать калекой в стране снов и ждать, что мне вздумается с ней сделать. И тогда я смогу как следует ей объяснить, что во всем она сама виновата.

Мы заезжаем на стоянку у здания реабилитации, когда на часах уже половина десятого.

«Оно и к лучшему, – думаю я, – за парковку платить не придется и свободных мест полно. И внутри – часы посещений закончились, и нам только и останется, что пройти мимо сестринского поста».

Мы выходим из машины, и я лезу в багажник за своим рюкзаком.

– Рэй, милая, – говорит Роза. Я поднимаю к ней голову. – Ты ведь не наделаешь глупостей, правда? Либо утаскиваем эту твою сестричку в страну снов, либо скормливаем ей несколько таблеток. Ты ведь не устроишь там переполох, не засадишь меня снова за решетку, а?

– У меня все обдумано, – говорю я. Но она не понимает.

– Да, конечно, у тебя обдумано. Только стоит тебе взглянуть на карточку этой бабы, у тебя тормоза отказывают, милая. Понятно, не мне тебя учить, что делать и чего не делать, – добавляет она, видя, что я качаю головой, – но знаешь, просто на всякий случай, может, надо еще что-нибудь предусмотреть? Ну, «кади» поближе переставить, а то, еще лучше, раздобыть для этой работы не такую заметную тачку.

– Ты за меня не беспокойся, – говорю я, – голова у меня в порядке.

– Ладно... Ты же понимаешь, я только потому это говорю, что за тебя беспокоюсь.

– Я понимаю, Роза. Во всем этом проклятом мире я только тебе и доверяю по-настоящему.

И она снова ухмыляется по-старому.

– Ладно, – говорит, – начинаем представление.

Я и раньше бывала здесь после закрытия, но никогда так рано. Обычно прокрадывалась поздно ночью взглянуть на свою сестричку – понятия не имею зачем. Но сегодня все по-другому. Сегодня рядом со мной Роза. На всякий случай я достаю из рюкзака пистолет. А, черт, я же теперь в любой момент могу смыться и ни один тупой коп не догонит.

Примечаю, где воздух мерцает. На стоянке. У бокового входа. Пара мерцаний – в коридоре, и даже если в сестричкиной палате их нет, так вот одно прямо напротив ее двери.

– Видок у нее тот еще, – шепчет Роза.

Я киваю, переживая, – вдруг опять нахлынет красная волна, насчет которой беспокоилась Роза на стоянке, но ничего особенного не чувствую. Не скажу, чтобы, глядя на сестричку, вдруг пустила сопли. Мне ее не жаль, но и желания придушить ее или врезать кулаком в лицо, как бывало раньше, не испытываю. Что вовсе не значит, будто я готова отказаться от задуманного.

– Пожалуй, – наконец отвечаю я Розе. – Но она еще узнает, что такое душевные муки, или как там называется то, что со мной было...

– Думаешь, она не проснется, когда мы начнем ее шевелить?

– Не знаю, а какая разница? Ну, проснется, закричит, так ведь пока медсестра добежит, мы уже нырнем в то мерцание, а им туда ходу нет.

– Так что, берем? – спрашивает Роза.

Я весь день обдумывала предложение Розы, и с каждым разом оно выглядело все привлекательнее.

– Ну, мы же не за тем пришли, чтоб вручить ей медаль «Лучшая сестра»?

– На вид она ничего не весит, – замечает Роза. – Я ее возьму, а ты делай, что там надо с твоими мерцаниями.

Я в последний раз оглядываю Джиллиан Мэй, мирно спящую на кровати. Она ушла далеко – вглубь страны снов, надо полагать. Даже не вздрагивает, когда Роза поднимает ее с постели.

– Рэй?

Я киваю и выхожу в коридор. С обеих сторон никого.

– Порядок, – тихонько говорю я в дверь палаты.

Роза, надо отдать ей должное, еще девчонкой выглядела хрупкой, но сила в ней была и теперь есть. Она отступает от кровати с моей сестричкой на руках, будто в той и фунта весу

нет. Голова Джиллиан Мэй свешивается у Розы с одной руки, ноги – с другой, а руки болтаются, словно они тут ни при чем. Но она не просыпается. Черт возьми, даже дыхание не изменилось.

Розы несет ее ко мне. Я держу рюкзачок в одной руке, а другую кладу Розы на плечо и направляю ее в невидимое для нее мерцание.

– Эй! – слышится с поста чей-то крик.

Не стоит даже оборачиваться. Мы проходим через мерцание, и нас нет.

Джилли

Однажды давным-давно...

То ли мои способности к ориентации совершенствуются, то ли проказливая судьба, забросившая меня в прошлый раз в «Гостиницу Забытых Звездами», на минутку отвернулась, только я попадаю в точности куда целилась – на широкое перекрестье ветвей на полдороге к вершине величественного древа. А может, при последнем переходе границы у меня был очередной провал памяти, потому что, очутившись здесь, я не сразу соображаю, где нахожусь и что собиралась сделать. Впрочем, это быстро проходит.

Поднимаю голову – вершины не видно. Долгонько придется карабкаться к тем волшебным прутикам.

Дерево чуть покачивается – точно стоишь на плоту, а под ним плавно струятся речные волны. Я выглядываю в разрыв между ветвями и через кроны деревьев, столпившихся в Большом лесу, смотрю на запад, где холмы карабкаются к горным вершинам. Гостиница отлично видна, и меня это удивляет – теперь-то я знаю, что она не так велика, чтобы разглядеть ее на таком расстоянии. Насмотревшись, поворачиваюсь к стволу, оплетенному выходящей порослью. Путаница ветвей и лиан – настоящее крысиное гнездо.

Пора начинать восхождение.

Я даже радуюсь предстоящей физической работе. Наверное, мне бы сейчас и канавы копать было в радость, лишь бы забыть о Сломанной Девочке, которой никакая работа не под силу. Даже с постели сама встать не сумеет. И ложку до рта донести, если на то пошло. Мои мозги услужливо подсовывают мне длинный список вещей, на которые не способна Сломанная Девочка, и я потихоньку начинаю впадать в бессильное уныние.

– А ну-ка прекрати! – прикрикиваю я на себя.

– Я не могу, не могу, – отвечает мне кто-то срывающимся голосом.

До меня в конце концов доходит, что этот «кто-то» – не я сама и не птицы, щебечущие в разросшейся на стволе чаще.

Голос Тоби я узнаю сразу, но не сразу вижу его, прикорнувшего с несчастным видом в гнездышке из переплетенных лиан. Он поднимает ко мне лицо: по щекам текут слезы, глаза красные и припухшие.

– Я такой плохой, – говорит он.

Я приближаюсь к нему так, что наши головы на одном уровне, хотя смотреть на него мне приходится сквозь зеленую решетку ветвей.

– Чем это ты так плох? – спрашиваю.

– Я... ты все правильно про меня сказала. Я *правда* подружился с тобой, чтобы ты мне помогла добраться до волшебных ветвей. Чтобы не пришлось истаять и умереть.

– Ну, тебя можно понять, – отвечаю я. – Тебе страшно. Я знаю, что такое страх.

– Нет, просто я плохой, плохой! Тебе... тебе надо найти себе настоящего друга.

Я просовываю руку сквозь заросли и кладу ладонь ему на колено.

– Другьям полагается держаться вместе в горе и радости, – говорю я. – Будь я хорошим другом, помогла бы тебе добраться до верхушки и не донимала сотней вопросов.

Он шмыгает носом:

– Сотни ты не задала.

– Это просто так говорится. Он вытирает нос рукавом.

– Ну, – говорю я, – давай выбирайся оттуда.

– Попробую...

Даже с моей помощью ему не сразу удастся выпутаться из этой чащи. Наконец он оказывается рядом со мной – все такой же понурый, плечи ссутулены, взгляд опущен, лишь бы не смотреть мне в глаза. Так что я обнимаю его, и это помогает. Сразу видно, как он воспрянул духом. Беда в том, что воспрянул он чуточку больше, чем нужно. Приходится поспешно отстраниться.

– Ух ты! – восклицает он. Засовывает руки в карманы, оттягивая штаны вперед, чтобы спрятать выпуклость. И при этом ухмыляется во весь рот. – Видишь, я же говорил, у меня есть пенис, – говорит он.

Я невольно улыбаюсь в ответ:

– Ни минуты не сомневалась.

– Если тебе все-таки понадобится дружок...

– Ты будешь первым на очереди, – заверяю я его.

Вижу, нрав у него все такой же непостоянный. В один миг переходит от шутовства к серьезности или, как сейчас, от горя к шутовству. Но я не против. Тяжело было видеть его в таком унынии.

– И давно ты здесь прячешься? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

– Не помню... Дни. Или недели. Сколько тебя не было?

– Ну уж никак не недели.

– Ты по мне скучала?

– По правде сказать, – говорю я, – скучала.

– И я. Обещаю, теперь я буду настоящим другом.

Он вынимает руки из карманов, и штаны ложатся ровно, не топорщатся больше.

– И что ты собираешься делать? – спрашивает он.

Я тычу пальцем вверх.

– Нет, нет, – бормочет он, – этого больше не надо. Я же сказал, я буду настоящим другом. Ты не должна больше ничего для меня делать.

– Это для меня надо, – говорю я. – Потому я здесь и появилась.

– Тебе понадобилось волшебство?

– Всем нужно волшебство, – говорю я.

– Оно и так всюду есть, – возражает Тоби, – просто мало кто его видит. Наверно, нам скорее нужны чудеса.

Я гляжу на него, вспоминая, рассказывала ли ему о Сломанной Девочке, в которую превращаюсь, уходя из этого мира-собора. Но вслух говорю только:

– Чудеса – это хорошо.

– Только бывают редко, – замечает Тоби. – Думаешь, их можно заслужить?

– То есть добравшись до тех волшебных веточек на вершине?

Он кивает.

– Попробуем проверить.

И мы снова лезем вверх. Все равно что карабкаться по сетке, сплетенной из ветвей и лиан. Я наслаждаюсь ощущением своего тела. Об опасности не думаю, хотя, словно для того, чтобы не дать мне чересчур зарываться, какая-нибудь лиана время от времени лопаается у меня под ногой, и я повисаю, чувствуя, как замирает сердце, пока нога не нащупает новую опору. После этого я некоторое время держусь осторожнее.

– Познакомилась я с твоим другом Гремучкой, – говорю я Тоби, когда мы останавливаемся передохнуть.

Ветви здесь уже не такие толстые, зато листва стала гуще, и нам ничего не видно вокруг – только само дерево: ствол, ветви да густая зелень кроны.

– С ним нельзя дружить, – опять говорит Тоби.

– Пожалуй, я в этом убедилась. Не знаешь, отчего это он такой злой?

Тоби пожимает плечами:

– Таким он был создан. Все Эдар появляются на свет, какими их вообразили. Такими и остаются, хотя, если им не лень постараться, можно кое-что в себе перепридумать. Это в том случае, если сочинитель забросил твою историю и ничего больше не меняет сам.

– А это часто случается?

– Даже слишком. Ужас – просыпаешься утром и чувствуешь себя совсем другим, да еще понимаешь: это оттого, что тот, кем ты был, надоел твоему создателю.

Я бросаю на него вопросительный взгляд. Не хочется мне его выпрашивать, но ненасытное любопытство всегда числилось среди моих недостатков.

– И с тобой такое случалось?

Он кивает.

– Не раз, – говорит он, не скрывая горечи. – В одной истории я проказливый эльф. В другой – мудрый дух леса. Еще в одной – похотлив, как сатир.

«Так вот почему он так переменчив», – думаю я, но от комментариев воздерживаюсь. Не стоит заводить его еще больше. Я ограничиваюсь сочувственным хмыканьем.

– Они совсем о нас не думают, – продолжает Тоби, – никто из них. Им все равно, что мы сами не знаем, кто мы есть. Для них мы просто забава, и ничего больше.

– Может, они и не догадываются...

– Может, и не догадываются, – обрывает он, – да нам от того не легче.

Чтобы замять разговор, мы снова начинаем подниматься.

Не знаю, насколько мы продвинулись, но лезем вверх уже несколько часов. Какой же высоты это дерево? Мы словно парочка Джеков, карабкающихся по бобовому стеблю. Может, наверху и нет никаких волшебных прутьев и мы окажемся в каком-то другом мире, а если они и существуют, то заперты в сундуке великана, обвязанном цепями и заговоренном от взлома.

Я устраиваюсь на ветке, привалившись к стволу.

– Уильям Кемпер... это...

– Хозяин гостиницы. Знаю.

– Он сказал, Гремучка так себя ведет, чтобы люди его запомнили. Чтобы не истаять.

Тоби усмехается:

– Ну, такое и вправду не забывается. Знаешь, из нашей сказки только мы двое и остались.

– Вы из одной истории?

Он кивает:

– Только он всегда был злодеем.

– А ты – героем?

Моя догадка его смешит:

– Только не я. Я – второстепенный персонаж.

– А героем кто был?

Он грустно взглядывает на меня:

– Уже не помню.

«Это как мои черные дыры, – думаю я. – И даже хуже. Потому что он знает, что когда-то знал, а для меня они – просто провалы в памяти. Я не знаю, что в них затерялось».

– Ну, как видно, ты тоже не из тех, кто забывается, – говорю я.

– Пожалуй. Только я теперь ничей, и от этого особенно грустно.

Я качаю головой:

– Это как раз нормально. Большинство людей – ничьи. Каждый показывает миру множество разных лиц. Бывает, двое рассказывают друг другу о ком-то и даже не догадываются, что говорят об одном человеке.

– Но сами они знают, кто они есть, верно?

– Пожалуй. Хотя я не так уж уверена. Вряд ли я сама знаю, кто я есть.

Тоби озабоченно смотрит на меня:

- По-моему, это тоже грустно.
- Наверное, если задуматься.
- Тогда давай не задумываться!

Я смотрю на его усмехающуюся рожицу, где не осталось и следа серьезности, и медленно киваю. Но из головы у меня не идет, что ему гораздо хуже, чем мне, и веселиться не хочется. Чтобы встряхнуться, я снова карабкаюсь вверх, пытаюсь физическим движением выгнать из головы все брякающие в ней мысли. Зато на их месте остается мысль о Сломанной Девочке, которая и того не может. Сестры в реабилитации вечно стараются меня успокоить. Не дают взвинтить себя до такой степени, когда упражнения становятся необходимостью.

Чтобы отделаться и от этой мысли, я задаю такой яростный темп, что Тоби просит его подождать.

- Куда ты так торопишься? – спрашивает он, чуточку отдышавшись.

Я тоже запыхалась, но останавливаться не собираюсь.

– Никуда не тороплюсь, – объясняю ему, – просто стараюсь ни о чем не думать. Если все время смотришь, куда поставить ногу да где зацепиться, ни на что другое в голове места не остается.

Он сочувственно смотрит на меня:

- Думай не думай, оно все равно никуда не денется.

То самое говорила и вызванная тогда Джо целительница, осеняет меня. Та, которая сказала, что меня не исцелишь снаружи, пока я не залечу как следует то, что внутри. Весь этот груз, который я волочу из детства. Сломанную Девочку никак не склеить, потому что я не отделалась от этого груза. Но как мне от него отделаться, если некуда его девать?

– И что же делать? – спрашиваю я, гадая, кто сказал последние слова: озорной Пак, мудрый лесной дух или сатир?

Но в ответ я слышу только:

- Не знаю. Если б знать...

Передохнув, мы двигаемся дальше, но теперь я пропускаю Тоби вперед, чтобы он задавал темп. Ветки здесь уже не толще, чем у обыкновенного дерева, и заросли лиан вокруг ствола помогают карабкаться. Не знаю, что мы будем делать, когда они кончатся, но пока, сколько видит глаз, им конца нет.

И дереву тоже.

Мне уже целую вечность не попадаются на глаза зверушки, а птицы здесь дивные, совсем незнакомые. Думаю, нигде больше такие не водятся. Зеленые, пурпурные, алые. Со звериными головками. С мордочками лис, ящериц и кротов. Бывает, и с человеческими лицами. Чаще – с забавным сочетанием звериных и человеческих черт.

Следующую остановку приходится устраивать в узких развилках ветвей. В одной, повыше, Тоби, в другой я.

- Как ты думаешь, далеко еще? – спрашиваю.

Он качает головой. Знает не больше моего и тоже устал.

Я стараюсь не задумываться, что мы будем делать, если задолго до вершины ветки станут слишком тонкими, чтобы нас выдержать.

– Никто не говорил, что это возможно, – бормочет Тоби, и я догадываюсь, что он думает о том же.

- Но мы не сдадимся.

Сама не знаю, спрашиваю я или утверждаю, однако Тоби мне отвечает.

- Мне сдаваться нельзя, – говорит он, – я. так высоко еще ни разу не забирался.

Я удивляюсь. Правда, пришлось основательно потрудиться, и еще неизвестно, что будет дальше, но пока, на мой взгляд, мы ничего невозможного не совершили.

- Почему? – спрашиваю я.

Он со своего насеста смотрит на меня сверху вниз.

- Сколько раз пробовал – никак было не пролезть. То лианы начинали рваться, то их

вообще не было, а ствол гладкий, и уцепиться не за что. Или, наоборот, впереди такая чаша, что не протиснуться. А пару раз птицы нападали – кружатся вокруг, как ласточки, и царапают клювами и коготками.

– Странно, почему в этот раз не так?

Он смеется:

– Из-за тебя – отчего же еще? Дерево и его стражи увидели свет, который ты в себе несешь, и пропускают нас. По крайней мере, пока пропускали.

Опять этот свет. Никогда не понимала, что имеет в виду Джо, хотя, когда он говорит, что и Софи тоже светится, я что-то действительно вижу. Какую-то ауру или сияние иного мира она на самом деле излучает – так по-настоящему здоровые люди лучатся здоровьем. Я приписывала это ее волшебной крови. Но вот я? Сколько раз смотрелась в зеркало – ничего, кроме себя, не видела. Ни света, ни сияния, ни мерцания.

– Ну, хоть на что-то оно сгодилось, – говорю я.

Тоби бросает на меня странный взгляд. По-моему, он хочет что-то сказать, но, передумав, просто расправляет плечи и предлагает двигаться дальше.

– Веди, – говорю я ему, и мы лезем дальше. Не скажу точно, сколько проходит времени, и как далеко мы продвинулись, тоже не знаю, потому что занята только тем, чтобы переставлять руки и ноги, дюйм за дюймом подтягиваясь вверх. Поэтому, когда Тоби останавливается, я врезаюсь макушкой ему в корму.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Смотри... – Он указывает вверх.

Я перехватываю руку и изгибаюсь, заглядывая вверх сбоку от него. Просто не верится, что мы почти у цели, а я и не заметила. Вершина дерева не больше чем в десяти футах над нами. Над ней – небо, такое синее, что глаза слезятся. Но поразительнее всего верхние ветви – совсем тоненькие, конечно. На них тоже трудно смотреть, так сияют они янтарным светом, в котором проскальзывают витые нити золота и бирюзы, вспыхивают рубиновые и изумрудные искры.

Стоит мне остановиться на них взгляд, и голову наполняет пение. Усталость будто рукой снимает. Это не человеческие голоса. Не могу представить, какое горло издает подобные звуки. Но это именно пение. Волна небесных звуков, которые показались бы слащавыми в каком-нибудь фильме, но здесь вызывают у меня невыразимый трепет и смирение.

Приходится отвести взгляд. Голоса медленно стихают, отдаваясь гулом в глубине грудной клетки. Я снова поднимаю голову, чтобы улыбнуться Тоби.

– Добрались все-таки! – говорю я.

Он тоже улыбается, но потом показывает мне на ближайшие к нам ветви. Ствол здесь толщиной не более полуфута, и прямо над головой Тоби его обвивает клубок лиан, из которых торчат веточки – не больше нескольких дюймов в поперечнике. А над ними, на самой вершине, полдюжины тех поющих и сияющих прутиков.

– Досюда добрались, – соглашается Тоби, – но дальше...

– Не сдаваться же теперь, – говорю я, – давай-ка поменяемся местами.

С большой опаской он спускается ко мне, а я пробираюсь на его место. Пробую ближайшую ветку, но она угрожающе сгибается еще прежде, чем я переносу на нее весь свой вес.

Поднимаю взгляд к сверкающей вершине. Хор голосов заполняет голову. Мне кажется, еще немного, и я разберу слова. Слова языка, знакомого когда-то, но давно забытого. Они будят во мне гулкое эхо, и что я в этот момент чувствую, не берусь передать. Нет на свете таких слов. Я знаю только одно: это волшебство. Глубокое и древнее волшебство, и мне дано испытать его и запомнить навсегда. Чудо, которое никогда не канет в те черные дыры, что разъедают другие куски моей жизни.

Пение растет, ширится, и наконец мне приходится снова отвернуть голову. Но теперь я твердо решила добраться до вершины. Каким образом – не знаю. Я так и не выпустила из пальцев согнувшуюся под моей рукой ветку.

Тут тоже нужно волшебство, догадываюсь я, а во мне его нет. Остается надеяться на удачу.

Мне вспоминается, как однажды я расспрашивала Джо, как это Народ ест мясо, если он в таком тесном родстве с животными – не так, как мы с вами, – просто потому, что тоже млекопитающие, а в настоящем родстве – одна семья.

«Всем нужна пища, – сказал он мне тогда, – волку, пуме и орлу не меньше, чем кролику, оленю или форели. Даже деревья и травы не могут существовать, не отнимая чужие жизни. Природа вовсе не добра и не справедлива. Но именно потому, что нам приходится жить в этом мире друг с другом, жестокости нет ни оправдания, ни прощения. И когда берешь что-то, щедро дарованное тебе другими, благослови их дар, прими его с почтением, воздай ему должное. Всегда проси, прежде чем взять, благодари, принимая.

Я обнимаю руками ствол и, закрыв глаза, прижимаюсь щекой к шершавой коре.

– О дерево, – тихонько прошу я, – не знаю, заслужила ли я, но Тоби наверняка заслужил. Я возьму только два тоненьких прутика, и все. Надеюсь, это можно. Мы не сделаем ничего плохого. Мы хотим только починить с их помощью то, что в нас поломалось.

Я гляжу вверх, и хор снова наполняет меня, но в пении не слышится перемены. Ни «да», ни «нет». Единственной ответ, который доносят до меня эти голоса, – что чудо и красота есть везде и всюду.

Закусив губу, я медленно вытягиваюсь во весь рост, опираюсь ногами на клубок ветвей у самого ствола. Поймав кончиками пальцев ветку высоко над головой, осторожно подтягиваю ее к себе. Она подается, и я потихоньку сдвигаю руку выше, нащупываю развилку и нагибаю к себе верхушку. Все идет отлично, и сияющие ветви уже над самым лицом, но тут рука соскальзывает, и ствол со свистом распрямляется.

Я чуть не теряю равновесие. Не задумываясь, делаю как раз то, что следует. Не размахиваю руками в воздухе, пытаюсь удержаться, а быстро приседаю и крепко цепляюсь руками за лианы у ног.

Когда сердце успокаивается, снова встаю, еще медленнее, чем раньше.

– Джилли, не надо, – шепчет Тоби.

Но я его не слушаю и повторяю все заново, медленно подтягивая к себе верхние веточки. Потом, задержав дыхание, крепче сжимаю ствол одной рукой, а другой нащупываю прутики.

Я почти не вижу, что делаю. Вблизи их сияние слепит глаза. Поющий хор заполняет весь мир, я не только слышу этот звук – я осязаю его, чувствую его запах и вкус. Когда мои пальцы нащупывают два тонких прутика, самое прикосновение к их гладкой коре заставляет меня дрожать, и сердце бьется чаще.

– Надеюсь, тебе не будет больно, – говорю я и быстрым движением отламываю веточки.

Только теперь осознаю, что не дышала, ожидая чего-то ужасного. Но ничто не меняется. Я прячу веточки к себе за пазуху.

– Спасибо тебе, дерево, – говорю я. – Никогда не забуду твоей щедрости.

Я выпускаю ветку и снова приседаю.

Мне не сразу удастся восстановить равновесие. Хор голосов еще целую минуту звенит у меня в ушах. И только когда он слабеет, как дальнее эхо, и совсем затихает, я опускаю взгляд к Тоби. Он смотрит на меня круглыми глазами, приоткрыв рот. Я прокашливаюсь и улыбаюсь ему.

– Давай спускаться, – говорю.

Спуск идет не быстрее подъема, но дается нам легче. Мы останавливаемся только тогда, когда ветви становятся достаточно толстыми, чтобы можно было устроиться вдвоем.

Ухмыляясь, вытаскиваю из-за пазухи веточки, но улыбка моя гаснет, когда я вижу, что держу в руках. Тусклые прутики темно-коричневого цвета, и они молчат. Я с ужасом думаю, что всякое волшебство покинуло их в тот самый миг, когда я оторвала их от ствола.

– Я их убила, – бормочу я. – Волшебство ушло.

– Мы должны верить, что оно осталось, – говорит мне Тоби.

Я встречаю его строгий взгляд и медленно киваю.

– Хорошо, – говорю я, – поверю.

Я отдаю ему одну веточку и чуть не роняю другую, когда у него в руках прутик вспыхивает тем же сиянием, что мы видели наверху: янтарным заревом, в котором выются золотые и бирюзовые нити, мелькают алые и зеленые искры. Словно включили радио – в воздухе возникает пение и мгновенно достигает крещендо. Я почти вижу, как его слова сплетаются с цветными нитями и те рисуют сияющие надписи – не знакомыми нам буквами, а в виде рун, наподобие тех, что можно увидеть на древних камнях.

Сияние омывает наши лица неземным светом, мигает, меркнет...

Рука Тоби пуста, и только на ладони осталась метка. Не белый шрам, а янтарный отпечаток вроде родинки. Или татуировки, как на тыльной стороне его ладоней. Он круглыми глазами смотрит на меня и кажется... не знаю, как объяснить... более прочным, что ли, чем был прежде.

– Ты... в порядке? – спрашиваю я.

Он открывает рот, но поначалу не может издать ни звука. Чуть кивает и проводит пальцем по метке на ладони.

– Чувствую себя таким же... и другим, – наконец выговаривает он. – Как будто... больше я. Или – только я. Или... не могу объяснить. Как будто я больше не таю. – Теперь он сияет улыбкой. – Ты сделала меня настоящим! – говорит он.

Я счастлива за него. Правда счастлива. Но мой взгляд падает на прутик в моей руке – все тот же мертвый прутик. Тоби тоже смотрит на него, и его улыбка бледнеет, гаснет.

– Кажется, меня он починить не сумеет, – наконец говорю я.

– Можно попробовать еще раз, – утешает он. – Достанем другой.

Но я качаю головой:

– Нет. Джо столько раз мне говорил, что, кроме меня, никто не исправит того, что творится у меня внутри. Видно, придется все-таки этим заняться.

Он хочет возразить, но тут в животе у меня возникает судорога, и я чуть не срываюсь с дерева. Веточка выпадает у меня из рук, Тоби подхватывает ее, и, даже несмотря на боль, я вздрагиваю, готовясь увидеть, как она вспыхнет и растворится у него в ладони. Но ничего подобного не происходит.

«Негодная хворостина, – думаю я. – Сломанная ветка для Сломанной Девочки».

Живот скручивает новая судорога, и я душу в себе крик. Меня чуть не выворачивает наизнанку, голова кружится от боли.

Тоби поспешно сует прутик к себе в карман и обхватывает меня за плечи.

– Что с тобой, что? – вскрикивает он. Ответить мне не дает еще одна судорога, но она оказывается последней; головокружение и тошнота тоже отступают. Зато теперь я чувствую себя очень странно. Не на месте. Одновременно здесь и не здесь. И меня вдруг страшно тянет куда-то идти. Не пойму куда, но голова моя, и тело, и душа твердо знают, куда им нужно. И мне приходится подчиниться и позволить им меня вести. Я *не могу* не подчиниться.

– Джилли? – окликает меня Тоби.

– Мне плохо, – выдавливаю я из себя слова. – Нет, не то. Я, кажется, больше не вся здесь. Наверно, не надо было мне ломать эти веточки...

Хотя, пожалуй, беда не только в них. Та, что я отдала Тоби, ему явно помогла. Это меня волшебство отвергло. Или, может, я расплачиваюсь за то, что мы с ним сделали. Может, всех моих вежливых просьб и благодарностей оказалось мало. Может, есть вещи, которые нельзя просто так взять, как бы долго ты к ним не карабкался.

– Всю жизнь у меня так, – бормочу я.

Поднимаю голову и вижу у него на лице ужас.

– Что такое? – Я пытаюсь успокоить его шуткой. – Второй нос вырос?

– Ты... ты стала Эдар...

– Как?

– Я знаю, как это выглядит, – я сам таким прожил всю жизнь. Ты больше не настоящая. – Он мотает головой. – Но так не может быть. Люди не превращаются в Эдар. Либо тебя выдумали, либо ты родился, третьего не бывает.

Но я почти не слышу его. Нет, неправда, я слышу все, что он говорит, но все это ничего не значит в сравнении с той тягой, потребностью двигаться, которая горит во мне. С каждым мигом сильнее. Надо идти, сейчас же. Меня физически тянет куда-то и, кажется, если я не подчинюсь немедленно, растянет в такую тонкую полоску, что я перестану существовать.

– Не могу я здесь оставаться, – говорю я Тоби.

Он качает головой:

– Как такое могло случиться?

– Не важно, – отвечаю я, – мне надо идти.

Он так потрясен, что мои слова доходят до него с трудом.

– Куда идти? – спрашивает он, собравшись с мыслями.

– Не знаю. Просто меня куда-то тянет...

Я вспоминаю Сломанную Девочку. Должно быть, что-то случилось со мной в палате реабилитации – какой-то новый кризис. Может, волчицы все-таки добрались до меня. Или тело просто отказало.

– До свидания, – говорю я Тоби и позволяю себе проснуться.

И ничего не происходит. Нет, не так. Меня всю трясет и корежит от потребности двигаться. Много чего происходит, но все это внутри меня, и я ничего не могу с собой сделать. Может, это и значит быть Эдар – испытывать постоянное ужасное чувство, что ты в чужой власти. Мне хочется спросить Тоби, так ли он себя чувствовал, но не удастся подобрать слов.

Так что я выскальзываю из его рук и лезу вниз. Как только начинаю спускаться, страшная болезненная потребность двигаться отступает. Наверное, потому, что я и так двигаюсь.

– Джилли! – кричит сверху Тоби.

– Я просто должна идти, – отзываюсь я. – Если останусь, разорвусь надвое.

Я бросаю взгляд вверх, чтобы посмотреть, следует ли он за мной, а потом сосредоточиваю все внимание на спуске.

До земли еще далеко.

Мы все-таки останавливаемся передохнуть, но долго мне не усидеть, как бы ни ныли руки и плечи. Стоит задержаться, меня снова скручивает, и чем дольше медлим, тем сильнее. Руки и ноги дрожат, а в голове одно: нужно идти, идти. Мы почти не разговариваем ни при спуске, ни на привалах. Пока движемся, все силы уходят на то, чтобы не выпустить из ослабевших пальцев ветку или лиану; когда сидим, приходится бороться с усиливающимся зовом, чтобы дать телу хоть немного отдыха.

– Похоже, что кто-то наложил на тебя гейс – заклятие принуждения, – говорит на одном из привалов Тоби.

Заметно, как его вымотал заданный мною темп. Мы еще по дороге наверх очень устали, а теперь, если держать ту же скорость и дальше, того и гляди, кто-либо из нас оступится и сорвется вниз.

– Не знаю, что это такое, – говорю я, – но бороться не могу. Чем дольше сижу на месте, тем хуже становится.

– Кто же мог такое сделать? Верно, у тебя есть могущественный враг.

– Насчет могущества ничего не скажу, – вздыхаю я, – но с тех пор, как я сумела попасть в страну снов, клуб «недругов Джилли» очень разросся.

– Я знаю поляну, где растет вербена, только это далеко отсюда.

Я представления не имею, о чем он говорит, и сообщаю ему об этом.

– Чтобы снять гейс, – объясняет Тоби. – Синие цветы и ароматные листья вербены

отгоняют колдовство.

– Надо же... – говорю я.

Я уже слишком долго просидела на месте и готова взорваться. Мне трудно сосредоточиться на разговоре, каким бы важным он ни был. Ну снимают те синие цветочки заклятие. У нас-то их нет, а зов в моей голове не даст мне свернуть с пути. И я добавляю:

– Мне надо двигаться.

Я даже не смотрю, готов ли Тоби. Хватаюсь за ближайшую лиану и свешиваю ноги с ветки, на которой мы сидели, нащупывая новую опору.

В конце концов мы спускаемся на землю, и башни леса-собора высятся над нами. Тоби в изнеможении приваливается к стволу. Я не могу позволить себе такой роскоши. Медленно поворачиваюсь по кругу. Сильнее всего тянет на юг. Стоит мне повернуться в ту сторону, и кажется, кто-то запустил мне во внутренности гигантский рыболовный крючок и наматывает леску на катушку.

Я начинаю переставлять ноги. За спиной слышится вздох Тоби, а потом его усталое шарканье. Я понимаю, каково ему. У самой мышцы на руках и плечах прямо горят и ноги подгибаются. Но остановиться невозможно. Гейс внушает мне желание пуститься бегом, но я заставляю себя держаться разумного шага. Откуда мне знать, далеко ли идти: может быть, многие мили, и не хотелось бы, чтобы ноги отказали на полпути.

Я читала в сказках о людях, которые плясали, окруженные эльфами, пока не падали замертво, и теперь представляю, что они чувствовали. На какое-то время можно совладать с зовом, но рано или поздно снова начнешь двигаться. Он не отпускает, не дает перевести дух. Двигайся, пока не откажет сердце или не подогнутся ноги, не кончатся силы. И даже тогда, лежа на земле, будешь дергаться и корчиться в стремлении двигаться дальше.

Сколько мы проходим – не знаю. Но наконец деревья-башни расступаются, сменяются небольшими – небольшими по сравнению с исполинами Большого леса, конечно. По обычным меркам те, что окружают нас сейчас, считались бы огромными. Кроме того, здесь появляются кусты и подлесок и воздух влажный, глушит шаги. Земля устлана отсыревшей палой листвой, и слышны только шелест веток, которые сгибаются, пропуская нас, хруст сучков под ногами да еще наше неровное хриплое дыхание.

Я уже смирилась с мыслью, что разделю судьбу зачарованных эльфами плясунов, когда мы выходим на гребень небольшого холма, обрывающегося крутым откосом в каменистую расщелину, – и гейс отпускает меня. Нет, я его еще чувствую, но теперь он не принуждает, а только тихонько уговаривает, и вполне можно на время забыть об этих уговорах. Я поспешно валюсь наземь – не только от усталости, но для того, чтобы не попасться на глаза людям внизу. Тоби падает рядом со мной, отстав лишь на мгновение.

Я перекатываюсь на спину и откидываю голову на мягкую листву, разбрасываю руки. Кажется, никогда я не чувствовала себя такой разбитой. О тех, кого успела заметить в расщелине, думать не хочется.

– Отпустило, – говорю я Тоби. – Теперь можно остановиться.

– Вот и хорошо.

Мы переговариваемся так тихо, что в двух шагах ничего не услышишь.

– Смотря по тому, что называть хорошим...

Поразмыслив, Тоби приподнимается на локте и заглядывает вниз. Долго изучает увиденное, потом снова ложится, обернув ко мне лицо.

– Это они наслали на тебя гейс? – спрашивает.

Я киваю. Хотя и не знаю, сознательно ли они это сделали.

Теперь Тоби изучает меня.

– Ты их знаешь?

– Двоих из троицы. Черноволосых.

– Прямо твои сестры, – говорит он. – Та, что спит, старше, а другая попышнее, но фамильное сходство...

– Та, что спит, не старше меня, – говорю я. – Просто так кажется, потому что такой... – я провожу рукой по лицу, – вижу себя и выгляжу здесь. Молодой. Здоровой.

Он ошарашенно моргает.

– Она – это я. В мире, откуда я пришла. Я называю ее Сломанной Девочкой. – Вкратце я описываю ему свою историю. – Вторая – моя сестра. Я много лет с ней не виделась, но, кажется, она за это время научилась превращаться в волчицу. Приобрела способность накладывать это заклятие, про которое ты говорил. Нашла способ переходить из мира в мир. Ну, и еще она меня довольно пылко ненавидит.

Я говорю легко, но не могу скрыть боли в глазах и голосе.

– А третья? – спрашивает Тоби.

Третья мне незнакома, но Лу раскопал достаточно, чтобы можно было догадаться. На вид она – настоящая шлюха: тело втиснуто в розовые штанишки, блузка расстегнута, открывая лифчик, волосы пышной копной. Выбиваются из стиля только спортивные тапочки, но и они тоже розовые.

– Думаю, ее зовут Рози Миллер, – говорю я.

– Она похожа на...

– ... «белую шваль».

Опять озадаченный взгляд.

– Дешевка, – поясняю я. – Будто ждет, что ты спросишь: «Сколько возьмешь?» – прежде чем перейти к делу.

Я сама удивляюсь, слыша горечь в своем голосе. Я ведь даже не знаю эту женщину. Хорошо, что Тоби не обращает на нее особого внимания.

– Тогда понятно, почему ты выглядишь как Эдар, – говорит он.

Теперь я, в свою очередь, озадаченно смотрю на небо.

Он взглядом указывает за гребень:

– Твое сонное «я» и «я» бодрствующее не должны находиться в одном мире. Вместе они производят сумятицу, которая, если с ней не покончить, вызовет еще более глубокий и опасный разлад. Этот гейс – зов, который ты ощущала и, должно быть, сейчас ощущаешь...

– Гораздо слабее.

– Это твое другое «я» зовет к себе спящее «я». Ты должна стать единой, а не разделенной надвое.

– И как нам объединиться?

– Достаточно прикоснуться друг к другу, и вы сольетесь.

– И какой я стану?

– Как в том мире, не здесь.

Я подползаю к обрыву и с каким-то болезненным интересом пожираю глазами Сломанную Девочку. Моя сестра выкрикивает что-то в ее бесчувственное лицо, но слов я не слышу. Рози сидит на каменном уступе и, похоже, чистит ногти.

– А другого выхода нет? – спрашиваю я у Тоби.

– Если есть, надо торопиться, – отзывается он.

Обернувшись, я успеваю увидеть, как он вскакивает на ноги и ныряет в кусты. Смотрю ему вслед, не в силах поверить, что он опять бросил меня. На сей раз во мне даже зла на него нет. Трудно его винить. Теперь, став настоящим, чего ради ему обременять себя калекой, которая даже ложку до рта сама не донесет.

К горлу подступает тошнота. Стать Сломанной Девочкой здесь... я скоро пожалею о Мире Как Он Есть. Там я тоже была беспомощной, но хоть было на кого опереться. Обо мне заботились друзья, сестры в реабилитации. Здесь, вернувшись в свое тело, я только и смогу ползать среди деревьев, пока не умру от истощения или не достанусь диким зверям. Пусть мне даже удастся выбраться к людям – скажем, в Мабон, – я и там останусь Сломанной Девочкой, и от нее мне уже будет не скрыться: нельзя сбежать в сны, когда уже находишься в стране снов.

Зато теперь я понимаю, что задумала моя сестра. Скорее всего она собирается бросить

здесь Сломанную Девочку, так же как я бросила ее. Пожалуй, мне не на что жаловаться. Подходящая месть, и нельзя сказать, чтобы я ее не заслужила.

Жаль только, что Тоби меня покинул. Трудновато остаться с этим один на один.

Как осталась Рэйлин, говорит во мне моя вина. И мне нечего ей возразить.

Джо

Манидо-аки

Вернувшись, мы не застаем Бо в лагере, но тлеющий костер говорит, что он не далеко ушел. Здесь, в доме сердца Коди, день клонится к вечеру, и мы находим Бо на краю обрыва. Он болтает ногами над пропастью в пару тысяч футов глубиной, любясь красными скалами внизу. Солнце спускается все ниже, и протянувшиеся тени создают все более поразительную картину. Такое зрелище способно захватить тебя целиком и оставить ощущение, что, увидев его, ты перерос себя прежнего.

– Пока вас не было, здесь кое-кто погостил, – сообщает Бо, не оборачиваясь.

– Знакомые? – спрашиваю я.

Бо наконец отрывается от созерцания и, подтянув одно колено к груди, обхватывает его ладонями, сцепив пальцы.

– Помните, в старые времена, – начинает он, – рассказывали, будто у Нокомис есть сестра?

Я качаю головой:

– До меня.

– Помню, – отзывается Джек Вертопрах. – Никто ее никогда не видел, и имени у нее не было.

Бо кивает:

– Хотя люди давали ей всякие имена. Называли Судьбой или Фортуной.

– А бывало, и Благодатью, – вставляет Джек.

– Я всегда считал, что благодать – состояние души, – замечаю я, – или даже место. Хотя кое-кто, я слышал, описывает ее как свет.

– В образе женщины, – говорит Бо.

Джек присаживается рядом с ним и тоже свешивает ноги.

– Коди уверял, что это она породила человеческий род.

– После того, как переспала с ним, – добавляет Бо.

– Но он ей не навязывался.

Бо кивает:

– Верно, когда Коди имеет дело с женщинами, навязываться ему не приходится. Забавно, как это он в конце концов остановился на сороке.

– Забавно, как это он в конце концов вообще остановился, – говорит Джек.

Я устраиваюсь на корточках между ними, и взгляд мой скользит среди каменных шаманов, от освещенной солнцем головы одного к подножию, утопающему в густой тени, потом к соседнему, снова вверх, к солнцу, играющему на красноватом камне.

– Все всегда меняется, – говорю я, – только это в нас и неизменно. Просто некоторые меняются не так быстро, как другие.

Бо с усмешкой косится на меня.

– Ты послушай, прямо король философов, – говорит он Джеку.

– Так эта ваша Благодать, – спрашиваю я, – и заходила в гости?

– Не знаю. На вид она была в точности Нокомис, но без ее запаха. И говорила по-другому. Вы же знаете, как рассуждает Старуха. Я не так давно повстречался с ней в Большом лесу, так что помню хорошо.

– Все это неспроста, – кидает Джек.

– И что сказала твоя гостя? – спрашиваю я.

Бо вздыхает, не глядя на нас.

– Что нам не следует вмешиваться, – говорит он.

Мы с Джеком переглядываемся.

– Хочешь сказать, она одобряет убийства? – спрашивает Джек.

– Не то чтобы она выразилась так прямо. А сказала она, что в этом мире слишком много волшебства, а в другом слишком мало. А должно быть равновесие.

– Но убийство...

– Я ее так и спросил, – подхватывает Бо, – а она посмотрела на меня этак, знаешь, – мол, «Что ты за дурак?» – и поинтересовалась, с каких пор я забыл, что со смертью ничего не кончается, ты только переносишься в другое место.

Довольно долго мы все молчим.

– Это надо обдумать, – говорит Джек.

Прекрасно его понимаю. Он угощает всех сигаретами, и мы закуриваем, опустив взгляды в каньон. Не знаю, что творится у них в голове, а в моей проплывают два воспоминания. Одно из очень давних времен, когда мы с дядюшкой смотрели на единорога, поющего в лунном свете. Второе совсем недавнее: как мы с Джеком спугнули волчью стаю, терзающую добычу. Не знаю, насколько же Мир Как Он Есть должен нуждаться в волшебстве, чтобы за него нужно было расплачиваться кровью невинных.

А если та же стая охотится и за Джилли, дело для меня становится слишком личным, чтобы я мог его так оставить.

Я глубоко затягиваюсь и тушу сигарету. Прячу окурки в карман и встаю. Бо с Джеком поднимают ко мне головы.

– Я домой, – говорю я им.

– Значит, подчинишься Старухе? – спрашивает Джек.

– Да... нет... черт, сам не знаю. Думаю, не смогу, но надо поговорить с Касси. – Помявшись немного, я продолжаю: – Вот что я вам скажу. Меня достало. Эти волки, убийства, всякие древние духи, которые являются и велят нам делать то и не делать того, внушают, что хорошо, что плохо.

Джек кивает:

– Угу, мне самому не по вкусу мысль, что общее благо весит больше, чем право одного, особенно когда речь идет об убийстве. Начнешь так рассуждать и где окажешься? Сегодня единороги, завтра псовые или кукурузные сестрички.

Я киваю:

– Видишь зло, исправь его сегодня.

– Все эти старые духи редко принимают во внимание человеческий фактор.

– Мы не люди, – напоминает нам Бо.

Джек поворачивается к нему:

– Ты меня прекрасно понял. Они ничем не связаны с жизнью здесь и сейчас. Они проплывают сквозь мир, устремив взгляды к высшим сферам. Не скажу, что они не правы или намеренно жестоки. Просто им не видны кусочки, из которых составлена мозаика.

– Верно, – соглашаюсь я. – Если так уж необходимо восстановить равновесие между мирами, должен найтись другой способ. Надо полагать, духи видят здесь естественный отбор, а на мой взгляд, это больше похоже на лесной пожар. Конечно, поджигая лес, можно порассуждать о том, что много лет спустя деревья здесь вырастут гуще и сильнее, чем прежде, но как насчет жизней, которые погибли в огне? Нам что, отвернуться и оставить их гореть?

– Если ты так ставишь вопрос... – начинает Бо.

– Мне нужно поговорить с Касси, – перебиваю я. – Она знакома с тайнами совсем иного рода, и у нее на такие вещи острый глаз.

Джек кивает:

– Вопрос не в том, надо ли нам что-то делать, а в том, с какого конца лучше взяться за дело.

– Точь-в-точь моя мысль, – говорю я.
– Мы тебя здесь подождем, – предлагает Бо.
Джек кивает:
– И передай от меня привет своей красавице. Остряк!
– Черта с два, – говорю я ему. – Мне только не хватало, чтобы ты шнырял у моих дверей!

Джек с усмешкой оборачивается к Бо: – Как это грустно, не правда ли? Он совершенно не доверяет своей женщине. Конечно, он знает, что стоит ей увидеть меня, красивого, и память о нем улетучится у нее из головы.

Я оставляю их смех за спиной, но и сам хмыкаю себе под нос. Все мы знаем, что у Касси из головы что-нибудь улетучится только в том случае, если она этого захочет. За это, между прочим, я и люблю эту женщину так сильно.

2

Ньюфорд, май

«У меня входит в привычку являться после закрытия», – думала в тот вечер Венди, торопясь от автобусной остановки к зданию реабилитации. Было около половины десятого. Она пришла бы раньше, если бы не катастрофа на работе. Полетел компьютер Марли Батлер, где сидели все файлы для ближайшего выпуска. Она как раз занималась оформлением этого самого выпуска. Пока их постоянный железячник пытался привести его в чувство, остальные копались в памяти своих компьютеров и перерывали старые дискеты, чтобы собрать выпуск заново, на случай если Ральфу не удастся спасти машину Марли.

В конце концов Ральф совершил очередное чудо, но несколько файлов полностью восстановить не удалось. Пока всё прогнали, заменили пострадавшие файлы свежими, было почти полвосьмого. Поскольку с самой катастрофы все работали без перерыва, ужинать пошли всей компанией, так что Венди только после девяти села в автобус, направляющийся в сторону реабилитации.

Честно говоря, Венди не слишком досадовала на задержку. Что бы ни говорила Касси, ей вовсе не хотелось торопиться с объяснениями. Как рассказать подругам о своих переживаниях, не создавая новых сложностей в отношениях? Еще подумают, что она хочет или даже просит, чтобы они отказались от замечательных приключений в стране снов. Неужели она должна заставить Джилли еще и перед ней чувствовать себя виноватой за ту свободу, которую там обрела?

Но Венди просто боялась остаться одна.

Венди, вздыхая, брела через стоянку. Добравшись до двери здания, она вдруг замерла. Что-то толкнуло ее обернуться. Что-то на стоянке, мелькнувшее перед глазами, но не дошедшее до сознания...

Она пробежала взглядом по асфальту, через темные участки к углу, освещенному светом фонаря, и в глаза ей бросился розовый «кадиллак», полускрытый здоровенным внедорожником, без которого нынешняя молодежь не может добраться до соседнего квартала. Она застыла, не сводя взгляда с автомобиля. Как же раньше-то она не заметила?

Венди видела эту машину на карте из колоды Касси, Софи видела ее у дома Джилли. «Кадиллак» принадлежал младшей сестренке Джилли, а значит, Рэйлин и ее подруга сейчас...

– О господи, – вырвалось у нее, – Джилли!

Развернувшись на месте, она рванула дверь. Посреди длинного коридора, прямо напротив палаты Джилли, двигались люди. На руках у высокой блондинки бессильно обвисло тело в пижаме. Другая женщина, темноволосая, небольшого роста, тянула их к двери в противоположной стене.

– Эй! – крикнула Венди им вслед.

Даже не обернувшись, обе скрылись в дверном проеме. Венди бросилась бегом по коридору, но сестра, выскочившая из-за барьера своего поста, поймала ее за локоть.

– Впуск посетителей окончен, – твердо заявила она, – и мы бы попросили вас не кричать...

Венди вырвала руку и пробежала дальше. Она слышала за спиной голос медсестры, просившей кого-то вызвать охрану. Еще из дверей палаты она увидела, что постель Джилли пуста. Чувствуя, как колотится сердце, Венди метнулась через коридор туда, где скрылись женщины. Гладкая стена, ни малейших признаков двери. И действительно, двери располагались в шахматном порядке, так что ни одна не приходилась напротив другой.

Но она же своими глазами видела, как они вышли из палаты и скрылись точно напротив, никуда не сворачивая.

– Я вызвала охрану, – заговорила подоспевшая сестра, снова хватая ее за локоть. – А теперь будьте любезны...

– Вы идиотка! – огрызнулась Венди.

– Если вы думаете...

– Так вы охрану вызвали? Прекрасно. Может, охранники объяснят нам, кто похитил мою подругу. Хотя если они соображают не лучше вас, надежды мало.

– Что?..

Венди ткнула пальцем в пустую палату.

– Моя подруга исчезла.

Рука медсестры соскользнула у нее с локтя.

– Но она даже питаться самостоятельно не может, не то что уйти...

– Да что вы?! Так вот, я видела, как ее уносили две женщины. Потому и закричала. Я думала, они нырнули в дверь напротив, но тут нет двери.

– Должно быть, в соседнюю палату, – предположила сестра.

Она повернула к двери налево, чтобы заглянуть в нее. Венди открыла правую. Они не увидели никого, кроме двух спящих пациентов. Венди заглянула под кровать. Никого. Открыла дверь ванной – пусто.

– Вы только что их видели? – переспросила сестра, когда они снова сошлись в коридоре.

Венди кивнула.

От поста подбежала вторая дежурная с охранником. Тот бросился к Венди, но первая сестра остановила его взмахом руки.

– Кто-то забрал одну больную, – сказала она. Пока они обсуждали, что предпринять, Венди вернулась к посту и сняла трубку телефона. Вытащила из кармана джинсов визитную карточку Лу – он еще несколько недель назад раздал им всем карточки с номерами своих рабочих телефонов. Дозвониться удалось не сразу – выход на городскую линию оказался не через «девятку», а через «восьмерку», – но наконец в трубке послышались долгие гудки. Она прошла по коридору, насколько позволял провод, и выглянула через стеклянную дверь наружу. Розовый «кадиллак» стоял на месте.

– Это их машина, – указала Венди охраннику, когда тот вместе с сестрой вернулся к посту. – Розовый «кадиллак». Алло, Лу? – заговорила она в трубку. – Хорошо бы, ты приехал сюда. Кто-то похитил Джилли из палаты реабилитации.

3

В квартире тишина. Я чую запах смолы и пряных трав, еще не связанных в пучки, доносящийся из корзины на кофейном столике. Единственное освещение – горящая свеча. Смешная у меня жена. Пока мы жили в брошенных квартирах, она все вздыхала по электрическому освещению. Теперь оно у нас есть, а она продолжает жечь свечи.

Я вижу Касси, лежащую на диване, и думаю, что она спит, хотя и странно, почему перед сном она не задула свечу. Потом замечаю, что глаза у нее открыты и она улыбается мне. Потягивается по-кошачьи и протягивает ко мне руки. Я стою несколько секунд, любуясь этим зрелищем, а потом ныряю к ней под одеяло и на время забываю обо всем, кроме моей единственной женщины.

– Бо сказал, ее называют Благодатью? – спрашивает Касси чуть позже.

Мы сидим на кухне, запивая виски горячим кофе.

– Вообще-то это Джек сказал, – уточняю я. – Бо предложил «Судьбу» и «Фортуну».

– Ты думаешь, такие абстрактные понятия могут ходить и рассуждать?

Я пожимаю плечами:

– Любой может выбрать себе любое имя – или его могут как угодно называть другие. Это не означает, что имя соответствует содержанию.

– Но может и соответствовать?

– С духами все возможно, ты не хуже меня знаешь. Весь манидо-аки живет по принципу «почему бы и нет?».

Касси кивает:

– Правда, я ни разу не встречалась с воплощением, скажем, Любви. Или Мечты. Вроде греческих и римских богов.

– Я не говорю, что они существуют или не существуют, потому что не знаю. Но у каждого есть что-то, что дается ему особенно хорошо, и некоторые получают имена по этому свойству.

Она усмехается:

– Вроде тебя с твоими костяшками.

– Спасибо, что не помянула Шалого Пса, моя сахарная.

Она хихикает, но я все же получаю подзатыльник.

– Не выражайся, – велит моя любовь, словно сама только что на диванчике не шептала мне куда более сильные словечки.

– Возвращаясь к делу, – продолжает она, – что, если она права? Что будет, если вы все-таки разберетесь с теми волчицами-сновидицами? Не вздумает ли она тогда разобраться с вами?

– Смотря по тому, насколько сильно ее это задевает. И насколько сильна она сама. – Я перевожу дыхание, прежде чем спросить: – По-твоему, я должен послушаться?

– Что? Когда речь идет о Джилли? Ни в коем случае. Я просто взвешивала все «за» и «против».

– Я никогда не строю планов, имея дело со старыми духами, – говорю я ей. – Невозможно предсказать, на что они способны.

Я бы охотно поговорил еще о том, откуда вдруг у Нокомис взялась сестра. Если послушать Ворона или болтовню Коди, она с самого начала была всем, что составляет мир под ногами: землей, водой и луной, отраженной в воде. Если уж она имела сестер или братьев, то это был прежде всего Микомис, представлявший небо, солнце и небесные громы, хотя чаще Микомис считался ее первым супругом, а громы – его братьями.

Так я и не понял, кто же навел на Бо в лагере – что за женщина, насколько она стара и сколько в ней силы.

Но тут звонит телефон, Касси подсакивает, и все это остается невысказанным. На втором звонке Касси уже хватает трубку. Я слежу за ее лицом и вижу, что новости плохие, не знаю только насколько.

Касси кладет трубку и смотрит на меня.

– Это Венди, – говорит она. – Звонила из реабилитации. Джилли похитили – ее сестра и какая-то блондинка.

«Эта сестра меня порядком утомила», – думаю я.

– Лу она позвонила? – спрашиваю.

Касси кивает:

– Еще раньше, чем нам. Он уже в пути.

– И мы тоже, – говорю я.

Встаю из-за стола и возвращаюсь в гостиную, чтобы надеть ботинки и рубашу. Касси проходит в ванную и оттуда выбрасывает мне чистую футболку. Потом одевается сама. Бывает, ей за час не выбрать наряда, хотя собираемся-то мы всего лишь в книжный магазинчик по соседству. А на этот раз я не успеваю завязать шнурки, а она уже одета и ждет меня.

Сегодня она обошлась без ярких цветов. Простые синие джинсы, темно-зеленый джемперок, коричневые туристские ботинки.

– Даже не знал, что у тебя есть такая тусклятина, – говорю я, пытаюсь разрядить напряжение.

Но Касси не то что мои родичи – у нее даже уголки губ не дрогнули в улыбке.

– Я тревожусь за Джилли, – говорит она: не объясняет свой выбор одежды, а требует не валять дурака и пошевеливаться.

Я беру ее за руку, и мы вступаем в Мидон – междумирье, – чтобы самой короткой дорогой добраться до здания реабилитации. Касси щурит глаза и крепко цепляется за мою руку. Ей не нравится место, откуда можно видеть одновременно и манидо-аки, и Мир Как Он Есть. «Мне подавайте либо одно, либо другое, – говорит она, – а среднего не надо». Но ничего не поделаешь – так быстрее. Добираться нам через полгорода, но несколько торопливых шагов переносят нас к реабилитационному центру, и мы попадаем из междумирья прямо на его порог.

У дверей уже стоит полицейский.

– Мы по вызову лейтенанта Фучери, – говорю я ему, когда он пытается преградить нам дорогу.

Я лгу, но это не важно. Важно попасть в здание, а если дела обстоят так, как я предполагаю, Лу действительно понадобится наша помощь.

Оглянувшись, я вижу, как коп чешет в затылке, пытаюсь сообразить, как это мы вынырнули из ниоткуда прямо у него под носом.

4

Пока Венди со старшей медсестрой ждали полицию, успели подъехать еще несколько человек из охранной фирмы. Они оставили охранника стеречь розовый «кадиллак» и еще одного у входа, а остальные прочесали здание и окрестности. Вернулись ни с чем.

«Потому что они ушли в другой мир», – думала Венди. Она успела все осмыслить, пока ждала помощи. Другого объяснения нет. Но попробуйте втолковать это Лу,

– Говоришь, сюда и ушли – прямо сквозь стену? – спросил он, когда она показала ему отрезок коридора, где видела Рэйлин и Розы, уносящих Джилли.

– Понимаю, как это звучит, – отозвалась Венди, – и... да признаю, я стояла в конце коридора, довольно далеко. Но я видела, как они вышли из палаты Джилли и прошли прямо поперек коридора. И сразу исчезли. Была уверена, что скрылись за дверью. А когда мы увидели, что двери здесь нет, то решили, что они нырнули в одну из соседних. Но мы обыскали палаты по обе стороны и...

– Мы обыскали *все* палаты, – вмешалась старшая медсестра, – а также подвал, все кладовые, кухню и физкультурный зал, лоджии и сквер.

– А поскольку они пешком, – кивнул Лу, – то далеко не ушли. – Он приложил ладонь к стене, надавил. – Но не могли же они пройти сквозь стену.

– Как посмотреть, – произнес новый голос. Венди обернулась навстречу Джо Шалому Псу, подходившему к ним вместе с Касси. Лу нахмурился, вероятно удивляясь, каким образом эта пара преодолела кордон из его подчиненных, расставленных вокруг здания.

Разве он не приказал никого не впускать без его разрешения?

Касси между тем обняла Венди.

– Ты в порядке? – спросила она.

Венди кивнула.

– Полагаю, это по твоей части, – обратился Лу к Джо, тоном выражая невысказанное: «и мне это совершенно не нравится».

Джо кивнул:

– Похоже на то.

Все они знали, как относится Лу ко всему, что не вписывается в привычную картину мира. Он прожил в Ньюфорде достаточно долго и успел повидать немало явлений, не поддающихся объяснению, однако каждый раз умудрялся впихнуть увиденное в особую коробочку с ярлыком «аномалия» и оставаться на позициях рационализма. В присутствии Джо, Кристи, профессора Дейпла и им подобных он чувствовал себя неуютно: принимая то, чего он и в мыслях не допускал, такие люди одним своим существованием подрывали основы его мировоззрения.

Если им с Джо случалось столкнуться на вечеринках у Джилли, они обычно избегали друг друга. Так казалось проще обоим. Но сегодня деваться было некуда, и Венди отметила, что Джо, по крайней мере, стремится произвести наилучшее впечатление, держась как скромный, но знающий свое дело помощник. И ему это удавалось, к удивлению Венди, знавшей, каким решительным и даже отчаянным бывал порой Шалый Пес. Сейчас, однако, Лу, пристально всмотревшись в его спокойное и уверенное лицо, нехотя кивнул.

– Что ты имел в виду, когда сказал: «Как посмотреть?» – спросил он.

– Я имел в виду, все зависит от того, как ты смотришь на мир и что ожидаешь в нем увидеть.

Лу испустил тяжелый вздох:

– Я уже слышал лекции профессора – не стоит терять время, повторяя их для меня.

– Ты видишь стену, – продолжал Джо, словно не слыша его, – а я вижу дверь.

С этими словами он шагнул к стене и без малейшего усилия погрузился в нее. Венди услышала, как ахнула медсестра. Лу выругался. А сама Венди инстинктивно ухватила за руку Касси за миг до того, как та шагнула следом за Джо. Она чувствовала, что Касси пытается вырвать руку, но только крепче сжала пальцы. Стена бросилась ей в лицо, и она зажмурилась, но ее рука, а следом и она сама потянулись вслед за Касси, и мгновение спустя все трое оказались в незнакомом ей лесу.

Касси обернулась к ней:

– Ох, Венди!

В первый момент Венди ни о чем не могла думать. Они миновали какое-то странное место, где Венди казалось, что ужин вот-вот покинет ее, но это ощущение быстро проходило. Сейчас она ощущала только трепетный восторг. Вот он, мир духов! И она здесь, по-настоящему и взаправду здесь!

Она осознала, что стоит с открытым ртом, и закрыла его. Попыталась улыбнуться Касси и Джо, однако ее обаяние не оказало привычного действия – во всяком случае, на Джо, если судить по его нахмуренным бровям. Сейчас он мог бы преподать Лу урок по части демонстрации свирепого вида.

– Тебе здесь нечего делать, – заявил он. – Касси мне нужна, чтобы привести Бо и Джека из дома сердца Коди, а я должен попытаться отыскать след. Не знаю, сколько их будет, но в прошлый раз, когда мы столкнулись с сестрицей Джилли, при ней была целая волчья стая. Нам просто некогда с тобой нянчиться.

– Я... я только хотела помочь... – заикнулась Венди.

– И повидать страну снов, – добавил Джо.

– Ну да. Это тоже. Но я не такая уж беспомощная. Могу о себе позаботиться.

Суровый взгляд Джо на мгновение смягчился.

– Знаю, – отозвался он, – обычно можешь. Но здесь – нет. Поверь мне. А нам надо

спасать Джилли, а не присматривать за тобой.

– Но...

– Я могу взять ее с собой, – предложила Касси. – Мне ведь на ту вершину к Коди, верно? Что там опасного?

Несколько секунд Джо разглядывал их и наконец кивнул:

– Ладно. Держись тропы и слушайся Касси, – велел он Венди. – Обещаешь?

– Да, да, обещаю!

Джо повернулся к Касси:

– Они нужны мне как можно скорее.

– Постараюсь, – заверила Касси, – но ты же знаешь Джека. Он меня и слушать не станет, пока не исполнит танец глухаря на току.

Джо кивнул и растаял среди деревьев, двигаясь бесшумнее призрака.

– Он ведь на самом деле на меня не злится? – спросила Венди.

– Нет, просто беспокоится.

Касси взяла ее за руку и уверенно повела по тропе, невидимой для глаз Венди.

Когда первый восторг прошел, Венди начала разочарованно вздыхать. Лес, которым шли они с Касси, не слишком отличался от лесистых склонов гор Кикаха, куда приятель, помешанный на туризме, таскал ее в походы. Попадались незнакомые деревья, и стволы стояли просторнее, но ничего похожего ни на лес-собор, о котором взахлеб рассказывали Джилли и Софи, ни на рисовавшуюся ее воображению сказочную чашу, где за каждым деревом мелькают духи, эльфы и прочие волшебные лесные жители. Воздух, правда, изумительно чистый, и она понимала, что имела в виду Джилли, когда уверяла, что, дыша им, можно обходиться без еды, но она-то ждала настоящих чудес.

– Нечего жаловаться, – твердила она себе, – мы не развлекаться пришли, а помочь Джилли.

И все же, все же...

Венди уже готова была заговорить с Касси и только не знала, как выразить свои чувства, чтобы не показаться неблагодарной, и тут заметила, как сильно похолодало. Она удивленно огляделась по сторонам. Когда это листва успела облететь с ветвей, а земля подернуться изморозью?

– Надо было захватить куртки, – заметила Касси. – Не подумала я, что придется проходить через такие холодные участки. – Она покосилась на Венди. – Замерзла?

– Я... мне...

– Ничего, скоро потеплеет.

И действительно, стоило им подняться на взгорок, лес оборвался, воздух стал жарким, и прямо из предзимья они шагнули в тепло цветущего летнего луга.

– Да-а, – протянула Венди, – чудно...

Касси рассмеялась:

– Я и забыла, что для тебя это внове.

– Да уж. И Софи с Джилли ничего такого не рассказывали.

– Потому что мы проходим по текучим землям – здесь время течет быстрее, чем в Мире Как Он Есть. Получается, что времена года и соответствующие пейзажи сменяются вокруг тебя, как на прокрученной с большой скоростью киноленте. Все они являются, по выражению Джо, *абинас-оди* – домами сердца. Местами, куда люди уходят во сне, где им спокойнее всего, где они чувствуют себя настоящими. У каждого из нас есть такое место: и у тебя, и у меня, и у Родственников – у всех, – так что большая часть страны снов – настоящее лоскутное одеяло, сшитое из таких клочков земли.

– Ну, – сказала Венди, – только я собралась спросить, где же чудеса, – и вот они! Хотя... я ожидала другого.

– Ожидай неожиданностей – любимая поговорка Джо.

– А что, все дома сердца такие? – спросила Венди. – Я хочу сказать, горы, леса... дикая

природа?

– Места бывают такими же разными, как и люди. Каждый по-своему представляет себе дом. Все зависит от того, куда ты отправишься. Скажем, город Софи...

– Мабон?

Касси кивнула:

– В нем целые кварталы – дома сердца людей, которые привязались к ее созданию. У других дома в темноте, или под водой, или на клочках земли, занятых огромными фабриками... Есть даже места, представляющие собой невообразимую путаницу каких-то трубок и небывалых механизмов. – Она передернула плечами. – Все, что можно вообразить, – лишь бы кому-то там было уютно. Большинство людей бывают в этих местах только во сне и забывают их, проснувшись.

– Я так точно не забуду, – вздохнула Венди.

Хотя ей вспомнились ночи, когда она просыпалась с ощущением неопишемого счастья, чуть приправленного сладкой горечью, но это была тоска по чему-то неясному, оставшемуся позади.

Местность вокруг них продолжала меняться, и Венди совсем запуталась, хотя Касси теперь и пыталась объяснить ей сложную логику сновидений. Больше всего ее смущало, что ей не удастся заметить стыки между временами года. Только что они карабкались по скалистому склону, вдыхая весеннюю прохладу, – и вот уже пробираются дремучей чащей, замершей в летнем зное, – но мгновения перехода она не могла уловить, как ни старалась.

Наконец они вышли из вечнозеленого леса, и вокруг них выросли крутые красные скалы.

– Подходим, – предупредила Касси. – Теперь местность не будет меняться.

– А мне, пожалуй, даже нравилось, как все переключалось.

– Может статься, ты все-таки прирожденная путешественница по стране снов.

Венди улыбнулась ей. Склон здесь круто поднимался вверх, и, хотя они уже больше часа шли быстрым шагом, она нисколько не запыхалась.

– Такое чувство, будто домой попала, – сказала она.

Касси кивнула:

– Где-нибудь в стране снов ты среди множества лоскутков наткнешься на один, который *на самом деле* твой дом, – по крайней мере, я надеюсь, что ты найдешь его. Хотя очень многим так и не удается побывать в доме своего сердца наяву.

– А ты в своем бывала?

Касси кивнула.

– Какой он?

– Совсем не похож на этот. Это место принадлежит Коди, хотя, по словам Джо, Коди сейчас о нем забыл, и домом завладела шайка псовых.

– Псовые – это как врановые, только они волки, да?

– Волки, лисы, койоты, собаки...

При этих словах перед ними открылась плоская вершина, и желание Венди повидать обитателей страны снов исполнилось. У костра сидели двое – оба темноволосые и темнокожие, одеты во что попало. Один выглядел совершенно обычно, зато у второго под широкими полями черной шляпы вместо человеческой виднелась волчья голова.

Венди ойкнула и уцепилась за руку Касси.

– Все в порядке, – успокоила ее Касси, – они-то нам и нужны.

«Перестань пялиться, – приказала себе Венди. – Они могут обидеться».

Но мужчины сами разглядывали ее с откровенным любопытством, особенно тот, что с волчьей головой. Он поспешно вскочил и галантно приподнял шляпу.

– Будь я проклят! – воскликнул он. – Молись без устали, и ты получишь то, что просишь! Дамы, мы к вашим услугам! Скажите лишь слово, и мы навеки ляжем у ваших ног покорными рабами любви.

Касси хохотала:

– Джек, ты все такой же обольститель! Только тебе надо поработать над текстом сценария. А то я чувствую себя так, будто я не в прекрасных диких горах, а в какой-нибудь паршивой забегаловке семидесятых годов.

– Пусть эти горы прекрасны, но они не идут ни в какое сравнение с тобой и с твоей неотразимой спутницей.

– И неплохо бы тебе убрать волчью морду, – не слушая его, добавила Касси.

Венди заморгала, глядя, как волчьи черты переплавляются в красивое темнокожее мужское лицо. Преображение так зачаровало ее, что она чуть не пропустила мимо ушей названные Касси имена.

Бо махнул ей рукой со своего места у костра.

– Рад познакомиться, – улыбнулся он.

Но любвеобильный Джек Вертопрах, разумеется, не мог ограничиться одними словами. Сердечно улыбаясь и блестя зубами, он прижал шляпу к груди и шагнул к Венди с явным намерением заключить ее в объятия. Она не могла решить, оттолкнуть его или поступить более вежливо и спрятаться за спиной Касси. Ей никогда не нравились люди, которые, не успев поздороваться, бросались обниматься. Как бы обаятельны они ни были, она всегда ежилась под их прикосновениями.

– Мало сказать, рад познакомиться, – ворковал Джек, – поверь, для нас в этой пустыне высшее счастье и честь...

Касси перехватила его, избавив Венди от мучительных колебаний. Облапив Касси, Джек через ее плечо подмигнул Венди.

– Не будь ты подружкой моего лучшего друга... – сказал он в ухо Касси.

Та добродушно похлопала его по спине и выскользнула из объятий.

– Видишь, что за несчастье? – обратилась она к Венди. – Все эти псовые, и в особенности наш добрый друг Джек, живут в своем либидо круглосуточно семь дней в неделю.

– И в чем же тут несчастье? – удивился Джек.

Касси его не слушала.

– Сказки обычно об этом умалчивают. Возьмем, к примеру, «Красную Шапочку». Когда рассказывают, что волк съел бабушку...

– Касси, это неприлично! – воскликнул Джек, откровенно ухмыляясь.

– Да что ты говоришь? Я имею в виду, – продолжала Касси, – что они не нарочно. Просто распутство у них в генах...

– Любо послушать, как она выражается, – вставил Джек.

– Но они никому не навязываются.

Джек обернулся к Венди:

– Нам навязываться не приходится!

Бо наконец поднялся и подошел к болтающей троице.

– Ты знаешь, что мы всегда рады тебя видеть, – обратился он к Касси, – но я догадываюсь, что тебя привело к нам что-то более серьезное, чем просто желание поставить Джека на место.

– Мое место – твое место, – ухмыльнулся Джек. – Тут все просто.

– Нас послал Джо, – сказала Касси. – Те волчицы, за которыми вы охотитесь, похитили Джилли из больницы. Он идет по их следу и просит вас присоединиться.

Венди поразила молниеносной перемене, происшедшей с Джеком. В мгновение ока галантный шут стал серьезным. Если только что ей хотелось спрятаться от его слишком смелых ухаживаний, то теперь она готова была попятиться в страхе. Такое случалось и с Джо, хотя он чаще не флиртовал, а просто дурачился. Как видно, быстрая смена настроений была общей чертой псовых.

– Давно? – спросил Джек.

– Мы с ним только что расстались.

Джек кивнул Бо:

– Пошли, напарник. Доведем дело до конца.

– Мы оставили его в...

– Найдем, – бросил Джек.

Они сделали шаг, другой и пропали, словно проскользнули за невидимый занавес. Венди, разинув рот, уставилась в пустоту.

– Как они это делают? – спросила она.

– Туда, где однажды побывали, они попадают простым усилием воли. У Народа это врожденное – как и смена обличья. Во сне мы тоже это проделываем, и наяву можем научиться, хотя это не так легко.

Венди глядела мимо Касси на красный каньон, уходящий, казалось, в бесконечность. Она была околдована открывшимся видом. Красные скалы горели среди зелени хвои, необъятное небо над ними светилось такой синевой, что щипало глаза. Никогда в жизни Венди не видела ничего хоть чуточку похожего – разве что на картинках в книгах и путеводителях.

– Наверное, нам надо возвращаться, – сказала она, не скрывая сожаления. – Лу кондрашка хватит.

Касси кивнула:

– Надо, только сначала я хочу попробовать одну штуку.

Следом за ней Венди подошла к краю обрыва. Приложив ладони ко рту, Касси издала резкий, отдавшийся эхом крик. Вырвавшись из глубины ее груди, он словно вспорол тишину каньона.

«Что...» – успела подумать Венди, в то время как Касси еще дважды повторила крик.

Потом она уже ни о чем не думала, а лишь в изумлении сделала шаг назад.

Из-за скал-шаманов, столпившихся перед ними, поднялся сияющий золотой дракон. Потрясенная Венди ахнула, рассмотрев, что сказочное чудо состоит из великого множества птиц, летящих плотной стаей.

– Золотые орлы, – пояснила Касси, когда птицы, нарушив строй, разлетелись в разные стороны. – Джо мне говорил, что они показывают это представление, если их вежливо попросить. Он сказал мне, что кричать, и вот сработало, хотя я сама не понимаю, что это значит.

– Я... никогда в жизни...

Касси улыбнулась ей:

– Я тоже. Думала, он меня разыгрывает. – Она взяла Венди за руку. – Тебе на память.

Та только кивнула.

– А теперь, к сожалению, нам пора возвращаться в реальный мир, – добавила Касси.

– После такого он покажется призрачным, – сказала Венди. – Словно здесь оригинал, а наш мир – только слепок с него.

Касси согласно пожала ей пальцы. И увела.

5

Манидо-аки

Надеюсь, я был не слишком груб с Венди. Просто не было времени на вежливость. Кто знает, что сделают те волчицы с Джилли? Ясно только, что ничего хорошего. Мало того, они скрыли свой след. Чертовщина, думаю, они даже не сознавали, что делают. Будь это обычный трюк псовых, я бы в нем разобрался. Тут что-то другое, но что именно – не могу понять.

Мне вспоминается, что я только что сказал Лу:

«Все зависит от того, как ты смотришь на мир и что ожидаешь увидеть».

Здесь это так же верно, как и в Мире Как Он Есть.

Вспомнив Лу, я задумываюсь, как мало он переменялся за прошедшие годы. Все такой же надежный и верный – редкость в современном человеке, тем более в копе. Я знаю, Джилли благодарна ему за то, что он тогда увел ее с улицы, но друзьями они стали потому, что Лу такой человек.

Полицейские зачастую рассматривают мир с изнанки. Легко видеть, как это их выматывает. Со статистикой резервации равняться трудно, однако по сравнению с обычными гражданами они слишком часто глотают пули из своих револьверов. А те, которые не глотают, лечатся от алкоголизма, или продолжают спиваться, или просто теряют способность что-нибудь чувствовать.

А Лу за столько лет так и не стал равнодушным. На мой взгляд, слишком строго держится буквы закона, но надо отдать ему должное. Единственное, что он утратил, – это душевную легкость. Должно быть, при его работе она уходит первой. Вот почему полицейский юмор такой мрачный.

Тряхнув головой, я заставляю себя думать о своей задаче.

Что я ожидал здесь найти?

Ответ простой: Джилли и волчиц, утачивших ее из реабилитации.

Почему я не могу их найти?

Потому что они скрыли след.

Как скрыли?

Сворачиваю сигаретку и закуриваю, глядя на деревья вокруг.

Скрыли... утаили... тайна...

И тогда я вспоминаю. Тайна, та, что связывает Джилли и ее сестру. И Джилли, и Анжела всегда называют жертвы насилия Детьми Тайны, и эта тайна объединяет их, отделяя от остальных. Что-то в самой глубине их существа отзывается при их встрече, как бы далеко позади ни остался их личный ад.

Вот, думаю я, куда они скрылись. Туда, куда попасть могут только Дети Тайны. Чтобы найти их, мне пришлось бы открыть какую-то запертую дверцу в собственной голове, но я не знаю, сумею ли, и у меня нет времени экспериментировать. Зато я знаю, кто может мне помочь, и ее найти будет нетрудно, потому что она своего следа не прячет.

Как я уже говорил, я не дерринимбл, но даром находить искомое в стране снов обладаю.

Я закрываю глаза и сосредоточиваюсь на ней. Примерно так Холли Рю – та приятельница Джилли, что торгует старыми книгами, – описывала способ, каким можно попасть через Интернет в чужие компьютеры. Посылаешь поисковую программку, и она прыгает, как мячик пинг-понга, пока не проскакивает в компьютер, оказавшийся незащищенным, после чего возвращается к тебе с информацией.

Я вместо программки посылаю мысль о том, кого ищу, а в остальном всё очень похоже. Тоже дело случая, и почти ничего таинственного и волшебного здесь нет. Мысль натывается на того, о ком я думал, отзывается эхом, и я знаю, куда идти.

На сей раз отклик прилетает быстро. И неудивительно – она всего несколько часов как попала в страну снов, все здесь для нее внове, так что она не могла далеко уйти. Я делаю последнюю затяжку, тушу окурочек и прячу его в карман. Потом выбираю тропу через текущие земли и спешу к ней.

Когда появилась Софи, Лу мерил шагами коридор перед палатой Джилли. По-видимому, он уже провел за этим занятием некоторое время. Приблизившись к нему, девушка в полицейской форме, конвоировавшая Софи от входной двери, робко откашлялась.

– Простите за беспокойство, лейтенант, – заговорила она, – но вот эта дама утверждает...

Она осеклась, когда Лу, обернувшись, махнул ей рукой:

– Все в порядке, Барби, спасибо, что привела.

– А где Венди? – спросила Софи, когда девушка вернулась на свой пост. – Я выехала сразу после звонка, но такси было никак не поймать и...

Лу ткнул пальцем в гладкую стену напротив опустевшей палаты. Софи взглянула в направлении его жеста и перевела взгляд на лицо.

– Не поняла? – сказала она.

– Нас с тобой двое непонятливых, Софи. Ни с того ни с сего все начали ходить сквозь стену. А с той стороны появляться и не думают. Никого, исчезли!

– Исчезли?

Лу беспомощно развел руками:

– За стенкой палата, но в ней никто не появлялся.

– И Венди ушла сквозь стену?

Лу кивнул:

– Вместе с Касси и Костяшкой. А до того – если верить Венди – сестра Джилли со своей приятельницей так же утащили Джилли.

– Но...

– Сам знаю, – перебил ее Лу. – Бред. Но я видел своими глазами. Шагнули прямо в стену, будто ее и не было, – и пропали.

Софи провела рукой по штукатурке.

– Если это фокус, – добавил Лу, – то чертовски удачный.

– Не фокус, – сказала Софи.

Лу угрюмо кивнул:

– Теперь и ты за ними собираешься?

– Я не сумею.

– Хоть какое-то облегчение, – отозвался Лу.

– Облегчение?

– Иначе и мне пришлось бы отправиться с тобой... – Он пожал плечами. – Мне и в этом мире хватает чертовщины, бегать за ней в другой нужды нет.

– Там не так уж плохо, – заметила Софи.

– Так все-таки ты там побывала? Софи слабо улыбнулась:

– Только в снах. – Она снова принялась рассматривать стену. – Говоришь, Касси и Джо пошли за Джилли?

Лу кивнул:

– И Венди за ними увязалась.

– Ну, это уже кое-что. Джо знает, что делает. Думаю, он и родом оттуда.

– Так он не валяет дурака, когда предсказывает будущее и держится так, будто видит что-то, что другим не видно?

– Все по-настоящему, – заверила его Софи и вздохнула. – Хотя у меня до сих пор с трудом поворачивается язык признать это вслух. Но мне всегда представлялось, что Джо из тех плутовских персонажей, которые одной ногой стоят в нашем мире, а другой – на земле снов. И Джилли уверена, что он старше, чем выглядит, и, как она говорила, могущественнее.

– Плуты... – проговорил Лу. – Они ведь отрицательные персонажи, верно? Преступники.

– Пожалуй, бывает и так. Но Джо на нашей стороне. Что бы там ни было, он не даст Джилли в обиду.

– Хорошо бы так, – проворчал Лу.

Софи кивнула. Хотя она понимала, что не все зависит от Джо. Все так закрутилось, что никого теперь нельзя было назвать хозяином положения. Кроме, может быть, сестры Джилли.

Манидо-аки

Медовая питбулиха не слишком удивляется, увидев, как я выхожу из лесу на поляну, где расположилась на отдых ее стая. Я предусмотрительно окликнул ее прежде, чем показаться на глаза. Завидев меня, псы поднимаются и обращают ко мне бесстрастные взгляды. Двое-трое скрылись в кустах, и я слышу, как они заходят мне в тыл.

Я опускаюсь на колени в траву, чтобы моя голова была на их уровне, и жду, опустив открытые ладони вдоль тела: никаких угрожающих жестов. Стая замирает, давая время тем, что позади меня, выйти на позицию. Потом медовая блондинка приближается ко мне.

– Меня зовут Джо, – говорю я ей. – В прошлый раз мы не успели представиться друг другу.

Ответа нет. Я уверен, что она меня понимает, но не знаю, может ли объясняться сама. Древняя кровь в ней есть, но очень немного, и вряд ли она хоть раз пыталась общаться с кем-то, кроме членов своей стаи – товарищей по заключению в Мире Как Он Есть.

По-моему, она признала во мне родича – по линии моей матери. Мать моя была желтой собакой из индейского лагеря кикаха – так рассказывают. В ее жилах было много старой крови, но с родственниками по этой линии ей встретиться не довелось. Она свободно меняла вид: палевая дворняжка – светловолосая женщина. Как придется.

Мне рассказывали, она была в человеческом обличье, когда повстречалась с черноволосым красавцем, в котором текла воронья кровь. Говорить она не могла – не знаю отчего, но, превращаясь в собаку, она тоже была немой, однако они поняли друг друга, как от начала времен понимают друг друга мужчина и женщина. Она оставалась с ним достаточно долго, чтобы на свет появился я, но потом собачья кровь взяла свое, и она вернулась в лагерь, а меня воспитал отец вместе с тетушками и дядюшками из врановых. Одна тетушка как-то проговорила, что отец не раз пытался вернуться к матери, летал за ней вороном по лагерю, но мать так и не сменила облика. Не слишком веселая история, но для меня и не слишком несчастливая. Могло быть хуже. Я мог и вовсе не родиться. Или достались бы такие родители, как у Джилли.

Угадывает ли медовая блондинка хоть что-то из моей истории, заглядывая мне в глаза? Не знаю.

Я мог бы и сам появиться перед ними в собачьей шкуре, но тогда дело обернулось бы совсем по-другому. Другой вид, другой запах... Скорее всего они порвали бы меня, так и не узнав. Не подумайте, что они чрезмерно злобные. Просто получили такое воспитание, вели такую жизнь, что нападение для них – самый естественный ответ на любую неожиданность.

– Ты не думай, – говорю я, – мы в расчете. Вы мне ничем не обязаны. Я сам захотел вас освободить.

Она слушает, не сводя с меня глаз и все так же молча.

– Так что я прошу об одолжении, – продолжаю я, – не более того. Вы можете согласиться или отказаться – я не стану думать о вас хуже. Но если вы мне поможете, я буду вашим должником, не сомневайтесь.

И я объясняю ей, какая мне нужна помощь.

Пока я говорю, стая ни на миг не теряет бдительности. Напряженная стойка, застывшие взгляды. Мне приходит в голову, что хорошо бы разрядить обстановку.

– Я сейчас надену собственное лицо, – предупреждаю я медовую блондинку. – Постарайся уговорить своих ребят не наскакивать на меня.

С этими словами я демонстрирую одно из своих настоящих лиц – морду палевого пса, унаследованную от матери. Я не часто ее открываю.

– У меня с ней дурацкий вид, – объяснял я Кас-си, когда она однажды стала меня

расспрашивать. – Напоминает о тех картинках на распродажах старья – знаешь, где собаки играют в покер.

– А волк или койот лучше?

Я, помнится, усмехнулся:

– Может, и не лучше, но они хоть заставляют вспомнить какие-то мифы.

– Пожалуй, мне больше всего по вкусу твое человеческое лицо. – Она погладила меня по щеке. – Ведь это лицо настоящее?.. Или нет?

– Настоящее человеческое лицо, – ответил я ей. Пес, ворон, человек... Это у вас-то смешанная кровь? Посмотрите на меня!

У стаи при виде перемены топорщится шерсть на загривках. Сейчас они видят перед собой чужую собаку. Справа слышится рычание, сзади чувствую какое-то движение. Но медовая блондинка, не дав никому опомниться и надеть глупостей, издает короткий лай – и все замирают. Мы с ней совершаем собачий ритуал знакомства, обнюхиваем друг у друга зады – одна из причин, почему я не слишком люблю этот облик, – и, похоже, я прохожу испытание. Теперь приходится повторить обряд с каждым представителем стаи по очереди. Завершив необходимые процедуры, я чувствую, как напряжение спадает.

Медовая блондинка толкает меня плечом и, убедившись, что привлекла мое внимание, устремляется к лесу. На краю поляны останавливается и лает. Я киваю и рысцой бегу за ней. Стая остается на месте.

Мне бы и их помощь не помешала в том случае, если сестра Джилли собрала всех своих волков, но нельзя требовать слишком многого. То, что блондинка согласилась помочь, – уже большая удача. Раз я сказал, что мы в расчете, – а она явно поняла, что я говорил искренне, – значит, она мне ничего не должна. Если делает для меня что-то – спасибо за великодушие. А может, ее растрогал мой рассказ о Джилли.

Как-никак, она тоже из Детей Тайны. Она сильна, умеет выжить в любой ситуации. Но суть ее души в том, что она стремится отдавать, помочь тому, кто слабее. В этом они с Джилли так близки, как никогда не будет близка Джилли ее сестра.

Джилли

Манидо-аки

Я еще долго лежу на влажной листве после того, как скрылся Тоби, но в конце концов поднимаюсь и тоже пытаюсь уйти. Мне удастся сделать не больше полудюжины шагов, а потом гейс снова захватывает меня и почти физически тянет назад. Когда я оборачиваюсь лицом к расселине, непреодолимая хватка ослабевает и сменяется равномерными призывными толчками. Я по-прежнему ощущаю потребность спуститься туда, где сестра тормозит Сломанную Девочку, – спуститься и позволить своей спящей половине слиться с беспомощной плотью.

Гейс никуда не делся; просто он больше не причиняет боли.

Забавно, как меняется точка зрения в зависимости от обстоятельств. Всего несколько часов назад казалось, нет ничего хуже, чем лежать прикованной к постели. Хотя рядом были друзья, вокруг хлопотал медперсонал, для меня делали все, что мне только могло понадобиться. И еще была возможность заснуть и отправиться на прогулку в лес-собор.

Теперь я была бы счастлива прокрутить стрелку часов на несколько оборотов назад. Разве там было так уж плохо? Ради бога, мне даже назначил свидание лучший из парней!

Ладно, пусть я не могу ни обнять его, ни поцеловать. По правде сказать, мы только и можем, что вместе смотреть кино и болтать. Учитывая мое прошлое, это в своем роде даже неплохо. Может, со временем мы стали бы друзьями. А потом, потихоньку, если получится, та часть меня, которая скукоживается при мысли об интимной близости, может быть, и расслабится, потому что успеет привыкнуть к Дэниелю. Успеет понять, какой он хороший, и совсем не опасный, и ничуть не похож на тех мужчин, которые окружали меня в начале

жизни.

Я вздыхаю. Не знаю, с чего это я так раз мечталась.

Нет, неправда. Знаю. Все предельно ясно – чтобы потянуть время. Чтобы не пришлось лезть в эту расселину и смотреть в лицо худшему, что есть в моей жизни: Сломанной Девочке и Покинутой Сестре. Потому что я знаю: как бы плохо ни было сейчас, стоит мне спуститься вниз, и все станет много хуже. Но тянуть время бессмысленно. Никакие всадники не вылетят из лесу мне на помощь. Никто и не знает, где я и что со мной, кроме Тоби, а он, прямо скажем, не слишком торопится протянуть мне руку помощи.

Так что я встаю, глубоко вдыхаю, чтобы успокоиться. Говорю себе: «Держись» – и начинаю спускаться.

Ноги скользят по влажной листве, усыпавшей откос, и мне приходится хвататься за тонкие деревца, чтобы не потерять равновесие. Я уже на половине спуска, а ни сестра, ни ее подружка Розы Миллер меня не замечают.

Первой поднимает голову Рэйлин. Глаза у нее чуть округляются, но в общем она, кажется, не слишком удивлена. Розы останавливается, не донеся огня до сигареты.

– Черт, – говорит она и подхватывает рюкзачок, валявшийся у нее под ногами.

Я не знаю, зачем он ей понадобился, но, когда она выхватывает из него пистолет и направляет его на меня, замираю на месте, не доходя до них десяти или, может, двадцати шагов.

– А зарядить не хочешь? – негромко тянет Рэйлин. – Патроны в коробке, завернуты в черную футболку.

Она неотрывно смотрит мне в глаза. Мне ничего не удастся прочесть в ее взгляде: о чем она думает, что чувствует. Пустой взгляд.

Не знаю, ищет Розы патроны или не стала. Может быть, уже нашла и заряжает пистолет. Может, уже готова выстрелить. Не знаю.

Я вижу только свою младшую сестренку и, так же как она, не отвожу глаз.

Не могу.

2

Вскарабкавшись на гребень, Тоби остановился, чтобы отдышаться. Позади густой стеной стоял лес. Болели все мышцы – даже те, о существовании которых он не подозревал. Он устал, очень устал, и неудивительно. Долгий подъем на дерево в Большом лесу с Джилли, поспешный спуск, гонка по зову ее гейса и еще более высокий темп почти без остановок – с тех пор, как он оставил Джилли возле расселины. Все это определенно начинало на нем сказываться. Но чего никак не сулило ближайшее будущее, так это возможности расслабиться.

Внизу под откосом он видел поляну – широкое поле, заросшее золотарником, деревеем и посконником, поднимавшимися из желтеющей травы. Красивое местечко, ничего не скажешь. Но не то, которое он искал.

Он где-то сбился с пути, выбрал не ту тропу через текучие земли. Теперь придется возвращаться и отыскивать нужную. Тоби физически чувствовал, как убегают минуты. Как последние песчинки, вытекающие из песочных часов. Стоит потерять еще немного времени – и он ни за что не успеет вернуться.

Значит, остается только идти через фабричный мир. Будь Тоби одним из Народа или сновидцем, мог бы добраться до цели простым усилием воли, мгновенно. Но для него такое невозможно. Хоть он благодаря настойчивости и отваге Джилли и стал настоящим, а все же оставался уроженцем между-мирья, со всеми ограничениями, которые накладывает такое происхождение. Но отступить Тоби не мог. Слишком многим рисковала для него Джилли. Он не имел права не ответить тем же.

Однако... фабричный мир...

Он не переносил тех мест, хотя не было более скорого пути через мир снов – Эдар знали это, как никто другой. Именно там скрещивались все тропы через текущие земли.

Бросив последний взгляд на гостеприимный луг под собой, он вернулся в лес и медленно прошел несколько шагов, пока не ощутил под ногами нужную тропу.

Очень скоро деревья вокруг умерли. Сначала появились желтые листья, словно он проходил через осень. Потом листья вовсе пропали, и над головой у него были мертвые голые ветви, а под ногами вместо опавшей листвы и хвои лежала сухая пыль, взлетающая позади дымным хвостом. Новая прогалина издали возвестила о себе лязгом и скрежетом, становившимися громче с каждым шагом. Затем деревья расступились: над ним было тяжелое серое небо, язык щипало от железистого привкуса, а в воздухе висела сернистая вонь.

Скоро кругом выросли здания: одни – готовые рухнуть, другие – возносившиеся к небу, этаж за этажом, кирпич и камень, стекло и сталь. Слышался непрерывный грохот невидимых механизмов, выполняющих непостижимую работу, единственная цель которой, казалось, заключалась в том, чтобы производить этот немислимый шум.

Здесь не росло ничего живого, и путники редко заходили сюда, на перекресток множества дорог. Ядовитые дымы, близость железных механизмов отпугивали созданий мира снов. Земля же таила в себе провалы и ямы, в которых неосторожного подстерегали лужи цианидов и прочие смертоносные химические отбросы.

Тоби торопливо пробирался к центральной площади, где сходились тропы текущих земель. Он закрывал лицо рукавом, чтобы отравленный воздух, проходя сквозь ткань, хоть немного очистился. Дважды растрескавшаяся почва проваливалась под ним, и он чудом успевал перескочить на твердую землю, оставив за собой бурлящие темные колодцы. На площади его встретил оглушительный грохот механизмов, не дававший собраться с мыслями.

«Ищи нить, – твердил себе Тоби. – Голубую с зеленью. Эхо волшебного луга».

И он уже нашел ее и вышел на нужную тропу, когда его окликнули по имени. Обернувшись, он увидел появившегося из-за угла Гремучку. Вздвигнув, Тоби заставил себя сосредоточиться на своем деле и по найденной тропе устремился в благословенную тишину. Но еще не скоро замолк гул в его ушах, позволив расслышать голоса природы – вздохи ветра в кронах, одетых широкими листьями, и его тихий звон в цветах синей вербены, которая благоухающим ковром покрывала раскинувшийся впереди луг. Еще немного – и ее аромат изгнал промышленный смрад, проникший в ноздри и ткань одежды.

Свернув с тропы, Тоби прижался спиной к дереву и стал ждать. Он надеялся, что Гремучка отстанет от него, но тщетно.

Тот возник на тропе, принес с собой, как и Тоби, эхо металлического лязга и фабричную вонь, постепенно растворявшиеся в благоуханной тишине луга.

– Ну-ну, – заговорил Гремучка. – Куда это, спросил я себя, так спешит наш добрый Тоби Чилдерс, Буас? Так спешит, что ему некогда даже словечком со старым другом перекинуться. – В его темных глазах поблескивала издевка. – Ах да, мы ведь не друзья! Я же не из тех, с кем можно дружить, – твои слова, а?

– Я... я тебя не боюсь!

– А следовало бы. Нас ведь с тобой здесь только двое. Бэйнбридж давно померла, так что новых сказок не будет. Не прибежит на помощь рыжая толстуха Мэгги Редвир или еще какая из ее трогательных маленьких героинь. Они все истаяли в забвении – остались ты да я.

Странное дело: слушая Гремучку, Тоби начал вспоминать. Все те истории, которые он напрасно пытался удержать в голове, вдруг вернулись, впервые за много лет. Все героини, которым он помогал поставить на место Гремучку. Он часто дивился, почему в рассказках Марджери Бэйнбридж неизменными персонажами были только они с Гремучкой, а героини всякий раз сменялись, хотя каждой доставалось что-то от имени писательницы и ее рыжие волосы.

И почему все это сейчас вспомнилось?

А Гремучка, видно, никогда и не забывал. Раньше, стоило ему заговорить, смутные воспоминания всплывали в мозгу и у Тоби. Но только смутные, и сохранить их ему никогда не удавалось. Теперь же все представилось ясно: от россыпи веснушек на носу Мэгги Редвир до ее удивительной пятнистой собачонки. Все вернулось и осталось в голове вместе с уверенностью, что теперь уж оно никуда не денется.

Он бы с удовольствием все это как следует обдумал, но сейчас надо было заниматься делом, а прежде – разобраться с Гремучкой. Тут Тоби поймал насмешливый взгляд Гремучки, и в нем с прежней силой ожили все старые страхи.

– Что-то с тобой сегодня не так, милый мой Тоби, – снова заговорил Гремучка. – Что бы это могло быть?

– Со мной все в порядке, спасибо. Но сейчас я должен...

– Ты... настоящий! – перебил его Гремучка. – Как?..

– Подарок от веточки с верхушки дерева из Большого леса.

Гремучка хмуро взглянул на него:

– Сказка, и больше ничего!

– Как и мы с тобой – прежде, – возразил ему Тоби. – А ты и теперь еще сказка.

– Отдай мне ту ветку!

Тоби в испуге вздрогнул. В кармане у него лежала веточка, оброненная Джилли, но Гремучке ее нельзя было отдавать. Она принадлежала Джилли. Пусть даже с первого раза она не сработала, но, может, если попробовать заново?..

– Ее... уже нет, – проговорил Тоби. Вытянув руку, он показал Гремучке оставшийся у него на ладони отпечаток. И увидел на его лице нескрываемую зависть.

– Может, мне удастся срезать ее с тебя, – задумчиво произнес Гремучка.

– Не выйдет, – торопливо заговорил Тоби. – Не будет работать. Ее больше нет, понимаешь? Теперь она – часть меня и больше ни на что не годится. Ты же знаешь, как работают чудеса. Если им вообще можно дать обратный ход, то отменить их может только тот, кто сотворил. Ты надеешься, что дерево Большого леса тебя послушается?

Гремучка молча рассматривал ладонь Тоби, пока тот, смутившись, не спрятал руку в карман.

– Ты тоже можешь такую раздобыть, – предложил он. – Если уж я сумел, то для тебя это легче легкого.

Но Тоби уже догадывался, что Гремучка, хоть минуту назад и объявил волшебство дерева сказкой, наверное, уже пытался. Наверняка пытался, так же как сам Тоби, и с тем же успехом – то есть безо всякого.

– Стало быть, ты настоящий, – процедил Гремучка. – И не важно, верят в тебя или нет, – ты все равно есть.

– Я... наверно, так.

Тоби не нравилось, к чему все идет. Он уже потерял слишком много времени. Задерживаться было нельзя, но просто взять и уйти он тоже не мог. От Гремучки так запросто не уходят. В особенности когда он в таком настроении. Задумчивом и опасном.

– Стало быть, можешь делать что хочешь и когда захочешь? – продолжал Гремучка.

Тоби кивнул.

– Тем более интересно, что ты делаешь здесь? Надумал собрать вербену, ясное дело, но зачем это Эдару, ставшему настоящим, понадобилась вербена? Насколько я знаю, единственное, на что она годна, – это снимать заклятия.

Тоби благоразумно промолчал. Он опасался, что, открыв рот, непременно проговорится.

– Ну, мой малыш? – настаивал Гремучка. – И сказать нечего? Может, небольшая трепка поможет тебе обрести голосок?

Вечно одна и та же история. Гремучка возникал неизвестно откуда – как сейчас в фабричном мире – и наседали на Тоби с ехидными насмешками, расспросами и угрозами, пока забава ему не наскучивала. Напоследок он обычно отвечивал ему затрещину или пару

пинков, после чего скрывался. Все это могло затянуться надолго, а у Тоби никогда не хватало духу дать ему отпор. Но сегодня другого выхода не было. Ему некогда было терпеть жестокие развлечения Гремучки.

Беда в том, что, став настоящим, Тоби не прибавил ни в росте, ни в силе. Грозный Гремучка по-прежнему на две головы возвышался над ним. И особого ума Тоби в себе не ощущал. В отличие от героинь Бэйнбридж, которые всякий раз находили способ перехитрить Гремучку, оставить его в дураках.

«Нет, – подсказала ему вернувшаяся память, – Не все». Мэдди Рейнольде из «Синей маски зимы» была ничуть не умнее его. Девочка из последней сказки Бэйнбридж просто не отступила перед Гремучкой. Он сверкал глазами, грозил и насмехался, но она не струсила, не сдалась, и в конце концов Гремучка скис и попросту сбежал.

«Нельзя отступать перед наглецами, – сказала она Тоби в той сказке. – Пусть они видят, что тебя не испугать. Что ты готов принять удар, но и сам будешь драться до последнего. Может, ты и получишь синяк под глазом, но зато они дважды подумают, прежде чем сунуться к тебе в другой раз, – можешь мне поверить».

Тоби улыбнулся воспоминанию.

«Можешь мне поверить».

Мэдди вечно повторяла эти слова. И обычно оказывалась права.

– Вспомнил что-то смешное? – окликнул его Гремучка.

Нехороший у него был взгляд – он ясно говорил, что сегодня насмешками дело не обойдется: жди затрешины, а то и чего похуже.

Тоби с трудом проглотил комок в горле, вспоминая задиру Мэдди – ее порывистый шаг, от которого подпрыгивали на спине тугие рыжие косички, и упорный взгляд блестящих глаз. Это воспоминание придало Тоби отваги, в которой он так нуждался сейчас.

– Не твое дело, чем я здесь занимаюсь, – сказал он храбро, не чувствуя никакой храбрости.

– Вот как?

Тоби хотелось закусить губу, но он остановил себя и просто кивнул.

– Может, ты теперь и настоящий, – предупредил его Гремучка, – но это не помешает мне тебя поколотить, мой крошка храбрец.

Тоби мотнул головой.

– Помешает, – уверенно заявил он. – Ничего ты мне теперь не сделаешь. Только трепаться и можешь.

Гремучка угрожающе шагнул к нему, но Тоби стоял твердо.

– Подумай сам, – сказал он Гремучке, соображая на ходу. – Я настоящий, а ты нет. Как по-твоему, что с тобой станет, если ты меня ударишь?

– Почему бы не попробовать?

– Попробуй! – сказал Тоби.

Он остался стоять, когда Гремучка замахнулся кулаком, и даже нашел в себе силы не зажмурить глаза. Гремучка замер с занесенной для удара рукой, и Тоби видел, как на лице его рослого противника сквозь ярость проступает нерешительность. Осторожность победила, и Гремучка, с силой ударив кулаком в ладонь другой руки, сверкнул глазами на Тобби.

– Ты что-то знаешь? – требовательно спросил он.

– Знаю, что для Эдар нет более скорого способа истаять, чем напасть на кого-нибудь настоящего.

– Ты никак грибочков нажевался?!

Тоби дернул плечом:

– Думай как хочешь. По дороге сюда на меня напал пагуб – пытался укусить. Так я оглянуться не успел, а он уже весь истаял. Видишь, – он вытянул вперед руку и закатал рукав, – даже следа зубов не осталось.

Пагубами назывались призрачные пережитки какой-то старой истории: обросшие серой шерстью люди-волки, унылые и озлобленные. Много лет они были пугалом страны снов.

Впрочем, потихоньку они таяли, как все Эдар, и те, с которыми Тоби сталкивался в последнее время, были уже совершенно безвредными призраками.

– Если узнаю, что ты мне наврал...

Тоби снова пожал плечами. Небрежный жест с каждым разом получался все непринужденнее.

– Сейчас я занят, – сказал он, – так что извини...

– Пожалуй, я пойду с тобой.

Тоби покачал головой:

– Я не разрешаю.

И, не дав Гремучке времени на ответ, он резко шагнул к высокому противнику, сжав пальцы в кулак. Ему с трудом удалось скрыть изумление, когда Гремучка отшатнулся назад. Кажется, Мэдди была права. Может быть, перед наглецами действительно нельзя отступать.

– Поразвлекайся с кем-нибудь другим, – посоветовал Тоби, – пока мне не вздумалось заняться тобой.

Гремучка вскинул раскрытую ладонь:

– Спокойно, мой добрый Тоби. Что это ты развоевался? Видишь, я уже ухожу.

Гремучка попятился назад, и Тоби приказал своему лицу оставаться бесстрастным, пока противник не ступил на быструю тропу и не скрылся из виду. Только тогда он позволил себе перевести дыхание. Коленки дрожали так, что хотелось сесть на землю, но такой роскоши он позволить себе не мог. Вместо этого Тоби заставил себя выбежать на луг и принялся срывать синие цветы, шепча каждому «прости» и «спасибо».

А в голове вертелась одна мысль: «Я выстоял! Перед Гремучкой! Я заставил его отступить. Он просто сбежал от меня!»

Если бы день отрастил крылья и упорхнул в ночь, оставив солнце озадаченно чесать в затылке, Тоби был бы меньше потрясен. Неужто такое возможно? Он же ничто и никто...

Тоби покачал головой. Ничего подобного! Он теперь настоящий.

Удивительное ощущение счастья, наполнившее его, не проходило – *не могло* пройти. Если бы не тревога за Джилли, он бы непременно прошелся колесом по траве. Однако Тоби продолжал срывать цветы вербены и сплетать их в венок.

Хорошо бы добавить сюда деревьев. Для здоровья. И пожалуй, веточку рябины. И тут он вспомнил о прутике, лежавшем у него в кармане. Веточка, сделавшая его настоящим, наверняка сумеет исцелить спящего двойника Джилли – Сломанную Девочку. Прутик и вербена – вдвоем они ее вылечат. Теперь Тоби казалось очевидным: в первый раз веточка не сработала, потому что Джилли тогда не была цельной. А когда обе половины объединятся, сработает наверняка.

3

– Ну-ну, надо отдать тебе должное, – наконец подает голос Рэйлин. – Не струсил явиться сюда, когда весь расклад против тебя.

Ее голос разбивает оцепенение, охватившее нас, и я моргаю. И скашиваю глаза на Розу. Она заряжает пистолет!

– Нельзя было оставлять тебя там, – говорю я, – в том доме.

– Вот тут ты права.

– Но ты же понимаешь, я сама была девчонкой. Когда выбралась оттуда, попала в такую передрыгу, что много лет ничего не соображала.

– Стало быть, все в порядке и ты ни в чем не виновата?

Я качаю головой:

– Нет, но я хочу, чтобы ты знала: я за тобой вернулась.

– Врать-то!

– Это правда. Но тебя уже не было, и дом стоял пустой.

Что-то холодное и темное проступает в ее глазах.

– Можешь спросить у Маргарет Суини, – говорю я.

– Эта старая перечница ни с кем говорить не станет – хоть спроси у нее, который час!

Я пожимаю плечами:

– Подумай сама, каково ей было – всякая «белая шваль» вроде нас понаехала в соседние дома и превращала землю, которая их кормила, которую они лелеяли, в помойку. Могла она любить нас?

– Господи, мне что, еще и ее пожалеть? Если уж она такая святая, почему за меня не заступилась?

– Мне она тоже ничем не помогла, – говорю я. – Может, не знала, что у нас делается. А может, тоже боялась Дэла.

– Я Дэла не боюсь!

– И я не боюсь – теперь. А тогда боялась.

– Надо было сделать, как я, – пустить кровь ублюдку. Может, тогда он оставил бы нас в покое.

– Ты с ним справилась?

Она хлопает себя по карману:

– Мы с подружкой – мадам выкидушкой.

– А у меня так и не хватило храбрости.

– Кажется, тут мы с тобой не похожи, старшая сестричка.

– Мы с тобой во многом не похожи.

– Господи, надеюсь, что так.

Мы проваливаемся в долгое молчание, просто разглядывая друг друга. Ей, кажется, так же любопытно, как мне, но любопытство не изгоняет из ее глаз черной злобы. Я делаю еще одну попытку.

– Я правда за тобой возвращалась, – говорю я. – Знаю, что слишком поздно, но, сбежав из дому, я пристрастилась к наркотикам и в конечном счете попала на панель. Несколько лет у меня в голове была настоящая каша. Но как только я выкарабкалась и начала соображать, что делаю, я стала разыскивать тебя. Хочешь – верь, хочешь – нет, только это правда.

– Это ты так только говоришь, – отзывается Рэйлин. – Просто я нагнала на тебя страху. Ты что хочешь наврешь, лишь бы спасти свою шкуру.

Я качаю головой:

– Я бы умерла за тебя.

Слышу собственный голос, произносящий эти слова, и удивляюсь. Я настолько чужда своей семье, что даже имя сменила, лишь бы не иметь с ними ничего общего. Всю жизнь изменила, и вот, говорю те слова, которые говорят друг другу родные. Наверное, семейные узы крепки – только это не узы крови. Просто обе мы – Дети Тайны, а крепче этих уз вряд ли найдешь. Даже если бы мы были совсем незнакомы, нас крепко-накрепко связывал бы пережитый ужас. А раз то, что случилось с ней, – моя вина, раз я это оставила – мне это и исправлять.

Если бы только знать как.

Рэйлин

Забавно: когда моя сестрица, оскальзываясь, съезжает к нам по откосу, красная пелена, каждый раз заливавшая мне глаза при виде ее проклятой фотографии, не появляется. Не знаю, куда она подевалась. Я ловлю себя на том, что жадно ее рассматриваю, – впервые не украдкой, через дверь больничной палаты, а прямо, лицом к лицу. Я вижу ее, она – меня. И знает, кто я такая. И я знаю, кто она такая.

И тут она начинает оправдываться, а я огрызаюсь и нападаю, но той глубинной черной злости нет как нет. О, я зла на нее, еще бы, но только сейчас я толком не сумела бы сказать, на что злюсь. Потому что она ведь правду говорит: была тогда совсем девчонкой. Что она

могла, кроме как сбежать и, ясное дело, вляпаться в новое дерьмо? И может, она за мной возвращалась, может, нет – теперь это не так уж важно.

Не поймите меня неправильно. Я не собираюсь разыгрывать счастливую встречу заблудших сестер или еще что в том же роде. Но вот гляжу на нее и не понимаю: чего я от нее ждала? Черт подери, она, может, только из-за меня и торчала так долго в проклятой дыре, которую мы звали домом. И мне вдруг вспоминается, сколько раз она меня предупреждала, чтобы я держалась подальше от Дэла, а я и не слушала, пока не стало слишком поздно.

Где бы я была, если бы Рози не подарила мне тот ножичек? А ведь я к тому времени была старше ее – и что, умела за себя постоять? У меня была Рози, а у Джиллиан Мэй никого не было, кроме чумазой малявки, из-за которой ей только тяжелее приходилось.

И тут она выдает самую убийственную реплику.

«Я бы умерла за тебя».

И, черт меня возьми, она ведь не врет.

Бывают люди, которые соврут и глазом не моргнут, но моя сестрица явно не из таких. Столько в ее глазах чувства, когда она это говорит, и, главное, ручаюсь, она не меньше меня дивится тому, что сказала.

Я только и могу, что пялиться на нее.

Не знаю, до чего мы могли бы этак договориться. И, как ни печально, уже не узнаю.

– Ну как, закончили? – спрашивает Рози.

Я оглядываюсь на нее. Она стоит, уложив ствол пистолета на сгиб локтя, будто младенца.

– Потому что мне не нравится, к чему это идет, – говорит она.

– К чему идет?..

– С ней. – Рози подбородком указывает на Джиллиан Мэй. – Ты что, сбрендил, Рэй? Погляди на себя – она тебя околдовала, а ты до того одурела, что и не видишь. У меня точь-в-точь такое чувство, как тогда на крылечке у мисс Люсинды.

– И что ты предлагаешь? – спрашиваю я. – Пристрелить ее?

– Это идея.

Оглянувшись на Джиллиан Мэй, я виноватожимаю плечами. Нам с ней надо разобраться, без вопросов, но о том, что предлагает Рози, речь не идет.

– Не ты ли меня совсем недавно уговаривала не заниматься уголовщиной? – спрашиваю я Рози.

– Было, – соглашается она, – но то в больнице посреди города. Другое дело здесь. Ни копов, ни законов... ничего.

– Рози...

– Христос в кукурузе, Рэй! Я всю жизнь слушала, как ты выплакиваешь свои обиды на сестричку. Все, что было у тебя в жизни дрянного, ты связывала с ней. А теперь что? Так ее и отпустишь? Какого черта? Нашла чем закончить!

Вот о чем я позабыла, глядя, как она целыми днями сидит с пивом и сигареткой перед экраном, – это какой крутой она умеет быть. По ее виду не скажешь, а ведь она пристрелила копа и порезала несколько человек – и женщин в том числе.

– Ты слишком много смотришь дневных ток-шоу, – говорю я Рози.

Она только головой качает и перекладывает на руке пистолет.

– Я покажу тебе, как надо кончать дело, – говорит она.

– Рози, не надо!

Я даже не думаю, что делаю, бросаясь к ней. И то, что сказала моя сестричка насчет умереть за меня, тут ни при чем. Просто это неправильно и надо остановить, вот и все. Коротко и ясно.

Но я не успеваю.

Рози стреляет.

И я не успеваю помешать ей спустить курок.

Зато вполне успеваю перехватить пулю.

Я принимаю ее прямо в грудь, и меня сбивает с ног, словно огромная рука возникла из ниоткуда и смахнула меня пальцем. И не проходит у меня перед глазами вся жизнь. А я бы и не хотела ее увидеть.

Но когда я валюсь на землю и жизнь вытекает из меня, мне вспоминается та несчастная дуреха из трейлерного парка. И что я не сдержу данного ей слова. Она будет думать обо мне так же, как я всю жизнь думала о сестре, а я ведь не виновата, что умерла.

Если, конечно, она вообще обо мне вспомнит.

– Ты покойница! – вопит Роза, и я не знаю, мне она кричит или сестре.

А потом я уже вообще ничего не знаю, а просто проваливаюсь в большую черную яму, только она вроде бы не подо мной, а наверху, и я падаю вверх к искорке света, которая горит на ее дне, в самой дальней дали.

Джо

Эта медовая питбулиха выводит меня прямо к ним. Я надеялся, что мы сумеем разобраться с этим делом без грязи, но я опаздываю, и ничего уже не поделаешь.

Мы успеваем увидеть, как высокая блондинка стреляет в Джилли, и, черт меня возьми, если ее сестра не выскакивает на линию огня и не принимает на себя пулю. На мгновение все замирает. Они даже не замечают нас с питбулихой. Блондинка опускает пистолет и круглыми глазами смотрит на мертвую подругу. А я смотрю на Джилли и вижу ужас на ее лице. Когда Джилли срывается с места, чтобы подбежать к сестре, блондинка поднимает голову. Кричит что-то и снова вскидывает пистолет.

Она целится в дух Джилли, живущий во сне, но тело ее лежит тут же. Кто знает, что станет с ним, если убить дух?

Я бросаюсь к блондинке, но питбулиха опережает меня. Она прыгает на женщину и опрокидывает ее в тот самый миг, когда раздается выстрел. Пуля уходит в сторону, рикошетом звеня по камням. Блондинка падает изогнувшись, пытаюсь понять, что сбilo ее с ног, вместо того чтобы смотреть, куда летит. От хруста, с которым ее голова ударяется о гранитный выступ, у меня сводит внутренности, и я понимаю, что она уже не встанет.

Питбулиха приземляется мягко. Упав на все четыре лапы, она сразу принимает боевую стойку. На прямых лапах подходит к мертвой женщине, коротко втягивает ноздрями воздух и тут же с визгом отскакивает. Похоже, убийства ей так же не по душе, как и мне. Когда она, поскуливая, оборачивается ко мне, я уже в человеческом облике.

– Ты не нарочно, – говорю я ей. – А ее надо было остановить. Я не успел, а то бы сделал то же самое.

Ее темные глаза неотрывно смотрят на меня, и я вижу в них, что мои утешения не помогают. Это дело долго будет преследовать ее. Я знаю, что она думает: с каждой отнятой жизнью мы становимся меньше. Вот чего многие просто не понимают. Да, надо прекращать насилие и убийства, но если прибегать для этого к насилию и убийствам, вы только ухудшаете положение.

Медовая блондинка поворачивается к Джилли, склонившейся над телом сестры. И я смотрю на нее. Джилли поднимает голову, руки у нее в крови, в глазах боль и недоумение.

Джилли

Я знакома с насилием, хотя много лет прошло с тех пор, как для меня, уличной девчонки, боль и смерть были обыденной реальностью, а не материалом газетных статей. То время позади, и в моем нынешнем опыте такого больше просто нет, если забыть о недавнем уличном происшествии.

То происшествие...

Когда Роза нацеливает на меня пистолет, я возвращаюсь в ту ночь. Замираю, будто

снова застигнутая светом фар. Потом звучит выстрел, и Рэйлин падает. Ее шаг навстречу пуле, предназначенной для меня, такой же удар, как и столкновение с несущимся автомобилем.

Я уже не помню о Розе с ее пистолетом, об угрожающей мне самой опасности. Осталось одно. Я, срываясь, скольжу последние ярды по откосу и падаю на колени в сырую траву рядом с сестрой. Трогаю ее дрожащими пальцами. Все мои мысли, чувства, знания сходятся в один узкий луч, направленный на нее. Я не хочу смотреть, но не могу отвести взгляд.

Смотрю на ее разорванную грудь. На неестественно откинутую голову. На подломившиеся ноги. С ужасом вижу, что она не дышит. Что глаза у нее закатились, открывая белки. Что она мертва.

Я хочу позвать ее обратно, оттуда, куда она ушла. Куда ее забрали. Пытаюсь обхватить ее руками и поднять, но она обвисает мертвым грузом. От ее крови пальцы у меня становятся скользкими, и мне никак ее не удержать.

Не знаю, сколько времени меня нет. Опомнившись, я поднимаю голову, ищу глазами Розы и недоуменно моргаю. Над ее неподвижным телом стоит Джо, а рядом с ним – светло-желтый питбуль.

Открываю рот, но голос отказывает. Когда они здесь появились? Что с Розы? Мне смутно вспоминается второй выстрел. Она что, застрелилась?

Пистолет валяется на траве рядом с ней. В руках у Джо ничего нет. Остается Сломанная Девочка, но она так и лежит бесчувственным мешком там, где я впервые увидела ее сверху. Мне ли не знать, что она не способна поднять пистолет, тем более нажать на курок.

Под ложечкой у меня что-то резко сжимается... *ко мне, ко мне...*

... я смотрю на Сломанную Девочку и поспешно отворачиваюсь. Вижу, что подходит Джо. Опускается на траву по другую сторону от тела Рэйлин. В его глазах мудреца-шута сочувствие.

– Жаль, что так кончилось, – говорит он.

Я снова открываю рот, но голос не возвращается, так что приходится медленно кивнуть. Я слежу за его пальцами. Он сворачивает сигарету, закуривает, вдыхает дым и выпускает голубовато-серую струйку. Предлагает мне, но я мотаю головой.

– Нам надо вернуться в реабилитацию, – говорит он. – Все здорово беспокоятся.

Мой взгляд падает на лицо Рэйлин. Измазанными в крови пальцами я закрываю ей глаза: один, потом другой. На веках у нее остаются красные пятна – как индейская боевая раскраска. Я прокашливаюсь и наконец обретаю власть над своим голосом.

– К чертям реабилитацию! – бросаю я.

Он, кажется, собирается возразить, потом кивает.

– Ну да, – говорит он. – Нам кажется, что мы уже от всего вылечились, да?

– Это несправедливо, – возражаю я, – и ты это знаешь.

– Пожалуй. Хотя чем дольше твой сонный дух отделен от тела, тем труднее будет потом. Тебе придется расплачиваться за все это, Джилли.

Я качаю головой:

– За многое придется расплачиваться.

– Я не о том, что случилось здесь.

– Все равно, – говорю я, – это случилось, верно? Моя сестра умерла. По-моему, я почти достучалась до нее, и тут она умерла. Я с ней целую вечность не виделась, а теперь уже никогда не удастся по-настоящему ее узнать.

– Было бы что узнавать! – доносится новый голос. Я поднимаю голову и вижу, что в расселине вдруг стало тесно. Нанабозхо я узнаю – встречалась с ним в Большом лесу. Второй, в черной шляпе, – тот, что заговорил, – мне незнаком, но по рассказам Джо я догадываюсь, что его зовут Джек Вертопрах. Тоже из псовых.

Они, похоже, возникли из пустоты – меня это не удивляет, потому что я уже

достаточно насмотрелась Народа, но питбулю, сопровождающему Джо, это явно не нравится. Из его груди рвется глухой рык. На самом деле я уже некоторое время слышала его краем уха, с тех пор как появились псовые, но до сознания он не доходил.

Джо поворачивается к собаке и бормочет:

– Все в порядке.

Ничего не в порядке. Какой же это порядок? Потом я вспоминаю, что сказал Вертопрах.

– Тебе, может, и нечего было бы узнавать, – говорю я, – а для меня в этом было все.

– Ох, ради бога! Скажи еще, она была святая!

– Джек! – предостерегающе окликает его Джо. Но Джек Вертопрах его не замечает.

– Она убивала наших родственников, – говорит он. – И знаешь зачем? Чтоб купаться в их крови. Помолодеть. Они пьянели от крови – она и ее стая.

Я поднимаю взгляд на Джо, и он неохотно кивает.

– Она много убивала, – говорит он. – Мы уже довольно давно охотимся за ней и ее волчицами. Когда начинали, еще не знали, кто она такая. Знали только, что ее надо остановить. Так или иначе положить конец убийствам.

Он говорит мягко, негромко, стараясь смягчить удар, успокоить меня. Хотя, мне кажется, он старается не только для меня, но и для Джека.

– Она была моей сестрой, – говорю я.

– Но она творила зло.

– Мне все равно. – Я снова смотрю на Джека. – Разве ты знаешь, через что ей пришлось пройти в детстве?

– И знать не хочу! – огрызается Джек. – По-твоему, это оправдание? С тобой плохо обошлись, и это дает тебе право делать что вздумается с другими?

– Нет, но...

– Джо говорил, вам обоим трудно пришлось, – перебивает меня Джек. – Ну скажи-ка мне, почему ты устояла, а она нет?

– И я могла пойти по той же дорожке, что она, – говорю я ему. – Просто мне помогли, нашлись люди, которые вытащили меня из канавы и показали, что есть другие пути. А у нее только и была эта психопатка с пистолетом.

– Чушь! Просто она такой уродилась.

Я встаю. Мне хочется схватить его своими измазанными в крови руками за глотку и придушить.

– Никто не рождается плохим! – произношу я звенящим от ярости голосом.

– Она и тебя собиралась убить, – говорит он.

– Это... это еще неизвестно.

Но здесь я теряю почву под ногами. Не знаю, зачем Рэйлин притащила меня сюда. Я не забыла ненависти в ее волчьих глазах. Не забыла уничтоженных ею картин – она наверняка нарочно выбрала те, что были мне дороже всего. Не знаю, дошла бы она до убийства, но причинить мне боль хотела, это точно.

– Ну а я уверен, – говорит Джек.

– Убирайтесь отсюда! – приказываю я. – Добились, чего хотели. Моя сестра умерла, в стране снов теперь все будет хорошо, так почему бы вам не оставить нас в покое?

Довольно долго Джек молчит. Мне кажется, он уже собирается повернуться и уйти, но тут все снова меняется.

2

Тоби слышал голоса, доносившиеся из расселины, и последние несколько шагов крался на цыпочках. Пристроившись за упавшим стволом над обрывом, он осторожно заглянул вниз и поспешно спрятал голову. Псовые. Двое... нет, трое. Слишком много. Сердце, и без того

колотившееся в груди после долгого бега, застучало еще чаще.

Он с трудом проглотил сухой комок в горле, не смея шевельнуться. Но чем дольше прислушивался, тем яснее понимал, что прятаться больше нельзя. Сонный дух Джилли был слишком слаб, чтобы справиться с такой толпой Народа. Хотя свет в ней горел все так же ярко. Душа Большого леса была на ее стороне – наверняка. Разве ей не позволено было сорвать те веточки? Если ее дух соединится с телом и исцелит его, тогда у нее, цельной и сильной, еще есть шанс.

И он заставил себя выпрямиться. Сжимая в руках венки вербены, в котором среди синих цветков и благоуханных листьев были вплетены молочные головки дерева и единственная веточка волшебного дерева Большого леса, он шагнул к обрыву и начал спускаться в расселину.

3

Ньюфорд

Софи вздохнула. Эта ночь напоминала то, как они сидели вокруг Джилли, лежавшей в коме, только сейчас их было меньше. И на постели не было бесчувственного тела. Они ждали в коридоре корпуса реабилитации, откуда исчезла Джилли. Софи, Венди и Касси сидели на полу рядом: она с Венди – поджав колени к груди, Касси – вытянув ноги и скрестив их в лодыжках. Лу с трудом оправился от шока, пережитого при виде Касси и Венди, возвратившихся в коридор сквозь ту же стену, за которой скрылись немногим раньше, и коротал время, расхаживая взад и вперед, пока не появилась Анжела. Теперь эти двое стояли, тихонько переговариваясь, в конце коридора.

Софи взглянула в их сторону. Для Джилли эта пара была вроде разведенных родителей. Лу забрал ее с улицы и привел к своей подруге, которая заставила девочку пройти программу детоксикации, помогла окончить школу и поступить в университет.

Теперь Джилли общалась с ними как с друзьями, но в первые годы они стали для нее приемными родителями – какими те и должны быть.

После их разрыва Джилли признавалась Софи, что чувствует себя ребенком, выбитым из колеи после родительского развода. Она любила обоих и знала, что они любят друг друга, – тем труднее было принять их горький разрыв. И Джилли преследовал детский комплекс вины. Правда, она лично была ни при чем, но все же причиной разрыва был разный подход к таким клиентам Анжелы, как Джилли.

Впрочем, сегодня, как и в ту первую ночь, оба отложили на время свои разногласия. Тревога и печаль объединили их.

Софи созвала бы и остальных друзей Джилли, но она не знала, что им сказать. Сама она теперь способна была допустить возможность того, что две женщины, проникнув в здание, унесли Джилли в страну снов сквозь стену, но убеждать в этом других – кроме разве что Кристи и профессора – казалось ей непосильной задачей.

Лучше подождать, говорила она себе. Пережить ночь. Касси уверяла, что Джо с друзьями сумеют выручить Джилли, так что надо было просто держаться. В любую минуту мог вернуться Джо с Джилли на руках, и тогда Джилли все объяснит сама, в обычном своем легкомысленном стиле.

Но тягучие минуты складывались в часы, а Джо не возвращался. Софи не теряла надежду, но беспокойство ее возрастало прямо пропорционально протекавшему времени. Была уже половина третьего, пять часов прошло с момента похищения. Ей не хотелось думать, что могло их задержать. Слишком хорошо она знала, что опасностей в стране снов не меньше, чем чудес.

Она покосилась на сидевшую рядом Венди. Со времени возвращения из страны снов ее окружало мягкое сияние, но при этом подруга казалась непривычно подавленной. Софи

протянула руку, сжала ее пальцы.

– Все будет в порядке, – сказала она, вкладывая в эти слова всю свою надежду.

– Надеюсь. Только...

– Ну, что такое?

Венди со вздохом покачала головой.

– Я чувствую себя такой дрянью, – сказала она. – Теперь, когда сама там побывала, понимаю, чем это было для вас. Разве вы могли не рваться туда?

– Ты это о чем? – не поняла Софи.

– Я просто чувствовала себя... выброшенной.

– Откуда?

– Из нашей троицы. Вы с Джилли обе уходили туда, а я оставалась вроде третьего лишнего.

– Никогда такого не было!

– Знаю, – сказала Венди. – Просто мне так казалось. А хуже всего, что я могла бы не допустить всего этого.

Софи непонимающе уставилась на нее. Венди опять вздохнула:

– Джилли чувствовала, что со мной что-то не так. Может, догадалась о моих переживаниях или просто заметила какую-то странность. Она передала мне через Анжелу, что хочет поговорить, а я застряла на работе, а потом, вместо того чтобы бежать сюда, отправилась ужинать со всей компанией.

– Все равно не понимаю, в чем ты себя винишь?

– Разве не понятно? – отозвалась Венди. – Приди я раньше, оказалась бы здесь, когда те ужасные бабы явились за Джилли. Могла бы их остановить.

– А скорее сама бы пострадала.

– Возможно. Но все равно подняла бы шум, и, может, охранники успели бы вовремя.

– Ох, Венди. – Софи крепко обняла подругу за плечи. – Я тебя понимаю, но, честное слово, тебе не за что себя упрекать.

На глазах у Венди выступили слезы.

– Просто... – Она запнулась и начала заново: – Не хочу, чтобы, может, последнее, что думала обо мне Джилли, было, что я на нее сержусь или что-то такое.

На лице у нее проступила боль. Высказанные вслух, страхи будто становились реальнее. Софи прижала ее к себе.

– Джилли никогда так не подумает, – сказала она, – и мы никогда тебя не бросим.

– Джо ее вернет, – заверила их Касси, сидевшая с другой стороны. – Положитесь на него.

– Полагаемся, – сказала Софи. Но ждать было так тяжело.

4

Манидо-аки

Все оборачиваются к Тоби, который съезжает по откосу, хватаясь за тонкие деревца, чтобы удержать равновесие, а другой рукой прижимает к груди венок из синих цветов, листьев и ветвей. Венок, кажется, сияет собственным светом.

«Ты меня не бросил», – думаю я.

После всего случившегося эта мысль кажется страшно важной. Как якорь, за который я могу удержаться, когда передо мной лежит мертвая сестра, а над ней стоят эти двое псовых и говорят жестокие холодные слова. Слушая их, я почти задыхаюсь. И тогда я ненавижу их, себя, мертвых Рэйлин и Розы: одну – за то, что убила мою сестру, другую – за то, что умерла.

Я смотрю на венок в руках Тоби. Первая мысль – что это цветы для Рэйлин, и я удивляюсь, откуда он знал заранее о ее смерти, но потом я осознаю, что это такое, для кого

предназначено и куда он умчался в такой спешке. Он бросился на тот волшебный луг, о котором мне говорил. Нарвал цветов и сплел их в венок для меня. Чтобы разрушить чары, что влекли меня к Сломанной Девочке.

Но все это уже в прошлом.

– Этого человечка я знаю, – произносит Нанабозхо. – Он вечно шныряет в Большом лесу, подсматривает за всеми.

Джек кивает:

– Какой-то Эдар.

Я начинаю понимать, что Тоби не слишком ошибался в своем суждении о Народe. Так мои соседи обсуждают бродячего кота – без приязни. Я с радостью вижу, что Джо не разделяет их чувств – не могу точно сказать каких. Пожалуй, легкой враждебности. Или досадливой скуки. Между прочим, я заметила, что питбуль на Тоби не зарычал.

– Что ты здесь делаешь? – обращается к Тоби Джек. – Для кого шпионишь, а?

– Он не шпион, – говорю я, поднимаясь с коленей. – Он мой друг.

И тогда Тоби встает рядом со мной. Выпрямляется и рассматривает их так же презрительно, как они его, чем удивляет меня, потому что я помню, как старательно он избегал столкновения с Народом.

– Я больше не Эдар! – говорит он им.

Джо тоже поднимается на ноги, и все трое псовых долго изучают Тоби.

– Молодец, – наконец произносит Джо.

Не знаю, что думают остальные двое, но, сдаётся мне, «молодец» в их мыслях не мелькает. Я уже достаточно на них насмотрелась и, думается, начинаю их понимать. Такие, как они, не любят перемен, кроме тех, которые вызывают они сами. И особенно не одобряют изменений, которые угрожают сместить их с верхней ступени пищевой цепочки. Поэтому я жду от них новой ехидной реплики.

Но неожиданно Нанабозхо произносит:

– Запах. Что-то знакомое, но вспомнить не могу.

Я в нем разочаровалась. По разговору в Большом лесу он мне понравился. А теперь я смотрю на него как на чужака, – такого же, как этот Джек Вертопрах в черной шляпе.

Джек кивает:

– Что-то старое. Глубокое.

– И тревожное, – добавляет Нанабозхо. – Только не понимаю почему.

Я скашиваю взгляд на Джо. У него тоже раздуваются ноздри, а его глаза – ничего не упускающие глаза – шарят по сторонам. Перехватив мой взгляд, он пожимает плечами.

– В воздухе что-то есть, – соглашается он, обращаясь к своим родичам. – Но, по-моему, ничего тревожного. Мне оно скорее напоминает мой *абинас-оди* – дом сердца, хотя он далеко отсюда.

– И тебя это не тревожит? – спрашивает Джек.

– Нет, только внушает любопытство.

Джек качает головой:

– Рядом кто-то, слишком хорошо знающий нас.

– Мне скрывать нечего, – отзывается Джо, – так что меня это не пугает.

– Это старше, – говорит Нанабозхо. – Старше секретов и страхов. Это напоминает мне мою гостью, заглянувшую на вершину Коди.

Трое псовых обмениваются взглядами, и я собираюсь спросить, о чем они говорят. Но Тоби дергает меня за рукав и, когда я оборачиваюсь к нему, подает венок.

– Надень его на Сломанную Девочку, – шепчет он. – Он снимет заклятие, я знаю, снимет. И думаю, вылечит ее. Тебя. Вас обеих.

Венок оказывается в моих руках, и тогда я понимаю, что почуяли псовые. Кажется, воздух вокруг нас застыл. словно лес, скалы – все затаило дыхание. И тут я замечаю вплетенную в цветы веточку из Большого леса. Это не просто венок целительной вербены, о которой толковал мне Тоби, – тут иная, более древняя магия, – и я, так же как он, верю: она

должна подействовать. Не помогла раньше, потому что тогда я была всего лишь сонным духом, но плоть и кровь Сломанной Девочки она исцелит.

И я снова буду здоровой, цельной.

Я могу выздороветь.

Мой взгляд соскальзывает с венка к телу сестры, лежащему у моих ног.

«Но тогда, – невольно думается мне, – если волшебство этой ветки властно возратить жизнь погибшим нервам и растерзанной плоти, не может ли оно возродить умершего только что человека? Как-никак, это страна снов! Тоби уверял, что ветви с вершины дерева Большого леса творят чудеса. Вернуть жизнь сестре – разве можно найти лучшее применение чуду?»

Сейчас. Здесь. Пока можно. Исправить то, чего не сделала раньше.

И я твердо знаю, что надо делать.

– Ты уверена в своем выборе?

Я моргаю, заслышав новый голос, исходящий будто из некой тайны, из воцарившейся вокруг тишины, когда все живое затаило дыхание. Я медленно кладу кольцо синих цветов и темных листьев, поднимая взгляд от тела сестры.

Миг назад в расселине было тесно. Сломанная Девочка и Тоби. Трупы Розы Миллер и моей сестры. Трое псовых и собака, которую привел Джо. А теперь мое спящее «я» стоит на коленях рядом с мертвой сестрой. Остальные исчезли.

Но я не одна.

Женщина, заговорившая со мной, находится там, где секундой раньше стоял Джо. Она напоминает мне Нокомис, Белую Бизониху, однажды показавшуюся мне в Большом лесу. Я уверена, что это она, хотя никогда не видела ее с человеческим лицом. Очень уж велико сходство, а никого другого, подобного ей, я в жизни не встречала. У незнакомки лицо круглое, как полная луна, а вокруг плывет кудрявое облако густых темных волос. На бронзовом лице древние как сам мир глаза: далекий и таинственный взгляд, полный тепла, исходящего из бездонной глубины.

Между тем мы уже не в расселине. Кругом стоят башни-деревья Большого леса или очень похожие на них. Только кажутся еще старше, еще необъятнее – если такое возможно. Окутанные тайной стволы мерцают внутренним светом.

Я возвращаюсь взглядом к женщине. В ее глазах – тот же свет. Она улыбается, и холодок страха, ползший у меня по спине, мгновенно исчезает. Но теперь я уже не так уверена, что вижу Нокомис. Я уже ни в чем не уверена.

– Кто... кто ты? – вырывается у меня.

Ее спокойная улыбка становится чуть шире.

– У меня нет имени, дитя, хотя мне давали множество имен. Если хочешь, думай обо мне как о духе, вызванном Вороном, чтобы дать жизнь первому лесу – вечной чаще, с которой начался мир.

– Значит... ты все-таки Нокомис!

Она качает головой:

– Вернее назвать нас сестрами. Она – земля. Я – лес. Есть и другие, подобные нам... в первом океане, в первой реке, в первом холме.

– Почему же у нее есть имя, а у тебя нет?

– И у нее нет имени. Ее только называют Нокомис.

– Вы не любите имен?

Она пожимает плечами:

– Мы не замечаем имен, и они не приковывают нас к одному состоянию бытия. Мы, видишь ли, постоянно меняемся – не что-то одно, но многое в одном. Бывало, меня называли Тайной и Судьбой. Бывало, Белой Оленихой. – Она опускает взгляд к лежащему между нами телу моей сестры. – А иногда называли Выбором.

Теперь я вспоминаю ее первый вопрос. Слова, перенесшие меня из расселины, где я стояла среди других, сюда, в место древнее и глубже всех, какие я повидала в стране снов.

Ты уверена в своем выборе?

Встав на колени рядом с сестрой, я поднимаю принесенный Тоби венок и прижимаю его к груди. Женщина садится с другой стороны от тела, двигаясь легко, как опускающееся на землю облако, неподвластное земному притяжению.

– Ты интересуешься, считаю ли я, что поступаю правильно? – спрашиваю я.

– Если хочешь.

Ответ звучит непонятно, но я не спрашиваю, как его понимать, а просто качаю головой. Я ощущаю в себе странную раздвоенность и осознаю, что она возникла с той минуты, когда в расселине появились псовы. Боль за сестру – как волна цунами, застывшая надо мной, готовая обрушиться. Но пока что она вне меня, и я, ощущая ее, могу в то же время разговаривать с незнакомкой, вместо того чтобы скорчиться под ударом горя и утонуть в нем.

– Не знаю, правильно или нет, – говорю я. – Там... где мы были сейчас... они мне сказали, что она делала страшные вещи. Но все равно я должна так поступить. Потому что однажды я уже бросила ее. Если ей можно помочь, как я могу снова от нее отвернуться? Каждый заслуживает, чтоб ему дали вторую попытку, разве не так?

Я пытаюсь прочесть ответ в ее глазах, но тайна, которая кроется в них, становится еще глубже.

– Может, и так, – отвечает она, – но каждый ли сумеет ею воспользоваться? Ты думаешь, твоя сестра сумеет?

Я гляжу на неподвижное лицо Рэйлин, на ее веки, испачканные кровью.

– Я... не знаю, – говорю я.

– И еще, – продолжает она, – ты должна решить, заслуживает ли второй попытки также твой брат?

– Нет! – вырывается у меня. – То, что он сделал с нами, – чистое зло.

– Но ведь и он не родился плохим? Ты сама сказала: плохим не рождается никто.

Я закрываю глаза. Она меня запутала.

– Мне кажется, ты стараешься меня отговорить, – говорю я.

Она качает головой:

– Я хочу только, чтобы ты осознала, почему делаешь такой выбор. – Помедлив, она добавляет: – Ты прощаешь сестре все, что она сделала?

Я мотаю головой:

– Это не мне прощать – это между ней и теми, кому она причинила зло. Я могу простить только то, что она сделала со мной, и надеяться, что и она меня простит.

– А если не простит?

– Не важно. Я все равно ее прощаю.

– А что, если я скажу тебе, что она станет насмехаться над тем, что ты сделала этот выбор?

– Дело не в том, что подумает она или кто-то еще, – отвечаю я, – дело в том, что я должна сделать.

Я снова смотрю на Рэйлин, провожу пальцем по ее щеке. Кожа уже остывает.

– Зачем мы здесь? – спрашиваю я. – Зачем ты перенесла нас сюда?

Женщина сидит по другую сторону от тела сестры. В ее глазах сияет свет.

– Ты – свет, который я видела на вершине дерева Большого леса, – говорю я, не дав ей времени ответить на первый вопрос.

– Я – из того света, – отзывается она. – Назвать себя этим светом может только сама Благодать.

– Ты позволила мне сорвать ветки. Зачем? Почему мне? Почему Тоби не сумел добраться до них без моей помощи?

– Ты тоже из этого света, – говорит она. – Мой свет и в тебе.

То самое, о чем всегда толковал Джо. Хотела бы я знать, знаком ли он с этой луноликой женщиной, в глазах которой сияет свет соборного леса?

– И Софи... – начинаю я. Она качает головой:

– Софи – дочь другой моей сестры... ты же знаешь. Я видела твою картину.

Она имеет в виду «Обретение потерянной матери». Я нарисовала ее после первого приключения Софи в сказочном мире. Женщина с лицом полной луны, все тело ее тонет в мягком золотистом сиянии. И она обнимает Софи. Я хотела, чтобы картина напоминала Софи о том, что она нашла в том мире, но она, хоть и повесила картину у себя в спальне, по-прежнему отвергала мысль о волшебстве в собственной крови.

В самом деле, женщина, сидящая передо мной, как родная сестра похожа на женщину с моей картины, но как мне это удалось, понятия не имею.

– Софи – волшебный дух, рожденный в человеческой оболочке, – говорит женщина. – Лунный свет, удержанный плотью. Но в нас с тобой другой свет. Можно сказать, мы родные друг другу.

При этих словах все во мне замирает. Просыпается издавна знакомое чувство. Сколько раз я представляла в детстве, что родители мои – ненастоящие. Не могут быть родными. Потому что родных детей ведь любят, разве не так?

Я откашливаюсь:

– Ты хочешь сказать, я подкидыш и...

Не дав мне договорить, она качает головой:

– Нет, я хочу сказать, что одарила тебя. Тебя и твою сестру.

– Но зачем?

Я сама себе напоминаю заевшую пластинку. «Зачем, зачем, зачем?...» Но не спросить не могу.

– Я была в том дереве, под которым ты любила лежать в детстве, – говорит она. – Слушала сказки, которые ты рассказывала. Видела веру, просыпавшуюся при этом в глазах твоей сестренки. И уверенность в истинности этих сказок – в твоих глазах. Я узнала в вас родные души и одарила вас светом.

– Обоих?

Она кивает:

– Ты вполне оправдала мои ожидания, но твоя сестра... – Ее голос переходит во вздох. – Я поняла, что надо ждать беды, когда она сожгла дерево. Но подобный дар, единожды данный, нельзя взять назад.

Я вспоминаю, как ездила в Тисон вдвоем с Джорди – столько лет назад. Как пусто стало у меня в сердце при виде почерневшего пня, оставшегося от любимого друга детства.

И это сделала Рэйлин?

– Свет, которым я тебя наделила, – продолжает моя собеседница, – может принести великую радость. Но может стать и бременем, потому что требует, чтобы тот, кто обладает им, превзошел самого себя. Одаривая им таких, как ты, я надеюсь, что и вы поступите так же. Что пронесете его туда, где темно, и передадите другим. – Спокойная улыбка опять освещает ее лицо. – Ты, раз отыскав дорогу из темноты, уже не сбивалась с нее. Не многим это удастся. Люди так легко забывают, что во всем есть душа, что все в мире равно. Что волшебство и тайна – часть ваших жизней, а не истории из книжек, забытых в детской, которые перечитывают только ради бегства от жизни.

– Так ты еще и муза?

– Кое-кто называл меня и так.

– Но ты – не она, потому что не хочешь быть кем-то одним?

– Вот именно. Да, я одариваю многих, но светом вечных деревьев, не талантом. С талантом надо родиться или вырастить его в себе.

Я счастлива слышать это. Я знаю, что вдохновение может прийти откуда угодно, из собственной души или из мира вокруг. Но мне не хотелось бы думать, что дар художника не часть нас самих, а нечто привнесенное извне.

– Многие оказались верны, как и ты, – продолжает она. – Сказители, художники, музыканты. – Она улыбается, говоря: – Кажется, многие склонны забывать еще об одном:

что все мы когда-то были сказками – все, каждый из нас. И слишком часто мы позволяем своим сказкам превратиться в пошлые анекдоты, или стать жестокими, или потерять связь с другими сказками. История продолжается, но в ней больше нет души. И она уже не питает нас.

Я снова возвращаюсь к словам профессора о том, что каждому нужна своя сказка. И в тех, кому в детстве не хватило сказок, живет вечный голод. Они сами не знают, в чем нуждаются. Знают только, что им чего-то не хватает. И чтобы обрести покой, им приходится пересказать свою жизнь.

И еще мне вспоминаются слова Кристи, без устали коллекционирующего цитаты. Он тоже знает, что сказки – необходимая пища. Однажды он прочел мне несколько строк из книжки Барри Лопеса о том, что бывают времена, когда сказки людям нужнее, чем хлеб, потому что питают потребность более глубокую, чем нужды тела.

– Я не рассказывала историй, – говорю я. – Я просто рисовала.

– И каждая картина была сказкой. Каждая напоминала, что в мире есть больше того, что мы ожидаем в нем увидеть.

Я медленно киваю. Наверно, она права. И Дэниель о том же говорил, и, может быть, именно потому я после несчастного случая и скрывалась в мире снов... не знала, смогу ли когда-нибудь снова рисовать, и пыталась по крайней мере жить в сказке, раз уж больше не могла ее создавать.

И я понимаю, о каком выборе говорит эта таинственная женщина, уверяющая, что знает меня с детства, с тех пор, как я укрывалась от своих бед под ветвями собственного вечного дерева. Я имею право назвать его так, потому что если все леса – эхо первого леса, то и каждое дерево должно быть отражением первого дерева, и мое дерево связывало меня с началом времен – тех времен, которые даже Джо и его родичи из Народа называют «давным-давно».

Но это знание не поможет мне сейчас.

Нужно выбирать: продолжать сказку, впервые открывшуюся мне в ветвях друга-дерева, вылечить Сломанную Девочку, чтобы она – чтобы я – снова могла рисовать... Или спасти жизнь сестре.

Но я уже сделала выбор.

Женщина с лицом как луна, запутавшаяся в облаке волос, со светом вечного дерева в глазах, может уговаривать меня хоть сто лет – я не передумаю.

– Он поможет? – спрашиваю я. – Венок, который сплел для меня Тоби?

Она кивает.

– Поможет и Рэйлин, не только мне?

– Только одной из вас.

– Понимаю. Я хотела уточнить – он на любую из нас подействует?

– Да, – говорит она. – Но тебе надо решить.

Я встречаю ее взгляд.

– Я уже решила. Еще до того, как ты перенесла нас сюда.

– Я знаю. Быть может, потому и перенесла тебя сюда. Чтобы поговорить с тобой, пока ты не ушла.

Я понимаю, что это значит. Думаю, понимала с самого начала.

– Я больше не смогу попасть в страну снов, да?

Помедлив, она склоняет голову:

– Скорее всего, нет. Во всяком случае, очень не скоро. За чудеса приходится платить, хотя их цена исчисляется не деньгами. Я... – Она снова медлит. – Свет леса только живет во мне, я над ним не властна. Будь моя воля, я дала бы тебе целую охапку волшебных веток, но свет не так щедр на дары.

Я слабо улыбаюсь ей:

– Иначе какие же это были бы чудеса?

Она кивает:

– Перенесенные трудности закаляют нас, делают нас тем, что мы есть.

Я задумываюсь, не следует ли понять ее так, что я должна быть благодарна брату и другим, причинявшим мне зло, раз пережитый ужас сделал меня в конечном счете такой, какая я есть. Но она уже качает головой. То ли читает мысли, то ли вопрос был написан в моих глазах. Думаю, разница невелика.

– О нет, – говорит она. – Ни для кого из нас не приготовлено предначертанного плана, определенного будущего, кроме того, которое создаем мы сами. Тот, кто принимает в себя тьму, сам обделяет себя.

– Это ведь тот несчастный случай позволил мне попасть в страну снов, верно? Не свет. Что-то у меня в голове сдвинулось, когда меня сбила машина.

– Свет связывал тебя с этими местами, – говорит она, – но дверь ты должна была отыскать сама. Мой дар скорее препятствовал твоему стремлению попасть сюда. Он сияет так ярко, что, перейди ты сюда во плоти, сделает тебя мишенью для тех, кто рад будет воспользоваться твоей неопытностью. – Она вздыхает. – Твоя сестра не единственная хищница в стране снов.

– И Джо всегда так говорил.

– Но свет открыл дорогу сюда твоему спящему «я», – говорит она. – А в этом состоянии ты не столь уязвима для опасностей, подстерегающих здесь.

– А когда я вылечу Рэйлин...

– На ее воскрешение уйдет и твой собственный свет. Кто знает, скоро ли он снова разгорится так ярко, как нужно для перехода границы?

Я киваю.

– Спасибо, – говорю я. – Спасибо, что ты нашла время поговорить со мной, пока мне не пришлось вернуться в Сломанную Девочку – мне ведь придется к ней вернуться, да?

– Если ты надолго оставишь ее одну, особенно здесь, у тебя не будет будущего.

«Может быть, так было бы лучше всего, – думается мне. – Потому что быть калекой, не иметь возможности рисовать, побывать в стране снов... что же это за будущее?» Но я отгоняю эту мысль, подкрадывавшуюся из какого-то темного угла в моей голове.

– Ты еще можешь выздороветь, – говорит мне женщина. – Давай надеяться на лучшее.

– Понимаю, – отзываюсь я. – Не беспокойся. Я не сдамся. Не сдавалась раньше и теперь не собираюсь. Такой уж... – я улыбаюсь ей светло, хотя в себе уже не чувствую света, – такой уж у меня талант.

– Один из многих, дитя. Может, и так.

– Так что все равно... спасибо, – говорю я.

И кладу венок на грудь сестре. В первое мгновение мне кажется, что ничего не выйдет, но потом, так же как у Тоби, свет пробегает по синим цветам и темным листьям – свет с самой верхней ветви самого высокого дерева Большого леса. Янтарная вспышка, в которой свиваются алые и зеленые, бирюзовые и золотые нити. Снова звучит хор, и неподвластные переводу слова словно возникают перед глазами. Теплый свет иного мира омывает мне лицо. Проходит мгновение, другое, и он замирает, гаснет. И вместе с ним гаснет что-то во мне. Наверное, тот самый свет.

Руки мои пусты. Точно так же, как веточка в руке Тоби, синий венок растаял в сиянии, растворился в моей сестре.

Рэйлин лежит неподвижно, но я вижу, как бьется жилка у нее на горле, как поднимается и опускается грудь. Я касаюсь ее щеки. Кожа теплая. Живая.

Одежда у нее пропиталась кровью, но я задираю футболку, изодранную пулями, и под ней – гладкая чистая кожа. Только под грудью – метка, такая же, как на ладони у Тоби. Янтарное пятнышко вроде родинки или татуировки в виде веточки – только у Рэйлин веточка обрамлена миниатюрным венком.

Я поднимаю взгляд на женщину, но ее уже нет.

Я снова в расщелине, и все усталились на меня.

– Какого черта ты сделала? – спрашивает Джек Вертопрах.

Он наступает на меня, но Джо рукой загораживает ему дорогу и указывает мне за спину, на склон.

– Это она, – говорит Нанабозхо, – та женщина с горы Коди.

Обернувшись, я вижу свою лунолицую собеседницу, стоящую среди молодых деревьев на середине склона. Лицо ее стало суровее, но Джека это не смущает.

– Так это что же?! – восклицает он. – Она оживет, и убийства будут продолжаться?!

Женщина долго молчит. А когда заговаривает, голос ее, как и лицо, много суровее, чем в разговоре со мной.

– Сохранится равновесие, – говорит она. – Оно сохраняется всегда.

– И что в нем для тех, кто уже мертв?

– Разве тебя ничему не научили злключения Коди? – спрашивает она. – Встать против несправедливости – дело отважных. Но месть никогда никому не помогает.

– Зато доставляет удовольствие, – парирует Джек.

Она качает головой:

– Спроси у Коди, много ли удовольствия доставила ему месть.

Ответить никто не успевает. Она поворачивается и уходит вверх по склону. Молчание длится, пока она не скрывается за гребнем. Потом Нанабозхо вздыхает.

– Что ж, нам и прежде случалось ошибаться, – говорит он.

– Но не в этот раз!

Услышав слова Джека, я встаю между ним и сестрой.

– Может, возмездие и не лучший выход, – продолжает он, – но убийства надо прекратить, а другого способа у нас нет.

– Никто ей ничего не сделает, – говорю я ему.

Собака Джо крадучись проскальзывает ко мне и останавливается рядом. Джо шагает за ней. Тоби встает с другой стороны.

– Как вы не понимаете, – настаивает Джек, – она уже слишком долго убивала. Теперь иначе нельзя. Раз уж она повадилась, так не остановится, пока с ней не покончишь.

– Ты о моей сестре говоришь, – бросаю я, – а не о какой-нибудь зверюге.

– К большинству зверей я питаю большее уважение, чем к таким, как она.

– Она умерла, чтобы спасти меня.

Джек опускает голову, разглядывая Рэйлин.

– На мой взгляд, она не слишком похожа на покойницу.

– Дадим ей вторую попытку, – говорит Джо.

– Тебе нужны новые убийства на твоей совести? – спрашивает его Джек. – Мне – нет. Все очень просто. Это женщина делала зло. Не однажды, а раз за разом. И мы сейчас можем это прекратить. А если тем самым она расплатится за прежние убийства, то, я считаю, это будет только справедливо.

– Ладно, – говорит Джо, – давайте-ка малость остынем. Хватит разговоров о наказаниях, возмездии и прочем в том же духе.

Джек таращит на него глаза:

– Что это ты раскомандовался?

– Разве ты не слышал слов старого духа?

– Слышал. И слышал, что рассказывал Бо о разговоре с ней на горе у Коди. И то, что я услышал, не нравилось мне тогда и не нравится теперь. Черт возьми, ты же тогда был заодно с нами, сам говорил, с какой стати нам повиноваться эдиктам, изданным какими-то старыми духами!

– Я прошу тебя прислушаться к ней не потому, что она – это она, – говорит Джо, – а потому, что она говорила дело. Всем нам известно, много ли хорошего добивался Коди каждый раз, когда пытался воздать кому-то по заслугам.

Джек качает головой:

– Ты размяк, Джо.

– А ты слишком уж зачерствел.

– Джо прав, – вмешивается Нанабозхо. – Уступи на этот раз, Джек. Еще немного, и мы передеремся друг с другом, а кому это надо?

– И что нам делать? – спрашивает Джек. – Позволить ей дальше убивать?

– Мы ведь не знаем, как оно будет, – возражает Нанабозхо. – Мой совет – подождать. Мы за ней приглядим. Если вздумает взяться за старое – найдем способ ее остановить. Только сдастся мне, что она не вздумает. Пока вы тут препирались, я успел хорошенько рассмотреть девицу. Вы замечаете, какой в ней свет?

Джек и Джо дружно рассматривают Рэйлин.

– Другой, – признает Джек. – Раньше был темным, а теперь нет.

Я тоже смотрю, но не вижу того, что видят они. Нанабозхо кивает:

– То, что они сделали, чтобы ее вернуть, вымыло из нее темноту. Догадываюсь, что ей несладко придется, когда она придет в чувство и вспомнит все, что натворила.

– А единороги? – спрашивает Джек. – Те, что еще живы?

– Ей придется помириться с ними – с живыми и мертвыми.

У Джека, похоже, еще есть что сказать, но он пожимает плечами и отворачивается – воплощенное равнодушие. Злость в нем погасла, будто ее и не бывало.

– Отлично, – говорит он, – можно и подождать. Тем более что меня ждет свидание с моей пумой.

Он вытаскивает пачку сигарет и угощает нас всех. И все берут по сигарете, даже я. Закашливаюсь, прикуривая от его причудливой зажигалки и вдыхая горький дым, но у меня есть причина потерпеть. По-моему, сигарета сейчас – вроде печати на договоре или как трубка мира у кикаха. Одобрительный взгляд Джо подтверждает, что я не ошиблась.

– Мы пошли, – говорит Джек и трогает пальцами поля своей черной шляпы.

Они с Нанабозхо делают шаг в сторону – и словно свернули за угол, которого здесь нет, и исчезли из виду.

Как только они скрываются, я, нагнувшись, тушу сигарету о камень и подаю Джо длинный окурочок. Тот прячет его в карман. Тоби трогает меня за руку.

– Зачем ты это сделала? – спрашивает он. – Чудо было для тебя, чтобы вылечить Сломанную Девочку.

– Знаю. Но я не могла оставить сестру умирать. Я ей кое-что должна.

– Но ведь теперь ты...

Я обнимаю его.

– Это не важно, – говорю я, дыша ему в макушку, – со мной все будет в порядке. Спасибо тебе, Тоби. Ты оказался самым верным другом.

Я выпускаю его, когда чувствую, как что-то твердое уперлось мне в бедро. Даже сейчас, после всего, что было!.. Он неисправим. Тоби ухмыляется и оттягивает штаны, чтобы скрыть выпуклость, но я знаю, что у него под ними творится, и Джо тоже смеется. Питбуль не обращает на нас внимания. Он смотрит на лежащее на краю расселины тело Розы, и на его морде горестное, совсем не собачье выражение.

– И что теперь будем делать? – спрашивает Тоби.

– Джилли нужно возвращаться, – говорит Джек.

Я мотаю головой:

– Дождусь, пока очнется Рэйлин.

– С каждой минутой, которую ты со своим настоящим «я» проводишь в стране снов, твоя связь с жизнью становится тоньше.

– Знаю, – говорю я Джо. – Она мне то же самое говорила. Но прежде чем возвращаться, мне обязательно нужно поговорить с сестрой. Если она останется в стране снов, мы, может быть, больше уже не встретимся.

– Мы еще вернем тебя сюда, – обещает Джо, – вот только поправишься... Просто надо немножко подождать.

Но я не разделяю его уверенности. Только поправишься... Неизвестно еще, поправлюсь или нет. А что до возвращения, то женщина-дух, предложившая мне выбор, вроде бы и

говорила, что оно возможно, но мне показалось, она сама не так уж уверена. А если возможно, так очень не скоро.

Я понимаю, как опасно сейчас задерживаться. Я ощущаю Сломанную Девочку как неотступную тяжесть, боль, зовущую вернуться к ней, снова стать цельной. Но так надо. И тут меня осеняет.

– А ты не мог бы забрать отсюда Сломанную Девочку? – спрашиваю я Джо.

Он задумывается и наконец кивает.

– Это помогло бы, – говорит он. – Но и тебе надо поторопиться. Вы обе слишком долго пробыли здесь.

– Потороплюсь, – соглашаюсь я. – Спасибо, что пришел за мной, Джо. И что заступился за мою сестру.

– Надеюсь, что не ошибся...

– Я тоже, – говорю я.

Потому что я не знаю. Я вовсе не так уверена, как хочу показать, что Рэйлин изменится после всего, что было. Знаю только, что до выстрела Розы она меня слушала. Между нами была связь. И ведь она шагнула под пулю, предназначенную для меня.

– Будем надеяться, она *в самом деле* изменилась, – говорит мне Джо. – Ради нее самой. Потому что если нет – Джек ее жалеть не станет. – И, помявшись в нерешительности, заканчивает: – И я тоже.

– Я понимаю, – говорю я ему.

Он делает шаг ко мне и прижимается лбом к моему лбу, положив руки мне на плечи. Я помню, он говорил мне однажды – это поцелуй жизни.

– Пожалуйста, – просит он, – не задерживайся надолго.

Затем поворачивается и проходит дальше по расселине, туда, где лежит Сломанная Девочка. Питбуль на миг задерживается. Он отвернулся наконец от тела Розы и смотрит теперь на меня. Я нагибаюсь погладить собаку, но она уклоняется и прижимается лбом к моему бедру.

– Где ты взял эту псину? – окликаю я Джо, когда питбуль торопится догнать его.

Он оглядывается, приостанавливается.

– Я ее не брал. Она пришла на помощь по дружбе.

– И как ее зовут?

– Она мне не говорила.

– Ну, поблагодари ее от меня, – говорю я.

Джо улыбается:

– Она не глухая. Сама можешь поблагодарить. Я благодарю, и собака отвечает мне коротким лаем.

Джо опускается на одно колено подле Сломанной Девочки. Повернувшись лицом к собаке, говорит что-то – я не разбираю слов, – и она прижимается лбом к его ноге, как только что прижималась ко мне. Потом делает шаг в сторону и исчезает. Я начинаю привыкать – и глазом не моргнула.

Джо поднимает Сломанную Девочку на руки.

– Не забудь, – окликает он меня.

– Помню: вернусь, как только смогу.

И он тоже исчезает, унося свою ношу в Мир Как Он Есть.

Зов, который тянул меня к Сломанной Девочке, пока она была здесь, сменяется сосущей пустотой в груди.

Минуту я смотрю на Рэйлин. С ней все по-прежнему. Спит, я думаю. Надеюсь. Лицо не стало бледнее, и дышит ровно.

Я поворачиваюсь к Тоби:

– Не хочешь помочь мне похоронить ее подругу?

– Не хочу, – отвечает он, – но помогу. Земля слишком твердая, да и копать нам нечем, так что мы просто складываем над ней груды камней. Тоби говорит, такие надгробия

возводили в старину. Работа тяжелая, но она помогает избавиться от мысли, что будет, когда Рэйлин очнется. Что я ей скажу? Как она на меня взглянет?

Я не знаю, чего ждать. И чего хочу, тоже толком не знаю.

5

Ньюфорд

– Слава богу! – вырвалось у Софи, когда Джо вышел из стены с Джилли на руках.

Она неловко поднялась на ноги. Их странное появление, видимая невероятность хождения сквозь стену едва коснулась ее сознания. Она видела только Джилли.

За спиной расплакалась Венди. Софи не удивилась. У нее самой на глаза навернулись слезы облегчения. Обернувшись, она помогла Венди подняться и они стояли, сцепив руки.

– Вы в порядке? – спросила Джо Касси. – Оба? Тот кивнул:

– Пока да.

Из конца коридора торопливо подошли Лу с Анжелой. Лу подхватил Джилли, и вдвоем с Джо они уложили ее на кровать. Следом вошли остальные, в палате стало тесно.

– Кто-нибудь позовет сестру? – спросил Джо.

– Я схожу, – вызвалась Касси.

Венди тронула Джо за руку, взглядом выразив ему благодарность, которую разделяла и Софи.

– О господи, как же мы беспокоились, – заговорила она, – сколько часов прошло! Мы уж думали, ты ее не нашел.

– Это еще не все, – сказал Джо. – Ее сонный дух остался на той стороне.

Софи мгновенно осознала, что это значит, но остальные недоуменно молчали, и по комнате расходились круги смутной тревоги.

– И как это надо понимать? – спросил Лу. Его лицо на глазах утрачивало выражение радостного облегчения.

– Так и надо понимать, что ее душа все еще в стране снов, – объяснила ему Софи.

– Почему же... почему она не вернулась с тобой? – всхлипнула Венди.

– Осталось незаконченное дело, – ответил всем Джо. – Но на сей раз Джилли сама так захотела. Никто ее не удерживал.

– Значит, еще не все? – спросила Анжела.

Джо покачал головой:

– Еще нет.

Он присел на край постели, пальцем гладя лоб Джилли. Анжела подошла к Лу, стоявшему в ногах кровати, обхватила его руками, спрятала лицо у него на плече. Лу обнял ее, похлопал по спине, но не отрывал взгляда от лица Джилли. Венди взяла Софи за руку, и, глянув в лицо подруге, Софи тихонько сжала ей пальцы. Потом они прижались друг к другу, ища утешения, и тоже неотрывно смотрели на Джилли, беспомощную неподвижную фигурку, лежащую на кровати. Обе искали, хотели найти в ее лице признаки жизни.

Джо через их головы уставился на дверь:

– Куда подевалась эта сестра?!

Рэйлин

Манидо-аки

Забавно. Вот я умираю, и впервые в жизни мне спокойно. Никогда себя так не чувствовала, даже совсем маленькой, до того как смылась моя сестрица; даже пока мы с Гектором были вместе. Где бы я ни была, одна или в толпе, всегда ощущала на своей душе

что-то вроде черного пятна. За свою жизнь я столько всего натворила, что иначе и быть не могло.

Я ведь не какая-нибудь патологическая личность, которая не ведает, что творит, и считает, будто весь мир крутится вокруг нее. Хотя я и вела себя так, будто не ведаю. Но я понимала, что поступаю плохо. Правда, никогда это ничего для меня не меняло, но тень этого понимания оставалась – что-то вроде осознания греха, надо полагать. Никуда не денешься от того, что с детства вбивали в голову чертовы священники и монахини.

Только теперь я, кажется, нашла выход: умереть, и все пройдет.

Прощенной я себя не чувствую – это было бы уже слишком. Зато чувствую себя забытой. Мир крутится себе дальше, а обо мне никто не думает, ни хорошо, ни плохо. Я исчезаю с экрана радаров, и мне это нравится.

Или, может, мир просто выплюнул меня как арбузную косточку, которую противно глотать. Мне все равно. Знаю только, что я падаю в темное ничто, направляясь прямиком к той светлой точке, которая, кажется, ничуть не приближается, но я все-таки двигаюсь к ней. И впервые в жизни мне спокойно.

Пока что-то не начинает тянуть меня назад.

Я барахтаюсь, но без толку. Что-то сграбастало меня и попросту волочит обратно. Уперлось, как старый мул, и ничего с ним не поделаешь. И я догадываюсь, что это такое. Это мое чертово «я» тянется к жизни. Начинаю вдруг ощущать свое тело. Дыры в нем закрываются, словно в меня и не всадили хорошую порцию свинца. Кровь растекается по жилам, легкие втягивают воздух. И черная метка греха снова поселяется у меня внутри, а покой уходит.

Я умираю, а больше не умираю, только и всего.

Перед глазами мелькает свет – вроде вспышек стробоскопа в тех клубах, куда таскала меня Роза, и вот я уже снова в собственном теле. Подо мной жесткая земля, на мне мокрая футболка, и ее лохмотья липнут к коже. Я сажусь и рассматриваю свою залитую кровью одежду. Потом поднимаю голову и осматриваюсь.

Вокруг лес, но мой взгляд тут же перехватывает здоровенная баба, сидящая рядом, и ничего другого я уже не замечаю.

Больше всего она походит на такую хиппующую матрону: большая – в самом деле большая – женщина в мешковатом платье, с круглой, как полная луна, физиономией, вокруг которой целое облако черных нечесанных кудряшек. Мне подобные встречались. Вид у нее такой, будто она перебрала с медитациями или обкурилась до предела, – вроде как все кости в ней растаяли. Хотя взгляд не из мягких. Глаза темные и глубокие, и внутри у них такой свет, что кажется даже знакомым, хотя я точно знаю, что никогда ее не видала.

– Это ты меня назад притащила? – спрашиваю я ее.

Матрона качает головой:

– Твоя сестра. Она отказалась от возможности вернуть себе здоровье, чтобы ты могла жить.

Мне нужна минута, чтобы обдумать это, разобраться.

– Хочешь сказать, она могла бы помочь себе, – наконец спрашиваю я, – но взяла и оставила себя калекой, лишь бы меня воскресить?

Женщина кивает. Я качаю головой:

– Умом тронулась!

И снова оглядываюсь по сторонам. Мы уже не в том овраге, куда мы с Розы затащили мою сестрицу. Деревья здесь до жути здоровенные и воздух густой, как сметана. Со стаей мы, бывало, пробегали подобные места, но все же не такие старые и... не знаю. Будто далекие от всего. Правда далекие. Даже не слышно ничего: ни шелеста, ни комариного жужжания, ни птиц, – а ведь вокруг лес. Только я и эта хиппующая матрона с лунообразным лицом.

– Куда все подевались? – спрашиваю я. – И между прочим, где это мы, черт возьми?

Она мне не отвечает, а заявляет вместо этого:

– Мне кажется, ты могла бы чувствовать благодарность за ее жертву.

Я хохочу, хотя мне совершенно не смешно.

– С какой стати? – спрашиваю я. – Мертвой я была счастлива. Ради бога, мне было спокойно!

Она качает головой:

– Чтобы обрести покой, не обязательно умирать.

– Ой, между прочим, «не обязательно» изображать задрипанного гуру, однако же кое-кто изображает.

Она отвечает мне таким спокойным грустным взглядом. Наверно, мне полагалось бы почувствовать, что мы друзья, что я ей не безразлична, только на меня это не действует. Друг у меня всего один, и это не она.

– Что тебя так рассердило? – спрашивает она.

– Есть на что разозлиться, когда снова оказываешься в собственной шкуре после того, как уже избавилась было от дрянной жизни.

– Да, конечно, – кивает она, – то, что сделал с тобой брат...

– Слушай, матрона! Ты же ни хрена не знаешь, что я чувствую, кроме того только, что мне не нравится быть живой и слушать твои поучения, да и это знаешь лишь потому, что я свою злость не прячу.

Она напоминает тех социальных работников, что заходили ко мне, пока я отбывала свои шесть месяцев в лос-анджелесской тюрьме. Всех этих ласковых сучек, которые не распознают твоей травмы, даже если она возьмет и цапнет их в зад. Правда, в лунной мамаше мяса хватит на троих таких, но в остальном – та же дрянь. Но тут она меня удивляет.

– Ты права, – говорит, – я никогда не была человеком и не испытывала того, что испытала ты, так что могу только догадываться, как это сказалось на тебе, к чему тебя подтолкнуло.

«Погодите-ка минутку, – думаю я. – Прокрутите малость назад».

– Как это понимать насчет «никогда не была человеком»? – спрашиваю.

Опять этот ее взгляд.

– За кого ты меня принимаешь, дитя?

Я ей не дитя, но все-таки отвечаю.

– За какую-то благодетельницу, которой вздумалось склеивать разбитое вдребезги, – говорю.

– А ты уверена, что разбитое вдребезги нельзя склеить?

Я пожимаю плечами:

– Я, матрона, ни в чем толком не уверена, но это сообразить могу. Я-то прожила жизнь, которую ты только со стороны видала.

Она медленно кивает мне и всплывает на ноги. Я снова дивлюсь. Не ворочается, кряхтя и ворча, как всякая жирная старая псина, а именно всплывает и безо всякого усилия оказывается на ногах.

– Что ж, – говорит она, – ничто не мешает тебе закончить то, что прервала твоя сестра своей жертвой.

– Не надейся, что мне станет стыдно, – огрызаюсь я.

Темные глаза, уставившиеся на меня, становятся тяжелыми и холодными, как грозовая туча.

– Ты думаешь, я хочу тебя пристыдить? – спрашивает она.

Мне не нравится, как она надо мной нависает, поэтому я тоже встаю, но это ничего не меняет. Отчего-то перед ней я чувствую себя совсем маленькой, и то, что она на две головы выше меня, тут ни при чем. Признаться, мне не по себе, зато любопытно.

– А чего же ты хочешь? – спрашиваю я.

– Ничего, – отвечает она. – Хотела только поговорить с тобой, пока ты не проснулась.

– Погоди-ка. Так я что – сплю? Это не на самом деле?

Она устало вздыхает.

– Ты умерла на самом деле, – втолковывает она мне. – Твоя сестра на самом деле пожертвовала нормальной жизнью, чтобы тебя вернуть. Ты на самом деле снова жива. Ничего этого уже не изменить. Сейчас ты находишься между потерей сознания и возвращением к нему. Не бойся. Когда проснешься, ты вольна будешь снова искать забвения.

Я только головой мотаю:

– Нет уж, ты меня не за ту принимаешь. Я что, психованная самоубийца? По-моему, у каждого свой срок помирать, и приближать его я не собиралась. Я не так устроена. Но за мной-то вроде как уже приходили. Я уже отправилась в путь, и никогда в жизни мне не было так легко и свободно. Выбросила никудышнюю жизнь на помойку и уплывала себе. И *это* у меня отняли.

– Продолжая ход твоих мыслей, – говорит женщина, – легко увидеть, что твой срок еще не настал.

В ее глазах по-прежнему грозовая туча, но голос ровный. И, черт побери, мне нечего ей возразить. Приходится кивнуть.

– То-то, наверно, Роза порадует, – говорю я. – У нее никогда не было склонности брать на себя ответственные решения.

В голову невольно приходит мысль: «Зато она ловко умеет спускать курок». Да и то в стране снов. А в обычной жизни все ее попытки решать что-то самостоятельно до добра не доводили.

И тут я ловлю взгляд этой тетки. Глаза у нее наконец потеплели, но в них теперь стоит что-то такое, чего мне никак не ухватить.

– Что еще? – спрашиваю я.

– Твоя подруга Роза умерла, – говорит она. До меня долго не доходит.

А потом я уже не смотрю на нее. Мне было плохо все те годы, пока она отсиживала срок, – но тогда мы хоть могли видаться на свиданиях и вместе бегать со стаей. А мира совсем без нее я представить не могу. Она была со мной с самого начала. Черт, если бы не Роза, я так и осталась бы любовницей маньяка-брatца, торчала бы в Козлином Раю. Без нее... Черт, теперь я понимаю, зачем меня вытащили обратно. Мир еще не все свои шуточки со мной сыграл.

Проклятие! Не могу поверить, что ее нет.

Чувствую, как слезы подступают к глазам. И в груди что-то сжалось и не дает дышать.

Проклятие!

Я с трудом проглатываю комок. Не собираюсь раскисать ни перед кем, тем более перед этой луно-ликой, у которой глаза вдруг стали слишком уж ласковыми.

– Сколько... сколько меня не было? – выдавливаю я.

– Недолго, – мягко отзывается она. – Всего час или два.

Я киваю. Как будто это что-то меняет. Что бы мы здесь ни говорили, Роза не вернешь. Но мне надо о чем-то говорить. Пока говоришь – держишься. Я сейчас как фарфоровая чашка на самом краю стола. Порыв ветра, чье-то неловкое движение – и я опрокинусь на пол, разлечусь на куски.

– Она тяжело умерла? – спрашиваю я.

– Она ушла быстро, – говорит женщина. – Когда ты упала, она пыталась снова выстрелить в твою сестру, но ее сбила с ног собака. Она упала неудачно, ударилась головой о камень и умерла мгновенно. – Немного помолчав, она добавляет: – Мне жаль.

– Да, еще бы! Ты меня не знаешь, и ее никогда не знала. О чем тебе жалеть?

– Каждая смерть уменьшает нас всех. Нельзя даже сорвать стебелек травы, не изменив мира. Перемена может быть заметна не сразу, и тем не менее она есть.

– Ты не только о Розе говоришь, да?

Я вспоминаю всех этих гордых рогатых коней, которых мы загрызли, – мы с Розой и остальная стая. Единорогов, у которых такая пьянящая кровь. Это вам не какие-нибудь стебельки травы.

– Теперь я понимаю, в чем твоя беда, – говорит женщина. – Ты делаешь поспешные выводы и будто в камне их высекаешь. Они становятся вечными истинами. По крайней мере, для тебя.

– Не понимаю, о чем ты говоришь?

Она меня не слышит.

– Зло, которое ты причинила, – между тобой и теми, кого ты обидела. Я пришла не судить, а говорить с тобой.

– Да, как же! Только я не любительница болтовни.

– И я тоже. Я дала тебе дар, которого ты долго не замечала. А когда заметила, воспользовалась им неразумно.

– Ты это про сны?

– Я – о свете, горящем в тебе, – говорит она. – Сны приходят из этого света, но каковы они и что ты в них делаешь, зависит только от тебя.

– Ну, может, тебе стоило приложить к подарку инструкцию.

– Так не делается.

– Еще бы! – Я качаю головой. – Все вы одинаковые. Не важно, кто ты, могущественное божество – ты ведь божество, верно? – или влиятельный богач в моем мире. Все должно идти по-вашему. Да все и идет по-вашему, потому что у вас на руках все козыри. У маленького человека нет никаких шансов. По вашим правилам мы играть не можем – не тот у нас расклад, – а стоит попробовать изменить правила, чтобы хоть войти в игру, – вы тут же вышвыриваете нас за дверь.

– Не такая уж ты беспомощная, – говорит она. – Ты сама делала выбор – кем быть.

– Ты хочешь сказать, я *сама пожелала* стать игрушкой для удовлетворения сексуальных прихотей моего чокнутого братца?!

– Нет. Но как насчет того, что ты делала впоследствии?

– Да провалилась ты! Не моя вина, что мне сдали паршивые карты. Сыграла как могла.

– Раз уж тебе по вкусу картежные сравнения, ты не думала о том, чтобы выйти из игры и сдать по новой?

– Так не делается, – повторяю я ее слова. – Тем, кто на нижней ступени пищевой цепочки, вроде нас с Розы, нечего и думать о пересдаче.

– Твоя сестра начинала с того же, что и ты.

– Ну да. И смотри-ка, чего добились!

– Да, смотри, – кивает женщина. – У нее есть друзья. Она прожила хорошую жизнь. Она помогала людям. Она приняла мой дар света и создавала картины, которые открывали двери воображения для других.

– А закончила калекой, прикованной к койке, которая ложку до рта донести не может! И много ей теперь проку от ее расчудесных друзей и распрекрасной жизни? Ты не думаешь, что этим ее друзьям надоест с ней возиться и они потихоньку слинянут из ее жизни?

– Ты полагаешь, ее нынешнее состояние было предопределено с самого начала? – спрашивает женщина. – По-твоему, своей жизнью она заслужила то, что с ней случилось?

– А ты как думаешь?

– Это был несчастный случай. Ни больше, ни меньше. Такое может произойти с каждым из нас.

– Только вот с такими, как ты, что-то не происходит, а? Вы порхаете по жизни, а остальные ковыляют, пачкаясь в вашем дерьме.

Грозовая туча уже давно собирается в ее глазах, только мне плевать. Что она мне сделает? Убьет? Я там уже побывала. Черт возьми, я уже все худшее перепробовала. Нечем ей меня напугать.

Вот мы и стоим, играем в гляделки, и, пожалуй, в ее глазах за яростью прячется капелька грусти обо мне, но это не мешает ей обойтись со мной так, как стоящие наверху всегда обходятся с копающимися в грязи.

– Я не могу забрать обратно подаренный мною свет, – говорит она, – но Анимандег не

единственный, кто умеет закрывать двери.

– Кто-кто?

Она шагает ко мне и, прежде чем я успеваю попятиться, складывает пальцы «козой». Знак дьявола или что-то в этом роде. Только когда она тычет этими двумя пальцами мне в лоб, в голове у меня что-то щелкает вроде электрического разряда. Я отталкиваю ее руку, выхватываю выкидушку и нажимаю кнопку. Щелкнув, выскакивает лезвие.

– Тронь еще, – предупреждаю я, – и останешься без руки.

Но она не двигается, только буравит меня своими темными глазами.

– Теперь, когда ты покинешь страну снов, – говорит она мне, – возврата уже не будет.

– А я, может, и не собираюсь ее покидать.

– Может быть, – соглашается она. – Но если ты захочешь остаться, лучше постарайся помириться со всеми, кого обидела.

– Если у кого и был на меня зуб, так все они уже покойники.

Хотя, надо думать, здесь смерть не совсем то же самое, что в мире, откуда я пришла. Иначе я здесь не стояла бы, верно? Правда...

– Да, – говорит она, – они мертвы. Но у них есть родичи. И друзья – знаешь, такие люди, как у твоей сестры, над которыми ты смеешься.

– Эй, матрона, я знаю, что такое друзья.

Но она только качает головой и исчезает. Шаг в сторону – и ее нет. Черт ее знает, куда подевалась. Я обшариваю место, где она стояла, заглядываю под каждый корень, но ее нет. Ни следа. А как мне отсюда выбраться, неизвестно.

– Провались ты! – ору я, и мне плевать, слышит она меня или нет.

Стою одна под этими проклятыми чудовищными деревьями и ору, пока не осознаю, что уже не стою, а лежу на спине с закрытыми глазами. Пытаюсь еще раз выкрикнуть: «Провались!» – но получается только слабый шепот.

Открываю глаза и узнаю место. Тот самый узкий овраг, где я оставила сестру. Где умерла Роза.

Я осторожно приподнимаюсь и вижу сестру, а рядом с ней маленького нелепого паренька, вроде как помесь продвинутого хакера и «шестерки», какие снуют на базарах. Оба, похоже, занимались тем, что складывали в кучу здоровенные булыжники, но сейчас бросили работу и уставились на меня. Паренек вроде бы с любопытством. А сестрица выглядит одновременно счастливой и перепуганной, и, надо думать, и то и другое из-за меня.

– Рэйлин, – шепчет она.

Я встаю. Вроде бы меня должно шатать, но ничего подобного. Я чувствую себя точь-в-точь прежней, если не считать, что успела умереть и вернуться, а Роза так и осталась мертвой.

В овраге никого, кроме них двоих и меня.

– Где она? – спрашиваю я. – Что вы сделали с Розой?

– Мы... насыпали над ней курган, – говорит моя сестра.

– Курган?

И тут до меня доходит. Эта груда булыжников, с которой они возились, – под ними Роза. На меня накатывает волна чистой горечи, я отшвыриваю ее обратно, держусь. Так же, как после смерти Гектора, так же, как в тюрьме. Никому нельзя показывать своей слабости.

Но чтоб ее...

– Мы... мы хотели почтить ее... – бормочет моя сестра и выглядит при этом не слишком уверенной в себе. – Чтоб никто не потревожил ее тела.

Пелена красной ярости, которую она каждый раз вызывает во мне, застилает глаза и тут же рвется. Исчезает, оставив на память о себе легкое головокружение. Какой бы дрянной ни была моя жизнь, не сестру надо в этом винить. Наверно, я всегда это понимала, только признавать не хотела.

– Хорошо сделали, – говорю я им.

Хотела бы я знать, куда девать руки. Помявшись, запихиваю их в карманы. Джиллиан

Мэй поворачивается к типу, стоящему рядом с ней, и что-то тихо говорит ему. Мне не слышно, но догадаться нетрудно, поскольку этот малый кивает и, бросив на меня еще один любопытный взгляд, скрывается в лесу. Надо думать, она решила наедине закончить разговор, прерванный выстрелом, чтоб никого между нами не было.

Я смотрю на кучу камней, которая погребла под собой Розы.

Только она, я и призрак Розы.

Ладно. Переживу. Все, что угодно, лишь бы перестать думать, что, может быть, все-таки я сама, черт меня побери, виновата в том, как для меня все сложилось. В голове у меня хватает горестей и обид, но впервые мне не мешает думать торчащий там обвиняющий перст, который указывает на кого-то другого.

Я подхожу туда, где она меня ждет, и разглядываю ее. На ней, как и на мне, возраст не оставил заметного следа. Черт побери, ей больше двадцати и не дашь.

Я усаживаюсь на большой, вросший в землю камень, с которого мне виден весь овраг, что вьется между холмами, теряясь среди скал и зарослей кедровника, а груды камней, наваленных над моей бедной Розы, оставляю за спиной. Джиллиан Мэй, поколебавшись, подходит и садится рядом.

– У тебя на удивление цветущий вид для калеки, – говорю я ей.

– Это же я так представляю себя во сне, – объясняет она, – а мое тело Джо унес обратно в больницу.

– Джо – это один из тех собакоголовых ребят?

Она кивает.

Воцаряется тишина, заполняющая все пространство между нами. Пожалуй, ни она, ни я не знаем, с чего начать. Я потихоньку пытаюсь подобраться окружным путем к главному, о чем хочу спросить.

– Как же ты ни разу не нарисовала этих парней?

Она удивленно взглядывает на меня и пожимает плечами:

– Не знаю. Просто в голову не приходило.

– Они ведь очень даже чудные – как раз по тебе.

– Это старые духи, – поясняет она, – кроме Джо. Он моложе других, хотя все равно гораздо старше нас с тобой. А чуть ли не все остальные живут с самого начала – с тех пор, как Ворон создал мир.

– И ты на это купилась?

– На что?

– Что кто-то там создал мир. Господь, Ворон..., как его ни назови. – Я вспоминаю луноликую мамашу с бездонными глазами и добавляю: – Или ее.

Джиллиан Мэй снова пожимает плечами.

– У мира длинная и запутанная история, – говорит она, – но где-то она должна была начаться?

– Надо думать... – Я перевожу дыхание. – Слушай, я хочу извиниться за те твои картины.

Сердце успевает сделать пару ударов, пока тянется молчание, потом она отзывается:

– Зачем ты это сделала?

Теперь моя очередь подбирать слова.

– Наверно, я здорово тебя ненавидела, – говорю я, – а в тех картинах как раз и сошлось все, что я про тебя не хотела вспоминать. Знаешь, как мы были маленькими и жили дружно и все такое. До того, как ты смылась. Увидела твои картины, и тут все всплыло.

Вижу, как она с трудом проглатывает комок в горле.

– Ты и сейчас меня ненавидишь? – спрашивает.

– Сама не пойму, – говорю я, для разнообразия не кривя душой. – Последнее время я мало что понимаю.

– Это ощущение мне знакомо, – отзывается она.

Чем удивляет меня. Понятно, ей здорово досталось – попала под машину, калека и все

такое, – но я всегда относилась к тем, которые точно знают, кто они есть, какое у них место в мире и что им делать со своей жизнью.

– Расскажи, что с тобой было, – неожиданно для себя прошу я, – после того как ты слиняла в тот раз и больше мы тебя не видели.

И я слушаю историю маленькой девочки, убегавшей из дому, мотавшейся между опекунами и колониями, вечно пытавшейся вырваться на свободу – куда угодно, – пока ей это не удалось. Только оттого, что ее не поймали, ей лучше не стало. Вместо того чтобы терпеть издевательства опекунов и побои других ребяташек в колонии, она ночевала на улице и подбирала объедки в мусорных бачках. А потом умудрилась влюбиться в парня, который выгнал ее на панель, как только кончились деньги на жратву и на дурь.

Ни по голосу, ни по лицу не скажешь, что она себя жалеет. Просто рассказывает, как я просила, о том, что с ней было, и рассказ выходит не из веселых. Наркота, панель – неудивительно, что она не беспокоилась, а может, и вовсе забыла о маленькой сестренке, которую оставила дома.

Я начинаю что-то говорить о том, как этот ее Роб выглядел бы со вспоротым брюхом, если б попробовал наехать на меня. Сестра только головой качает.

– Просто ты храбрая, – говорит она. – Наверное, такой уродилась. А мне пришлось учиться храбрости.

– Нет, меня тоже Роза научила.

При этом имени мы обе на минуту замолкаем, но ни она, ни я не оглядываемся на груды камней за спиной.

– Мне никогда не везло с мужчинами, – нарушает молчание моя сестра. – Полагаю, это и неудивительно, после Роба с Дэлом и всех этих благословенных государством педофилов-опекунов. Наверняка встречаются и хорошие приемные родители, да вот мне они не попадались. И еще клиенты... – Голос у нее срывается, а в глазах такая потерянность, будто она снова там, в той жизни. Она ловит на себе мой взгляд и дергает плечом. – А после, – говорит она, – я сама устраивала себе неудачи. Во всяком случае, похоже на то. Кого ни выберу, оказывается женат, или гей, или еще хуже. И до близости ни с кем не доходило – я сразу захлопывалась в себе, и все тут.

– Твоя ошибка в том, что ты смешиваешь чувства с сексом, – говорю я ей. – Это забава, и ничего больше.

– Ты правда так думаешь?

– Да, и это мне помогало, – говорю я и, помедлив, добавляю: – Пока я не встретила Гектора.

И рассказываю ей. Забавно. Никому еще не рассказывала, даже Роза. То есть как у нас на самом деле было. Глубоко и нежно, как никогда прежде у меня не случилось и больше не будет наверняка.

– Как страшно! – говорит она, когда я заканчиваю рассказ о том, как он подставился под выстрел и как меня после того скрутило.

Она протягивает руку и кладет ее мне на плечо. Я знаю, ей с самого начала хотелось сделать что-нибудь в этом роде, а еще лучше, заключить меня в сестринские объятия, только мне этого не надо. Может, я и понимаю теперь, как она дошла до того, чтоб меня бросить, но никакого примирения устраивать не собираюсь.

Я смотрю ей в глаза, потом на эту руку, и она ее убирает, складывает ладошки на коленях, переплетя пальцы.

– И как же ты выбралась с панели? – спрашиваю я.

Она рассказывает мне про своего копа с подружкой-адвокатшей. Про то, как лежала на детоксикации. Догоняла школьную программу. Поступила в университет. Нашла друзей. Нашла настоящую жизнь. Все изменила.

Это у нее тоже выходит безо всякого надрыва. Безо всякого хвастовства. Просто рассказывает о себе. Когда она добиралась до того, как ездила с этим своим Джорди в Тисон, чтоб меня разыскать, а нашла только пустой дом и горелый пень на поле, я невольно

начинаю гадать, как сложилась бы моя жизнь, если б мы тогда встретились?

– Зачем ты сожгла дерево? – спрашивает она. – То же самое, что с картинами?

– Наверно...

Она кивает и отводит взгляд, смотрит мимо меня.

– Я не особенно горжусь тем, как старалась испортить тебе жизнь, – признаюсь я.

– Понимаю, – отзывается она. – Только то дерево было волшебное.

– Да, помню твои сказочки!

Она качает головой:

– Нет, правда волшебное. Я сама только сегодня узнала.

Она говорит мне о том, как этот смешной малый принес ей венок из волшебных цветов и веточек, чтоб ее вылечить, а она его на меня потратила. И как еще до того ее занесло в другое место: старую таинственную чашу, где ей встретилось то древнее божество. Забавно, я только к самому концу рассказа начинаю догадываться, что она, похоже, говорила с той же бабой, которая перехватила меня на обратном пути к жизни.

Ну теперь понятно, с чего эта хиппующая матрона так на меня взъелась. Я же спалила ее личное дерево.

– Я ее видела, – говорю я, когда Джиллиан Мэй заканчивает рассказ. – Перед тем, как проснулась здесь. Она и меня туда же затащила. Только мы с ней не ладили. Она вроде как во мне разочаровалась, ну и я ей сказала. Ежели она хотела, чтоб дела шли по-другому, могла бы сама постараться. Я хочу сказать, откуда нам, черт ее возьми, было знать, что за подарочек она нам всучила?

– Наверное...

– И все равно уже поздно, – говорю я.

Джиллиан Мэй качает головой:

– Мне кажется, никогда не поздно.

Ну да, будто я могу вот так взять и заново перевернуть свою жизнь после всего, что я совершила!

– Почему же у вас не вышло с этим Джорди? – спрашиваю я, переводя разговор на более твердую почву. – Тебя послушать, у вас с ним все шло как надо.

– Очень долго мы были просто друзьями, – отвечает она, – а теперь... теперь у него другая.

– Только не говори, что не сумела его окрутить!

– Я не могла с ним играть.

С минуту я обдумываю ее слова.

– Да, пожалуй, нельзя было, – признаю я.

Если представить, как она переломила собственную жизнь, я бы не удивилась, вздумай она осудить меня за все, что я наделала в своей. Но она, кажется, хочет только понять. Даже не пытается поправлять мою речь.

– А ты действительно... ну, убивала единорогов? – спрашивает она.

– Убивала... Мы же были волками. Волки так и живут. Охотятся. Убивают, чтобы есть.

Она кивает, но видно, что ей это не по душе. Не могу сказать, чтобы я ее винила. Теперь, когда я оглядываюсь на то, что мы делали – мы со стаей, – мне это тоже не особенно нравится. Конечно, волки должны охотиться. В диких лесах выживает более приспособленный. Только мы ведь не голодали. Гоняли всех этих тварей просто ради забавы и еще ради их хмельной крови. Им, понятно, без разницы, по какой причине мы их загрызли, но и нам с Розы, да и остальным, гордиться нечем.

Только теперь ничего не вернешь. Можно корить себя – я и корю, – но мертвых этим не оживишь.

И у нас с сестрой то же самое. Сколько ни упрекай себя, того, что было, не изменить. Никуда не денутся все годы, когда я ее ненавидела. Порезанных картин не склеишь. Сгоревшее дерево не воскресишь. И свою жизнь на ее здоровье не обменяешь.

– Знаешь, нам ведь никогда не быть друзьями, – говорю я ей. – У нас ничего общего

нет, кроме прошлого, а мне что-то не хочется остаток жизни предаваться воспоминаниям о нашем мерзавце-брате.

Она кивает, но не в знак согласия.

– Мы слишком разные.

– Раньше мне это не мешало, – замечает она.

– Ну, время покажет. Ты возвращаешься?

– Надо, – говорит она. – Иначе умру в Мире Как Он Есть, и тогда все равно придется уходить. Лучше сразу пройти все это до конца.

– А я не вернусь. Та богиня мне сказала, что, если уйду, больше уж сюда не попаду.

– И мне она то же самое говорила.

– Хотя я знаю и другие способы перейти границу, – говорю я, вспоминая рецепт мисс Люсинды.

И рассказываю о нем сестре: весь состав перечисляю наизусть – и когда что собирать, и все прочее.

– Звучит сложновато.

– По-моему, так и задумано. Вообще-то есть и другой способ. Мисс Люсинда сказала, если хлебнуть крови этого звериного народа, выйдет то же самое.

У нее на лице ужас.

– И ты... так и научилась переходить? – спрашивает она.

Забавно, мне и в голову не приходило, что дело, может быть, в крови единорогов. Но, задумавшись, я понимаю, что так быть не могло. Правда, я возвращалась счастливой, и, может, наши с Розы морщинки и складки оттого и исчезали, но из сновидения можно вынести только то, что остается в голове.

Однако все равно непонятно, с чего мы с Розы тогда так помолодели. Я и сейчас, наверно, молодой кажусь...

– Я помню, как встретила здесь с тобой в первый раз, – говорит Джиллиан Мэй. – Тогда вы со стаей гнали лиса с человеческим лицом...

– Мы его упустили, – говорю я. – Ни одного из этих метисов так и не поймали. Только оленей, мелких зверьков вроде мышей и зайцев... И еще, конечно, единорогов.

Я встаю. Разговор начинает ходить по кругу, а у меня нет сил повторять все заново. Может, и никогда не будет. Но уж сейчас точно. Слишком недавно умерла Розы, да и не привыкла я так душу выворачивать.

– Береги себя, – говорю я ей, когда она тоже поднимается на ноги.

Вижу, ее снова тянет меня обнять, но я не могу. А вот руку ей протягиваю, и она ее пожимает.

– Куда ты теперь? – спрашивает.

– Сама не знаю. Куда ноги понесут.

– Есть и другие места, кроме леса, – говорит она. Наверно, боится, как бы я, проголодавшись в глуши, не взялась за старое.

– Есть город Мабон, – продолжает она, – большой, и в нем всякий народ живет: и уроженцы страны снов, и те, кто во сне сюда приходит.

– Может, и загляну туда... Она указывает на запад.

– А там, у подножия гор, стоит гостиница. Хозяин очень славный человек.

– Пока я не в настроении ни с кем общаться, – отрываюсь я, – но буду иметь в виду.

Ей не хочется меня отпускать, но обе мы понимаем, что оставаться мне нельзя. Что-то теснит мне грудь, сама не знаю что, какое-то беспокойство.

– А ты как? – вдруг вырывается у меня. Я чуть не спросила: «Как же ты сможешь жить?» – но вовремя прикусываю язык и спрашиваю: – Как думаешь дальше?

– Постараюсь выздороветь, – говорит она. – Ничего другого не остается.

Слабая улыбка трогает ее губы, поднимается к глазам, и все ее лицо меняется. Теперь я вижу, чем она притягивает людей. Отчего-то сразу хочется с ней познакомиться, подружиться.

– И еще ведь есть один парень, который на меня засматривается, – добавляет она. – Медбрат из больницы. Правда, не понимаю, что он во мне нашел. Остается только надеяться, что он не окажется маньяком-убийцей.

– Он тебе нравится?

Она кивает:

– Только вот слишком хорош, чтоб оказаться настоящим.

– Ну так дай ему шанс, – советую я. – Что тебе терять?

Я вспоминаю Гектора, и в груди шевелится старая боль.

Сестра смеется, но в ее смехе меньше веселья, чем было минуту назад в улыбке.

– Наверное, ты права, – говорит она, – в моем положении терять уже нечего.

– Я не то хотела сказать.

– Я понимаю.

– Ты думаешь... надеешься, что еще... встанешь на ноги? – спрашиваю я.

– Я не сдаюсь, – отзывается она. – Никогда.

И я понимаю, она думает не только о своем искалеченном теле. Еще и о нас с ней.

– Да... Ну, надеюсь, все у тебя получится.

– Я буду думать о тебе, – говорит она.

Всю жизнь в кровати... Только думать и остается. Но этого я не произношу.

– Я тоже, – говорю я.

И поворачиваюсь, чтобы уйти, но она окликает меня:

– Рэйлин.

Я оборачиваюсь. Не могу понять, что у нее во взгляде. Неловкость наверняка и что-то еще.

– Это не твоя машина тогда ночью... Это не ты? – спрашивает она.

– Если б я хотела тебя убить, ты бы сейчас была покойницей.

Она кивает:

– Я... просто должна была спросить.

– Кого же о таком и спрашивать, как не родную сестру, – киваю я.

– Рэйлин, я...

Но я уже отворачиваюсь и поскорее ухожу, пока она не нашла слов, которые вернули бы меня к ней. Мне больше говорить нечего. Все, что во мне осталось, – эта боль, которая нарастает с каждой минутой. Так что я выкарабкиваюсь из оврага и тороплюсь затеряться в лесу.

И не оглядываюсь. Ни разу.

Джилли

Не надо мне было спрашивать Рэйлин про машину. Она давно уже поднялась на откос и скрылась в лесу, а мне все хочется догнать ее и попробовать объяснить. И каждый раз я себя останавливаю. Ну что бы я ей сказала? Сам вопрос все сказал за меня.

Я ей не доверяю.

И не только эта мысль меня мучит. Зря псовые думают, что я не понимаю, – я очень хорошо понимаю: то, что делала Рэйлин, было ужасным злом. И пусть даже я не уверена, что каждый заслуживает второй попытки, – разве ей дали хоть первую? С того дня, как я оставила ее в аду нашего детства, рядом с ней никого не было. Никого, кто показал бы ей путь. Только та психопатка Розы, а к чему привела их дружба, мы видели. Но вот теперь ей дали вторую попытку, а она по-прежнему одна. Она уходила, а я видела, сколько в ней осталось злобы и обиды, и понимала, что она способна на любую жестокость. Так правильно ли я поступила, возвратив ей жизнь?

Не знаю.

Знаю, что иначе не могла. Не потому, что мы из одной семьи, не потому, что она – моя младшая сестренка и я перед ней в долгу за то, что ее покинула. Я бы так же помогла кому

угодно, но особенно – любому из Детей Тайны.

Но мне хотелось бы остаться с ней, поддержать ее – а ей понадобится поддержка, – как поддерживали меня своей добротой и любовью Лу с Анжелой, а потом и другие мои друзья. А вместо этого я просто вышвырнула ее из своей жизни, и теперь она опять одна.

Как она справится в одиночку?

От этой мысли мне хочется плакать, но плакать нельзя. Потому что если начнешь с нее, то тогда придут в голову и остальные, и слишком о многом придется горевать. Трудно будет остановиться.

Не знаю, сколько я простояла, уставившись на деревья, пока не догадалась снова сесть. В самом деле пора возвращаться. Все там, должно быть, беспокоится. Хотя Джо и Софи должны понять. Они знают, что значит находиться здесь. И догадаться, как мне страшно снова становиться Сломанной Девочкой. Опять в ловушке, и теперь даже выхода в страну снов не будет.

Хрустит сучок, я поднимаю взгляд на склон, но это не Рэйлин возвращается. Тоби. Проезжает на ногах последнюю пару ярдов и устраивается на камне, где сидела Рэйлин.

– Привет, – говорит.

– И тебе привет.

. – Она тебя расстроила, да? Столько всякого наговорила...

– Подслушивал? – спрашиваю я.

Хотя удивляться нечему. У волшебного народа совершенно иные правила поведения. У Тоби, по крайней мере, хватает порядочности изобразить смущение.

– Не злись, – говорит он. – Я просто хотел узнать, о чем разговаривают друг с другом настоящие люди.

– Вот и узнал, – вздыхаю я. – Портят друг другу жизнь. Не так уж здорово быть настоящим.

– Лучше, чем растаять.

– Наверное. Только мы так друг друга мучаем...

– Не обязательно быть настоящим, чтоб мучиться, – говорит Тоби.

Мы сидим молча, прислушиваемся к шепоту ветерка в листве.

– Тебе правда надо возвращаться? – спрашивает Тоби.

Я киваю.

– И обратно уже никак?

– Видимо, никак. Мне сказали, слишком много я отдала своего света, чтобы вернуть Рэйлин.

– Ну зачем ты это сделала? – спрашивает он. – Она такая неблагодарная.

Я открываю рот, чтобы объяснить ему, как я всегда старалась быть доброй к людям в беде, но тут же понимаю, что здесь не совсем тот случай.

– Я на самом деле не ради нее, – начинаю я, сомневаясь, что сумею объяснить. – Я для себя. И не важно, благодарна она мне или нет; я это сделала ради собственного душевного покоя. Даже не потому, что, по словам Джо, если я сумею залечить в себе старые раны, он найдет кого-нибудь, кто сумеет помочь с новыми.

– Ну и как, нашла душевный покой?

Я качаю головой:

– Нет, пожалуй. Но я примирилась с собой – с чувством вины за то, как с ней обошлась. Но что было, то было, – я ее в самом деле бросила, и вот теперь уже во второй раз. И то, что сделал с нами брат, тоже никуда не делось. Этого я не могу простить и забыть.

– Не понимаю, зачем ты стараешься?

– Потому что это – ненужный груз, который я тащу на себе, и он вредит не только телу, но и чувства коверкает. Из-за него мне никак не наладить нормальных отношений с мужчиной. Первые пятнадцать лет жизни, а то и больше, все мужчины, с какими я сталкивалась, только использовали меня. Следовало бы о них забыть, они в прошлом, и с ними покончено. Отчасти у меня это даже получилось. Но только пока не могу достичь

близости с мужчиной. Как только доходит до интимных отношений, у меня внутри все захлопывается.

Не понимаю, с какой стати все это ему выкладываю. Кто знает, какие чувства знакомы – или незнакомы – Эдар. Если посмотреть, как поражен Тоби потрясающей новизной реальной жизни, приходит в голову, что Эдар и в самом деле воспринимают все иначе. Я побывала в их шкуре, но слишком недолго, да и гейс, владевший мной, ни о чем не давал толком думать.

– Мэдди однажды мне сказала, что труднее всего оправдать доверие и веру, – говорит Тоби. – Хра– нить любовь гораздо легче.

– Кто сказал?

– Мэдди Рейнольде – это героиня из книжки Маргарет Бэйнбридж.

– Ты в ее книжках родился?

Он кивает:

– Когда я стал настоящим, все вспомнилось.

– Мне не кажется, что любить так уж просто, – возражаю я. – Страсть – другое дело, да и с ней бывают сложности, если она слишком сильна.

– По-моему, для настоящих всюду сложности.

– Похоже, что так. Хотя если помнить и не терять связи...

– С чем?

– Надо помнить, что все мы связаны. Что во всем есть душа и все на свете едино. Если не забывать об этом, если этим жить, тогда меньше опасности причинить зло. Вот, например, когда мы умираем, наши тела возвращаются в землю, и это связывает нас с землей. Тот, кто устраивает свалку, засыпает отбросами своих и моих предков. Или еще проще: обращай со всеми так, как хочешь, чтобы с тобой обращались, потому что, причиняя зло другому, ты вредишь и себе.

– Потому что все мы связаны?

– Вот именно.

– Почему же тогда люди, которые делают зло, этого не чувствуют? – спрашивает Тоби. – Почему их это не останавливает?

– Не знаю. Думаю, они не понимают этого. Но все равно уверена: всякое зло возвращается к тому, кто его сделал. Потому-то мне никогда не хотелось мстить, даже тем, кто обижал меня, когда я была ребенком. Я не могу ни забыть, ни простить, но верю, что когда-нибудь справедливость...

Голос у меня срывается, и я вдруг осознаю, как устала. Физически устала – от подъема на дерево, от долгого пути к этой расселине. И душой устала, пережив встречу с сестрой, ее смерть, возвращение, новый разрыв. Глаза у меня сами закрываются, и голова будто пыльной паутиной затянута. Только боль в сердце остается отчетливой и острой.

Я оборачиваюсь к Тоби, беру его за руку.

– Теперь мне надо идти, – говорю я ему, – но сначала я хочу тебе сказать: ты был хорошим другом. Ты хороший. Никому не верь, если скажут другое, особенно самому себе.

Он сжимает мою ладонь.

– И ты...

Я невольно улыбаюсь:

– Да, неплохо бы последовать собственному совету, верно?

– Я тебя никогда не забуду, – говорит Тоби. – Ты дала мне жизнь.

– Лично я думаю, что ты всегда был настоящим.

– Ты не вернешься? – спрашивает он. – Совсем никогда?

– Не знаю, смогу ли.

– Тогда я тебя сам найду.

– Буду рада, – говорю я ему.

И напоследок оглядываюсь вокруг. Эти деревья – только слабое эхо Большого леса, но и в них есть волшебство. Последний раз вдыхаю густой сытный воздух. Наклоняюсь и целую

Тоби в щеку. А потом позволяю себе проснуться.

Джо

Ньюфорд

Итак, Джилли благополучно добралась обратно. Медсестры ее со всех сторон проверили и нашли, что приключение ей ничуть не повредило, но нам-то с Касси видно, как померк целебный свет, светивший изнутри ее. Всем остальным она наверняка видится прежней, а вот мы смотрим на нее как сквозь туман. Да, ее сестру воскресили ветвь волшебного дерева и синяя вербена, собранная Тоби, но немало потребовалось и света ее души.

Долго не гулять ей во сне по манидо-аки. А судя по тому, что сказала мне медсестра, и в этом мире она не скоро начнет ходить. Пока не пройдет паралич... Я спрашиваю, когда это произойдет, и сестра отводит глаза. Ясно: может быть, никогда.

Но пока никто об этом не думает. Джилли очнулась, и все просто радуются ее возвращению.

– Я совсем разбита, – говорит она, когда суэта унимается и сестры оставляют ее нам. – Надо поспать... без сновидений, – добавляет она, глядя на меня и Софи. – Мне просто отчаянно нужно отдохнуть.

Лу с Анжелой уходят первыми. Я слышу, как за дверью Лу ворчит:

– И как мне теперь излагать все это в отчете?

Софи и Венди, прощаясь, по очереди обнимают Джилли, и в палате остаемся только мы с Касси.

– Вы уже знаете, да? – говорит Джилли.

Касси кивает:

– Ты много отдала за нее.

– А все неразрешенные больные проблемы и обиды так и остались во мне, – говорит она нам, – да я еще умудрилась добавить новые. – Она устало улыбается, и в ее улыбке маловато веселья. – Так что, боюсь, на чудесное исцеление в ближайшее время рассчитывать не придется.

– Просто тебе придется справляться самой, – говорю я, – но я знаю, ты сможешь.

– Думаешь, мне это по силам? – спрашивает она. – Правда?

– Ты никогда не сдаешься, – напоминаю я ей.

– Да, я знаю. Но будет трудно.

– Мы будем с тобой. Все твои друзья. Всегда.

Она только кивает.

– Чудно будет спать и не видеть снов, – говорит она. – Я уже привыкла к снам с переходом границы.

– Мы этим займемся, – обещаю я. – Как только оставишь все это позади, мы с тобой отправимся туда в собственных шкурах на большую прогулку. Твой свет вернется, станет еще ярче, но мы придумаем, как его скрыть, чтоб не приманивать к себе злых духов.

– Хочется верить.

– Я тебе обещаю.

– Если бы только быть уверенной, что когда-нибудь все будет позади, – говорит она. – Очень боюсь, что навсегда останусь Сломанной Девочкой.

– Ты – это ведь не только изуродованное тело, – говорит Касси. – В тебе всегда было и всегда будет больше этого.

– Да, наверно...

Я вижу, что она засыпает, поэтому мы прощаемся. Когда я склоняюсь над ней, чтобы поцеловать в лоб, Джилли шепчет:

– Ты думаешь, с ней ничего не случится?

Я знаю, о ком она говорит.
– Зависит от нее, – говорю я.

Чуть заметный печальный кивок, и она уплывает. Я выпрямляюсь, и мы с Касси выходим в коридор, чтобы поговорить с медперсоналом.

Манидо-аки

В Мире Как Он Есть мы с Касси выходим из реабилитации еще до восхода, но в манидо-аки, над вершиной Коди, где нас ждут Джек и Бо, солнце стоит высоко. Что бы ни говорил Вертопрах о заждавшейся его пуме, я не сомневался, что застану там обоих. Они успели развести костер и сварить кофе. Бо откопал – понятия не имею где – котелок и по жестяной кружке на всех. Мы молча сидим у костра, пьем густой черный кофе и курим сигареты. Касси тоже взяла одну из вежливости. Здесь, в манидо-аки, у табака совсем другой вкус. И на нас он оказывает не то действие, что на людей, несмотря на все добавки, которые подмешивают в него табачные компании.

Джек изображает веселье, но меня не проведешь. Он даже не пытается заигрывать с Касси, а она, видит бог, сегодня удивительно хороша.

. – Вышло не совсем так, как мы ожидали, а? – начинаю я, докурив.

Бо пожимает плечами:

– Не знаю, чего я ожидал.

Джек докуривает сигарету и швыряет окурок в огонь.

– Даже забавно, – говорит он. – В кои-то веки взялся за доброе дело, и... – пожимает плечами. – Только и добились, что поставили на уши кое-кого из стариков.

– Попытка тоже идет в счет, – говорю я.

– Думаешь?

– Знаю. Он кивает:

– Пожалуй, тебе лучше знать. Зато теперь я понимаю, каково приходилось Коди всякий раз, как он пытался совершить доброе дело.

Бо хохочет:

– Сравниваешь! Может, мы ничего не добились, но хоть мир вверх ногами не перевернули.

Всем известно, как Коди, пытаясь улучшить мир, сначала завел в нем людей, а потом еще умудрился привнести в него болезни и смерть. Намерения у него, как правило, были хорошие, просто он брался за дело не с того конца. Из-за него псовые редко впутываются в подобные предприятия.

Джек выбрасывает опустевшую пачку из-под фабричных сигарет, тянется к моему кисету, сворачивает по самокрутке и протягивает одну Бо.

– И чему мы научились? – спрашивает он, закулив.

Некоторое время все молчат.

– Например, что в каждом есть больше, чем мы ожидаем увидеть, – говорит Касси. – В каждом кроется способность к большому добру и большому злу, но только сделанный выбор определяет, кто мы на самом деле.

Джек отвечает ей непонимающим взглядом.

– Я о том, что Рэйлин ненавидела Джилли, – поясняет Касси, – но все же заслонила ее от пули.

Джек медленно кивает:

– Я больше думал насчет того, что не стоит соваться не в свое дело, но и ты, пожалуй, права.

– По-твоему, одно доброе дело уравнивает все, что Рэйлин погубила? – спрашивает Бо.

– Нет, – отзывается Касси, – но это хорошее начало.

Я приканчиваю кофе.

– Нам пора идти. – И смотрю на парней. – Не попадите в беду.

– Нам это слово незнакомо, – ухмыляясь, заявляет Джек.

Бо смеется и вскакивает на ноги.

– Да и мне пора, – говорит он. – Слишком долго я занимал дом Коди. Пожалуй, стоит постараться снять с себя то проклятие. Давненько я не гулял за пределами манидо-аки на двух ногах.

– Составить тебе компанию? – предлагает Джек.

– Я думала, у тебя свидание! – поддразнивает его Касси.

– Нет. – Джек мотает головой. – Мне надо братья за серьезные дела.

– Спаси нас, боже! – восклицает Касси.

Вместо того чтобы направиться домой кратчайшей дорогой, мы с Касси задерживаемся, чтобы прогуляться по каньону, наслаждаясь лучами солнца, согревающего до самых костей. Иногда мне приходит в голову, что фотосинтез идет не только в растениях, а в каждом из нас.

– Ты ужасно тихий, – нарушает молчание Касси.

Я обнимаю ее за плечи:

– Просто задумался о Джилли. Надеюсь, все для нее обернется к лучшему.

– Ей трудно пришлось, – соглашается она.

– И наверно, у меня такое же чувство, как у Джека, – прибавляю я. – Обидно, знаешь ли. Я так гордился тем, что если уж за что берусь, так умею все наладить, а сейчас мне похвалиться нечем.

Касси обнимает меня рукой за талию.

– Поздравляю с возвратом к реальности, – говорит она.

Джилли

Ньюфорд

Я засыпаю посреди разговора с Касси и Джо. А проснувшись, не сомневаюсь, что вижу сон. Нет, он не перенес меня в страну снов – я все в той же больничной палате, да и закрыта для меня теперь граница. Но и поверить в реальность происходящего не могу.

Кто-то легонько стучится в окно, и две мордашки прижимаются к стеклу, разглядывая меня.

Девочки-вороны.

Окно в палате из сплошного стекла и не открывается, но сейчас оно приоткрыто. Щелка становится шире, и две маленькие черноволосые девчонки запрыгивают с лужайки на подоконник и перебираются ко мне. Останавливаются в ногах кровати, держась за руки. Волосенки взъерошены, лохматые черные свитеры свисают чуть ли не до коленей.

– Ой, Джиллибилли! – говорит одна.

– Это как Джиллибрилли, – объясняет вторая, – только не так по-парикмахерски.

– И не так бородато.

– Потому что у тебя ведь нет бороды.

– Тебе борода не к лицу.

– И бритва тоже.

– Если только ты не прячешь ее под подушкой.

– Не прячу, – уверяю я их.

Они взбираются на кровать и усаживаются по-индейски у меня в ногах.

– Вы зачем здесь? – спрашиваю я.

– Чтобы сказать, как нам жалко, – говорит та, что слева.

Я знаю, их зовут Майда и Зия, но кто из них кто, не различаю. Вот Джорди и Джо их не путают.

– Очень-очень жалко! – подхватывает та, что справа.
– Чего вам жалко?
– Что мы тебе не можем помочь. Вторая кивает:
– Мы старались, старались, но ничего не вышло.
– Мы совсем никудышные девочки, – вздыхает первая.
– Потому что, когда раздавали кудышность, нам слышалось: «малышность» – и мы спрятались.

– Потому что не хотели быть малышами.
– И мышами тоже.
– Хотя мышей мы, бывает, едим.
– Особенно шоколадных.
– Да, шоколадка – это всегда хорошо. – Та, что справа, порывшись в кармане, извлекает из него бурый комок, облепленный кусочками фольги и каким-то мусором. – Хочешь кусочек?

– Спасибо, что-то не хочется.
Она разламывает комок пополам, протягивает половинку сестренке, и обе набивают себе рты.

– Я не считаю вас никудышными, – говорю я, пока обе с наслаждением жуют шоколад.
– Ты слишком добрая, – отзывается та, что слева.
Вторая кивает:
– Очень-очень добрая. Кого ни спроси, все говорят, эта Джиллидилли очень уж добрая.
– Правда-правда.
– Но мы умеем лечить, ты же знаешь.
– Всякие вещи лечим, большие и маленькие.
– Толстые и тонкие.
– Сладкие и горькие.
– Только тебя не можем вылечить.
– Это ничего, – утешаю я. – Я уже поняла, что волшебством тут не поможешь. Так иногда бывает.

Та, что слева, поворачивается к сестренке:
– Добрая – и храбрая!
Та, что справа, вздыхает:
– Теперь нам еще стыднее.
– Лежишь тут совсем одна, такая очень-очень храбрая.
– Я не одна, – говорю я. – У меня много друзей, они мне помогают.
Обе свешиваются с постели – каждая в свою сторону – и заглядывают под кровать.
– Где ты их прячешь? – спрашивает, усевшись на место, та, что слева.
– На ночь они ушли домой, – отвечаю я.
– Конечно!
– Мы так и знали!
– И нам тоже надо домой.
– Спасибо, что навестили, – говорю я.

Они кивают. Потом каждая хватается за волосы и выдергивает по черной прядке, которые в их руках мгновенно превращаются в черные перышки. Они кладут перья мне на одеяло.

– Если тебе покажется, что мы можем помочь, – говорит та, что справа, посерьезнев, – возьми их в руки и назови наши имена.
– Ты ведь знаешь, как нас зовут, да? Я киваю:
– Майда и Зия. Только я не знаю, кто из вас кто.
Обе хихикают. Тычут друг в друга пальцами и заявляют хором:
– Она – Майда.
– Вот спасибо, что просветили. Теперь буду знать, – говорю я.

Они начинают хихикать пуще прежнего.

– Не забудь! – говорит та, что справа.

– Такое не забывается, – уверяю я.

– И не слушай лесную старуху.

Вторая кивает:

– Кто угодно может летать.

– Кто угодно может видеть сны.

Они имеют в виду женщину, с которой я говорила в лесу: ту, что в детстве одарила нас с Рэйлин светом. Я чувствую, как во мне разгорается надежда.

– Вы хотите сказать, я еще смогу когда-нибудь вернуться в страну снов? – спрашиваю я.

– Когда-нибудь все может случиться, – подтверждает та, что справа.

– Позови нас, когда будешь готова.

– Мы вроде дверей.

– Через нас куда угодно можно попасть.

Они спрыгивают с кровати и с двух сторон подходят ко мне. Сперва одна, потом вторая чмокают меня в лоб. Машут мне руками, хихикают и подбегают к окну. Где-то на полпути с подоконника на газон девчонки превращаются в ворон и улетают вдаль. Их карканье звучит как звонкий хохот.

Я смотрю, как медленно закрывается сплошная рама окна. И засыпаю – или соскальзываю в другой сон, без сновидений. Не берусь сказать. Но утром на моем одеяле лежат два вороньих пера.

Рэйлин

Манидо-аки

Меня сбивает с толку то, что я никогда раньше не бывала здесь в собственном теле. Все кажется другим. Прежде всего звуки и запахи, да и глаза у меня видят хуже, чем волчьи. Когда я волчица, то принимаю информацию всем телом. Каждой шерстинкой. Включается какое-то дополнительное чувство, совсем незнакомое.

Волк чувствует себя свободным. Бежит свободно. Каждый миг как текучая вода. А теперь меня словно в мешковину завернули. Очень неприятное ощущение. Но тут уж ни черта не поделаешь, так что я держусь, как обычно, и кое-как справляюсь.

Я недалеко ушла с тех пор, как оставила сестру. Хотела удрать подальше и в жизни не возвращаться сюда, а сама чуть отошла и тут же стала заворачивать так, чтобы с другого конца заглянуть в тот же овражек. После того как я красиво ушла, неловко сразу же появляться здесь снова, но не бросать же свое имущество.

Прежде всего, мне вовсе не хочется бог знает сколько времени таскать на себе залитую кровью футболку, а смена одежды у меня в рюкзачке. А потом, мне нужен пистолет. Не имея волчьих клыков и когтей, нужно же чем-то отбиваться от здешних тварей. Между прочим, те парни с собачьими мордами напрямик заявили, что собираются на меня охотиться.

И еда у меня тоже там. Шоколад, вода. И курево, которым Роза запаслась. Сама я не любительница сосать раковые шейки, но, может, пригодятся на обмен или продам кому.

Так что я присаживаюсь наверху и жду. Недолго. Вскоре моя сестрица исчезает, и в овражке остается только тот смешной малый. Сидит там сколько-то – может, заблудился в собственных мыслях, уж не знаю, – а потом встает и направляется к моему рюкзачку. Вот теперь мой выход. Я вскакиваю и ору на него сверху:

– Даже не думай совать нос в мои вещи! Человечек бросает на меня один-единственный перепуганный взгляд и скрывается – как кролик в нору. Я даже не успеваю заметить, куда он подевался. Да мне и дела нет, лишь бы обратно не возвращался.

Я съезжаю вниз по крутому склону, бросаюсь к своему рюкзачку, нашариваю в нем

чистую футболку и сдираю с себя старую. Может, тот парнишка и подсматривает, спрятавшись где-нибудь поблизости, но мне плевать, что он там увидит. Лишь бы ручонки не тянул, не то быть ему без ручонок как пить дать.

Я разглядываю собственную грудь. Надо же, и шрама не осталось. И тут впервые замечаю на себе что-то вроде наколки – какая-то веточка в веночке. Трогаю ее пальцами – теплее, чем кожа рядом.

Чудно.

Натягиваю чистую футболку, и телу становится приятно.

Окровавленную футболку расстилаю на груде камней, под которыми осталась Роза, и шарю взглядом по земле: неужели собакоголовые забрали пистолетик? Да нет, вот он лежит прямо там, где, должно быть, Роза его выронила. Кажется, с ним все в порядке, но я на всякий случай переламываю ствол и заглядываю внутрь – не набилась ли грязь. Выщелкиваю стреляные гильзы и вставляю пару новых патронов. Гильзы кидаю в рюкзачок – в такой глуши все может пригодиться.

Бросаю последний взгляд на кучу булыжников над Розой.

– Мне тебя будет не хватать, – говорю ей, только не думаю, чтоб она меня слышала.

Всегда считала, что до мертвых уже не докричишься. Черт возьми, я и сама успела далеко уйти, пока меня не вернули, так что знаю, о чем говорю. Никто из них не болтается на земле, ожидая случая сказать «привет» тем, кто остался. У них есть другие дела. Вроде как добраться до той светлой искорки, к которой меня не пустили.

К той горечи, что во мне, добавляется новая вспышка боли при мысли об этой искорке.

Надеюсь, тебя она приняла, говорю я Розе.

Может, мы с ней еще увидимся на той стороне, но не скажу, чтоб я туда торопилась.

Я закидываю рюкзачок на плечо, беру в руку пистолет и ухожу в лес. Помнится, сестра говорила что-то о гостинице, так что я направляюсь в ту сторону. Общаться настроения нет, а вот выспаться в чистой постели и, может, выпить чего-нибудь горячего я бы не отказалась.

Шагать приходится долго, и временами мне мерещится, что за мной кто-то следит, но на глаза не попадает, сколько ни всматриваюсь. Может, маленький дружок моей сестрицы. Или те собакоголовые. Мне без разницы, лишь бы держались на расстоянии и оставили меня в покое. Неохота мне пускать в дело пистолет, но при случае стесняться не стану.

На то, чтобы добраться до гостиницы, у меня уходит, думаю, пара дней. Трудно сказать точно, когда свет не меняется. Спать я не сплю, но отдохнуть себе позволяю. Приканчиваю весь запас шоколадок. Допиваю всю воду. Ручейки по дороге попадают, и вода на вид чистая, но рисковать неохота. Правда, через несколько часов пить хочется так, что мне уже все равно, и у первого попавшегося ручья я набираю воды в пустые бутылки и напиваюсь вволю. Ничего особенного не чувствую, только жажда прошла и есть не так хочется.

Через пару часов пути я изорвала на полосы запасную рубаху и приладила пистолет на лямке через плечо. Положила бы его в рюкзак, но не знаю, на какую чертовщину можно напороться в здешних лесах, так что спокойнее держать его под рукой.

Последний отрезок пути – чистая мука. Издали безлесный склон выглядит небольшим, но как начнешь подниматься, кажется, ему и конца нет. Наконец передо мной тот большой серый дом, который я разглядела снизу. Размышляю, не припрятать ли перед входом пистолет, но в конце концов беру его в руку.

Я не такую гостиницу ожидала увидеть. Должно быть, мне представлялось нечто вроде «Спи в уюте» на Четырнадцатой автострате, но это сказочный мир, и придется обойтись соломенной крышей над стенами из булыжника. Хоть места много, и на том спасибо.

Прохожу под аркой и оказываюсь на мощеном дворе – прямо с картинки. Даже колодец посреди двора старинный. Чую запах свежего хлеба и какого-то пряного варева. В животе бурчит. Над дверью слева вывеска:

ГОСТИНИЦА ЗАБЫТЫХ ЗВЕЗДАМИ

Судя по гомону внутри, там, надо думать, кафе или ресторан, или как это у них здесь называется. Открываю дверь и будто оказываюсь в одной из тех сказочек, что читала мне сестра. То есть за столами, на лавках и табуретках, сидят и несколько человекообразных, но куда как больше здесь всяческих эльфов, гномов, народу со звериными мордами... В общем, нетрудно догадаться, что нормальный человек вроде меня здесь в диковинку.

Мое появление – это прямо сцена из вестерна, – знаете, когда незнакомец входит в салун и все замолкают, каждый глядит на тебя, оценивает и примеривается. Ну тут уж я не теряюсь: перевожу взгляд с одного лица на другое, пока все не утыкаются в тарелки, вспомнив о своих делах, и я могу пройти к стойке бара. Голоса у меня за спиной гудят, и я знаю, что говорят обо мне, но, пока на меня нацелены только косые взгляды, мне до них дела нет. Я терпеть не могу быть в центре внимания – не то что моя бедная Роза, – но держаться как ни в чем не бывало научилась.

Добравшись до стойки, опускаю рюкзачок на пол и кладу пистолет так, чтобы схватить в любую секунду. Тип за стойкой напоминает наших байкеров с Дивижн-стрит в Тисоне – я ее, помнится, окрестила «улицей Неудачников», – только этот не напускает на себя крутого вида, как те, – просто улыбается и подходит поближе.

– Вернулись! – говорит.

– Это вряд ли. Вы, видно, спутали меня с сестрой.

Он с минуту изучает меня и кивает:

– Простите. Уж очень вы похожи.

– Да, говорят.

– Уильям Кемпер. – Он протягивает мне руку.

– Рэйлин, – отвечаю я и пожимаю ее.

– Так чем могу служить?

– Ну, я голодна и пить хочу, и комната на ночь не помешала бы.

– Все есть.

– Как положено в гостинице, – говорю я.

– Такая уж наша работа.

– Одна беда: у меня нет с собой ничего такого, что могло бы сойти за деньги.

Он улыбается:

– А что есть?

Я обдумывала этот вопрос с тех пор, как разглядела с опушки леса гостиницу на горе, и решила для начала предложить сигареты Роза. Если не пройдет, возьмусь мыть им посуду или еще что-нибудь делать. Из представляющих какую-то ценность вещей у меня, кроме курева, только пистолет, а он мне самой нужен.

Так что я встаю с табуретки, вытаскиваю пачку сигарет и кладу перед ним на стойку. И зарабатываю очень странный взгляд.

– У нас здесь табаком не расплачиваются, – говорит он.

– Ну, я, в общем, и не думала, что они дорого стоят, но попробовать-то надо было.

Он качает головой и подталкивает пачку ко мне.

– Не в том дело. Табак священен. Через него можно говорить со старыми духами.

Я задумчиво разглядываю хозяина и снова подталкиваю сигареты на его сторону стойки.

– Ну, тогда берите в подарок, – говорю я. – Считайте, дарю вам карточку на несколько минут бесплатных переговоров с духами.

– В подарок... – повторяет он, и голос у него такой тихий, будто между нами что-то важное происходит.

– Ну конечно, – говорю я, – а почему бы и нет? Сама я не курю. – Порывшись в кармане, вытаскиваю несколько монет и бумажек. – Это здесь не сойдет за валюту?

Он даже не смотрит на деньги, берет пачку сигарет и прячет в карман.

– Заказывайте что угодно, – говорит, – обед, напитки, комнату – все за счет заведения.

– Разыгрываете, да?

Он качает головой:

– Я в большом долгу перед вами за подаренный табак.

– Ничего подобного, – говорю я ему. – Я его просто так отдала, безо всяких условий. Я расплачусь, если только у меня найдется что-нибудь ценное для вас. А если нет, отработаю.

Но он все качает головой:

– Я в долгу именно потому, что дар принесен по доброй воле.

Я таращусь на него, все ищу, в чем тут шутка. Но он вроде бы совершенно серьезен.

– Ладно, – говорю я, – премного вам обязана. Мне бы попить и что-нибудь съесть, а потом в постель.

– Пива? – спрашивает он.

– А чего-нибудь безалкогольного нет?

– Чай, кофе, вода, содовая...

– Кофе было бы здорово.

– Сейчас будет, – обещает он.

Я так и застреваю в этой гостинице. В первый вечер выпиваю кофе, съедаю хлеб и жаркое, поданные Уильямом, ухожу в комнату, которую он мне показал, и отключаюсь, как лампочка. Не успела лечь – и меня нет. Ни снов, ничего. Я просто отсутствую, а потом настает утро, и я просыпаюсь.

Спустившись вниз, застаю только горсточку... о черт, даже не знаешь, как и назвать эту мешанину людей и неизвестно кого. Существ, скажем так. У окна устроилась парочка: скользкие на вид, темнокожие и мокрые, облеплены водорослями; вода капает с них и натекает лужицами на полу. За столом ближе к середине сидит тип, который вполне сошел бы за банкира или брокера, не будь на нем сандалий и одежды из кожи, перехваченной ремнем, с прицепленным спереди не то мешочком, не то кошельком. По соседству с ним – женщина с козьей головой и пара хихикающих не знаю кого: ростом – ярд без кепки и сидят прямо на столе – такие малявки, что со скамейки им не дотянуться. Вроде маленьких девчонок с крылышками, только глаза очень уж старые. На меня взглянули мельком и больше внимания не обращают.

В общем, подхожу я к стойке, и Уильям подает мне кофе и настоящий завтрак – сосиски, яичница, картошка, кукуруза, какое-то пюре и тосты, щедро намазанные маслом. За едой я соображаю, чем могу пригодиться: посуду помыть или подмести, или еще что, но Уильям и слышать об этом не хочет. Я пытаюсь ему объяснить, что не люблю ничего даром брать, потому что при этом чувствуешь себя кому-то обязанной, но он только и говорит, что теперь уж вроде как поздно об этом думать.

Так что я провожу день, разгуливая по холму вокруг гостиницы, в голове полно мыслей, и ни одной толковой. Как тогда, в тюрьме. Надо переждать, пока все уляжется, а потом уж думать. Вечером мне подают ужин, после чего я сижу в уголке, прихлебываю чаек и разглядываю пестрое собрание. Что я заметила: не считая тех девчушек-хохотушек с крылышками, у всех вытянутые физиономии, и особого веселья что-то не заметно. Я спрашиваю Уильяма, с чего такая тоска, и он мне объясняет, что означает название его гостиницы. Сюда стекается народ, от которого отвернулась удача. Наверно, потому я здесь и чувствую себя как дома.

Я дожидаюсь, пока все разойдутся и останемся только мы с Уильямом. Ни о чем больше не спрашиваю, а просто начинаю протирать столы, а потом и пол. Он пытается меня отговорить, но я гляжу на него, будто я иммигрантка и ни слова из его языка не понимаю.

– Не слышу, что вы там говорите, – бормочу.

Он делает еще пару попыток и оставляет меня в покое.

Так и проходит время: не знаю уж сколько. Больше нескольких дней – это точно, но меньше чем пара недель. Никто меня особенно не замечает, и я ни с кем не разговариваю,

кроме Уильяма, да и с ним мы ничего важного не обсуждаем. Пару раз я примечаю, как из угла за мной наблюдает один из тех собакоголовых, но я никого не убиваю, и они ко мне не вяжутся, так что тут все в порядке.

А потом как-то вечером входит этакий красавчик из тех, которые всюду держатся как хозяева, будто всех купили. Волосы ото лба назад зачесаны, и синие глаза за такими длинными ресницами, каких я в жизни у мужчины не видела. Гладко выбрит, весь в черном. Заказывает он себе у стойки выпивку, обводит взглядом зал и вроде как ухмыляется про себя, увидев, как я сижу в своем углу и никого не трогаю.

Я отвожу взгляд, только поздно. Он уже идет ко мне.

Слышу, как Уильям сзади окликает его:

– Лиходей! – Вроде как предостеречь хочет, только этот Лиходей как не слышит и уже стоит передо мной, смотрит сверху вниз.

– Вернулась, стало быть, – говорит.

Я поднимаю взгляд:

– Вернулась не вернулась, не твоё дело.

Вид у него задиристый, да я и сама не прочь подраться, хотя причин вроде и нет. Просто он как вошел, мне сразу захотелось стереть эту ухмылочку у него с физиономии. Нам с ним не ужиться – сразу видно.

– Я же в прошлый раз говорил, – продолжает он, – между нами еще не все кончено.

Я уже понимаю, что и этот путает меня с сестрой, но не собираюсь его разубеждать. Мне тоже надо выпустить пар – думаю, он давненько во мне копится. Наверно, с тех пор, как мне не дали умереть и добраться до той манящей искорки, а Розы умерла и не вернулась, а также с того бессмысленного разговора с сестрой. Хотя я за все время так и не попыталась во всем этом разобраться.

– Можем и закончить, – говорю я.

Он со стуком опускает стакан на стол и тянется ко мне, но опаздывает. И Уильяму я тоже не даю времени даже выскочить из-за стойки. Ни один из них и глазом моргнуть не успевает, а я уже не ногах, и выкидушка у меня в руке щелкает и открывается. Я мгновенно огибаю стол, одной рукой сгребая его за волосы, а другой приставляю острое к горлу.

– Ну, давай, – говорю и чуточку нажимаю на клинок.

Он у меня острее бритвы. Урони на лезвие волосок – распадется надвое.

– Ты хотел преподать мне урок, нет? – говорю я ему.

Странное дело: все время, пока это происходит, во мне вроде как две женщины. Одна – комок ярости, готова распороть гаду глотку, и ничего в ней не дрогнет, когда он трупом свалится к ее ногам. А другая смотрит на нее будто со стороны. И думает, что вот такие дела и превратили ее в «белую шваль». В такую тварь, которая радуется смерти, потому что в ее дерьмовой жизни радоваться нечему. И не придется уже расплачиваться за все зло и обиды, которые натворила, а можно сбежать в такую теплую и гостеприимную искорку, гип-гип-ура.

Я отшвыриваю этого типа в сторону, и он, налетев на стол, валится на пол. А я стою и смотрю на него. Мне уже не хочется убивать, но он-то об этом не знает. Так что он проворно отползает на несколько шагов, вскакивает на ноги и вылетает за дверь.

Глядя ему вслед, я качаю головой. Совсем как Дэл. Стоит дать таким отпор, они сразу сникают. С ними просто – а вот как быть с тем, что с тобой творится, когда платишь им той же монетой, что у них в ходу?

Я убираю выкидушку в карман, и тут подходит Уильям.

– Простите, – говорю я ему, – не надо мне было этого делать.

– Может, и не надо, – говорит Уильям, – но он уж давненько напрашивался.

– Все равно нехорошо вышло.

Он кивает. А что ему сказать?

Мне и самой больше сказать нечего. Я бормочу что-то насчет подышать воздухом и тоже иду к двери. Слышу, как за спиной опять возникают голоса, и соображаю, что не

уловила момента, когда они смолкли.

Лиходей меня не дождался. Снаружи никого и ничего, кроме ночи. Выхожу со двора на склон холма и присаживаюсь на камень лицом к сумеречному лесу, уходящему в бесконечную даль. И начинаю думать о нас с сестрой, как это мы получились такие разные. Я ведь тоже могла бы перемениться. Если постараться, можно было бы сделать лимонад из кислого лимона, который достался мне от мира. Нудное занятие, но, пожалуй, что-то есть в том, чтобы проснуться поутру и не краснеть, вспомнив, кто ты есть и чем занимаешься.

А для начала можно бы выполнить, что обещала Лиззи, той девчонке, которая ждет меня в трейлер-ном парке по соседству с Дэлом. Не знаю, понравится ли ей то, что я могу предложить. Она-то думает, я подкачу на роскошном розовом «кадиллаке» и увезу в жизнь, где все легко дается. А выйдет совсем по-другому. Я наверняка сумею честно заработать себе на жизнь – черт побери, сколько лет подрабатывала программированием, – даром, что ли, меня Гектор учил.

Вполне справлюсь, если буду весь день проводить за компьютером. И Лиззи могу тому же научить.

Конечно, неизвестно, захочет ли она жить своим трудом, но ведь пока не спросишь, не узнаешь. По крайней мере, это будет честное начало – я сдержу слово, а не оставлю ее ждать меня, как я ждала сестру, которая так за мной и не вернулась, – или, может, я ее не дождалась.

У меня только и была Розы, благослови ее бог, а Розы была не сильна по части честной жизни.

Ох, Розы...

Вот теперь я плачу, выплакиваю все, что копила в себе целую вечность. Плачу по Розы, по себе и по всему, что мы с ней натворили.

Я долго-долго сижу там, пока не высыхают слезы.

Я возвращаюсь к закрытию, чтобы помочь Уильяму прибраться. Мы не разговариваем, пока не заканчиваем работу и не усаживаемся за стол выпить чаю. И я ни того ни с сего выкладываю ему историю всей своей жизни, уже второй раз за пару недель – сначала сестре, а теперь вот ему.

– Всем случается ошибаться, – говорит он, когда я замолкаю.

– Ага, только не все повторяют ошибки из раза в раз, как я.

Он кивает:

– Верно, не повторяют, если понимают, что ошиблись. Ты не суди себя слишком строго. Не так уж много у тебя было времени задуматься.

– Я не вправе ни от кого ждать сочувствия, – говорю я ему.

– Для начала можно самой себе малость посочувствовать.

– Не поможет, – говорю я.

Хотя откуда мне знать? Я всегда была слишком занята, чтобы оглянуться на себя, – кроме того периода депрессии, в которой пребывала, пока не нанялась в копировалку.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – отвечает Уильям.

– Пожалуй. Только если я себя простить не могу – другие уж наверняка не простят.

– А ты об этом не думай, – говорит он. – Просто будь такой, какой хочешь быть. Начинай понемножку. Дай себе время накопить правильные поступки.

– Начинай с малого...

Он кивает.

Мы еще немножко сидим, я допиваю чай. Пора идти.

– Я вот думала, не знаешь ли ты, как мне попасть домой? – спрашиваю я. – То есть обратно в мир по ту сторону этого.

Он объясняет, как пользоваться аркой, – надо сосредоточиться на том, куда хочешь попасть, и тогда, пройдя сквозь нее, там и окажешься.

– И обратно так же, – добавляет он.

– Я обратно не вернусь.
– Заранее никогда не известно.
– Мне известно, – говорю я ему. – Встретился мне в лесу один старый дух и сказал, что если уж я покину страну снов, так обратного хода не будет.
Некоторое время он молчит.
– Я рад, что ты у меня погостила, – говорит он в конце концов. – Неплохое начало – быть такой, какой ты была здесь.
– Хотя я и пыталась перерезать горло посетителю, – уточняю я.
– Хотя и пыталась, – соглашается он.
Я встаю и протягиваю ему руку, но он руку не принимает, а вместо этого обнимает меня. Странное дело: я всегда старалась никого к себе не подпускать, а на него вовсе не злюсь и даже обнимаю его в ответ. Оказывается, это даже внушает спокойствие, как будто держишь в руках что-то существенное и утешительное.
– Давай принесу твои вещи, – предлагает он.
Я качаю головой:
– Мне ничего не нужно, особенно пистолет. – Вынимаю из кармана нож и пытаюсь вручить ему. – Он мне тоже не понадобится.
Но Уильям не берет.
– Если ты начинаешь новую жизнь, – говорит он, – это еще не значит, что никто в ней не захочет воспользоваться твоей слабостью. Оружие может тебе понадобиться. Запомни, вовсе не стыдно драться, если правда на твоей стороне.
– И какая же это правда? – спрашиваю.
– Что люди имеют право быть такими, какими хотят быть. Всегда найдется кто-нибудь, кто попытается лишить их этого права, – что в этом мире, что в другом. Нельзя им этого позволять.
– Значит, ты одобряешь насилие?
Он качает головой:
– Нет, но мы вправе защищать себя от насилия.
Он меня совсем запутал.
– Тогда чем же мы лучше их? – спрашиваю я.
– Подставить другую щеку – значит отдать им победу.
– Да? А я думала, хороший человек должен уметь прощать.
– Чтобы прощать, надо остаться в живых, – говорит он мне.
Я забираю эту мысль с собой, в мир по другую сторону этого мира.

Джилли

Ньюфорд, август

Я думала, стоит параличу пройти и я сразу вернусь к нормальной жизни, а вышло не так. Чувствительность и в руке и в ноге восстановилась, но в них по-прежнему полно колючих мурашек, а настоящей силы и точности движений нет.

Лучше всего было, когда с плеча сняли гипс. От полной беспомощности – мгновенный переход ко всему, что мы считаем само собой разумеющимся: к способности самой поесть, самой причесаться да просто поднять что-нибудь. Иногда я беру карандаш и катаю его между большим и указательным пальцами – просто удовольствия ради. Но рисовать пока не пробую.

Зато я уже разъезжаю в кресле-каталке. Попросила убрать подножку с левой стороны, так что здоровой рукой могу крутить колесо, а ногой немного править и отталкиваться. Двигаюсь не быстрее улитки и ужасно быстро устаю, но даже не стану пытаться объяснить, что значит для меня возможность передвигаться, пусть и ограниченная.

Правая нога не торопится набирать силу, как надеялся мой врач, но я каждый день над

ней работаю.

Приступы головной боли еще не прошли, но стали реже, и куски памяти перестали проваливаться в черные дыры, хотя, боюсь, те, что провалились, уже не вернешь. И странная дисгармония между логикой и интуицией сохранилась. Не могу решить самую простую арифметическую задачу.

Синяков и ссадин, конечно, давно нет, и волосы справа отросли почти на дюйм. Но мне все равно, как я выгляжу. Так и не позволила им подстричь остальные до той же длины. Мне почему-то кажется, что, срезав волосы, я отдам что-то важное. Я имею в виду не сами волосы, а что-то в себе.

Не могу объяснить, что именно боюсь потерять и откуда это чувство. Просто оно есть, и все тут.

Венди, благослови ее бог, говорит, получилось очень здорово.

Мы теперь живем у профессора – я и Софи. Я пыталась ее отговорить, но она только взглянула на меня и говорит:

– Куда ты денешься?

Хорошо, она хоть работать продолжает. Перебралась в старую студию в бывшей оранжерее – когда-то мы с Изабель пользовались ею и прозвали студией-теплицей Старого Ворчуна в честь ворчливого домоправителя, Олафа Гунасекара. Мы с Софи и теперь ее так называем, когда Гун не слышит. Он и без того вечно всем недоволен, так что не стоит давать ему лишний повод для брюзжания.

Хорошо, что Софи поселилась со мной, а то я оказалась бы один на один с Гуном. Не то чтобы он меня обижал, да и гостей у нас хватает, но его постоянная мрачность меня бы с ума свела. Профессор уходит с головой в работу, так что, бывает, мы его целыми днями не видим, и, если бы не Софи, мне почти все время пришлось бы проводить наедине с Гуном.

Я как-то спросила у профессора, как он умудряется столько лет терпеть дурной характер своего управляющего, но он, по-моему, не понял, о чем я говорю. То ли в самом деле не замечает, то ли давно привык.

От тюдоровского особняка профессора в старом квартале Нижнего Кроуси до реабилитационного центра не слишком далеко, так что в рабочие дни по утрам Софи отвозит меня туда в кресле-каталке. Вечера я провожу с друзьями, а Софи часто уходит погулять, особенно если в гости заглядывает Дэниель. А с обеда до вечера я смотрю, как Софи работает.

Поначалу она очень не хотела брать меня с собой в студию. Думала, мне больно будет смотреть, как она рисует, раз сама я не могу. Но мне приятно даже просто находиться там, слушать, как скребет по холсту угольный карандаш, вдыхать запах краски и скипидара, когда она начинает работать в цвете. И хотя это трудно объяснить, там на меня нападает настоящее вдохновение.

Понимаете, когда я там сижу, то мысленно рисую. И не просто воображаю картины – нет, именно работаю: начинаю с набросков и разметки, потом устанавливаю мольберт и раскладываю кисти, все как полагается. Иногда работаю карандашом или пером. Плоды моих трудов другим не видны, но не в том суть. Главное – процесс. Он представляется мне настолько реально, что я в любую минуту могу воспроизвести в памяти каждую свою картину или рисунок.

Софи считает меня чуточку сумасшедшей, но ведь для Софи я всегда была сумасбродкой. Впрочем, она молчит. Думаю, считает, что если я сумела найти в своей жизни луч, так не стоит его гасить, даже если со стороны это – чистая фантазия.

Второе светлое пятно в моей жизни – Дэниель, хотя его работа не дает нам видаться так часто, как обоим хотелось бы. Наше первое свидание настолько не удалось, что я думала, он больше никогда не захочет со мной встречаться. Я была так расстроена из-за Рэйлин и из-за того, что потеряла страну снов, что хотела отменить свидание, но Венди с Софи мне не

позволили. И мы с ним смотрели кино в холле реабилитационного центра – «Гриль-бар „Порох“», – раньше оно мне очень понравилось бы, а тут я под конец начала всхлипывать.

– Надо было выбрать что-нибудь другое, – сказал Дэниель, когда я наконец успокоилась. – Я теперь вспомнил, ты же просила что-нибудь легкое и глупое.

Я только головой помотала:

– Нет, отличный фильм. Такой красивый...

– Душераздирающе красивый?

– И это тоже.

– Понимаю.

Помнится, я тогда подумала: «Нет, не понимаешь, как тебе понять?» Но может, он и понял. Может быть, каждый, кто оправляется от тяжелой болезни или увечья, уходит в себя и находит там страну, такую же настоящую для них, как страна снов для меня. Может быть, им живется там не легче, чем мне. И тем не менее они, возможно, страдают, лишившись той жизни.

Хотя в компании со мной в тот вечер было не слишком весело, ему, видно, все-таки понравилось, потому что, уложив в палате на кровать, поцеловал очень душевно и приходит снова и снова.

Хотя я так и не знаю, что он во мне нашел, и спрашивать не хочу.

Я вовсе на считаю себя такой храброй и стойкой, как уверяли меня девочки-вороны майской ночью, когда я видела их (во сне?) в своей палате. Кроме всего прочего, за время болезни я убедилась, что могу быть злой, впадать в депрессию и до слез жалеть себя.

В последнее время я стала чувствительной, как никогда прежде. Каждый пустяк представляется делом огромной важности: от вкуса утреннего кофе до взгляда, которым мельком наградил меня Гун, – все становится поводом для серьезных переживаний.

С ума можно сойти.

Кстати о «сойти с ума» – я все чаще задумываюсь, не приснилось ли мне все случившееся в стране снов. Если бы Софи, по старой привычке, отказывалась признавать всякое волшебство, пожалуй, и я бы поверила, что никогда не бывала в другом мире. Но она переменялась. Каждое утро я заставляю ее рассказывать, что нового в Мабоне, и если сама выражаю сомнения в том, что бывала там, она быстро наставляет меня на путь истинный. Теперь ее не подразнишь разговорами о ее волшебной крови – она только улыбается как ни в чем не бывало.

И еще есть Джо. Вот он-то, на мой взгляд, самая настоящая волшебная страна. Все равно, по какую сторону границы с ним встречаешься, – взгляд мудрого шута не позволяет забыть. И даже Венди побывала наконец в том мире, так что страна снов занимает немало места в моей жизни, хоть я и не смогу больше туда уходить. По крайней мере, долго-долго не смогу.

Я цепляюсь за обещание девочек-ворон. Достāju иногда те перышки и думаю, не позвать ли их по именам. Но я понимаю, что еще не готова. В стране снов недалеко уедешь в инвалидной коляске.

Но я то и дело вспоминаю лес-собор и Мабон. Пожалуй, лучшее доказательство, что мне от них никуда не деться, даже если бы и хотела, – тот вечер, когда меня навестил Тоби.

Мы с Софи были в студии, болтали, пока она промывала кисти. Послышался легкий стук в стеклянную дверь – и он тут как тут. В Мире Как Он Есть ему не понравилось – «очень все страшное», – но все равно время от времени он заходит меня навестить. В первый раз он принес мне блокнот с набросками: отыскал в Большом лесу. Я перелистала страницы – и теперь я *знаю*, что там побывала. Я *знаю*, что те наброски сделаны с натуры, а не просто так.

И не только я их узнала.

– Вот Бо, – сказала Венди, первый раз просматривая альбом. Открыт был портрет

Нанабозхо, который я написала в Большом лесу. – Он был с Джеком Вертопрахом на той вершине. Я тебе рассказывала.

Я думаю, как здорово, что и она наконец вкусила волшебства, с которым давно знакома Софи и недавно была знакома я. Ей даже не пришлось засыпать – она попала туда в собственном теле. Софи мне рассказала, что тревожило Венди накануне того дня, когда меня похитили, и мы все это уладили. Договорились, что кто бы из нас первым ни научился переходить из мира в мир, сразу научит остальных. И мы всегда и всюду останемся крошечным кланом из трех маленьких свирепых женщин.

Венди могла бы даже первой туда попасть. Она тормозила Джо, но он хочет дождаться, пока мне станет лучше, чтобы учить сразу трех. Я уговаривала его позаниматься пока с ними двумя – с какой стати им меня ждать? – но он непоколебим. Подозреваю, что он старается оттянуть наше появление в мире духов, представляя, что мы втроем можем там натворить. Он ведь знает: как только я встану на ноги, нас уже не удержишь.

Как-то вечером, в конце лета, я пробую обсудить это с Дэниелем. Софи, Венди и Мона играют с профессором в карты. В одну из его безумных игр, которые он сам изобретает, меняя в них правила через каждые несколько партий. А мы с Дэниелем вдвоем гуляем в саду. Он катит меня в кресле по щебневой дорожке – тряское путешествие, но стоит потерпеть, потому что в конце его нас ждет чудесная рощица. Воздух полон запаха цветов и скошенной травы – Гун весь день косил газоны, ворча себе под нос. Небо ясное, и звезды кажутся гораздо ярче, чем должны бы посреди большого города. Но сегодня даже городской шум будто затих.

Дэниель пристраивает коляску так, чтобы иметь возможность присесть на железную скамеечку, держа мои руки в своих.

– Я тебе говорила уже, что волшебная страна на самом деле есть? – начинаю я.

– Я знаю, что ты в нее веришь.

– Нет, дело не в том, верю я или не верю. Я хочу сказать – я там бывала. И когда-нибудь, когда достаточно поправлюсь, я могла бы взять и тебя с собой.

Он меня удивляет – и глазом не моргнул.

– Если мне можно будет посмотреть на этот твой Большой лес, – говорит, – я, уж конечно, не откажусь.

– Ты мне поверил – вот так, сразу?

– А зачем ты стала бы мне врать? – спрашивает он.

Не знаю уж, где он прятался всю мою жизнь, но как же я рада, что он наконец нашелся!

Я притягиваю его к себе здоровой рукой, чтобы было удобнее поцеловать. Первый раз в жизни мне хочется быть поближе к мужчине и ничто во мне не скукоживается.

Сентябрь

По календарю – лето кончилось, и я уже ковыляю по комнате на ходунках. Будь правая рука немножко посильнее, обошла бы и парой костылей или тросточек, но пока на нее вес не перенесешь, так же как на правую ногу.

В последнюю пятницу месяца я занимаюсь гимнастикой в реабилитации, а Софи бегают по делам и заодно заскакивает на Йор-стрит взять мою почту. Я так и не понимаю, почему не избавилась от чердачка. Не вижу смысла на него тратить, но профессор упрямо оплачивает счета, а спорить с ним – что пытаться лбом стену прошибить. Если уж он решил, так возражений просто не слышит.

Но мне еще сто лет не подняться по той лестнице – если вообще когда-нибудь буду в состоянии. Кажется, самый оптимистичный прогноз обещает, что я смогу двигать правыми рукой и ногой, но сила к ним не вернется. Останусь хромой, и скорее всего никогда уже мне не танцевать, не бегать и не ходить на долгие прогулки.

Я, разумеется, отказываюсь с этим смириться, но в плохие дни мысль о таком будущем меня основательно гнетет. Этот день оказывается из плохих, и мое состояние тут ни при чем.

– Тебе письмо от Джорди, – говорит Софи, протягивая мне конверт.

Джорди пишет регулярно, но вот уже три недели я ничего от него не получала, а последнее письмо было непривычно мрачным, хотя он так и не написал, в чем дело. Я пробовала до него дозвониться, но никто не отвечал, и автоответчик был отключен, так что я продиктовала Софи бодрый ответ в надежде встряхнуть и развеселить его. Обычно мне это неплохо удавалось.

Хорошо было бы написать самой, – я учусь выводить печатные буквы левой рукой, – но почерк до сих пор нечитаемый, а уж способности к рисованию точно скрываются в правой руке, потому что левой мне ни разу не удалось изобразить то, что хотелось.

– Вскрыть письмо? – спрашивает Софи.

– Конечно.

Она просовывает палец под клапан, разрывает конверт сверху и протягивает мне, так что я могу читать, пока она катит меня по тротуару. Я уверена, она не заглядывает мне через плечо – Софи никогда бы не стала, – но, видимо, меня выдают понурые плечи или еще что-нибудь. Софи останавливается и, зайдя спереди, присаживается на корточки, ухватившись за ручки кресла.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Джорди порвал с Таней.

– Ох, только не это!

Я киваю:

– Он пишет, что очень старался, но просто не способен вписаться в голливудскую жизнь. А Таня в ней просто купается. В конце месяца он возвращается в Ньюфорт.

– Что ты будешь делать?

Она хочет спросить, что я буду делать с Дэниелем. Но для меня здесь нет вопросов.

– Ничего, – говорю я. – Поддержу Джорди. Как Друг.

– Но ведь вы с Джорди... Я-то знаю, как у тебя с ним было. И что бы ты ни воображала, он тебя любит не просто как друг.

Я качаю головой:

– Он любит блестящих женщин. Ты посмотри на Таню. Кинозвезда! А Сэм помнишь?

Она повторяет довод, который успел мне надоест:

– Это только потому, что ты для него недоступна. Я снова качаю головой:

– Не думаю. И к тому же это уже не имеет значения. Так, как с Дэниелем, у меня никогда и ни с кем не было. Я не собираюсь жертвовать им, что бы ни чувствовала к Джорди.

– Но...

– И вообще, я люблю Дэниеля. Во всяком случае, мне так кажется.

– А он тебя? – спрашивает Софи.

– Думаю, что да.

Хотя он никогда этого не говорил. Софи вскакивает и обнимает меня.

– Очень рада за тебя, – говорит она, – за вас обоих!

Я киваю, тщательно следя за своим лицом, потому что мне хочется расплакаться. Не знаю даже из-за чего. Все, что я говорила Софи, – правда. Мне в самом деле дорог Дэниель, а Джорди для меня может быть только другом. Если что-нибудь могло измениться, то изменилось бы давным-давно. И я счастлива с Дэниелем.

И все-таки меня переполняет грусть: сжимает грудь и подступает к горлу.

– Бедный Джорди, – говорит Софи, снова толкая коляску по тротуару.

Я киваю. Он – наподобие меня – мальчик-луковка, и теперь к старым слоям разочарования и боли прибавится новый, так же мешающий ему жить, как мешает мне нарастающая жесткая кожа.

– Бедный Джорди, – соглашаюсь я.

И пожалуй, бедная я. Потому что ничего нельзя знать наверняка. Пока у нас с Дэниелем все замечательно, но ведь я так и осталась Девочкой-Луковкой. Пусть он даже готов поверить в волшебство и страну снов. Пусть он даже любит то, что видит во мне. Но под

верхним слоем скрываются другие, и как знать, что будет, когда он до них доберется? Обиженный ребенок. Наркоманка. Шлюха. Все, что сделали со мной и что я делала с другими, особенно со своей сестрой.

Хотя я догадываюсь, что в каждом из нас скрываются такие слои. Не бывает идеальных людей. Штука в том, чтобы принимать друг друга со всеми слабостями и, по возможности, делиться своей силой.

Не спотыкаться на мелочах, сказал бы Джо.

Я улыбаюсь. Пока что я спотыкаюсь на каждом шагу.

Но мне хочется одолеть большой путь. Шаг за шагом.

2

Нельзя сказать, что вернулось лето, потому что осень официально еще не наступила, но такого чудесного вечера город не видел несколько недель. Венди, как и множество других клерков, высыпавших на улицы по окончании рабочего дня, просто не могла себя заставить пойти домой. Она смешалась с толпой на Ли-стрит, и ее занесло во дворик «Рыжего льва», где она нашла свободный столик, заказала стакан вина и получила возможность вволю понаблюдать за прохожими.

Было время, когда ей неловко было бы сидеть одной за столиком, но годы, проведенные в компании закоренелых индивидуалистов вроде Джилли, излечили ее от заблуждения, будто женщина, выпивающая или обедающая в одиночестве, непременно вызывает жалость. Она охотно проводила время с друзьями, но и в том, чтобы гулять самой по себе, научилась находить удовольствие. Не надо поддерживать разговор и уделять внимание своим спутникам – можно просто смотреть, как мир шествует мимо тебя, и не опасаться, что ты этим нечаянно кого-нибудь заденешь.

В такие минуты Венди радовалась, что живет в городе. Она, как и Софи, выросла в Ньюфорде и хотя с удовольствием выезжала за город, но по-настоящему уютно ей было только среди городской суеты, среди высоких зданий и машин. Городской водоворот разгонял кровь в жилах, ускорял дыхание. Правда, пустынный каньон среди красных скал, в котором она провела несколько минут, тоже произвел на нее огромное впечатление.

Впервые, сколько она себя помнила, ее тянуло из города в дикую местность, и Венди не могла понять, сам ли каньон или вся страна снов пробудила в ней эту тягу. Быть может, и то и другое.

Она как раз задумалась об этом, когда заметила на улице потрясающую пару, направлявшуюся в ее сторону. Оба темнокожие, экзотичные даже в городе, где стала привычной причудливая смесь народов и рас, особенно в этом районе. Высокий красивый мужчина напоминал гондольера или мексиканского сеньора. На нем были черные ковбойские сапоги, джинсы и куртка, вместо галстука поверх белой рубашки был повязан кожаный шнурок, а черную широкополую шляпу украшала лента. Его спутница была почти такой же высокой и еще более яркой. Линялые синие джинсы заправлены в красные ковбойские сапожки; поверх белой рубашки – короткая безрукавка из оленьей кожи. Шляпы она не носила, не желая, как видно, прятать свои пышные иссиня-черные волосы с двумя белыми прядями на висках.

Глядя на эту пару, Венди ощутила, как в ней всплывают стихи. Софи или Джилли наверняка потянулись бы сейчас за блокнотами для набросков или просто постарались бы запечатлеть в памяти их образ, чтобы потом перенести на холст в студии.

Они подошли ближе, и тут мужчина повел себя странно. Он вскинул голову и втянул ноздрями воздух. Его темные глаза встретили взгляд Венди, и он потянул свою спутницу к кованой решетке, отгораживавшей ее столик от улицы. Улыбнулся ей, блеснув белыми зубами на темном лице, и встал, облокотившись на решетку.

– Я тебя знаю, – заговорил он.

– А... э...

– Нет, – поправился он. В его голосе слышались гортанные рычащие нотки. – Тебя я не знаю, но знаю, где ты была.

Вот странно, подумалось Венди. Не будь с ним женщины, она бы встала и вошла в ресторан или подозвала бы официанта. А может, и нет. Мужчина ее гипнотизировал, она едва ли смогла бы сейчас двинуться с места.

– Где же... где я была? – кое-как выговорила она.

Он кивнул:

– Запах еще держится.

Спутница тронула мужчину за локоть.

– Перестань, Коди, – сказала она, – ты ее пугаешь.

– Правда? – обратился он к Венди.

– Нет, – чересчур поспешно возразила она. – Ну, может, немножко.

– Как тебя зовут? – спросила женщина. Венди с благодарностью повернулась к ней. От взгляда мужчины ей становилось не по себе. Но и глаза женщины были такими же темными – такими же древними и мечтательными.

– Я... Венди.

– Приятно познакомиться, Венди, – кивнула женщина. – Я Маргарет, а это Коди.

Венди быстро взглянула на мужчину.

– Коди? – повторила она. – Не тот Коди, которому принадлежит красный каньон в стране снов?

Коди рассмеялся:

– Каньон никому не принадлежит, милочка. Но у меня там было местечко. Его запах я и учуял.

Тем временем Маргарет с любопытством разглядывала Венди.

– В тебе нет нашей крови, – подытожила она свои наблюдения. – Как ты туда попала?

– С подругой, – объяснила Венди. – Нам надо было кое-что сообщить парням, которые устроили там лагерь: Бо и Джеку.

Она наспех объяснила, как увязалась за Касси в страну снов и как Джо отправил их с Касси на вершину.

– И теперь те места застряли в тебе, а? – спросил Коди. – Зацепили за сердце, и ты только о них и гредишь?

– Вроде того, – кивнула Венди.

– Ребята оттуда ушли, – сказал Коди, – освободили место. И мы с Маргарет нашли себе другой дом, где наши сердца бьются чуть чаще.

– Мне лучшего места не вообразить, – отозвалась Венди.

– Вижу, – подтвердил он. – Похоже, ты нашла дом своего сердца, хоть и не искала.

Венди снова кивнула.

Коди покосился на спутницу, и та ответила ему коротким кивком.

– Вот что я тебе скажу, дорогуша, – заговорил он. – Может, ты приглядишь для меня за той вершиной? Считаю, даю в долг и обратно не попрошу. Понятно, хозяина у таких мест не бывает, но всем нам случается называть землю своей, верно? И ты можешь взять у меня каньон и считать его своим. Я всегда готов поделиться. – Он подмигнул Маргарет. – Я вообще всегда готов, верно, дорогуша?

Маргарет ткнула его локтем в бок – чувствительно, решила Венди, – но Коди и глазом не моргнул.

– Что скажешь?

– Я... – замялась Венди. – Но ведь я...

Ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы прийти в себя. Неужели такое случилось с ней? Все же она заставила себя покачать головой.

– Не могу, – сказала она. – То есть было бы замечательно, только я совершенно не представляю, как туда попасть.

– Ключ я тебе отдам, – успокоил ее Коди, взглянув на свою спутницу.

Та порылась в кармане джинсов и вытащила красный камешек, гладко обточенный водой и ветром, а может быть, тканью кармана, в котором его таскали много лет.

– Держи, – сказала она Венди, вручив ей красную гальку.

Венди робко приняла подарок. Она понятия не имела, чего ждет, но ждала. Вспышки света. Мгновенного перехода в страну снов. Однако камешек спокойно лежал у нее на ладони, поблескивая на солнце.

– Подойдешь к любой двери, – разъяснил Коди, – возьмешь его в руку и вспомнишь тот каньон. Тогда за дверью он и окажется.

– За любой дверью?

Коди дернул плечом:

– За любой, в какую ты можешь пройти, милочка. Простейшая магия – ни науки, ни искусства не требует.

– Я... спасибо, – выдохнула Венди. – Правда, большое спасибо.

– На здоровье, дорогуша. Рад поделиться, хотя, по правде сказать, тот каньон и так уже был твоим, никуда не денешься.

«Вот именно, никуда не денешься», – подумалось Венди.

– Так ты уж о нем позаботься, – попросил Коди.

Венди кивнула:

– Непременно.

– Может, мы как-нибудь заглянем к тебе в гости, – улыбнулась Маргарет.

И оба с улыбкой тронулись дальше по улице. Венди смотрела им в спины, пока они не затерялись в толпе, потом перевела взгляд на красный камешек у себя на ладони.

Ей вдруг почудилось, что, пока они разговаривали, мир под ногами незаметно сместился. Она обвела взглядом дворик ресторана. Входная дверь?

Нет, решила она, слишком заметно. Народ переполошится, увидев, как она исчезла, перешагнув порог.

Венди встала и направилась к женскому туалету. Удостоверилась, что там никого нет, перевела дыхание и, крепко зажав в кулаке камешек из каньона, шагнула к двери кабинки. Распахнула дверь и остановилась на полушаге.

– Ух ты-ы!..

По сторонам и за спиной сиял кафельными стенками женский туалет «Рыжего льва». А впереди, за дверью, громоздились красные скалы, поднимались из соснового леса каменные шаманы, и над всем этим раскинулось невероятное, необозримое небо.

Растерянно хихикнув, Венди шагнула назад, и видение исчезло. Но она знала, что могла бы шагнуть в него. Она чувствовала на лице горячий ветер, несущий запахи красной пыли и смолы.

«Ох, вот расскажу Софи и Джилли!» – думала она, возвращаясь за столик. Красный камешек был надежно спрятан в самом глубоком кармане.

3

Октябрь

Джорди зашел ко мне сразу, как приехал. Закинул вещи к Кристи и, не задерживаясь, отправился в особняк профессора. Переехав с Таней в Лос-Анджелес, он остался без жилья, так что я ему сказала, что он может поселиться у меня в студии, пока она мне снова не понадобится. Ни он, ни я не высказали вслух мысли, что это может означать – навсегда.

Джорди держался отлично. Братья Риделлы всегда с трудом переносили присутствие больных. Кристи, например, всего пару раз заглянул ко мне в реабилитацию, хотя его Саския заходила не реже раза в неделю.

Наверняка и Джорди поначалу было неуютно при виде моего кресла-каталки. А может быть, я к нему несправедлива. Может, вид Сломанной Девочки тут ни при чем, а все дело в том, что я теперь с Дэниелем. Он очень старался показать, как рад за меня, но я взглянула на него глазами Софи и Венди и увидела то, что они так долго старались мне втолковать: ему плохо, и не из-за разрыва с Таней, а оттого, что он потерял меня.

Как подумаю, сколько лет мы могли быть не просто друзьями, так плакать хочется. Но я постаралась и виду не показать, что знаю, каково ему, что мы упустили свой шанс. Потому что все равно это Джорди, мой лучший друг. И я не хочу его терять.

– Ну, Джорди, дружище, – говорю я ему, – чем собираешься заняться?

Он пожимает плечами:

– Не знаю... Всем понемножку, как обычно. Пока погода держится, поиграю на улице, потом попробую найти зал, может, соберу новую группу.

– Мы скучали без твоей музыки, – говорю я, – и без тебя.

– И я скучал.

– Но тебе надо было попытаться. А вдруг получилось бы?

Он кивает:

– Только странновато видеть, как газеты выставляют твои неудачи всем напоказ. Я еще уехать не успел, а уже появилась статейка про Таниного нового парня – представляешь, даже с фотографиями!

– Ты же знаешь эти бульварные газетенки, – утешаю я. – Они любят из всего раздувать скандал.

– Засняли, как они обнимаются в ресторанчике.

– Гадость.

– Это ты мне говоришь?

Бывало, мы могли с ним часами сидеть молча. Случалось, болтали до хрипоты. А сегодня слов не найти, и молчание становится неловким. Беда.

– Странное дело, – говорит вдруг Джорди и поднимает на меня глаза. – С того дня, как ты попала в больницу, мне все кажется, что я виноват. Что, если бы я не уехал, ничего бы и не случилось. Знаю, – продолжает он, не дав мне возразить, – можешь не говорить. Знаю, что это глупо. И все равно чувствую себя виноватым.

Я долго смотрю на него. Дело в том, что я понимаю, к чему он ведет. Не говорю, будто это верно, будто это правда. Но мне это чувство хорошо знакомо.

И тут мне приходит в голову ужасная мысль.

– Вы с Таней не по этой ли причине...

– Нет, нет, – перебивает меня Джорди, – с Таней мы просто живем в разных мирах. Сколько можно было этого не замечать? Если б Таня не заглянула в мой мир из любопытства, не думаю, что мы вообще сошлись бы.

– Но вы ведь любили друг друга.

– Наверно, и сейчас любим. Но мы друг другу не подходим – вот в чем дело. Поверь, мы проговорили много долгих ночей напролет. Все обсудили.

– Очень жаль, – говорю я ему. И мне правда жаль. Я не притворяюсь.

– Да, и мне тоже, – бормочет он, потом откидывается на спинку дивана и вздыхает: – Я там чувствовал себя... не на месте. Думал, стоит вернуться домой и все будет в порядке. А вышло не так. Все изменилось. Ты и я...

– Но мы по-прежнему лучшие друзья.

Он долго молчит. Потом садится прямо и смотрит на меня: на губах улыбка, а глаза грустные.

– Друзья, да? – повторяет он.

– Да, сколько бы глупостей ты ни делал, – говорю я. – И может, когда ты глупишь, особенно, потому что тогда рядом с тобой я чувствую себя такой умницей.

– Не сиди ты сейчас в инвалидном кресле, я бы тебе врезал!

– Видишь, во всем есть свои преимущества.

Теперь улыбка подбирается и к глазам.

– Я правда по тебе соскучился, – говорит он.

Мне не сразу удастся совладать со своим лицом, чтобы не показать, как мне грустно.

– Я знаю, – отвечаю я.

4

Теперь Венди помешалась на фотографиях. Каждый раз, возвращаясь с Софи из мира снов, она притаскивает полные карманы отснятых кассет. В основном снимки того каньона из лагеря Коди на вершине. Потрясающие виды уходящего в бесконечность обрыва или скал, соперничающих с исполинскими деревьями леса-собора. Трепещущая темная зелень елей и сосен на фоне красных камней. И причудливые скалы-шаманы: сотни лиц, скрывающихся в выветренных складках утесов, шпили замков и крепостные башни.

Случается, она приносит и портреты. Псовые, пресловутая девица-пума, напыщенное семейство орлов. Духи можжевельника и горных сосен. Больше всего, конечно, псовых.

Мне особенно понравился снимок, где Джек Вертопрах прикуривает сигарету, скосив один глаз на камеру. Венди удалось схватить неуловимую смесь мудрости, дурачества и сексапильности.

– Что такое с этим парнем? – спрашивала она после первого знакомства с ним в горном лагере. – Либи́до у него не меньше тех каньонов.

Да и не ее одну захватили сказочные виды. Софи последнее время все чаще пишет пейзажи. Работает на пленэре с моим этюдником. Рисует на маленьких холстах, а потом по ним – на больших, уже в студии-теплице Старого Ворчуна.

– Пожалуй, наберется на выставку, – сказала она как-то утром, оторвавшись на пару минут от работы.

Мы сидели в студии, рассматривая полдюжины новых полотен, прислоненных к стене.

– А если станут расспрашивать, где ты видела такие каньоны? – спрашиваю я.

Она передернула плечами:

– Скажу, в Южной Юте.

Поначалу они обе не хотели меня оставлять. Пришлось долго уговаривать их не дожидаться моего выздоровления, а потом еще дольше убеждать, что я не в обиде.

Между прочем, так и есть.

Они просто не понимают, как много это значит для меня, когда есть к чему стремиться, помимо того, чтобы встать на ноги, – это, конечно, в первую очередь. Я ведь думала, мне уже никогда там не бывать. И действительно, сны не возвращаются. Но теперь я уверена, что надо только поправиться, а страна снов меня ждет.

Не стану отрицать, бывает, я им завидую. Но в последнее время я завидую даже людям, которые свободно расхаживают по улицам и не понимают, какие они счастливы.

Сегодня вечером я осталась в доме профессора полной хозяйкой. У Дэниеля ночная смена, у профессора вечерняя лекция, Гун выходной, а Венди и Софи отправились в клуб, где играет Джорди. Мне удалось убедить их всех, что я прекрасно проживу несколько часов самостоятельно. Хотя, по правде сказать, теперь мне скучновато.

Включила телевизор – нудятина. Листаю журналы – то же самое. Почитала немного «Совы не так уж мудры, летучие мыши не так уж слепы» – книжку из библиотеки профессора о распространенных предрассудках насчет животного мира. Вообще-то книжка мне нравится, только она в твердой обложке, а мне трудновато долго держать в руках такие тяжести. К тому же сегодня чтение меня не увлекает.

Я вздрагиваю, услышав звонок в дверь. Для разносчиков слишком поздно, должно быть гости. Я качу в переднюю, прикидывая, кто бы это мог быть. Анжела, наверное. Или Мона.

Не важно — главное, я счастлива, что с одиночеством покончено. Вот вам и вся моя самостоятельность.

Открываю дверь, а за ней... вот уж кого никак не ожидала увидеть! Накатывает мгновенная тревога, но я быстро и решительно загоняю ее подальше.

— Привет, Рэйлин, — говорю.

Она кивает, разглядывая мою коляску.

— И тебе привет. Вижу, ты все еще на колесах?

— Уже встаю.

— Рада слышать.

— Ты как сюда попала? — спрашиваю я. — Не думай, я страшно рада тебя видеть, только в последний раз мы...

Она машет рукой:

— Да, знаю. Но все меняется. Я начинаю с чистого листа и все такое.

— Правда?

Пожимает плечами:

— Попробую. Ну и решила тебя повидать перед дорогой.

— Куда собираешься?

Не могу поверить. Она бросила страну снов, пришла ко мне — и уже снова уходит?

— Опять на запад, — говорит она. — У меня там есть работа, а я ее малость запустила. Не рассказывала тебе, что я занимаюсь программным обеспечением?

— Говорила.

— Ну, решила взяться за это всерьез — для разнообразия. Попробую удержаться на прямой дорожке, представляешь? Может, даже жалеть не буду.

— Ты не зайдешь?

Она оглядывается через плечо на розовый «кадиллак», оставленный у подъезда. Верх у него поднят.

— Меня там ждут, — говорит.

— Я им тоже буду рада.

Она внимательно рассматривает меня.

— Ты в самом деле нечто, да? — говорит она. — Тоже нахлебалась дерьма в жизни, а все веселишься, рада гостям и все такое.

— Вам придется самим позаботиться о выпивке, — говорю я.

— Справлюсь. Точно не помешаем?

— Нисколько!

Она задумчиво кивает:

— Схожу приведу свою Лиззи. Мы ненадолго.

— Можете оставаться сколько хотите.

— Черт тебя возьми, — говорит она, — и ведь не прикидываешься, верно?

— Конечно, верно.

Она делает движение ко мне и, на мгновение мне кажется, хочет меня обнять, но только кладет руку мне на плечо, а потом отворачивается и уходит за своей подружкой.

Мы засиделись за разговором до ночи, так что им пришлось остаться ночевать, а поездку отложить до утра.

Интервью

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ДЖИЛЛИ КОППЕРКОРН,
ВЗЯТОГО ТОРРЕЙН ДАНБАР-БЕРНС
ДЛЯ «КРОУСИ АРТС РЕВЬЮ»

В СТУДИИ МИСС КОППЕРКОРН НА ЙОР-СТРИТ в среду, 17 апреля 1991 года.

— Как вам кажется, чем вы отличаетесь от других художников? Почему вам всюду

рады, почему о вас не злословят и не сплетничают?

– Ну, сплетничают, конечно! (Смеется.)

– *Но не злословят. Сколько раз слышала, о вас говорят как о проказливой младшей сестренке даже те художники, которые намного моложе вас.*

– Не знаю. Может быть, это потому, что я не стремлюсь ни руководить, ни служить кому-либо, а только идти своей дорогой.

– *Но ведь к тому же стремятся все люди искусства. Оставить свой след.*

– Разве? Мне кажется, люди занимаются искусством по тысяче различных причин. Я не мечтаю оставить после себя что-то вещественное. Мне скорее хочется наладить связь между людьми – и не только посредством искусства. И еще стараюсь, чтобы мои картины показывали возможность другого мира – не такого, в каком мы живем.

– *И для этого вы рисуете эльфов и сказочных персонажей?*

– В моих картинах волшебство – не главное. Главное – что мы не одиноки. Нас окружает духовная субстанция. Я правда верю, что если мы постараемся жить как можно лучше, обращаться со всеми по-доброму и с уважением, то и мир станет лучше. Сказочные существа представляют этот усовершенствованный мир. Сказки – это красота, которой мы не видим, не хотим замечать. Потому я и рисую эльфов, обитающих на свалке или порхающих над спящим пьянчужкой. Душа есть во всем и во всех. Приглядитесь хорошенько, и вы всюду найдете сказку. Каждый нужен и важен.

– *«Смерть равняет высоких и низких...»*

– Кто это сказал?

– *Кажется, Джон Хейвуд.*

– Жаль, что нам приходится дожидаться смерти, чтобы восстановить равновесие.

– *Что верно, то верно. Но возвращаясь к эльфам и прочим волшебным созданиям с ваших картин...*

– Просто это мой способ рассказывать сказку.

– *Значит, эльфов не бывает?*

– Я никогда этого не говорила. (Улыбается.)